

А

ЛЕКСЕЙ ФОН ЛАМПЕ - ВОЕННЫЙ АГЕНТ БАРОНА ВРАНГЕЛЯ В ВЕНГРИИ

ПЕРВАЯ ПУБЛИКАЦИЯ
ИИРО
ТОМ
28

СБОРНИК ДОКУМЕНТОВ

Ассоциация исследователей
русского общества
(АИРО-XXI)

СЕРИЯ «АИРО – ПЕРВАЯ ПУБЛИКАЦИЯ»

Международный совет научных проектов и издательских программ АИРО

- Геннадий БОРДЮГОВ Руководитель
 Андрей МАКАРОВ Генеральный директор
 Сергей ЩЕРБИНА Арт-директор
- Карл АЙМЕРМАХЕР Рурский университет в Бохуме
 Дмитрий АНДРЕЕВ МГУ им. М. В. Ломоносова
 Дитрих БАЙРАУ Тюбингенский университет
 Дьердь БЕБЕШИ Печский университет
- Владимир БЕРЕЛОВИЧ Высшая школа по социальным наукам, Париж
 Бернд БОНВЕЧ Рурский университет в Бохуме
 Ричард БУРГЕР INTAS, Брюссель
 Харуки ВАДА Фонд японских историков
- Людмила ГАТАГОВА Институт российской истории РАН
 Пол ГОБЛ Фонд Потомак
 Габриэла ГОРЦКА Центр «Восток–Запад» Кассельского университета
- Андреа ГРАЦИОЗИ Университет Неаполя
 Никита ДЕДКОВ Московская школа экономики МГУ
 Ричард ДЭВИС Бирмингемский университет
 Стивен КОЭН Принстонский, Нью-йоркский университеты
 Алан КАСАЕВ РИА «Новости»
 Джон МОРИСОН Лидский университет
- Василий МОЛОДЯКОВ Университет Такусесу, Токио
 Игорь НАРСКИЙ Южно-Уральский государственный университет
 Норман НЕЙМАРК Стэнфордский университет
 Дональд РЕЙЛИ Университет Северной Каролины, Чапел Хилл
 Борис СОКОЛОВ Русский Пен-центр
 Такеси ТОМИТА Сейкей университет, Токио
- Татьяна ФИЛИППОВА Российский исторический журнал «Родина»
 Ютта ШЕРРЕР Высшая школа по социальным наукам, Париж

Алексей фон Лампе -
военный агент барона Врангеля
в Венгрии

Сборник документов

Вступительная статья, составление
и комментарии — Аттила Колонтари

Москва
АИРО-XXI
2012

СЕРИЯ «АИРО – ПЕРВАЯ ПУБЛИКАЦИЯ»
ОСНОВАНА В 1994 ГОДУ

Издано при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям
в рамках Федеральной программы
«Культура России»

Дизайн и верстка: Сергей Щербина

Алексей фон Лампе – военный агент барона Врангеля в Венгрии. Сборник документов / Вступительная статья, составление и комментарии – Аттила Колонтари – М.: АИРО-XXI, 2012. – 536 с. – (Серия «АИРО – первая публикация» / под ред. Г.А. Бордюгова). – ISBN 978-5-91022-206-3.

В публикуемых впервые архивных документах видного деятеля белой военной эмиграции, генерал-майора А.А. фон Лампе (1885–1967) содержатся его дневниковые записи, служебные и частные письма, рапорты, записки о переговорах с венгерскими политическими деятелями и о внутренней жизни русской колонии в Венгрии. Эти ценные материалы являются важным источником для изучения истории Русского Зарубежья и, в частности, Русского Общевоинского Союза, который фон Лампе возглавлял до 1967 года.

АЛЕКСЕЙ ФОН ЛАМПЕ: военный агент барона Врангеля в Венгрии

Алексей Александрович фон Лампе¹ уже давно обратил на себя внимание исследователей, как «летописец» истории русской военной эмиграции. Он оставил огромную документальную базу — вел дневники (в нем мы находим записи не только служебного, но и частного, семейного характера), к дневниковым записям со свойственной ему аккуратностью прилагал частные и официальные письма, рапорты, приказы, статьи, вырезки из прессы того времени. Весь этот комплекс был передан на хранение в Русский Заграничный Исторический Архив. После второй мировой войны в 1946 году фонды РЗИА были переданы чехословацким правительством СССР и перевезены в Москву. После этого в течение долгих десятилетий документы хранились в закрытом режиме, допуск к ним был крайне ограничен². Со времени перестройки параллельно с возросшим интересом к истории Зарубежной России фонды постепенно открывались для исследователей. Среди открытых фондов видное место занимает фонд генерал-майора Алексея Александровича фон Лампе (ГА РФ. Ф. 5853). К этому фонду историки обращаются не только в связи с историей белой эмиграции в целом, но и при изучении таких вопросов, как борьба между разными течениями монархической эмиграции, история Русского Обще-Воинского Союза, репрессии в Красной Армии или коллаборационизм части русской эмиграции с гитлеровской Германией³.

Настоящий сборник предлагает читателям познакомиться с одним, до сих пор малоизученным, аспектом деятельности А. фон Лампе. С 1921 по 1924 г. фон Лампе был представителем барона П.Н. Врангеля⁴ в Венгрии. Его назначение было связано с планом штаба Русской Армии вовлечь Венгрию в круг тех

стран (наряду с Королевством Сербов, Хорватов и Словенцев – КСХС и Болгарией), которые обеспечивали приют эвакуированным из Крыма частям армии. Но пока в штабе Русской Армии Венгрии отводилась вспомогательную роль, там внимательно следили за тем, чтобы развитие отношений с Будапештом не отразилось отрицательно на установленные связи со славянскими странами. А. фон Лампе подходил к этому вопросу по-другому, он был единственным представителем про-венгерской ориентации в окружении Врангеля. Пока в рядах военной эмиграции одни в своих расчетах делали ставку на великие державы (Францию, Великобританию или на побежденную Германию), другие, на основе славянской солидарности в размещении армии, рассчитывали на помощь новорожденных государств – Чехословакию, КСХС или же Болгарию (как бы взамен за роль России в ее освобождении от турецкого ига). Алексей фон Лампе – особенно на раннем этапе его деятельности – в белой Венгрии видел если не единственного, то, во всяком случае, одного из главных возможных партнеров Русской Армии в стратегическом масштабе. Белый порядок в стране, победоносная контрреволюция доминировали в его мышлении над остальными соображениями. В его глазах венгерское белое движение олицетворяло те идеалы, за которые боролись потерпевшие поражение в гражданской войне русские белые. Освободившаяся от большевизма Венгрия показалась Алексею фон Лампе островом порядка и спокойствия во взбаламученном европейском море. Во время политических кризисов в стране не без волнения констатировал возможность сдвига влево. Про его отношение к белой Венгрии много говорит его дневниковая запись о возможности службы в венгерской армии⁵.

На основе дневника невозможно точно установить, когда и каким образом появились у него эти про-венгерские настроения. Осенью 1920 г., судя по дневниковым записям, фон Лампе довольно много занимался перспективами своей карьеры. Он желал более интересной и плодотворной работы, чем мирное сидение Копенгагене, где он был представителем Главнокомандующего Русской Армией, но не ссылался на то, что Венгрия к этому времени уже возбудила его интерес. В письме к А.С. Лукомскому в Константинополь он просил о своем переводе в Сербию или Болгарию, если в этих странах будет вакансия. Через несколько

недель ему в Сербию уже не хотелось – для него показалось страшным очутиться в среде злобствующей и говорящей без конца массы русских беженцев. Среди возможных выходов из своего положения он видел частную жизнь в Берлине или в Париже. В одном месте он даже писал о том, что собирается поехать с семьей в Аргентину, «начать новую жизнь в борьбе с природой»⁶. Венгрия еще не фигурировала в его планах.

В начале декабря 1920 г. он получил телеграмму от П.Н. Шатилова⁷, в которой ему предлагалась занять должность помощника военного агента в Константинополе. После этого А. фон Лампе решил «ехать на юг и решать вопрос о моей работе в Армии». При составлении маршрута он планировал сделать небольшую остановку (2 дня) в Будапеште⁸. В Константинополе Врангель и Шатилов сразу предоставили ему несколько возможностей на выбор: военный агент в Германии, в Венгрии или помощник военного агента в Турции. «Ничего продуманного в этом нет» – комментировал в дневнике данный сюжет А. фон Лампе. Однако его выбор кажется весьма сознательным: «Я, само собой, разумеется, выбрал Венгрию». Здесь есть один момент, свидетельствующий об осведомленности А. фон Лампе о своеобразиях венгерской действительности того времени: «Я потребовал независимости от Парижа» – писал, и это было ему обещано⁹. В послевоенной Венгрии, где главным виновником за расчленение страны и за жесткие условия Трианонского договора считалась Франция. Зависимость от Парижа не послужила бы хорошей рекомендацией в венгерских политических и общественных кругах для ново-назначенного военного агента.

Дневниковые записи частного характера тоже свидетельствуют о том, что к январю-февралю 1920 г. А. фон Лампе уже серьезно строил свои планы с расчетом на Венгрию: «В Венгрии, немного оглядевшись, надо купить клоч и там потом осесть». «Не судьба ли Тата, что посылают в Венгрию, не решение ли это?»¹⁰.

Однако после принятия решения А. фон Лампе еще пришлось задержаться несколько дней в Константинополе, чтобы дожидаться приезда генерала В.В. Марушевского из Будапешта для доклада Врангелю. Врангель считал, что Марушевский привезет с собой письмо от Миклоша Хорти, правителя Венгрии, содержание которого может повлиять на назначение¹¹. Фон Лампе серьезно опа-

сался, что Марушевский тоже хочет остаться в Венгрии в качестве официального представителя, и во время личного свидания сумеет убедить Врангеля оставить его в Будапеште. В дневниковых записях фон Лампе мы встречаем немало тревожных выражений по этому поводу: «Из моего назначения ничего не выйдет, и я дождусь здесь Марушевского, а потом по всей вероятности разругаюсь и уеду». «Если не буду окончательно назначен в Венгрию, подам в отставку»¹². В этой ситуации фон Лампе хотел поставить «своего конкурента» перед свершившимся фактом, и требовал от Шатилова подписания назначения и оплаты пребывания в Константинополе. 12 февраля, наконец, Врангель подписал его назначение, он получил письмо от Главнокомандующего к Хорти и смог записать в своем дневнике: «Визы для меня готовы! Ура!»¹³. В дальнейшем, вопреки первым предположениям Алексея фон Лампе, Марушевский действительно лояльно передал ему дела, находившиеся в его распоряжение деньги, и предоставил ему уже налаженные в Будапеште связи.

А. фон Лампе не скрывал недовольства по поводу непродуманности и неподготовленности своего назначения. Он критиковал не только задержку в оформлении документов, но и отсутствие четкой концепции командования в отношении Венгрии. «Никаких дополнительных разговоров с Главкомом не было. Странно, ведь мое назначение не из обыденных». При передаче ему письма к Хорти Врангель принял его всего на 2–3 минуты. «Ничего решительно он не сказал, ничего не приказал, все было на скаку и на карьере. Странно, неужели нельзя было уделить полчаса на такое серьезное дело». Последние инструкции, полученные от Шатилова 17–18 февраля, он прямо назвал смехотворными: по ним ему надо было стремиться к перевозке в Венгрию армии Пермикина¹⁴ или «всей нашей Армии», то есть той ее части, которая еще находилась в лагерях в районе Проливов. Но поскольку Венгрия стоит на точке зрения исполнения Трианонского договора, то это нельзя делать без согласия держав Антанты. «Молод он, ох, как молод, и не только летам, но и характером для той большой роли, которая ему выпала», – писал он о начальнике штаба в своем дневнике по этому поводу. Справедливости ради необходимо отметить, что судья по документам, и у него самого не было более детально отработанного плана, чем приехать на место, оглядеться и действовать по обстоятельствам.

Предварительные переговоры с венгерской стороной о назначении А. фон Лампе были начаты в Белграде. В конце января 1921 г. Шатилов просил В.Н. Штрандтмана вступить в контакт по этому вопросу с венгерским дипломатическим представительством в южно-славянской столице. При этом Штрандтману надо было тщательно следить за тем, чтобы сохранить самые дружеские отношения с правительством КСХС. Одним из необходимых для этого шагов, Шатилов считал предварительное представление А. фон Лампе сербскому военному министру¹⁵. Штрандтман, кто прилагал серьезные усилия к переселению частей эвакуированной из Крыма армии в КСХС, оказал, таким образом, неоценимую помощь командованию в отношении Венгрии. Однако ведение переговоров с Анталом Мадьяри, венгерским поверенным в делах в Белграде, он предоставил военному агенту Врангеля в стране, генералу Д.Н. Потоцкому¹⁶. Когда А. фон Лампе прибыл в Белград, он тоже включился в эти переговоры. В его дневниковых записях мы встречаемся с резко отрицательной оценкой поведения Штрандтмана, который, по его словам, прямо отказался вести переговоры с венграми, опасаясь портить дело с Сербией.

По свидетельству фон Лампе, Штрандтман вел себя самостоятельно, и сам решил, выполнит ли он то или иное приказание Врангеля, кого перед фон Лампе якобы назвал опальным человеком¹⁷. Штрандтман и фон Лампе с этого момента не ладили, в ходе служебной деятельности их мнения и интересы не раз сталкивались. Отношения между ними и впредь оставались натянутыми.

Из переговоров с венгерскими дипломатами фон Лампе сделал вывод, что «по-видимому, мне предстоит хорошая встреча». В представительстве «приняли меня любезно свыше всякой меры», «все к моим услугам, визы, удостоверение, сообщения в Пешт в гостиницу»¹⁸. Его примечание «трудно мне все же с языком...», скорее всего, относится к уровню его знаний немецкого языка, а не венгерского, с которым он раньше вряд ли встречался. А. фон Лампе, несмотря на его немецкое происхождение, уже полностью утратил связь с «фатерляндом» своих предков. Корни его фамилии восходят к Гамбургу, его прадед во время наполеоновских войн попал в Россию, он и его потомки поступили на государственную службу. А. фон Лампе обрел русскую идентичность. Дома, в семье, потом в армейской среде говорили по-рус-

ски, а ему позже, уже в бытность его военным агентом Врангеля за рубежом пришлось даже брать уроки немецкого языка, чтобы научиться изъясняться на языке своих предков¹⁹. В русской идентичности Лампе, однако, были некоторые любопытные моменты: во-первых – семья до А. фон Лампе включительно сохранила евангелически-лютеранское вероисповедание; во-вторых – с 1905 г. именно Алексей Александрович вновь начал употреблять приставку «фон», на что семья в свое время получила императорское разрешение. Свою немецкую фамилию фон Лампе не менял даже в годы Первой мировой войны²⁰.

А. фон Лампе прибыл в Венгрию в середине марта 1921 г. Он воспринял себя первым официально признанным венгерским правительством русским представителем в стране. До этого в самозванцах, авантюристах и в других весьма сомнительных лицах, выступивших в качестве «представителей», недостатка не было. Но поскольку их связь с Врангелем определить было крайне затруднительно, в Будапеште Алексея фон Лампе с «верительными грамотами» за подписью Врангеля действительно приняли с явным облегчением. «Тяжело идти первым, не тем путем как Марушевский, действовавшим по указке французов» – записал фон Лампе в своем дневнике непосредственно до отъезда из Белграда, зафиксировав как бы для себя свое «первенство» над Марушевским. В связи со статусом последнего мы встречаем противоположную информацию в самом дневнике. По одной версии, он был прикомандирован к французской делегации. Может быть, именно из-за этого А. фон Лампе потребовал независимость от Парижа. По другому варианту, в Будапеште Марушевский фигурировал в списке иностранных миссий как делегат Белой России и Врангеля²¹.

А. фон Лампе прибыл в Венгрию с далеко идущими планами и приступил к работе с большой энергией. Встречался с политическими деятелями страны, с министрами, парламентскими депутатами, премьер-министром, правителем Венгрии, представителями великих держав-победительниц. На этих встречах он старался продвинуть врученное ему дело по вопросу о принятии в Венгрию частей Русской Армии.

Исходя из политического строя и атмосферы страны, А. фон Лампе полагал, что в ней русские воины могут найти не только

убежище, но и надежный тыл – кроме пайка получают необходимую для сохранения армейской структуры и боевого духа моральную поддержку. Он даже упоминал о союзе двух белых армий в Европе, венгерской и армии Врангеля, неоднократно подчеркивал, что только венгры и русские знают, какую угрозу представляют собой большевики для европейской цивилизации. Сначала он возлагал большие надежды на Венгрию, но довольно скоро осознал, что Венгрия может и хочет дать русской эмиграции значительно меньше ожидаемого. Будучи в Будапеште, он, со временем, пришел к выводу, что расчлененная, изолированная и подконтрольная Венгрия «вышла из большой европейской политики надолго» и «не имеет самостоятельного значения при настоящем европейском положении»²². И хотя – как он неоднократно отмечал в дневнике – венгерские власти относились к русским беженцам «благожелательно и дружелюбно», это не простиралось «дальше платонических симпатий», и от них никакой реальной, тем более, материальной помощи нельзя было ожидать²³.

На основе публикуемых документов и комментариев к ним читатель может проследить, с каким трудом А. фон Лампе удалось добиться принятия около 250 солдат и офицеров (последних «галлиполийцев») Русской Армии в страну. После этой сравнительной неудачи А. фон Лампе утешал себя тем, что ценность Венгрии для русской военной эмиграции заключается в будущем, так как во время неизбежной решительной схватки между большевистскими и антибольшевистскими силами в Европе Венгрия Хорти пойдет вместе с Русской Армией против коммунистов.

Особую симпатию и уважение питал А. фон Лампе к Миклошу Хорти, правителю страны. В их системе ценностей было много общего. Документы свидетельствуют о том, что и Хорти видел в представителе Врангеля «своего человека» и на встречах с ним не держал свой язык за зубами при обмене мнениями о политической ситуации в Европе, о большевиках, социалистах и т. д. Единственно, что трудно укладывалось в мышлении А. фон Лампе – явное противоречие между «диктаторским статусом» Хорти и тем, что он иногда в вопросах самого мелкого характера не мог добиться своего.

А. фон Лампе свою должность воспринял так, что он является связывающим звеном между двумя выдающимися в европейском масштабе лидерами белого движения. Он долго и упрямо работал над осуществлением их личной встречи. В марте 1922 г. вырвал словесное обещание у Хорти, что в случае необходимости он обеспечит приют Врангелю, о чем докладывал своему начальству. Думается, что здесь, кроме идейных соображений, несомненно, сыграло роль и стремление со стороны А. фон Лампе упрочить позиции будапештского представительства в глазах командования. После этого он неоднократно ссылался на «обещание» Хорти, и на Венгрию, как на возможное последнее убежище для Врангеля, когда аргументировал против сокращения или закрытия своего ведомства в венгерской столице.

Из публикуемых документов видно, что некоторое время и сам Врангель был склонен к переселению в Венгрию. В 1926–1927 гг. А. фон Лампе был одним из главнейших инициаторов и организаторов поездки генерала Врангеля в Венгрию и его встречи с Хорти.

События мировой истории, однако, складывались так, что расчеты эмигрантов на падение или свержение большевистского режима не оправдались. Надежды на скорое возвращение на родину с оружием в руках все больше превращались в иллюзии или в самообман. Сколько-нибудь активные слои или группы эмиграции были под строгим наблюдением советских спецслужб, которые усердно работали над их разложением. Единственный возможный путь домой – репатриация для огромной части эмиграции оказалась очень сомнительной, опасной и неприемлемой. Пришлось найти способы адаптироваться в чужой среде, добыть средства для выживания и при этом хранить свои традиции, культуру, язык, идентичность. Все эти предпосылки и еще целый ряд других обстоятельств свели на нет замыслы А. фон Лампе об активном сотрудничестве командования Русской Армии и белой Венгрии на сцене европейской политики. Справедливости ради, необходимо отметить, что после осознания невозможности политического сотрудничества, и извлечения из этого пользы в разрешении специальных проблем послевоенной Венгрии, интерес к русской эмиграции в венгерских политических кругах резко упал. На передний план вышла борьба между разными группировками

эмиграции, которая в Венгрии, несмотря на относительной малочисленности русской колонии в стране, шла с особой остротой. Воевавшие друг с другом стороны нашли своих опекунов и в венгерских министерствах, в прессе, в общественных кругах. В этой борьбе А. фон Лампе всеми силами старался отстоять интересы армии, ее главнокомандующего генерала Врангеля. Он непоколебимо принял и поддерживал авторитет Врангеля в русской эмигрантской среде. Для него он по-прежнему остался Главнокомандующим Русской Армией, в нем он видел человека не только прошлого, но и будущего, кто один способен организовать и вести в бой оказавшиеся на чужбине остатки белых русских армий. Однако иногда и он позволил себе тонкие критические замечки по его адресу в своем дневнике: «Врангель никого не любит, и никого не ценит, только тех, кто ему нужен. Таков он был всегда и, зная это хорошо, – можно с ним работать»²⁴. И А. фон Лампе действительно сделал все, чтобы он был нужен Врангелю.

Предлагаемый читателям сборник охватывает, по мере возможности, полный спектр деятельности А. фон Лампе как представителя барона Врангеля в Венгрии. Из-за огромного размера документальной базы при составлении сборника речь могла идти только о подборе источников, дневниковых записей, писем, рапортов, приказов и т. д. В сборнике видное место занимают источники о встречах и переговорах А. фон Лампе с венгерскими политическими деятелями – от министров до самого адмирала Хорти включительно. Особенно ценную часть представляют описания жизни в стране, того или иного политического события, личные впечатления и высказывания А. фон Лампе о стране, о характере венгров. В них встречаются как положительные, так и критические оценки. Поскольку А. фон Лампе был одним из лидеров русской колонии в Венгрии, в сборнике значительное место занимают документы, связанные с жизнью этой колонии, особенно борьбой между разными группировками эмиграции. Документы раскрывают палитру отношений – от больших надежд на сотрудничество до мелких интриг и нападок самого низкого характера, предметом которых нередко являлись военное представительство и сам А. фон Лампе.

При публикации явные опечатки исправлены, пунктуация дается в соответствии с нынешними орфографическими правилами.

Венгерские имена и фамилии переписаны по нынешней транскрипции. На некоторых печатных документах, особенно на проектах и копиях имеются вставки и пометы от руки А. фон Лампе. Они, как правило, представляют собой стилистические изменения или короткие, в 2–3 словах комментарии к данной части текста. Как фон Лампе сам неоднократно признавался, его почерк был близок к нечитаемому. Поэтому проследить все изменения в тексте, к сожалению, не всегда представлялось возможным.

Работа над сборником была осуществлена благодаря грантам имени Яноша Бояи Венгерской Академии Наук и имени Клебелсберга института Балаши (Венгрия). Выражаю глубокую признательность и благодарность Г.А. Бордюгову, руководителю Международного Совета АИРО-XXI, за оказанную им всестороннюю помощь в подготовке сборника и бесконечное терпение, Л.И. Петрушевой, заведующей архивохранилищем фондов по истории русской белой эмиграции Государственного Архива Российской Федерации, за консультации и ценные советы в ходе работы, а также всем сотрудникам ГА РФ, которые помогали мне в поиске и обработке документов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ ЛАМПЕ Алексей Александрович фон, генерал-майор Генштаба (1885–1967), русский военный деятель, учился в 1-м кадетском корпусе и в Николаевском инженерском училище. Участник Русско-японской войны, был ранен. С 1907 г. служил в Лейб-Гвардии Семеновском полку. В 1913 г. окончил Николаевскую Военную академию. В Первой мировой войне – штаб-офицер для поручений при штабе 18-го армейского корпуса, с 1917 г. генерал-квартирмейстер штаба 8-й армии. Во время гражданской войны сначала жил в Харькове, где с группой офицеров организовал отправку офицеров в Добровольческую армию. Осенью 1918 г. переехал в Екатеринодар и начал службу в штабе Добровольческой армии при генерале Алексееве. Одновременно был редактором белого печатного органа «Россия» (потом «Великая Россия»). В мае 1919 г. был назначен начальником оперативного отдела штаба Кавказской Армии Врангеля. Потом короткое время был старшим адъютантом генерала А.М. Драгомирова. В феврале 1920 г.

был командирован в Константинополь для переговоров с союзниками. С этого назначения начинается новая эпоха в его жизни: заграничная служба. В мае Врангель назначил его своим военным агентом в Копенгаген. С марта 1921 до октября 1924 г. А. фон Лампе находился в должности военного представителя Главнокомандующего Русской Армией в Венгрии, в 1922 г. на него возлагали и представительство Врангеля в Германии по совместительству, в 1923 г. произвели в генерал-майоры.

В результате закрытия русских белых миссий в европейских странах и в связи с реорганизацией русской военной эмиграции в 1924 г. А. фон Лампе был назначен начальником 2-го отдела Русского Обще-Воинского Союза. Он долгие годы курировал деятельность офицерских и других военных организаций на территории Германии и Венгрии. Кроме этого он занимался издательской работой и для подработки снимался в фильмах или выступал консультантом по русским вопросам при съемке таковых.

После прихода к власти нацистов он несколько раз арестовывался гестапо, и вопреки этому пришел к выводу, что белой эмиграции необходимо сотрудничать с новой властью. В 1938 г. его 2-й отдел РОВС был преобразован в самостоятельную организацию – Объединение Русских Воинских Союзов (ОРВС). Согласно этому сценарию, после оккупации Третьим Рейхом целого ряда европейских государств, находившиеся там организации РОВС были переданы в подчинение ОВРС. В 1941 г. Лампе предложил немцам применять силы ОРВС на восточном фронте, против СССР, но успеха в этом вопросе не имел. В самом конце войны он вступил в Комитет Освобождения Народов России. С приближением фронта из Берлина перебрался в город Линдау, который оказался во французской зоне оккупации. Там он открыл представительство Красного Креста и занимался спасением «старых» и «новых» эмигрантов от насильственной репатриации в СССР.

После войны Лампе с женой жил в Мюнхене, откуда в 1950 г. переселился в Париж, где являлся первым помощником председателя РОВС генерал-лейтенанта А.П. Архангельского. В 1957 г. Архангельский, ссылаясь на преклонный возраст и пошатнувшееся здоровье, ушел в отставку и назначил А. фон Лампе председателем РОВС. Эту должность он занимал вплоть до своей смерти в 1967 г.

(Об основных биографических данных А. фон Лампе смотри статью Е.А. Широкова «Старался больше не появляться на поле боя» // http://www.hrono.ru/biograf/bio_lampe.php).

²О судьбе и хранении документов РЗИА см.: Путеводитель. Том 4. Фонды Государственного Архива Российской Федерации по истории белого движения и эмиграции. – М., 2004. С. XI–XV.

³А. фон Лампе большое внимание уделял деятельности своего бывшего однополчанина по Лейб-Гвардии Семеновскому полку Н.М. Тухачевскому. Тщательно отслеживал слухи, которые распространялись агентами ОГПУ-

НКВД о том, что в РККА готовится заговор против большевистской верхушки (См. об этом, напр.: *Минаков С.Т.* 1937. Заговор был! – М., 2010). В дневниковых записях от 13–16 марта 1924 г. мы находим тревожное, хотя не соответствующее действительности сообщение о том, что в «Совдепии» раскрыта организация Тухачевского, он и многие участники заговора арестованы, а также личное примечание к «происшедшему»: «Это меня очень угнетает, так как на них я возлагал большие надежды!» (Государственный Архив Российской Федерации (далее – ГА РФ). Ф. 5853. Оп. 1. Д. 14. Л. 85).

⁴ ВРАНГЕЛЬ Петр Николаевич, барон, генерал-лейтенант (1878–1928), русский военачальник, участник Русско-японской и Первой мировой войн (в последнем командовал кавалерийской дивизией, потом корпусом), один из наиболее известных лидеров белого движения. С апреля 1920 г. А.И. Деникиным был назначен Главнокомандующим Вооруженными Силами Юга России, после переименования Русской Армии. Активно работал над организацией обороны и внутренней жизни Крыма. После успешной эвакуации старался сохранить за собой армию и приспособить ее к новым условиям. В эмиграции жил в Константинополе, в Сремских Карловцах и Брюсселе.

⁵ В конце концов, в октябре 1922 г. он пришел к выводу, что в случае прекращения существования вверенных ему миссий, несмотря на моральную тяжесть и странность появления в чужой форме, он мог бы пойти на это, как на возможный исход к спасению от голода (ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 9. Л. 106). Необходимо отметить, что этим А. фон Лампе занимался, скорее всего, только теоретически, никаких практических шагов в это направление не делал даже во время упразднения его должности.

⁶ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 4. Л. 186, 190, 256.

ЛУКОМСКИЙ Александр Сергеевич, генерал-лейтенант (1868–1939), русский военачальник, с 1913 г. – помощник начальника канцелярии Военного министерства, в 1915–1916 гг. помощник военного министра. С 1916 г. в действующей армии, командир 32-й пехотной дивизии, после февральской революции начальник штаба Верховного главнокомандующего. Арестован за участие в выступлениях Корнилова, после большевистского переворота один из организаторов Добровольческой армии, помощник А.И. Деникина. С конца марта 1920 г. представитель Врангеля в Константинополе. После упразднения должности стоял в распоряжении главнокомандующего, потом великого князя Николая Николаевича, а после его смерти начальника РОВС.

⁷ ШАТИЛОВ Павел Николаевич, генерал-от-кавалерии (1881–1962), в 1920–1922 гг. начальник штаба Главнокомандующего Русской армией. С 1922 г. – в распоряжении Главнокомандующего РА. В 1924–1934 гг. – председатель 1-го отдела РОВС. Был одним из руководителей т. н. «внутренней линии», контрразведывательного органа РОВС.

⁸ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 4. Л. 224–225.

⁹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 5. Л. 36, 40.

¹⁰ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 5. Л. 42, 43. Тата – Наталья Михайловна, жена Алексея фон Лампе (1890–1974).

¹¹ ХОРТИ Миклош, витез Надьбания (1868–1957), офицер Австро-Венгерского Военно-Морского Флота, в 1909–1914 гг. флигель-адъютант императора-короля Франца Иосифа I. С февраля 1918 г. контр-адмирал и командующий военно-морскими силами Австро-Венгрии, в ноябре 1918 г. произведен в вице-адмиралы. В 1919–1920 гг. главнокомандующий Венгерской Национальной Армией. 1-го марта 1920 г. Национальным Собранием избран Правителем Венгрии. С его именем связан межвоенный период истории Венгрии – «эпоха Хорти». В октябре 1944 г. Хорти, после неудачной попытки вывести страну из войны, немецкими оккупационными войсками был отстранен от власти. После этого он находился под арестом сначала у немцев, потом у американцев. Был допрошен в качестве свидетеля на некоторых процессах военных преступников. Умер в эмиграции, в городе Эсторил (Португалия).

МАРУШЕВСКИЙ Владимир Владимирович, генерал-лейтенант (1874–1952), русский военачальник, в 1915–1917 гг. командовал особой русской пехотной бригадой на французском театре военных действий. В 1917 г. он был последним начальником генерального штаба русской армии до большевистского переворота. В гражданской войне был членом Временного правительства Северной области, один из основателей Северо-западной Армии. В эмиграции жил в Венгрии, во Франции и в Югославии. В 1923–1924 гг. – председатель Союза Русских Офицеров в Королевстве Венгерском.

Осенью 1920 г. генерал В.В. Марушевский был назначен русским военным представителем в Венгрию с ограниченными полномочиями. Он должен был координировать переброску офицеров и солдат через Венгрию в Крым к Врангелю. К этому времени на Севере, в том числе в Польше, в Германии и в прибалтийских государствах накопился довольно серьезный людской резерв после эвакуации Северных и Северо-Западных Армий. К этому еще прибавились дезертиры и военнопленные из Красной Армии со времен польской кампании. Несмотря на то, что большинство этих людей не проявили особого желания воевать, русское командование не теряло надежду, что из них все-таки оно может черпать пополнение. В этой ситуации возросло значение Венгрии как перевалочной страны на пути с Севера на Юг. Марушевский был прикомандирован в Венгрию, чтобы создать там транзитную базу. Его назначение состоялось по инициативе и приказу генерала Е.К. Миллера, уполномоченного по военным и морским делам генерала Врангеля в Париже. Миллер строго предписал своему подчиненному воздержаться от каких бы то ни было политических разговоров с венграми, оставаться строго в рамках своих полномочий – содействие проезжающим военным, их снабжение довольствием и транзитной визой (Архив Внешней Политики Российской Империи (Далее – АВПРИ). Ф. 166. Оп. 508/3 Д. 45.

Л. 33, 39). Марушевский прибыл в Венгрию в середине октября 1920 г., когда Врангелю в Крыму остались считанные дни. Поэтому возложенная на него задача скоро потеряла свою актуальность, но он остался в Будапеште и после эвакуации Крыма.

¹² ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 5. Л. 45, 48.

¹³ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 5. Л. 49, 55.

¹⁴ Армия Пермикина – 3-я Русская Армия, сформированная из эмигрантов, остатков Северо-Западной Армии и дезертированных красноармейцев на территории Польши в 1920 г. под командованием генерал-лейтенанта Бориса Сергеевича Пермикина. После заключения перемирия между Польшей и Советской Россией армия была расформирована и ее члены были интернированы польскими властями.

¹⁵ АВПРИ. Ф. 166. Оп. 508/3. Д. 34. Л. 27–28.

ШТРАНДТМАН Василий Николаевич (1877–после 1940), дипломат, до войны служил, в том числе, в российских дипломатических представительствах в Софии и Белграде. В 1919 г. был назначен правительством Колчака посланником в Королевстве СХС. Играл активное участие в заселении русских эмигрантов в стране. Был начальником управления по делам российских эмигрантов и уполномоченным Российского общества Красного Креста в Югославии. (О его деятельности см. подробнее: *Миронова Е.М.* Дипломатическая поддержка формирования колонии русских беженцев в Королевстве сербов хорватов и словенцев (1917–1922) // *Русский исход.* – М., 2004. С. 201–244).

¹⁶ МАДЬЯРИ Антал (1881–?): венгерский дипломат, в начале 1920-х – поверенный в делах в венгерской миссии в Белграде. Принимал участие на подготовительных переговорах с представителями белой русской эмиграции, которые привели к назначению А. фон Лампе в Венгрию. Во второй половине 1920-х был поверенным в делах в венгерском посольстве в Мадриде, в 1935–1936 гг. – чрезвычайный посол и уполномоченный министр в Швеции, Норвегии и Дании. С 1939 г. – на пенсии.

ПОТОЦКИЙ Дмитрий Николаевич, генерал-майор (1880–1949), участник белого движения, с 1920 по 1923 г. военный агент Врангеля в Королевстве СХС.

¹⁷ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 5. Л. 68.

¹⁸ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 5. Л. 80.

¹⁹ *Широкова Е.А.* Генерал А.А. фон Лампе и его дневник: взгляд на военную эмиграцию. // *Новый исторический вестник.* 2000. № 2. (<http://rovs.atropos.spb.ru/index.php?view=publication&mode=text&id=75>; 01.07.2013).

²⁰ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 22. Л. 409–413. Все эти моменты, несомненно, были признаками выражения уважения к своему роду со стороны А. фон Лампе и не более того. Они ничуть не мешали его русской идентичности, которую он не менял даже в самые критические годы своего беженского существ-

вования, когда из этого шага он мог бы извлечь материальную или иного характера пользу. К примеру, несмотря на то, что он родился в местечке Вержболово, на территории Сувальской губернии, в Литве, он не считал для себя возможным принять литовское гражданство, хотя это могло бы положить конец беженским скитаниям его семьи. Через много лет, живя уже в гитлеровской Германии, он решительно отказался перейти в немецкое подданство.

²¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 5. Л. 62, 108–109.

²² ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 11. Л. 162–163.

²³ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 11. Л. 173. В этом играли роль не столько субъективные факторы, сколько объективная обстановка, главным образом, кризис страны, где собственные венгерские беженцы с отторгнутых территорий жили не в лучших условиях, чем русские военные.

²⁴ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 9. Л. 30.

ДНЕВНИКОВЫЕ ЗАПИСИ
АЛЕКСЕЯ ФОН ЛАМПЕ

6250

3

4 Nov Quebec 47

[Signature]

1921

13, 14, 15, 16 марта (Белград–Будапешт)¹

13-го в 10 часов вечера мы выехали из Белграда в Будапешт. Путешествие даже для нас, привыкших ко всему, показалось кошмарным.

Скажу коротко: 10 часов вечера из Белграда, 4 часа утра Суббота, к 8 требуют к багажу, к 9 часам его начинают осматривать, в то же время лично надо быть в паспортном бюро, в 10 с половиной отходит поезд, в 12 он в Ряске, всех высаживают из вагона, опять печати, потом через полчаса в Сегедине, самый подробный осмотр, переход на другой вокзал. Извозчик берет 100–200 крон, а по дороге, видя, что надо торопиться на поезд – 500! Мы успели, так как грамота белградских венгров дала нам свободу – все остальные ждали до 11.50 ночи!

В 9 с половиной мы были в Будапеште и отправились на Маргаретенизель² – извозчик по приезду туда заломил по 600 крон, согласились на 400!

15-го оказался национальным праздником – мы сели без денег. Никуда пойти было нельзя, даже позавтракать было не на что. Все было закрыто, а на улицах было грязно, по-праздничному.

Сегодня говорил долго с Марушевским – самое интересное, что главная власть в Будапеште, а с ним и в Венгрии – майор Пронаи – глава офицерского батальона. Его боятся все и он «отец белого террора».

Хорти он заявил: «Не было бы меня, не было бы и Вас. Не было бы Вас, я бы был!»³.

Видел Приклонского – бывший генеральный консул. Желает быть дипломатическим представителем. Бойтся, что я все заберу в свои руки. На этом играет⁴.

На мои слова о своем нежелании брать все на себя, уверяет, что военное и гражданское дело нельзя совместить... глупо это все.

Генерал Иванов, жандарм, разведка Орлова, хвалит Лерхе, ругает Глазенапа⁵...

Уверял, что ему ничего не надо, что он беспокойный человек, что он работает для идеи т. к. человек он богатый и т. д., что Краснов устает... В общем, несомненно, авантюрист, щупал меня и т. д. Наряден, энергичен, но этого мало. С ним женщина-мужчина баронесса Фредерикс, рожденная графиня Борх. Она произвела сенсацию среди венгров⁶.

Вечером меня одолели капитан Сапунов и доктор Харитон – оба ищут опоры, первый за его одесское сопровождение меня, второй за старую работу в русском и испанском консульствах⁷.

Говорил, что здесь 4.000 русских из них 300 в лагере, 3.500 военнопленных.

В Будапеште всего 700. Из них офицеров 30, что не нравится Глазенапу, сказавшему мне, что все это сволочь, но все же он создал из них офицерский союз. Для будущего (!) по его словам.

Он якобы добился разрешения на формирование и ввоз сюда 15.000 русских под видом беженцев для будущего корпуса и армии. Злится на Врангеля на не ответ, а ответ то у меня в кармане.

А из Константинополя мне прислали письмо Гучкова⁸ Врангелю о Глазенапе, но не сообщили взгляда на самого Глазенапа Главнокомандующего! Прошло через меня и письмо Врангеля Глазенапу, но запечатанное, я его вскрыл. В нем Главнокомандующий рекомендует вести переговоры с французами через Миллера⁹. А Глазенап уехал из Франции!!

[...]

Примечания

¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 5. Л. 96–97.

² В первые дни своего пребывания в Будапеште А. фон Лампе и сопровождающие его лица остановились в гостинице на острове Маргит.

³ ПРОНАИ Пал (1874–послед 1946). Правильно – в то время подполковник, командир полурегулярного офицерского батальона. После падения советской республики в Венгрии Пронаи был одним из инициаторов и исполнителей карательных акций под лозунгом восстановления порядка. Что касается его реальной власти, здесь Марушевский сильно преувеличивает. На самом деле весной 1921 г. звезда Пронаи уже закатилась. К этому времени большая часть офицерских подразделений была уже расформирована

венгерским правительством или удалена из Будапешта. Последняя значительная акция Пронаи – восстание в Западной Венгрии против передачи территории Австрии летом-осенью 1921 г. После этого Пронаи делал неудачные попытки создать свою политическую партию. В 1945 г. он организовал части для защиты Будапешта против Красной Армии. Был арестован, осужден на 20 лет каторги. Исчез в ГУЛАГе. В 2001 г. в Российской Федерации он был реабилитирован как жертва политических репрессий. А. фон Лампе в первой половине 1920-х был в тесной связи с Пронаи, высоко оценил его храбрость и решительность, но был весьма низкого мнения о его умственных способностях.

Белый террор обычно связывается с деятельностью разных офицерских формирований (в том числе, и с батальоном Пронаи). С августа 1919 до марта 1920 г. жертвами террора стали главным образом те люди, которые играли какую-то роль в местных и государственных органах венгерской советской республики и сами развязывали красный террор. Однако нередко террор был направлен против простых людей еврейского происхождения, которые ничего общего с коммунистами не имели. Сначала наведение порядка жесткими методами встретило молчаливое одобрение Хорти, но потом он в согласии с правительством сделал все, чтобы упразднить чрезвычайщину и передать привлечение к ответственности за революционную деятельность штатским судебным органам. По оценочным данным, число жертв белого террора составило от 500 до 1000 лиц.

⁴ ПРИКЛОНСКИЙ Михаил Георгиевич (1864–1946), дипломат, до войны он стоял во главе генерального консульства в Будапеште, в эмиграции жил в Стокгольме. После войны он безуспешно пытался добиться своего назначения представителем Совещания послов в Венгрии.

⁵ ИВАНОВ Александр, генерал-майор жандармерии. Точные биографические данные не установлены. Он приехал в Венгрию осенью 1920 г., по некоторым архивным сведениям, в качестве разведчика от Главного Командования Русской Армии. (НЛ – Hadtörténeti Levéltár /Военно-исторический Архив/ 1920 VKF микрофильм В/161 3062/1987 № 24.277 Л. 116.) После эвакуации Крыма остался в Венгрии.

ОРЛОВ Владимир Григорьевич (1882–1941), юрист, статский советник, контрразведчик; специалист по борьбе с большевиками, в 1918 г. был тайным агентом белых в Петроградской ЧК; в 1919 г. начальник контрразведывательного отделения штаба Добровольческой Армии Одесского района; с декабря – начальник контрразведывательной части особого отделения Генштаба ВСЮР, потом Штаба Русской Армии. В эмиграции жил в Берлине, вел активную борьбу против большевистских агентов и Коминтерна. Обстоятельства смерти неясны. По одной версии был арестован нацистами и умер в концлагере, по другой – убит в Берлине.

ЛЕРХЕ Максим Германович, капитан (1889–?), известный русский летчик и один из конструкторов аэроплана ЛЯМ. В Первой мировой войне возглавил истребительный авиаотряд на Северном фронте. В гражданской

войне в составе славяно-британского авиационного корпуса. В Будапеште он фигурировал, как адъютант Марушевского. Выдвинул идею создания регулярного авиарейса между Крымом и Венгрией.

ГЛАЗЕНАП Петр Владимирович, генерал-лейтенант (1882–1951). В гражданской войне служил на разных должностях в Добровольческой Армии, потом направлен в Северо-Западную Армию генерала Юденича. После расформирования армии и интернирования ее остатков, жил в эмиграции. В Венгрии он безуспешно пытался создать новые вооруженные формирования из русских эмигрантов-военных (сам Глазенап говорил о 15-тысячном конном корпусе) с помощью французов и венгерского правительства. Последние решительно отказались от поддержки Глазенапа. А. фон Лампе в Глазенапе видел одного из своих главнейших конкурентов и сделал все, чтобы усилить недоверие к нему венгерских властей.

⁶ К Глазенапу в Будапеште относились весьма сдержанно. В этом, кроме деятельности А. фон Лампе, несомненно, играла роль плохая репутация его любовницы, баронессы Фредерикс (рожд. графиня Борх), муж которой, по венгерским источникам, «служил Советам». (MOL – Magyar Országos Levéltár / Венгерский Национальный Архив / K-64–1920–41 / Л. 33–34.)

⁷ В первые дни своего пребывания в Венгрии Алексея фон Лампе навестили все те члены эмиграции, которые раньше старались выступать в качестве официального и полуофициального представителя или часто просто самозванца от имени русских. Капитан САПУНОВ попал в Венгрию как военнопленный еще во время первой мировой войны, жил в гостях на имении графа Пала Баттьяни в его замке в Залачане. ХАРИТОН Александр, доктор. По русским архивным источникам был причислен к составу испанского консульства в Будапеште. Венгерские же документы по своему содержанию немного отличаются от русских. В них Харитон фигурирует как сотрудник «русского отделения американской миссии Красного Креста». Он действительно старался выполнять консульские функции, однако венгерские власти из-за его широких связей в среде венгерских и иностранных евреев считали его лицом подозрительным. Осенью 1921 г. Контрразведывательный отдел комендатуры Будапештского военного округа предложил его выслать как потенциального агента большевиков. (HL 1920 VKF микрофильм В/159 № 123/416., и HL 1921 VKF В/168 микрофильм 3536/1987 Л. 295.)

⁸ ГУЧКОВ Александр Иванович (1862–1936), русский политический деятель, член Государственной Думы, лидер партии октябристов, принял активное участие в отречении Николая II. Военный и морской министр Временного правительства. В эмиграции с 1919 г.

⁹ МИЛЛЕР Евгений Карлович, генерал-лейтенант (1867–1939), участник гражданской войны и белого движения. В 1919 г. главнокомандующий войсками Северной области. В 1920 был назначен представителем П. Врангеля в Париже. Один из организаторов Русского Общевоинского Союза, в 1930 г. стал его председателем. В 1937 г. похищен агентами советских спецслужб, расстрелян в Москве в 1939 г.

23 марта (Будапешт)¹

Сегодня в 5 ч. 16 мин. меня принял Хорти.

По пути к дворцу, где он и живет, меня поразили люди-солдаты в походных касках, подтянутые чрезвычайно. Караул на гауптвахте у дворца – выходит весь отдавать честь без ружей мне – иностранному офицеру.

Дворец² очень хорош снаружи, по типу венских, со скульптурой, кроме того, благодаря горе, на которой он расположен, он весь идет террасами, павильонами, уступами. Летом, когда распускаются деревья и зазеленеет плющ, он будет очень хорош.

Над Пештом он, стоя в Буде на берегу Дуная – царит.

Дворец внутри прекрасно, но типично по дворцовому обставлен. Все совершенно пусто, в большинстве зал часовые.

Караульный унтер-офицер из вестибюля провел нас с Розеном³ через 3–4 часовых во второй этаж, где предложили нам снять пальто (вешалки нет).

Удивительный часовой стоял в этом зале – выше меня на голову, в ярко расшитой гусарской форме (красная венгерка и мечтик и, кажется, белые рейтузы), каска с крылом и громадная алебарда, которой он салютует.

Ему унтер-офицер отдает честь, думаю, что это офицер или унтер-офицер личной охраны Хорти.

[...]

В 5.16 меня принял адмирал Хорти.

Среднего роста, темный шатен, не седой, бритый «под англичанина», толстый нос и уши, сжатые тонкие губы, довольно подвижный.

Лицо энергичное, меняется во время разговора, которым он совершенно неожиданно увлекся.

Я представился «Его Светлости» по-немецки, что он отметил и сказал, что это его радует.

Передав ему письмо Врангеля, которое он, извинившись, стал читать, я воспользовался перерывом и стал осматривать зал.

Типично дворцовая проходная комната. Обстановка обыкновенная, хороший ковер, зеркала, камин, канделябры, часы, консоли...

Стол, за которым занимается диктатор Венгрии⁴, НЕ письменный, а из зала же (четыреугольный), кресло за ним не кабинетное, а шелковое...

На столе как-то навалено, но есть относительный порядок, 2 цветка в вазочке, коробка с визитными карточками, конверты к ним...

Должен сказать, что все производит впечатление временное...

Тишина была полная – часы тикали в 2–3 экземплярах (на столе тоже были маленькие часы).

«Очень любезно... – начал он говорить после прочтения письма. – Я искренне рад тому, что пишет мне генерал Врангель»⁵.
Дальше я буду передавать только суть его слов.

Верьте мне, что мы всегда с интересом и тревогой следили за тем, что происходит в России. Мы воевали с Россией честно, но нас не спрашивали, хотим ли мы войны, а мы ее не хотели.

Но теперь только Венгрия и Россия знают, что такое большевики.

Когда я выступал против них, я в Сегедине имел лишь немного офицеров, я обратился к Франше д'Эспере⁶. Я просил его не помощи, не людей, мне надо было только 6000 ружей, отобранных у нас же!

Франше д'Эспере обещал и... уехал! Оставшийся после него генерал, командовавший оккупационными войсками Антанты в Венгрии, подтвердил данное разрешение, и я все-таки винтовок не получил!

Я мог бы выступить еще раньше, во время Каройи и, я говорил тогда ему и окружающим его, что придет большевизм и в Будапешт, куда придут и румыны, но надо мною только смеялись!

Но если бы мне, даже зная все будущее, пришлось бы выступать еще раз в таких же условиях, я сделал бы то же самое – я никогда не говорю «нет» и предпочитаю «да» – но тут необходимо было «нет» – страна должна была пережить большевизм и сама узнать его.

Сейчас до вас у меня был человек, который читал за границей газеты о белом терроре⁸. У него волосы становились дыбом, все это неправда – я уничтожал мало. Конечно, я не мог этого избежать, если бы я был слаб, то на другой день из Вены вернулись бы большевики обратно, учитывая, что у нас безопасно и пролилась бы кровь рабочих.

Но негодаев уничтожал, не останавливаясь. Я не допускал погромов, я не отчаянный антисемит, но я считаю, что все зло в мире

от евреев. Я понимаю, что между ними есть порядочные люди, как есть негодяи между христианами, но все-таки я убежден, что все зло от евреев.

Я читал русскую книгу, изданную в 1905 году, с протоколами об их выжидании мирового владычества («Нилуса», – вставил я), все это так⁹. Мне говорили, что пресловутая «Лига Наций» вся в руках жидов (вольных каменщиков), а руководит ею английский мастер Дэвис, тоже жид!

Никогда Европа не поймет опасности большевизма, нас заставляют разоружаться, мы делаем это возможно медленнее, так как если большевики, которые не могут остановиться и, несмотря на восстания в тылу, будут наступать – прорвутся между Польшей и галичанами в Карпаты, – мы не сможем уцелеть перед такой массой.

Европа этого не понимает. Французский генерал, которого предупреждали о том, что французские войска в Одессе заражены большевизмом, [и который] заявил, что большевизм – это судьба побежденных, – был, конечно, поражен последующим разложением французских войск.

Ваше положение тяжелое, но будем надеяться, что во главе возрожденной России станет имя генерала Врангеля – тогда все закончится. Сначала надо установить диктатуру, а потом лишь передавать власть.

Королевский вопрос у нас не решен. Его можно решить или юридически, или революционно. Я ни в коем случае не революционер.

Когда все будет спокойно, а к этому идет, так как мы начинаем работать, наша крона, стоившая ниже австрийской, стоит вдвое выше ее, тогда этот вопрос будет решен и либо во главе станет государь, либо он отречется, либо все наладится иначе.

Мы королевство, так как для республики я считаю страну незрелой. Я не знаю, кто бы был первым президентом, кто бы был вторым, но третьим был бы жид!

Все, что мы имеем, этот дворец, эти ковры, – принадлежит священной венгерской короне, хранящейся наверху в бронированной комнате... Какая голова ее наденет, это вопрос не такой уже важный.

Я сам был флигель-адъютантом покойного государя Франца-Иосифа¹⁰. Я был при нем вместо двух лет пять, несмотря на не-

однократные мои просьбы отпустить меня во флот. Я буквально молился на государя, который был удивительным человеком во всех отношениях, и вся клевета, распространяемая о нем, ничего не стоит.

Но я тогда считал, что соединение Австрии с Венгрией нормально. Оно могло иметь место при террористическом господстве Австрии, но соглашения не могло быть. Мы можем жить в дружбе с Австрией, но возврата к старому, пока власть в моих руках, не будет.

(Когда этот человек говорит «власть в моих руках», его голос звучит мощно и сурово. Видно, что он знает, что такое власть, и даром ее не сдаст никому кроме короля, так как я думаю, что он лоялен.)

Затем Хорти, в ответ на мое заявление, что, так как говорит он, то, во что верит он, смотрят все 50000 человек, находящихся под генералом Врангелем, составляющие ядро для борьбы против большевиков, против которых пойдут только венгерская и наша армия – поэтому связь между нами в моем лице необходима – говорит, что скоро наступит время европейской анархии, когда с горстью людей можно будет пройти по всему миру!¹¹

Он говорил 44 минуты (исключая 10 минут на чтение письма) – трудно все запомнить, но думаю, что я ничего не пропустил.

Упомянул он в разговоре об Австрии, где большевизм, по его словам, едва ли не так же силен, как и в Москве, упомянул о Баварии, которая, по его взгляду, выздоравливает.

Оригинальна его оценка пропаганды, которую мы, по его словам никто, не знаем.

Он говорит, что если бы вообразить Троцкого, приглашенного в его комнату и получившего задачу сделать путем пропаганды китайского императора королем французов, то тот подсчитал бы на бумаге и потом бы объявил, что это будет стоить 375.000.000 золотом, то он это выполнил бы! Он подчеркнул свою веру в силу пропаганды!

Упомянул и об Англии, об ее ошибочности в заключении договора с совдепией, даже вытащил мне «Таймс» с условиями договора.

Говоря о пропаганде, он с горем сказал, что понял ее суть, но, к сожалению, не имеет денег, чтобы купить «Таймс», «Ган» и

«Коррьере делла Сера», что деньги все у жидов, почему и власть в их руках.

Такова была беседа. Скажу несколько слов моих выводов о личности этого человека.

Сильный, по-видимому, честный роялист, он борется и боролся честно и идейно, как боролся Корнилов и Деникин¹².

Он НЕ уверен в победе, он называет румын «могильщиками», воюющими там, где болен хозяин, он говорил, что все равно от чехов и румын рты текут в Венгрию, и «Клемансо этого изменить не сможет!»¹³.

Он озлоблен на ближайших соседей, он все же боится большевиков.

Он ненавидит жидов!!

Человек он недюжинный, и свидание с ним я считаю исключительно интересным.

Заклучилось оно недоразумением, объяснившим мне его разговорчивость и откровенность¹⁴.

По-видимому, он считал меня за посланца Врангеля с письмом, так как спросил, как долго я думаю пробывать в Будапеште.

Я ответил, что до той поры, пока он мне это разрешит, так как генерал Врангель возложил на меня постоянное представительство при нем.

Ответил он мне любезно, но, видимо, несколько растерявшись.

Вообще, несмотря на любезный прием, я должен сказать, что о нас он думает мало и как силу нас не учитывает (спросил, правда ли, что французы нам перестали давать деньги). Говорил, что глубоко сочувствует нашему положению, но это слова, ему нужна сила, а в нас, плененных французами, он, по-видимому, ее не видит¹⁵.

Боюсь, что я не все записал, но все же я записал не мало. Если потом что-либо еще вспомню – запишу.

[...]

Примечания

¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 5. Л. 114–119.

² Речь идет о королевском дворце в крепости на будайской горе. Хорти просил и получил разрешения от короля Карла IV-го жить и держать свою резиденцию в королевском дворце.

³ РОЗЕН Владимир Григорьевич, барон, капитан (1896–1966). Офицер Л. Гв. Преображенского полка. Один из помощников Алексея фон Лампе. Сын убитого большевиками барона, генерал-лейтенанта в отставке Григория Александровича Розена и венгерской графини Маргит Баттьяни. Его крестным отцом был великий князь, Владимир Александрович, сын императора Александра II. Барон Розен имел корни и широкие родственные связи в венгерской аристократии. Через своего дядю Михая Пронаи он был в родственных связях с упомянутым выше Палом Пронаи. В 1925 г. принял венгерское гражданство. Во время Второй мировой войны с приближением фронта покинул Венгрию. Умер в Буэнос-Айресе.

⁴ А. фон Лампе часто называет Хорти диктатором страны, однако на самом деле его полномочия, как главы государства, были ограничены законом, существованием парламентарной системы и достаточно большого удельного веса в венгерской политической жизни правительства.

⁵ Первый обмен письмами между Хорти и Врангелем состоялся еще в июле 1920 г. когда контр-адмирал Александр Дмитриевич Бубнов приехал в Венгрию с письмом Главнокомандующего Русской Армией. Хорти и Врангель обменялись несколькими вежливыми фразами в адрес друг друга и оба выразили надежду на дальнейшее сотрудничество на антибольшевистской основе между венгерским и русским народами. (MOL K-64–1920–41/300)

⁶ Город Сегед, южная часть Венгрии. Летом 1919 г. под руководством Хорти здесь сформировалась антибольшевистская Венгерская Национальная Армия. На начальном этапе армия на самом деле представляла собой слабый конгломерат разных офицерских подразделений, находившихся в городе с общей численностью от 500 до 3000 военных.

ФРАНШЕ Д'ЭСПЕРЕ Луи Феликс Мари Франсуа, маршал (1856–1942), французский военачальник, в 1918–1919 гг. главнокомандующий Восточными Союзническими Армиями и Балканским фронтом.

⁷ КАРОЙИ Михай граф (1875–1955), венгерский политический деятель, во время Первой мировой войны находился в оппозиции правительству, был известен о своих про-антантских настроениях. В октябре он и его соратники создали Венгерский Национальный Совет. Он считался одним из лидеров революции «осенних роз». 31 октября он был назначен главой венгерского правительства. С января 1919 г. – президент Венгерской Народной Республики. Он питал излишние, почти детские иллюзии на счет того, что под лозунгами пацифизма, всеобщей демократизации он встретит поддержку у держав-победительниц и может добиться для Венгрии справедливых и приемлемых условий мира. В марте 1919 г. был поставлен в безвыходное положение французами, требовавшими новых территориальных уступок от Венгрии в пользу Румынии. После этого Каройи ушел в отставку, власть перешла в руки социал-демократов и коммунистов (Венгерская Советская Республика). С 1919 г. жил в эмиграции, вел активную деятельность против режима Хорти, при этом искал поддержку главным образом в Праге, Белграде и Париже. В межвоенной Венгрии его обвинили в сознательном пре-

дательстве и подготовке прихода к власти венгерских коммунистов, был осужден на конфискацию имущества. После Второй мировой войны на некоторое время вернулся в политику, был венгерским послом в Париже. С этого поста ушел в отставку в 1949 г.

Хотя Хорти с самого начала не скрывал свое отрицательное отношение к политике и правительству Каройи, мы не располагаем достоверными сведениями о том, что он предсказал ее возможные последствия в такой форме, в какой он здесь представил Алексею фон Лампе.

⁸ Отношение Хорти к белому террору было противоречивое. На словах он обычно одобрял политику «твердой руки», но когда он сталкивался с тем, что это значит на практике (убийства, истязания, бесчинства), то это вызвало у него отрицательное отношение. Под влиянием некоторых политических деятелей (в том числе графа Иштвана Бетлена), старался подобные явления упразднить. Сведения о совершенных офицерскими частями убийствах он был склонен приписать к враждебной пропаганде, к стремлению оклеветать его офицеров. Венгерская левая эмиграция и зарубежная коммунистическая пропаганда всячески пытались преувеличить размеры и ужасы белого террора (который действительно имел место) в заграничной прессе.

⁹ Речь идет о пресловутых «Протоколах сионских мудрецов», о всемирном еврейском заговоре. Текст «Протоколов» был составлен по заказу Охранки, он по всей вероятности является плагиатом малоизвестного политического памфлета Мориса Джоли, «Диалог в аду между Монтескье и Макиавелли», направленного против Наполеона III. Автором, вернее плагиатором чаще всего называют Матвея Головинского, который действовал по указанию Петра Рачковского, заведующего Заграничной Агентурой Департамента Полиции. Упомянутый Алексеем фон Лампе неуравновешенный Сергей Александрович Нилус дал свое имя одному из вариантов изданий, который первый раз вышел в свет в декабре 1905 г. (*Bebesi György. A feketeszázak.* – Budapest: Magyar Ruszisztikai Intézet, 1999. С. 69–85.) Примечательно, что Алексей фон Лампе отзывается весьма скупой и сдержанно о «Протоколах» в разговоре с Хорти, хотя он тоже был склонен связать еврейство со столь ненавистным им революционным движением.

¹⁰ ФРАНЦ ИОСИФ I ГАБСБУРГ (1830–1916), австрийский император и венгерский король. С его именем связаны подавления венгерской революции и борьбы за свободу в 1848–49 гг., эпоха нового абсолютизма, соглашение с венграми в 1867 г., создание двуединой Австро-Венгерской монархии, так называемые «счастливые мирные времена» и вступление Австро-Венгрии в Первую мировую войну.

¹¹ Тут А. фон Лампе, указав на общность мышления и взглядов, пытался тонко навести Хорти на идею принятия в Венгрию остатки армии Врангеля, но правитель ускользнул от прямого ответа.

¹² На самом деле Хорти никогда не вел против венгерской Красной Армии таких крупномасштабных операций, как упомянутые в тексте русские военачальники.

¹³ КЛЕМАНСО Жорж Бенжамен (1841–1929), французский политический деятель, с 1917 по 1920 г. премьер-министр Франции. На Парижской мирной конференции боролся за резкое ослабление побежденных государств, в том числе и Венгрии.

¹⁴ Здесь и далее мы еще неоднократно встречаемся с тем, что Хорти, видимо, принял А. фон Лампе за своего человека, за своего единомышленника, представителя «белой идеи», перед которым не надо сдерживаться. Из дневниковых записей А. фон Лампе четко вырисовываются невралгические точки мышления правителя: большевистская опасность, еврейский вопрос, роль пропаганды в формировании общественного мнения, безоружность страны и неблагодарность Европы в отношении Венгрии.

¹⁵ Тут фон Лампе, несомненно, преувеличивает роль Хорти, как возможного лидера в процессе «сплочения белых сил» в международном масштабе. Возможности правителя Венгрии на самом деле были весьма ограниченными, не выходили за рамки выведения из кризиса побежденной страны, находившейся под контролем держав-победительниц.

Именно в эти дни получил фон Лампе циркулярное указание генерала П.Н. Шатилова, начальника штаба Главнокомандующего Русской Армией, в котором он сообщил, что «Франция настаивает на скорейшем распылении армии», поэтому Врангель просит своих представителей принять решительные шаги в странах их пребывания и добиться приема «под любым видом возможно большого числа офицеров и солдат». Примечание А. фон Лампе в своем дневнике к этому указанию действительно свидетельствует о том, что в мышлении и взглядах Хорти и фон Лампе было много общего: «Таким образом, французы неустойчивую и переменную политику заканчивают абсолютным абсурдом – накануне проникновения большевиков в Западную Европу они уничтожают антибольшевистскую армию! Идиоты, трижды идиоты!» (ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 5. Л. 119, 121).

27, 28, 29, 30 марта (Будапешт)¹

Начну свою новую 28/33 книгу с весьма интересного, почти европейского масштаба события.

Сегодня из 4 источников: председателя (шеф) венгерского красного креста, венгерского лейтенанта Косича, жены моего хозяина, д-ра Петри и моего барона Розена слышал следующее (суть его, по крайней мере)².

26. III. в м. Сомбатхей, близь новой австрийской границы появился бывший Император Австро-Венгрии, Карл Габсбургский. Начальник местных войск, «большой легитимист», не встретил его, однако, как Наполеона ста дней, а заявила ему, что не может

ему передать войска, а рекомендует ему для этого проехать в Будапешт!³

Таков тон современных «служащих закону» военнослужащих!

Карл к 27 (пасха, воскресенье) прибыл в Будапешт, направился на квартиру Министра-Президента Телеки (это наверху в Буде), переоделся в форму венгерского полковника (неудачный чин для коронованных особ) и отправился (видимо пешком) во дворец⁴.

На гауптвахте его не узнали (НЕ Наполеон), он прошел и после доклада удивленного унтер-офицера адъютанту (что, король!?!), прошел к Хорти, как «моему вице-адмиралу».

В долгой беседе с Хорти последний выяснил ему, что во 1) он нарушил свое слово не приезжать в Венгрию, во 2) ратификация мира еще не состоялась⁵ и Венгрия не полноправна в переговорах и что 3) ему необходимо уехать обратно!

Это было 27-го в 3 часа дня (в час мы с Марушевским расписывались во дворце у Хорти), а 23-го в 6 часов Хорти мне говорил, что монархический вопрос должен быть решен юридически. Конечно, события 27-го были для него неожиданностью и тем больше чести для него, что он вышел из них спокойно.

Он, якобы, доказал Карлу, что его приезд вызовет вмешательство в жизнь страны Малой Антанты. По одной версии, Карл заявил ему, что на его приезд согласилась Большая Антанта (по проверке во французской миссии ответили, что ничего подобного)⁶ и Хорти удалось уговорить его уехать обратно – осложнение на этот раз лишь в том, что Австрия его не хочет обратно пропустить в Швейцарию, и для этого потребовали нейтральный испанский поезд. По другой – Карл засел в том же селении, с которого начал, объявил, что живым его из Венгрии не возьмут, и в войсках частью «Карлистах» (тоже ругают Карла за несвоевременность), частью приверженцах Хорти, можно ждать осложнений до вооруженного столкновения. Ясно, что от этого только выиграют коммунисты, притаившиеся в подполье.

Все это, несомненно, подлежит еще проверке, но, во всяком случае, это очень знаменательно, а в особенности для нас.

Дело в том, что сегодня я получил ряд бумаг, подтверждающих ультиматум французов (Совдепия, Бразилия или Перу!) и завтра нас по этому делу должен принять военный министр вместе с Марушевским. Я на пути к искусственной отмене этого приема.

В стране неспокойно, предвидятся внутренние осложнения благодаря сверхбестактной выходке Карла, можно ожидать даже гражданских столкновений, которые, повторяю, только на руку большевистским элементам, а тут я с моим ходатайством за переселение в страну наших офицеров и солдат⁷.

Не лучше ли немного подождать. Для пользы дела лучше отложить наше дело, дабы оно не прошло вскользь – об этом надо подумать завтра – может лучше и подождать.

Неужели же наше с Татой предчувствие нас не обманет, и мы накануне драпа из Венгрии. И на это похоже! Ко всему надо сейчас быть готовым!

[...]

Примечания

¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 5. Л. 122.

² КОСИЧ Карой, лейтенант, сотрудник военного министерства (контрразведки); его прикомандировали в качестве офицера связи к А. фон Лампе.

ПЕТРИ Пал (1881–1945), венгерский политический деятель, парламентский депутат, с 1922 г. госсекретарь Министерства Религии и Общественного Образования. А. фон Лампе со своей семьей нанял у него квартиру на улице Кирай Пал, где держал и свою канцелярию.

³ КАРЛ I/IV, ГАБСБУРГ (1887–1922), с 1916 г. последний император Австрии и король Венгрии. Он неудачно пытался заключить сепаратный мир с державами Антанты, и тем самым спасти свою империю от расчленения. В ноябре 1918 г. в Экартсау издал декларацию о том, что он отказывается от участия в государственных делах. В дальнейшем такая гибкая формулировка была источником острых дебатов, так как, по сути дела, в ней не было речи об отречении государя. В 1921 г. Карл два раза пытался вернуться на венгерский престол, после второй попытки он с семьей был депортирован на остров Мадейра (Португалия), где в следующем году умер. В 2004 г. был беатифицирован католической церковью.

Речь идет о полковнике Антале ЛЕХАРЕ (младший брат известного композитора, Франца Лехара). Он обещал свою и своих войск поддержку Карлу с условием, если король во избежание возможности гражданской войны вступит в переговоры с Хорти. (*Shakmyster Thomas. Admirális fehérlóvon.* – Budapest: Helikon, 2001. С. 93–94.)

⁴ Речь идет на самом деле не о квартире, а о резиденции премьер-министра, об «Александровском дворце» (Шандор-палота) в Будайской крепости (ныне резиденция президента республики), что находится рядом с королевским дворцом, где жил Хорти.

⁵ Ратификация Национальным Собранием Трианонского договора состоялась еще 15-го ноября 1920 г. Хорти в тот же день подписал принятый Национальным Собранием закон о вступлении в силу договора. Однако это не изменило полную изолированность Венгрии и строгий контроль над страной держав-победительниц, которые со своей стороны медлили с ратификацией до весны-лета 1921 г. Обмен ратификационными нотами состоялся 2-го июля 1921 г. в Париже.

⁶ В разговоре с Хорти Карл ссылался на поддержку Аристида Бриана. Опасаясь выговорить его фамилию, он записал ее для Хорти на куске бумаги. Карл через посредников на самом деле вел переговоры с французским премьер-министром, и видимо в частном порядке действительно получил от него какое-то обещание, из которого он сделал вывод, что Большая Антанта не будет протестовать против реставрации, если она будет поставлена перед свершившимся фактом. (*Shakmyster*, 2001. С. 97–98.)

⁷ А. фон Лампе с опасением следил за политическими событиями. Тот факт, что премьер-министр Телеки ушел в отставку, фон Лампе оценивал, как сдвиг страны влево. С другой стороны считал, что события отвлекают внимание венгерских политиков от главного для А. фон Лампе вопроса, принятия солдат армии Врангеля в страну. «От перемены министерства теряет и наше дело», «Правительству не до нас», «Все надо начинать сначала» – записал в своем дневнике. (ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 5. Л. 140–141).

8 апреля (Будапешт)¹

Вчера попал в какое-то казино, в общество золотой молодежи.

Предварительно я был на танцевальном вечере в отель Дунапалота (Ритц) устраиваемый дипломатическим корпусом и тут я ныл, что за гражданскую войну и ее треволнения – целый период прошел мимо меня. Я был в роли стариков, охающих на современность. Дамы буквально полуголые – плечи, грудь, ноги – больше уже почти ничего не остается.

Танцы совершенно на наш взгляд нелепые.

Словом я совершенно растерялся!

К тому же я один был в вестоне, а все, словно по форме, были в смокингах, и я позорно бежал. Слаб человек!!

Компания в казино была: Барон Розен, мой офицер, Юшт, граф Баттьяни (мальчик), граф Эстергази, граф Аппони, граф Телеки (ротмистр 7-го гусарского полка) и несколько офицеров этого полка, справлявших свой полковой праздник в этом казино².

Оригинальный обычай полка: За 15 лет службы на руке татуируется «Н.7.», а за 25 дарят «почетную саблю».

С одним из офицеров полка, Ковачем мы долго говорили. Он очень долго доказывал, что нам необходимо осуществить «комбинацию Меттерниха» Россия – Германия и не Австрия – Венгрия! Он говорил, что надо было нам отдать проливы, Константинополь и т. д. Он же с недовольством говорил о предвоенной деятельности в Галиции графа Бобринского и Геровского!³

Вся молодежь, надо думать со слов старших, порицает выступление короля Карла. Это замечательно – ведь это же все магнаты (я говорю о старших, так как эта молодежь богатая, пассивная и беззаботная – поневоле будит во мне совершенно большевистские мысли!).

Был и Марушевский, крайне живой и подвижный – он и пел, он и играл – я был много мрачнее и старше его!

Играли цыгане, знаменитые на весь город. По-нашему, это румыны типа Гулеско. Наших цыган они не видели и во сне!

Пили... водку (теркел), закусывали... шампанским. В середине вечера подали «сэндвичи» – круглая булка с ветчиной! Все довольно своеобразно: когда пили тост за нас, то играли... «гайда тройка»! Стоит все много! С нас не захотели ничего брать, и мы с Марушевским дали по 500 крон старому цыгану, игравшему еще Императору Александру II.

Сегодня говорил с итальянским генералом Монбели (?)⁴ о переброске нашей армии. Он, как и все, «сочувствует», но говорит, что это слишком большое дело и мне необходимо говорить не с ним, а с послом! Всюду тоже! А, в конце концов, это вырисовывается в международное дело, а, следовательно, и бесконечное! Что-то будет?!

Во всяком случае, со своим послом он поговорит до встречи последнего со мною. И это помощь.

Суховат, но очень милый человек. По-французски говорит средне – поговорить любит, так как пустился в большие объяснения, почему греки не понимают маневра и не могут драться с турками, столь крепкими в окопах.

Как будто мы лучше него по бесчисленным войнам с турками не знаем этого свойства турецких войск.

А Плевна-то на что!!!

Примечания

¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 5. Л. 144–150.

² На основе описания А. фон Лампе невозможно установить, кто именно из членов упомянутых видных аристократических фамилий присутствовал на этом мероприятии.

³ ГЕРОВСКИЙ Алексей Юлианович (1883–1972), общественный и политический деятель, уроженец Львова (Лемберг), боролся за упрочение позиции православной церкви и русского языка на территории Галиции, Буковины и Подкарпатской Руси. Из множества разных национальных движений, которые имели корни на той территории (украинский, автохтонный русинский, великорусский и т. д.) он был сторонником идеи единой русской нации. В ходе его деятельности неоднократно имел столкновение с австрийскими и венгерскими властями, последний раз был арестован в связи со вторым процессом в Марамарош-Сигет над русинами, обвиняемыми в государственной измене. Братья Гербовские выступали в защиту арестованных, они были арестованы, но им удалось сбежать в Россию.

БОБРИНСКИЙ Владимир Алексеевич, граф (1867–1927), русский политический деятель, член Государственной Думы трёх созывов; представитель неославизма. Активно поддерживал и субсидировал разные славянские движения на территории Австро-Венгрии.

МЕТТЕРНИХ Клеменс Лотхар, князь (1773–1859), австрийский политический деятель, с 1809 г. министр иностранных дел, с 1821 г. – канцлер. Стронник сотрудничества империи Габсбургов с Россией.

⁴ Правильно: МОМБЕЛИ Эрнесто, генерал-майор (1867–1932). В Первой мировой войне командовал дивизией, потом корпусом на македонском фронте. В 1919–1921 гг. итальянский член Военной Миссии Союзников в Венгрии, в 1922–1925 он был адъютантом короля Эммануила Витторио III.

9, 10 апреля (Будапешт)¹

Таким образом, я, по указанию военного министра, переговорил с начальниками французской и итальянской миссий. Оба хотя и сказали, что это дело, в сущности говоря, дипломатическое, но оба отнеслись сочувственно и, что могли, сделали. Проще поступил англичанин Гордон² – он заявил своему помощнику, что это не его дело и успокоился, не ответив ни на бумагу, ни на мое заявление о том, что я хочу с ним поговорить!

Оригинально, чтобы не сказать больше! Ну да ничего не поделаешь, мы не Великая Россия, и приходится глотать. Все же надо с ним говорить.

По словам Верисоцкого, бывшего здесь в генеральном штабе, там путаются, кто же русский представитель: Комиссаров, Вискупский,³ Глазенап, Марушевский или я! По-моему, венгры сами желают обманываться – я получил признание из Министерства иностранных дел, о чем оно сообщило в Военное Министерство – таким образом, мой документ легализован (скажу откровенно, что их никто не смотрел, разве что я сам показывал) – а они все еще ищут кого-нибудь, кто бы их надул!

С таким направлением можно всегда попасть впросак!

Элементы, напавшие на меня в первые дни – Харитон, Хрипунов, Железнов⁴, – оставили меня в покое. Что-нибудь одно: или они решили, что осеклись, или я им показался слишком малозначимым! Во всяком случае, могу сказать одно: что они мне – в особенности, два последних – здорово надоели, и я рад их тому или иному разочарованию.

Примечания

¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 5. Л. 146–147.

² Правильно: ГОРТОН Регинальд Ст. Георг (1866–1944), генерал бригады, английский член Военной Миссии Союзников в Венгрии.

³ ВЕРИСОЦКИЙ Федор Иванович (1880–1950), юрист, статский советник, в гражданской войне был сотрудником разведывательной части особого отдела Вооруженных сил Юга России и Русской Армии. Судья по источникам, в Венгрии он побывал обычно проездом. С 1925 г. жил в Париже, работал шофером такси.

КОМИССАРОВ Михаил Степанович, генерал-майор жандармерии (1870–1933). С 1904 г. возглавлял отделение Департамента Полиции по наблюдению за иностранными посольствами. Считался экспертом расшифровки телеграмм. Был начальником различных Жандармских Управлений, в т. ч. Енисейского, Пермского, Саратовского. В Венгрии он появился летом 1920 г. во главе так называемой «группы Комиссарова». Группа состояла из русских и немецких политических и военных деятелей второго разряда. Что касается политических представлений Комиссарова, то из венгерских архивных документов вырисовывается весьма пестрая картина. В Венгрии

он хотел создать антибольшевистский центр и разведбюро. Кроме этого он хотел напечатать романовские рубли в Венгрии. Конечной целью своих политических стремлений он назвал создания блока России-Германии-Венгрии-Японии. За венгерскую и немецкую поддержку он собирался платить сырьевыми ресурсами Южной России, для чего он хотел установить контакт с Врангелем. План был лишен всякой реальной основы, Комиссарова в Крым даже не пустили. В дальнейшем Комиссаров стал агентом советских спецслужб. В 1922 г. в Болгарии он уже фигурировал как советник О.А. Пятницкого.

БИСКУПСКИЙ Василий Викторович, генерал-майор (1878–1945). В гражданской войне в 1918 г. командовал войсками Скоропадского. В эмиграции жил в Германии, принимал участие в путче Каппа. Был в тесной связи с крупном ген. Людендорфа. Один из руководителей «Ауфбау» (Возрождение). Бискупский неоднократно бывал в Венгрии, где участвовал в переговорах баварских, русских и венгерских кругов. Суть переговоров сводилась к тому, что в Венгрии, как в надежном тылу надо создать военные базы, разведывательный центр, организовать белые вооруженные отряды, печатать деньги. Конечной целью подобной работы назвали восстановление трех монархий в ЦВЕ. Мероприятие кончилось тем, что венгерское правительство, со временем осознав рискованность и безнадежность подобных планов, отказалось от поддержки якобы созданного в Венгрии «Союза Угнетенных Народов» и от выплаты обещанной для организационной работы суммы в 6,5 миллионов крон (О подробностях этих переговоров: HL 1920 VKF микрофильм В/161. пленка 3052/1987 № 23.152 и HL 1920 VKF микрофильм В/161. пленка 3050/1987 № 23.130. Л. 463–464).

⁴**ХРИПУНОВ** Николай Николаевич, полковник (?–1938) Офицер Лейб-Гв. Конного полка. Полковник 5-го гусарского полка. Служил в Вооруженных силах Юга России, был эвакуирован из Новороссийска. В эмиграции сначала жил в Королевстве СХС, потом до своей смерти в Венгрии. Один из лидеров Русского Монархического Объединения в Венгрии.

Биографические данные Железнова выяснить не удалось.

11 апреля (Будапешт)¹

Вчера отправился в Гедело к подполковнику генерального штаба Покорни², бывшему в Крыму под псевдонимом Циммермана. Там же был и его начальник полковник Стоякович³, начальник разведывательного отделения генерального штаба.

Провел время довольно мило. Между прочим, Покорни оказался участником переговоров в Бресте. По его словам, замечательную роль играл Троцкий, благодаря тому, что Кюльман все

переговоры превратил в словопрения, в которых Троцкий его все время побивал. Побивал не только на «пролетарских» выступлениях, но и на исторических примерах.

С нашей стороны были среди офицеров генерального штаба Цеплит, Липский, Фоке, Скалон (на другой день застрелившийся – его торжественно хоронили).

Какую грязную роль играли немцы – с одной стороны, принц Леопольд Баварский, генерал Гофман и т. д. – с другой, Троцкий-Бронштейн, Иоффе, Биценко (лахудра), Каменев и др. Хороши группы: Троцкий, Липский, адмирал Альтфатер, Иоффе... Есть группы – в первом ряду Каменев, Иоффе, Биценко и еще кто-то. Во втором – Липский, Троцкий и Карахан... Она была когда-то в окне у Геровского в Екатеринодаре.

А в то время как эти «офицеры» генерального штаба в погонах и в форме там продавали Россию – мы не верили в реальность мирных переговоров!

Окончательно мир подписан, кажется, Биценко, Иоффе и Каменевым после германского наступления.

Формула Троцкого «ни войны ни мира» произвела ошеломляющее впечатление, что не помешало Германии ценою своего наступления получить запасы (шины), в некоторой части своей, по словам того же Покорни, питающие Германию до сих пор!⁴

Полковник Стоякович, с которым мы ходили в парке около дворца, где 2 года тому назад был красный штаб, а прошлым летом жил Хорти.

Как похоже их настроение на наше и их история – на нашу. Когда власть в стране захватило Временное правительство, во главе его оказался граф Каройи (старый, безличный, кретин, сифилитик), которым пользовались в качестве ширмы. (Ну не наш ли «загадочный» князь Львов?).

Потом, когда вся страна была доведена до полного разложения непрерывным отходом армии, продолжавшимся по настоянию правительства Каройи, когда часть ее была занята противником – Каройи добровольно сдал власть большевикам⁵.

Под влиянием последних (!) был предпринят контрудар, часть страны освободилась, во главе штаба стал настоящий офицер,

проводивший национальную политику (фамилии не помню, что-то на «Ш»⁶), но большевизм выявил сам себя и в конце концов все кончилось полным развалом и румынской оккупацией.

Одновременно с этим из Сегедина наступал Хорти, к которому и перешла в конце концов власть!

Днем узнал новость. Накануне приехали из Парижа Глазенап и барон Таубе. Они привезли массу надежд и кое-что денег. Борх – адъютант Глазенапа – надел форму⁷, подполковник Мадатов получил на штатское, говорят о назначениях. Называют имена Бобшко, Владимирова (Новогребельского), по словам Верисоцкого, на северном (западном) фронте заподозренного в большевизме, называют начальником штаба и т. д.⁸.

Вечером в кафе на собрании русской колонии я встретился с Таубе [...] на пути домой, он начал мне развивать все ту же идею, что днем развивал и Марушевскому – Врангель в Париже окончательно кончен, произнесение его имени на улице граничит чуть ли не с линчеванием и т. д. На нем надо поставить крест и добиться согласия венгров на французские деньги (чуть ли не 100.000.000) формирования здесь частей, но исключительно из северных элементов (а непопулярность Глазенапа в Северо-Западной армии?!)⁹.

Словом, заваривается нехорошая каша против Главнокомандующего лично Глазенапом, захотевшим в мутной воде тоже стать «Врангелем».

Судя по разговору со мною Таубе, их позиция не очень-то прочна. Очень меня интересует, будут они меня совершенно игнорировать или же нет. Я бы на их месте сделал первое – Таубе вчера делал второе.

Однако увидим – мы сегодня с Марушевским решили тоже работать – он переговорит с Хомеленом (его рапорт в Париже был против Глазенапа!) и Фуше, а я сегодня говорил с итальянским посланником князем Кастаньето и буду говорить с Холером¹⁰.

После этого выяснится линия поведения. С одной стороны, предприятие Глазенапа – вытягивание военнослужащих в Венгрию – совпадает с моим – переброска частей Армии в Венгрию, –

а с другой, оно, несомненно, будет работать на полное отделение от Врангеля – надо или идти на риск, или совершенно от него отделиться.

Вот в этом-то и есть вопрос!

Я думаю, что многое, в том числе и денежную ссуду, надо отнести на счет фантазии Глазенапа, но все же не скрою, что неприятностей будет немало!

Борьба мне нравится – но признаю, что у него шансов много – ведь слово французов здесь закон!

Был сегодня также у сербского посланника Милоевича – встреча была очень и очень милая – он с готовностью разрешил мне пользоваться его курьерами (впоследствии потребовал, чтобы все давалось ему распечатанным – VIII-924); по его словам, лучший исход для армии Врангеля – переход в Сербию, где в южной ее части много земель и приложения труда!¹¹

Примечания

¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 5. Л. 147–149.

² ПОКОРНИ Херманн, генерал-полковник (с 1945 г.) (1882–1960), по рождению австрийский немец из Моравии. Свою военную карьеру начал в генеральном штабе австро-венгерской армии, где специализировался на России (выучил язык, в 1912 г. по обмену провел в России несколько месяцев). Во время войны считался экспертом по расшифровке радиотелеграмм. В 1917–1918 гг. принял участия в Брест-литовских переговорах с большевиками. После распада Австро-Венгрии оппортирован в пользу Венгрии и служил в венгерской армии. В июле–октябре 1920 г. был прикомандирован в Крым как разведчик, чтобы информировать венгерское военное и политическое руководство о положении Врангеля. Во время своего пребывания в Венгрии А. фон Лампе в служебном и частном порядке неоднократно встречался с Покорни. В этих встречах они обычно остановились на Брест-литовских переговорах. После генштаба Покорни служил в войсках. В 1935 г. был уволен на пенсию. В 1945 г. работал в ставке маршала Р.И. Малиновского, потом в Венгерском Министерстве Иностранных Дел. (О личности и деятельности Покорни см. подробно: *Pokorny Hermann. Emlékeim. A láthatatlan hírszerző.* – Budapest: Petit Real, 2000.)

³ СТОЯКОВИЧ (с 1935 г. СТОЯИ) Дэме (1883–1946), венгерский офицер сербского происхождения, в первой половине 1920-х был руководителем контрразведывательного отдела венгерского генерального штаба (небезын-

тересно отметить, что в 1919 г. во время венгерской советской республики Стоякович еще служил в венгерской красной армии, руководил разведывательным и контрразведывательным управлением командования красной армии.) Он регулярно встречался с А. фон Лампе, обменивался информацией о большевиках, по вопросам русской эмиграции в Венгрии. С 1927 военный атташе в Берлине, с 1933 по 1944 г. был венгерским посланником в Германии. После оккупации Венгрии немецкими войсками в марте 1944 г. он был назначен премьер-министром венгерского правительства, во главе которого он фактически играл роль «венгерского Квислинга». В 1946 г. был казнен как военный преступник.

⁴ Упомянутые Алексеем фон Лампе в этой части лица:

члены и эксперты советской делегации – ТРОЦКИЙ Лев Давыдович (1879–1940), ИОФФЕ Адольф Абрамович (1883–1927), КАМЕНЕВ Лев Борисович (1883–1936), КАРАХАН Л.М. (1889–1937), БИЦЕНКО Анастасия Алексеевна (1875–1938), АЛЬТФАТЕР Василий Михайлович, контр-адмирал (1883–1919), ЦЕПЛИТ Илья Яковлевич, подполковник (1881–1956), ФОККЕ Джон Гугович, полковник (?–1925), ЛИПСКИЙ Владимир Владимирович, капитан (1890–1943), СКАЛОН Владимир Евстафьевич, генерал-майор (1872–1917);

немецкие военные и политики – КЮЛМАН Рихард фон (1873–1948), министр иностранных дел Германии, ЛЕОПОЛЬД ВИТТЕЛЬСБАХ, принц Баварский (1846–1930), главнокомандующий немецкими силами на восточном фронте, ГОФМАН, Макс генерал (1869–1927), начальник штаба принца Леопольда.

⁵ А. фон Лампе в своем дневнике неоднократно сравнивает Каройи с лидерами Временного правительства, с князем Г.Е. Львовым или с А.Ф. Керенским. Несмотря на неумелые, порой бестактные действия Каройи во главе правительства и государства, о сознательном предательстве и о добровольной передаче власти коммунистам не было речи, хотя политические оппоненты Каройи часто обвиняли его в этом.

⁶ Речь идет о полковнике Ауреле ШТРОМФЕЛЬДЕ (1878–1927). В Первой мировой войне сражался на разных театрах военных действий, был одним из тех офицеров, кто осенью 1918 г. провел свой полк в Венгрию, сохранив оружие и боеспособность, однако правительство Каройи заставило его расформировать эти части. Весной 1919 г. он был назначен начальником генерального штаба венгерской красной армии. Должность эту он принял по патриотическим соображениям, поэтому его фигура часто сравнивается с фигурой генерала А.А. Брусилова. С именем Штромфельда связана успешная северная операция Венгерской Красной Армии, в результате чего значительная часть страны была освобождена от чешской оккупации. После принятия коммунистами ноты Клемансо с требованием вывода войск из Верхней Венгрии он подал в отставку.

⁷ В отличие от некоторых других стран в Венгрии иностранную военную форму могли носить только члены дипломатических и военных миссий. Это

правило распространялось и на русских эмигрантов. В некоторых эмигрантских кругах это вызвало недоумение и сопротивление. А. фон Лампе пытался эти явление преодолеть, и не без досады писал о тех, кто не хотел подчиняться местным правилам и законам: «Идиоты, да лускай одевают хоть фельдмаршальскую форму с пером на задку! Мне-то не все ли равно, их же учу уму-разуму, да и форму нашу, так нам любимую, а теперь затасканную, заплеванную – жаль!.. Сам я буду носить в официальных случаях и только» (ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 5. Л. 141).

⁸ ТАУБЕ Михаил Александрович, барон (1869–1963), юрист-международник, дипломат, историк, в эмиграции был членом Высшего Монархического Совета. В начале 1920-х гг. жил в Берлине, откуда несколько раз приезжал в Венгрию. Принадлежал к кругу Глазенапа.

БОБОШКО Лев Александрович, генерал-майор (1883–1968). В гражданской войне командовал бригадой в Северо-Западной Армии Н.Н. Юденича. На территории Польши принимал участие в создании 3-й армии (армия Пермикина). Из Польши он приехал в Венгрию по просьбе Глазенапа, чтобы стать членом командного состава будущих формирований. После венгерского эпизода своей эмиграции он некоторое время жил в Греции, потом переехал в США.

ВЛАДИМИРОВ (НОВОГРЕБЕЛЬСКИЙ) Александр Василевич, генерал-майор (1871 – после 1919). В гражданской войне в составе Северо-Западной Армии.

Биографические данные других, упомянутых в абзаце лиц неизвестны.

⁹ План – как об этом уже говорилось выше – был лишен всякой реальной основы. Создание в Венгрии антибольшевистских (и необязательно русских) вооруженных частей (и переброска их на польский фронт) было предметом разговоров между венгерскими и французскими политическими деятелями и дипломатами лишь во время польско-советской войны 1920 г. В Будапеште и в Варшаве разрабатывались разные варианты военного сотрудничества, для чего надо были бы изменить военные клаузулы Трианонского договора. Венгры неоднократно просили об этом французов и англичан, однако из Парижа и Лондона следовали уклончивые ответы. С поражением Красной Армии под Варшавой весь вопрос был снят с повестки дня (*Romsics Ignác. A trianonai békeszerződés. – Budapest: Osiris, 2001. С. 211–213*).

¹⁰ Правильно: АМЛЕН (Hamelin, франц.) Жюль-Камил (1866–1958), генерал, начальник французской военной миссии в Будапеште.

ФУШЕ Морис (1873–1924), французский дипломат, с марта 1920 г. главный уполномоченный Франции в Венгрии, в 1923 г. был назначен послом Франции в Афганистане, умер в Кабуле.

КАСТАНЬЕТО Гаetano Карачиоло, князь (1879–1923), итальянский дипломат, служил, в том числе, в Вашингтоне, Константинополе, Бухаресте; С 1920 г. до своей смерти был посланником Италии в Венгрии.

ХОЛЕР Томас Беамонт, сэр (1871–1946), британский дипломат, во время Первой мировой войны служил в Мексике, с 1920 г. был главным уполномо-

моченным Великобритании в Венгрии. Он имел хорошие личные отношения с Хорти, их знакомство началось еще до войны в Константинополе, где оба служили, как военно-морские офицеры на своих флотах.

¹¹ МИЛОЕВИЧ Милан (1874–1969): В 1921–1924 посланник Королевства Сербов Хорватов и Словенцев в Будапеште. Потом стоял во главе венского посольства КСХС.

На самом деле новое южнославянское государство не было в состоянии принять к себе (и тем более материально обеспечить) целый контингент остатков Врангелевской армии. Переговоры в Белграде по этому поводу тянулись с весны до осени 1921 г. За этот период в королевство СХС было принято около 12 тысяч бывших офицеров и солдат Русской Армии. До этого в стране уже находилось около 30 тысяч русских эмигрантов. Содержание эмигрантов отчасти финансировалось русскими средствами, некоторые части были приняты на службу в югославскую армию, другие же были поставлены на строительство железных и шоссейных дорог (*Йованович М. Обзор переселении русских беженцев на Балканы // Русский исход (отв. ред. Миронова Е.М.). – СПб., 2004. С. 165–200; Миронова Е.М. Дипломатическая поддержка формирования колонии русских беженцев в королевстве сербов хорватов и словенцев (1917–1922) // Русский исход (отв. ред. Миронова Е.М.). – СПб., 2004. С. 201–244).*

12, 13 апреля (Будапешт)¹

К вечеру 12 апреля я получил сведение о том, что в Белград прибыл Шатилов с целью работать по переселению армии в Сербию.

Моментально было решено действовать. Я снял Ф.И. Верисоцкого с его пути на Прагу и уговорил поехать в Белград. Написал Шатилову по всем вопросам – о переброске и Глазенапе.

Последний ведет себя умно – с Марушевским и Розеном очень любезен, а за глаза, вместе с бароном Таубе и князем Урусовым², говорит гадости об армии и Врангеле.

Французы самым определенным образом отказываются от каких-либо полномочий Глазенапа.

[...]

Сегодня в 10 часов представлялся Эрцгерцогу Иосифу³. Сидел у него 20 минут. Принял любезно. Рассказывал о том, что в период большевиков он один не покинул Венгрию, находился на лесных работах, сын его был арестован, и ему грозил расстрел.

Грозил!!! А у нас...

Он спросил меня, жив ли Государь...

Рассказывал, что Корнилов, полуживой от голода, легко раненный, был взят в плен. Корнилов просил снять часового у его дверей. Эрцгерцог ответил, что в случае, если Корнилов даст слово не бежать – он не только снимет часового, но и даст ему помещение у себя.

Корнилов отказался⁴...

Очень я потрафил Эрцгерцогу, сказав, что русские без различия окраски не простят румынам Бессарабию. «И мы тоже – Трансильванию», – с восторгом ответил Эрцгерцог!

[...]

Примечания

¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 5. Л. 149–150.

² УРУСОВ Лев Павлович, князь (1839–1928), русский дипломат, служил в разных европейских странах, в том числе был послом во Франции (1897–1904), Италии (1904–1905), Австро-Венгрии (1905–1910). В 1920–1921 гг., опираясь на прежние связи, неоднократно побывал в Будапеште, и поддерживал стремление П.В. Глазенапа к созданию вооруженных антибольшевистских частей.

³ ИОСИФ АВГУСТ ГАБСБУРГ *эрцгерцог* (1872–1962), член венгерской ветви семьи Габсбургов, внук венгерского палатина Иосифа Габсбурга. В первой мировой войне сначала командовал корпусом на восточном (русском) фронте, потом с 1915 сражался на итальянском театре военных действий. Во время революционных потрясений два раза был регентом Венгрии, в ноябре 1918 и в августе 1919 г. В межвоенный период был первым членом «Ордена Витязя», с 1936 г. – председатель Венгерской Академии Наук. За весь период он поддерживал адмирала Хорти, как правителя страны, но все же ходили слухи о его аспирации на венгерский трон. После второй мировой войны жил в эмиграции в США и ФРГ. Эрцгерцог Иосиф неоднократно встречался и беседовал с А. фон Лампе как и на разных общественных мероприятиях, так и в частном порядке.

⁴ КОРНИЛОВ Лавр Георгиевич, генерал от инфантерии (1870–1918), русский военачальник, один из видных деятелей белого движения. В апреле 1915 г. был пленен австро-венгерскими войсками эрцгерцога Иосифа. Содержался в разных местах (преимущественно в западной части Венгрии, в замке фамилии Эстергази, в деревне Лека). В конце июня 1916 г. бежал из военного госпиталя города Кёсег, перебрался практически через всю Венгрию и в августе 1916 г. пересек румынскую границу. Он оказался единственным из русских генералов, сбежавших из плена во время войны (О подробностях этого сюжета жизни Л. Корнилова см.: *Скрылов А.И.* Исторические данные

к побегу Л.Г. Корнилова из австро-венгерского плена // Вестник первопоходника. 1962. № 10. <http://vestnik-pervopohodnika.ru/publ/7-1-0-32>). В 1917 г. Корнилов был назначен командующим войсками Петроградского военного округа, потом уехал на фронт, где командовал 8-й армией. В июле его назначили Верховным Главнокомандующим Русской Армией. В августе его антибольшевистское выступление потерпело крах из-за неустойчивой позиции Керенского. После большевистского переворота Корнилов был одним из организаторов белого движения, погиб при штурме Екатеринодара.

21 апреля (Будапешт)¹

Сегодня имел разговор с де-Мозером², членом парламента и одним из лидеров партии «мелких земельных собственников», оставившей теперь свое министерство.

Он всецело идет на помощь мне в двух вопросах – переселение семьей (50–100) по разным помещикам и переселение частей армии (пара тысяч, как говорит он).

Итак, вчера передали мою памятную записку Хорти, сегодня имел разговор с де Мозером, разговор с военным министром и представителями Англии, Италии и Франции, разговор с Папским нунцием³ – словом все пущено в ход – надо ждать урожая! Дай Бог!

Де Мозер будет говорить с министром иностранных дел (он говорил с Грацем, но теперь граф Банфи)⁴, а завтра я буду говорить с Вильдом, напустить его на Бетлена, министра-президента!⁵

Это дипломатическая сторона!

Де Мозер видит смысл перемещения в будущей дружбе с Россией и в организации белых сил!

Кстати, Верисоцкий, вернувшись из Белграда, сообщил мне, что по особому мне секрету, сообщает, что наши части будут занимать границу (по-видимому, венгерскую)⁶ – это на случай вопроса со стороны венгров – сегодня Розен получил от Моллера (Преображенца)⁷ письмо, в котором тот без всякого секрета пишет о том же!

Обыкновенная для нас история!

Отношения с верхами русской колонии у меня не налаживаются, с Малама⁸ мы холодны, так как они с Глазенапом. По-видимому,

и Приклонский, которому Глазенап, несомненно, обещал Министерство Иностранных дел (!), там же!

Таким образом, я с демократией! Хотя и тут, офицерский союз, с возвращением Глазенапа, меня покинет. Сегодня я прямо, на вопрос вр. председателя союза, полковника Хрипунова о том, идет ли служба у Глазенапа в разрез с планами Главнокомандующего – ответил: «да, идет!»

Постепенно начинают сходитьсь, созданные Глазенапом – приехал генерального штаба полковник Яковлев, его начальник штаба в Ставрополе. По-видимому, «дела» налаживаются.

Что-то скажут друзья французы, явно предавшие на уничтожение совдепам нашу армию. Неужели же это делается в то же время, как закладывается фундамент новой Глазенаповской армии! Какой же в этом смысл? Если это только против Врангеля, то проще было бы поставить ему условием сохранения армии – его уход. Он, я нисколько не сомневаюсь, ушел бы сам!

А так! Зачем же гнусности, и под рукой начало новой организации? Думаю (по-моему), что Глазенап врет!

Прикомандированный ко мне в качестве офицера для связи венгерский гусар, лейтенант Косич, вчера напившись с М.М. Гореловым⁹ и полковником В.В. Степановым – проговорился им, что он контрразведчик.

Спасибо венграм за такое внимание!

Косич очень недоволен мною: не даю ему всюду лазать, дал ему для передачи запечатанный конверт, не кормлю бесплатными обедами (как Марушевский) – словом очень неприятный человек!¹⁰

Думаю, что и в этой области не обойтись без недоразумений. Его уже два дня, как нет у меня! Может он совсем не придет – если это не отказ в признании – то я очень рад.

[...]

Примечания

¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 5. Л. 173–176. Данный абзац наглядно показывает активность и широту действий А. фон Лампе с целью переселения остатков армии Врангеля в Венгрию.

² МОЗЕР Эрне (1886–?), депутат Национального Собрания; считался одним из экспертов по вопросам внешней политики Партии Мелких Землевла-

дельцев. Во время польско-советской войны был в дипломатической командировке в Польше. В 1920-е гг. был нотариусом внешнеполитического комитета Парламента, членом экономического комитета и комитета обороны. Он был одним из тех, через которого А. фон Лампе пытался действовать на представителей первого эшелона венгерской политики.

³ ШИОППА Лоренцо (1871–1935), в 1920–1925 гг. папский нунций в Венгрии, дуайен дипломатического корпуса.

⁴ Смена во главе министерства иностранных дел произошла в связи с уходом в отставку графа Пала Телеки и его правительства после неудачной попытки возвращения короля Карла на венгерский трон.

ГРАЦ Густав (1875–1946), политический деятель, историк, экономист. В 1920–1921 гг. министр иностранных дел. Во время второй попытки возвращения Карла на венгерский престол в октябре 1921 г. примкнул к карлистам. Был одним из лидеров немецкого национального меньшинства в Венгрии. В 1920-е гг. вел активную публицистическую деятельность в интересах признания СССР и установления с ним экономических отношений.

БАНФИ Миклош, граф (1873–1950), писатель, драматург, политический деятель. 1921–1922 гг. министр иностранных дел в правительстве Бетлена. Во время Генуэзской конференции вел секретные переговоры с Г.В. Чичериним о возможностях советско-венгерского сотрудничества против Румынии. В 1926 г. вернулся домой в Трансильванию, стал одним из лидеров венгерского национального меньшинства в Румынии. После второго венского арбитража стал членом верхней палаты венгерского парламента.

⁵ ВИЛЬД Йозеф (1881–?), в Первой мировой войне служил капитаном генерального штаба. В 1919 г. один из ближайших сотрудников Иштвана Бетлена, его советник по военным вопросам. С 1922 г. депутат Национального Собрания.

БЕТЛЕН Иштван, граф (1874–1946), венгерский политический деятель. С 1921 по 1931 г. премьер-министр. С его именем связана консолидация разоренной войной, революциями, румынской оккупацией и Трианонским договором страны. В 1931 г. в связи с мировым экономическим кризисом ушел в отставку, но и в дальнейшем имел большое влияние на Хорти, был своего рода серым кардиналом. Выступал против сближения Венгрии с гитлеровской Германией. После немецкой оккупации Венгрии жил в подполье, принимал участие в подготовке вывода страны из войны. В декабре 1944 г. добровольно сдался советским органам. Его вывезли в Москву, где находился под арестом. Умер в больнице Бутырской тюрьмы.

⁶ В дальнейшем служба по контракту некоторых частей Русской Армии в южнославянской армии приведет к серьезным осложнениям в отношениях венгерских властей и русской белой эмиграции.

⁷ МОЛЛЕР Михаил Николаевич, полковник (1890–1964), офицер Лейб-Гвардии Преображенского полка, участник гражданской войны, первопоходник.

⁸МАЛАМА Владимир Владимирович (1872–1935), из потомственных дворян Екатеринослава, служил в Министерстве иностранных дел на разных должностях; камер-юнкер двора Его Императорского Величества; представитель Российского Общества Красного Креста в Венгрии. Был авторитетной фигурой русской эмиграции в Венгрии, его считали главой местной русской колонии, в первой половине 1920-х гг. регулярно избирался на эту должность. Несмотря на первое не совсем положительное о нем впечатление А. фон Лампе, они хорошо сработались и стали ближайшими соратниками во внутренней борьбе в рядах русской эмиграции.

⁹ГОРЕЛОВ (ГАКЕБУШ) Михаил Михайлович (1878–1929), русский публицист, член редакции журнала «Биржевые ведомости». В Венгрии он вел активную публицистическую деятельность. Сначала старался обратить внимание венгерского общественного мнения на тяжелое положение русской армии, и просил о принятии их частей в Венгрию. Потом на стороне А. фон Лампе включался во внутреннюю борьбу между различными группами русской эмиграции в Венгрии.

Биографические данные полковника Степанова выяснить не удалось.

¹⁰В дальнейшем мнение А. фон Лампе о Косиче изменилось, и он хлопотал у Врангеля наградить его орденом Станислава III степени за поддержку русских в Венгрии. В письме П.А. Кусонскому пишет, что 2 года в плену в России, рубленая рана на его лице от русской руки со времен войны не сделали Косича врагом русских, а наоборот «он всегда работал в наших интересах». (ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 6. Л. 140.)

7 мая (Будапешт)¹

Сегодня, наконец, состоялся пресловутый «чай» русской колонии в залах Редута. Совершенно неожиданно для меня, ровно ничего не делая для чая, я вылез на первое место.

На чае были: Адмирал Хорти, Эрцгерцог Иосиф, его жена Августа². Первым в 5 с половиной (начало в пять) приехал Эрцгерцог – встретили его венгерским гимном, пел хор любителей. Прошли в залу, где для «Высочеств» был накрыт особый стол – сначала с ними (была еще и дочь) уселись Малама, а потом просили и меня. Я попал рядом с Эрцгерцогом.

В 6 часов приехал Адмирал Хорти – с места поздоровавшись со мною, он заговорил по-немецки и сказал, что получил мою записку, чтобы я не думал, что он ее не принял к исполнению, что он понимает положение, что сделает все возможное и даже больше того. Все это было чрезвычайно любезно и внимательно – бо-

юсь я только распространенного мнения, что дела вершит не Хорти, а кабинет! Во всяком случае, подмена письма Врангеля, задержанного Штрандтманом моей запиской, прошла гладко!³

Сидели за столом, разговор был самый не занимательный, о русских песнях, о лубке, об икре и т. п. ерунде. Для русских было, конечно, хорошо, что меня выгнали – но, Боже мой, сколько будет сплетен!

Не зная, как встать навстречу Хорти при его входе, мы решили играть венгерский гимн – тогда встали все, в том числе и Эрцгерцоги!

Забавно, что когда Хорти поднесли гвоздику, то он, одевая ее, сказал: «Можно одеть, белая!».

Эрцгерцог Иосиф опять говорил, что он не уехал во время большевиков, это, по-видимому, его конек. Я не выдержал и сказал, что у нас это было бы тяжелее! Он согласился...

Оригинально взаимоотношение Хорти с коронованными. Его жена таких совмещений избегает. Хорти первый подошел к Эрцгерцогу; потом довольно свободно поздоровался с ней и сел на главном месте между ней и дочерью. Не сладко августейшим!

После отхода знатных гостей я выкинул номер и, подойдя сам к генералу Глазенапу, долго говорил с ним.

Он доказывал, что французы поставили крест на Врангеле, что все направлено лично против него, что в силу такой же массовой ненависти к Врангелю работает так гнусно и Милюков⁴ и т. д. Оригинально, что по его словам я переоценивал значение учредителей-социалистов, так как они во Франции сейчас поддержки не имеют.

Так ли это?

Говорил, что французские круги, военные возмущены большевистским тоном последнего официального сообщения Франции, считают его большевистским и т. д.

Доказывал я ему, что денег французы никому не дадут – он, наконец, признался, что если и дадут, то очень немного! В общем, он очень ловок или становится сепаратистом только под влиянием своего «ординарца» баронессы Фредерикс, которая, кстати сказать, во время нашего разговора беспокоилась и суетилась чрезвычайно! Забавно это все... А дома я застал присланный

мне из Военного Министерства устав русских офицеров на заключение!

В общем, день «чая» был полезен – возможно, что я наделал гафф, Бог его знает!

Французский верховный комиссар Фуше очень любезно поздоровался со мною, и на его вопрос «как дела?» я с большим подъемом ответил «о, благодарю Вас, очень хорошо». Комедия, да и только!!!

Воображаю сплетни и пересуды русской колонии – делать всем нечего, претензии у всех большие, вот и время судачить и т. п. ерунда. А впрочем, Бог с ними!

Примечания

¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 5. Л. 201–203.

² АВГУСТА Виттельсбах эрцгерцогиня (1875–1964), внучка Иосифа Франца I, жена эрцгерцога Иосифа. В межвоенный период вела активную благотворительную деятельность.

³ Еще в середине апреля В. Штрандтман задержал у себя письмо Врангеля, адресованное адмиралу Хорти, потому что опасался, что оно может испортить отношения с Сербией. Взамен этого А. фон Лампе составил памятную записку для Хорти, в котором подробно излагал сложившуюся после эвакуации Крыма ситуацию и просил венгерский народ в лице Правителя и правительства оказать помощь тем, «кто в тяжелые дни европейской войны был благородным противником, и теперь в период тягостных революционных переживаний стал единственным товарищем венгров по несчастью». И когда они в будущем вернутся на родину, сохраняют «признательность к венгерскому народу, пойдут с мечтой когда-либо мощной русской рукой отплатить за оказанную им в тяжелую минуту помощь». Ко всему этому прибавил, что решение вопроса жизни и смерти всецело находится в руках Правителя Венгрии, что Хорти является единственным человеком, кто может идти на помощь Врангелю, только они вдвоем имеют опыт антибольшевистской борьбы (ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 6. Л. 54–55).

⁴ МИЛЮКОВ Павел Николаевич (1859–1943), российский политический деятель, историк; с марта по май 1917 министр иностранных дел в Временном правительстве. С 1918 жил в эмиграции, редактор газеты «Последние новости». Правые монархисты ненавидели его за его роль в отречении Николая II. В 1922 в Берлине на него было совершено покушение, жертвой которого стал В.Д. Набоков.

8, 9, 10 мая (Будапешт)¹

Совершенно незаметно пропустил я три дня и не писал ничего – 8-го провел весь день за осмотром города. Зоологический сад (очень полно и хорошо составленный) и костел св. Стефана, и «крепость рыбаков», существующая с 1350 года и вновь построенная за 12.000.000 крон в 1890 году. Очень она хороша – ценят венгры свою столицу, если не жалеют денег на такое ее украшение.

Был у меня подполковник Пронаи – командир офицерских батальонов – папаша белого террора. Довольно несуразный на вид господин, по-видимому, волевой. Разговор был довольно банальный, одно его заинтересовало, когда мы, наконец, бросим союзников и перейдем к немцам!!!

9 и 10 были заняты сплошь в канцелярии. Идет сильная волна офицерства на север – главным образом на Литву, вернее в Берлин, где они и застревают, и в Украину, частью домой, а частью к повстанцам!!! Думаю войти в сношение с украинским консулом (от Петлюры) – черт с ним – надо людей устраивать, а он может переправлять в Чехословакию!

Приходится всех устраивать. Удалось открыть ночлежку на 20 кроватей – сегодня она уже вся заполнена. Даю ночлег и обед, целый день кипятик – все, что могу, так как фунт все падает и падает – не знаю, право, как и быть дальше². Устал, не пишется что-то. Невольно вспоминаешь о моих дневниках, судьба которых загадочна и... не хочется писать!³

[...]

Примечания

¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 5. Л. 202–203.

² Несмотря на то, что к этому времени еще не удалось добиться согласия венгерского правительства на прием офицеров и солдат армии Врангеля, они прибывали в Венгрию маленькими группами в частном порядке. В их стремлении в Венгрию, несомненно, играли роль и слухи, которые упорно, но без всякой основы муссировались в Европе о якобы формирующихся на территории страны антибольшевистских вооруженных частях из русских эмигрантов. Забота о прибывших была почти непосильной задачей для А. фон Лампе. В эти дни можно встречать немало тревожных записок в его дневнике по этому поводу: «офицеры все прибывают и прибывают! Куда

это все только пойдет?», «народ валит валом», «едущие часто сами не знают куда идут и зачем», «бродит русское офицерство по всей Европе». Для их размещения министерство обороны ему отводило две комнаты в военном госпитале, с умывальником и уборной. Все это было – по словам А. фон Лампе – «не слишком шикарным», «но лучше, чем видеть русских офицеров на полу в полутемной прихожей Русского Комитета» (ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 5. Л. 200, 208, 212).

³ Первые 4 тетради дневника А. фон Лампе остались в Харькове, их дальнейшая судьба неизвестна (скорее всего, они погибли в гражданской войне), хотя она очень волновала А. фон Лампе.

28 мая (Будапешт)¹

28-го же вечером я был на большом рауте по случаю юбилея графа Альберта Аппони (между прочим, он получил приветственную телеграмму от Короля Карла IV) у министра-президента графа Бетлена².

Как мы или выросли, или отвыкли от такого, скажу нелепого, времяпрепровождения.

Роскошный особняк министра-президента в Буде, весь открыт, все полно людей. Масса народу (больше 700 человек). Там все: Хорти сам подошел ко мне, назвал мою фамилию, я подошел к Эрцгерцогу Иосифу – сказал с ним несколько слов. Приложился к хозяевам, жене Хорти, маленькому Эрцгерцогу (офицер) Францу Фердинанду, Эрцгерцогине Софии³, Папскому нунцию и т. п. Мне не трудно было встретить там решительно всех моих знакомых. Были все военные представители: Франции, Англии, Америки, Польши, Украины и... мы с Розеном.

Из русских был еще М.Г. Приклонский, блиставший австрийской звездой и крестом.

Я проводил мои дела о переброске: Хорти спросил о том, где будет жить Врангель, ничего не сказал о переброске (скверно), Вильд сказал, что не получил моей записки посланной через Карриуса⁴.

С военным министром Беличка⁵ мне поговорить не удалось.

Масса дам, оголение бесконечное. Можно их позавидовать – жара была страшная, и только на балконе, выходящем на цепной мост – можно было дышать и любоваться действительно чудным видом.

Ах да, Нунций сказал мне, что мой протест отправлен им папе Римскому. Что это даст? Думаю, что ничего – мы не католики.

На этой неделе пойду на решительные меры и может быть дойду до самого Хорти – пора вопрос решать во что бы то ни стало.

Забавны представители бывших частей России. Представитель Украины полковник Сикевич в украинской форме – с Владимиром III ст. на шее!⁶

Представитель поляков, думаю, что бывший русский офицер – в польской форме, меня презирает, хотя надо сказать, что я ему в свое время картон загнул.

В общем, конечно, мне было томительно скучно, и я был там только в силу служебной обязанности, чтобы показаться всем, кому надо было. Тоска и скука!

Тата, конечно, уклонилась от этого почетного приглашения. Сегодня я еду еще в оперу, тоже на торжественный спектакль.

[...]

Примечания

¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 5. Л. 226–227.

² Речь идет о большом приеме в резиденции премьер-министра Бетлена, данном в честь графа Альберта Аппони, которому 29-го мая исполнилось 75 лет. Одновременно праздновали и 50-летие начала его политической карьеры.

АППОНИ Альберт, граф (1846–1933), венгерский политический деятель, академик; депутат парламента в течение 63 года; министр просвещения в 1906–1910 и 1917–1918 гг. В январе-феврале 1920 г. был главой венгерской делегации на парижской мирной конференции. До своей смерти был представителем Венгрии в Лиге Наций.

³ Дети эрцгерцога Иосифа Августа, правильно – эрцгерцог Иосиф Франц (1895–1957) и эрцгерцогиня Софья Клементина (1899–1978).

⁴ КАРИУС Эдуард Иосифович, полковник, первопоходник, член и заместитель председателя Союза Русских Офицеров в Королевстве Венгерском (СРОВОКВ), но еще в середине 1920-х он порвал с организацией. Биографические данные не установлены.

По некоторым сборникам и справочникам в 1920-е годы в Венгрии жил КАРИУС Эдвард Фердинандович (1893–1974), участник 1–2-х Кубанских

походов, в Венгрии до 1927 г. был представителем Кубанского атамана. Во время Второй мировой войны он был представителем атаманов Дона, Кубани, Терека и Астрахани в Венгрии. После войны жил в Германии и США. (Смотри об этом, напр.: Русские в Северной Америке / Состав. Александров Е.А. – Хэмден (США) – Сан-Франциско (США) – Санкт-Петербург (Россия), 2005. С. 241. <http://www.tez-rus.net/ViewGood39520.html>. – 06.06.2013.

Мы тут сталкиваемся либо с невероятно редким случаем, что в немногочисленной русской эмигрантской колонии одновременно живет два Эдварда Кариуса, оба первопоходники, либо речь все таки идет об одном и том же лице. Этому противоречит то, что архивные источники Э. Кариуса однозначно называют по отчеству Иосифовичем, а справочники Фердинандовичем. Э.И. Кариус был полковником, Э.Ф. Кариус упоминается как генерал-майор, хотя в 1918 г. он был еще в чине полковника, дата и обстоятельства его производства в генералы неизвестны.

⁵ БЕЛИЧКА Шандор, генерал от инфантерии с 1925 г. (1872–1839). В Первой мировой войне командовал пехотной бригадой на восточном фронте, потом был назначен начальником штаба восточной армии, его штаб находился в Одессе; в 1918 г. на краткое время был главнокомандующим венгерской армией. С 1920 по 1923 г. – министр обороны, в 1923–1930 гг. – посланник Венгрии в Варшаве.

⁶ СИКЕВИЧ Владимир, генерал (1870–1952) – с 1920 по 1924 гг. – украинский поверенный в делах в Будапеште.

29, 30, 31 мая (Будапешт)¹

[...]

Сегодня я говорил о переброске армии с начальником отделения военного министерства, полковником Оттрубаи². Оказывается, что, с одной стороны, венгры правильно обсуждали этот вопрос и отнеслись к нему совершенно благожелательно, будучи готовы помочь нам, а с другой, они запросили представителей Антанты, которые в свое время ответили мне, что это дело не их, а Венгерского правительства, им же ответили, что необходимо решение правительств Антанты. Сволочь!

Я выяснил Оттрубаи взаимные выгоды переселения. Дабы со временем по восстановлению России нашлись круги, которые говорили бы, что они из Венгрии. Говорил о взаимопомощи и взаимоотношениях военнопленных, о том, что остались только две не красные и не розовые армии – наша и их.

Я говорил ему, что как им в Сегедине не было обязательно то обстоятельство, что французы им не дали оружия, так и нам ре-

шения французов совершенно необязательны, кроме голода, которым они нас морят!

Я настаиваю на том, что не я должен говорить теперь с представителями Антанты, а Врангель, но для этого мало моих донесений и впечатлений, а необходимо уведомление венгерского правительства, что оно принципиально согласно, но дело за представителями Антанты.

Я доказывал ему, что это одно даст моральную поддержку нашей армии, которая встретит принципиальное сочувствие еще одного государства и со стороны единственной белой армии – если потом Антанта и откажет, то армия будет знать о том, что Венгрия хотела ее поддержать!

Мне кажется, что на него все это повлияло, и я могу рассчитывать на его поддержку, которую он мне обещает – мне совершенно необходим такой ответ – он даст Главнокомандующему основание для переговоров, а это главное!!

Отрубай и я выработали план – еще раз запросить Антанту и, конечно, получив от них неопределенный ответ – сообщить мне об этом ответе и о солидарности с нами венгерского правительства!

Думаю, что такая постановка вопроса совершенно правильна и хотя победа еще и далека, но все же это путь к ней!

Не знаю, даст ли мне это успех, но я очень доволен сегодняшним разговором – что-то будет дальше!! Увидим, в чем дело!

[...]

Примечания

¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 5. Л. 227–229.

² ОТТРУБАИ Карой, генерального штаба полковник (?), с 1916 был флигель-адъютантом короля Карла IV, начальник кабинета министра Министерства Обороны.

15 июня (Будапешт)¹

[...]

Сегодня три месяца, как мы здесь, а добиться результатов мы еще все от венгров не можем, не удалось.

Не знаю, записал ли я уже свою мысль, что пробить стену лбом (крепким конечно) можно, но повертеть головой подушку – едва ли! Здесь никто не отказывает, все обещают и только. Удовлетворения никакого, но и отказа нет!!!!..

Даже попытка получить чай, сахар, шоколад, домино для общезития кончилась ничем. Венгры богаты², но ничего не дают, а заявляют об американском Красном кресте и направляют туда – спасибо, я это и сам умею!

Примечания

¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 5. Л. 246.

² Относительно богатства венгров А. фон Лампе явно преувеличивает. Расчлененная Трианонским миром и разграбленная румынскими оккупационными войсками страна в действительности находилась в тяжелом экономическом положении. Свои собственные беженцы-венгры с отторгнутых территорий жили в не лучших условиях, чем русские эмигранты.

16, 17, 18, 19, 20 июня (Будапешт)¹

[...]

Положение с семьями критическое: Запишу вкратце: в феврале, когда я ехал в Константинополь, Потоцкий сказал мне, что Мадыари, венгерский представитель в Белграде предложил ему составить список в 200 семейств для расселения на попечение магнатов. Я это передал Шатилову, и началась борьба за включение в этот список – здесь, когда я приехал, об этом не знали ни в обществе (граф Баттьяни), ни в парламенте (Мозер), ни в министерстве иностранных дел. Запросил Потоцкого – он сообщил, что Мадыари сказал, граф Телеки, тогда еще министр-президент просил Потоцкого направить список в подлиннике через Мадыари, а копию мне. Список получил к 1-му мая, направил Розена к Телеки, жена последнего «забыла» о моем желании с ним говорить, потом на конец мая и начало июня Телеки уехал в Париж и Лондон².

В это время прибыло два семейства, полковника Н.В. Шмидта и князя Голицына – начали давить на вернувшегося Телеки –

только тогда он разослал ряд писем! При этом одна из дам, к которой Телеки направил Шмидта, графиня Зичи, заявила ему, что ответ она может дать в... сентябре!³

Сейчас Телеки просит меня обождать с вопросами и разговорами до получения ответов на письма. Шмидт уговаривает меня не настаивать...

Трудно с венграми – они как вата, вязнешь в их любезности и обещаниях, а на деле ничего. Стену медным лбом можно иногда пробить, ну а вот подушку головой не повертишь! Своеобразный народ!

[...]

Примечания

¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 5. Л. 247.

² ТЕЛЕКИ Пал, граф (1879–1941), венгерский политический деятель, ученый-географ, академик, лидер скаутского движения в Венгрии. Был премьер-министром в 1920–1921 и 1939–1941 гг. В годы второй мировой войны пытался вести политику «вооруженного нейтралитета» и балансировать между Германией и Великобританией. Осознав, что присоединение Венгрии к нападению Германии на Югославию с целью вернуть к себе отторгнутые в Трианоне территории, приведет к окончательному разрыву с Англией, он покончил жизнь самоубийством.

Обстоятельства упомянутой А. фон Лампе акции свидетельствуют о том, что план расселения русских семейств у венгерских магнатов был частной инициативой графа Пала Телеки, он его видимо не согласовал со своими коллегами-министрами, не выработал детали, и он сам занимался с этим только «поскольку-постольку». О своем намерении Телеки говорил Михаилу Гирсу, старшему по чину дипломату Совещания Послов во время своей поездки в Париж: «Несмотря на наше тяжелое положение, охотно обеспечиваем приют русским семьям» (MOL. K-58-1921-(38. cs.)-266/res pol. Л. 1252). Предложенная якобы венграми цифра «200» постоянно уменьшалась, сначала на «100», но потом в документах фигурирует уже цифра «57». Список в Константинополе действительно был составлен на 57 семейств, всего 268 лиц. Результатом А. фон Лампе был явно недоволен: «племянники, двоюродные братья, учителя, один лакей. Все очевидно примазавшиеся!» (ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 5. Л. 191). Но и расселение такого количества показалось безнадежным для А. фон Лампе, после встречи с премьер-министром, премьерником графа Телеки, графом Бетленом в начале июля. История с семьями тянулась до конца 1922 и привела к весьма скромным результатам. Однако за это время А. фон Лампе в дневнике и рапортах постоянно возвращается к этому вопросу. Справедливости ради необходимо отметить, что, несмотря

на скромный успех этой конкретной акции, в межвоенный период у многих венгерских магнатов, аристократов жил свой русский гость.

³ Упомянутые в абзаце лица: ШМИДТ Николай Владимирович, генерал-майор флота (1863 - после 1934). Служил на флоте, был мичманом, подполковником по Адмиралтейству, преподавателем Морского корпуса, в генералы он был произведен Врангелем уже в эмиграции. В гражданской войне служил в ВСЮР, был эвакуирован из Новороссийска. Попал в Венгрию в 1921, сначала на ее южную, оккупированную сербами часть. Был первым председателем воссозданного А. фон Лампе СРОВОКВ.

ГОЛИЦЫН-МУРАВЛИН Дмитрий Петрович, князь (1860–1928), русский политический и общественный деятель, писатель; один из основателей и членов руководства правых монархических политических организаций, Русского Собрания и Союза Русских Людей. В эмиграции жил в Венгрии в основном на имениях своего старого знакомого, барона Имре Бидермана. В начале 1920-х вел активную политическую деятельность, выступал, как представитель Высшего Монархического Совета в Венгрии, потом, как представитель великого князя Кирилла Владимировича. Был часто принят адмиралом Хорти. К середине 1920-х отошел от активной политической жизни и к концу своей жизни – как об этом свидетельствуют архивные документы – отвернулся от в. к. Кирилла Владимировича и перешел на сторону в. к. Николая Николаевича. Умер в Венгрии. После его смерти его семья осталась в Венгрии.

ЗИЧИ Рафаелне, графиня (урожд. ПАЛЛАВИЧНИ Эдина) (1877–1960), председатель Союза Венгерских Женских Католических Организаций, вице-председатель Венгерского Красного Креста. Известна своей благотворительной деятельностью. Именно на нее возлагал Телеки заботу о русских семьях.

29 июля (Будапешт)¹

Сегодня я получил официально от венгерского военного министерства копию постановления дипломатических представителей держав согласия², с тем, что венгры «несмотря на все симпатии» на основании Трианонского договора не смогут выполнить моего желания о переброске армии.

Такое положение конечно не правильно и заставляет думать о том, что и венгерскому правительству решение Антанты на руку – им тоже не хочется возиться с нами!!

Все это очень понятно! Я продолжаю работу, но признаюсь откровенно, не очень рассчитываю на успех, если в Париже или Риме не будет нажима.

[...]

Примечания

¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 5. Л. 262. Смотри к этой части документы № 5 и 6 в приложении, донесения А. фон Лампе генералу Шатилову, проект письма А. фон Лампе министрам обороны и иностранных дел Венгрии и комментарии к ним.

² Упомянутая нота, датированная 21 июля и подписанная Г. Кастаньето, председателем конференции дипломатических представителей Главнейших союзных держав, формально была ответом на ходатайство А. фон Лампе от 1-го апреля (!) о принятии в страну частей армии Врангеля и на запрос венгерского министерства обороны по этому поводу. «Верховные комиссары ограничиваются тем, что обращают внимание венгерского правительства, что, несмотря на желательность рассредоточения континентов в кратчайший срок, считают необходимым указать венгерскому правительству, что внедрение этих элементов на венгерскую территорию и принятие в полной мере ходатайства полковника фон Лампе, могло бы ускорить беспорядки и облегчить антибольшевистские интриги, противные действительным интересам Венгрии и всего цивилизованного мира» (ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 6. Л. 152). Аргументация, которая была действительно сумбурная (непонятно о какой именно антибольшевистской интриге идет речь, кто ее мог бы провести и в чем конкретно она могла бы ущемлять интересы белого режима в Венгрии), вызвала негодование и недовольство со стороны А. фон Лампе: «Но какая сволочь!! Это уж слишком отвратительно даже и для Европы, продавшейя большевизму!» (ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 5. Л. 260).

15 августа (Будапешт)¹

[...]

Делал ответный визит князю Волконскому². Говорил с ним в холе у Ритца – при моем входе в форме все итальянцы и французы насторожились. Вышло забавно.

Их в репарационной комиссии находится 71 человек. Бедные венгры, всех надо содержать на свой счет!

Волконский произвел на меня сегодня впечатление несколько крамольно-дипломатическое. Почему-то усиленно не хочет говорить о том, в качестве кого он сюда приехал.

Раньше он был советником посольства в Вене. В Совдепии был взят заложником и сидел до сентября прошлого года в каче-

стве заложника в Москве 8 месяцев. Спасла его жена, пришедшая с войсками Юденича до Гатчины, а затем добралась и до Москвы. Энергичная женщина – дипломированный хирург и летчик!³

[...]

Примечания

¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 5. Л. 272.

² ВОЛКОНСКИЙ Петр Петрович, светлейший князь (1872–1957), русский дипломат, 1-й секретарь канцелярии (в 1902); 2-й секретарь посольства в Лондоне (с 1902). 2-й секретарь миссии в Мюнхене (с 1904). До войны был 1-й секретарем посольства в Берлине (до 1914), по сведениям А. фон Лампе советником посольства в Вене. После освобождения из рук большевиков они жили в эмиграции в Италии, Венгрии и во Франции.

В 1921 г. он был назначен представителем Совета послов в Венгрии. Чета Волконских прибыла в страну в августе 1921 г. С того времени Волконский фигурировал в списке дипломатического корпуса как дипломатический, А. фон Лампе как военный представитель белой России. Недоверие А. фон Лампе в отношении Волконского, которое чувствуется из его слов в данной части дневника, быстро рассеялось, через несколько дней он уже записал в дневнике: мы «пока дружим с князем Волконским, он пишет мне дифирамбы на имя Гирса» (ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 5. Л. 277).

³ ВОЛКОНСКАЯ Софья Алексеевна, княгиня (урожд. графиня Бобринская, по первому браку – Долгорукова) (1887–1949). С 1918 г. жена П.П. Волконского, по специальности хирург, в 1914 окончила школу пилотов Императорского Российского Аэроклуба. В Венгрии она оказала благотворительную медицинскую помощь русским военным-беженцам.

История спасения мужа, о которой упоминает А. фон Лампе, действительно заслуживает внимания. Находясь в Англии, она узнала, что ее муж, Волконский, находится под арестом чека и ему грозит расстрел. Она оставила дочку и мать в Лондоне, и вернулась в «Совдепию» (как в белой среде было принято называть Советскую Россию). С армией Юденича она добралась до Гатчины, перешла линию фронта, и оттуда с помощью Горького ездил в Москву. Через своих знакомых она добивалась приемов у видных большевистских руководителей (Калинина, Каменева, Луначарского), и ее весть дошла и до всевластного главы чека, Феликса Дзержинского, кто, наконец, подписал указ об освобождении Петра Волконского. По мнению фон Лампе, на Дзержинского действовал намек одного из его сотрудников на поэму Н.А. Некрасова: *Русские женщины*. Поэма посвящается самоотверженности княгини Марии Николаевны Волконской, которая после восстания декабристов последовала за своим мужем в ссылку в Сибирь (*Лампе А.А. фон. Пути верных. Сборник статей.* – Париж, 1960. С. 187–192).

25 августа (Будапешт)¹

Сегодня обрыскал трех министров. В иностранных делах был у Банфи и хлопотал о переброске нашей армии в Венгрию, потом у де-Канья, товарища министра хлопотал о невпуске в Венгрию 1.000 человек получивших визы у голландского консула в Константинополе².

Последнее было неприятно. Венгры, даже сухой де-Канья, не были против впуска – порой я думал не сопротивляться, но... таково было приказание Главнокомандующего! Я должен был его исполнить! Банфи я сказал о том, что мне писал Шатилов по поводу того, что якобы он установил в Париже, что венгры согласны принять нашу армию только на условии пересмотра Трианонского мира и даже его важнейших пунктов... он вскочил и заявил «Да это чистая ложь», что было даже совсем не по-дипломатически!³

Он говорил, что Кастаньетто (итальянский посол) сказал ему, что представители Антанты вообще против переселения даже и части нашей армии в Венгрию. Он-де добивается от представителей Антанты письменного о том уведомления и т. д., а венгерское правительство чрезвычайно хочет нам помочь.

Грустно все это! Моя миссия окончательно не удастся. Буду говорить с представителями Италии, Франции, но что же мне это даст... грустно!

Был в Министерстве социальной политики и военном, хлопотал о размещении и предоставлении работы прибывающим в Венгрию – помещения не дали, работу... обещали! Но когда!?

[...]

Примечания

¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 5. Л. 278–279.

² КАНЬЯ Калман (1869–1945), венгерский политический деятель, дипломат. С 1920 г. постоянный заместитель министра иностранных дел. Он был представителем традиционной школы австро-венгерской дипломатии. А. фон Лампе не без основания считал его действительным руководителем венгерской внешней политики. Министры уходили, приходили; за время пребывания А. фон Лампе в Венгрии (с 1921 по 1924) на этом посту сменяли друг друга 4 министра, а он неизменно оставался на своем месте. Канья, по мнению А. фон Лампе, был «сухим человеком», большим русофобом и главным оппонентом в правительстве принятия частей армии Врангеля в Венгрию (ГА

РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 5. Л. 102, 257). Интересы ради необходимо отметить, что для круга упомянутого уже генерала Бискупского и «Ауфбау» Канья тоже был одиозной фигурой, своего рода «венгерским Меттернихом», кто своими интригами помешает осуществлению их планов (НЛ 1920 VKF микрофильм В/161. 3050/1987 23.130. Л. 463–464).

Венгрия в это время не имела своего представительства в Константинополе, поэтому консул Голландии был уполномочен на представительство венгерских интересов и выдачу въездных виз в Венгрию.

³ В ответном письме Шатилову А. фон Лампе пишет, что начальник штаба, по-видимому, в Париже был информирован неправильно по этому вопросу: «В то время как Трианонский мирный договор представляет собою альфу и омегу современной Венгрии, связанной этим договором по рукам и по ногам, вопрос о переброске нашей Армии, Армии близкой венграм по духу и идеалам, все же не выходит из области государственной благовоительности, и ни в коем случае не может быть поставлен на одну доску с Трианонским договором». К этому А. фон Лампе еще прибавил, что в ходе своих нелегких переговоров с представителями миссий стран Антанты в Венгрии они ни разу не ссылались на то, что Будапешт связывает вопрос принятия части Русской Армии с пересмотром установок Трианонского договора, хотя кроме этого они привели целый ряд аргументов против возможности переброски русских военных в страну (ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 6. Л. 176–179).

25, 26, 27, 28, 29, 30, 31 августа, 1, 2, 3 сентября (Будапешт)¹

Всю эту неделю посвятил переговорам с комиссарами Италии (Кастаньето), Франции (Фуше), Англии (Холер).

Точнее всех был Кастаньето, который хотя и говорил о заслугах нашей армии перед Европой, все же высказался против переброски, по тому соображению, что Антанта сокращает венгерскую армию до 35.000, а в то же время мы хотим перевезти своих. «Солдат всегда останется солдатом» заявил мне этот поклонник нашего героизма и попуститель в голодную смерть нашей армии! Скоты! Фуше, несмотря на мой былой протест на официальное сообщение его правительства, принял меня очень и очень любезно, был несколько удивлен содержанием ноты совещания послов в Будапеште, которое было подписано Кастаньето, и от его имени и сказал, что будет настаивать на незаинтересованности дипломатов в этом деле.

Холер попытался мне доказать, что скопление русских опасно по большевизму, и я старался над простой истиной, что трудно ожидать большевизма от полков Кутепова!!²

Скучно все и неблагодарная задача.

Третьего дня я был принят правителем Венгрии, адмиралом Хорти.

Когда я вошел в комнату дежурного флигель-адъютанта Гергея³, он сказал мне, что у Хорти сидит Фуше и не будет ли мне неприятно с ним встречаться! На мои слова, что это мне все равно – он намекнул, что может быть это доставит неприятность Хорти, и я ушел в соседний зал.

Хорти, которому я передал письмо Врангеля – принял меня более чем любезно, жал двумя руками руку, жалел, что я не мог приехать в понедельник к нему в Гедело⁴ (приглашение завтракать после приема опоздало и на вновь назначенном приеме оно не могло быть повторено, так как семья Хорти была на даче в Гедело), что он хотел видеть меня в кругу семьи, и что он справит это, так как через две недели возвращается в Будапешт.

Прочтя письмо Врангеля, он заговорил о том, что он сделает все и хочет сделать, а потому и переговорит с министром-президентом. Я ему рассказал все подробно, весь ход дела и мои последние визиты к представителям Антанты. Показал ему ноту, так он даже присвистнул!

Разговор перешел на западные комитаты, сейчас отошедшие к Австрии⁵.

Видимо это для него больное место, об этом он разговаривал с Фуше, и ему хотелось высказаться.

Когда от нас отобрали землю, чтобы дать ее Румынии, это можно было понять. Она была нашим союзником, она нас предала, необходимо ее было оплатить, конечно, нельзя было взять для этого землю где-нибудь в Австралии – взяли у нас и кинули прохвостам эту кость...

Но Австрия! Да ведь мы с нею подписали один и тот же Трианонский мир⁶. Мы подписали его, подчинившись силе, как подчиняется всякий, на кого нападут пять разбойников и приставят револьвер к виску.

Но ведь Австрия подписала тот же мир! Я твердо утверждаю, что пока я здесь сижу, я бы никогда не согласился на прирезку нам чужого. Все, что хранится в музеях Вены, все эти Вандейки, которые сейчас стоят миллионы, а их там тысячи, запасы снарядов, пороха и т. д. все это принадлежит нам пополам. Стоимость одного имущества более 5 миллиардов, а мы должны получить с Австрии три с половиной... Только когда она нам заплатит, соглашусь я на передачу комитатов – лучше с честью погибнуть, чем жить без чести⁷...

Сказано все это было сильно и с большим подъемом!

Потом опять разговор перешел на нас, говорили о сходстве наших родов и т. д.

Может ли он нам помочь! Я ему прямо сказал, что это для Венгрии нужно, так как когда Россия возродится – туда же должны вернуться и те, кто был бы благодарен Венгрии.

Он подтвердил, что он надеется, что мы впоследствии будем тесно связаны.

Увидим!

[...]

Примечания

¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 5. Л. 279–281.

² КУТЕПОВ Александр Павлович генерал от инфантерии (1882–1930), русский военачальник, участник русско-японской и первой мировой войн. Активный участник добровольческого движения, первопоходник. Командовал корпусом при Деникине и Врангеле, командир 1-й армии, впоследствии превращенной в 1-й армейский корпус. Со своими частями эвакуировался из Крыма, начальник лагеря в Галлиполи. В эмиграции жил в Болгарии, Югославии и во Франции. С 1924 в распоряжении великого князя Николая Николаевича. Один из главных сторонников и организаторов активной борьбы против советской власти. С 1928 начальник РОВС. В январе 1930 г. был похищен агентами советской разведки. Об обстоятельствах его смерти существуют разные версии.

За кулисами А. фон Лампе выяснил, что представители держав Антанты сами не были единого мнения в вопросе переброски. Примечательно, что Холер в своей аргументации ссылался уже не на антибольшевистскую опасность, как говорилось в ноте подписанной Кастаньето, а на большевистскую угрозу, которая якобы исходит от зараженного большевизмом корпуса генерала Кутепова. Самой благоприятной оказалась позиция Мориса Фуше, которая сводилась к полной незаинтересованности. В разговоре с фон Лампе Фуше практически отрицал, что нота Кастаньето отражает общий взгляд

участников конференции будапештских представителей Антанты и обещал переделать пресловутую ноту в духе незаинтересованности союзных держав в этом вопросе (ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 6. 177–179). (См. еще комментарии к дневниковой записи А. фон Лампе от 20–22 декабря 1922 г.).

³ ГЭРГЕИ Дьердь, майор, позже генерал (1882–1958), начальник охраны Хорти.

⁴ Речь идет о замке в стиле барокко Антала Грашшалковича в Гедело, недалеко от Будапешта. В 1867 венгерское государство купило замок и подарило королю-императору Францу Иосифу и его жене в честь их коронации. С 1920 г. он служил летней резиденцией правителя Венгрии, адмирала Хорти. В 1944–45 гг. здание сильно пострадало вследствие боевых действий.

⁵ В заключенном с Австрией в сентябре 1919 г. Сан-Жерменском договоре державы Антанты умудрились еще одну территорию отторгнуть от Венгрии: часть западных комитатов с территорией примерно в 4000 кв. км и с населением в 292 000 человек (продавляющее большинство населения составляли немцы). Территория, которая в будущем получила название «Бургенланд», должна была очищена от венгерских войск и администрации и принадлежала передачи Австрии. Однако венгерские полувоенные отряды с молчаливого согласия венгерского правительства инсценировали там «народное восстание» и всячески препятствовали Австрии овладеть «добычей». Так называемый Западно-Венгерский вопрос обострился с августа 1921 г., и был решен только через несколько месяцев при посредничестве Италии. В результате соглашения Венгрия передала большую часть территории Австрии за исключением окрестностей города Шопрон, где в декабре 1921 г. на плебисците местное население высказалось за оставление этого района в составе венгерского государства. А. фон Лампе в своем дневнике уделял большое внимание этим событиям.

⁶ Как об этом уже говорилось выше, с Австрией державы Антанты и державы-суксессары подписали Сан-Жерменский мир еще 10 сентября 1919 г. Среди подписавших Трианонский договор с Венгрией государств Австрия не фигурировала.

⁷ На самом деле основой разделения общего имущества между Венгрией и Австрией послужила так называемая квота, то есть удельный вес двух стран в покрытии общих расходов Австро-Венгрии. По экономическому соглашению 1910 г. доля Австрии в общих расходах составляла 63,6 %, а доля Венгрии соответственно 36,4 %.

4, 5, 6, 7, 8, 9, 10 сентября (Будапешт)¹

За это время было много. Сами венгры берутся со своими западными комитатами и всячески устраивают там инсценировку «народного протеста» против принадлежности к Австрии. Т. е. происходит то же самое, что и в округе Печи² – все повторяется и очень скоро. Вот и самоопределение!

Был 6-го у министра иностранных дел Банфи. Он сказал мне, что получил от дипломатов Антанты еще раз ноту, в которой они определенно не советуют Венгрии идти на прием нашей армии. Я на этом не остановился и действуя через комиссара Франции, Фуше, установил, что он и итальянец Кастаньето стоят на нейтральной точке зрения и вопрос в англичане Холере. С ним я говорил два раза и сегодня он мне обещал послать телеграмму в Лондон с запросом. Телеграмму он написал при мне. Все сейчас в этом ответе! А в то же время я получил из Ставки телеграмму, которая мне ставит вопрос о том, можно ли и сколько именно принять в Венгрию при условии оплаты за год! Это последнее чрезвычайно благоприятно, так как отбрасывает в сторону одно из серьезных препятствий! 13-го еду к Банфи, чтобы окончательно установить их согласие, и тогда отвечу, так или иначе, в Ставку.

Я дошел до того, что хочу, во что бы то ни стало, но добиться своего, так или иначе, а будет ответ!!

Есть еще большое недоразумение. По телеграмме Врангеля из Константинополя от 4. VIII. я потребовал от венгров неприема 1.000 человек с голландскими визами в Венгрию. Не без труда мне удалось этого достигнуть. Вдруг дня два тому назад, я получил от Шатилова из Софии телеграмму с приказанием требовать пропуска, так как эти люди осели в Болгарии и мешают армии. Положение создается невозможное, так как я только что принужден был официально установить, что это элемент неблагоприятный.

Решил поступить по уставу – дал шифром Шатилову о полученном приказании Главкома и прошу дальнейших указаний. Поступлю согласно с ними, все равно!!

На сентябрь мне уже отказали выслать содержание, и неизбежен взгляд на мой подотчетный аванс – плохо дело. Надо готовиться к ликвидации – во всяком случае это начало конца – а мы, несмотря на год сомнений, не нашли до сих пор тех путей, по которым мы пойдем с потерей места. Да и нелегко это, на чем остановиться!

[...]

Буду сидеть, пока могу. Потом уничтожу из архива все неважное, и, собравши остальное, перейду на частную жизнь.

Только в качестве чего или кого? Денег на два года хватит. А ведь жить то, к сожалению, надо дальше! Как быть...!?

Примечания

¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 5. Л. 281–283.

² Южная часть трианонской Венгрии (с городом Печ) в это время находилась под сербской оккупацией, и Белград, несмотря на свои международные обязательства, не спешил с передачей данной территории Венгрии, не теряя надежды удержать ее за собой. Они пытались создать в оккупированном ими районе марионеточное государство, «Сербско-Венгерскую Республику Бараня-Бая», лидеры которой обратились к Белграду с просьбой о покровительстве против режима Хорти. После неудачи этой попытки сербы вывели свои войска с этой территории (О подробностях см.: *Hornyák Árpád. Magyar-jugoszláv diplomáciai kapcsolatok 1918–1927.* – Budapest: Fórum, 2004. С. 107–108. и *Romsics*, 2001. С. 220–227).

11 сентября (Будапешт)¹

Все идет своим чередом – сегодня у меня на этапе поймали двух, поручика Брилева, который внизу ловил тюки, а наверху вольноопределяющийся Хоменко, который их бросал. Украдено им 13 одеял! А когда были разговоры о том и о сем, то Брилев ломился в амбицию и говорил где лучше и где хуже, что здесь де, мол, он не видит содействия и т. п.²

Сегодня смотрел удивительное сооружение. На острове Маргариты – там, где два месяца тому назад был только овраг и песок – устроена купальня на 1.000 человек с бетонными подвалами для раздевания и искусственным бассейном сажень в сто длины, вода горячая, бежит по желобу из источника. Удовольствие мы получили громадное! Удивительное получилось сооружение! Хорошо и скоро!

Но как все условно – голых женщин масса и все считают это нормальным. А застань их же полуодетыми. Флирт идет во всю!

Воскресенье, дела замерли на один день. Во вторник срок ультиматума антанты венграм по вопросу о западных комитетах. Уви-

дим. Во вторник же у меня разговор с Банфи – не вовремя, но ничего не поделаешь!

Сегодня праздник, ни писем, ни газет!

[...]

Примечания

¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 5. Л. 283.

² А. фон Лампе в своем дневнике неоднократно отзывался в весьма критическом тоне об офицерах, живущих в общежитии: «Хорошенький офицерский состав, вся такая рвань, что их офицерами то трудно назвать». Из 30-ти офицеров он не мог найти ни одного, кого можно было ставить во главе общежития (ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 5. Л. 200–201). Пьянство, разборки, воровство были повседневными явлениями в общежитии. А. фон Лампе пытался в дисциплинарном порядке удалить из общежития всех негодных элементов.

13 сентября (Будапешт)¹

Сегодня опять был у министра иностранных дел. Вновь говорил с ним, причем сообщил ему о том, что мы можем платить за год содержания наших войск. Это его поразило, и он немедленно спросил, в какой валюте и сколько за каждого! На первое он узнал приятное – доллары, на второе – цену должно назначить венгерское правительство!

Однако и здесь «но» – как удастся разместить те 5000, о которых я прошу! А прежде говорили о том, чтобы разместить много больше... рвань народец в общем. На словах все, а на деле ничего!

Посмотрим, чем это кончится – я тороплю очень, да не знаю, как придет – прийти к какому-либо концу или выводу. Сами венгры сейчас переживают трудное время, да и ждут эшелонов из Совдепии со своими военнопленными (первую, наиболее им нужную партию в 3.000)².

У меня сейчас мало надежд на успех! Что-то сами венгры двурушничают – все это затягивание и оттягивание в надежде, что все «само образуется» (или что я отстану!)

Если бы не значение дела – все давно бы бросил – да я понимаю, что даже если Болгария берет наших, то по валюте их выгоднее поместить сюда. Это ясно!

Сегодня пришли №№ 1 и 2 «Грядущей России» Ефимовского³ – вот бы к нему в редакторы, если кончу службу! Я бы не отказался от этого. Однако от него нет приглашения писать, а построчно я приниматься не хочу и на это не пойду, все-таки остался старый редакторский гонор!

Пусть напишет Ефимовский, и тогда я буду сотрудничать по Венгрии!

[...]

Примечания

¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 5. Л. 284.

² Еще в июле 1920 г. в Будапеште начался процесс над 10 народными комиссарами бывшей Венгерской советской республики. Советское правительство нашло эффективное средство для спасения венгерских коммунистов и социал-демократов. Москва, расторгнув уже заключенное соглашение об обмене военнопленных, начала шантажировать Венгрию жизнью находившихся еще на советской территории бывших венгерских военнопленных, главным образом офицеров. 1000 из них были арестованы, а 10 были объявлены персональными заложниками за венгерских коммунистов. (Справедливости ради, необходимо отметить, что к подобной тактике Москву подстрекали венгерские коммунисты-эмигранты, в том числе Бела Кун и Матьяш Ракоши). В июле 1921 г., после долгих переговоров в Риге было подписано новое соглашение об обмене военнопленных и коммунистов. Процедура долго затягивалась, происходила в атмосфере обоюдного недоверия и во многом напоминала на торговлю людьми (*Kolontári Attila. Hungarian-Soviet Relations. – New Jersey: ARP–Columbia University Press, 2010. С. 9–59*). В разговорах с А. фон Лампе венгерские политические деятели неоднократно ссылались на то, что из-за вопроса заложников-военнопленных их руки связаны, и они не могут оказать «эффективную помощь» белым русским.

³ ЕФИМОВСКИЙ Евгений Амвросиевич (1885–1964), общественный деятель, историк, адвокат, в эмиграции редактор и сотрудник целого ряда периодических изданий (в том числе «Русская газета», «Русское Воскресенье», «Возрождение»). Член разных монархических организаций. Основатель и председатель Союза народно-конституционных монархистов.

16 сентября (Будапешт)¹

Сегодня мы вступили в 7-й месяц пребывания в Будапеште. Это не часто, за последние годы, чтобы на одном месте усидеть более полугода. Долго ли еще нам быть здесь!?

Английский верховный комиссар Холер, обещавший мне в субботу 10-го послать своему правительству телеграмму и подписавший ее при мне, вдруг вчера прислал датированное 10-м же письмо, перевод которого прилагаю.

По-видимому, это новое условие, т. к. телеграмму он не послал, а послал запрос венгерскому правительству, то есть отложил дело в долгий ящик.

По-видимому, над всем доминирует сознание, что «солдат всегда остается солдатом» и представитель Англии боится усиления Венгрии нашими 5.000 человек! Думаю я, что из переброски при таких условиях ничего не выйдет.

13-го я был у графа Банфи – там запроса Холера еще не было. А между тем я настаивал у Банфи на решении вопроса о числе принимаемых и телеграфировал в Константинополь о том, что все дело сейчас в ответе из Лондона!

Подлая эта дипломатия – ну сказал бы прямо, что «нет». Зачем еще прибегать к подобному рода уловкам? Скоты, чего же они разрешают перебрасывать армию в Болгарию? Почему же в Венгрию нельзя?

[...]

Примечания

¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 5. Л. 285–286.

17, 18 сентября (Будапешт)¹

Получил письмо от британского верховного комиссара, в котором он пишет, что для посылки обещанной мне телеграммы в Лондон, он запросил венгерское правительство о том, как оно распределит 5.000 русских на работы.

Оттуда, видимо по телефону, он получил ответ, что это пока вопрос не решенный, но, во всяком случае, столько взять невозможно.

Поэтому он задержал телеграмму до получения настоящего определенного ответа венгерского правительства.

Получается заколдованный круг – венграм ставить на работу некуда, да и не за чем с момента, когда обещана оплата контингентов за год – а англичане, как будто требуют указать, куда поставят на работу. Хотя я ему тоже сказал о том, что есть средства для оплаты, чего, по-видимому, не знал его собеседник из правительства, так как я об этом Банфи сказал только 13-го!

Если принять во внимание, что письмо Холера шло с 10-го по 15-е и его привез посыльный, то станет ясным, что дело затягивается намеренно!

Зло берет – неужели же ничего не выйдет! Все-таки доведу до конца – пусть скажут да или нет, а скажут!

Примечания

¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 5. Л. 286.

19, 20, 21, 22, 23 сентября (Будапешт)¹

Как то за эти дни сгруппировались неприятности.

Во-первых, с переброской скверно. Положение в стране обостряется, не думаю, чтобы министерство прожило еще долго – надо допустить возможность падения кабинета Бетлена. Ушел министр финансов Хегедыш², недавний волшебник – крона упала чрезвычайно. Фунт скачет на пятьсот крон в сутки – был вчера 3.100, сегодня 2.500, а третьего дня 2.600 (теперь 450.000 – VIII. 924 г.).

Начальник сыскной полиции, к которому Иловайский³ пошел просить выпустить из пересылочной тюрьмы 26 человек артистов-офицеров, заявил ему, что армия Врангеля нет, так как в нее в свое время влился корпус Буденного и венгры боятся большевиков.

Косич уверяет, что это же говорил и Марушевский!!

Арестованные по подозрению в шпионаже Лерхе и Копыткин, по-видимому, выпущены.

На этапе недоразумения – заведующий госпиталем вмещался в дело и не пустил больше 60 человек, по числу кроватей – а народ все едет и едет, так как венгры, несмотря на собственное

запрещение, пропускают понемногу всех русских получивших визы от голландского консула в Константинополе.

Неладно и у меня, содержание мое внезапно уменьшили с 35 на 28 фунтов. Это правильно – я и сам думал, что уже пора сокращать. Хуже то, что денег совсем не прислали – начинается трата моего аванса! Надолго ли его хватит!! Ничего не пишут об армии – я ничего не знаю, как идет ее переброска, а получил сведения о Белоруссии! Какая ерунда! В штабе полная неразбериха по денежному вопросу, денег нет, а кроме того нет и аккуратности в денежном деле.

Предпринимаются какие-то авантюры – здесь у меня в Будапеште, не извещая меня – собираются встретиться Орлов (разведка в Берлине) и Архангельский (начальник информационного отделения)⁴.

Словом все как-то неладно. Связь моя с комитетом и международным красным крестом рвется, а налаживал я ее полгода! Горелов-Гакебуш обмошенничал меня с Эосом, агентством печати⁵ – словом все идет как по маслу!

Сегодня решили, благодаря высокому курсу английского фунта, купить дачу – надо же думать о будущем – поселим там Веру и Николая⁶ – а потом будет кров и у нас!

Рискнуть разве на это! Жутковато!

[...]

Примечания

¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 5. Л. 286–288.

² ХЕГЕДЫШ Лорант (1872–1943), венгерский политический деятель, экономист. Председатель Союза Венгерских Промышленников. С декабря 1920 по сентябрь 1921 г. был министром финансов кабинетов Телеки и Бетлена. С его именем связана неудачная попытка приостановления послевоенной инфляции и стабилизации кроны.

³ ИЛОВАЙСКИЙ Владимир Алексеевич, есаул (1886–1946), из донских казаков, окончил юридический факультет Московского университета, в гражданской войне служил в Добровольческой Армии, в ВСЮР, в Русской Армии, первопоходник. В эмиграции жил в Болгарии, Венгрии потом во Франции. Помощник А. фон Лампе в Будапеште, один из наиболее близких к нему лиц. После ликвидации военного представительства он с семьей покинул Венгрию и переехал во Францию, где работал сотрудником эмигрантских газет, в т. ч. «Последних новостей».

⁴ АРХАНГЕЛЬСКИЙ Петр Григорьевич, полковник (? – 1936), участник гражданской войны, служил в Добровольческой Армии, в ВСЮР и в Русской Армии Врангеля. В эмиграции был членом ближайшего окружения Врангеля и начальника политической разведки. Секретарь 1-го отдела РОБС.

В первой половине октября Будапешт служил местом встреч и тайных переговоров между представителями Врангеля и баварскими монархистами (Ауфбау). С русской стороны в переговорах принимали участие фон Лампе, Орлов, Архангельский и Верисоцкий. Ауфбау был представлен Максом фон ШЕУБНЕР-РИХТЕРОМ, одним из руководителем группы. (Шеубнер-Рихтер, по происхождению балтийский немец, был членом группы Комиссарова, в 1920 г. он вместе с Херманом Покорни ездил в Крым. Один из основателей НСДАП, в 1923 во время пивного путча был смертельно ранен). На этих встречах с венгерской стороны иногда присутствовали Дьюла ГЭМБЭШ (председатель союза венгерских фронтовиков – МОВЕ, будущий премьер-министр страны с 1932 по 1936) и Тибор ЭКХАРДТ (начальник Бюро прессы кабинета премьер-министра). Переговоры и свое участие в них А. фон Лампе в своем дневнике оценил следующим образом: «Я сильно грешил союзнической ориентацией, но немцам никогда не забуду их подарка нам – большевизм. Но взять с них все, что можно – необходимо». Или в другом месте: «... Они нам дадут все, что нам надо. А дать они могут, запасы у них есть». Стороны обсудили возможности возрождения России и Германии и перспективы сотрудничества. Однако и это было нелегко, возможным яблоком раздора между сторонами оказалась Украина. Сначала Шеубнер-Рихтер заявил, что восстановить Россию в ее старом виде нельзя, необходимы уступки украинским кругам, тут он ссылаясь на аспирации Вильгельма Габсбурга (Василия Вышиваного). Только на следующий день удалось у него вырвать фразу, что он хочет видеть Россию в своих довоенных границах, и Украина может рассчитывать только на автономию в рамках Российской империи (ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 7. Л. 7–17). Хотя серьезных результатов на этих встречах добиться не удалось, но контакты были налажены.

⁵ О деятельности упомянутого агентства печати «Эос» мы не располагаем подробными сведениями. 18-го апреля 1921. М. Гакебуш-Горелов, А. фон Лампе, В. Малама, Э. Кариус и другие представители русской эмиграции в редакцию газеты «Пешти Хирлап» создали русскую секцию Антибольшевистского Комитета (ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 5. Л. 167–168). АБК был создан в апреле 1919 г. в Вене графом Иштваном Бетленом и др. политическими деятелями с целью активной борьбы против венгерской советской республики. В 1920–1921 в измененных условиях организация существовала больше на бумаге, чем в реальности.

⁶ Сестра А. фон Лампе и ее муж. А. фон Лампе по мере возможности старался их поддержать в эмиграции.

МЕЛЬНИЦКАЯ (урожд. фон ЛАМПЕ) Вера Александровна (1889–1960), в эмиграции жила с мужем в КСХС, в Венгрии, во Франции, занималась общественной и благотворительной деятельностью.

МЕЛЬНИЦКИЙ Николай Михайлович, капитан (1887–1965), военный летчик, инженер, однополчанин А. фон Лампе по Л-Гв. Семеновскому полку. В некоторых документах фигурирует в качестве адъютанта А. фон Лампе, как военного представителя Главнокомандующего Русской Армии.

28, 29 сентября (Будапешт)¹

Сегодня я познакомился с монархическим деятелем, князем Дмитрием Петровичем Голицыным-Муравлиным! Произвел он на меня хорошее впечатление. Старый барин (забавно в сюртуке), седой, высокий, ухватки барина. Говорил много обо всем, он немного ругнул сербов, уверяя, что они считают Родзянко² спасителем сербов, так как он якобы объявил войну Германии за сербов. Монархист Д.П.Г., по-видимому, махровый!

Не знаю, искренен ли он или нет, но разговаривать с ним было весьма интересно. Венгры его встретили очень радушно – его принял немедленно Банфи, Эрцгерцог, завтра примет Хорти! Словом все идет как по маслу!

Он прав, говоря, что здесь удачный по монархизму подбор – Малама, Волконский и я! Кадет нет!

Я не совсем согласен с Высшим Монархическим Советом – он назначил Г-М. Представителем по Венгрии, не сообщил об этом Маламе и нам, а непосредственно уведомил венгров. Что же, Малама стал поэтому самозванцем, что ли: об этом нам надо подумать!

Сегодня видел, как по поводу праздника в Университете толпа (небольшая) ожидала кого-то, и при мне приехал Хорти! Никаких приветственных выкриков не было – а может в нашем веке это и не полагается!?

Вчера разменял 100 фунтов на 261.000 крон. Думаю на них купить клочек земли и дом! Не знаю, что из этого выйдет, попробую, может, удастся использовать падение кроны и отсутствие поднятия цен на землю. Тогда переведу сюда Веру и Николая хо-

зеваями, а сами мы, если в Венгрии не будет переворота (а он может и быть), будем иметь базу в Европе!³ Дай Бог не ошибиться!

Примечания

¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 5. Л. 289–290.

² РОДЗЯНКО Михаил Владимирович (1859–1924), русский государственный деятель, лидер партии октябристов, председатель Государственной Думы. В эмиграции жил в КСХС.

³ По сведениям дневника в это время А. фон Лампе серьезно занимался планом купить для своей семьи небольшой дом в Венгрии. В конце концов, он не решился на этот шаг, во-первых, не знал, куда судьба и служба его занесут, во-вторых, он не нашел подходящего дома за приемлемую цену и все время боялся затратить последние денежные резервы.

30 сентября (Будапешт), 1, 2, 3, 4, 5 октября (Будапешт)¹

Прошла опять пачка дней. За это время отмечу наиболее существенно-важное по монархизму. Высший Монархический Совет в Берлине назначил сюда своим представителем кн. Д.П. Голицына-Муравлина. Старик видно своенравный, волевой, но совершенно не двинувшийся вперед в своем самодержавном ушибе.

С ним некто А.В. Свистунов², типичный господин, который добровольческое движение считает «эпизодом», только потому неудавшимся, что «платформа» Добрармии «не подходит» этим господам, предпочитавшим служить лакеями в Киевских ресторанах.

Голицын появился из Печского комитета, где собрались наиболее махровые монархисты, настроенные против сербов и за венгров – чающие получить от последних немало благ!!

Приехал Л.А. Казем-Бек³, он привез известие о том, что по настоянию Штрандтмана и Потоцкого наши части поставлены на венгерскую границу, о чем у меня имеется заверение Шатилова, что этого никогда не будет!⁴

Печская колония (Голицын, Казем-Бек, Свистунов, Линевич, Княжевич и др.⁵) элемент средний – все избалованные буржуи с махровым монархическим налетом.

Это нехорошо – во главе их и всех русских монархистов в Венгрии стоит Голицын-Муравлин, он под их влиянием и немедленно был принят здесь всеми до Хорти включительно – увидим!

Третьего (вторник) я был опять у Банфи. Наконец Западная Венгрия очищена-таки венграми, рассчитывающими занять потом зону мирным порядком, а пока оставившим там «повстанцев».

Я считаю, что мои бумаги дополняют дневник! Много поэтому не пишу!

Банфи сказал мне, что 1.000 человек примут, если министр социальной политики найдет им место. Я к нему – он принял меня очень любезно и место найти обещал. Наконец за время с первого апреля дело сдвинулось с мертвой точки и то с 48.000 на 1.000!⁶ Не много!

[...]

Примечания

¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 5. Л. 290–291.

² По всей вероятности, СВИСТУНОВ Александр Владимирович, военноморской офицер, старший лейтенант, участник Рейхенгальского конгресса монархистов, член Высшего Монархического Совета, подробные биографические данные неизвестны.

³ КАЗЕМ-БЕК Лев Александрович (1876–1952), корнет Лейб-Гвардии Уланского полка, монархический деятель. Служил при Деникине в Вооруженных Силах Юга России, был эвакуирован из Новороссийска. В начале 1920-х жил в Венгрии, член так называемой «Печской группы», был председателем Монархического Объединения в Венгерском Королевстве (в документах организация часто называется Местным Монархическим Объединением). А. фон Лампе считал его одним из наиболее одиозных фигур. После отъезда из Венгрии, с 1923 г. он жил во Франции. В эмиграции был членом ЦК Русского Народного Монархического Союза. В 1941 г. немцы интернировали его. В 1947 г. он вернулся в СССР, был осужден за антисоветскую деятельность, сослан в Казахстан, где в 1952 г. умер от голода. Отец Александра Львовича Казем-Бека, лидера движения «Младоросов».

⁴ Смотри об этом документ № 9 в приложении, письмо А. фон Лампе к Д. Потоцкому и комментарии к нему.

⁵ ЛИНЕВИЧ Александр Николаевич, полковник (1882–1961), в эмиграции жил в Венгрии, потом в Германии. В 1922 был избран вице-председателем Союза Русских Офицеров в Королевстве Венгерском, с 1930 генерал-майор Корпуса Императорской Армии и Флота.

КНЯЖЕВИЧ Николай Антонович (Антонинович), генерал-майор (1871–1950), из ближайшего окружения императора Николая II, был генерал-майором Свиты Его Величества. С 1914 по 1917 г. занимал пост губернатора Таврии. В 1917 г. – градоначальник Одессы. В эмиграции жил в Королевстве СХС, потом в Венгрии и во Франции. По венгерским архивным документам, в начале 1920-х гг. вместе с ним в Венгрии жили его жена с дочкой, брат его, Александр и его мать (HL VKF 1922 микрофильм В/169 пленка 3618/1987 С. 48–49).

⁶ Данная запись свидетельствует о том, что первоначально А. фон Лампе предполагал переселить в Венгрию всех офицеров и военных армии Врангеля, оставшихся в районе Проливов к апрелю 1921 г.

18, 19, 20, 21, 22 октября (Будапешт)¹

[...]

19-го встревоженный Розен передал мне просьбу Пронаи, отца белого террора и предводителя «повстанцев» в Западной Венгрии, приехать самому или прислать Розена, чтобы войти в связь с русскими, стоящими на сербо-венгерской границе. Я, ожидая с часу на час решения вопроса о переброске наших в Венгрию, продиктовал Розену письмо к Пронаи, тем более что для меня дошли вести, что венгерское правительство, затратив 1.500 000 крон на «повстанцев» и добившись плебисцита в округе Шопрон² – старается сдержать Пронаи, а он отвечает ультиматумами по адресу Хорти. Сегодня есть первый намек, что его ультиматумы не есть пустой звук. В Шопроне появился король Карл IV. и его поддерживают какие-то войска³. Одно из двух – или король с позором удалится опять, как то было в апреле, или он, поддержанный Пронаи и Фридрихом пойдет на Будапешт, и несмотря на его сравнительно малую популярность, против него нельзя будет никого выслать, особенно ввиду наличия Пронаи – организатора наиболее надежных офицерских частей, на стороне короля. Интересно, чем это все кончится – боюсь, что все это – вода на мельницу коммунизма. В стране не спокойно, возвращающиеся из Совдепии, стреляют в председателя парламента, Раковски, устраиваются грандиозные пожары – это не хороший признак. Я сегодня говорил с начальником отдела военнопленных министерства национальной обороны, с полковником Кирхнер, он жалуется, что возвращаются из Совдепии коммунисты и Министерство

Внутренних Дел недостаточно с ними сурово. Это до добра не доведет⁴.

Копия письма Розена к Пронаи

Переговорив с твоей женой, я немедленно же передал все моему шефу, и он просил меня передать следующее: «все, что происходит вокруг тебя, живо его интересует, и только создавшееся здесь в данный момент положение, когда каждую минуту должен быть, наконец, решен вопрос, над которым он работает уже полгода, заставляет его быть крайне осторожным. Положение наших в тылу таково, что вопрос о них не может быть отложен ни на одну минуту. Обстановка вокруг тебя для него совершенно неопределенна и мало известна. Поэтому он вместо личных переговоров, очень просит тебя любым способом сообщить ему подробности обстановки, которые хоть немного вели бы его в курс дела и дали бы ему возможность принять решение, для которого сейчас мало оснований. Надо надеяться, что с минуты на минуту и наш вопрос разрешится здесь так или иначе, и это развяжет нам руки. Он просит передать тебе привет и пожелания успеха в твоём деле, так похоже на наше прошлое, и еще раз напоминает, что ему необходимо ближе и точнее понять, что делается около тебя в данный момент»⁵.

Наверху текст письма Розена к Пронаи – кажется, я пропустил торжествующую партию – ну да, для нашего дела она многого бы не дала. Привожу также и выдержку из сегодняшних (22.X.) вечерних газет⁶. Как будут они писать, если король все же вступит в Будапешт – увидим.

Говорил на эту тему с Волконским – безусловно, жалко Хорти, попавшего (он сам монархист) в чрезвычайно тяжелое и, пожалуй, небывалое в мире положение, но как торжество монархической идеи – это было бы хорошо, если это не испортит, как было на Пасхе. Карл не дождался включения Венгрии в Лигу Наций, когда она могла бы сама решать вопрос об образе правления. А сейчас Малая Антанта может использовать время для кормления путем оккупации – тогда будет скверно, разве что Италия, сейчас заинтересованная в Венгрии, не даст.

21-го случилось невероятная вещь – я, наконец, после шести с половиной месяцев работы, получил письменное согласие правительства на прием в Венгрию... 1000 человек. Это начали с 48 000. В бумаге приведен целый пункт стонгов и извинений⁷.

Видит Бог, и это было нелегко. Я два раза получал отказ решительный, все со ссылкой на протест Антантских представителей, но уперся и достиг своего. В последнее время с Министром Иностранных Дел, графом Банфи, стал прямо назойлив и выжимал из него письменный ответ, посылал Розена к нему каждый день. Все это еще продолжится и не мало, и я боюсь, не опоздает ли моя телеграмма, посланная вчера шифром, но все же я своего добился и могу быть довольным.

[...]

За телеграмму я заплатил 2.500 крон...

«Константинополь Амбарюсс генералу Кусонскому⁸. Сегодня, наконец, мною получено письменное согласие Венгерского правительства принять [в] страну одну тысячу человек [при] условии оплаты содержания их год вперед [в] американской валюте. Переговоры продолжаю полным темпом, документ пришлю ближайшим курьером. Прошу подтвердить получения настоящей телеграммы, дать указания [о] материальной стороне вопроса. Докладываю, [что] начальником группы желателей генерал Штейфон. 075 Лампе».

Вопрос об оплате был предусмотрен командованием. Штейфона прошу потому, что обыкновенно эти части подчиняются военным агентам, и мы с Б.А. поладим, на что нельзя рассчитывать со всеми. А кроме того он отъявленный монархист, что в Венгрии очень полезно⁹.

Слава Богу, что я успел получить бумагу до приезда короля – теперь всем большим не до того, министерство, в результате авантюры, может слететь, а бумага написана от Правительства и подписана Канья, товарищем министра, который всегда остается на месте.

Даст Бог мне удастся все же привезти наших сюда. Для Армии это создаст более широкую базу расположения и включит лишнюю страну в ее орбиту – думаю, что все это полезно для дела в случае возможности встать на ноги.

Ну, вот, кажется, я очень вкратце успел написать все. Разве, что надо еще отметить, что 20-го молебном, в присутствии всех властей колонии и даже Наташи, был открыт первый русский ресторан в Будапеште, со стенами, прекрасно расписанными русскими мотивами¹⁰.

Примечания

¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 7. Л. 18–21.

² Окончательного компромисса в вопросе Западной Венгрии – после длинных предварительных переговоров – удалось добиться на трехсторонней конференции в Венеции с 11 по 13 октября 1921 г., где главы венгерского и австрийского правительств при посредничестве итальянского министра иностранных дел договорились о разделе спорных территорий на зону «Б», которая подлежала передаче Австрии и на зону «А», что представляла собой город Шопрон и окружающие его деревни. Территориальная принадлежность зоны «А» должна была решена путем плебисцита, что дало надежду венграм сохранить ее за собой. Взамен за компромисс венгерское правительство взяло на себя обязательство вывести свои войска и администрацию из зоны «Б» и упразднения «повстанцев». За несколько дней до конференции, 4-го октября в деревне Фелшээр было провозглашено «независимое государство» Лайтабаншаг, правителем которого стал Пал Пронаи. Конечно, создание такого государства и тем более добиться его международного признания было абсолютно невозможно, но в данный момент повстанцы могли серьезно помешать стремлению правительства к урегулированию кризиса (О Западно-Венгерском вопросе см. подробно: *Ormos Mária. Civitas fidelissima. – Szekszárd: IPF, 1999*). В этой ситуации Пронаи, через своего родственника, барона Розена обратился за помощь «бездельным» солдатам врангелевской армии.

³ 20-го октября король Карл из Швейцарии прибыл в страну на аэроплане в сопровождении своей жены и адъютанта, барона Аладара Боровицени. Они остановились на имении графа Йозефа Цираки в западной части Венгрии, где Габсбурги имели наиболее сильную базу в стране. Находившиеся там регулярные и иррегулярные части подчинялись королю.

⁴ Упомянутые в абзаце имена:

ФРИДРИХ Иштван (1883–1951), венгерский политический деятель; в 1919 после падения советской республики был премьер-министром, потом военным министром в правительстве Кароя Хусара. Выступил против подписания и ратификации Трианонского договора. Во время второго возвращения короля Карла, он примкнул к легитимистам. В 1951 г. стал жертвой политических репрессий, был осужден на 15 лет тюремного заключения, умер в тюрьме.

РАКОВСКИ Иштван (1858–1931), политический деятель, легитимист, в 1901–1927 депутат парламента, в 1920–1921 гг. председатель Национального Собрания. В июле в связи с разногласием с правительством ушел со своего поста. 25-го сентября на него было совершено покушение, бывший офицер с балкона зала заседания стрелял в него, но промахнулся. В октябре король Карл IV назначил его премьер-министром; после поражения короля он некоторое время находился под арестом.

КИРХНЕР Шандор, генерал (1872–1931). В 1921 г. начальник отдела военнопленных Министерства обороны в чине полковника.

⁵Здесь А. фон Лампе, может быть намеренно, промолчал о конкретном содержании предложения Пала Пронаи. О нем мы узнаем из одного более позднего его письма своему помощнику Владимиру Иловайскому. В апреле 1924 г. в преддверии закрытия военного представительства в Венгрии А. фон Лампе предложил Иловайскому составить обзор о деятельности представительства. Здесь среди множества пунктов, которых следовало бы касаться в обзоре, фигурировал пункт «попытка Пронаи привлечь нас к борьбе в Бургенланде» (ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 15. Л. 153). На основе этого мы можем установить, что речь шла о присоединении частей армии Врангеля или отдельных ее членов к отрядам Пронаи, и участия их в «восстании». Детали данного сюжета, к сожалению, неизвестны. Однако не исключено, что в частях Пронаи действительно находились отдельные бывшие офицеры и военные армии Врангеля. В документе «Обзор политического положения в Венгрии к 20 октября» в связи с Западно-Венгерским вопросом мы читаем: «Отмечая деятельность подполковника Пронаи в Венгрии отмечают, что последними пополнениями отрядов Пронаи являются дезертиры армии Врангеля». По всей вероятности, автором документа был А. фон Лампе. Один из экземпляров обзора агентом по кличке «Просперо» был доставлен советской разведке и служил информационным материалом для НКВД (АВП РФ. Ф. 077. Оп. 3. П. 101. Д. 3. Л. 17). Смотри еще об этом документ № 15 в приложении, письмо Д. Потоцкого А.А. фон Лампе!

⁶К дневнику приложено краткое сообщение из немецкоязычной венгерской газеты «Пештер Ллойд» о позиции венгерского правительства по этому вопросу.

⁷На повестке дня заседаний Совета Министров два раза фигурировал вопрос о принятии русских беженцев из армии Врангеля. Первый раз 16-го сентября министр иностранных дел Венгрии граф Банфи предложил выполнить ходатайство А. фон Лампе о принятии 2000 военных. Он подчеркнул при этом политическую пользу подобного решения. Большевизм – сказал Банфи присутствующим – находится на грани крушения, а сегодняшние эмигранты будут играть большую роль в процессе восстановления добольшевицкого порядка в стране. Венгрия, оказав помощь в этом деле, могла бы завоевать симпатии будущей России. Министр торговли Лайош Хедеш-

халми на это возразил, что русские отнимали бы рабочие места у венгров. По предложению премьер-министра графа Йштвана Бетлена вопрос был снят с повестки дня и министру иностранных дел поручили дальнейшее уточнение деталей. Вернулись к нему на заседании 27-го октября 1921-го года. На этот раз он был поставлен немного по-другому, чем в прошлый раз. Граф Банфи информировал своих коллег об уже достигнутой договоренности с представителем Врангеля, согласно которой Венгрия обеспечивает приют для 1000 офицеров и солдат русской армии. Прибавил, что русская сторона полностью взяла на себя их содержание, причем платить она собирается в долларах США. Таким образом, осталось решить лишь вопрос о том, какое учреждение будет заниматься размещением этих лиц. Министр обороны от имени своего ведомства выразил готовность помочь в этом деле, и подполковнику генерального штаба Карою Оттрубаи была поручена выработка технических деталей (Протоколы заседания Совета Министров от 27-го октября 1921. г. MOL K-27 (1921.09.16.) 10R/14 и (1921.10.27.) 10R/13 <http://www.digitarchiv.hu>).

⁸ КУСОНСКИЙ Павел Алексеевич, генерал-лейтенант (1880–1941), участник Первой мировой войны. С 1918 г. – генерал для поручений при командующем Добровольческой армией, 1919 – генерал-квартирмейстер Добрармии. При Врангеле сначала начальник симферопольского гарнизона, потом в должностях начальника штаба 3-го армейского корпуса, с октября 2-й армии. После эвакуации из Крыма был назначен помощником начальника штаба Главнокомандующего Русской армией. В эмиграции до 1938 г. состоял в распоряжении председателя РОВС. В 1941 г. в Бельгии был арестован гестапо и интернирован. Его подозревали в шпионаже в пользу СССР. Фон Лампе и другие его друзья безуспешно добивались его освобождения, он скончался от побоев в лагере Бреендонк.

⁹ ШТЕЙФОН Борис Александрович, генерал-лейтенант (1881–1945), участник белого движения в составе армии Бредова, в 1920 г. с частями армии присоединился к Врангелю. В эмиграции был комендантом лагеря в Галлиполи. Во время второй мировой войны сотрудничал с немцами, был командиром Русского Охранного Корпуса. Однако немцы отказали его в настоятельной просьбе, перебросить корпус на восточный фронт. Корпус был применен против югославского партизанского движения. Штейфон в апреле 1945 г. скоропостижно скончался. Штейфон был в хороших отношениях с А. фон Лампе еще с 1918 г., когда они в Харькове вместе руководили подпольным центром и занимались отправкой офицеров в Добровольческую армию и добыванием средства и вооружения для армии. А. фон Лампе посвятил отдельный раздел Штейфону в своей книге «Пути верных», в главе «Памяти старых друзей» он пишет: «Покойный Борис Александрович был моим другом, мы делили с ним в трудные времена нашей совместной жизни, ее невзгоды и трудности» (Лампе. 1960. С. 196).

¹⁰ Речь, по всей вероятности, идет о ресторане «Кремль» (Будапешт, Эржебет кэрут Д. 41) под руководством упомянутого уже полковника Э.И. Кариуса и полковника Крауса (биографические данные неизвестны).

23 октября (Будапешт)¹

Город настолько в тревоге, что я не мог ехать на открытие общежития при Красном Кресте в форме. Был в форме на вокзале — должен был проехать на юг Архангельский² — оказывается, всех иностранцев не пропустили в Венгрию.

С утра слышна артиллерийская стрельба, а на окраине города и пулеметы. Однако очевидцы «с фронта» передают, что войска стреляют, но никого не убивают. Среди представителей Антанты большой существует взгляд, что правительство одной рукой готовит сопротивление королю, другой ведет с ним переговоры. С королем, прилетевшем в Шопрон вместе с королевой на аэроплане, идут какие-то части. По-видимому, он на этот раз решил добиться так или иначе своего, да и, по словам венгров, присутствие королевы Зиты³ немало повышает его упорство. По-видимому, теперь всюду женщины сильнее мужчин.

Вчера король был в Дьере, что в 110 километров от Будапешта, сегодня он к ночи может прибыть в Будапешт, сопротивления ему оказано не будет, ни войска, ни офицеры, ни сам Хорти драться с королем Венгрии не будут. Это ясно. Но французы, после воцарения Карла IV., обещают через 8 дней прибытие сербских частей в Будапешт, а это уже хуже. Надо, однако, отметить, что сегодня, судя по слухам, объявлена общая мобилизация и призванные уже охраняют мосты.

На улицах эксцессов (поганное слово) никаких нет, но общее возбуждение заметно. Нервируют патрули и автомобили, эти признаки тревоги во всех случаях гражданской войны.

С королем Остенбург⁴, который почему-то здесь котируется высоко, с ним бывший председатель Национального собрания Раковски... не знаю, где Пронаи и Фридрих.

Наше положение оригинальное. Мы с Волконским, якобы представители России, он Парижской, а я Константинопольской, ничего сказать не можем и ждем результатов зрителями, так, как, в сущности, говоря, нам все равно, кто победит, Правительство

или Король – только бы не красные, которым сейчас также представляется случай половить рыбку в замученной воде.

Во всяком случае, мы решили, если дипломатический корпус расколется – приветствовать Короля...

Примечания

¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 7. Л. 21–22.

² После переговоров с Шеубнер-Рихтером.

³ ЗИТА БУРБОН-ПАРМСКАЯ (1892–1989), последняя королева Венгрии, императрица Австрии. На стороне своего мужа она принимала активное участие в политической и общественной жизни. Поэтому многие были склонены считать ее более решительной фигурой, чем ее мужа. В 1917–1918 гг. Карл пользовался именно родственными связями своей жены для зондажа возможности сепаратного мира с державами Антанты. После смерти своего мужа Зита жила в эмиграции, в том числе в Испании, в Бельгии, в США, в Швейцарии.

⁴ ОСТЕНБУРГ-МОРАВЕК Дьюла, майор (1888–1944), начальник жандармерии города Шопрон, один из командиров офицерских отрядов. В 1920 г. содействовал избранию Хорти правителем страны. В августе 1921 г. отказался вывести свои части из Шопрона, во время второго возвращения короля Карла он перешел на его сторону. Его батальон был переименован в первый королевский гвардейский полк. После вооруженных столкновений между королевскими и правительственными войсками он несколько дней находился под арестом, был амнистирован, но уволен со службы. В 1931 г. вместе с Пронаи пытались создать Венгерскую Страновую Фашистскую Партию, но организация была запрещена правительством.

24 октября (Будапешт)¹

Стрельбы весь день не слышно, по-видимому, рассказ о том, что Антанта Большая потребовала прекращения боя, правильно. Вчера во время боя со стороны Правительственных войск 3 убитых и 32 раненых, на стороне Короля 20 убитых и «много» раненых, как это напоминает в сводке².

Ходят упорные слухи о том, что дело Короля и стоящих при нем проиграно, так, как обе Антанты в самом категорическом виде протестуют против его воцарения. Создается удивительное положение – обе воюющие стороны дерутся за монархию, и обе, пожалуй, хотят Короля, но одна стоит за то, что уже пора, и говорит, что Большая Антанта, а в особенности Италия, которой вы-

годно усиление Венгрии против Юго-Славии, не пойдет на усмирение Венгрии, а Малая Антанта – Юго-Славия будет связана кroatскими беспорядками, Чехо-Словакию можно побить, и в ней внутри не все спокойно. Таким образом, эта группа доказывает, что в воцарении Карла надо видеть начало восстановления сильной Венгрии. Другая же, не видя препятствий к восстановлению монархии, настаивает на том, что еще не время, и оно вызовет вторжение Малой Антанты, а поэтому Королю надо уезжать.

Получается беспримерная картина – вся молодежь (военная) на стороне короля, да и идея красива «за Короля» – вследствие чего гусары вчера в бою перешли на сторону короля...

В то же время Хорти, сам монархист, отдает приказ, в котором называет Короля Величеством, но находит, что передача власти отзовется на стране неблагоприятно и принужден оказывать Королю сопротивление, чего, по словам некоторых горячих голов, не было за всю историю Венгрии.

Таким образом, все выливается в совершенно неправильную, но естественную форму: борьба за Короля и борьба против Короля за Хорти...

На стороне короля в отличие от его прошлого появления, находятся довольно серьезные люди, в том числе бывший министр иностранных дел, Грац, которого я знаю. Кроме того с королем бывший председатель парламента, назначенный им главой своего правительства, Раковски. В составе правительства включен и старик, граф Альберт Аппони, который находится в... Будапеште.

Биржа закрыта, все торопятся продавать валюту, по-видимому, не ожидая дальнейшего падения кроны.

Днем мне говорили, что король уже подписал капитуляцию, что он передается в руки англичан для заключения в Гелголанде, что его спутники получают амнистию... не знаю, поскольку это верно, но на это что-то похоже.

На улицах расклеены плакаты: приказ Хорти, воззвание университета, гласящее, что приход Короля знаменует собой появление с репрессиями чехо-словаков, воззвание МОВЕ, офицерской организации о необходимости сопротивления Королю. Министр-президент Хорти – граф Бетлен говорит по телефону с министром-президентом Короля, Раковским. Собираются для переговоров Грац и Канья, еще недавно первый министр внутренних дел³

до первого прибытия Короля в апреле и его тогдашний товарищ сохранивший свое положение до сих пор.

Думается, однако, что все дело кончится возвращением к прежнему, и Королю с Королевой придется примириться с изгнанием, и монархическому делу на радость всей левой и коммунистической сволочи будет нанесен еще один удар самим монархом, который, по моему разумию, мог спокойно пройти на свой престол через месяца три-четыре. Говорят, что его взвинтила речь Бетлена в Пече, в которой говорил, что все ждут Короля⁴...

[...]

Примечания

¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 7. Л. 22–24.

² На самом деле в результате перестрелки были убиты 19 и ранены 62 лиц на стороне правительства. Точные данные о потерях королевских войск неизвестны, но сильно не отличались от числа жертв противника (*Sarkady Sándor, ifj.: Civitas Fidelissima – Felkelés és népszavazás // Rubicon, № 2010/4–5*).

³ Правильно: министр иностранных дел.

⁴ Почти одновременно с прибытием в Венгрию короля Карла, премьер-министр страны, граф Бетлен в большой политической речи в городе Печ говорил о том, что «исполнение королевской власти в Венгрии является не только правом, но и долгом» и он не потерпит в своей партии никого, кто требует свержения с престола династии Габсбургов. Слова Бетлена, скорее, были жестом в сторону умеренных легитимистов Объединенной Христианской Национальной Партии и объясняются стремлением Бетлена к созданию мощной правительственной партии на базе ОХНП. Возвращение короля сделало замысел Бетлена неосуществимым. На самом деле, речь идет только о случайном совпадении во времени. Ни Бетлен не знал в момент своей речи о приезде короля, ни король о словах Бетлена во время приземления аэроплана в Венгрии (*Shakmyster, 2001. С. 111*).

25 октября (Будапешт)¹

Сегодня на улицах развешан приказ, подписанный Хорти и Бетленом, в котором объявляется благодарность населению, в том числе рабочим Будапешта, за сознательное отношение к происходящим событиям, и фиксируется падение дела Короля, который находится «под охраной национальной армии», то есть, попросту говоря, под арестом.

Его сотрудники, Андраши, Грац и Раковски арестованы. Днем разнесся слух, что глава королевских военных сил, майор Остенбург, произведенный Королем в генералы, застрелился, не выдержав падения всего дела².

Разговоров конечно много, воображаю, как будут дальше говорить все левые газеты всего мира... хорошая у них пища.

Замечательно, что Короля преследовали мелкие неудачи – в день его наступления погода из жаркой превратилась в настоящую осеннюю, первый снаряд правительственных войск попал в паровоз королевского поезда и т. д.³.

Причины неуспеха Короля я отношу главным образом к его личности. Если он после своей апрельской попытки вновь пошел в Венгрию, то, несомненно, должен был бы предвидеть и возможность сопротивления. Что же побудило его прекратить сопротивление, я не считаю, что даже удар в тыл со стороны Пронаи мог решить вопрос. В первый день боя в воскресенье, на его сторону перешла конница, веди он наступление со всей энергией, на другой день к коннице перешла бы и пехота. Сражаться против Короля в монархической стране трудно, какова бы не была личность монарха.

Надо было уже доводить дело до конца, по-видимому, у Короля и у его супруги, даже у Королевы Зиты, не хватило сердца, и дело было проиграно, а страна еще долго будет страдать последствиями происшедшего⁴.

А нам, монархистам и нашему делу нанесен сильный удар...

Крона сразу поднялась и надо сознаться, что я во второй раз не разменял во время фунты. Жалко, пожалуй, третьего разу не будет, все произошло от того, что вчера мне, при оплате чеков по 3200, предложили за банкноты по 3 000 за английский фунт в венгерских кронах.

Сегодня говорил с М.М. Гореловым об организации здесь издательства на случай прекращения службы. Условия валюты здесь крайне благоприятны. Горелов хорош, как работник, но опасен, как компаньон. Надо об этом думать.

Примечания

¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 7. Л. 24–25.

² Эта последняя информация А. фон Лампе не соответствовала действительности.

АНДРАШИ Дьюла младший, граф (1860–1929), венгерский политический деятель, сын премьер-министра и общего министра иностранных дел Австро-Венгрии, старшего Дьюла Андраши. С 1905 по 1910 г. министр внутренних дел, осенью 1918 г. в течение нескольких дней занимал пост общего министра иностранных дел, он оказался последним в этой должности. В 1920-е гг. был одним из лидеров венгерских легитимистов.

³ На самом деле снаряд из ружья попал в вагон поезда, после чего командиры королевских войск решили продолжать борьбу до последней капли крови. Однако король, видимо, испугался от возможности братоубийственной гражданской войны и запретил дальнейшее сопротивление Лехару и Остенбургу, считав дело проигранным (*Boroviczény Aladár. A király és kormányzója* / Под. ред. Pál Pritz. – Budapest: Európa, 1993. С. 248–259).

⁴ Описание А. фон Лампе о «королевском путче» в основном точны и весьма обстоятельны, лишь его суждения о причинах неудачи нуждаются в небольшой корректировке и уточнении. На самом деле решающим фактором были не столько личные качества короля, сколько неблагоприятная международная обстановка, решительный протест против реставрации Габсбургов со стороны Большой и Малой Антант и угроза последней оккупацией Венгрии. Что касается перехода пехоты в подчинение короля, то многие офицеры в эти дни вели двойную игру, старались угадать, на чьей стороне будет победа. Переходы – иногда целых рот или полков – имели место в обоих направлениях. Причем с 23–24 октября в этом процессе правительственные войска однозначно одержали вверх (*Ormos Mária. Magyarország a két világháború korában 1914–1945. – Debrecen: Csokonai, 1998. С. 97; Soldos László. Budaörs, 1921 // História. № 1990/4–5. С. 14–15).*

26 октября (Будапешт)¹

Продолжаются переговоры между правительством и Королем, от последнего требуют отречения... и вот злонравия достойные плоды. Надо было идти до конца и не только по имени, но и на деле быть Королем. А тут говорят, что все произошло от того, что первый снаряд попал в паровоз королевского поезда. Положим «говорят». – Я сам сегодня получил большую неприятность, мне впервые отказали после согласия Военного министерства и Министерства иностранных дел, в полиции в визах для ряда офицеров, по тому умному поводу, что в частях Короля были войска

Врангеля – не говоря уже о географической глупости подобного предположения, если и были, то ведь там же были и все конные полки правительственных войск. Какая нелепость – я добьюсь толку, но все же это уж очень нелепо и в то же время, как получил согласие на перевод сюда 1000 человек. А может и этому что-либо помещает. Подыму скандал. Этакая глупость².

Хороши и наши монархисты. Приехал Голицын с Казем-Бекком и, со слов Тучкова я знаю, что они, раздобывшись деньгами, недовольные работой монархистов, затевают какой-то центральный орган, при чем от нас Малама, по должности председателя, и Бобошко и Оболенский, по назначению, ну не глупо ли все это³. Да к тому же, как монархист я не могу согласиться с назначением, а как представитель армии, я не могу не считать назначение Бобошко «представителя Глазенапа» выпадом против армии. Я сам конечно, как лицо официальное, не пойду, но со мной следовало бы поговорить, и я буду настаивать на включении Иловайского или выборе... А в общем, это похоже на игру в солдатики, больше органов, чем людей.

Я сначала было был недоволен неприятностями, но потом, как вспомнил, что в других местах одни только они – то принялся за «Войну и мир», которую, не выдержав, купила Тата за 700 крон. Хорошо написано, как приятно ее читать...

Примечания

¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 7. Л. 25–26.

² До сих пор мы не располагаем никакими точными данными об этом. См. сноску № 152. Данная запись является первым, хотя весьма неточным, свидетельством о том, что к этому времени до венгерского правительства уже дошли сведения о том, что в мобилизованной против Венгрии армии Королевства СХС находились и русские части из армии Врангеля, и что из-за этого у Алексея фон Лампе могут возникнуть осложнения, несмотря на письменное обещание о принятии 1000 лиц.

Первый раз вопрос поставили ребром А. фон Лампе в таком аспекте 31-го октября в генеральном штабе: «там меня сильно взяли в оборот о присутствии наших частей на сербо-венгерской границе; Предложил им сколько угодно народу, чтобы поставить на той же границе, но с венгерской стороны, ведь надо же людям есть, вот и служат, где угодно» (ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 7. Л. 30).

³ Речь идет о займе в 8 миллионов венгерских крон, которую кругу Голицына (всего 12 человек) удалось получить от Центра Денежных Учреждений и крупных венгерских банков при посредничестве высокопоставленных чиновников Министерств иностранных дел и финансов. В качестве покрытия они предлагали свои имения и недвижимость в России. О погашении долга в контракте говорилось, что оно будет иметь место тогда и в такой форме, что представляется для ссудополучателей возможной. Вокруг данной суммы скоро возникли острые дебаты (MOL Z-100–25. cs. – 45. t. без № и №R2352/1921).

ОБОЛЕНСКИЙ Сергей Дмитриевич, князь (1868–1946), последний губернатор Ставропольской губернии, в эмиграции был членом Правления Местного Монархического Объединения в Венгрии. В межвоенный период он жил в Будапеште, там похоронена и его жена, урожд. Александра Степановна Теренина). В 1945 г. Оболенский был арестован в Вене органами СМЕРШ и осужден на 10 лет каторги. Умер в Темниховском лагере в Мордовии (*Кравченко В.* Последний срок губернатора // «Ставропольская правда», 2006, 21 апреля – <http://www.stpravda.ru/projects/history/people/122.shtml>).

27 октября (Будапешт)¹

Сегодня день бесконечных походов по делам. Начал с Министерства социальной политики, пришли в 10 часов, никого нет и неизвестно, когда будут, через час или полчаса – как они работают, да еще в государстве, со всех сторон обобранном и нуждающемся в колоссальной работе. Далее Министерство иностранных дел – там только собираются – по вопросу переброски мне обещали узнать, кого именно министр-президент выберет для дальнейшего ведения переговоров – слава Богу, выбрали полковника Оттрубаи – которого я уже знаю – в субботу переговоры с ним окончательны.

В паспортном отделе мне сказали, что, по-видимому, отказано в визах не по персональным вопросам, а по принципиальным, и сведение Розена о том, что это потому что «войска Врангеля принимали участие в восстании на стороне Короля», не выдерживает никакой критики и есть только продукт его глупости.

[...]

Примечания

¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 7. Л. 26–27.

28 октября (Будапешт)¹

Сегодня в газетах известие, что Малая Антанта требует от Венгрии удаления короля и уплаты расходов по мобилизации...

Это недурно – Король прибыл из Швейцарии на аэроплане, его отбили правительственные войска с боем, и с того же правительства под угрозой введения в страну войск со всех сторон, требуют уплаты за мобилизацию проведенную против того же короля, которого отбивали венгры. Здорово. «Ты виноват уж тем, что хочется мне кушать», а кушать, по-видимому, от венгерского стола и чехам и сербам очень хочется.

В данный момент почта приходит только с запада, с севера и с юга границы закрыты.

[...]

Примечания

¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 7. Л. 27.

4 и 5 ноября (Будапешт)¹

Вчера так и было – в одно время заседание в Национальном собрании в то же время торжественное молебствие в Базилике. И там, и тут выступал старик Алпони Альберт, который выступал в первом случае блестящей речью, говоря и «о правительстве, вступившем на путь встречи Короля артиллерийским огнем, и о том, что всякое постановление будет недействительным, так, как оно вынуждено...»².

Я знаю случай, как Юст – товарищ министра – ушел в отставку, так как признал невозможным служить «правительству, которое стреляет в своего Короля...». Человек он необеспеченный.

Фунт доходит до 3900, доллар – до 1000 крон...

Постановление Национального собрания еще не вынесено – по-видимому, последнее заседание будет завтра в воскресенье, так как ответ должен быть дан к понедельнику.

А «Общее дело» пишет о том, что Хорти стремится сам к короне и натравливает на него Малую Антанту, так как «он, как Наполеон, захочет объединить Венгрию». Все это ерунда – Венг-

рия расчленена физически и рано или поздно она все равно объединится, и не причем здесь ни Хорти, ни Габсбургов. Победит национальное чувство.

Сегодня видел Князя Голицына-Муравлина – намекает мне, что в вопросе о пропуске сюда генерала Данилова, как кирасира Ея Величества, будет заинтересована Государыня – не думаю – и не пропущу сам, но полагаю, что он и сам проедет, а тогда у меня будет немало неприятностей³.

Старик говорил мне сегодня, что группа в 12 семей (40 человек) уже давно хлопотала о ссуде, с круговой порукой, и вот теперь получила от банков восемь миллионов, а теперь вокруг ходит клевета, и он привлечет клеветника – читай генерала Княжевича⁴. Говорил ему, что это не стоит того, чтобы еще подымать историю – а Княжевич говорит, что он сообщит об этом Государыне – бедная Государыня – и Данилов, и Голицын, какое ей до них дело.

Дело переброски пока не налаживается – из одного министерства посылают в другое, а к Хорти или премьеру-президенту я пойти не могу – не то сейчас время.

Примечания

¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 7. Л. 32.

² Речь идет об обсуждении законопроекта детронизации Дома Габсбургов в Венгрии вследствие второй попытки Карла IV вернуться в страну. Детронизация произошла по настоянию Большой и Малой Антант, однако она встретилась и с настроением некоторых правительственных кругов и сторонников «свободного избрания короля», которые таким образом хотели закрыть путь перед слишком нерасчетливым королем к престолу и тем самым уменьшить возможность политических кризисов.

³ ДАНИЛОВ Михаил Федорович, генерал-майор, (1879–1943), в 1917–1918 гг. командир Лейб-Гвардии Ея Величества кирасирского полка (придворный полк Императрицы Марии Федоровны); в Венгрии он нес титул «начальник Военного Отдела Русского Собрания». Он сначала примкнул к группе Голицына-Муравлина и Казем-Бека, но потом постепенно отошел от них. Умер в Венгрии.

⁴ Суть дебатов вокруг упомянутой уже ссуды сводилась к тому, что является ли он частным займом, с которым свободно распоряжаются получатели, или это помощь венгерского правительства русским эмигрантам («руками еврейских банкиров» – как позже выражается А. фон Лампе). Мнения по

этому разошлись и в самой русской колонии, в пользу второго обычно высказывались те, которые ничего не получали из данной суммы. Документы, как правило, подтверждают первое толкование о частном характере ссуды. Тут мешающим моментом является всего лишь выражение в венгерских архивных документах, что группа этих людей получила деньги, как созданный для оказания помощи русским эмигрантам комитет (!) на территории комитата Баранья. А создание комитета предполагало бы, в том числе наличие устава и конкретного плана организации помощи русским беженцам. Ни о чем подобном конечно и речи не было, «члены комитета» тратили деньги на свои нужды, а на главного оппонента этому, на генерала Княжевича доносили у венгров, что он является сербским шпионом (MOL Z-100-25. cs. – 45. t. без № и №R2352/1921. и HL 1921 VKF микрофильм В/169 пленки 3618/1987, 3619/1987, 3620/1987).

6, 7, 8 ноября (Будапешт)¹

Детронизация состоялась в указанные державами Большой Антанты [срок] по просьбе Антанты Малой, но венгры так ее обусловили, что Антанты, пожалуй, опять взволнуются, так страна осталась Королевством, но с правом свободного выбора Короля. Почему, несмотря на лишение всех Габсбургов прав на венгерский престол, каждый из них может быть свободно избран в следующий раз². Я думаю, что так и будет в будущем.

[...]

Примечания

¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 7. Л. 33.

² Принятый закон на самом деле лишил всех членов семьи Габсбургов права на венгерский престол, однако в тексте ничего не говорилось о том, что они не могут быть свободно избраны королем Венгрии. Пробел, на которое обращает внимание А. фон Лампе, был закрыт особой нотой, подписанным венгерским правительством, в которой оно обязалось не делать односторонних шагов в этом вопросе без согласия представителей держав-победительниц (*Juhász Gyula. Magyarország külpolitikája 1919–1945. – Budapest: Kossuth, 1988. С. 86–87.*)

9, 10, 11 ноября (Будапешт)¹

Граница все еще закрыта, несмотря на то, что и требование о лишении Габсбургов прав на престол и будущем, проведено, по

требованию Антант, венгерским парламентом. Да чего это проведение стоит – все здесь совершенно определенно убеждены в том, что при малейшей надобности, или вернее возможности – все будет аннулировано и объявлено вынужденным.

Вчера посланный мною в Министерство Иностранных Дел, Розен, которому я поручил ускорить организацию межведомственной комиссии от Министерства социальной политики, Иностранных дел и военного по вопросу о переброске войск в Венгрию – передал мне, что дело отложено, потому что наши части вместе с сербами несли службу на венгерской границе, и не только в качестве пограничной стражи, но и усилили сербские войска по всей линии².

Я немедленно помчался в Министерство и на самом деле увидел молодого человека, как дипломата-идиота, который бормотал мне о том, что это враждебный акт со стороны «русского правительства» и т. д. Былой любезности и готовности как не бывало.

Убедившись, что разговоры с ним потерянное время, я пошел в военное министерство и там, у полковника Оттрубаи выяснил, что это не так еще остро, но я предвижу возможность, что к этому вопросу венгры придерутся, так привоз наших частей, даже при условии оплаты их содержания, им почему-то не так желателен. Почему – еще не знаю.

Во всяком случае, я с удовольствием убедился, что в этом министерстве никто не говорит о «враждебных актах» – тут, по-видимому, умнее.

[...]

Меня все же очень беспокоит вопрос о наших на границе, тем более что ни Ставка, ни Потоцкий мне не сообщают подробностей, и я знаю об этом меньше венгров.

Примечания

¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 7. Л. 33–34.

² По данным сербского исследователя Мирослава Йовановича, с 1-го сентября 4500 солдат врангелевской армии поступили на службу в армию Королевства СХС по контракту. Они принимали участие в охране новых границ. Гвардейская бригада донских казаков и конвойная дивизия, в частности, были развернуты вдоль венгерской границы (*Йованович Мирослав. Русская эмиграция на Балканах 1920–1940. – М., 2005. С. 98–99*). Участие

русских во время «королевского кризиса» в мобилизации армии КСХС против Венгрии действительно сводилось только к охране границ, однако в Будапеште и это было расценено, как недружелюбный акт в отношении находившейся в тяжелом положении страны. Смотри об этом еще документы № 13–15 и комментарии к ним.

12, 13, 14, 15, 16 ноября (Будапешт)¹

Опять довольно сильно запустил мой дневник.

Положение с переброской тянется медленно – теперь уже министерство иностранных дел, кажется, переложило гнев на милость, но только возни ныне там – надоело – завтра поеду по начальству разбирать, в чем дело и требовать, чтобы мы решали вопрос с комиссией и переброской или бросали. Вчера открылась сербская граница, и я получил ряд писем, при этом от Кусонского получил письмо от 28 октября, в котором ни звука о переброске, хотя в телеграмме от 23-го было о том, что «подробности следуют». Поразительно, что по самому главному я всегда ничего не получаю.

Интересная подробность: повсюду ходит упорный слух о возможности воссоединения Трансильвании с Венгрией – соединение Венгрии и Румынии под главенством румынского короля, нанося тем самым непоправимый удар Малой Антанте и разъединяя Юго-Славию с Чехо-Словакией². Дивны дела твои, Господи... это при официально исповедуемой ненависти венгров к румынам... ничего не понимаю. Премьера графа Бетлена называют: «Герцог Зибенбюгерский...». Не в этом ли секрет сопротивления правительства графа Бетлена Королю Карлу IV.

Вчера был четырехлетний юбилей основания Добровольческой Армии (2-го ноября по старому стилю). Я собрал в Осагош казино на завтраке чету Волконских, чету Малама и Голицына-Муравлина. Кроме того, были мы с Татой, Иловайский и Розен.

Я подвел итоги годовщин: первая, в 1918 году – освобождение Кубани, вторая, в 1919 – начало отхода от Орла–Киева, третья, в 1920 году – отход из Крыма, и четвертая, в 1921 году – переброска в славянские страны.

На завтраке было не очень скучно – таким образом, мы не только начали сезон первыми, но и попробовали объединить русские власти в Венгрии.

Больше всего мне хлопот, как и всегда со своими монархистами. Вокруг Голицына-Муравлина – Казем-Бек, Свистунов и пр. крутят, желая чуть ли не возглавить с Г-М-ым все русское представительство в Венгрии и идя против меня, хотя бы пропуском сюда генерала Данилова, после моего о том протеста.

Примечания

¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 7. Л. 35.

² Секретные переговоры по этому поводу шли уже с лета 1919 г., (хотя их точнее было бы назвать зондажем со стороны венгерских политических кругов), они к моменту дневниковой записи А. фон Лампе уже зашли в тупик. Одним из главных сторонников и инициаторов этого плана был граф Иштван Бетлен. Он был сам по происхождению из Трансильвании. По его мнению, такая комбинация могла бы решить проблему территориальной принадлежности Трансильвании и привела бы к возникновению такого государства, которое могло бы служить препятствием экспансии славянства в этой части Европы. Замысел не встретил согласие и поддержку со стороны Бухареста. Последний видел возможность реализации своих интересов в укреплении сотрудничества с Чехословакией и Королевством СХС, в создании Малой Антанты и в полной международной изоляции Венгрии (*Romsics Ignác. Bethlen koncepciója a független vagy autonóm Erdélyről*. http://www.adatbank.transindex.ro/regio/html/alcim_pdf7.pdf дата 13.02.2013 г.).

18 и 19 ноября (Будапешт)¹

Оба дня бродил по министерствам иностранных дел и военному и генеральному штабу с целью выяснить, откуда идет противодействие переброске наших в Венгрию. Посылали из конца в конец, говорили без умолка, и без толку, и сегодня у меня начинает, после слов графа Кун-Хедервари, складываться убеждение, что такова точка зрения венгерского правительства. Мелькает также мысль и о том, что это придирка, дабы аннулировать ту бумагу, которую мне удалось вырвать из рук министерства иностранных дел перед выступлением Короля.

Сегодня написал в штаб о том, что всему делу грозит провал по милости наших представителей в Сербии, сделавших все на границе с Венгрией без того, чтобы хоть поставить меня же в известность об этом решении².

Обидно до слез – восемь месяцев работать, быть у цели и получить отказ не из-за себя. Буду продолжать действовать упорно дальше. Сегодня Кун³ очень удивился, когда ему сказал, в ответ на его мнение, что дело уже покончено – что я никогда не считаю дело потерянным. Попробую в третий или четвертый раз поднять дело на ноги.

Копию рапорта в Ставку прилагаю к дневнику. Жалею, что раньше не делал того же, но думаю, что это поправимо – по всей вероятности моя должность умрет вместе со мною и оставлю при себе все то, что может быть интересным для истории вопроса о «помощи» белой Венгрии – белой России. Ведь это неудача историческая – так я буду и говорить с Бетленом и с Хорти.

Памятную записку – мое письмо Хорти – буду писать завтра – благо, что это воскресенье.

Думаю, что в случае конечной неудачи, мне придется к марту и закрыть здесь представительство. Едва ли хватит денег на его содержание в том случае, если здесь не будет наших войск. Сейчас на содержании от штаба лишь Леонтьев⁴ в Праге и я, да и то я уже три месяца ничего не получаю и расходую мой прошлогодний аванс. А когда придет конец ему – будет конец и нам троим – Иловайскому, Розену и мне.

Примечания

¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 7. Л. 38.

² Смотри об этом документы № 12, 13, 14 в приложении.

³ КУН-ХЕДЕРВАРИ Шандор, граф (1881–1947), венгерский дипломат, до Первой мировой войны служил в посольствах Австро-Венгрии в Лондоне и в Берлине. С 1920 по 1925 г. начальник Политического отдела Министерства иностранных дел. В этой должности был одним из главных организаторов внешней политики трианонской Венгрии. С 1925 по 1934 г. постоянный заместитель министра иностранных дел, в 1933–1940 гг. посланник Венгрии в Париже. В 1946 или в 1947 г., по всей вероятности, утонул в Дунае. (Последний раз его живым видели в сентябре 1946 г., труп его был найден в феврале 1947 г.)

⁴ ЛЕОНТЬЕВ Максим Николаевич, генерал-майор (1871–1948), командир 85-го пехотного полка, владельцем которого был император Вильгельм II. В Первой мировой войне служил во Франции, потом на греческом фронте, в 1920–1923 гг. – военный агент А.И. Деникина и П.Н. Врангеля в Праге.

20, 21 и 22 ноября (Будапешт)¹

Сегодня я получил знаменательную телеграмму: «Ввиду размещения армии в Болгарии и Сербии вопрос размещения в Венгрии на наши средства отпадает, но водворение несколько тысяч для работ остается, как и прежде, очень желательным. 21 ноября № 9883. Кусонский»².

Конечно, я немедленно благословил небо за то, что отказ мне в размещении наших частей здесь не будет ударом для армии, и что и без этого она найдет себе пристанище. Кончились мои мечты о том, что здесь в Венгрии будут наши, и что мне удастся для них делать что-либо.

Однако я не могу не оценить по достоинству легкомыслия нашего штаба. О том, что у меня неудача, я донес только 18-го, и мой рапорт еще до сих пор лежит в местном Министерстве иностранных дел, обещавшем его отправить, а потому наши еще ничего не знают, и за размещение в Сербии и Болгарии отдают размещение в Венгрии, то есть не учитывают разницу в валюте, то есть сравнительную дешевизну содержания войск здесь, и то обстоятельство, что с присоединением Венгрии к числу держав приютивших нашу армию, увеличивается зона влияния Главкома и улучшается наше стратегическое положение по отношению к Европе.

Что касается «рабочих», то я совершенно искренно говорю о том, что из этого ничего выйти не может и доношу об этом Главкому. Дело в том, что венгры смотрели на нас, не как на беженцев и т. п., но как на армию и теперь выходит, что вместо платных надо принимать бесплатных. Конечно, из этого не может выйти ничего, но вместе с тем это еще лишний раз подтверждает, что у нас у власти дети. Тата говорит, что самое страшное после Венгрии, это возвращение в штаб – я не могу этого сказать – мой опыт европейской работы может понадобиться нашему делу, а моя преждевременная солидность, несколько сделать солиднее наш штаб.

Считаю, что наша жизнь здесь до марта, то есть равна протяжению аванса и всех экономий, не больше. А переходить на иждивение венгров, наших бывших врагов неудобно и не стоит. Один исход, через Волконского повлиять на Париж, но не знаю, поскольку это даст результаты.

[...]

Примечания

¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 7. Л. 39.

² Смотри об этом документ № 16 в Приложении.

29 и 30 ноября (Будапешт)¹

Вчера я пошел к де-Канья, он был со мною до отказа любезен и ни одного слова не сказал о нахождении наших на венгерской границе.

Сегодня же я получил письмо графа Банфи, в котором он говорит, что правительство не может из страха общественного мнения и Национального Собрания принять наши части, так как в мобилизации и развертывании сербов на венгерской границе участвовали наши части².

Я ничего не могу сказать по этому поводу, но я нахожу, что все возможно, так как Штрандтман, и за ним и Потоцкий могут пойти решительно на все в своем стремлении поступать по-сербски... я на их счет всякое сомнение потерял совершенно.

Могу сказать только, что если бы я довел переговоры до конца, все время обещая платить, а потом получил бы телеграмму ставки, что платить уже нечем, так как все части пристроены на Балканах, а в Венгрию могут быть направлены только «рабочие» и притом бесплатно, то я бы оказался в положении еще более глупом, чем сейчас, когда я все-таки могу ответить венграм на их отказ, правда, очень любезной полу-дерзостью³...

[...]

Примечания

¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 7. Л. 43.

² В упомянутой ноте Банфи, выражая глубокое сожаление, сообщил, что Венгрия в силу неожиданных событий должна отказаться от обещанного признания в страну 1000 солдат из армии Врангеля. Правительство – понимая тяжелое положение русских в Югославии и необходимость заботиться о себе – не могло бы объяснить общественному мнению и в Национальном

Собрании, что обеспечивает приют членам армии, части которой принимали участие во враждебных действиях. К этому он прибавил, что по его сведениям пограничная служба на границе Венгрии и КСХС по-прежнему обеспечивается главным образом «русскими беженцами» (НЛ 1921 VKF микрофильм В/168 пленка 3552/1987 Л. 773. № 40.097 /копия документа № 6482/).

³ Ответ А. фон Лампе на ноту М. Банфи см. в Приложении (док. № 17).

1 и 2 декабря (Будапешт)¹

Оба дня почти провалялся, так как чувствую себя плохо: нарыв на шее и простуда, которая у меня всегда сопровождается головной болью и бессонницей.

Да и дела не веселят. В удивительный век мы живем. Редкий месяц не приносит мирового потрясения: выступление Карла IV в октябре–ноябре, революция в Австрии сейчас, а еще сегодня в местных газетах [пишут] о том, что в Мадриде только что вспыхнула революция, а перед тем революция в Португалии – даже чаще чем раз в месяц.

Неужели же это достижение ленинских мечтаний – начало мировой революции [...]

Положение наше в Европе в случае, если разыграется все в мировом масштабе, до тех пор, пока мы в Венгрии, где я являюсь «контрреволюционным» представителем, довольно грустное, ну а если в Венгрию явится обратно пресловутый Бела Кун², то и совсем плохое. На этот предмет, в смысле обеспечения себе паспортов, надо бы призадумываться без шуток.

[...]

Не считаю невозможным, несмотря на весь «белый» порядок, который царит здесь, могут быть выступления. Одно могу сказать, что обо мне решительно никто не вспомнит, и надо будет думать о себе самому.

Завтра день рождения Жени, как мы его встречали в 1919 году в Киеве, когда в эту ночь большевики были на Наталке, то есть на Подоле... когда Тата, услышав, как Лопухов докладывал мне об этом, в один момент собрала все наши вещи, и разбудила маленькую рожденницу, которая в 5 утра играла новой куклой...

Не дай Бог опять переживать это. Я все чаще и чаще хочу отойти от всего и совершенно отойти от политической жизни,

уйдя в обработку земельного участка, или что-либо в этом роде... довольно с меня. Но в Совдепию не вернусь, если бы меня ничего там и не грозило, что, по правде говоря, и маловероятно.

Примечания

¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 7. Л. 44.

² КУН Бела (1886–1938), настоящая фамилия Кохн, журналист. Один из лидеров и основателей Партии Венгерских Коммунистов. В 1919 г., во время венгерской советской республики был народным комиссаром по иностранным делам и фактическим руководителем коммунистического режима. После его падения эмигрировал через Австрию в Советскую Россию. Осенью 1920 г. вместе с Пятаковым и Землячкой руководил массовыми репрессиями в Крыму. В 1938 г. сам стал жертвой сталинских репрессий.

3, 4 декабря (Будапешт)¹

Вчера, в день своего рождения (20 ноября) заболела ветряной оспой Женюшка. Слава Богу, доктор успокаивает...

Сегодня наш полковой праздник – мало веселых мыслей по этому поводу.

Концерт, устраиваемый М.М. Гореловым в память Достоевского, видимо проваливается, а на мое имя прислано уже от Адмирала Хорти – 5000 крон, от Эрцгерцога Иосифа 2400, что я с ними буду делать?

[...]

Примечания

¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 7. Л. 45.

5, 6, 7 и 8 декабря (Будапешт)¹

6-го, наконец, договорились наши будапештские монархисты с печскими. По-видимому, наш урок, данный Казем-Беку и Ко, имел успех и потому дело шло гладко, только я протестовал против того, чтобы подписывать заявление, в котором я подчиняюсь Высшему Монархическому Совету и его представителю в Венг-

рии, Голицыну-Муравлину. Даже это было всеми и сразу поддержано.

Не производит на меня монархическая работа хорошего впечатления – все больше разговоры и только, дела нет и не видно. Со мной все печцы любезны до чрезвычайности и всячески уговаривают меня войти в совет. Организация такова – Высший Монархический Совет в Берлине, его представитель в Венгрии, потом венгерское объединение возглавляемой советом, выделяющим из себя правление.

Не знаю, пойду ли на это, но дело в том, что в Венгрии по самой конституции страны монархическое объединение будет играть такую большую роль, что нельзя остаться от него в стороне².

[...]

Примечания

¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 7. Л. 45.

² Выборы в совет и правления состоялись 13 или 14-го декабря – по дневниковой записи А. фон Лампе. На заседании монархического объединения присутствовал князь Алексей Александрович Ширинский-Шихматов, член Высшего Монархического Совета, который был проездом в Венгрии. Председателем Правления Монархического Объединения был избран Л.А. Казем-Бек, что вызвало недовольство со стороны А. фон Лампе: «человек тупой и явно партийный». Состав совета отражал хрупкое равновесие между будапештской и печской группами русской колонии в Венгрии. (ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 7. Л. 48; Сммотри еще об этом документ № 21 в приложении).

1922

13 и 14 января (Будапешт)¹

Вчера в ресторане Эрмитаж наши русские встречали Новый год. Народу было много, шуму тоже, что-то мы с Татой стали в моде, все нас приветствовали...

Тата поехала на встречу далеко неохотно, благодаря тому, что за нашим столом было два венгра, то есть надо было говорить на чужом языке, а это для нее нож острый.

13-го от военного министра ко мне прибыл полковник генштаба, барон Штипшиц² с поздравлением по случаю нашего Нового года – это более чем любезно, особенно, если принять во внимание все разговоры последнего времени о постановке наших солдат на сербской границе сербами и т. д.

Вечерняя встреча нового года вызвала разговор со мной все того же Казем-Бека, который загадочно говоря о том, что мы с ним можем сделать по поводу переброски сюда III-й армии и о том, что и посещение Штипшица, может быть надо приписать им, то есть монархистам.

Не нравится он мне, не чистоплотный он человек, порядочный интриган и жаждет, как это не смешно сейчас сказать... власти. Все у него ведется к этому.

Сегодня в 3 часа дня, по подозрению в шпионаже в пользу не то сербов, не то французов, был арестован генерал Княжевич³.

Вспоминая, что у него произошло осложнение с Печскими монархистами именно на этой почве, и что того-же Казем-Бека он взбесил тем, что обратился ко мне передать суду чести вопрос об его оклеветании Баром⁴ – невольно напрашивается вывод, что этот арест и вся клевета против Княжевича, это работа все тех же Голицына-Муравлина и Казем-Бека, которые не могут простить ему всего того, что он говорил по поводу того, что кампания Голицына умудрилась содрать у венгров ссуду в 8 000 000 крон.

Стыдно становится за русских, мало нам того, что мы всюду пария, так еще идет и взаимное обливание грязью и клевета во всю. Говорят, что эмиграция всегда безобразна...

После ареста Княжевича привели ко мне, но меня не было дома, а когда я проехал в Гадик-казарму, то мне не дали возможности с ним говорить, по-видимому, не решаясь на это. Должен сказать, что венгерский лейтенант даже не потрудился выйти ко мне, а передал, что Княжевича в казарме уже нет. Приходится с этим мириться, таково наше положение, за нами ничего, кроме нас самих.

Горячее участие в Княжевиче принял князь Волконский [так в тексте]. Меня он даже поразило, я считал его суше. В общем, он мне все больше и больше нравится, недаром в «Уй Немзедек» сегодня появилось интервью с Казем-Беком, где он говорит, что военная миссия возглавляется князем Волконским и мною, что мы высланы Парижским совещанием послов и ничего общего с монархизмом не имеем. По замечанию хроникера, упоминание о военной миссии заставило «неприятно поморщится Мирзу Казем»...

Примечания

¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 7. Л. 71–72.

² Он по всей вероятности: ШТИПШИЦ Карой барон (1883–?), офицер венгерского генерального штаба, начальник офицеров связи, детальные биографические данные неизвестны.

³ Судя по венгерским архивным документам, протоколам допросов, Княжевич действительно стал жертвой интриг руководителей Печской колонии русских. Их обвинения в адрес Княжевичу сводились к тому, что во время сербской оккупации южной части Венгрии он был в тесной связи с полковником Раулем Дараином, членом французской миссии в Венгрии и с сербскими военными в городе Печ, находился на службе у них. В протоколах мы встречаем и намеки на его шпионскую деятельность, на его симпатии к коммунистам, на то, что он открыто проповедовал свои просербские взгляды и угрожал доносом своим русским соотечественникам, если они поддерживают связь с венграми. Словом были перечислены все моменты, которые могли вызвать недовольство и подозрения венгерских властей в отношении Княжевича. Протоколы допросов Казем-Бека и других свидетельствуют о том, что обвинение стояло на очень слабых ногах: слухи, информации из вторых рук, якобы произнесенные слова без всяких доказательств. Следствие через несколько дней оправдало Княжевича (Дело Княжевича: NL VKF 1922 микрофильм В/169 пленки 3618/1987 и 3619/1987).

⁴ БАР Генрих Сигизмундович, генерал-майор (? –), в гражданской войне служил во ВСЮР, был эвакуирован в Королевство СХС. После вывода сербских войск с оккупированных ими окрестностях города Печ, он остался в Венгрии, был членом Совета Русского Монархического Объединения в Королевстве Венгрии. Принадлежал к группе противников А. фон Лампе. В середине 1920-х он покинул Венгрию. После 1927 г. стал представителем великого князя Кирилла Владимировича в Латвии.

Клевета заключалась в том, что по утверждению Г. Бара сербский подполковник Илич якобы заявил ему, что Княжевич за свою шпионскую деятельность получал от французов три раза 50 тысяч венгерских крон.

15 января (Будапешт)¹

Сегодня мы с Волконским написали просьбу об освобождении Княжевича, он в Министерство Иностранных дел, я – в Военное². Но наши просьбы придут поздно.

Сегодня от Тер-Матеузова, служащего в венгерской контрразведке³, я узнал, что вину Княжевича считают крупной и т. д. При этом выяснялась пикантная подробность: венгерский полковник, производивший следствие, на заявление Тер-Матеузова, что найденное при Княжевиче письмо Казем-Бека вполне реабилитирует первого в возведенных на него обвинениях, сказал, что все же после этого Княжевич был исключен из объединения, а об этом наш совет собирался, по инициативе Казем-Бека, говорить только во вторник, 17-го. Недурно.

От Тер-Матеузова, который играет на две стороны и боится меня, я узнал также, что между 3 и 5 часами будут допрашивать Казем-Бека. Воспользовавшись тем, что у Таты был не отданный визит Госпоже Казем-Бек, я в 4 с половиной часа постучался в номер Казем-Бека в гостинице и застал там венгров.

Казем-Бек вышел ко мне, просил подождать и потом несколько раз выходил, все время возмущаясь фактом ареста и т. д.

В промежутке выходил ко мне и Тер-Матеузов и сообщал, что говорил Казем-Бек, который заверял венгров о том, что 17-го Княжевич непременно будет исключен из объединения. Сейчас я узнал, что приезжают еще Линевиц и Вадковский, таким образом, 17-го будет второй бой⁴. Первый был о слиянии Будапештской и Печской группы.

[...]

Примечания¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 7. Л. 72–73.

² В письме генералу Беличка А. фон Лампе просил освободить генерала Княжевича, гарантировал, что он не покинет Будапешт и всегда будет готов отвечать на вопросы венгерских властей по своему делу. Подчеркивал его прежние связи с императором и плохой резонанс в русской офицерской среде ареста одного из немногих русских генералов, находящихся в Венгрии (ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 6. Л. 353).

³ ТЕР-МАТЕУЗОВ Николай Иванович (1897-?), по происхождению из армянской купеческой семьи из Санкт-Петербурга, являлся главным интриганом, доносчиком и скандалистом в русской колонии в Венгрии. Судя по архивным документам – как русским, так и венгерским – его наглости не было предела. Хранящиеся в венгерском Архиве Военной Истории русские документы, найденные у Тер-Матеузова, свидетельствуют о том, что в 1919 г. он в чине корнета был начальником азовского отделения Ростовско-го-на-Дону контрразведывательного пункта Всевеликого Войска Донского. В 1920–1921 гг. Тер-Матеузов служил в венгерской контрразведке, был агентом к.-р. отделения командования будапештского военного округа, в его задачи входило снабжение информацией венгров о русской колонии. Одновременно он предложил свои услуги Алексею фон Лампе и письменно генерал-лейтенанту Е.К. Климовичу, начальнику контрразведки армии Врангеля. В июле 1921 г. именно за утечку информации русским в деле Княжевича Тер-Матеузов был уволен с венгерской службы. Венгерские власти неоднократно пытались его выдворить из страны, но у него всегда находились влиятельные защитники в Министерстве внутренних дел и среди венгерских магнатов. За него выступали видные венгерские политические деятели, магнаты, как граф Дьердь Паллавичини, депутат Парламента, граф Карой Кун-Хедервари, член Верхней Палаты. Был случай, когда его ходатайство об отмене решения о высылки к министру внутренних дел было сопровождено рекомендацией эрцгерцога Альбрехта Габсбурга, который просил от министра положительного разрешения дела Тер-Матеузова. Тер-Матеузов внес существенный вклад в дело разложения рядов русской эмиграции в Венгрии, поэтому уже у современников вольно-невольно напрашивалась мысль о том, что он был связан с советскими спецслужбами. В первой половине 1930-х его следы в Венгрии теряются, по всей вероятности, он был выслан (О деятельности Н.И. Тер-Матеузова в Венгрии см., в том числе: HL VKF 1925. 2. oszt./titk. № 19.893 и MOL K-492 VM KEOKN 10. cs. Ma).

⁴ По этому поводу А. фон Лампе записал в своем дневнике: «Сегодня на собрании монархистов я с Малама с большим самопожертвованием отстаивали Княжевича от исключения из объединения – у всех господ монархистов

в кавычках, появилось сильное стремление во что бы то ни стало свести сче-ты с Княжевичем и его исключение было уже предрешено, но в жизнь им его не удалось провести – это уже победа» (ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 7. Л. 73). ВАДКОВСКИЙ В.В. был племянником князя Д.П. Голицына-Мурав-лина, биографические данные неизвестны.

5 и 6 февраля (Будапешт)¹

Вчера снова очередной скандал в беженской и, к сожалению, тленной среде. Казаки собрались с целью организовать в ста-ницу. Во время собрания они вероятно порядочно выпили, а потом Казем-Бек, Вадковский и какой-то Голиков повели их к Вагнеру кормить. Полковник Немцов, который выступал на собрании, как командир казачьей бригады в Польше, ворвался в кабинет, начал говорить во славу Казем-Бека, но одновременно с этим повел и типичный казачий разговор, что мы де кровь алая, а все осталь-ное это Ваньки и т. д., потом перешел на порицание дворянства вообще, на что персук Казем-Бек счел своим долгом обидеться и, по-видимому, сделал замечание тоном председателя, после чего Немцов пустил ему в физиономию стакан вина и рассек ему щеку²...

Скандал в благородном семействе. Наутро я узнал все это от Розена, которому уже все рассказали в другом ресторане, а потом пришел и рапорт от Штабс-ротмистра Казем-Бека о происшеств-вии с упоминанием, что секунданты будут им посланы к Немцову в тот же день.

Я решил быть лояльным и послал Казем-Беку, как представи-телю объединения, мою карточку (без должности), а потом вы-звал Немцова к себе.

Последний сознался, что был пьян и очень жалел о проис-шедшем.

Днем же мне Розен доложил, что Казем-Бек просит меня зайти по важному делу. Пошел...

Казем-Бека застал в кровати с полулитром от водки.

Он мне рассказал потрясающую вещь про то, что здесь проез-жал некто К..., который едет из России от Б... к Врангелю, через все границы переходит пешком, в деньгах не стесняется и несет устное донесение под паролем о том, что в Казанском и Вятском

районе, а также в Москве и Петрограде все готово к восстанию, но пока на это не идут из-за голода, так и после большевиков накормить голодающих будет нечем... во главе восстания указывают и З...³.

Думаю, что все это ерунда, почему бы К. начал рассказывать все Казем-Беку, а последний все это мне именно сегодня, в побитом виде, когда тот проехал 30-го...

Просто Казем-Бек волновался за последствия. Иловайский думает, что подкладка все те же 8.000.000, из которых Немцов ничего не получил.

Казем-Бек совершенно основательно опасается, что все дело получит огласку.

После него я виделся с Бобошко и предложил ему два исхода: извинение Немцова в присутствии нескольких лиц и моем, или суд чести и примирение на нем. Председателем назначаю Бобошко.

По выходе моем из Савой, Бобошко просил мне ответить Казем-Беку на его рапорт предписанием о том, что секундантов послать я не позволю. Сволочь... и драться не хочется, и без дуэли морально страшно. В общем, для нас хорошо, что ему попало — немного поуспокоится и только.

[...]

Примечания

¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 7. Л. 85–86.

² Голиков — по всей вероятности ГОЛИКОВ Сергей Иванович (1866–1929), русский монархический политический деятель, действительный статский советник, губернатор Воронежа в 1909–1914 гг. В эмиграции был управляющий делами Высшего Монархического Совета. (Смотри еще о нем дневниковую запись А. фон Лампе от 7-го февраля 1922 г.).

НЕМЦОВ Борис Николаевич, полковник (?–1970), русский офицер, ротмистр 12-го Ахтырского гусарского полка, участник белого движения, первоходник (1-й Кубанский /Ледяной/ поход). В эмиграции жил в Венгрии и Бельгии.

³ Б... и З..., по всей вероятности, это — генералы Алексей Брусилов и Андрей Зайончковский. За буквой К..., по всей вероятности, скрывается некий Леонид КАРНАТОВСКИЙ, кто появился в Венгрии в 1921 г. под видом эмигранта. На него сами русские (в том числе и упомянутый раньше полковник Кариус) обратили внимание венгерских властей, его подозревали в том, что он является агентом большевиков. Он выдал себя за киевлянина, но

никто из киевских эмигрантов в Венгрии его не знал. В общезнании он сказал, что едет секретным поручением от Брусилова к Врангелю. Венгерские власти издали постановление о его розыске, но он в сентябре 1921 исчез из Будапешта (HL VKF1 1921 3529/1987 34453/d и 3530/1987). Разница во времени – сентябрь 1921, февраль 1922 – свидетельствует либо о вторичном приезде в Венгрию Карнатовского, что после такой предыстории было уже рискованно, либо о том, что данная информация дошла до Казем-Бека с существенным опозданием. Не исключено, что Карнатовский действовал в рамках операции советских спецслужб против русской военной эмиграции.

7 февраля (Будапешт)¹

Сегодня я получил с нарочным, бывшим губернатором Воронежя, Голиковым, который сначала обошел все русские кабаки, а потом сдал почту, предписания Шатилова от 16 и 17 января №№ 1162 и 1163, из которых первое говорит о том, что вследствие сокращения отпусков из Парижа мое представительство с первого февраля должно быть расформировано и денег больше посылаться не будет (это получено мною 7-го февраля), а во второй указано, что до получения письма от Врангеля к Хорти, чтобы мое отозвание не объяснили тенденциозно (что и правильно) – я не должен предпринимать никаких шагов оглашающих закрытие представительства. А откуда платить за начавшийся февраль и неужели же людей выгнать, даже не как прислугу, которой теперь расчет дают за месяц, а как собак...

Еще недурно – 14-го января Кусонский из Константинополя пишет мне, что моя агентура закрывается, и предлагает мне место у себя, а 18-го сам Врангель пишет мне письмо, чтобы я вошел в сношение с представителем Хора² в Будапеште и периодически доносил о его деятельности... последовательно. Или просто отдавая все распоряжения, никто не верит, что я закрою агентуру³.

Правильно ли я делаю, донкихотствуя и соглашаясь на место в Болгарии, теряя Европу, в то время как сам-то я вполне смог бы устроиться к магнатам – это для меня вне сомнений. Не могу я расстаться с армией, а потому и иду к ней. Пусть это будет непрактично, но и вся наша деятельность так далеко от практики. Боюсь только, что к «не галлиполийцам» будут также относиться как когда-то в Екатеринодаре к нам, представителям местных центров. Это возможно.

[...]

Примечания

¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 7. Л. 86–87.

² ХОР Самуэль, сэр (1880–1959), британский политический деятель, во время первой мировой войны сотрудник английских секретных служб в России и в Риме. В 1935 г. был министром иностранных дел, в 1937–1939 гг. министром внутренних дел в правительстве Чемберлена, в 1940–1944 гг. посол в Испании.

Хор в 1921–1922 гг. в районе Проливов занимался расселением русских беженцев, для осуществления этой задачи создал специальный комитет из русских. В январе 1922 г. его представитель, по фамилии некий Чальдс прибыл в Венгрию и от имени английского Красного Креста возбудил ходатайство перед венгерским правительством о принятии 1000 беженцев. Врангель попросил А. фон Лампе оказать ему содействие, снабжать его необходимыми информацией и советами (ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 6. Л. 408–409).

³ Через несколько дней после получения письма от Кусонского о закрытии военного представительства в Будапеште на имя А. фон Лампе поступил приказ Врангеля за подписью того же Кусонского от 16 января, предписавший «продолжать энергичную работу о приеме контингентов нашей армии, в крайнем случае добиваться хотя бы получения виз на въезд в страну возможно большому числу лиц по выбору и назначению Главнокомандующего» (ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 6. Л. 357). (См. еще об этом письмо А. фон Лампе П. Кусонскому, документ № 20 в приложении и комментарии к нему).

8, 9, 10 и 11 февраля (Будапешт)¹

Прошел и суд по нелепому делу Немцова и Казем-Бека. Признано, что факта оскорбления не было, Немцову сделано внушение и потребовано от него письменное извинение.

Таким образом, Казем-Бек будто и реабилитирован, но все же, те же казаки, которые участвовали и при столкновении и в суде, то есть полковник Ершов², говорят, «по морде получил...».

Вчера я был в Ракоши Сант Михали³, смотрел участков для покупки. Пока ничего не нашел. Один мне понравился, сад в 180 деревьев, хороший домик в 3–4 комнаты, но цена очень большая – 700.000 крон, что составит более 225 фунтов-стерлингов. Страшно – дело в том, что у меня нет уверенности, что меня не вытянут в Болгарию или Сербию, а оставлять, даже и на Веру,

половину всего имущества не хотелось бы – тем более что вместе с Верой мы можем все проделать и в Болгарии в том же порядке.

Немного подожду, тем более что Кусонский прислал телеграмму о том, что мое протестующее письмо он получил, и ответ загадочно обещает прислать по почте. Подождем ответа, не думаю, чтобы он мог быть отрицательным. Хотя возможно, что скажут, что все равно когда ликвидировать, если уже ликвидировать надо.

В генеральном штабе мне сказали, что вся история Княжевича несомненно дело русских рук.

Представился новому начальнику генерального штаба генералу Лоркс, принял он меня крайне любезно, говорил о том, что мы были врагами не по доброй воле и т. д. Между прочим, я его просил помочь мне в вопросе о получении права нескольких сот виз для наших русских взамен приема войск и тех виз, которые сам у Канья аннулировал⁴.

Пока, что получил обещание, но на это венгры и всегда не скупились.

По поводу переброску сюда Каткова просил графиню Зичи поместить его в тот же Кисмартон⁵. Примечательно, что она сама говорит, что тот, кто попадает сюда – тому легче устроиваться, а про того, кто сидит где-либо за границей, все вместо согласия говорят, что пусть там и сидит. Вот она, пресловутая «любовь» к русским и желание им помочь и полное непонимание, что сняться хоть и с плохого, но насиженного места стоит денег, которых у наших русских не имеется, и что приходится на последние гроши пробираться сюда уже когда приглашение состоялось. Мало венгры сами побегали, не понимают ничего.

Примечания

¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 7. Л. 87–88.

² ЕРШОВ Ксенофонт Игнатъевич, полковник, первый атаман созданной казаками в Венгрии станицы, детальные биографические данные неизвестны.

³ Правильно: Ракошсентмихай, в то время деревня под Будапештом, ныне один из районов Пешта.

⁴ ЛОРКС Виктор (1873–1922), генерал, начальник генерального штаба с января 1922 до своей смерти 29-го июня того же года.

В абзаце речь идет об отмене обещания, данном венгерским правительством осенью прошлого года принять в стране 1000 лиц из армии Врангеля,

и о тех визах, которые выдавались голландским консулом в Константинополе русским эмигрантам. В последнем случае фон Лампе заявил Канья, что поскольку акция не согласована со штабом Главнокомандующего, он не может взять на себя ответственность за этих людей.

⁵Правильно: Кишмартон – ныне Эйзенштадт (Бургенланд, Австрия), один из главнейших центров владений герцогской ветви фамилии Эстергази с замком в стиле барокко и классицизма.

Катков – ШАЛИКОВ-КАТКОВ Павел Михайлович, князь, генерал-майор (1859–1930), офицер кавалерии, в Первой мировой войне командовал полком Финляндской стрелковой дивизии. По просьбе Врангеля и Шатилова А. фон Лампе настоятельно, но безрезультатно пытался устроить его и его фамилию в Венгрии (Об этом см. еще документ № 19 и комментарии к нему в приложении).

12 февраля (Будапешт)¹

Сегодня пришла телеграмма Кусонского о том, что я остаюсь военным представителем в Венгрии, подробностей нет и мне совершенно непонятно о чем, собственно говоря, они думали со дня получения моей отповеди, то есть 7-го, до посылки этой телеграммы, то есть 12-го. По-видимому, никакой материальной поддержки из Ставки я не получу и продержусь здесь не более 4–5 месяцев, а потом придется закрывать лавочку...

Сегодня ездил на торжественный молебен по случаю восшествия на папский престол Пия XI. Оригинально – русский представитель и лютеран и все время служба о папах и по папам...

В трамвае кондуктор, давая мне билет, улыбается во всю рожу. Я был в форме и знаю, что это значит – немедленно спросил его по-русски, где он был в плену и получил ответ, что в Иркутске. Надо сказать, что все они сохранили к нам хорошее чувство, и офицерский мундир, по-видимому, им тоже не неприятен.

В церкви было довольно торжественно, хотя католическая служба мне не нравится, она служит только для участвующих в ней, а не для молящихся – ничего не слышно и только видно.

Забавная картина – когда я вошел, то почти одновременно со мною приехал Эрцгерцог Иосиф – у него отдельное место впереди с аналойчиком. Место для Хорти впереди его места и без аналойчика – кальвинист... оригинально с офицерами, занимающими свои места, видимо, по наряду, так как распоряжающийся

всем духовный вводил их по частям – мялись и шли нерешительно, но это были только пехотные полковники, а офицер генерального штаба Ракоши² прошел совершенно свободно – всюду все одинаково...

Хороши были магнаты в своих национальных нарядах, но еще лучше их гайдуки в форме гусар времен Александра первого с ташками и т. п. ... один гайдук, не знаю чьей, стоял торжественно в самой церкви в шапке и в торжественные минуты держал под козырем...

Хорош был итальянец, граф Винчи³, заменявший своего посла, задрапировавшись в свою накидку, бритый, смуглый, он был действительно римлянином...

Я сидел в одном ряду с сербом, французом и итальянцем, на местах персонала посольств...

Холод в церкви был нестерпимый, вообще сегодня холодно, сильный ветер, при 13 градусов [...]

Примечания

¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 7. Л. 88–89.

² РАКОШИ Дьердь, подполковник, позже генерал (1882–1935), офицер Генерального штаба, с 1930 г. директор Ведомства Авиации.

³ ВИНЧИ Луиджи Оразιο, граф, итальянский поверенный в делах в Венгрии.

13 февраля (Будапешт)¹

Сегодня я, по разрешению Эрцгерцога Иосифа, приказавшего снять печати – был в Иреме, в русской церкви².

Ирем – маленькое местечко в 1400 жителей, по большинству швабов из Вюртенберга, сохранивших, несмотря на 200 летнее пребывание в Венгрии, не только немецкий язык, но и венское произношение³. Эта терпимость – отличительная черта венгров – я был в городе С. Андре⁴ – тоже близ Будапешта – там живут сербы и также прочно сохранили свой язык и самобытность.

Мое желание посетить Ирем я случайно сказал подполковнику генерального штаба Ракоши, тот передал флигель-адъютанту Эрцгерцога, полковнику Альдя, а последний своему шефу, кото-

рый немедленно передал телеграммой в Ирем свое приказание предоставить мне все для осмотра, чем привел всех их в священный трепет.

С собою я взял Розена. Приехали мы в Ирем в 1 час дня. Нас ждал на станции экипаж Эрцгерцога, надо было проехать два километра – погода была дивная, зимняя с солнцем, уже начинавшим греть.

У церкви, на входной дорожке нас уже ждали: Заборовский – управляющий Эрцгерцога, Шиссель – член парламента с сыном, местный ксендз, наш псаломник, Лисицкий со своим родственником, полковником Богославским и еще несколько человек⁵.

Отказавшись от предложения Лисицкого немедленно пройти к нему, я прошел в церковь.

Снаружи она представляет собою квадратную одноэтажную постройку серого гранита с окнами окаймленными гранитом цветным, над одноэтажной постройкой (с окнами) высится серый, под бронзу памятник с крестом наверху (не типично православным). Получается картина, что церковь – это постамент для памятника наверху. Общая высота постройки – сажень 7–8.

Кругом церковь обнесена как бы ровником, эскап которого одет гранитом, что делает церковь еще выше.

Внутри – круглая ротонда, примерно стиля ренессанс или что-то в этом роде, но отнюдь не в русском, а посередине построен, как видно по первому взгляду, иконостас, с хорошими образами, с хорошей дубовой отделкой, но с русской резьбой, резко не гармоничной со стилем стен. Вся церковь построена в 1802 году, а иконостас при Императоре Александре III в 1888 – кому это было нужно, не знаю. Думаю, что причту, для сохранения своего существования.

Алтарь ничего особенного не представляет. В углях, образуемых наружной квадратной формой и внутренней – круглой – было: в одном небольшой алтарь с картиной «Дольче», с другой – несгораемый шкаф, в котором хранилось евангелие большой ценности, чаши и прочее, что уцелело и теперь взято Эрцгерцогиней Августой во дворец.

Картина «Дольче» вырезана грабителями, проникшими в церковь в 1917 году через нижний склеп, пробившими не только цинковую оболочку гроба, но и оторвавшими часть внутреннего

деревянного гроба и пытавшимися ограбить мертвую – в поисках за бриллиантовым крестом, по слухам, возложенным на грудь покойной Императором Александром II. Был ли крест – неизвестно, но кольца на руках мертвей сохранились, а так, как грабители пытались искать крест какой-то зацепкой, то пострадал нос мертвой...

Серебряная лампада перед картиной – образом наверху и серебряный подсвечник на алтаре оказались нетронутыми, дарохранильница украдена.

После осмотра наверху, спустились по винтовой лестнице вниз – там, среди овальной комнаты стоит цинковый гроб, покрытый в 1888 году темным бордово-бархатным покровом, в изголовье – образ, рядом с изголовьем две колонки, покрытые бархатом в 1801 годы⁶, с деревянными императорскими коронами в натуральную величину, на них. Замечательно, что бархат 1802 года лучше сохранился, чем покрывало 1888 года.

Я возложил на гроб две пальмовые ветви, перевязанные русскими национальными лентами, что мне кажется, было очень красиво... кроме встречавших было несколько пришедших посмотреть крестьян...

В ногах гроба стоит большой деревянный крест с изображением Спасителя, с датами на обратной стороне и на стене несколько увядших венков...

На потолке висит пара люстр с хрусталиками...

Потолок сильно отсырел...

Лисицкий как бы отслужил литию.

Поднявшись назад, я еще осмотрел венки, висевшие на стенах и возложенные на гроб покойного настоятеля, умершего в 1917 году, маленькие гравюрки Великой Княгини и палатина Иосифа и две доски с императорским орлом и датами, на одной по-русски, на другой по-латыни об имени и времени смерти (1801) умершей: Е.И.В.В.К.А.П.⁷

После осмотра церкви мы прошли к псаломнику Лисицкому, где попали в настоящую старую русскую квартиру и получили русскую наливку и пирожки, потом сделали визит местному ксендзу, где также получили стакан местного и очень недурного вина, а потом прошли к депутату Шисселю, где получили уже слишком большое количество вина и на закуску его домашние

колбасу, свинину, огурцы и сыр. Все было или действительно, или вследствие того, что было уже больше 3-х часов, очень вкусно.

Дом католического ксендза – это дом нашего русского священника, уступленный только временно, на чем очень настаивает Лисицкий.

По-видимому, отношения этих разных лиц: управляющего, ксендза, депутата и псаломника очень наладились и можно заметить только неодобрение теперешнему настоятелю Колумбову, родившемуся в Иреме 80 лет назад, и уже 40 лет не жившему там, а находящемуся в Будапеште⁸...

В 6 часов мы, при общих приветствиях, удержавшись чтобы не увлечься прекрасным вином, которое нам подавали в 5 сортах, на экипаже проехали до окраины Будапешта, откуда на трамвае – домой.

Я очень доволен поездкой и тем, что собрался ее сделать. Хотя сегодня и получено известие, что я останусь в Будапеште, но надолго ли это...

О посещении донес Начштабглаву⁹, написал благодарность флигель-адъютанту Эрцгерцога, телеграфировал мою благодарность Заборовскому, Лисицкому и Шисселю, а завтра еще распишусь у Эрцгерцога и прогулка закончена.

[...]

Примечания

¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 7. Л. 92–94.

² Иремский православный храм в Венгрии является первым православным храмом под юрисдикцией Русской Православной Церкви за пределами Российской Империи. История его восходит к династическому браку эрцгерцога Иосифа Габсбурга, Палатина Венгрии (1776–1847) с дочерью императора Павла I, с великой княгиней Александрой Павловной (1783–1801). Имение в Иреме эрцгерцог купил именно для своей молодой жены. В 1801 г. брак закончился трагически, Александра Павловна умерла после родов (она скончалась всего за несколько дней до дворцового переворота в Санкт-Петербурге и убийства отца). В 1803 были построены храм и усыпальница, и с того времени до 1914 священник храма всегда назначался РПЦ. Храм и усыпальница сильно пострадали в результате исторических потрясений 20-го века, ныне они восстановлены и открыты для посетителей. Эрцгерцог Иосиф, кто разрешил А. фон Лампе посещение храма, был внуком Палатина Иосифа, мужа Александры Павловны.

³ В конце XVII-го и в течении XVIII-го веков на очищенных от османотурков территориях Венгерского Королевства шло спонтанное и организованное заселение немецкоязычного населения из разных районов Немецко-Римской Империи, но преимущественно из тех западных частей, которые пострадали от войн с французами, в том числе из Баден-Вюртемберга. В Венгрии их было принято называть швабами, хотя среди них было немало представителей других немецких национальностей. Относительно венского произношения здесь А. фон Лампе что-то путает, ведь венский диалект значительно отличается от Вюртенбергского.

⁴ Правильно: Сэнтэндре.

⁵ ШИССЛ Хенрик (1868-?), землевладелец, депутат правительственной партии, Партии Христианского Национального Единства, председатель Иремской Сберегательной Кассы.

Биографические данные других лиц неизвестны.

⁶ Опечатка, правильно – в 1810-е годы.

⁷ Ее Императорское Высочество Великая Княгиня Александра Павловна.

⁸ КОЛУМБОВ Стефан Яковлевич (1842–1926), из династии русских священников, протоиерей, настоятель Иремского храма (его отец раньше служил диаконом в этом же храме) и Офенской духовной миссии. Он был последним в этой должности, кто еще был назначен из Санкт-Петербурга.

⁹ Начальнику Штаба Главнокомандующего Русской Армией, генералу от кавалерии, П.Н. Шатилову

1, 2 и 3 марта (Будапешт)¹

Сегодня, по моей просьбе, заявленной 27-го, я был принят Правителем Венгрии, адмиралом Хорти – это мой третий и... предпоследний прием у него, так как последний будет, когда я буду откланиваться.

Я начал с благодарности за пожертвование моим инвалидам, а потом немедленно перешел на все, что говорилось о наличии наших частей в мобилизации Сербской армии против Венгрии в октябре прошлого года. Хорти опять начал говорить о том, что с его точки зрения желательно было бы принять в Венгрию всю нашу армию, на Антанта и т. д.², то есть все, что полагается говорить в этих случаях. Типично, что он сказал о том, сколько стоит Венгрии репарационная комиссия и заявил: «всякий английский лейтенант получает содержание больше, чем я, а я должен представлять страну, хорошо, что у меня есть свое, а то бы и на половину расходов не хватило».

Воспользовавшись такими переходами, я заявил от имени генерала Врангеля, что я прошу дать принципиальное согласие на прием в страну наших беженцев из Константинополя, Бизерты и Варшавы – но на наше довольствие³ или вернее просто на работу, которую, по моему заключению, получить в Венгрии всегда можно. Надо отметить, что Хорти сначала избегал ответа, а когда я просто спросил его, то он, также спросив, говорил ли я об этом с Бетленом – министром-президентом, сказал, что надо переговорить с правительством, но, по его мнению, никаких причин отказывать нет. Здесь снова он говорил о симпатиях к русским и о том, что вся надежда на восстание извне и на главнокомандующего Брусилова.

Я несколько разочаровал его в нашей доверии к Брусилову и с надеждой на успех перевел разговор на совсем иное.

Извинившись за «недипломатичность» и предупредив, что я не только не имею полномочий на задаваемый мною вопрос, но никому, кроме генерала Врангеля и самого Хорти не будет известен этот разговор, я предпослал, что имею редкую честь связывать таких двух противников коммунистов, как он и Врангель, сказал, что, несмотря на надежду успеха, надо быть готовым ко всему, и потому я его спрашиваю, может ли генерал Врангель в случае каких-либо несчастий рассчитывать на личный приют у него.

Вопрос, несмотря на подготовку, был неожиданным, и немного подумав, Хорти сказал, что он уважает Врангеля, как героя и как солдата, и что всегда, несмотря ни на что, он гарантирует, что Врангеля он у себя примет... Это же он повторил и еще раз, сказав, что если на всем свете для Врангеля не будет места – оно будет у него...

Я поблагодарил и еще раз подтвердил, что это была моя собственная инициатива, так как об этом Врангель не заботится и долг позаботиться лежит на нас, связанных с ним не только службой, но и по духу.

После этого я немного спровоцировал, так как знал, что Врангель недоволен тем, что Хорти ему не отвечал на два его письма. Я доложил в очень почтительной форме, что считаю себя обязанным поставить его в известность, что я еду в Сербию и Болгарию, то есть туда, где найду Главнокомандующего и если бы он захотел написать пару слов Врангелю, то я гарантирую передачу из

рук в руки... Хорти сказал, что напишет, но искреннего дать в письме ничего не может, на что я просил его ни в коем случае не касаться того интимного вопроса, о котором мы говорили...

Он обещал прислать мне письмо до моего отъезда. Я буду очень доволен, если он действительно напишет, так как написать надо и это будет доказательством, что недоразумение прошло, а также все-таки даст Врангелю моральную поддержку в том, что он не один.

Я обратил внимание Хорти и на то, как они близки географически, но он слабо на это реагировал.

Разговор продолжался 38 минут, на прощание он пожелал мне счастливого пути и довел до двери... все это очень хорошо, да и сам он всегда производит прекрасное впечатление своею простой и обходительностью.

Завтра свидание с Военным министром и товарищем министра иностранных дел, Канья, который фактически ворочает всем министерством при всех сменяющихся министрах. Посмотрим, что они будут петь, боюсь, что дело пойдет не так легко.

[...]

Примечания

¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 7. Л. 107–108.

² Так в тексте. Скорее всего, правильно: «но Антанта...». Хорти в разговоре с А. фон Лампе «сваливает вину» на державы Антанты, запрет которых вопреки его личным пожеланиям якобы свел на нет переброску частей армии Врангеля в Венгрию.

³ Так в тексте – скорее всего, следует читать «не на наше довольствие».

26 и 27 апреля (Будапешт)¹

Последние дни в Будапеште² запишу коротко. 26-го я сделал заседание по офицерскому союзу, при чем, вследствие отсутствия части членов совещаний, прошел в председатели генерал Шмидт. Монархисты же прочили туда, да и я тоже, полковника Линевича, а потому на своей постоянной узости и неразборчивости в средствах им присущих с первого же дня начали травить, даже не самого Шмидта, а союз.

Причина ненависти к Шмидту – его столкновение с Вадковским и с Голицыным по поводу злополучной ссуды в 8000 000 крон, полученных монархистами, и каждое напоминание о которой совершенно выводит их из равновесия.

Я постепенно, их же действиями прихожу к заключению, что в этой ссуде далеко не все ладно, и вполне допускаю мысль, что получили они ее на всю колонию, а захватили себе.

Вообще я очень доволен, что во время моего пребывания в Берлине я могу прекратить непосредственную работу с ними.

27-го я собрал Волконского, Малама, Андерсена, Виноградского и Казем-Бека по вопросу об организации въезда в Венгрию 1000 по разрешенным мне визам³. Конечно, со стороны всех я встретил полную поддержку и лишь один Казем-Бек, с его постоянной тупости, выступил крайне неудачно, не долго думая заявив, что монархисты будут помогать только своим из числа прибывающих, что хотя и нелепо и узко, но допустимо и что они будут тормозить (?) переброску элементов им несочувствующих.

Такое заявление после всех торжественных деклараций о полной поддержке армии я считал возмутительным, но на заседании сдержался, откладывая протест до заседания совета объединения.

28-го на заседании совета я прямо протестовал против вчерашнего выпада Казем-Бека, отчасти и в силу того, что я сам сижу в совете и не вижу никаких оснований к сомнениям в контингенте прибывающих.

Казем-Бек сдал, и вновь было вынесено постановление о поддержке меня и командования. Однако должен сказать, что, по видимому, Казем-Бек видит какую-то возможность обойтись без Врангеля и слишком часто подчеркивая свою с ним солидарность – понемногу начинает закидываться и скоро начнет делать гадости.

Весь день прошел в укладке и всевозможных прощальных посещениях.

Вечером Волконский, Иловайский, Розен, Казем-Бек, некоторое время Вадковский и я собирались в ресторанчике.

Тут то и прорвался, почти до истерики, все тот же нелепый Казем-Бек. На чисто монархическом споре Волконский своей эрудицией, воистину поразительной, посадил совершенно К-Б., не позволил себе ошибки, задел вопрос и нашей с ним ответственности и, между строк, о безответственности монархистов.

Это взвинтило К-Б. и он перешел на хамский тон, выпадая против Волконского, переходя на Гирса⁴ и т. д.

Я прекратил разговор, сказав полушутя, что сознаю свою ответственность перед Главнокомандующим и иду... спать.

Но, несомненно, К-Б. видит что-то, что по его скудному разумению, даст ему широкие горизонты и сейчас же, по партийной узкости, всех отменяет.

Признаюсь, что при всем их споре был момент, когда я сделал колоссальное усилие, чтобы не оборвать резко К-Б. – пропала бы тогда моя политика последних месяцев.

Сегодня от военного министерства получил официальный ответ на сообщение о моем назначении в два государства – они выражают удовлетворение по поводу «расширения сферы моей деятельности...»⁵. Хорошо...

29-го спешная укладка, совсем не читаю газет, а время вследствие Генуэзской конференции живое, и я ровно ничего не читаю, нет времени.

Неприменно куплю за все пропущенное время, хотя бы «Руль». Гонка полная, насилу сговорился с моими хозяевами, Петри о том, чтобы они приняли к нам, в мою комнату канцелярию Волконского, а Вера устроилась в комнате Иловайских.

Проводы, несмотря на то, что я всеми силами старался протестовать против того, что я тоже уезжаю, носили довольно официальный характер, было довольно много народу, но совершенно отсутствовала меньшая братья, за которую я, главным образом и сражался в Будапеште. Будем надеяться, что это из стеснения, хотя я так не думаю.

Были Малама – три, Гедеоновы, тоже три! Горелов, Иловайские, Розен, Виноградский, Волконский, Казем-Бек, Вадковский; утром я сильно в нем разочаровался, так всеми силами уговаривал его поддержать офицерский союз и не базироваться на свои личные нелады со Шмидтом, но он так и не стал выше этого.

Днем отослал мою фотографию Волконскому и по поводу наших, необыкновенно для дипломатического и военного представителей, хороших [отношениях] написал ему: и небывалое бывает!

В последнюю минуту с грустью простился с Верой, которая, конечно, только одна искренне горевала о нашем отъезде. Думаю,

что немало народу, в том числе главным образом монархисты, были весьма довольны.

Венгеро-чешскую границу в Собе миновали совершенно спокойно, благодаря дипломатическим визам и паспортам.

[...]

Примечания

¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 8. Л. 7–9.

² В январе в Ставке армии было принято решение упразднить должность военного представителя в Венгрии (см. дневниковую запись А. фон Лампе от 7-го февраля). Против этого А. фон Лампе привел целый ряд аргументов политического и материального характера, и на личной встрече с Врангелем 8-го марта он успел переубедить его о выгодах сохранения представительства в Будапеште: «Венгрия единственная страна, которая не только признает нас равноправными, но кроме того единственная, которая учитывает нас такими, как мы есть, то есть антикоммунистами, чему страна сочувствует...» (ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 7. Л. 120). Доводы А. фон Лампе сделали свое, и было решено оставить его в Венгрии, но одновременно на него возложили и представительство интересов армии в Германии по совместительству. Поскольку в Германии русская колония была по численности несоизмеримо больше и по политическому весу намного значительнее, чем в Венгрии, А. фон Лампе переселился в Берлин, оставив в Будапеште свою канцелярию и своего помощника, есаула Иловайского

³ В начале марта, после того, как утихли волны по поводу нахождения русских частей на венгерской границе в составе армии КСХС, А. фон Лампе удалось возобновить переговоры о принятии русских беженцев из армии Врангеля в Венгрию. 8-го апреля фон Лампе получил письменное согласие венгерского правительства на принятие 1000 лиц. Однако согласие было сопровождено целым рядом ограничений. А. фон Лампе должен был лично гарантировать благонадежность каждого из приезжающих. Контингент ни в коем случае не может превышать 1000 человек, и должны прибывать в страну поэтапно партиями не больше ста человек. Они должны были размещены по мере возможности за пределами Будапешта. (НЛ 1922 VKF микрофильм В/169, пленка 3626/1987 № 25.314 Л. 283). (Смотри об этом еще документ № 25 в приложении).

ВИНОГРАДСКИЙ Николай Николаевич, полковник (?–1942). В 1922 г. комендант этапа при Военном Представительстве в Будапеште. Он еще в первой половине 1920-х гг. покинул Венгрию и переселился во Францию.

Инициалы и биографические данные Андерсена выяснить не удалось.

⁴ ГИРС Михаил Николаевич (1856–1932), русский дипломат, представитель старой царской дипломатии. В том числе был послом Константинополе

и в Риме. После революции, как старший по чину и возрасту дипломат руководил работой Совещания Послов.

⁵ А. фон Лампе официально уведомил о своем назначении по совместительству в Германию министра обороны, генерала Беличка 31-го марта. С его стороны не только не встретил никакого препятствия или возражения против подобного решения, но министерство обороны шло навстречу его просьбе и рекомендовало его во внимание скрытого венгерского военного атташе в Берлине, барону Ференцу Абеле (HL 1922 VKF микрофильм В/169, пленка 3627/1987 Л. 304). В дальнейшем А. фон Лампе неоднократно встречался с Абеле с целью обмена информацией о международном коммунистическом движении.

26 августа (Будапешт)¹

[...]

К ночи приехал в Будапешт².

На утро утвердил приговор, по которому Казем-Беку надо было драться со Строгановым, а Зеленеву дуэль воспретил, причем господин Зеленев, ссылаясь на то, что он офицер Императорской армии (обыкновенно ссылаются на то, что я де не офицер уже), заявил, что считает себя от суда свободным. Чтобы дать ему возможность быть последовательным – я приказал его удалить с этапа, который также основан не Императорской, а Русской армией³.

Дел масса – стараюсь во всем разобраться – здесь продолжается свистопляска монархистов по поводу Кирилла⁴. Вечером ко мне поступила переписка монархического объединения по поводу моего выхода⁵ – повторять ее не буду, а только пока приведу мои писания, а потом, когда мне вернет Кусонский все обратно, как было условлено с Главкомом, – приложу и подробности. Протест против меня подписали – генерал Хильченко, никогда в Добровольческой армии не служивший, генерал Данилов, из Армии Главкомом выгнанный, генерал Бар, мой товарищ по академии и по материальным условиям зависящий от монархистов, полковник Екименко, мне неизвестный, то есть за год мне не являвшийся, полковник Хрипунов, устроенный монархистами на житье в имение, полковник князь Оболенский, мною устроенный к магнатам, но теперь пользующийся материальной поддержкой объединения, и Багговут, человек весьма приличный⁶.

Тороплюсь писать, так как пишу сегодня весь день, и вижу, что делаю массу опечаток...

Примечания

¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 9. Л. 34.

² А. фон Лампе прибыл в Будапешт 12-го августа и через несколько дней поехал дальше к Врангелю для доклада и за инструкциями в Сремские Карловцы, откуда возвращался в Будапешт 26-го августа.

³ СТРОГАНОВ Николай Николаевич, полковник. Инициалы и биографические данные Зеленева неизвестны.

Предыстория дуэли заключается в том, что полковник Строганов довел до сведения фон Лампе некоторые высказывания Казем-Бека против Врангеля и Русской Армии, и намеки на то, что русские монархисты в Венгрии по инициативе Д.П. Голицына-Муравлина подали меморандум Адмиралу Хорти о не существовании армии Врангеля (См. об этом документ № 40 в приложении и комментарии к ним).

⁴ Речь идет об издании великим князем Кириллом Владимировичем манифеста, в котором сообщил о взятии на себя титула «Блюстителя Государева Престола». «О самом выступлении тут много говорят – писал фон Лампе в своем дневнике – так как газеты полны статей и интервью с Дмитрием Петровичем, который в упоении от своей роли посланника при всех дворах и правительствах» (ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 9. Л. 24). Существует версия, что на этот шаг Кирилла подтолкнул именно князь Д.П. Голицын-Муравлин по примеру Адмирала Хорти, Правителя Венгрии, и взамен за это он был назначен представителем его «при всех дворах и правительствах» (ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 9. Л. 18. и http://www.hrono.ru/biograf/bio_g/golicyn_dp.html).

КИРИЛЛ ВЛАДИМИРОВИЧ, великий князь, контр-адмирал (1876–1938): двоюродный брат убитого императора Николая II., внук императора Александра II. По родословной таблице после убийства императора, цесаревича Алексея и великого князя Михаила Александровича он считался главным претендентом на престол. В 1922 г. он провозгласил себя Блюстителем Государева престола, а в 1924 г. издал манифест о вступлении на престол, как император Кирилл I. Однако он не пользовался популярностью в монархической и военной среде, его оппоненты привели целый ряд аргументов против его права на престол (морганатический брак, его поведение в дни Февральской революции) и подчеркнули несвоевременность его выступления на чужбине.

⁵ К этому времени А. фон Лампе решил порвать с монархическим объединением главным образом из-за его интриг против армии и занятой объединением позиции по вопросу манифеста великого князя Кирилла Владимировича. В заявлении о выходе он мотивировал его с «уклонением местного

монархического объединения от прямолинейного содействия армии». Судя по его дневниковым записям, свою роль в правлении объединения фон Лампе всегда воспринимал, как «нахождение в стане врагов» в интересах того, чтобы он был в курсе их планах и действиях (ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 9. Л. 20, 22).

⁶ ХИЛЬЧЕНКО Григорий Григорьевич, генерал-майор (1867-?), участник русско-японской и Первой мировой войн, в 1915 г. в должности командира бригады 5-й Сибирской стрелковой дивизии. В начале 1920-х жил в Венгрии.

Багговут – по всей вероятности, БАГГОВУТ Владимир Николаевич, полковник (?–1984), русский офицер, окончил Николаевское кавалерское училище, штабс-ротмистр лейб-гвардии конно-гренадерского полка, в гражданской войне в ВСЮР и РА, в борьбе за Крым был тяжело ранен, эвакуирован вместе с армией. В эмиграции жил, в том числе в Венгрии и в Бельгии.

Биографические данные К.И. Екименко неизвестны.

27 августа (Будапешт)¹

Весь день за работой – я решил подать Хорти, Канья, Беличка и другим меморандум о русских делах, поэтому за него и засел.

Было общее собрание офицерского союза, который весьма неумело вел генерал Шмидт. Прочли информацию из армии и сообщили о том, что Шмидт утвержден, а я дал по двести франков в месяц на союз, и разошлись. Народ весьма серый. Среди них инвалид и горестный муж и отец, потерявший свою семью в Черном море Аплачев, который перепортил теперь всех барышень в нашей колонии. Что бы это было, если бы он не был инвалидом.

Да, был еще один номер. В то время как мы с Иловайским сидели в канцелярии, пришел Казем-Бек и заявил мне, что я должен ему отдать его регистрационный листок, где он пишет, что готов стать в ряды армии по зову Главкома, но с оговоркой, – за веру, царя и отечество. Я ему, конечно, не дал, а он, заявив, что это ему надо, так как ввиду того, что Главком не подчинился Кириллу², он не подчиняется ему, пригрозил мне обжалованием моего образа действий... кому? Какой идиот. Сегодня Русская армия понесла невыразимую потерю...

Потом он начал мне доказывать, что неподсуден моему суду (а когда Немцов его бил, был подсуден...), на что я ему абсолютно спокойно заявил, что его мнение меня совершенно не интересует. Я был доволен собой и моим абсолютным спокойствием, он

был взбешен и очень волновался, да к концу еще и получилось глупо, так как он встал, а я сознательно продолжал сидеть.

Зачем он приходил, какая глупость!

Получил от Деникина ответ на мое приветствие – при его скудости на сношения и это много³.

¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 9. Л. 34–35.

² Врангель ответил отрицательно на манифест Кирилла Владимировича от 8-го августа, и на письмо великого князя, в котором он заявил, что рассчитывает на «творческое сотрудничество» Врангеля. По мнению Врангеля, великий князь на чужбине без русского народа не может предпринимать форму будущего государственного правления России, поэтому сообщил, что не может обещать свое сотрудничество в этом деле (*Бочарова З.С. Российское Зарубежье 1920–1930-х гг. как феномен отечественной истории.* – М.: АИРО-XXI, 2011. С. 102).

³ ДЕНИКИН Антон Иванович, генерал-лейтенант (1872–1947), русский военачальник, в Первой мировой войне командовал бригадой, корпусом, потом в 1917 г. Западным и Юго-Западным фронтами. В гражданской войне один из лидеров белого движения, командующий Добровольческой армией, Главнокомандующий Вооруженными Силами Юга России, заместитель верховного правителя России. В эмиграции с 1922 по 1925 г. жил в Венгрии, откуда переселился в Бельгию, потом во Францию.

А. фон Лампе, после того, как узнал о том, что его бывший главнокомандующий живет в городе Шопрон, обратился к нему с письмом следующего содержания: «Как доброволец, начавший службу в Армии под Вашим водительством, я считаю своим долгом приветствовать Вас, Ваше Высокопревосходительство с прибытием в Венгрию, и вместе с тем поставить Вас в известность, что я и моя канцелярия в Венгрии, в случае, если бы Вам потребовалось какое-либо содействие, всегда с полной готовностью выполним могущие поступить от Вас поручения». Деникин в ответе поблагодарил А. фон Лампе за предложенную помощь и через несколько дней уже просил его помощи в поиске квартиры или дома в Будапеште или его окрестностях (ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 9. Л. 157–159).

28 августа (Будапешт)¹

Как мне надоели все эти дурацкие Казем-Беки, сказать трудно. Сегодня сначала я получил от него официальное письмо, в котором он заявляет, что не хочет состоять в Армии, ввиду того, что

Врангель «дерзновенно» не подчинился Кириллу, а после обеда был настолько нелепый выход, что я даже сначала растерялся.

Все тот же нудный Казем-Бек пришел ко мне и, весь зеленый, с помутившимися глазами, заявил мне буквально следующее: «Господин полковник, я пришел Вам передать от полковника Строганова и себя, что дуэль состоялась сегодня и что мы оба Вашему суду неподсудны». Я ничего не понял и выразил удивление, что он говорит от двух, на это он мрачно сказал: «Я ничего больше не скажу», – и, протянув мне руку, которую я не без колебания принял, удалился. В сущности, говоря, он мне был жалок, а вечером я узнал, что он уже громогласно заявлял, что де как это он здорово мне сказал. *Форменный Хлестаков...*

После него через несколько минут явился Строганов, отчаянно пьяный и, во-первых, опроверг то, что он уполномочивал Казем-Бека на заявление, а потом рассказал мне про дуэль, причем имел вид человека не только пьяного, но и весьма потрясенного.

Венгры, благодаря тому, что один из секундантов был венгерский офицер, предоставили им манеж, в котором все было приготовлено до воды и бинтов включительно. Дуэль разыгралась по всем правилам искусства – каждому было предоставлено по одному выстрелу, но Казем-Бек промахнулся, а револьвер Строганова дал осечку...

Как они оба будут горды... но, по их виду непосредственно после дуэли, думаю, что под пулю они больше не пойдут. Надрались они оба с секундантами, после дуэли и примирения.

[...]

Примечания

¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 9. Л. 35–36.

30 августа (Будапешт)¹

Сегодня был у военного министра Беличка. Принял он меня, как и всегда, весьма любезно, но времени было мало, и я скомкал все, хотя и сказал все. Получил от него заверения, что он признает только ту станицу², которая лансируется мною, то есть с Ер-

шовым во главе, и что не считает возможным считаться с «военным отделом»³ у монархистов, как организацией политической. Этого мне только и надо было. Хорош его вопрос об «истории Кирилла» – самый способ выражения не показывает большого уважения к предприятию. Интересовался его правами на престол, на что я ответил даже более утвердительно, чем сказано в манифесте Кирилла, который допускает предположение о спасении царской семьи и о том, жив ли и каково отношение к нему армии – Николай Николаевич. Я взял на себя ответ, что армия во главе с генералом Врангелем только к его голосу и прислушивается⁴.

Хуже вышло с дуэлью Строганова с Казем-Бекком, о чем я ему писал – он говорит, что последние дуэли со смертельными исходами среди венгров обратили на себя внимание парламента, и поднялось движение против дуэлей, а потому дуэль среди русских могла бы вызвать запрос и причинила бы немало хлопот русской колонии, и могла кончиться высылкой дуэлянтов, поэтому он бы считал, что дуэль надо отложить по принципу, который был у них (и у нас) в армии – не драться в военное время.

Очень был поражен, что дуэль уже состоялась, к чему я добавил, что без моего разрешения и не считаю себя вправе протестовать против тех мер воздействия, которые предпримет венгерское правительство против не дождавшихся разрешения дуэлянтов, которых я предупредил и устно, и в приказе.

Просил меня написать ему обо всем письмо. Сделаю с удовольствием, так как против высылки ничего не имею, и даже на-против...

Наши монархисты разъехались – Голицын в Париж, Казем-Бек в деревню на содержание к Вильчеку, Вадковский в Киссинген, архимандрит Сергей, кажется, обратно в Мюнхен. Последний на этот раз не почтил своим посещением ни Иловайского, ни меня. Политиканствующий попик⁵...

Передал ордена Мануйловичу, Ракоши и Покорни⁶ – как они все были довольны, хорошо, что я добыл самые кресты – патент без креста значит весьма мало, – теперь они ощутили на самом деле то, что получили, и я думаю, что это подействует и на других, в смысле большой предупредительности в содействии нам, каждый будет рассчитывать на орден, который они очень (гораз-

до больше нас) любят. Мы в этом были гораздо демократичнее – болгарский я и сейчас не ношу.

Примечания

¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 9. Л. 37–38.

² 20-го августа имело место общее собрание созданной в феврале 1922 г. «Венгерской казачьей станицы имени генерала Краснова». На нем под влиянием выступления Кирилла Владимировича монархисты пытались взять в свои руки руководство над станицей. Попытка эта, хотя была отбита, но привела к расколу, в результате чего по инициативе упомянутого уже полковника Немцова несколько казаков вышли из состава старой организации и создали новую. В этой ситуации А. фон Лампе принял целый ряд контрмер. В том числе обратился за помощью к генералу П.Н. Краснову, чтобы он своим авторитетом предотвратил раскол. Краснов в письме атаману станицы, полковнику Ершову призвал казаков к спокойствию («шашки в ножны!», «тихо ждать!»), к воздержанию от политиканства, осудил поступок Кирилла Владимировича, который смутил казачьи головы. Его, говорилось в письме, никто не поддерживает, следовательно, он не может быть спасителем России (ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 9. Л. 177–179).

³ «Военный отдел» Русского Монархического Объединения в Королевстве Венгерском был создан с целью парировать влияние А. фон Лампе, как представителя П.Н. Врангеля среди русских эмигрантов-военных, «руководители» отдела пытались выступать перед венгерскими властями в качестве легитимных представителей русских военных в Венгрии.

⁴ С целью информирования в соответствующем духе венгерских политических деятелей А. фон Лампе передал в министерство обороны официальное сообщение о позиции Врангеля в отношении выступления Кирилла. В нем зафиксированы все основные установки, которые ныне известны историкам по этому вопросу: письмо Кирилла Врангелю от 11 августа, ответ Врангеля, классификация шага Кирилла, как узкопартийное дело, и констатация того, что армия, как наиболее организационная сила эмиграции, прислушивается только к Врангелю и великому князю Николаю Николаевичу (НЛ 1922 VKF микрофильм В/169, пленка 3648/1987 Л. 1063–1065. № 30.879).

НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ младший, великий князь (1856–1929). Внук императора Николая I. Русский политический и военный деятель, один из лидеров «военной партии». В 1914–1915 гг. верховный главнокомандующий русской армией, потом главнокомандующий войсками кавказского фронта. С 1919 г. жил в эмиграции, в военной среде видели в нем лидера русского национального движения. Один из главных оппонентов Кирилла Владимировича в династии Романовых.

⁵ ДАБИЧ Сергей, архимандрит (1877–1927), был назначен настоятелем будапештского прихода митрополитом Евлогием. Но он не оправдал надежды и в марте 1923 г. его уволили со службы с запрещением в служении. Еще в этом году конвертировался в католичество.

Личность Вильчека выяснить не удалось.

⁶ А. фон Лампе еще в мае 1921 просил Врангеля через Шатилова, чтобы ему дали разрешение наградить тех из венгров, которые много сделали и могут делать в будущем для русских, и снабдили его с этой целью орденами. Он получил разрешение с условием, что он должен о каждом отдельном случае докладывать в штаб (ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 6. Л. 74, 109). Покорни в своих мемуарах упоминает без указания на степени ордена, что он получил орден Святого Владимира.

Биографические данные Мануйловича неизвестны.

31 августа, 1 сентября (Будапешт)¹

Все время волнение по вопросу, когда же меня примет Хорти, так как с этим всецело связан мой отъезд на 2-е сентября, что даст мне возможность 3-го быть в Вене и 4-го ехать дальше, а, следовательно, проработав 5-го и 6-го, 7-го выехать в Браунлаге и, пробыв там 8-го, 9-го, 10-го, к 11-му вернуться в Берлин к нормальной работе.

Наконец сегодня, благодаря тому, что я прошел к Ракоши, — все устроилось. Иловайского и меня Покорни просит к себе на ужин 1-го, потом мне предоставляется комната во дворце для ночевки, 2-го в 10 утра я представляюсь Хорти и возвращаюсь в город, а в 6 часов вечера выезжаю на пароходе в Вену... если ничего не случится.

Сегодня прошел сенсационный слух о том, что якобы итальянцы заняли Вену — конечно, это ерунда, войска даже в наш век по воздуху в большом количестве не летают.

Здесь все немного поутихло, из Мюнхена я получил от Завальда, написанное не им, а по его приказанию, письмо о невозможности получить визу для того, за кого я просил, этого раньше не было — не работа ли это уже прелестного архимандрита Сергия и Казем-Бека, все может стать.

Думаю, что хотя и мелких, но неприятностей будет еще не мало. Ну да к ним не привыкать стать — всего было.

Хочется скорее домой к Тате и Жене – я думаю, что многие позавидовали бы моей возможности кататься по пяти государствам (Германия, Австрия, Чехия, Венгрия и Сербия) на казенный счет – но меня это не увлекает, все тянет всегда к своим, там, где мы втроем, там наш дом...

Сегодня в министерстве иностранных дел видел бланк «Монархическая миссия в Венгрии» и подпись «атташе Свистунов». Ну не хлестаковщина ли это...

Вечером поехали с Иловайским обедать в Гедело к Покорному вместе с Ракоши и полковником Шухай².

Обед прошел очень мило, хотя говорили на немецком, венгерском, французском, русском и каком-то славянском языках. Долго рассматривали фотографический альбом Покорни, который был при заключении мира в Бресте. На меня самое отвратительное впечатление произвела группа: Троцкий, Альтфатер, Каменев и Липский. Ведь это было в первую же минуту большевизма, и офицеры совершенно самодовольно снимались с поганим жидом! Немудрено, что они же теперь дефилируют перед ними на парадах не хуже, чем перед царем!³

Ночлег мне отвели во дворце, где тишина была абсолютная. Мне все предсказывали интересные сны там, где веселилась Мария-Терезия⁴. Снов, увы, не было, но платье и сапоги денщик (как давно я не знаю этого!) мне чистил прекрасно...

Примечания

¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 9. Л. 39–40.

² По всей вероятности, ШУХАИ Имре, генерал-лейтенант (1882–1950), с 1920 по 1926 г. начальник продовольственного отдела генерального штаба. На короткое время директор Архива Военной Истории. В 1930-е годы командовал 3-й бригадой. С 1937 г. на пенсии.

³ Относительно дефилирования упомянутых лиц перед Троцким А. фон Лампе явно ошибается. Альтфатер скончался еще в 1919 г., а капитан Липский – по биографическим данным – вскоре после переговоров в Брест-Литовске эмигрировал во Францию (<http://www.dommuseum.ru/index.php?m=dist&pid=8705&PHPSESSID=da6e293f80df7744931d451004f6ae4b> – 14.04.2013).

⁴ МАРИЯ ТЕРЕЗИЯ (1717–1780). С 1740 г. эрцгерцогиня Австрии и королева Венгрии и Чехии, жена императора Священной Римской империи Франца Лотрингена.

2, 3 сентября (Будапешт)¹

В 10 часов меня принял Хорти.

Я шел к нему с желанием передать меморандум о выступлении Кирилла и взгляде на это командования.

Впечатление описано мною в рапорте, который прилагаю². Сначала разговор шел об Иващенко, которого, как ездока, очень хвалил Хорти, а потом он просил и меня узнать, не вывезены ли нами из России кровные матки, для того чтобы привести их в Венгрию, которая, хотя и не в силах их купить, но могла бы дать владельцам их хороший доход. По-видимому, этот вопрос его сильно интересует.

Разговора о Кирилле повторять не буду, есть в рапорте. Но забавная у него психология – при моих словах, что мы не боремся ни за монархию, ни за республику, он развил свою мысль, что необходима монархия с кулаком (показал) во главе, а президентов непременно посадить всюду своих, потом его пырнуть можем и посадить следующего, потом того пырнуть (иного, Хорти, по-видимому, не предполагает возможным) и другой насадить... и это говорит человек, сам сидящий вроде президента...

Опять говорил о преданности венгров королю, но таковым уже не считает Отто, сына Карла IV, так как прагматическая санкция³ не функционирует, говорит, что одни венгры содержали свое королевское семейство, а между тем Габсбурги меньше всего сделали для венгров...

В общем же мое впечатление, что на этот раз была неуловимая нотка сухости, Голицын-Муравлин сделал свое дело!

Днем выехал на пароходе в Вену, встретив в пути лишь одного русского... Казем-Бека.

[...]

Примечания

¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 9. Л. 40–41.

² Смотри об этом документ № 35 в приложении и комментарии к нему.

³ Прагматическая Санкция с начала XVIII века определила порядок престолонаследия в Габсбургской империи, место Венгрии в рамках империи Габсбургов, декларировала невозможность деления стран, находившихся под властью Габсбургов между членами семьи и возможность престолонаследия по женской линии.

ОТТО ГАБСБУРГ (1912–2011), старший сын короля-императора Карла, наследник престола. После смерти отца глава семьи Габсбургов, венгерские легитимисты считали его законным королем Венгрии. Во время и после второй мировой войны Отто был видным деятелем паневропейского движения, с 1973 г. был председателем Паневропейской Унии. С 1979 по 1999 г. депутат Европейского Парламента.

19, 20 и 21 ноября (Берлин–Будапешт)¹

[...]

20-го утром в Будапешт. После Берлина кажется маленьким и грязным, несмотря на то, что и сам-то Берлин не очень-то чистый. Вообще все здесь, а в особенности русская жизнь, чрезвычайно провинциально.

Венгры затягивают вопрос с галлиполийцами, тормозя выдачу разрешения на выезд третьего эшелона, а между тем надо пропустить около 6.

Пока не хочу к ним показываться, так как это значило бы тратить залп, а мне предстоит задача довольно нелегкая.

21-го вечером был у Деникина... Оригинально, что я, редактор газеты, его поддерживавшей, познакомился с ним в Будапеште.

Впечатление своеобразное. С одной стороны, ореол прошлого и значение хорошего честного имени, а с другой, вообще-то он, как писатель и человек, меня искренне заинтересовал.

Просидел я у него с шести с половиной до 11 и даже ужинал, но это только потому, что я уговорился с Иловайским, который должен был тоже прийти к нему.

Вошел, встретил неожиданного небольшого роста человека, несколько смутившегося при моем появлении.

Разговор вел я, он поддерживал его, но казался очень смущенным...

Вот уж не ожидал, что я его буду смущать.

Трудно передать наш разговор, он не говорил ничего серьезного, интересовался армией и только ею, что понятно и правильно, но общий разговор все время прерывался, и он осторожно спрашивал у Иловайского, ем ли я то, пью ли другое, по-видимому, сказывалось отношение к моему гвардейскому происхождению, которого он так упорно не любит, как мне когда-то в Константинополе говорила вдова Романовского.

Но общее впечатление я высказал Иловайскому во фразе: «Знаете, мне кажется, что если бы Врангель был с самого начала во главе армии, то результат был бы, может статься, и иной. Хотя Деникин и очень порядочный человек, но, несомненно, узкий и никакого государственного масштаба не имеет...». В этом все мое впечатление, безусловно, узкий, так как мало кого знает, по-видимому, кругозор не шел дальше того, что он считал своими обязанностями, так сказать, непосредственно... Воля, по-видимому, есть, она чувствуется, чувствуется в мелочах прямолинейность, но не подходит ли это к... тупости...

Не знаю, правильно ли мое впечатление, но оно именно таково, несмотря на весь ореол, которым он для меня окружен и как начальник штаба Верховного, и как Главнокомандующий Добровольческой армией.

После ужина я ему сказал, что прошу верить, что писал о моей готовности быть ему полезным совершенно искренне. Он опять смутился и ничего, кроме пожатия руки, не нашелся мне ответить.

Жену я рассмотрел мало, держит себя довольно мило, девочка трех лет славная и очень бойкая².

В общем, впечатление провинциальное. Это не диктатор и не повелитель, это честный исполнитель, хотя бы и своих собственных решений, но и только.

Примечания

¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 9. Л. 129–130.

² ДЕНИКИНА (урожд. КИЖ) Ксения Васильевна (1892–1973); ДЕНИКИНА Марина Антоновна (1919–2005), дочь генерала Деникина, журналистка, писательница. Марина Антоновна позже в книге о своем отце посвятила несколько страниц пребыванию семьи в Венгрии (*Деникина М.А.* Генерал Деникин. – М., 2005. С. 230–235).

22 и 23 ноября (Будапешт)¹

Вчера тревожное сообщение о том, что венгры, по причине готовящегося в парламенте запроса, считают необходимым «на несколько недель» прервать переброску наших эшелонов с галлополийцами². Я никак не могу себе представить, что въезд

в Венгрию 172 человек, и в том числе 24 женщин и детей, мог бы так резко отразиться на благополучии венгерского рабочего, а если отразилось, то хорошо правительство, которое не могло этого предвидеть и не разрешать ввоза тысячи человек...

Думаю, что в этом есть что-то иное, тем более что продолжают поступать предложения работ для русских решительно со всех сторон.

Перехожу в наступление полным ходом и с начала той недели прошу приема у всех по очереди: начальника генерального штаба, военного министра, потом, вместе с Волконским, у министра-президента и товарища министра иностранных дел, а потом и у Хорти, решение которого зависит от всех предыдущих. Хорошо, что Волконский такой человек, что на все сразу и согласился. Редко встретишь такого дипломата, я от него в восторге.

Я виделся также с неким Пячком³, который специализировался в министерстве внутренних дел по русскому вопросу, но от него совершенно не получил подтверждения всего того, что мне наговорили в военном министерстве. Надо походить, все понемногу разъяснится.

Но вот что скверно, сегодня проехал курьер из ставки и ничего мне не привез по поводу материальной стороны вопроса, а без этого я не могу приступить к работе.

Сегодня я принимал у себя двух начальников эшелонов галлиполийцев, прибывших в Венгрию: полковника Лукина я знаю давно, он старше меня годом по училищу, другой полковник — Иванов⁴.

Оба произвели хорошее впечатление. По соглашению с ними я решил попробовать под видом отдела союза галлиполийцев открыть здесь просто старую организацию полков. Разница только та, что вход и выход из полков-союзов свободный...

Примечания

¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 9. Л. 130–131.

² Данный эпизод свидетельствует о том, что у А. фон Лампе были хорошие информаторы в венгерской среде. 22-го ноября действительно состоялось межведомственное совещание с участием сотрудников министерств обороны, внутренних и иностранных дел. На нем обсуждались вопросы, связанные с русскими эмигрантами. Участники пришли к общему выводу, что

русские эмигрантские организации потеряли свой контрреволюционный характер и становились представителями идеи панславизма или сами большевизировались. Поэтому дальнейший выпуск русских эмигрантов в страну был признан нежелательным ни по экономическим соображениям, ни с точки зрения безопасности страны. (Участники совещания, как и вообще многие члены венгерской политической элиты того времени, главным образом опасались того, что русские эмигранты могут стать информаторами своих славянских собратьев, чехов и сербов.) Мнения разошлись лишь в том, распространяется ли это решение на данное уже А. фон Лампе согласие на принятие 1000 беженцев из армии Врангеля. Поэтому пока было решено приостановить выпуск транспортов в страну под предлогом рано наступившей зимы и возрастающей безработицы (НЛ 1922 VKF микрофильм В/170 пленка 3664/1987 Л. 567–570 № 34.162/1922). См. об этом еще документ № 47 в приложении.

³ ПЬЯЧЕК Эмил, венгерский чиновник, секретарь министерства внутренних дел, один из главных покровителей упомянутых уже выше Тер-Матеузова. Принял активное участие в интригах против А. фон Лампе.

⁴ В 1922 г. во время отсутствия А. фон Лампе из Будапешта прибыли два транспорта с последними «галлиполийцами» из района проливов в Венгрию.

ЛУКИН Евгений Дмитриевич, полковник (1884–1957), военный инженер, участник белого движения, командир технического полка в Галлиполи. В 1922–1924 гг. жил в Венгрии, был председателем Общества Галлиполийцев в Королевстве Венгерском. В 1920–1930-е гг. жил в Югославии, с 1931 г. командир технического батальона РОВС. Во время Второй мировой войны служил в Русском Охранном Корпусе, после войны жил в Парагвае.

Инициалы и биографические данные ИВАНОВА выяснить не удалось, – по свидетельству А. фон Лампе – в армии Врангеля он служил командиром саперной роты технического полка.

24 ноября (Будапешт)¹

Сегодня пришло почтой письмо Кусонского, в котором даются указания по вопросу относительно военных училищ – средства на содержание есть и на год вперед, от экономии на разнице курсов болгарского и венгерского, можно оборудовать и производство ремонта, поэтому я немедленно перевожу уже написанный мною меморандум и приступаю к хлопотам, стараясь сделать не только все возможное, но и более того²...

Сегодня в банке меня поразило внимание, от которого я уже отвык. Я получал деньги для казачьей станицы и должен был дать мою легитимацию из министерства иностранных дел, дал,

отошел и сел. Вижу, что на меня посматривают, и потом подходит какой-то господин и рекомендует директором банка, начинает разговор и в 4 минуты, вне всякой очереди, делает мне мое дело. Надо только отметить, что, справившись, что я представляю былую Россию, он говорит, что надеется, что и красная, которая уже начала белеть, скоро станет нашей... интересовался судьбой своих родственников... Бродских.

Я давно от этого внимания уже отвык...

Сегодня опять поступило от одного из помещиков требование на сто русских рабочих... вот и безработица в Венгрии. И надо отметить, что русских теперь уже не рассчитывают в Венгрии дешевле, чем своих, как это имело место ранее. Думаю, что это отчасти потому, что наши работают хорошо, и потому, что венгерские безработные пользуются поддержкой государства и предпочитают жить, ничего не делая³...

Был у меня журналист Соболев, который рассказывал, что его арестовали и сутки продержали вместе с мелкими воришками в полиции, по доносу наших же милых монархистов, которые предпочитают именно так делать свои дела⁴. Служит он теперь на заводе простым рабочим у станка и говорит, что работа прямо способствует отупению. Вот откуда такие мозги у наших рабочекрестьянских властителей...

Примечания

¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 9. Л. 131–132.

² О вопросе по переброске военных училищ из Болгарии в Венгрию см. документы № 45–52 в приложении.

³ На самом деле в Венгрии в эпоху Хорти не существовало системы государственного пособия по безработице. Из организованных рабочих те, которые были лишены работы, могли рассчитывать в лучшем случае только на небольшую поддержку со стороны профсоюзов.

⁴ Среди документов венгерского генерального штаба находится сводка под заглавием «Подозрительные русские в венгерской столице». Документ был составлен явно на основе русского доноса (или нескольких доносов). В ней некоторые члены русской колонии, в том числе и помощник А. фон Лампе, В. Иловайский, М. Горелов-Гакебуш, упомянутый Соболев, генерал-майор Княжевич и другие обвиняются во «всевозможных грехах»: в «демократизме», в симпатиях Большой и Малой Антантам, в шпионской деятельности, в распространении социалистической литературы (HL 1922 VKF

микрофильм В/169 пленка 3643/1987 Л. 835–836. № 29.651). Арест Соболева был произведен на основе этого документа.

25 и 26 ноября (Будапешт)¹

Вчера венгры таки прислали мне из военного министерства бумагу о том, что рано выпавший снег ухудшил положение безработных, и они должны отложить прием русских до более благоприятного времени, так как они даже своим отказывают в разрешении вернуться в Венгрию из отторженных областей...

Думаю, что это все отговорки полковника Зиглера². С понедельника, то есть, завтра, начинаю болтание по сильным венгерского мира, постараюсь чего-либо добиться, хотя надежду питаю малую.

[...]

Примечания

¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 9. Л. 132–134.

² ЗИГЛЕР Геца, подполковник (? – 1939), венгерский офицер, в 1938 г. в чине генерал-лейтенанта командир 6-го корпуса. Был участником упомянутого выше межведомственного совещания. Он занял наиболее благоприятную для русских позицию, суть которой сводилась к тому, что при общем прекращении впуска русских беженцев в страну, данное Алексею фон Лампе обещание о принятии 1000 военных из армии Врангеля следует выполнить.

27 ноября (Будапешт)¹

Сегодня был в министерстве иностранных дел и там говорил относительно третьего транспорта галлиполийцев и вообще по всему вопросу. Говорил с Гемереем². По-моему, начав с 48000, потом 12000, потом 5000 и наконец, разрешив 1000, стыдно государству останавливаться на... 150 человеках, как это обстоит сейчас, так как въехало 173 человека при 24 женщинах и детях³...

Несомненно, что скверную роль сыграл генерал Шмидт, который полез к министру внутренних дел Раковскому⁴, по-видимому, желая играть роль и суясь, куда не следует... услужливый дурак...

[...]

Вечером я был у генерала Деникина, сначала он сдерживался, но потом стал как-то теплее и начал о многом говорить, между прочим, рассказал, что его атаквали письмами, чтобы он разрешил приехать в армию Брешко-Брешковской, но отказал только потому, что считал возможным ее оскорбление со стороны офицеров, а ее саму совершенно безвредной⁵. За эту предусмотрительность его сильно ругали.

Чайковский, лидер партии тихих идиотов⁶, тоже писал ему из Парижа о том, что надо всю полноту власти передать общественным и политическим кругам, а не держать в руках командования, приводя в пример, как это хорошо вышло на севере, откуда его выгнали еще до падения фронта.

Резолюция Деникина была: «Рад бы дедушка сдать власть, да некому». Резолюцию послали старому рамолику...

В разговоре я случайно сказал, что никто еще не написал ничего хорошего о первом походе, конечно, не считая наравне со всеми отрицательными авторами сочинений о первом походе и самого Деникина, так как он-то для меня менее всего писатель – на этом я был уличен и довольно добродушно осмеян.

По-видимому, за Семеновский полк и мою газету он меня называет черносотенцем. Смеется надо мною жизнь: Безобразов меня называет кадетом, будапештские монархисты – упорным врагом монархии, а Деникин – черносотенцем...

Кстати о будапештских монархистах – по словам генерала Шмидта, члены «военного отдела» местного монархического объединения – генералы Хильченко, Бар, Данилов, полковник Екименко и др. – всеми мерами настаивали, что Казем-Бек должен вызвать меня на дуэль... По-видимому, за мое обвинение, что местное монархическое объединение идет против Армии. Хорошо это в устах генерала Данилова, всеми мерами дискредитировавшего главное командование...

Бедный Казем-Бек, то я его заставил драться со Строгановым, то его другие заставляют драться со мною. Этак белья не напаешься. А мое положение было бы глупое, так как официально в Венгрии драться нельзя, а не могу же я, иностранный представитель, драться вопреки закону... Милые монархисты не преминули бы указать, что я струсил. Только при уверенности в невоз-

возможности для меня дуэли и можно было бы ожидать вызова от Казем-Бека. Надо бы мне принять и настаивать на дуэли на шашках...

Глупо это все и беспросветно...

Примечания

¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 9. Л. 134–136.

² Правильно ГЭМЭРИ-ЛАЙМ Ласло (1876-?), сотрудник Министерства иностранных дел в чине советника. С 1921 по 1936 г. руководил паспортным отделением министерства. После 1936 г. на пенсии.

³ По данным венгерского министерства обороны, в сентябре 1922 г. с первым транспортом прибыли в страну 71 человек, второй транспорт прибыл в Будапешт 7-го ноября в составе с 103 беженцами (60 офицеров, 31 солдата врангелевской армии, 9 женщин и трое детей) (HL 1922 VKF микрофильм В/170 пленка 3664/1987 № 34.162/1922 Л. 569).

⁴ РАКОВСКИ Иван (1885–1960), юрист, венгерский политический деятель, в 1910–1935 гг. депутат венгерского парламента разных созывов, с 1922 по 1926 г. министр внутренних дел кабинета И. Бетлена.

⁵ О встрече А. фон Лампе с Деникиным смотри еще документ № 49 в приложении.

БРЕШКО-БРЕШКОВСКАЯ Екатерина Константиновна (1844–1934), «бабушка русской революции», одна из основателей партии эсеров, и также ее боевой дружины. Принадлежала к правому крылу партии. После Октябрьского переворота заняла враждебную большевикам позицию, член Учредительного собрания, потом Комуча. С 1919 г. жила в эмиграции.

⁶ ЧАЙКОВСКИЙ Николай Васильевич (1850–1926), русский революционер, народник, эсер, потом трудовик; в годы гражданской войны активно боролся с большевиками, был членом Комуча, возглавлял «архангельское правительство», в 1919 г. в Париже вошел в состав Русского политического совещания, в 1920 г. был членом правительства при Деникине.

28 ноября (Будапешт)¹

Первый прием в серии приемов по вопросу переброски училищ – начальник Генерального штаба фельдмаршал лейтенант². Прием милый, несколько уклончивых слов о стране, самой бедной и наиболее желательной для всех и т. д. Особого значения этот визит не мог иметь и скорее являлся второстепенным.

По технике он нисколько не удался, так как меморандум еще не был готов, а сам я, вследствие порчи телефона, получил уве-

домление о приеме за четверть часа и поехал прямо, не переодеваясь, только сказать, что сегодня быть не смогу. Однако уговорили «приняться»...

Предстоят приемы у: Хорти, министра-президента графа Бетлена, министра внутренних дел Раковского, товарища министра иностранных дел Канья, военного министра генерала Беличка.

Примечания

¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 9. Л. 136.

² Фамилия отсутствует из текста, речь по всей вероятности идет о ново-назначенном начальнике венгерского генерального штаба, о генерал-лейтенанте Кочарде ЯНКИ.

29 и 30 ноября (Будапешт)¹

[...]

Пребывание мое здесь затягивается, так как даже приемы идут очень медленно, все плохо...

Разлаживается все то немногое, что удалось создать в Берлине² в смысле связи с общественными организациями. Жалко.

Сиюю здесь в политическом тупике. Как то, когда ты тут живешь, не так это было заметно, а теперь тяжело.

[...]

Примечания

¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 9. Л. 136–137.

² По всей вероятности, А. фон Лампе хотел писать «в Будапеште».

5 декабря (Будапешт)¹

Записью для 2–4-го декабря послужило мое письмо на имя Павла Алексеевича Кусонского.

4-го декабря мы с князем Волконским были в Министерстве внутренних дел и имели свидание с министром Раковским, советником его Нагожди и г-ном Томчани².

Разговор с министром был великолепен. По его сведениям, в Ваце, что около Будапешта, живет несколько сотен русских, в то время как там не больше 20, по его же сведениям, туда предположено ввезти до 1000 русских, о чем никогда и речи не было. Советник оказался не столь осведомленным, и он говорит только о 2036 русских, находящихся в Венгрии помимо тех, кто находится в самом Будапеште, что, пожалуй, и верно...

Кроме того, министр не только сравнивал наших солдат и офицеров с галицийскими евреями, которых надо выселять из Венгрии, но и даже весьма недвусмысленно намекал, что, судя по событиям в Болгарии, в составе армии есть много ненадежного³...

Коммунистический характер этого правительства он, однако, не отрицал и сам...

Все это какая-то Вампука. Порывшись в его воспоминаниях, мы, несомненно, нарвались на то, что его информировал об армии, и ее политическом кредо сам Голицын-Муравлин. По-видимому, старый осел, запутавшись сам в том, что армия для него недостаточно демократична, сказал об ее неблагонадежности и не сообразил, как можно эту неблагонадежность истолковать...

Соображение, что коммунистическое правительство Болгарии может преследовать наши части именно за то, что они, с точки зрения Венгрии, именно благонадежны, по-видимому, даже несколько изумило почтенного министра. Волконский очень мягко и деликатно все это ему объяснил, и в этом отношении наше путешествие принесло пользу.

Словом, наши постарались. В вопросе о русских в Ваце, несомненно, сыграл печальную роль, со своей постоянной хлестаковщиной, генерал Шмидт, который своими рассказами о ввозимых напугал местную власть, а та раскатилась к министру с протестом против такого ввоза русских в маленький городок...

А, может, и сам Шмидт в поисках роли, которую он так любит играть, и слазил в министерство, соврав что-либо.

В общем, с подчиненными мы сговорились лучше, чем с министром. Что же касается вопросов министра относительно того, как надо относиться к Голицыну-Муравлину и Великому князю Кириллу, Волконский очень тонко дал понять, что это только партийное дело и недавний съезд в Париже постановил, что единственное авторитетное лицо в этом вопросе – коронованная

императрица Мария⁴... Голицын же никогда в России никакой крупной роли не играл...

Вся беда происходит даже не от того, что среди русской эмиграции много проходимцев или даже просто хлестаковых, а от того, что венгры, признавая нас с Волконским, слушают в то же время кого угодно, даже не проверяя это у нас.

4-го перебрался к князю Волконскому. Я думаю, что за все время существования русского представительства это первый случай, что военный агент спит на кровати посланника...

Сейчас проезжал курьер с юга на север – по-видимому, в гонениях против нас наступило затишье, так как Миллер по своим делам проехал в Париж.

Ушел от службы Дмитрий Потоцкий, который пошел на честование сербами Стамболийского вопреки совету Главнокомандующего, которого сам же Потоцкий спросил об этом. На празднике Стамболийский не преминул сказать, что его удивляет присутствия русского генерала, которые ему надоели и в Болгарии⁵...

Нового агента назначить нельзя, и во временное исполнение обязанностей пока вступил Базаревич⁶. Мне жаль Потоцкого, он был хорошим соседом по военной агентуре.

От Наташи нет писем, последнее от 23 ноября, что меня уже начинает беспокоить... не случилось ли чего.

[...]

Примечания

¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 10. Л. 11–12.

² ТОМЧАНИ Калман (1881–?), венгерский чиновник, советник, (с 1935 г.) государственный секретарь Министерства внутренних дел.

Кто скрывается за фамилией Нагожди, определить не удалось.

³ Смотри об этом документ № 51 в приложении и комментарии к нему.

⁴ МАРИЯ ФЕДОРОВНА (1847–1928). Из датской королевской семьи, вдова императора Александра III, мать Николая II. В монархической среде многие считали ее главой семьи Романовых.

Князь Волконский через несколько лет, в 1926 г. составил документ под заглавием «Всепреподобнейшее обращение ко всем августейшим членам Императорского Дома». В этом он развил мысль, что вопрос о престолонаследии зашел в тупик, выход из которого находится всецело в руках Марии

Федоровны, как коронованной и миропомазанной императрицы. Она «имеет власть Своим Словом перерешить сказанный акт Сына Своего, Великого Князя Михаила Александровича, и установить за Кем ныне, за Самою ли Ея Величеством, или же за Которым по Ея Величества указанию Лицом должно признаваться преемство Императорской Власти» (Архив Библиотеки Фонда Русского Зарубежья Ф. 2. Оп. 1. К. 3. Ед. хр. 30. Л. 26–27). Михаил Александрович, брат Николая II принятие императорской власти ставил в зависимость от решения Учредительного Собрания.

⁵СТАМБОЛИЙСКИЙ Александр Стоименов (1879–1923), болгарский политический деятель, один из лидеров Болгарского земледельческого народного союза. В 1919–1923 гг. премьер-министр Болгарии. В результате военного переворота, возглавляемого Александром Цанковым, был схвачен и убит.

⁶БАЗАРЕВИЧ Владимир Иосифович, генерального штаба полковник (?–1943), был заместителем Потоцкого в Белграде.

20, 21 и 22 декабря (Будапешт)¹

20-го собрались на студенческую вечеринку в помещении миссии. Были: Деникин, Малама, Волконский, Марушевский, Иловайский и я. Сначала было довольно натянуто, но потом, с прибытием Чебышева², которого по моему распоряжению Розен снял с поезда по пути из Белграда в Берлин, стало как-то оживленнее, хотя Чебышев и Деникин, не встречавшиеся со времени ухода Чебышева в отставку с поста министра внутренних дел, сначала встретились довольно сухо...

Разошлись поздно, и Деникин, впервые пришедший в миссию, ночевал в ней же под портретом Врангеля...

Новостей из Белграда Чебышев привез не много. Газета в Берлине не проходит, по-видимому, деньги дадут Бурцеву, который голодает и чуть ли не грозит выступить против, по крайней мере, его помощник Филиппов уже прямо это говорит³...

От Врангеля получил странное письмо о том, чтобы я устроил пособие генералу Каткову, мог бы прямо приказать это сделать...

21-го наконец получили аудиенцию у графа Бетлена, министра-председателя и фактического распорядителя судьбами Венгрии.

Пробыли мы у него с Волконским около часу, принимал он нас в парламенте.

Впечатление прекрасное. Прямо и без обиняков сказал, в чем дело. По его информации, наши части в Константинополе и в Болгарии совершенно разложились, и большевики делают из них своих людей, поэтому он прямо боится их, как коммунистической заразы⁴. Конечно, мы с Волконским объяснили ему техническую невозможность этого, не отрицая, что в Болгарии большевики действительно делают к этому большие шаги, но, несмотря на то, что им вполне помогает болгарское правительство, никак не могут соблазнить многих, которые предпочитают голодать, чем идти к ним.

Я увидел, что необходимо говорить прямо и настойчиво, и взял разговор в свои руки, по-видимому, это произвело на Бетлена хорошее впечатление, так как разрешение на ввоз третьего транспорта он дал немедленно, а потом и очень внимательно прислушался к вопросу о юнкерах, о чем Хорти до сего времени так ему ничего и не говорил... это с первого-то декабря.

Я хватил быка за рога, много ему говорил, между прочим, и о том, что мы средства имеем, и он обещал мне дать ответ завтра, что даже и меня удивило. Однако на большой успех я не могу рассчитывать, так как и он, несколько успокоенный по коммунистической безопасности наших, стал говорить о том, что они принуждены не пускать в страну своих... Думаю, что ответ будет сформулирован так, что переговоры можно наладить только весной, так как сейчас положение этого не позволяет. Во всяком случае, все дело сдвинулось с мертвой точки и хоть один транспорт да мне удалось за этот мой приезд продвинуть.

Недаром приезжал, а надоело мне здесь уже изрядно.

Вчера же был прием дипломатического корпуса у нового министра иностранных дел Дарувари⁵, который сейчас совмещает этот пост и с портфелем министра юстиции. Впечатление почтенного духовного лица, был в России 4 года в Киеве и год в Одессе, по-видимому, консулом, о России отзывается хорошо...

В приемной застали немцев, голландцев, американцев, нунция, греков, болгар и т. д. И мы, представители России, были приняты, по порядку дипломатического списка, последними... Хорошо еще, что вообще принимают. Волконский говорит, что все, кто прошел до нас, представляли какую-либо страну, а мы только идею... Плохо теперь с идеями. Мне понравилось, что, по

словам Таты, тетка Саша говорит, что в советских газетах мое имя ставится наравне с Деникиным и Врангелем. Это хорошо, я доволен, хотя бы и преувеличением моей роли...

Думаю, что завтра все будет закончено, и на той неделе я смогу выехать обратно.

[...]

Примечания

¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 10. Л. 27–29.

² ЧЕБЫШЕВ Николай Николаевич (1865–1937), юрист, прокурор Смоленского, Киевского и Московского окружных судов; в гражданской войне входил в состав Особого совещания при Главнокомандующего ВСЮР, ушел с поста из-за разногласий с Деникиным, в 1920 г. один из редакторов журнала «Великая Россия», поддержавшего Врангеля. В эмиграции сначала был помощником А. фон Лампе в Берлине, потом заведующим гражданской частью канцелярии Врангеля.

³ БУРЦЕВ Владимир Львович (1862–1942), русский публицист, общественный и политический деятель. Известен разоблачением агентов Охранки в революционном движении. После Февральской революции и в эмиграции активно боролся против большевиков, в которых видел агентов немцев. В эмиграции редактор и издатель газеты «Общее дело». В то же время продолжал свою «разоблачительную работу» против внедренных в ряды эмиграции советских агентов. Доказал подложность «Протоколов Сионских мудрецов».

⁴ В формировании такой оценки немалую роль играли донесения Шандора Немешкери-Киш, венгерского поверенного в делах в Софии о том, что большевистская работа в Болгарии увенчается полным успехом и находящиеся там части бывшей армии Врангеля на грани разложения. Немешкери-Киш, между прочим, стоял в тесном контакте с генералом А.П. Кутеповым и его заместителем, полковником В.В. Крижановским. В связи с ухудшением положения в Болгарии Кутепов еще в мае 1922 г. через Крижановского сообщил венгерскому дипломату о своей готовности во главе своих 10 тысяч подчиненных с оружием в руках совершить прорыв из Болгарии в Венгрию, на границе передать свои оружия, и поселиться в стране. Кутепов поинтересовался у Немешкери-Киша, какова было бы позиция венгерского правительства, если бы оно было поставлено перед «фет акомпли» в этом вопросе. Венгерскому поверенному в делах было поручено немедленно охладить горячего Кутепова и поставить его в известность о невозможности и неосуществимости его замысла. Небезынтересно отметить, что встреча Крижановского с Немешкери-Киш произошла в дни ареста Кутепова болгарскими властями (HL 1922 VKF микрофильм В/169 пленка 3629/1987 № 2959/pol Л. 394–395).

⁵ ДАРУВАРИ Геза (1866–1934), венгерский политический деятель, дипломат. В 1922–1923 гг. министр юстиции. С 1922 по 1924 г. – министр иностранных дел.

23 декабря (Будапешт)¹

Вчера на вокзале Чебышева не выпустили из Будапешта, так как у него только транзитная виза, и он не имел права оставаться в городе. Какие нелепости родят все эти государственные правила – человек не имел права оставаться, так его еще задерживают...

Тата написала мне, что у нее воспаление надкостницы – слава Богу, кажется, уже стало легче. Хочется домой очень, сегодня решительный²...

Кто-то прервал меня на этом – решительный день окончился полной неудачей. Пошел к Бетлену, там меня просили пойти к Канья, его уже не было, меня направили к графу Куну, тот меня направил к министру Дарувари, а все результаты разговора с ним изложены в №№ 81, 82 и 83 в приложении³, не стоит писать еще раз. Очень мне все это огорчительно, но ничего не поделаешь – в чужой стране распоряжаться нельзя.

Примечания

¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 10. Л. 29.

² Так в тексте, предложение продолжается в следующем абзаце.

³ Смотри документы № 50, 51, 52 в приложении. Граф Кун – Шандор Кун-Хедервари.

1924*

**1, 2, 3 января (Будапешт), 4 января (Дрезден),
5 и 6 января (Берлин)¹**

Как и надо ожидать от маленького беженского тупика в Будапеште, год начался с прежних дряг и проложения путей к дрягам новым... Учрежденный мною суд чести для разбора дела между генералом Шульгиным и корнетом графом Гейденом, как и следовало ожидать, пришел к заключению о необходимости примирения между сторонами, что и было выполнено. На суде не говорили о дамах, которые в деле были замешаны, наши военные беженцы еще не окончательно утратили остатки рыцарства... Выяснилась провокационная роль поручика Максимова, и его я только немного задел в моем приказе № 84 (в приложении), но так тонко, что, боюсь, он не поймет².

На другой день Шульгин подал рапорт о том, что просит его исключить из списков зарегистрированных чинов Русской Армии и этим подал повод к новым разговорам и сомнениям. По мне все просто: он получил очередные указания от Гулевича, продолжающего свою разлагающую работу по выдергиванию офицерства из-под командования и создания себе таким путем базы, которой он не имеет, так как в гражданской войне участия не принимал, а если принимал в Финляндии, то довольно сомнительное!³

По-видимому, через Шульгина в Будапеште будет сделана попытка создать союз участников войны, но я это предупредил

* В 1923 г. А. фон Лампе два раза был в Венгрии в апреле-мае и в декабре. Оба раз во время его пребывания он съездил в Сремские Карловцы и в Белград к Врангелю и в штаб за инструкциями. В декабре 1923 г. приказом Врангеля он был произведен в генерал-майоры. Жизнь русской колонии в Венгрии, переговоры А. фон Лампе с венгерскими политическими деятелями более детально и основательно освещаются в приложенных к дневнику документах, в письмах, в рапортах, публикуемых во второй части сборника.

моим приказом 85 о проведении в жизнь указаний приказа Главнокомандующего 82 (в приложении)⁴... Марушевский вышел из монархического объединения, придравшись к приказу Данилова по военному отделу Русского собрания (есть и такой!!), где, по видимому, под руководством Голицына-Муравлина состоят Данилов и Коптев, и написал Шмеману письмо (в приложении)⁵. Увы, лояльность Марушевского тоже объясняется просто и стоит денег, так как он просил меня устроить ему заем под его рукопись, которую он поручил мне передать Гассону для Архива Русской революции. Все объясняется всегда одинаково!⁶

Выходкой Шульгина очень встревожен Иловайский и еще больше Розен, который довольно основательно опасается давления на себя. Я предупредил его, чтобы он базировался на Кутепова, и написал Александру Павловичу письмо (в прил.), в котором прошу его преподать указания Розену⁷.

Между прочим, до меня докатилось неприятное известие о том, что в союзе Преображенцев в Париже вешают на меня собак за то, что я «написал доклад против монархистов и отрицательно отозвался о Гулевиче и Кутепове». Как все извращается, против монархистов я писал только крайних и очень хвалил умеренных, про Гулевича, к сожалению, тогда ничего не знал, теперь бы написал и подписал против него все что угодно, а про Кутепова писал только положительное! Написал письмо Кусонскому и просил его показать А.П. подлинник моей записки. Однако странно, что говорят о моих словах про Кутепова, так как о нем было только в подлиннике, а их было только 4 – Чебышев, Кусонский, Иловайский и я...

Немудрено, что все просачивается! Как объяснить то обстоятельство, что в канцелярии Базаревича служит сестра Тальберга?!⁸ Неужели же не нашлось кого-либо другого среди массы русских в Сербии?!

Шульгин в Будапеште приступил к работе: преобразенцу Зубову передал, что я его ругал (ничего о нем с Шульгином не говорил), у себя собрал столпов оппозиции Оболенского, Максимова, Немцова и что говорил с Хорти! Бедный диктатор, опять к нему полезет всякая шусера!⁹ Я предупредил о возможности появления нового союза начальника отделения Д. Зиглера¹⁰ и довольно прозрачно намекнул ему, что это отдел союза французского!!

Третьего не состоялся прием меня у военного министра графа Чаки, с которым я не знаком!¹¹ В Венгрии паника, в парламенте кризис в связи с требованиями Антанты, во-первых, условиях займа сказать, кто они, королевство или республика, и в первом случае избрать себе короля, но НЕ Габсбурга, а, во-вторых, соединить военное министерство с министерством внутренних дел, так как-де для управления 35000 армией отдельного министерства не надо и наличие его знаменует собою только агрессивность венгров, вот куда загнули! А весь заем-то вместо просимых 600.000.000 золотых крон, обещается в 250.000.000 золотых крон¹².

Так и Чаки не видал. В министерстве встретил пресловутого полковника Пронаи, который в оппозиции Его Величества, он ругал премьера Бетлена за стремление к президентскому креслу и повторил мне, что он и «его корпус» в распоряжении генерала Врангеля... Он пойдет против большевиков, в этом я не сомневаюсь.

[...]

Примечания

¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 14. Л. 8–10.

² ШУЛЬГИН Борис Викторович, генерал-майор (1878–1953), офицер Лейб-Гвардии Преображенского полка, в первой мировой войне командовал пехотным полком, с 1917 г. дивизией; в гражданской войне служил в ВСЮР и в Русской Армии, командовал гвардейской бригадой. В межвоенный период жил в эмиграции в Венгрии. Был одним из главных оппонентов А. фон Лампе, так как в Венгрии он пытался выступить как военный представитель великого князя Кирилла Владимировича. Один из главных интриганов в русской эмигрантской среде рядом с Тер-Матеузовым, имел широкие связи в некоторых кругах венгерского общества, главным образом среди аристократов и легитимистов. По венгерским архивным документам, принял венгерское гражданство. Умер в Бельгии.

ГЕЙДЕН Федор Дмитриевич граф, корнет (1889/1899–1960), корнет Ахтырского гусарского полка, участник гражданской войны, эвакуирован из Крыма, в эмиграции до 1924 г. жил в Венгрии, потом во Франции.

Личность Максимова выяснить не удалось.

³ ГУЛЕВИЧ Арсений Анатольевич, генерал-лейтенант (1866–1947), русский военный деятель; с 1908 г. командир Лейб-гвардии Преображенского полка, с 1912 г. начальник штаба войск гвардии и Петербургского военного округа. В Первой мировой войне служил в разных должностях; был начальником штабов армий и фронтов, командиром корпуса. В гражданской войне

в составе Северо-Западной армии, был представителем Юденича и Российского Общества Красного Креста в Финляндии. В 1920 г. переехал во Францию, с 1921 г. был председателем Совета Союза преобразенцев в Париже.

⁴ В своем приказе № 82 от 8 сентября 1923 г. П.Н. Врангель после длительного обзора положения остатков армии на чужбине, выдвинул основные принципы ее сохранения и реорганизации. По этим установкам офицерские союзы в разных странах должны были объединиться вокруг армии под общим руководством военных агентов и представителей Главнокомандующего. Одновременно с этим Врангель запретил армейским чинам войти в политические организации и приказал выйти из таковых под угрозой исключения из состава армии. Этим приказом Врангель хотел нейтрализовать стремление политических кругов взять в свои руки контроль над армией и сохранить кадров армии в своей подчиненности. На военных представителей была возложена задача докладывать Врангелю, какие офицерские союзы могут считаться состоящими в армии на основе приказа № 82 (Русская военная эмиграция 1920–1940 годов. Документы и материалы. Том 2. Несбывшиеся надежды / Составл.: Басик И.И. и др. – М.: Триада-Х, 2001. С. 120–122).

В приказе № 85 от 3 января 1924 г. А. фон Лампе дал дополнительные инструкции к проведению в жизнь приказа Врангеля в Венгрии. Во-первых, подчеркнул, что каждый военнослужащий имеет право исповедать те или иные политические взгляды, не входя при этом в политические организации. Военнослужащим разрешалось присутствовать на заседаниях дружественных армии организаций без участия в прениях и в вынесениях постановлений. И, наконец, фон Лампе допускал возможность в отдельных исключительных случаях одновременное присутствие того или иного человека в офицерских союзах и политических организациях если интересы армии этого потребуют и военный представитель в согласии с председателем офицерского союза дают на это разрешение (ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 15. Л. 477–478).

⁵ Смотри об этом документы № 59, 60 в приложении и комментарии к ним.

ШМЕМАН Андрей Николаевич (1883–1961), статский советник, чиновник Сената. В межвоенный период жил в эмиграции в Венгрии, выступал там, как дипломатический представитель великого князя Кирилла Владимировича.

⁶ Личности Коптева и Гассона не установлены.

⁷ Смотри об этом документ № 62 в приложении и комментарии к ним.

⁸ ТАЛЬБЕРГ Николай Дмитриевич (1886–1967), русский историк, политический и общественный деятель, монархист, управляющий делами Высшего Монархического Совета.

⁹ Журнал посетителей Правителя Венгрии действительно свидетельствует о том, что дверь у Хорти была открыта и представителям враждебных Алексею фон Лампе течений русской эмиграции в Венгрии. Хорти неоднократно принимал князя Д.П. Голицына-Муравлина (по крайней мере, не

меньше, чем самого фон Лампе), и упомянутых в этой части дневника Шульгина и Шмемана (MOI K-589x4233-37. cím-III. – А).

ЗУБОВ Юрий (Георгий) Владимирович, граф, полковник (1892–1970), офицер Л-Гв. Преображенского полка, в гражданской войне в рядах Добровольческой Армии, участник 1-го Кубанского похода. В эмиграции жил в Югославии, в Венгрии, а потом во Франции.

¹⁰ Отделение Д. – контрразведывательное отделение венгерского генерального штаба.

¹¹ ЧАКИ Карой, граф, генерал от кавалерии (с 1927), (1873–1945), венгерский военный и политический деятель, в Первой мировой войне сражался на восточном фронте, был ранен; с 1923 по 1929 г. министр обороны кабинета Бетлена. С 1930 г. на пенсии.

¹² Речь идет о займе Лиги Наций Венгрии, с помощью которого удалось положить конец послевоенной экономической разрухе, остановить инфляцию, стабилизировать государственный бюджет, учредить Национальный Банк и в конце процесса ввести новую валюту. Заем был обусловлен целым рядом требований экономического и политического характера, в том числе полным подчинением экономической и финансовой политики страны специальному комиссару Лиги Наций, бостонскому адвокату, Йеремиасу Смису, который ограничил и так небольшой суверенитет подконтрольной страны. Упомянутые А. фон Лампе пункты на официальных переговорах выставлены не были, но учитывая, что страны Малой Антанты хотели сначала полностью предотвратить предоставление Венгрии займа, потом с поддержкой Франции выдвигали всевозможные требования, не исключено, что за кулисами они действительно старались их провести (*Szávai Ferenc. A Horthy-korszak gazdasági élete // Széchenyitől a Széchenyi-tervig. A modern magyar gazdaság története / László Gulyás* – ред. – Szeged, 2009. С. 114–118). Стабилизация требовала новых, почти непосильных жертв от общества: резкий рост безработицы, рост налогов, снижение пенсии, зарплат и жизненного уровня. Все это сказывалось и на положении русской колонии в Венгрии и усилило стремление ее членов покинуть страну.

19 мая (Вена), 20 и 21 мая (Будапешт)¹

В Вене я лампе не мог ничего купить, так как поезд несколько опоздал и все магазины оказались закрытыми... Пробродил по городу и в конце концов поужинал в саду против парламента.

В Будапеште застал волнение, так как Иловайский несомненно поддался на провокацию справа и по доносу какого-то офицера, который потом от своего же доноса отказался, сказал венграм относительно того, что среди наших русских ходят обвинения

и даже документы о нас, как о французских шпионах, и тем самым дал им как бы возможность теперь проверять эти грязные слухи... Погорячился, да, положим, это и немудрено, так как провинциальная атмосфера Будапешта поневоле заставляет сосредоточивать все внимание на сплетнях. Беженцы с «той» стороны грозят нам чуть ли не арестами и расстрелами... как все это нелепо...

Военным представителем В.К. Кирилла Владимировича назначен, или сам себя назначил, Шульгин – еще одним мазуриком в окружении Великого Князя больше... Начал он с того, что приказал всем офицерам к 20 мая выписаться от меня, как «представителя генерал-лейтенанта Барона Врангеля». Глупо, кроме близких ему, конечно, никого не испугает...

Но все же в обстановке Будапешта это имеет резонанс...

Придется несколько времени здесь задержаться, чтобы все наладить. Несколько непонятен мне только факт тщательного обыска на границе Иловайской, когда она ехала в Сербию... а может, и обыск был не тщательный, и просто это и она, и он преувеличили, так как привыкли, что вещей просто не осматривают... Возникает вопрос о том, дадут ли мне сразу сербскую визу, так как я сейчас не в списках²...

Будапешт мне сейчас напоминает сплетни и грязь, а также и партийность времен Глазенапа, не одно, так другое.

Миллер, конечно, ответил мне, что ничего не имеет против моей поездки в Карловцы, но не на казенный счет...

Примечания

¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 15. Л. 54.

² ИЛОВАЙСКАЯ Евгения Филипповна (1892–?), жена В.А. Иловайского; во время Первой мировой и гражданской войн сестра милосердия, с 1947 г. в Париже член правления Общества помощи русской эмиграции.

На 1924 г. П.П. Волконский и А.А. фон Лампе не были включены в список дипломатических представителей в Венгрии. Это объясняется отчасти с общеевропейскими тенденциями, отчасти с тем, что руководители венгерской внешней политики к этому времени уже считались возможностью урегулирования отношений с СССР. Однако с молчаливого согласия венгерского правительства и Волконский, и фон Лампе могли продолжать свою деятельность, вплоть до закрытия своих ведомств осенью 1924 г. (Смотри об этом документы № 64, 65 в приложении).

22 и 23 мая (Будапешт)¹

Продолжаю раскопки всякой грязи. Вызвал к себе подпоручика Симонова², который совершенно обстоятельно рассказал мне, что в местном монархическом объединении все время, еще со времени моего пребывания в совете, вели против меня интригу... Надо бы посмотреть мое донесение Главнокомандующему о том, что я только потому вхожу в совет, что знаю о том, что он будет идти против меня и предпочитаю быть среди них, а не в стороне... По его же словам, Вадковский сам свидетельствовал, что я забрал в руки германскую масонскую ложу и команду там и что он де сам видел, как я выходил из ложенхауза с заседания... что я де, мол, главный враг монархизма и т. д. Тер-Матеузов предлагал моему собеседнику «сколько угодно денег и визу» за то, чтобы он меня убил... Потом я выяснил, что предлагали только 20 миллионов, то есть 100 долларов – я даже обиделся, что так дешево...

Свое донесение Иловайскому (в приложении) он подтвердил, и я настоял на том, чтобы он подтвердил его и в местной разведке... В гарантию его безопасности я предложил ему германскую визу и заступничество в случае ареста венграми³.

Не знаю, не спровоцирует ли он нас еще раз, но предполагаю его свезти начальнику разведки, чтобы он лично все подтвердил...

Если бы местные прохвосты знали, что с первого января мы все равно очистим им путь. При разговоре о моем убийстве присутствовали якобы Шмеман, Шульгин и не протестовали... Хороши гуси.

У меня такое впечатление, которое, по-видимому, должно было быть у наших солдат, провалившихся во время маневров в яму, приготовленную для полей орошения...

С начала той недели буду ходить по Буде и приводить все в порядок. Не люблю я этого, но что поделаешь.

Примечания

¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 15. Л. 55.

² СИМОНОВ Георгий, поручик (1897–?), биографические данные неизвестны.

³ Смотри об этом документы № 73, 74, 75 и 76 в приложении и комментарии к ним.

24 и 25 мая (Будапешт)¹

Вчера вечером был на этапе – пришлось, для того, чтобы немного парализовать ту ерунду, которую распространяли про невозможность для меня приезда в Венгрию – немного спровоцировать. Поехал туда в форме (в первый, а, может, и в последний раз надел генеральскую форму), и Иловайский говорил, что я приехал откуда-то от «министров».

Тяжело здесь офицером, работа только физическая и трудная, никакого просвета и никакой возможности даже одеться. Отношение со стороны венгров хорошее – это говорят все в один голос...

Подошел казак Егоров, говорит: Ваше Превосходительство, а когда же домой, молодой я, умирать не хочется на чужой земле, всего 23 года мне, а начинается чахотка...

Говорил собравшимся о положении, все ждут только одного, когда же конец, а только на это и не ответишь.

Спросили о том, как относиться к Кирилловцам, ответил, что своего взгляда не имею, но что Главнокомандующий письмо Обручева² подшил к делу (спросили и только?), что бороться и поносить Великого Князя Главнокомандующий не позволяет, так как если он не глава всего, то он все же Великий Князь... Категорически отверг предположения о помощи Кириллу со стороны немцев, указав, что тем и самим-то далеко до решения монархических задач...

Потом отдельно ко мне подошел капитан Сорокин и спросил, что де я говорил, что не надо ругать Кирилла, а те, кто его ругают, говорят, что он со своим полком ходил к думе с красным флагом... Ответил ему, что это совершенно верно и сделано это было ДО отречения Государя... Но ругать все же не рекомендовал.

Комендант жаловался, что сделанного около барака из камней орла уже 3 раза разбирали, галлиполийского же креста не трогали... Спросил, кого подозревают, и получил удивительный ответ, что живущих на этапе кириллистов, действующих провокационно с целью доказать «демократичность» этапа...

Борьба кириллистов против нас началась с моего приказа, который я отдал накануне прошлого отъезда в развитие приказа 82 о том, чтобы офицеры вышли из политических организаций – все галлиполийцы и вышли...

Сегодня чуть не пошел в церковь, но что-то неясное мне помешало, какое-то предчувствие, оказалось, что там, в соборе, все Монтекки... Сегодня день именин или рождения Кирилла... было бы глупо и уходить, и остаться.

Но как все пошло – во всем Будапеште в монархическое объединение вошло 60 человек, это из колонии человек в 800... а столько шуму.

Прочел несколько номеров «Веры и Верности», стало грустно... Кириллисты не говорят, а шипят на всех, в их числе все отторженные от нас, бывшие члены союза Русского народа (это с либеральным-то Кириллом нелепо), и кричат опять о преданности и бьют себя в перси... Всех не с ними идущих поносят последними, чуть ли не площадными словами... Это вместо привлечения дает только безнадежное отделение всех... Я считаю, что они постепенно нивелируют монархическое движение, и в случае смерти Николая Николаевича национальное движение пойдет по бонапартистским путям, недаром кириллисты в своей печати и Наполеона ругают³...

Но стройность военной организации в эмиграции, то есть единственное, что было организовано, нарушена, выгонят из одной – идет в другую...

Но надо, чтобы при Николае Николаевиче успели бы совершенно откристаллизироваться те, которые остались с нами – своими действиями кириллисты этому очень помогают.

Может, и прав И.А. Ильин, что Петру Николаевичу надо было пройти через подчинение Н.Н., хотя бы и номинально, – это пока его укрывает от нападков и дает пользование чужим авторитетом, пока свой еще не окрепнет.

Говори кириллисты об объединении отдельных родственных течений, они были бы гораздо сильнее.

В.П. Агапеев снял свою фамилию с 38 номера газеты⁴...

Примечания

¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 15. Л. 55–57.

² ОБРУЧЕВ Николай Афанасьевич, генерал-лейтенант (1864–1929), представитель великого князя Кирилла Владимировича в Королевстве СХС.

³ А. фон Лампе уделял большое внимание перспективам бонапартистского поворота по аналогии с Французской революцией: «Мне кажется, что мо-

нархистам придется перейти к идеям прямого бонапартизма, то есть признать царем того, кто будет иметь силу и дерзость им сделаться, в этом случае наше эмигрантское положение плохо, так как конечно это возможно только внутри самой России!! Ну да все равно, пусть хоть Буденный или Тухачевский!» (ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 10. Л. 94). Особенно большие надежды в этом отношении возлагал на Тухачевского, как его бывшему однополчанину по Семеновскому полку. В этом, несомненно, играли роль слухи, распространенные агентами ИНО ОГПУ о популярности в рядах Красной Армии Тухачевского и о его якобы бонапартистских настроениях.

⁴ Имеется в виду газета «Вера и Верность»

ИЛЬИН Иван Александрович (1883–1954), русский общественный деятель, философ. Был выслан из Советской России в 1922 вместе с 160 другими членами русской научной и духовной элиты. Его считали одним из главных идеологов белой эмиграции. В эмиграции жил в Германии, затем Швейцарии.

АГАПЕЕВ Владимир Петрович, генерал-лейтенант (1876–1956), русский военный деятель, участник русско-японской и Первой мировой войн. В 1918 г. вместе с А. фон Лампе и Б. Штейфоном был членом харьковского подпольного центра. С 1919 г. военный представитель ВСЮР в Константинополе, из этой должности уволен Врангелем. В эмиграции жил в КСХС, после Второй мировой войны в Чили и в Аргентине.

26, 27, 28 и 29 мая (Будапешт)¹

Вчера я был принят министром государственной обороны графом Чаки. Заставил он меня прождать довольно долго, но с большими извинениями своего полковника и др., потому что самому Чаки пришлось поехать в Министерство иностранных дел.

Вернувшись обратно, он принял меня первым из числа ожидавших, хотя я пришел позже других – в нашем положении приходится и это отмечать...

Я ему представился и начал рассказывать, как мною организованы офицеры и вообще военнослужащие в Венгрии, то есть о союзе, станице и галлиполийцах – все это, по моему мнению, его интересовало мало... Сказал ему и о не признающей меня на политической почве группе, но не распространялся на эту тему. Между прочим, Шульгин сказал Маламе, что «запись в корпус идет превосходно, так как уже записалось 40 человек»... а он требует от меня выписываться, и выписалось всего восемь.

Все это бахвальство – сегодня прочел в «Вере и Верности» заявление местных монархистов за подписями Шмемана и иных

положить жизнь свою за Блюстителя – звучит гордо, но ведь из монархически настроенной русской колонии в Будапеште в этом объединении всего 58 человек с женщинами и детьми... Не таково ли и заявление Обручева, что в Сербии к нему обращаются многочисленные генералы и штаб-офицеры. Все провокация, и добросовестные в первую голову провоцируют самих же себя, а дело борьбы с большевиками рушат.

Продолжая разговор с Чаки, я получил от него только два вопроса: почему Врангель со штабом переехал в Париж (так было написано в газетах) и в каких я отношениях с Волконским... Ответ на оба вопроса понятен.

Заявив ему, что у меня к нему два письма – по делу Исаева и доносов, – я их ему передал². Разговор длился минут 25, особого интереса не дал, что я и ожидал, никаких животрепещущих тем не задевал, а этого ждали и Волконский, и Иловайский, по видимому, поддавшись местным настроениям.

Чаки был вежлив и любезен, он не производит впечатление генерала, да к тому же он был и в штатском. Русские, по видимому, его интересуют мало – не в нас сейчас центр.

Пока кирилловцы ломают свои копья с правыми же – не сегодня-завтра кабинет Эррио³ во Франции признает большевиков и выведет свои части из Рура – последнее обездолит наших офицеров, работающих на заводах, так как во Францию хлынут обратно французские рабочие...

26-го на собранном мною заседании правления офицерского союза было без всяких прений постановлено, что пора перейти от выбираемого председателя к назначаемому, в моем лице⁴. Считаю это фикцией, но так как это совпадет с желанием Главкомандующего, то я согласился... Это будет основой для примера иных союзов, но это тоже маневр кирилловского типа, так как союз, в сущности говоря, состоит из офицеров-галлиполийцев, для которых никакого выборного начала не надо.

Но думаю, что в Германии ВМС такого решения провести в жизнь не допустит, и, хотя перетянуть можем мы, но я не думаю, чтобы такой вопрос можно было ставить на риск и на дебаты...

Сегодня одиннадцать лет смерти папы...

Примечания

¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 15. Л. 57–59.

² Смотри письмо А.А. фон Лампе графу К. Чаки Берлин, от 4 мая 1924 г. и комментарии к нему! Документ № 71 в приложении. Инициалы, биографические данные полковника Исаева выяснить не удалось.

³ ЭРРИО Эдвард (1872–1957), французский политический деятель. Премьер-министр и министр иностранных дел целого ряда правительств межвоенного периода. Был известен о своих просоветских настроениях.

⁴ Смотри об этом документы № 77–78 в приложении и комментарии к ним.

30 и 31 мая (Будапешт)¹

Сегодня прошел наверх по поводу все тех же сфабрикованных документов² и был сначала у Ракоши, фамилию которого Тер-Матеузов всадил, по-видимому, потому, что Ракоши к нему относился плохо, – это Ракоши очень взволновало, и он этого дела так не оставит... С ним вместе и по его уговору, что вполне входило в мои планы, мы прошли к начальнику разведки полковнику Стояковичу, который многое уже знал. Он мне сказал, что сразу выяснил грубость подделки т. д. – сказал, что экспертиза установила также и идентичность почерка Симонова на регистрационном листе и на доносах... Словом, каша заварилась, и Ракоши ее так не оставит...

Симонов сегодня представил мне свой рапорт, в котором письменно показывает, почему и как он писал доносы... Стоякович, которому я перевел сразу с русского текста по-немецки, сказал, что высылка обоих – это самое малое, что может быть... Думаю, однако, что до этого далеко, так как низы контрразведки могут оказаться замешанными в проделках Тер-Матеузова и могут его покрыть... Да и монархисты сдуру тоже за него не заступятся...

Но из разговоров с ними мне ясно, что доносы о том, что мы с Антантой, были и еще...

Говорили и о большевиках – они того же мнения, что Венгрии не избежать общеповального признания большевиков и этим видимо искренно не обрадованы...

Если они выселят Матеузова, то, конечно, это будет тоже объяснено моей борьбой против кириллистов... надо будет поговорить об этом в Берлине с Сахаровым, чтобы он просмотрел переписку³...

[...]

Примечания

¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 15. Л. 59–60.

² Смотри об этом документы № 73–76 в приложении и комментарии к ним.

³ В итоге А. фон Лампе не удалось достигнуть своей главной цели, удаления главного инициатора распрей и провокатора с Венгрии, как об этом свидетельствует его дневниковая запись от 13 июня: «Министерство реагирует на мои бумаги об Исаеве, Тер-Матеузове и Симонове – кажется высылкой... Симонова. Это неожиданно и неприятно, но я не сомневаюсь, что я добился иного – дешифровал венграм Матеузова и ликвидировал его, как их агента. Большого добиться, конечно, трудно, да и почвы уж очень мало, все тает и тает, опоры нет и то, слава Богу, что мой приезд заставляет кирилловцев притихнуть... после моего отъезда опять распоясаются» (ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 15. Л. 68).

23, 24 июля (Берлин)¹

[...]

Что касается до Венгрии, то против сокращения там я имею только усиление работы кириллистов, но, в общем, все же это антибольшевики и лучше они, чем ничего!

Написал это и невольно подумал, что, пожалуй, лучше именно ничего, так как насколько я их понимаю – они меньше всего работают на Россию, а взяв от старого только плохое – всеми силами стараются втереть очки Кириллу и по сути дела, в этом наружном усердии, так и не доходят. А может, это у меня партийное отрицание...

Во всяком случае, Шмеман, Шульгин и кампания будет очень довольна тем, что мы уйдем из Венгрии и очистим им поле деятельности – надо сказать, что венграм нужны именно авантюристы вроде Голицына-Муравлина, чтобы действовать на их воображение всеми теми баснями и прямой ложью, на которую эти типы способны.

Но, во всяком случае, в интересах лояльных русских, и главным образом Галлиполийцев, надо создать организацию, которая их бы поддержала с нашим уходом! Иначе наших заключут, так как совратить их не удастся.

А, в общем, в Венгрии сделались «кириллистами» генералы Шульгин, Данилов и Хильченко, полковники Хрипунов и Оболенский, подполковник Максимов, капитан Аракелов, ротмистр Тер-Матеузов, поручик Максимов, корнет Сулима-Самойло, хорунжий Звездин, подесаул Каракулин, кажется, еще одного пропустил... да, поручик Назаренко!²

Немного для страны, от которой ждали главных контингентов для новой «армии»!

А постановления оттуда идут как от массы народа – по моему, Кирилл Владимирович ими просто обморочен! А на это они все мастера!

В общем же «кириллизм» затихает.

Примечания

¹ ГА РФ Ф. 5853. Оп. 1. Д. 16. Л. 18.

² ЗВЕЗДИН Емельян Поликарпович, казак, хорунжий, в середине 1920-х гг. в чине есаула атаман казачьей станицы в Венгрии.

Инициалы и биографические данные других лиц, кроме упомянутых уже выше, не установлены.

21 сентября (Будапешт)¹

Снова в Будапеште. Окунулся в местную жизнь. Благодаря приглашению Волконского, получил у него прекрасное помещение и молю Бога, чтобы он до моего отъезда комнаты не сдал...

Колония, несомненно, умирает и «власть» как зрелый плод попадет в руки кириллистов, так как они, живя по магнатам на хлебах, могут здесь оставаться.

Уезжают понемногу все: Малама, Гейден, Андерсен и т. д. Уезжают Иловайские, Волконские... Русская колония в Будапеште доживает свои последние дни. Офицерство стремится во Францию, в воздухе носится о признании советского правительства. Оскандалились венгры, все слова и Хорти и министров

о том, что-де, мол, Венгрия признает Совдепию последней, оказались только словами и все склонились перед необходимостью дать заказы четырём венгерским заводам.

Оригинальна мне фигура Граца: министр иностранных дел, приветствовавший меня как представителя Врангеля, политический деятель всеми мерами проводивший Карла IV. на престол при его второй попытке, агитатор за признание большевиков и первый кандидат в послы для Москвы²...

Здесь ходят слухи о 300 визах, которые затребовали большевики, о доме, который они покупают и т. д. Любопытен бы я был видеть большевистского представителя в разговоре с Хорти...

Я бы на месте большевиков послал в Венгрию какого-либо старого дипломата, титулованного... недаром родные Волконского венгры говорили ему, что, в сущности, говоря он должен быть советским представителем в Венгрии...

Но несомненно, что договор заключенный Канья с Крестинским заключен, и следствия его не замедлят³...

Примечания

¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 16. Л. 80–81.

² Смотри об этом документ № 85 в приложении и комментарии к нему.

³ 12 сентября 1924 г. в Берлине Калман Канья и Николай Крестинский подписали два договора об установлении дипломатических и торговых отношений между Советским Союзом и Венгерским Королевством. Договоры подлежали ратификации двух правительств. Факт заключения договоров и возможность появления советского представителя в Будапеште стали предметом острых дебатов в венгерской политической жизни, и как это выясняется из дневника А. фон Лампе, вызвали серьезные опасения в среде белой эмиграции в Венгрии.

Слухи о 300 визах были лишены всякой реальной основы. На берлинских переговорах одним из самых острых вопросов была именно численность персонала представительств. Венгры из-за опасения большевистской пропаганды старались свести к минимуму число лиц, могущих пользоваться дипломатическим иммунитетом, советская же сторона не считала нужным заранее урегулировать этот вопрос. Наконец Крестинский и Канья обменялись секретными письмами, в которых, ссылаясь на квартирную нужду в обеих столицах установили, что численность сотрудников советского полпредства в Будапеште не будет превышать 14 лиц, а венгерского персонала в Москве 8–10 лиц (См. об этом: *Kolontári*, 2010. С. 77–78).

КРЕСТИНСКИЙ Николай Николаевич (1877–1938), советский революционер и дипломат. С 1919 по 1921 г. член большевистского руководства, с 1921 г. – советский полпред в Берлине, с 1930 по 1937 г. – заместитель народного комиссара по иностранным делам. В 1938 г. в показательном процессе «лидеров правого уклона», вместе с Бухариным и другими обвиняемыми, осужден и расстрелян.

23 сентября (Будапешт)¹

По газетам Кирилл прокламировал себя Царем, при чем тут же правителем канцелярии заявлено, что это только для русских, а для иностранцев он продолжает называться Великим Князем.

Я не могу понять, зачем он это делает – даже если все русские его признают, то, что это ему даст... ровно ничего, а так это только смешно и дискредитирует не только его, что было бы его личным делом, а и самую идею...

Ужасно это нелепо. По-моему, это вроде моего производства в генералы – называют ближайшие превосходительством, так его будут титуловать близкие Величеством...

В Будапеште его представители отличаются тем, что все живут на содержании венгров... вернее те, что жили, стали представителями Кирилла...

Ликвидирую миссию, к началу октября все закончу и хочу вернуться в Берлин.

Интересно мне, как примет меня Хорти и... примет ли: так как ему едва ли приятно все, что делается для впуска большевиков в Венгрию.

Примечания

¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 16. Л. 81.

24, 25 сентября (Будапешт)¹

Чем дальше я думаю, тем меньше я могу понять образ мышления венгерских верхов – допустить коммунистическое и при том богатое представительство в страну, свергнутую коммунистическую власть и при том условии, что в низах еще не остыли

воспоминания о коммунистическом приволье, при том, что низы считают признание большевиков союзом с Россией – право далее идти трудно и опасно.

Над домом советского представительства будет развиваться флаг, запрещенный для жителей страны... какой соблазн...

Есть слухи, что большевики покупают громадный дом «Клотильда Палято», дворец внучки Франца Иосифа на Аппонитер, в лучшем месте Пешта²...

Словом полная неразбериха, которая должна иметь скверный исход. Хорти, человек типа Деникина или Врангеля, жмуший руку советскому представителю, таких кульбитов история не прощает.

Руководство и Союзом и Галлиполийцами я объединяю в одних руках – довольно слабого, но вполне приличного человека, Волынского полка полковника Соколова³. Все это будет умирать.

Имеющиеся в миссии три револьвера я передаю на хранение старшему галлиполийцу... сохранит ли?

Ликвидирую дела, просматриваю переписку – жаль разрушать то, что сделано моими руками из ничего...

Вчера снялись втроем: Волконский – дипломатический представитель, Малама – Краснокрестный и я – военный. Невероятно по всем временам, мирному и послереволюционному. Подпись: «И небывалое бывает».

Примечания

¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 16. Л. 83.

² Дворцы-близнецы в Пеште у моста Эржебет были построены на пороге XIX–XX веков по заказу эрцгерцогини Клотильды. Сведения о дворцах, как зданиях советского полпредства тоже были лишены всякой реальной основы.

Эрцгерцогиня Клотильда Саксон-Кобург-Готская (1846–1927), жена эрцгерцога Иосифа Карла Габсбурга из венгерской ветви Габсбургов. После свадьбы в 1864 г. супруги жили в Венгрии. На самом деле она не была внучкой императора-короля Франца Иосифа I.

³ СОКОЛОВ Анатолий Александрович, полковник (?–1931), в 1917–1918 гг. командир Лейб-Гвардии Волынского полка. В эмиграции жил в Венгрии, был председателем Союза Русских Офицеров в Королевстве Венгерском и Общества Галлиполийцев в Королевстве Венгерском. По данным С.В. Волкова он утонул в Дунае в 1931 г. в Будапеште (Волков С.В. Офице-

ры Российской гвардии. – М., 2002; <http://rosgenea.ru/?alf=18&page=12&serchcatal=%D1%EE%EA%EE%EB%EE%E2&radiobutton=4>).

26, 27 сентября (Будапешт)¹

26-го вместе с князем Волконским проехал в Балатонлелле к генералу Деникину.

По-видимому, наш неожиданный приезд, хотя мы остановились не у него, а в пансионе рядом, был не очень приятен для его жены и она сначала сделал вид, что ее нет дома, только потом, несколько принарядившись, вышла к нам...

Он сильно постарел... выглядит плохо, щеки ввалились. По-видимому, очень волнуется за свою работу, которую он довел до первого выпуска четвертого тома, чтобы избежать названия том пятый. Он делает очень большую работу, так как пишет не воспоминания, а историю по тем документам, которые оказались у него в руках.

Обстановка для работы тяжелая, так как жена по-видимому, совершенно не считается ни с значением работы для истории, ни даже для семьи, так как, конечно, семья живет на этот труд... тип она конечно отрицательный, женщина неуравновешенная и взбалмошная, при этом слишком для него молодая и довольно интересная²... что он будет делать, когда кончит свою работу – перед ним станет вопрос о существовании и заполнении его... он может сильно сдать в этот момент и даже более чем сдать.

Все утро 27-го проговорили с ним. Он спрашивал про Азбуку, про помещение в нашей газете его аграрной программы, вокруг чего у нас тогда разгорелись страсти... об этом в делах нашлась записка, составленная, по-видимому, А.А. Васильевым³...

Сказал ему о том, что у Врангеля 13 книг дневника, это его видимо поразило.

Расспрашивал про армию и про новую организацию союзов, про материальное обеспечение, не утерпел не сказать, что первый год на Галлиполи письма к нему не допускались... По-видимому, в своей пропаже писем в Нови сад, тоже готов видеть руку командования...

Он очень узок, да и жизнь он ведет такую, что широким не станешь – не выйдя за ворота своего дома.

Поехал я к нему только потому, что у него начало проскальзывать мнение, что я не еду, потому что меня «Врангель не пускает...». Какая узость... В общем, я рад, что съездил, но интересного мне эта поездка не дала.

[...]

Примечания

¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 16. Л. 84–85.

² В письме П.А. Кусонскому А. фон Лампе отзывается о жене Деникина в таком же несдержанном духе: «Но знаешь, с такой женой подашься! Вот баба – просто аспид! Даже он сам не выдержал ее бестактностей и, набравшись духу, стукнул ее при нас... воображаю, как ему потом попало! Но и портила же она ему, наверное, в свое время! Как будто для контраста, через три дня после этого видел в Будапеште Ольгу Михайловну [жена Врангеля] – вот сравнение для нее более чем выгодное... прямо земля и небо!» (ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 18. Л. 169).

³ Азбука – тайная разведывательная организация белого движения, созданная В.В. Шульгиным, в рамках которой действовал и Харьковский центр во главе с Б. Штейфоном и А. фон Лампе. В абзаце речь идет о газете «Великая Россия», основателем и редактором которой явился А. фон Лампе.

1 октября (Будапешт)¹

Сегодня «заколотил гроб» все дела заколочены в ящик... кончился активный период действия в Будапеште... грустно стало, много вложено в это труда, нервов и души... делал я все истово и действительно мне тяжело это ликвидировать...

Архив приготовлен хорошо, будущий историк будет мне благодарен, хотя самое интересное осталось у меня в так называемом «особо секретном» первом деле...

От Хорти все нет ответа... странно это, можно принять или не принять, но надо же что-либо ответить.

В полиции у Хетени, такого ярого антикоммуниста, каких я мало встречал – уже недоразумения, не дают даже Нансеновских паспортов, то есть именно того, что создано для эмигрантов в противовес советским паспортам, а говорят, чтобы подождали прибытия большевиков... есть и недовольные, но я думаю, что то, что говорил мне Бибишка Сечени², то есть, что большевиков

пробуждающиеся венгры встретят сразу в палки, это неверно, не тот они народ и только, а жиды, которых здесь без конца и без краю, побегут к большевикам³...

Относительно «Клотильда палотто» уже не говорят, что его купят большевики и даже венгерские газеты пишут, что его покупает... Волконский... с эмиграцией. Пожалуй, что за ним останется название русского дома.

Вчера провел первое и последнее заседание правления союза офицеров, так как назначил председателем полковника Волинского полка, Соколова.

Оригинальное решение вынесло правление при поддержке массы членов – из 900 франков, что есть у союза, организовать объединение, которое связать с проводами Иловайского и истратить на это по 25.000 крон с человека, добавив на каждого еще по 35.000, то есть истратить 450 франков...

И при этом все говорят о том, что уезжающие действительно нуждаются в поддержке, но так как де, мол, всем не поможешь, то лучше всего пропить... Я определенно восстал против этого и даже не поставил на голосование вопроса, а прямо сказал, что не могу дать на пропой денег, которые с таким трудом добываются Командованием... это не парламентарно, но правильно. Никто не мог привести доводов против, но все были недовольны...

Сегодня канцелярия закрылась... остались визиты и перебриска наших во Францию... с этого начал в Венгрии, этим же и кончаю.

Стоило хлопотать о приеме...

Все разговоры о том, что де, мол, дипломатической советской миссии не будет, а будет только торговая, пошли прахом. Дарувари, министр иностранных дел, на днях говорил, что вопрос уже решен положительно...

Я передал на этап для хранения два запечатанных нагана...

Десять тетрадей дневников оставляю здесь – постепенно прошу Розена их мне переслать через курьеров, если они будут продолжать нам делать это одолжение. Надо бы побольше взять их собою... но и так не мало всего придется вести и без них.

Становится труднее ездить по Европе – чехи виз не дают совсем, австрийцы, по-видимому, не дали бы новой дипломатиче-

ской визы, так как лэссэ пассэ уже не делают... переходим на беженское положение...

[...]

Примечания

¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 18. Л. 5–6.

² Не ясно, о каком именно члене графской фамилии Сечени идет речь.

³ ХЕТЕНИ Имре (1871–1946), юрист, с 1922 г. – заместитель начальника полиции Будапешта, начальник политического отдела. Под его руководством полиция достаточно успешно раскрывала попытки организации коммунистического подполья в Венгрии. Одновременно с этим Хетени старался сурово выступать и против крайних правых, венгерских нилашистов, арестовав их представителей. Все это привело к его увольнению со службы. С 1938 г. на пенсии.

2, 3, 4, 5 октября (Будапешт)¹

В четверг, второго октября меня принял, я думаю, что в последний раз, адмирал Хорти². Прием был назначен не в Гедело, где он живет, а во дворец в Будапеште. Это меня устроило, но навсегда закрыло возможность «видеть меня в среде своей семьи», как мне когда-то говорил сам Хорти.

Пришел я за 15 минут, он приехал из Гедело за 5 и с опозданием на 5 минут принял меня первым, несмотря на то, что ожидающие венгры были.

Когда я вошел, он начал с «либер Лампе», и выразил сожаление, что я по слухам, покидаю Венгрию... я передал ему письмо Врангеля (оно в приложении).

Пока он читал, я осмотрелся – обстановка все та же, типа большого штаба на маневрах или войне расположившегося во дворце, даже папиросы, по-прежнему, в простой коробке. Появился хороший письменный прибор...

Он начал с того, что стал мне говорить, что когда-то мы с ним думали, что все пойдет гораздо скорее, но на деле оказалось не так. Я сначала подумал, что это подход к оправданию переговоров с большевиками... но оказалось не так.

Он стал говорить о том, что существуют два начала, злое и доброе, что между ними идет борьба и все эти социал-демократы,

радикалы (черт их знает, как их там еще зовут), все это одна шайка и все это борется не за народы, как о том говорят, а только за свою власть и за власть жидов... Что должно победить начало доброе, но когда то это еще удастся, что Россия так громадна, что трудно что-либо предсказать...

Вновь говорил о своей мысли организации крестового похода против Москвы, и даже упомянул, что сказал об этом же французскому сенатору де-Монзи, который перед поездкой в Россию был у Хорти³...

Говорил, что дать государству скользнуть налево, это значит довести его до анархии, тогда, как скольжение вправо может только привести к диктатуре и в ней он видит только залог порядка. Вообще, по его мнению, идеал власти – это абсолютизм порядочного, энергичного и умного человека...

Говорил и о том, что современные властители живут не духовной жизнью, а только брюхом.

Вся эта маленькая лекция продолжалась более 15 минут и ничего нового мне не дала, и только все больше и больше увеличивало мое удивление тому, что при таких определенных взглядах правителя Венгрия может вести переговоры с большевиками и ждать приезда их представителей...

Однако и это выяснилось – он сам начал говорить мне, что я, вероятно, читал в газетах о том, что ведутся переговоры с большевиками, но я не должен думать, что он их хочет. Пока я жив, я руки коммунисту не подам... еще сегодня я буду иметь трудную борьбу по этому вопросу... последнее он прибавил с довольно озлобленным видом и резким тоном⁴...

Я решил, что судьба дает мне случай хоть немного повлиять на историю и поставил себя целью еще больше настроить его перед этим решительным заседанием...

Во-первых, я установил его согласие на новый порядок представительства, на что он ответил, что рад будет со мною видаться, когда я буду приезжать в Венгрию, установил его согласие и на то, чтобы я продолжал руководить союзами – словом установил все то, что было в письме Главнокомандующего.

После этого я определенным тоном сказал ему, что мы надежды на успех не теряем, сознаем трудности, концентрируем силы и средства, но борьбу ведем и ее выиграем... да простит мне Бог,

тут было и восстание в Грузии и наша связь с ним, и волнения в голодных районах, в частях красной армии, наше влияние на это.

Было и полное описание работы, которой занимаются большевистские представители в пределах иностранных государств, было и о том, что они не интересуются жизнью русской колонии, что их задача только мировая революция и ее пропаганда, что я успокаивал русских в Венгрии, чтобы они не беспокоились и когда большевики придут в Венгрию... они не придут... резко перебил меня Хорти... это было замечательно хорошо и все, что мне было нужно было услышать... во время разговора, который, в общем, длился 35 минут, два раза входил адъютант, что-то докладывал по-венгерски и Хорти начал проявлять признаки нетерпения... я понял, что надо кончать и замолчал⁵.

Хорти встал, долго жал мне руку двумя руками, просил передать его сердечнейший привет Врангелю, но... ничего не сказал о старом проекте перемещения его в страну... никак не реагировал на мое напоминание через начальника канцелярии об ордене и о моем желании иметь портрет правителя...

Конечно это все слова и только, но настроение Хорти значительно.

После приема я проехал к Розенам. Да, забыл отметить, что на мой запрос о том, надо ли мне быть в форме или в штатском – мне было сказано, что это всецело предоставляется мне, и я могу поступать, как мне приятнее. Приятнее мне было ехать в штатском, и я поехал... в форме, конечно.

Не в последний ли раз я ее надеваю...

У Розена мы имели совещание с Волконским и Малама о том, что надо нажимать в вопросе о делегации⁶. Волконский хотел ожидать ответа, но я настоял на том, чтобы требовать приема в министерстве иностранных дел. Дарувари – министр оказался больным, Канья – его товарищ, только что подписавший в Берлине договор с Крестинским, слишком занятым и нас принял граф Амбрози, начальник политической части⁷...

Из разговора с ним выяснилось, что Министерство внутренних дел назначило комиссаром по русскому вопросу Пьячека, друга Голицына, Шмемана и др., но Министерство иностранных дел считает его слишком молодым, хотя учитывает его знание русских и его приемлемость для них... дальше выяснилось, что

в делегацию хотят войти Шульгин и Шмеман... мы все молчали и, наконец, я не выдержал, и к ужасу князя прямо и определенно сказал, что это решение совершенно неправильно, что это ошибка, что Шмеман и др., это маленькая группа, что Пьячек известен и приемлем только ей, что такое решение вопроса невозможно для русской колонии... словом отпалил все...

Дальше пошло легче и на попытку Амбрози заявить, что самое лучшее замещать выборным лицом – ему как дважды два доказали, что Малама выбирается уже четыре года... удивительный народ, у них интригой все можно сделать, несмотря на то, что мы признаны, с нами имели и имеют дела, что у нас все в руках, они под влиянием графа Куна, у которого живет нахлебником Шмеман, готовы идти с кем угодно⁸...

Прием этот был в пятницу, 3-го, а к вечеру распространились слухи об уходе Канья... не результат ли это «борьбы» Хорти...

Вечером в пятницу были проводы Иловайского. Собралось свыше сорока человек, много говорили, пришлось говорить и мне... Говорили довольно сердечно, трогали и меня конечно и в результате я сказал, что так я почтенный галлиполиец, то я им от души желаю, чтобы это кончилось так же, как мое почтенное казачество в Берлине, чтобы я остался единственным галлиполиейцем в Венгрии, так же, как остался единственным казаком в Германии...

При стремлении всех уехать, это имело успех.

[...]

Примечания

¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 18. Л. 6–10.

² Смотри еще об этом документ № 85 в приложении.

³ МОНЗИ Анато́л де (1876–1947), французский политический и общественный деятель, сенатор, был министром финансов, юстиции, образования и искусств в разных французских правительствах. С 1924 по 1927 г. руководил деятельностью правительственной комиссии по русским делам.

⁴ Из дневника приемов адмирала Хорти мы знаем, что непосредственно после принятия А. фон Лампе Правитель действительно принял премьер-министра, графа Бетлена в сопровождении Калмана Канья. Последний подписал от имени венгерского правительства соглашение с заместителем наркома иностранных дел СССР Николаем Крестинским. Хотя мы, к сожалению, не знаем точно содержание их беседы, но совершенно обоснованно можем предполагать, что главным предметом обсуждений был, безусловно,

берлинский договор и вопрос о признании СССР Венгрии (MOL K-589-x4233-37. sim. – III. Л. 214).

⁵ Адьютант, по всей вероятности, докладывал Хорти о прибытии Бетлена и Канья.

⁶ О переходе на «делегацию» смотри документы № 79, 80, 81, 85 в приложении и комментарии к ним!

⁷ АМБРОЗИ Лайош, граф (1868–1945), окончил консульскую академию в Вене, был сотрудником ряда дипломатических представительств Австро-Венгерской монархии, в том числе в Бухаресте, в Вашингтоне, в Риме. Был директором кабинета министра, с 1925 по 1932 г. посланник в Вене.

⁸ Шмеман на самом деле устроился у брата графа Шандора Куна-Хедервари, у Кароя Куна-Хедервари в его замке Хедервар, зато эта связь открыла ему и его кругу двери в Министерстве иностранных дел. Оба брата Кун-Хедервари имели хорошие отношения с членами «кирилловской эмиграции» в Венгрии, что неоднократно вызывало критические заметки А. фон Лампе в своих письмах и дневниковых записях.

КУН-ХЕДЕРВАРИ, Карой, граф (1887–1960), помещик. В Первой мировой войне служил на русском и румынском участках фронта, окончил службу в чине старшего лейтенанта кавалерии. Один из лидеров венгерского скаутского движения. Член и главный нотариус верхней палаты.

6 октября (Будапешт)¹

Волконский все уговаривает меня остаться здесь до получения ответа от Министерства иностранных дел по вопросу делегации. Я не могу с ним не согласиться, что мое присутствие в том случае, если венгры пожелают включить в делегацию кого-либо вроде Шмемана или Шульгина, будет очень полезно, но я знаю, что при бесконечной медленности и тягучести венгерского аппарата, можно не получить ответа и до ноября... никаких гарантий нет – дело тянется с июля, почему бы ему не дотянуться и до ноября. Если придет такой ответ, то я возражу резко и определенно, заявив о невозможности для меня работать с господами, работающими на разъединение русской эмиграции в Венгрии и ее не представляющие...

Я ничем не рискую, Хорти на словах признал мое положение, это значит довольно мало, но все же значит кое-что...

Я готов остаться на пару дней, но беда в том, что я уже написал Тате о том, что я собираюсь выехать седьмого...

А слухи о том, что в переговорах с большевиками или вернее в отношении венгров к результатам этих переговоров, наступает ухудшение (улучшение по-нашему) растут. Кажется «борьба», про которую говорил Хорти, действительный факт и надежды не пропали...

Примечания

¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 18. Л. 10.

7, 8 октября (Будапешт)¹

Вчера был торжественный вечер у Эрцгерцога Иосифа, по случаю приезда его только что женившегося сына, Фердинанда². Женился он на дочери Саксонского Короля и его жены Луизы, невеста очень хороша и... совсем не похожа ни на кого из высоко-рожденных, и понятно почему.

На улицах масса народу встречало новобрачных – мне кажется, что это возможно только в Венгрии, совсем по старому, они даже намеренно установили путь не по ближайшему направлению, а проехали по городу...

Вечером были званы Волконский, Малама, Розен и я... я не пошел, чтобы не форсировать события моей формой, а фрака у меня нет. Волконский в восторге от всеобщего к нему внимания, проявленного на почве борьбы, которая идет против ратификации договора с советами...

О нашем деле Амбрози сказал ему, что будет сделано так, как мы этого хотим... сходили мы и прорвался я вовремя...

Но меня радует другое – Экхардт Тибор, прежний друг Хорти, потом его оппозиционер, сказал при прениях в парламенте фразу, сказанную Хорти мне – лучший человек в Венгрии (Хорти), герой чего-то там, не пожмет руки коммунистам³... Нашли-таки точку соприкосновения именно на русском вопросе... около советского договора идет большая борьба и Хорти идет против него, Бетлен уже говорил о том, что советские представители будут взяты под контроль (хороша физиономия Москвы после этих слов...) По-видимому, судьба дала мне возможность действительно влезть ногой в историю – не сомневаюсь, что мой разго-

вор с Хорти, убежденным противником коммунистов и все то, что я ему говорил по поводу их деятельности за границей... было у него в голове во время той «битвы», которую он, несомненно, имел, и первой жертвой которой уже пал министр иностранных дел Дарувари, который был сторонником договора...⁴

Я с удовлетворением думаю, что моя поездка в Будапешт оправдала себя, и расходы на нее полностью оправданы...

А может статься, мне надо было идти вчера именно в форме, чтобы дать возможность Хорти проделать публичную демонстрацию...

Во всяком случае, это все очень любопытно. Слухи о 400 визах для большевиков в Венгрию в парламентских прениях переродились в... 14⁵.

Завтра еду домой, дал телеграмму Тате... как то я в этот раз очень по ней скучаю и с невыразимой нежностью вспоминаю все старое, и свадьбу, и Москву... очень я ее люблю... такой вставки в дневнике давно уже не было, надо же и личному отдать свое.

В последний раз пишу на этой машинке, сейчас перерыв до Берлина, так как сегодня уезжает Иловайский и ее увозит.

Я перешел с ним на ТЫ, почему то мне этого не хотелось делать, но мне казалось, что это его обижает. По-видимому, он доволен.

Сводил Розена в генеральный штаб к Стояковичу, там всецело и в большевистском, и в Шульгинском смысле на нашей стороне и обещают полную поддержку.

Немцов по пьяному делу сказал мне, что Шульгин ему говорил, что-де, мол, хорошо, что комендантом этапа назначен Соколов, который постоит в секретном списке кириллистов, что де этап «будет наш». Как мелки людишки, подумаешь – приобретение для русского «Императора» этап с 65 офицерами. Я убежден, что Немцов сказал мне правду, а Шульгин ему соврал...

Сегодня при Лукине поставлю вопрос Соколову ребром.

Оказывается местная присяга, которую Шульгин проделал в каком-то трактирчике, была местной инициативой, то есть подыгрыванием...

Кажется, в «Вере и верности» есть приказ Кирилла перестать лаяться со всеми инакомыслящими... мера правильная, но не запоздалая ли? Есть слухи о том, что в Императорской семье идут

обсуждения, как быть с последним манифестом – для меня несомненно, что семья должна высказаться.

Сегодня у меня свидание с Пронаи – я хочу сказать ему, в чем его задача, по моему мнению... может, что и выйдет. Восьмого октября я пригласил к себе полковников Лукина и Соколова и прямо предложил последнему вопрос о том, насколько правдивы слухи распускаемые Шульгиным о том, что Соколов состоит в секретных списках кириллистов... последний определенно отозвался об этом, как о лжи, что потом отдельно подтвердил мне и Лукин – таким образом я успокоил себя за будущее и дал определенно понять Соколову, по какой именно линии пойдет против него работа кириллистов, которым между прочим приказом самого Кирилла, напечатанном в «Вере и верности» (в приложении), запрещены полемика и выступления против инакомыслящих...

Днем после проводов Иловайского, на которых я намеренно был не уезжающим, как предполагал ранее, а только провожающим, чтобы не дать впечатления полного закрытия миссии, я проехал к полковнику Пронаи, который только теперь оправился от раны в голову полученной им недавно на дуэли.

Довольно таки туп он. Долго я ему объяснил, что от него требуется в случае появления большевиков в Венгрии... он все говорил о пропаганде против их появления, а я говорил о том, что нужно делать, если они появятся... кажется, в конце концов, уразумел суть дела, когда я все назвал своими именами⁶...

Представил Розена полковнику Стояковичу, начальнику разведки – там нас приняли хорошо, там понимают тактику Шульгина и компании.

Волконский встретил на улице Амбрози и выяснил, что только по венгерской части дело идет по-нашему, то есть не будет назначен Пьячек, друг Голицына и компании, но с русской стороны они хотят или передать все в Лигу Наций (так она и возьмет) или включить в делегацию одного кириллиста (самого безобидного – просил Амбрози), на чем настаивает Кун под давлением Шмемана.

Надо сознаться, что при создании общерусской делегации надо принять в ее состав все направления, потому я только поставил вопрос ребром о том, чтобы это не был Шульгин или Данилов, так как в этом случае я даже номинально в состав делегации не войду.

Наметили мы или Марьянова⁷, или Оболенского... на этом я и уехал, хорошо настроив провожающих меня Волконского и Малама на моей точке зрения...

В случае если дело сорвется, я буду настаивать на моей эмансипации в силу словесного согласия Хорти с письмом Врангеля к нему обо мне (в приложении)⁸, сообщенным мною военному министру...

Накануне отъезда князь в торжественной речи предложил мне перейти на Ты...

[...]

Примечания

¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 18. Л. 11–16.

² Правильно: ИОСИФ ФРАНЦ Эрцгерцог (1895–1957), старший сын эрцгерцога Иосифа Августа, в первой мировой войне служил капитаном в гусарском полку, в 1924 г. женился на АНУ МОНИКУ ПИЮ (1903–1976) из саксонской королевской семьи.

³ ЭХХАРДТ Тибор (1888–1972), венгерский политический деятель, в начале 1920-х начальник Бюро прессы кабинета премьер-министра, позже в оппозиции правительству, член Независимой партии мелких землевладельцев, в 1932–1940 гг. ее лидер. В 1940 г. по поручению Хорти и Телеки уехал в США с задачей подготовить создание венгерского эмигрантского правительства на случай немецкой оккупации страны. После 1945 г. стал одним из лидеров венгерской антикоммунистической эмиграции.

7 октября 1924 г. на первом заседании после летних каникул Национального Собрания, Эххардт выступил с большой речью против заключенных с СССР соглашений. Он тщательно подготовился к этому выступлению и перечислил целый ряд аргументов экономического, политического и морального характера, цитировал международную прессу, сводки о советской власти, привел статистические данные, с помощью которых старался доказать несостоятельность позиции сторонников договоров. Упомянутая А. фон Лампе часть в конце его речи звучала так: «Я не могу себе представить, чтобы герой Отранто, первый сын Венгрии [Хорти. – А.К.], стоял с глазу на глаз с человеком, руки которого запачканы кровью и подлостью, не могу представить, чтобы он пожал руки этого негодяя, кто является представителем развращенной бандитской шайки... Пусть это соглашение будет связан с именем премьер-министра страны, но венгерская нация его не одобряет. Этим соглашением господин премьер-министр, как и всей своей политикой, бросит страну в тину лжи». Заседание на самом деле имело весьма бурный характер, и во многом напоминала на настоящую борьбу, ораторов часто перебивали, в репликах депутаты друг друга не щадили. Борьба окончилась тем,

что Бетлен заявил: он не намерен ставить Национальное Собрание перед свершившимся фактом и своевременно представит соглашение с СССР на ратификацию парламента, и тогда депутаты будут иметь возможность детально обсуждать этот вопрос. После этого Эххардт сообщил, что принимает обещание премьер-министра к сведению и отказывается от своего требования немедленно, вне повестки дня приступить к обсуждению заключенных договоров (*Nemzetgyűlési Napló 1922–1927. T. 26. C. 17–40*).

⁴ В уходе Дарувари с поста министра более важную роль играло другое обстоятельство. Он появился на официальном приеме в честь чехословацкого национального праздника, что вызвало резкое отрицательное к нему отношение в парламенте и со стороны общественного мнения, так как Чехословакия считалась враждебным государством (*Hory András. Bukaresttől Varsóig. – Budapest: Gondolat, 1987. C. 175–176*).

⁵ Как об этом уже говорилось, в обмене секретными письмами стороны действительно условились, что численность персонала советского представительства в Будапеште не будет превышать 14 лиц.

⁶ Несколько позже в Берлине в своем дневнике А. фон Лампе уже высказывается более конкретно о содержании его разговора с Пронаи: «В конце концов, у меня возникают сомнения, не лучше ли было бы, чтобы большевики приехали в Будапешт – возрождающиеся венгры настолько хорошо ориентированы против них, что кроме скандала ждать от них ничего нельзя, возможно ожидать террористического акта, это – по-моему, нанесло бы большевикам бóльший моральный удар, чем не утверждение их договора с теми же венграми, запутано все стало теперь» (ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 16. Л. 76).

⁷ Инициалы и биографические данные Марьянова выяснить не удалось.

⁸ Смотря об этом документ № 83 в приложении и комментарии к нему.

1925

12, 13, 14 марта (Берлин)¹

Свершилось то, что давно уже должно было свершиться – наконец, кроме того словесного ответа, который дал (я это утверждаю) мне Хорти по письму Врангеля переданному мною 2-го октября, получены ответы (!) от Хорти Врангелю и от военного министра – мне с уведомлением, что так как организуется русский комитет Реймонда, то наши русские будут прекрасно обставлены (!), и мне надо вступить с ним в прямые переговоры, а деньги, которые поэтому останутся у командования, тратить на русских воинов, которым же всячески сочувствуется!²

Словом, положение совершенно ясное – надо ликвидировать наше представительство в Венгрии... Мне только одно неясно, почему это так – то есть естественное ли это последствие закрытий нашего с Волконским, боязнь ли помехи во время могущих продолжаться переговоров с большевиками или же работа «кириллистов» – последнее было бы очень обидным... Подробности в переписке, письма приведу здесь же на следующих страницах. Письмо Хорти в копии, с просьбой прислать мне подлинник...

Таким образом, без одного месяца, то есть с марта 1921 года я пробыл 4 года военным представителем в Венгрии. Конечно, если бы я был там, то все разрешалось бы несколько иначе...

Пройден еще один этап жизни! Прекратилась последняя виза дипломатического паспорта... понемногу приближаемся к беженскому состоянию!

В самом деле особых перемен это не вызовет – все было к этому готово, русским я останусь представителем, а все изменения надо отнести к октябрю прошлого года, когда фактически представительство перед венграми и прекратилось. В данном случае на пользу пойдет создание отделов Общевоинского союза...

Но все же, несмотря на все приготовления и сознания неизбежности случившегося, оно неприятно – не могу не отметить, что мое положение как военного представителя стало совершенно одинаково как в социалистической Германии, так и в «реакционной» Венгрии... это весьма, с моей точки зрения, показательно!!

Опять-таки в Венгрии все усложнилось тем, что я с 1922 года уже не живу там, а с октября 1924 года не имею и канцелярии. Но все же забавный исход нашли венгры – ответы в марте на письмо сентября!! Дипломаты!

[...]

Примечания

¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 19. Л. 95–95.

² Смотри об этом документы № 92–93 в приложении и комментарии к ним.

РЕЙМОНД Генри, представитель Венского представительства Бюро Нансена, биографические данные неизвестны.

29, 30 марта (Берлин)¹

[...]

Из Будапешта опять каскад сплетен – кириллисты опять говорят как шавки из-под ворот, когда хозяин ушел де, мол, миссию закрыли за работу против венгров (какой мне интерес), что де, мол, Иловайского и Гейдена выслали, а я не могу приехать... и действительно не могу, так как денег нет². Перед прошлым приездом говорилось, что меня чуть ли не расстреляли – потом я был у Хорти... Пришлось замолчать, а как отошел от дома, то опять старый лай!! Надо сказать, что мы никогда не опускались до такой грязи – никогда мы не позволяли себе вмешивать в наши русские распри венгров... стыдно как-то, порой прямо скрывали от них всю глупость наших же негодяев! Может статься, эта наша ошибка.

У меня чешутся руки в момент ликвидации моего представительства написать все откровенно, чтобы не было заблуждений по адресу наших русских находящихся в Венгрии – стыдно, а не-

обходимо, ведь опять у венгров одни проходимцы, там классическая страна для Бискупского, Комиссарова и т. п. сволочи!!

Примечания

¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 19. Л. 128–129.

² После закрытия военного представительства в Будапеште фон Лампе уже не мог рассчитывать на средства командования, несмотря на то, что в своих рапортах постоянно докладывал о необходимости поехать в Венгрию. По этому поводу еще в начале марта получил достаточно резкий ответ от П.А. Кусонского: «Можешь помочь Венгрии помощи – не можешь, так не можешь. Твои поездки в Венгрию совершенно отпадают» (ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 19. Л. 212).

15, 16 апреля (Берлин)¹

[...]

Кстати, о Хорти – по-видимому, мое предположение в моем № 528 (запомнил) оправдалось и мне пришлось сыграть роль в непризнании Венгрией советов... Хорти сдержал то, что он мне сказал – представители советов не будут в Будапеште! И, слава Богу – у меня получается чувство большого удовлетворения! Несомненно, он меня принял, чтобы настроиться еще более в том направлении, в котором ему и самому хотелось закрепиться².

[...]

Примечания

¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 20. Л. 55.

² Данная запись в дневнике является комментарием к вырезке газетного сообщения о расторжении заключенного в Берлине договора об установлении дипломатических отношений между СССР и Венгрией. В Будапеште не торопились с ратификацией договора, поэтому советское правительство 5-го апреля сообщило венграм, что оно может согласиться на «очередное» продление срока ратификации только в том случае, если из договора будет изъята статья о наибольшем благоприятствовании. В ответ венгерское правительство заявило, что без этой статьи оно не может ратифицировать соглашения, на что последовало сообщение из Москвы о расторжении договора (Kolontári, 2010. С. 85–85).

1926

28 июня (Берлин)¹

Сегодня пережил довольно неприятные минуты... Дело в том, что в выпадах против меня, как Кенкеля в Германии, так и неизвестного мне лица в Венгрии, всюду, конечно, с той же кирилло-большевистской подкладкой, говорилось о том, что я де, мол, «был выселен» из Венгрии и туда ехать не могу... тоже говорила и сволочь вроде Тер-Матеузова в Будапеште. Тогда я написал министру государственной обороны, гр. Чаки и получил от него ответ, который говорит, что де мол никогда я выслан не был, что могу всегда поехать в Венгрию и т. д... кроме того в этом духе была сделана заметка в «Пештер Ллойд»²...

Однако в отношениях с местным венгерским посольством была нехорошая нотка – советник посольства Гофман³, который сам предложил мне, что он будет делать мне переводы из венгерской прессы, сделал один, от другого отказался. Новый военный агент, который много помог Розену в Будапеште, приехав сюда, даже не загнул мне карточки⁴... посланник в Берлине Канья, который отлично меня знает по Будапешту!

Собираясь ехать в Мюнхен, я решил, на тот случай, что П.Н. [Врангель] соберется в Будапешт, на основании молений Жуковского и Малама⁵, или же согласится на мою поездку, так как до Мюнхена половина ее стоимости все равно израсходована, взять себе венгерскую визу, которая ранее давалась мне беспрепятственно на полгода, в последний раз была поставлена... в день обыска...

Пошел сегодня в посольство – ни Гофмана, ни Стояковича нет, оба в отпуску. Добился консула – тот начал расспрашивать, по каким делам я еду, и насколько времени – что уже было ненормально, потому что он держал в руках мой паспорт с шестимесячными визами, однако он говорил, что это потому, что Канья

будет спрашивать, в чем дело... Вернулся от него и сказал, что по теперешним строгостям необходимо запрашивать Будапешт, и они готовы на мой счет сделать это по телеграфу... Тогда я передал для доклада Канья письмо на мое имя от Чаки – консул опять пошел к нему и вернулся с тем же ответом. Тогда я сказал, что хочу говорить с Канья, консул меня предупредил, что тот сейчас выезжает, но я настоял и он спросил по телефону, говоря по-венгерски... Канья передал, что, к сожалению, он сейчас выезжает и потому не может меня принять... я отказался от запроса в Будапеште и ушел. У подъезда действительно стоял автомобиль Канья и ворота были отворены для выезда...

Такова фактическая сторона дела.

Когда посылают запрос о ком-либо, то это потому, что не знают, возможно ли впускать данное лицо в страну, применительно ко мне это конечно означает отказ. Кроме того, в Будапеште министерство иностранных дел, благодаря тому, что Шмеман с женою живет у холостого графа Куна, начальника политического отдела министерства – все время поддерживает кириллистов, а министерство военное – нас... Следовательно, запрос попал бы к Куну-Хедервари и я фактически рисковал получить отказ, который все равно немедленно стал бы известным кириллистам через Куна и Шмемана! На это я не пошел... тем более что мне нет необходимости ехать, и если П.Н. найдет это нужным, то тогда о визе нужно говорить из Венгрии и через военное министерство!

Но... все это мне более чем неприятно! Большое разочарование в венграх! Хорош и Канья, хотя, быть может это распоряжение именно от Куна... меня буквально передернула вся эта история! Конечно, плохо, что нет Абеле, но⁶...

А как грязны сами русские... борьба за «власть» в кавычках и полное не стеснение в способах и средствах интриги...

Все больше и больше становится стран, в которых местные власти просто шарахаются от русских и их междуусобных интриг!

Очень мне неприятно все происшедшее – прямого отказа я не получил, но близок от него был!

[...]

Примечания

¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 25. Л. 80–81.

² КЕНКЕЛЬ Эдуард (1876–1945), немецкий журналист, редактор, с 1925 по 1932 г. член прусского парламента.

Кенкель на основе информации полученных от некоторых членов русской эмиграции, опираясь на сфабрикованное большевистскими агентами т. н. «письмо Миллера» Алексею фон Лампе, выступил с обвинением по адресу последнего в шпионаже в пользу Франции и передаче секретных документов французскому генштабу. К этому Кенкель прибавил, что А. фон Лампе давно известен своей темной деятельностью и в 1922 г. он внезапно должен был выехать из Венгрии. В этой ситуации А. фон Лампе, С. Боткин и Ф. Шлиппе обратились письмом президенту и правительству Германии с опровержением обвинений. Расследование на самом деле выяснило полную несостоятельность обвинений Кенкеля и оправдало А. фон Лампе. В апреле 1926 г. Верховный Суд Германии принял решение не возбуждать уголовное дело против А. фон Лампе (*Киселев А.Ф.* (ред.). Политическая история эмиграции. 1920–1940. Документы и материалы. – М., 1999. С. 28–33, 67).

Кроме сделанных в Германии шагов А. фон Лампе обратился за помощью и к венгерскому правительству, поскольку обвинения Кенкеля касались и его деятельности в Венгрии. В венгерском военном министерстве не считали возможным слишком открытое выступление в защиту А. фон Лампе, в том числе отказались непосредственно вступить в контакт с немецкими властями с опровержением обвинений. Вместо этого было решено уведомить А. фон Лампе, что он не был выслан из Венгрии, что венгерские власти ничего против него не имеют, в шпионаже его не обвиняют и не обвиняли, и он может в любое время вернуться в страну. Наконец, предоставили Алексею фон Лампе использовать эти сообщения по его собственному усмотрению в ходе защиты и уполномочили его ко всему этому прибавить, что если кто-нибудь сомневается в его словах, он может обратиться к венгерским властям за необходимой информацией (НЛ 1925 VKF/2 titk. № 23.322 Л. 40–46). Министр обороны граф Чаки обо всем этом известил А. фон Лампе в письме от 22 октября 1925 года, и обратил его внимание на то, что в официозе венгерского правительства «Пештер Ллойд» от 3-го сентября была опубликована статья в этом же духе (ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 22. Л. 6). Кроме этого, бывший офицер связи Карой Косич отправил заверенное письмо в Берлин, в котором отрицал те слухи, что он разоблачил А. фон Лампе, как французского шпиона. Он довел до сведения германского суда, что фон Лампе из Венгрии выслан не был, против его деятельности венгерские власти никакой претензии не имели (ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 21. Л. 438).

³ ГОФМАН Шандор (1893–?), венгерский дипломат, с 1923 по 1927 г. служил в берлинском, с 1927 по 1934 г. в пражском посольствах. С 1941 г.

первый советник посольства в Берлине, с марта по октябрь 1944 г. ему поручалось руководство работой посольства.

⁴ Это было тем более обидно для А. фон Лампе, что новым военным агентом был ни кто иной, как полковник Дэме Стоякович, бывший начальник 2-го отдела венгерского генерального штаба, с кем у него раньше были хорошие связи еще с Будапештских времен.

⁵ О подготовке поездки Врангеля в Венгрию смотри документы № 102–108 в приложении и комментарии к ним.

А. фон Лампе в письме барону Розену от 23 июня 1926 г. поручил ему «срочно нащупать почву, как отнесся бы Правитель Венгрии, если бы мой непосредственный начальник проезжая через Венгрию, немного задержалась бы в Будапеште? Вы, конечно, понимаете, что меня интересует не безразличное его согласие, а нечто большее» (ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 27. Л. 144).

⁶ АБЕЛЕ-ЛИЛИЕНБЕРГ Ференц, барон (1875–1928), генерал-лейтенант, дипломат. В 1920-е годы скрытый военный агент в Берлине. Был в хороших отношениях с А. фон Лампе.

Одновременно с этим Абеле по поручению своего правительства держал связь и с представителями советского полпредства в Германии. Согласно устной договоренности, достигнутой на Генуэзской конференции между графом Банфи и Чичериным, и на встрече Калмана Канья с советским наркомом иностранных дел, Абеле был уполномочен провести обмен информацией с советскими военными и политическими деятелями о военном и политическом положении Румынии и обсуждать возможности сотрудничества против нее на основе общности интересов (Об этом смотри: *Kolontári*, 2010. С. 60–64).

1927

21, 22, 23, 24, 25 марта 1927 (Берлин)¹

Беспокоят меня визы в Венгрию, так как Шульгин и прочая сволочь умудрились устроить отказ в визе Феде Малама², который в свое время был признанным в министерствах секретарем Волконского, причем отказали ему, как большевистскому агенту! Положительно я начинаю подозревать Шульгина и его альтер-эго, Тер-Матеузова в прямой работе на большевиков!

[...]

Примечания

¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 29. Л. 47.

² МАЛАМА Федор Владимирович (1900–?), старший сын В.В. Малама.

29, 30, 31 марта, 1, 2, 3 апреля (Берлин)¹

[...]

Из Венгрии получаю стоны Малама, поддержанные генералом Муяр² – все на тему необходимости приезда туда ПНВ [Петр Николаевич Врангель] для восстановления престижа приличной части русской колонии... как я и думал, была возможность задержки с визами для меня, но... Хорти и Чаки (военный министр) заявили, что они хотят меня видеть в Будапеште. Все же конечно интрига возможна и теперь, так как страна маленькая и полиция значит для нее очень много, а интрига будет идти из министерства внутренних дел, в котором засел Шульгин и его инспиратор – Тер-Матеузов. Мне часто кажется, что последний в несомненной связи с большевиками – на это уже намекает в своих письмах и Малама, который даже боится прямо писать на мое имя, а посылает письма через Шлиппе³.

Поездка ПНВ по неизвестным мне причинам отложена на три недели, что меня лично конечно устраивает, так как смогу целиком использовать отпуск Жени⁴.

Но в чем дело – мне начинает казаться, что произошло недо-разумение с визами для въезда в Сербию – теперь решительно все возможно. Можно и там ожидать работ Скаржинского⁵, как в Будапеште его же противника Шмемана. Всюду сволочь!

Мы этого не делали – я когда-то отказался от того, чтобы хлопотать о визах для генерала Данилова (кирасира), но ничего не сделал, чтобы помешать его въезду помимо меня!

А может это наша ошибка и есть – не надо было церемониться с такого рода публикой!

Как-то стыдно было идти против своих же русских!

А им конечно не стыдно!

По последним сведениям из Будапешта – сорвать мне визы не удалось – Хорти и Чаки заявили о своем желании меня видеть в Венгрии. Последний вероятно по поводу моего письма к Абеле, которое тот передал в министерство и на которое оттуда, вопреки словам самого Абеле, ответа не получил!

[...]

Примечания

¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 29. Л. 55, 63.

² МУЯР (Mouillard) Виктор фон, генерал-лейтенант (1870–1939), генерал австро-венгерской армии, в Первой мировой войне командовал дивизиями (в том числе 20-й гонведской пехотной дивизией). В межвоенный период жил в Будапеште и поддерживал тесную связь с той частью русской эмиграции, которой принадлежали Малама, Розен и т. д. А. фон Лампе в своих письмах часто ошибочно указывает его чин, назвав его фельдмаршалом или фельдмаршал-лейтенантом.

³ ШЛИПШЕ Федор Владимирович (1874–1951), представитель Российского Общества Красного Креста в Берлине.

⁴ Дочь А.А. фон Лампе

⁵ СКАРЖИНСКИЙ Петр Викторович, член «Союза Верных», активный деятель русской эмиграции в Югославии.

18, 19, 20, 21, 22, 23 апреля (Берлин)¹

[...]

Малама мне написал, что 15-го мне выслана венгерская виза – 22-го я пошел впервые в консульство, а не в посольство. Оказывается, что решительно ничего не пришло. Канцелярский служащий меня знает, и это было неприятно! Но как мелки венгры – несколько доносов делают то, что забывается тот факт, что в Венгрию русских пускали только с моего одобрения.

[...]

Примечания

¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 29. Л. 68.

1, 2, 3, 4 мая (Берлин)¹

Получил от ПН [Петр Николаевич (Врангель). – А.К.] телеграмму, а потом и письмо, которые я, лично зная его, считаю началом конца моей нужности для него – венгерский посланник в Сербии, несмотря на то, что писал мне Муяр о симпатиях ко мне Хорти, просил Врангеля, если ему нужно повидаться со мною, то сделать это вне Венгрии²...

Я подробно все донес (смотреть в приложении), но я считаю, что это шаг к концу, так уже в Венгрии я стану П.Н. не нужным. А он человек в полной мере реальный! Я это давно знал и к этому готовился – в этом была всегда моя сила, почему мне Кусонский и написал, что я принял сокращение (материальное) легче всех.

[...]

Примечания

¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 30. Л. 5.

² Смотри об этом документ № 106 в приложении и комментарии к нему. ФОРСТЕР Пал (1876-?), дипломат Австро-Венгрии и Венгрии служил в ряде консульств, в том числе Сидней, Кливленде, Чикаго. После войны с 1924 по 1927 г. поверенный в делах в Гааге, с 1927 по 1929 г. был венгерским посланником в Белграде.

16, 17, 18 мая (Берлин)¹

[...]

Ныне свершилось то, чего я так долго добивался, то есть личная встреча Врангеля и Хорти, от которой в будущем я жду результатов.

Свершилось, несмотря на сокращенное, по неизвестной для меня причине, пребывание в Будапеште²...

[...]

Примечания

¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 30. Л. 11.

² Документы, связанные с подготовкой поездки Врангеля свидетельствуют о том, что первоначально он хотел провести в венгерской столице 3–4 дня. В середине марта 1927 г. он приказал А. фон Лампе прибыть в Венгрию для организации поездки, установления программы, разрешения квартирного вопроса и т. д. (ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 30. Л. 106). По всей вероятности, главной причиной сокращения программы было недопущение А. фон Лампе в Венгрию.

19 июня (Брюссель)¹

[...]

Разговоры вертелись на очередных пунктах и темах, во-первых, посещение Венгрии. Замечательно то, что венгерский посол в Белграде сначала передал ПН официальное приглашение Хорти, а потом... сам стал отговаривать от принятия этого приглашения. По-видимому, кириллисты и Кун-Хедервари нашли путь к послу... ПН ответил, что де он с удовольствием откажется от поездки, но напишет об этом во всех подробностях Хорти... Посол на это сказал, что это имело бы результатом то, что он, посол, в качестве частного человека, оказался бы в Будапеште раньше самого ПН... Таким образом поездка состоялась, причем сам ПН поступил совершенно правильно – о приезде сообщил только накануне и решил остаться ровно столько времени, чтобы повидаться с Правителем, и Бетленом и, не вмешиваясь во все дела, куда его тянули Малама, Муяр и др. – уехал дальше! Таким образом, он достигал главное и не терял лица...

Разговором с Бетленом и, в особенности с Хорти – ПН остался более чем доволен! По его словам, там полное понимание в необходимости создания общего фронта против большевиков и только сетование на то, что Венгрия по своему значению этого сделать не может! И тот и другой говорили о необходимости иметь кого-либо официально для связи с ПН, и даже предлагали такому лицу создавать синекуру в виде какого-либо скромно оплачиваемого места. ПН согласился и проектировал на это место, очень неудачно – Миллера и более удачно Черткова и Ливена. Пока Чертков по физическому нездоровью отказался, с Ливеном же я веду переговоры. Я просил не создавать отдела РОВС, а только подотдел моего второго отдела².

Обо мне Хорти сказал много хорошего и, кажется, предложил выписать меня телеграммой, хотя говорил, что лучше пока подождать, так страсти накалены тем, что кириллисты связались с оппозиционными венгерскими легитимистами... Говорил, что против меня выдвигались обвинения в связи с... сербами! Это только не хватало!! Врангель сказал, что все это ерунда...

Да выяснилось, как я когда-то и думал, что письмо Хорти к Врангелю о Реймонде³ было направлено против меня... все доносы! Как узка и тупа Европа!!

Отмечу, что ПН поехал к Хорти в форме, прикрытой штатским пальто, что во дворце ему был вызван караул...

Завтрак у Хорти и разговоры после него продолжались 3 часа. Был только Хорти и его жена... По словам ПН, единомыслие полное! Да этого единомыслия я и ожидал! Таким образом, моя цель, хотя, к сожалению, и в моем отсутствии, знакомство Врангеля и Хорти – достигнута.

Примечания

¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 30. Л. 15–17. В июне после возвращения Врангеля из Будапешта А. фон Лампе посетил своего Главнокомандующего в Брюсселе, он остановился на квартире у Врангеля. Они, в том числе, обсуждали и итоги венгерской поездки Врангеля.

² Архивные документы не дают нам возможности точно установить, в каких именно обстоятельствах было озвучено предложение, не было ли оно просто личной инициативой Хорти «под влиянием атмосферы встречи» с Врангелем. Также неизвестно сделали ли Хорти и Бетлен после отъезда

Врангеля какие-то шаги для осуществления этого плана. Врангель принял это предложение весьма серьезно, как это видно из имен их кандидатов на этот пост. В этом ряду самая крупной фигурой был, несомненно, генерал-лейтенант Е.К. Миллер, который к этому времени уже стоял в непосредственном подчинении великого князя Николая Николаевича и был старшим помощником председателя РОВС. Поэтому его кандидатура была лишена всякой реальной основы. К июлю выяснилось, что после Черткова, и князь Ливен отказывается по личным мотивам от предложенной должности. А. фон Лампе в письме к Врангелю констатировал, что «вопрос с Будапештом приходит в тупик», и что у него нет другого кандидата на этот пост. В письме он повторил его просьбу, не создавать самостоятельный отдел, а только подотдел вверенного ему II отдела РОВС (ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 30. 161–164).

ЧЕРТКОВ Григорий Григорьевич, генерал-майор (1872–1938), участник Русско-японской и Первой мировой и гражданской войн, до 1922 г. представитель Врангеля в Константинополе. Принимал участие в подготовке транспортов с галлиполлийцами в Венгрию.

ЛИВЕН Анатолий Павлович, князь, полковник (1873–1937), балтийский немец, лютеранин, один из главных организаторов антибольшевистских формирований на территории Балтии, в боях был тяжело ранен. В дальнейшем по поручению генерала Юденича ездил в Лондон и Париж для переговоров с представителями Антанты. После войны жил в Риге, занимался издательской деятельностью.

³ Смотри документ № 93 в приложении.

ПРИЛОЖЕНИЯ К ДНЕВНИКУ

1921

**1. Проект письма А.А. фон Лампе
министру обороны, генералу
Ш. Беличка¹**

Будапешт /... апреля 1921

Военный Представитель

*Главнокомандующего Русской Армией
при Правительстве Венгрии*

№ 18

Генерал

Представитель Франции в Константинополе обратился к Главнокомандующему Русской Армией с уведомлением, что его Правительство не может далее содержать эвакуированных из Крыма гражданских беженцев и Армию, и предлагает немедленно направить их или в пределы Советской России, или в Бразилию в качестве эмигрантов.

Как показывает прилагаемое мною обращение Главнокомандующего Русской Армией к державам всего мира, возвращение в Советскую Россию неизбежно грозит вернувшимся смертью, так как оно ничем не гарантировано Советским Правительством, возведшим террор в политическую систему, а отправление в Бразилию, не обусловленное местным правительством ни в смысле порядка жизни переселенцев, ни в смысле их будущего возвращения на родину, граничит с рабством.

Из этих двух выходов предоставлено делать свой выбор тем русским патриотам, которые три года в тяжелой обстановке боролись против людей поработивших их родину и мечтающих поработить весь мир.

Венгерский народ, боровшийся против большевизма, знает, что представляет собою наш общий противник и ясно видит то зло, которое большевизм готовит всему цивилизованному миру.

В этой борьбе Венгрия сохранила ядро своей родины – русские патриоты потеряли ее.

Исполняя приказание Главнокомандующего, я в лице Вашем, Господин Министр, обращаюсь к Венгерскому Правительству, а через него ко всему венгерскому народу с просьбой дать в своей стране, освобожденной от большевизма, временный приют тем, кто делал свое святое дело и боролся за жизнь и счастье своей Родины.

Русская Армия насчитывает в своих рядах 12.000 офицеров и 36.000 солдат и казаков. Я прошу приютить на территории Венгрии хотя бы часть этих людей и тем сохранить для будущей России от произвола Советского Правительства и неизвестности переселения в Бразилию, тех, кто будет ее строить для восстановления Родины и умиротворения Европы.

Я твердо надеюсь, что Венгерское Правительство, от лица Венгерского народа протянет руку помощи тем, кто боролся против общего с ним врага.

Я прошу Вас, Господин Генерал принять уверения в полном моем уважении.

Генерального штаба полковник

*Господину Королевскому Венгерскому Министру
Национальной Обороны*

Примечания

¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 6. Л. 34–35. Машинопись, копия, русский.

2. Письмо П.Н. Краснова

А.А. фон Лампе¹

31 мая 1921

Vad Oib²

На № 72

Глубокоуважаемый Алексей Петрович³,

От генерала Врангеля я получил в марте месяце письмо, очень любезное и милое, но совершенно безразличное и не являвшееся

ответом на мое письмо. Вся моя переписка с ген. Врангелем (а я послал ему одновременно 14 писем) убедила меня в том, что он ни во мне лично, ни в моих советах не нуждается, а потому я ее и прекратил, так как ни в чем не нуждаюсь и ничего не ищу. Может быть, было напрасно, что Врангель не вызвал меня в тяжкие январские дни. Быть может, мое присутствие удержало бы казаков от безумного шага ехать в Совдепию, но я давно уже почувствовал, что если не для самого Врангеля, то для окружающих его я нежелателен⁴.

Теперь о полковнике Карташове⁵. Полковник Карташов не стоит при мне доверенным лицом уже по одному тому, что я никакой официальной роли не играю и не состою уполномоченным ни от какой группы. Дело много проще, нежели рисуется полк. Карташову. В связи с переменю политических властей в Германии и Польше как не может не беспокоить судьба казаков интернированных в этих странах. Полк. Карташов по личному почину посещал казаков и беседовал с ними, и на основании этих бесед было решено попытаться вывести их из Германии и Польши и устроить их в Венгрию. Полк. Карташов на личные средства предпринял эту поездку. Я снабдил его письмом к представителям здешней власти, в котором написал свои мысли о том, как поступить с казаками в частности и вообще с русскими офицерами и солдатами так, чтобы они не только не были обузой для государства, но были бы ему пользой – вот и все мои поручения Карташову.

Вы спросите, почему я не написал этого плана Вам или прямо ген. Врангелю? Как совершенно не подозревал, что у ген. Врангеля есть представитель в Венгрии – это, во-первых. Во-вторых, опыт всего года (а я писал еще в апреле 1920 года, когда все было возможно) [показал] для меня, что писать ген. Врангелю бесполезно. Все равно он не послушает меня. Считал же себя нравственно обязанным перед казаками я и написал за них письмо Венгерскому Правительству.

Словно, я чувствую мой план, как план смелый, основанный не на полумерах не принят.

Примите уверения в совершенном моем уважении и преданности.

П. Краснов⁶

Примечания

¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 307–307об. Рукопись, оригинал, русский.

² Слово плохо читается. Наверное, речь идет о каком-то курорте под Мюнхеном, где в эмиграции остановились супруги Красновых.

³ Краснов ошибочно указывает отчество Алексея фон Лампе. Письмо является ответом на письмо А. фон Лампе, в котором он уведомил Краснова о деятельности полковника Карташева в Венгрии (Там же. Л. 306).

⁴ В феврале 1921 г. с активной поддержкой французских властей произошла первая крупная акция по репатриации членов эвакуированной из Крыма армии Врангеля. На борту порохода «Решид Паша» вернулись в Советскую Россию около 3600 лиц, преимущественно казаки с острова Лемнос. Несмотря на старания Врангеля остановить волну возвращения, акция продолжалась и в следующие месяцы. (О деталях этой акции см.: *Авдеев В.А., Краснов В.Г.* Изгнание и возвращение. Из истории эвакуации Русской армии генерала П.Н. Врангеля в ноябре 1920 г. из Крыма и возвращения части ее на родину // *Русский исход*. 2004. С. 258–268; *Калинин И.М.* Под знаменем Врангеля. Казачий исход (*Карпенко С.В.* состав.). – М., 2003. С. 321–368).

Под выражением «для окружающих его я нежелателен» следует понимать главным образом Богаевского Африкана Петровича, преемника Краснова на посту атамана войска Донского.

⁵ Правильно – КАРТАШЕВ Илья Петрович, полковник (?–1933), казак, есаул войска Донского, активный деятель казачьей эмиграции, жил главным образом в Германии и в Болгарии. Во второй половине 1920-х принял участие в составлении сборника «Казачество. О прошлом, настоящем и будущем». Инициатором этого мероприятия был А.П. Богаевский, а участниками – видные деятели белого движения. В мае 1921 г. Карташев привез в Венгрию письмо Краснова адресованное адмиралу Хорти и передал его в министерство обороны.

⁶ КРАСНОВ Петр Николаевич, генерал-от-кавалерии (1869–1947), русский военачальник, писатель, участник белого движения. В 1918–1919 гг. атаман Войска Донского, находился в постоянных конфликтах с Деникиным. После ухода с поста действовал в Северо-Западной Армии Юденича. С 1920 г. в эмиграции в Германии. Во Второй мировой войне сотрудничал с нацистами. После войны был выдан западными властями советским органам. Осужден к смерти Военной Коллегией Верховного Суда СССР и казнен с другими казачьими военачальниками, сражавшимися на стороне Германии.

В венгерском Архиве Военной Истории хранятся переводы писем Краснова и Карташева адмиралу Хорти и парламентскому депутату Д. Гэмбэш (в дальнейшем министр обороны и в 1932–1936 гг. премьер-министр стра-

ны). В них они предлагают собрать эмигрантов-казаков, разбросанных по всей Европе, заселить их в Венгрии, образовать из них казачьи формирования в составе венгерской армии, вплоть до кавалерского корпуса по примеру французского иностранного легиона против «внешних и внутренних врагов Венгерского Королевства». В письме Краснова мы находим детальное урегулирование условий службы казаков в венгерской армии, касающихся их оружия, подчиненности, подготовки, зарплаты, инфраструктуры и т. д. (НЛ 1921 VKF 2. микрофильм В/168 пленка 3511/1987 № 27.520/1921 Л. 248–249., № 27.520/d Л. 252). В письме Алексею фон Лампе от 21 июля 1921 г. Краснов свое предложение объяснил стремлением «вывести казаков из положения белых рабов и наемников у кондотьери низкой марки», «сохранить выучку казаков, их боевой дух, умение ездить и не быть в тягость государству. Написал об этом Хорти и послал ему письмо... Мысль моя была такая – лучше служить венграм, интересы которых не сталкиваются с интересами России, нежели полякам, которые работают на уничтожение России» (ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 6. Л. 154–155).

А. фон Лампе опасался, что попытка Краснова может отвлечь внимание венгров от переговоров по принятию в страну частей армии Врангеля, поэтому сделал все возможное, чтобы усилить недоверие в Будапеште к Карташеву. Полученная от Краснова информация о том, что Карташев не является и не может явиться его официальным представителем, передал в венгерское министерство обороны в немного искаженном виде. Из них в министерстве пришли к выводу, что Карташев ничего общего с Красновым не имеет, Краснов о деятельности Карташева не знает и упомянутое письмо к Хорти может быть фальсификацией (НЛ 1921 VKF, 2. микрофильм В/168 пленка 3516/1987. Л. 391).

Другие документы этого периода свидетельствуют о том, что А. фон Лампе пытался выступать в качестве посредника между Красновым и Врангелем. Первого уверял, что он не правильно оценивает ситуацию, Врангель относится к нему внимательно и с уважением, и «для пользы общего дела необходимо разъяснить недоразумение». А в штаб Шатилову он писал, что «Краснов нам более чем нужен» (ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 6. Л. 87, 100).

3. Отрывок из письма А.А. фон Лампе

П.Н. Врангелю¹

26 июня 1921

2071

П. Н. ВРАНГЕЛЮ, Главнокомандующему Русской Армией

Ваше Превосходительство, Глубокоуважаемый Петр Николаевич,
Сегодня получена мною для генерала графа Палена² виза на въезд в Германию и завтра он выезжает отсюда на север. Все

деньги, полученные мною от генерала Марушевского, сданы мною графу Палену, но, как Вам и пишет сам генерал, сумма оказалась меньше той, которую он рассчитывал получить от меня. Сдаточная ведомость генерала Марушевского представлена мною Начальнику штаба.

В Вашем письме, переданном мне генералом графом Пален, Вы спрашиваете, что можно сделать здесь в Венгрии по вопросу о перемещении сюда контингентов Русской Армии из числа находящихся теперь в Польше.

Думаю, что, судя по обстановке данного момента, в этом отношении едва ли можно рассчитывать на успех и вот почему именно:

Примерно полтора месяца тому назад в Будапешт прибыл министр иностранных дел правительства Петлюры, барон Василько³, сам по происхождению австриец, друг [с] детства Габсбургов, человек со связями и средствами. Он хлопотал о приеме Венгрии частей Украинской Армии, но успеха не имел.

Примерно тогда же здесь появился, известный по Кубанскому периоду полковник Карташев и от лица генерала Краснова (как Вы увидите дальше – без права на это), хлопотал о приеме Венгрии 2000 казаков, находящихся в Германии из числа бывших красноармейцев и ныне заявивших себя «белыми». Насколько мне известно, он тоже успеха не имел.

Из моих повторных донесений Вы, несомненно, знаете о тех «формированиях», которыми жонглировал в Венгрии генерал Глазенап, якобы базирующийся на французов, а потом отправившийся в Берлин.

По имеющимся у меня сведениям, в ближайшем будущем, якобы возможен приезд сюда и генерала Омеляновича-Павленко⁴. Думаю, что цель его приезда аналогична с задачей барона Василько.

Кроме того, уже с момента моего прибытия в Венгрию, я безостановочно хлопочу о переброске в Венгрию части нашей Армии, находящейся в пределах Турции.

Я полагаю, что если теперь начать переговоры еще и о переброске частей нашей Армии из Польши, то венгры и без того крайне стесненные в своих решениях Антантой – окончательно перестанут разбираться в обстановке. Генерал граф Пален, которому я обрисовал положение здесь, и который и сам немного

с ним ознакомился, вполне согласился со мной. Если удастся достичь успеха в переброске нашей Армии из Турции, то после того, как это совершится, можно будет попытаться заговорить и о переброске из Польши.

Что касается вопроса о переброске из Турции, то я еще ни от кого, начиная министров двух кабинетов (смена была при мне) до самого Адмирала Хорти, не только ни разу не получил отказ на мое ходатайство, возбужденное мною от Вашего имени, к сожалению, без Вашего письма Правителю Венгрии, напротив – все относились к этому сочувственно, и я ни в коем случае не теряю надежды на успех.

Не имея Вашего письма – я под видом памятной записки, еще 17 апреля сам написал письмо Правителю Венгрии и он лично, при нашей следующей встрече у министра-президента и на русском чае, сказал мне, что сделает все для него доступное.

15-го июня я нашел случай передать еще записку Адмиралу Хорти, в которой отмечаю необходимость ускорить решение вопроса, в связи с общей обстановкой, созданной французами в Армии.

Относительный успех моего ходатайства перед ходатайством барона Василько, я не говорю уже о Карташеве и Глазенапе, которые вели дело с негодными средствами, я объясняю исключительно Вашей популярностью и обаянием Вашего имени в глазах Венгерского Правительства.

В данный момент, как я доносил Начальнику штаба 8-го июня № 167, мне было заявлено в Военном Министерстве, что принципиально решено удовлетворить возбужденный мною вопрос о переброске части Армии, но ответ в положительной форме может быть дан только после выяснения взглядов на это правительств Антанты, запрошенных своими местными представителями. Я настаиваю, чтобы мне был дан ответ пока именно в том тоне – Венгрия согласна, но задержка в Антанте. С одной стороны этот документ даст Вам возможность предъявить требования от Вас представителям Франции, а, с другой, несколько свяжет уже теперь Правительства Венгрии⁵.

Должен Вам доложить, что дело тянется отчасти и от того, что характер венгров в решительных вопросах совершенно исключителен – они относятся к Вам и Армии великолепно, они обещают все и ни в чем не отказывают, но тянут со всем невероятно. Порой положение хуже, чем если бы наткнулся на прямой отказ. Если

позволите привести сравнение, то я скажу, что легче при твердом лбе пробить стену, чем головой повертеть подушку и вот такой подушкой являются венгры. Однако оценивая все, я вновь докладываю, что не теряю надежды на успех начатого мною по Вашему приказанию дела.

[...] ⁶

С глубоким волнением, сидя здесь далеко от Армии, я слежу за всеми перипетиями героической борьбы за ее целостность и всеми силами, как умею, стараюсь и сам принять в этом участие. Главной целью своего пребывания здесь, считаю достижения согласия Венгрии на переброску части Армии в страну и в этом направлении работаю и буду работать или до достижения успеха, или до того момента, когда честно признаюсь, что это почему либо мне не удалось. Твердо верю на первое, хотя и сознаю ясно все трудности, которые меня еще ожидают.

Пользуюсь случаем от всей души пожелать Вам сил и здоровья на пользу Родине и Армии и прошу Вас принять уверения в абсолютном моем уважении и безграничной преданности.

Уважающий Вас

Примечания

¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 6. Л. 101–102об. Машинопись, копия, русский.

² ПАЛЕН Алексей Петрович фон, граф, генерал-лейтенант (1874–1938), участник Первой мировой войны и белого движения; в 1919 г. был командиром корпуса в составе Северо-Западной Армии, в 1920 – назначен командиром дивизии в 3-й армии Врангеля (армия Пермикина). В эмиграции жил в Латвии.

³ ВАСИЛЬКО Николай Николаевич, барон (1868–1924), украинский политический и общественный деятель, родился в Австро-Венгрии, на территории Буковины, отец его был румыном, он сам в молодости примкнул к великорусскому движению, но через несколько лет порвал с ним. Был депутатом Рейхсрата. С 1918 г. член Украинской Народной Рады, с 1919 – дипломатический представитель Украинской Народной Республики в Швейцарии, потом в Германии.

⁴ ОМЕЛЬЯНОВИЧ-ПАВЛЕНКО Михаил Владимирович, генерал-поручик потом генерал-полковник украинской армии (1878–1952), полковник русской царской армии, в гражданской войне один из основателей самостоятельных вооруженных сил Украины, до июля 1921 г. командовал армией Украинской Народной Республики. В Венгрию он прибыл в марте 1922 г.

В Будапеште встретился с сотрудником венгерского генерального штаба и поделился с ним информацией о положении Красной Армии, о ее организации и боевой готовности. На встрече Омелянович-Павленко подчеркнул, что прибыл в Будапешт в качестве частного человека. По имеющимся архивным источникам вопрос о принятии украинских эмигрантов на территории Венгрии им не был возбужден (НЛ 1921 VKF 2. микрофильм В/168 пленка 3625/1987 № 24.299. Л. 252–253).

⁵ В конце мая в Министерстве обороны в словесной форме заявили А. фон Лампе, что Венгрия в принципе согласна принять части армии Врангеля на своей территории, но не может удовлетворить ходатайство, не имея на то разрешения представителей Антанты. С этого момента А. фон Лампе вел в переговоры в таком духе, чтобы получить предварительное письменное согласие венгерского правительства. Значение такого документа он видел в 3-х аспектах: 1. Русская армия получит моральную поддержку от единственной страны в Европе, которая обладает белой армией. Русская армия, по мнению А. фон Лампе, находилась в таком состоянии, что ей была жизненно необходима не только материальная, но и моральная поддержка. 2. На основе такого документа Врангель через своих и русских дипломатических представителей может возбудить вопрос перед державами Антанты, главным образом в Париже. 3. Европейские большевики «наглядно увидят единение двух белых армий, боровшихся и готовых и впредь бороться с большевизмом». В таком же духе он составил ту памятную записку, которая была адресована Адмиралу Хорти (ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 6. Л. 87, 89–89 об).

⁶ Пропущенная часть затрагивает взаимоотношения Врангеля и Краснова, взгляд А. фон Лампе на этот вопрос с описанием сюжета с Карташевым и с подчеркиванием нужности и важности Краснова с точки зрения Армии: «ясно рисую себе значение Генерала в Европе и глубоко убежден в том, что он пойдет за Вами – таково мое впечатление от разговоров с ним и вообще от всей линии его поведения» (Там же).

4. Письмо П.Н. Врангеля адмиралу М. Хорти¹

Константинополь, 22 июля 1921 г.

Перевод

Ваше Превосходительство,

Представитель Военного Командования Русской Армии при Королевском Венгерском Правительстве, полковник фон Лампе в своих обстоятельных рапортах уведомляет меня о дружественном и благожелательном приеме, который он все время встречает от

Вашего Превосходительства и от Королевского Правительства и о глубокой симпатии, которая выявляется в официальных кругах и общественном венгерском мнении по отношению к национальным русским элементам, которые до конца боролись против большевистского потока и представляют собою здоровое ядро, призванное сыграть существенную роль в возрождении отечества.

Нужно ли высказывать Вашему Превосходительству, насколько эти знаки симпатии нам драгоценны и какое утешение мы черпаем в них для будущего периода тяжелых испытаний. Больше того, донесения полковника Лампе удостоверяют дружественное намерение Королевского Правительства рассмотреть фактически в благоприятном смысле вопрос размещения на территории Венгрии известного количества русских крымских беженцев, находящихся до сих пор в лагерях смежных с Константинополем. Мой военный представитель предчувствовал, что разрешение этого вопроса будет передано на разрешение союзных держав ввиду интернациональных обязательств Венгрии, вытекающих из условий Трианонского мира. Каково бы не было окончательное решение, я не могу не выразить Вам чувства глубокого удовлетворения, которое внушает мне сообщение сделанное полковнику Лампе. Оно содержит новое доказательство очевидной симпатии Вашего Превосходительства по отношению к русским бойцам антибольшевистского дела. Оно доказывает, что призыв, исходящий от тех, которые страдают за это дело, находит благородное эхо в сердцах венгерского народа и лиц его направляющих.

В том случае, котором я имею твердую уверенность, обстоятельства и международные обязательства, взятые на себя Венгрией, позволят, в конечном счете, привести к концу практическое осуществление вопроса о размещении известного количества русских беженцев на территории Венгрии, остается только установить формы и условия, при наличии которых эта мера могла бы быть осуществлена.

Однако в отношении предварительных мер я позволю себе высказать свое мнение, что главный принцип должен опираться на ту базу, что размещенные беженцы должны основываться на том, чтобы они могли помочь своему существованию своей же работой.

Это должно быть независимо от желания наложить новые тягости на тяжелое экономическое положение, которое довлеет ныне над Венгрией ввиду ее главнейшей заботы национальной перестройки и будет служить лучшим залогом морального и физического здоровья беженцев. Поэтому это, кажется, явится наиболее удобным, и поддержит среди них полную внутреннюю организацию.

К этому я должен добавить, что общее положение, создавшееся для русских беженцев в районе Константинополя, становится день ото дня все более трудным. Срочная ликвидация лагерей и организации производящая Францией подходит к концу, однако она встречает многочисленные трудности. Приют на венгерской территории от 10.000 до 12.000 беженцев очень сильно облегчит положение.

Такая мера, предпринятая, как только обстоятельства ее позволят, создаст в настоящем положении настоящее благодеяние для русского национального элемента, рупором которых я являюсь перед Вашим Превосходительством. Это облегчит тем, которые имели привилегию первые обратиться лицом по отношению к большевистской опасности [так в тексте. – А.К.].

Примите Ваше Превосходительство выражение моего наиболее глубокого уважения

П. Врангель

Примечания

¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 6. Л. 186–186об. Машинопись, копия, русский.

8-го июля А. фон Лампе получил ноту из Министерства обороны за подписью министра, генерала Ш. Беличка. Нота с одной стороны была ответом на ходатайство А. фон Лампе от 1-го апреля, с другой стороны, он ее принял за долгожданное письменное выражение готовности Венгрии принять к себе части русской армии. На самом деле, в ноте лишь говорилось о том, что венгерское правительство, несмотря на все свои симпатии к русским, только в том случае может удовлетворить просьбу А. фон Лампе, если узнает взгляд союзнических держав, представители которых заявили, что данный вопрос выходит за пределы их компетенции, поэтому они должны запросить свои правительства. Данной нотой венгерский министр обороны практически переместил тяжесть переговоров в министерство иностранных дел (ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 6. Л. 132, 134).

О содержании ноты, оцененной им как доказательство достигнутого успеха, фон Лампе информировал начальника штаба, генерала Шатилова. К этому он не без скрытого упрека прибавил, что работал в Будапеште «в полном одиночестве», не имел поддержку ни от Шатилова, ни от членов Русского Совета. Поэтому ему иногда приходилось прибегать к совершенно исключительным способам. В качестве примера привел составленный им меморандум о положении дел к адмиралу Хорти, вместо задержанного Штрандтманом письма Врангеля Правителю.

Для ускорения событий А. фон Лампе сейчас уже считал необходимым непосредственное обращение Врангеля к Хорти. В своем рапорте Шатилову он перечислил все основные установки, которые должны были фигурировать в письме: благодарность единственной антибольшевистской в Европе стране, понимание зависимости Венгрии от Трианонского договора, уточнение желательного числа подлежащих переброске, важность сохранения внутренней организации и предоставления людям возможности содержать себя работой. Как видно из текста, письмо было составлено с учетом предложений А. фон Лампе (ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 6. Л. 135–139).

5. Рапорт А.А. фон Лампе

П.Н. Шатилову¹

Начальнику штаба Главкомандующего

15 августа 1921

№ 361/2

Рапорт

Рапортом от 23 июля я доносил о полученном мною, за отсутствием Военного Министра, частным образом постановлений дипломатических представителей держав Согласия в Будапеште.

29-го июля я получил то же самое постановление (первый экземпляр оказался правильным) при письме Министра Государственной обороны (Военного), с упоминанием, что «Вследствие того, что прилагаемая нота отвечает отрицательно на просьбу Вашего Высокоблагородия, Венгерское правительство, благодаря своей зависимости от Трианонского договора, несмотря на все симпатии к русским эмигрантам, к сожалению, не в состоянии выполнить желание Вашего Высокоблагородия»².

Подобная нота, несмотря на ее положительный тон, не изменила принятого мною решения, о котором я доносил в № 306, и 5-го сего августа я вновь обратился к Министрам Иностранных дел и Военному с новой нотой, в которой указывал на то, что ответ дипломатических представителей Антанты, рассматривавших мое не существовавшее предложение о переброске всей Армии, своей недоговоренностью дает полное основание предполагать согласие их на переброску части Армии, о чем я, собственно говоря, и просил. Во всяком случае я настаиваю на том, чтобы венгерское правительство требовало того или другого, но ясного ответа, которого и избегают дипломаты Антанты.

Девятого августа я был принят Министром Иностранных дел, которому Министр Военный переслал мою ноту по принадлежности (получил, таким образом, две).

Граф Банфи, Министр Иностранных дел правительства графа Бетлена, в выражениях, слишком определенных для дипломата, высказался по поводу поведения представителей Антанты и заверил меня, что он будет вести с ними разговор именно в духе моей ноты, с которой он согласен.

Вместе с тем он предупредил меня, что заключенный 29-го июля договор между венграми и большевиками (сводки мои № 2 и 5), стесняет венгерское правительство сейчас слишком открыто стать на позиции помощи нам, и он считает необходимым переждать до 15–25 сентября.

Срок этот он объясняет следующими соображениями: всего в Совдепии 60.000 венгров, из них для Венгрии ценны только 3.000, которые по условиям договора должны прибыть в указанный срок на родину. Что касается остальных, то если они и задержатся в России – большого несчастья не будет³.

Во всяком случае, так как переговоры с представителями Антанты требуют времени – граф Банфи обещал мне провести их немедленно.

Тогда же мною было заявлено о наличии у меня письма Главнокомандующего к Адмиралу Хорти и моем желании передать письмо лично. Полагаю, что буду принят на днях.

Позволяю себе доложить также и о моей переписке с генералом Миллером, копии моему письму которому при сем препровождаю.

Еще с апреля месяца (моя телеграмма от 2 числа этого месяца) я прошу генерала Миллера и лично по телеграфу и по почте, и через Вас о том, чтобы он обеспечил перевозку частей армии в Венгрию либо согласием, либо невмешательством Антанты во главе с Францией⁴.

В этом минимуме все то содействие, которое мне так насущно необходимо из Парижа. Все, что можно получить больше, конечно, пойдет на плюс к делу, но без этого дело не сдвинет с мертвой точки.

А между тем на протяжении от апреля и до самого августа я получаю лишь запросы, в чем должно выразиться содействие Парижа (телеграмма ген. Миллера от 31 марта [№]1231), или каковы именно мелкие условия соглашения Командования с венгерским правительством по поводу переброски (письма от 8 августа № 3265), причем все вопросы редактированы с такой точностью, которая мыслима лишь при детальном переговоре, а отнюдь не в том случае, когда правительство сочувствующего нам государства находится под давлением более чем загадочно относящихся к нам сил, в данном случае Антанты, во главе с Францией, давления на которую я так прошу от нашего представителя в Париже.

Такое положение производит на меня впечатления совершенно напрасно потерянного времени, так как генерал Миллер, ссылаясь на мой рапорт Вам за № 251, по-видимому, с обстановкой в Венгрии знаком⁵.

Резюмируя все доложенное, докладываю:

1. Переговоры продолжаю так, как о том доносил в № 306⁶.
2. Письмо Главнокомандующего вручу немедленно по получении указаний, когда меня примет Правитель.
3. Создавшееся положение не считаю ухудшившимся, шансы на успех остаются прежними.
4. По-прежнему, считаю вопросом первой важности работу в Париже в смысле получения согласия французского правительства на переброску части Армии в Венгрию, только после чего можно начать детальные переговоры об условиях этой переброски.

Приложение: Копия письма № 359

Генерального штаба полковник: Л

Примечания

¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 6. Л. 163–164. Машинопись, русский, копия.

² Смотри к этой части дневниковую запись А. фон Лампе от 29-го июля и комментарии к ней.

³ Смотри об этом комментарии к дневниковой записи А. фон Лампе от 13-го сентября.

⁴ Миллер еще 28-го апреля уведомил А. фон Лампе о результатах своих переговоров с генералом Вейганом, начальником генерального штаба французской армии. Вейган заявил, что французское военное командование по политическим соображениям не считает возможным активно содействовать русской армии в этом вопросе, однако не возражает против индивидуальной перевозки отдельных ее членов в Венгрию. Из этого Миллер сделал вывод, что со стороны Франции ни поддержки, ни препятствий не будет (ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 5. Л. 65).

⁵ А. фон Лампе неоднократно подчеркивал, что не встречает необходимую поддержку со стороны Командования и отдельных его членов в вопросе переброски частей армии в Венгрию. Однако это было не совсем так. 22-го июля А.А. Нератов, русский дипломатический представитель в Константинополе, от имени Врангеля просил М.С. Гирса оказать содействие в Париже, чтобы добиться благосклонного отношения Франции к этому вопросу. 10-го августа П.А. Кусонский уведомил фон Лампе, что его рапорт об отрицательной позиции будапештских представителей союзных держав в вопросе переброски, был показан генералу Морису Пелле, французскому комиссару в районе Проливов. Пелле был поражен и обещал телеграфировать в Париж, чтобы оттуда дали соответствующие инструкции в Будапешт. Вполне возможно, что то, о чем пишет А. фон Лампе в своем рапорте Шатилову от 14-го августа, что «Фуше окончательно стал на сторону Армии», является результатом этих закулисных шагов (ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 6. Л. 181, 189, 192).

⁶ А. фон Лампе уже 23-го июля информировал Шатилова о содержании ответа венгерского правительства и решения дипломатических представителей союзных держав в Венгрии. Из этого рапорта видно, что фон Лампе сразу выработал себе тактику дальнейших действий: ссылаясь на полученное словесное и письменное «согласие» венгерского правительства, акцент ставил на то, что нота Антанты говорит о невозможности принятия в полной мере ходатайства А. фон Лампе, следовательно, они не возражают против его частичного выполнения. К этому он прибавил, что собственно и сама нота представителей Антанты основана на недоразумении, ведь он никогда не просил о переброске целой армии в Венгрию, всегда говорил только о ее части. В формулировке ответа, и в том обстоятельстве, что дипломатические представители Антанты на его просьбу от 1-го апреля ответили лишь 21-го июня, а текст ответа препроводили венгерскому министру обороны только

19-го июля, фон Лампе видел намеренную оттяжку дела со стороны Антанты (ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 6. Л. 143–144).

**6. Проект письма А.А. фон Лампе
министрам обороны и иностранных дел
Венгрии¹**

№ 342/2

Будапешт, 5 августа 1921 г.

Ваше Превосходительство

Мною получены Ваши сообщения № 22.010 и 22.583 вместе с приложенными к ним постановлениями «Межсоюзной Военной миссии» от 19-го апреля и «Конференции дипломатических представителей главнейших союзных держав в Будапеште» от 21-го июня.

Из этих двух постановлений можно с совершенной ясностью установить, что как военные, так и дипломатические представители главнейших союзных держав подвергли своему обсуждению мое обращение к Вам от первого апреля сего года, причем оба эти учреждения остановились на вопросе о переброске в Венгрию всей Русской Армии в составе 12.000 офицеров и 36.000 солдат. И по тем или иным причинам², дипломатические представители нашли невозможным выполнения этого в полном объеме.

Между тем мое обращение к Вам, на котором базировались обсуждавшие его дипломатические представители держав Соглашения, гласит буквально следующее: «Русская Армия насчитывает в своих рядах 12.000 офицеров и 36.000 солдат и казаков. Я прошу приютить на территории Венгрии хотя бы часть этих людей...».

Таким образом, моя просьба заключалась именно в переброске части Армии, но отнюдь не всех 48.000³...

На основании Ваших слов и сношения Вашего за № 22.010, а также и слов Господина министра Иностранных дел, я твердо знаю, что венгерское правительство принципиально согласно на переброску в Венгрию части Армии генерала Врангеля, в качестве беженцев⁴, если этот вопрос не встретит препятствий со стороны представителей главнейших союзных держав.

Эти последние в своем постановлении от 21-го июня, высказываясь, что они считают недопустимым: «принятия в полной мере ходатайства полковника фон Лампе», тем самым указывают на то, что выполнение этого ходатайства в части, не может встретить с их стороны препятствий.

Я же лично считаю своим долгом довести в лице Вашего Превосходительства до сведения венгерского Королевского Правительства, что моя просьба теперь также, как и раньше, заключалась именно в переброске в Венгрию, под покровительство братского венгерского народа и единомышленной венгерской армии, именно части офицеров и солдат Русской Армии, менее счастливых в борьбе с врагами цивилизации, чем венгерский народ и полагаю, что приют их в количестве до 12.000 человек, в качестве беженцев, в данную минуту поддержит пострадавшую Русскую Армию и будет соответствовать интересам Франции, несущей непосильные расходы на содержание Армии в лагерях Турции.

Сводя все мною сказанное, я беру на себя смелость вновь, пользуясь глубоко трогательным сочувствием к Русской Армии Главы Венгрии, Его Светлости, Адмирала Хорти и Правительства страны в лице Вашем и Господина Министра Иностранных дел, поднять вопрос о переброске в пределы Венгрии части Русской Армии, дабы измученные бойцы, здесь, в дружеской среде, смогли отдохнуть, и, став на работу, обеспечить свое существование и принести посильную пользу приютившей их стране до того времени, когда уже постепенно освобождающаяся Родина не потребует их к себе и куда они вернуться искренними друзьями венгерского народа.

Я прошу Ваше Превосходительство о разрешении моего ходатайства в возможном спешном порядке, так как приближающаяся осень и тяжелая обстановка лагерей Турции повелительно требует принятия окончательного решения.

Прошу Вас, Ваше Превосходительство принять уверения в глубочайшем моем уважении

Генерального штаба полковник

Его Превосходительству

*Генералу Беличка, Венгерскому Королевскому Министру
государственной обороны*

Графу Банфи, Венгерскому Королевскому Министру иностранных дел⁵

Примечания

¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 6. Л. 159–159об. Машинопись, русский, оригинал проекта. Проект письма по времени был написан раньше, чем опубликованный выше рапорт Шатилову, но по содержанию более логичным представлялось разместить его после указанного рапорта.

² В документе слова «тем или иным» зачеркнуты и заменены словами «указанным им», написанными в текст от руки.

³ Последняя фраза вписана в текст от руки. В этой части несколько вставленных от руки А. фон Лампе выражений не читаются.

⁴ Шатилов еще в июне инструктировал фон Лампе, что форму «беженцы» следует употреблять «только для облегчения переговоров с иностранцами». Вместе с тем необходимо добиться тому, чтобы предназначенные переброске в Венгрию части могли сохранить свою структуру и организацию, как это имело место в КСХС и Болгарии (ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 6. Л. 92).

⁵ Начиная от выражения «Прошу Вас...» слова приписаны к тексту проекта от руки.

7. Разъяснение к документу: «Отчет о событиях в Венгрии, приложенный к письму Ахьянского к Фахерсу»¹

Ввиду того, что в упомянутом документе ложь и вымысел чередуются со сведениями вполне достоверными, ниже приводятся подстрочные разъяснения, известные Военному Представителю в Венгрии.

1. Посылка оружия и отправка инструкторов и агентов французами в Венгрию едва ли вероятна даже в прошлом, так как французы, в числе остальных держав Антанты, всячески стараются уменьшить венгерскую армию до 35.000 и противятся всякому намеку на скрытые формирования.

2. Генерал Глазенап действительно, еще полгода тому назад, проектировал создание на территории Венгрии 15.000 конного

корпуса для похода в Россию, но, что касается самой Венгрии, это никогда не выходило из области отвлеченных мечтаний. Что касается до отношения французов к генералу Глазенапу, то, по сведениям генерала Миллера, – они никогда на него серьезно не рассчитывали и едва ли полученные им 50.000 франков есть помощь французского правительства. Более правдоподобны сведения генерала Хольмсена о том, что деньги, имеющиеся у Глазенапа (а они у него, безусловно, есть), имеют происхождение, близкое к Керенскому².

3. Едва ли генерал Глазенап получал какие-либо обещания от Правителя Венгрии, Адмирала Хорти, который Глазенапа никогда не видел и не знает. По сведениям из Венгерского генерального штаба, генерал Глазенап расценивается венграми довольно низко.

4. Генерала Трусова и Яковлева, а также полковника Соболевского в Будапеште не было. Что касается князя Урусова (дипломата), то он был и «работал» с Глазенапом, состоя с ним в весьма дружеских отношениях. Этот князь Урусов в феврале с. г. ездил в Константинополь к Главнокомандующему с целью добиться санкции на проекты Глазенапа, но возвратился обратно в Будапешт жестоким врагом нашего командования. В Будапешт Глазенап вызвал из Польши генерала Бобошко и из Сербии генерального штаба полковника Яковлева. Первый из них до сего времени находится в Будапеште, в полном бездействии, и получает материальную поддержку от Глазенапа, а второй в период пребывания Глазенапа в Берлине выехал туда 22 июня и больше в Будапешт не возвращался³.

5. Несомненно, что полковник Соболевский и прапорщик Воронцов-Вельяминов⁴ занялись в Польше вербовкой офицеров в Армию генерала Глазенапа, и этой вербовке, в силу еще не выясненных причин, помогал и Венгерский консул в Варшаве, охотно дававший визы для проезда в эту «армию». В течение последних двух месяцев в Будапешт действительно прибыло около 30 человек офицеров из состава Третьей Русской Армии, и все они подтверждали, что они рассчитывали на формирование армии. Здесь в Будапеште все оказались в весьма тяжелом положении, так как Глазенапа не застали, а генерал Бобошко от них отрекается. По их словам, дальнейший приток остановился вследствие того,

что все они писали в Варшаву о вздорности слухов о формированиях в Венгрии. Кроме того, Венгерское министерство иностранных дел официально поставлено обо всем происходившем в известность и, по-видимому, дало соответствующие указания своему представителю в Варшаву.

6. Никаких кадров для кавалерийской дивизии и пехотной бригады в Будапеште нет. Всего в Будапеште с недавно прибывшими из Константинополя казаками находится до 125 офицеров.

7. Офицерский союз был сформирован генералом Глазенапом еще в самом начале текущего года, причем тогда в состав его входило примерно 15 офицеров, среди них такие, которые лет 25 тому назад, в чине корнета, вышли в отставку. Союз был сформирован Глазенапом со специальной целью получить для своих походов по Европе «звание» председателя союза, число членов которого, конечно, не спрашивается. До сего времени устав союза Венгерским правительством не утвержден, и надо полагать, что не будет утвержден до тех пор, пока не последует о том нажима со стороны Военного Представителя. А нажим этот последует только тогда, когда генерал Глазенап перестанет себя именовать председателем союза.

Русский комитет при своем формировании в самом начале года избрал своими почетными членами старших военных в Будапеште: генерала Марушевского и генерала Глазенапа. Звание это не сопряжено ни с какими правами или обязанностями.

8. Войск, получающих в Будапеште жалование от генерала Глазенапа, конечно, нет. При нем, во время его наездов в Венгрию, питаются: генерал Бобошко, полковник Кариус (участник Корниловского похода), корнет Федоров (молодой человек из «Освага»), корнет граф Борх (вероятнее всего, что не офицер) и сестра последнего, «ординарец» генерала Глазенапа, баронесса Фредерикс. Последние оба, с месяц тому назад, выехали в Ригу. Кроме того, при генерале Глазенапе состоял на неопределенных ролях армянской службы князь Мадатов, о котором Военный Агент в Италии давал самые скверные сведения. Этот «князь», обобрав кое-кого из венгров и из русских, скрылся из Будапешта⁵.

9. Генерал Граф Пален действительно в Будапеште был два раза, проездом в Константинополь и обратно, но ни разу генерала

Марушевского, уже уехавшего в Париж, не видел. Задание генерал Граф Пален получил от Главнокомандующего.

Таким образом, советский агент, безусловно, все время ходит около правды, но в силу служебного рвения, несомненно, стучит краски и значение очередного «белогвардейского заговора». Надо полагать, что в такой же мере правдоподобны его сведения о деятельности Глазенапа и Бермонта⁶ в Берлине.

Генерального Штаба полковник фон Лампе

9 сентября 1921 года.

Разослано: Париж – генералу Миллеру, Берлин – генералу Хольмсену, Копенгаген – генералу Потоцкому⁷, Константинополь – полковнику Архангельскому.

Примечания

¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 6. Л. 246–248. Машинопись, русский, копия. Личность названных в заголовке людей установить не удалось. Не исключено, что это агентурные клички большевистских агентов.

² КЕРЕНСКИЙ Александр Федорович (1881–1970), русский политический деятель, член партии эсеров и трудовиков, занимал пост министра юстиции, военного и морского министра во Временном правительстве, с июля 1917 г. председатель Временного правительства. После большевистского переворота жил в эмиграции, вел активную политическую деятельность. А. фон Лампе считал его одиозной фигурой.

ХОЛЬМСЕН Иван Алексеевич, генерал-лейтенант Генерального штаба (1865–1941), участник белого движения, с 1919 г. представитель ВСЮР в Германии, остался в этой же должности при Врангеле. В 1922 г. был переведен в Париж. В 1924 г. назначен начальником 1-го отдела РОВС. С 1930 г. состоял в качестве генерала для поручений при председателе РОВС. После похищения генерала Миллера ушел в отставку.

³ ТРУСОВ В.А., генерал-майор (? –), командующий сводно-казачьей дивизии 3-й армии.

СОБОЛЕВСКИЙ Михаил Яковлевич полковник (1883–1930), офицер ногайского происхождения, в гражданской войне служил под командованием князя Ливена, в 1920 г. в составе 3-й армии, в эмиграции жил в Данциге и Польше.

Биографические данные Яковлева неизвестны.

⁴ Биографические данные Воронцова-Вельяминова неизвестны.

⁵ ОСВАГ – Осведомительное Агентство, созданное генералом Деникиным, как осведомительный и пропагандистский орган Добровольческой Армии. Ликвидировано в марте 1920 г. по приказу генерала Врангеля.

Биографические данные упомянутых в абзаце лиц, за исключением Глазенапа, Бобошко и Кариуса, неизвестны.

⁶ Имеется в виду БЕРМОНТ-АВАЛОВ Павел Рафаилович, генерал-майор (1877–1964/1974?), участник гражданской войны, действовал главным образом на территории Прибалтики. В эмиграции жил в Германии, был одним из лидеров русского национал-социалистического движения. Сотрудничал с немецкими нацистами, потом резко порвал с ними. С 1941 г. жил в США.

⁷ ПОТОЦКИЙ Сергей Николаевич, генерал-майор генштаба (1877–1954), в 1914 г. военный атташе в Бельгии и в Нидерландах. Во время Первой мировой войны курировал русскую военную разведку против Германии. С 1917 г. военный агент в Дании. В эмиграции жил в Копенгагене. Брат Д.Н. Потоцкого.

8. Письмо А.А. фон Лампе графу Банфи, министру иностранных дел¹

№ 468/4

Будапешт, 14 сентября 1921 года

Ваше Превосходительство

В подтверждение нашего личного разговора 13-го сего сентября имею честь сообщить нижеследующее:

Основываясь на неоднократно мне сказанных словах Его Светлостью Правителем Венгрии, Вашим Превосходительством и Его Превосходительством Господином Королевским Венгерским Министром Государственной обороны Генералом Беличка, я приобрел уверенность, что Венгерское Королевское Правительство всеми силами готово отозваться на переданную мною просьбу Главнокомандующего Русской Армией генерала Барона Врангеля – приютить на территории Венгрии в качестве беженцев часть офицеров и солдат Русской Армии ныне находящихся в пределах Турции, в тяжелом положении.

Насколько я мог вывести из вышеизложенного – главным препятствием к проведению в жизнь братской помощи Русской Армии со стороны венгерского народа, являлось отрицательное

отношение к этому вопросу Конференции дипломатических представителей главнейших союзных держав в Будапеште.

Ныне, как я уже лично передал Вам, я имею основание рассчитывать, что Конференция эта в ближайшем будущем может стать на точку зрения полного нейтралитета по обсуждаемому нами вопросу.

Вместе с тем, полученные мною известия из Армии говорят о том, что к первому октября окончится помощь Американского Красного Креста Армии и к этому времени необходимо принять окончательное решение, куда именно и сколько офицеров и солдат будет переброшено, иначе положение оставшихся будет трагическим.

Ввиду всего вышеизложенного, я позволю себе просить в лице Вашего Превосходительства, Венгерское Королевское Правительство, имея в виду, что содержание принятых Венгрией офицеров и солдат Русской Армии может быть оплачено Русским Командованием за год пребывания их в Венгрии, не отказать мне в срочном ответе по нижеследующим, весьма существенным для армии вопросам:

1. Сколько именно офицеров и солдат Русской Армии согласна и может принять Венгрия.
2. Когда именно может начаться переброска их в Венгрию.
3. Где именно и в каких условиях предположено расположить принимаемых.
4. Какою суммою будет исчисляться стоимость ежемесячного содержания каждого русского офицера и солдата, принятого Венгрией.

Ко всему изложенному позволяю себе добавить, что желательной цифрой беженцев перебрасываемых в Венгрию с точки зрения Русского Командования является 5000.

Я знаю, что Венгрия в настоящее время переживает тяжелые минуты, когда ей надо решать вопросы, связанные с собственным государственным житием, но все же позволяю себе, ввиду описанного мною тяжелого положения Русской Армии, просить дать мне ответ по всем затронутым вопросам в кратчайший срок, полагая, что вопрос этот принципиально решен давно и в данное время необходимо только его техническое обсуждение.

Вместе с этим я просил бы не отказать указать мне на кого именно будет возложено совместное со мною обсуждение деталей переброски части Армии в Венгрию.

Прошу Вас, Ваше Превосходительство, принять уверения в совершенном моем уважении.

Генерального штаба полковник

*Его Превосходительству, Графу Банфи
Венгерскому Королевскому Министру Иностранных дел*

Примечания

¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 6. Л. 190–191об. Машинопись, русский, копия.

9. Рапорт А.А. фон Лампе

П.Н. Шатилову¹

20 сентября 1921 г.

№ 483/2.

Начальнику штаба Главкомандующего

В дополнение к рапорту моему № 470 от 14-го сего сентября, доношу.

15-го сентября я получил от Верховного Английского комиссара письмо, датированное 10-м сентября, то есть днем моего с ним разговора, причем он, зная о том, что вопрос о немедленной постановке перебрасываемых на работу уже не стоит так остро, так как за них может быть внесена плата, пишет о том, что он не отправил написанную при мне телеграмму и прежде хочет знать отношение Венгерского Правительства к вопросу о постановке на работу².

Письмо шло до меня (с посыльным) пять дней. Я живу в полчаса ходьбы от Английского Комиссара.

Исходя из этого, само письмо и запрос венгров, по-видимому, телефонный, при условии, что Комиссару известна необходимость решения вопроса быстро – я считаю намеренной задержкой

дела и провоцированием венгров, т. к. такого количества общественных работ они, при наличии массы своих беженцев, они, конечно, не имеют.

Кроме того, 13-го сентября, когда я также был у Министра Иностранных дел Венгрии, он о запросе Английского комиссара не знал.

Сегодня я говорил с Министром Иностранных Дел вновь.

Граф Банфи ответил мне, что вопрос о переброске был рассмотрен в Совете Министров и Правительство подтвердило свое желание принять часть офицеров и солдат, но не сможет сделать этого больше, как в количестве 2000 (двух тысяч). Вместе с тем он сказал мне, что просит меня об этом не доносить Главнокомандующему, так как официально дать ответ он сможет только после разрешения кризиса в Западной Венгрии³.

Мои протесты против слишком малого числа принимаемых (он сказал даже «от 1000 до 2000»), против задержки во времени и т. д. на этот раз не произвели на всегда податливого Министра впечатления, и мне пришлось примириться с фактом, конечно, донеся обо всем по команде.

Я должен также добавить и мои впечатления от всего сегодня слышанного и мои личные выводы о причинах всего, а также и о том, какая связь может быть между кризисом в Западной Венгрии и переброской наших контингентов.

Как можно усмотреть из моей сводки о положении в Венгрии № 9, единственная надежда венгров на успех предпринятой ими авантюры, по неизвестным мне причинам, покоится главным образом на англичанах и прибывший недавно Лорд Ньютон, член парламента, но здесь частный человек, принимается торжественно Правителем, катается в спорную зону, находится там и участвует во всех решениях⁴.

Придавая англичанам исключительное значение, венгры оказались между двух огней, так как признают пользу для себя в том, что часть белых русских будет находиться у них.

Таким образом, в моем представлении, сегодняшней разговор мой с графом Банфи представляет собою компромисс, на который решились венгры – с одной стороны, наметить такое количество, которое, не задевая англичан с упомянутым мною письмом Холера, может быть указано как рабочие, с другой – все-таки, не-

смотря, на сопротивление английского представителя, принять к себе русских.

Приведенные мною соображения, конечно, только объясняют положение дела и в моем представлении отнюдь не делают результата работы по вопросу о переброске сколько-нибудь серьезным. Я считаю его совершенно ничтожным и полагаю, что венгры, хотя и с трудом для них, но несомненно сделали бы значительно больше, если бы не всеильная Антанта, то есть решение вопроса и прежде, и теперь лежало и лежит не в Будапеште, а в Париже, Лондоне и Риме, а в данный момент и только в Лондоне, может быть, и в кабинете Красина⁵.

Я не имею никаких сведений о современном положении вопроса о переброске Армии, так как не получил подробностей к телеграмме № 8917, и в данный момент ориентируюсь по газетам, а потому не верю тому, что к 1-му октября вся Армия уже будет переброшена и буду настаивать и дальше на проведении в жизнь всякого количества перебрасываемых в Венгрию.

Все результаты, ввиду газетных сведений, хотя и сомнительных для меня, я буду телеграфировать.

На случай окончательного решения вопроса о переброске в Венгрию, прошу не отказать, при назначении частей и лиц для следования в Венгрию, учесть определенно монархический характер страны.

Приложение: Копия и перевод писем Комиссара Холера.

Генерального Штаба полковник (подпись).

Примечания

¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 6. Л. 220–221. Машинопись, копия, русский.

² О поведении Холера смотри дневниковую запись А. фон Лампе от 16 сентября 1921 г.

³ О Западно-Венгерском вопросе и о заседаниях Совета Министров смотри дневниковые записи фон Лампе от 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31 августа, 1, 2, 3 сентября, от 18, 19, 20, 21, 22 октября и комментарии к ним.

⁴ НЬЮТОН Лег Томас, барон, лорд (1857–194), член Палаты Лордов, в 1916–1919 гг. один из ведущих сотрудников министерства иностранных дел (заместитель государственного секретаря), член группы «провенгерских»

политических деятелей, выступал против ратификации Трианонского договора.

⁵ КРАСИН Леонид Борисович (1870–1926), советский революционный и государственный деятель, народный комиссар торговли и промышленности, потом внешней торговли РСФСР. В 1920–1923 гг. торговый и политический представитель в Великобритании, с 1924 г. торгпред во Франции, с 1925 г. – снова в Великобритании.

А. фон Лампе видел непосредственную связь между поведением Холера, английского комиссара в Венгрии по вопросу переброски и тем, что из держав-победительниц к данному моменту Англия пошла дальше всех на пути признания советской власти. Он склонен был предполагать, что в этом деле за позицией англичан стоит Красин.

10. Письмо А.А. фон Лампе

Д.Н. Потоцкому¹

15 октября 1921 г.

№ 568/3.

Ваше Превосходительство

Многоуважаемый Дмитрий Николаевич.

Второго октября до меня дошло, в виде отдельного случайно переданного слуха, известие о том, что среди сербских частей пограничной стражи на границе Югославии и Венгрии будут поставлены русские части и что первые эшелоны наших частей якобы уже продвинулись к границе.

Чтобы охарактеризовать мою заинтересованность в этом вопросе, я должен Вам сообщить нижеследующее:

В период перехода части штаба Главнокомандующего в Сремские Карловцы я неоднократно, со стороны представителей венгерского правительства, слышал вопросы о том, почему именно Русская Армия располагается так близко к венгерской границе.

Когда, наконец, этот же вопрос задал мне Правитель Венгрии Адмирал Хорти, я донес о вышеизложенном Начальнику штаба Главнокомандующего и получил от него секретное предписание, в котором мне разъяснялось, что в Карловцах будет расположен, чисто по квартирным соображениям, только штаб и что Русская Армия на венгерской границе расположена не будет. К этому предписанию № 7148 было приложено также и указание Начальника штаба о том, что самим предписанием я должен пользоваться-

ся на случай необходимости предъявить венгерскому правительству доказательство того, что наши части перевозятся в Югославию исключительно для работ². Последнее указание датировано 21-м июня № 7149.

Ныне, по-видимому, положение принимает совершенно иной оборот и я, зная современное отношение венгров к сербам, предвижу неизбежность осложнений отношения Венгерского Правительства, через меня, к Командованию именно в период окончательного решения вопроса о способах переброски части нашей Армии в Венгрию.

И в то же время у меня нет никаких точных данных о том, что именно предположено делать с нашими частями на северной границе Югославии, кроме того слуха, о котором я упомянул в начале письма и переданного мне полковником Архангельским от Вас, на словах, что наши части на границу поставлены не будут и только отдельные люди будут вкраплены в стоящие там сербские части.

А между тем все чаще и чаще в разговорах с представителями власти мне приходится отвечать на намеки или прямые указания о том, что появление наших частей на венгерской границе трактуется венграми, ослепленными неприязнью к сербам, как враждебные к венграм действия русских.

Я прошу Вас не отказать и срочно информировать меня в подробностях и мотивах принятого, несомненно, совместно с Вами, Правительством Югославии решения о выдвигании наших частей на северную границу и тем дать мне возможность реагировать на обращенные ко мне вопросы без гаданий.

Копию настоящего моего письма я представляю Начальнику штаба Главнокомандующего.

Прошу Вас принять уверения в совершенном моем уважении и таковой же преданности.

Уважающий Вас Л

Примечания

¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 6. Л. 232–232об. Машинопись, копия, русский.

² Фон Лампе еще в июне получил указание от Шатилова в случае необходимости заверить в письменной форме венгерское правительство, что русские части, хотя сохраняют свою организацию, но будут поставлены на работы по строительству железных дорог. Их наличие в Сербии никакого военного значения не имеет. Контингенты будут расположены в южной части страны. Одновременно Шатилов просил фон Лампе не особенно торопиться передачей ноты, так как «оглашение документа ясно не может не понравиться сербам». Со своей стороны Шатилов прибавил, что сам не знает, на какую именно часть границы будут поставлены русские, скорее всего, на албанскую (ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 6. Л. 92, 93).

11. Рапорт А.А. фон Лампе П.Н. Шатилову¹

24 октября 1921 г., г. Будапешт.

№ 601/2.

Начальнику штаба Главнокомандующего.

В развитие рапорта моего от 15-го сего октября № 569 и в дополнение телеграммы моей от 21-го октября № 075² доношу:

Продолжая давить на представителей Венгерского Правительства и выполняя задачи, поставленные мною себе в рапорте № 569, я, 18-го октября, по возвращении местного Министра Иностранных дел из Венеции с переговоров об Австро-Венгерском конфликте, вновь настаивал перед ним о необходимости срочно зафиксировать принципиальное согласие Правительства на переброску наших частей в письменном виде, для того чтобы иметь документ, который я мог бы представить Главнокомандующему. Зная венгров и их систему невероятной медленности в делах, я не мог взять на себя донести о согласии, не имея в руках письменного документа, так как страна сейчас в таком состоянии, что всегда возможно появление новых факторов, которые могли бы, без наличия у нас письменного согласия правительства, неожиданно изменить обстановку не в нашу пользу³.

Получив обещание передать мне документ, я, путем установления дежурства моего офицера⁴ в приемной министра и ежедневного напоминания 21-го сего октября, наконец, получил в свои руки письменное согласие Венгерского Правительства на прием в страну одной тысячи человек, о чем и донес моей теле-

граммой 075 от 21-го октября, посланной мною в трех экземплярах (по телеграфу, почтой и с нарочным).

Указанный документ в копии при сем представляю.

Должен доложить, что документ этот получен в результате шестимесячной настойчивой работы, в течение которой три раза мне было, в связи с теми препятствиями, которые указаны в тексте документа, установлено, что переговоры должны кончиться ничем. Каждый раз счастливо удавалось вновь поднять вопрос и в конечном результате, если и не достигнуть полного успеха, то, во всяком случае, добиться того, что Венгрия включила себя в число государств, принявших части нашей армии.

На основании Вашей телеграммы 9202 я не остановился перед числом и продолжал переговоры о всяком числе принимаемых.

Получение документа в мои руки именно 21-го числа чрезвычайно благоприятно, так как именно в этот день Король Карл IV прибыл в Венгрию (мой рапорт № 595) и 22-го числа получить что-либо в Министерствах уже не представлялось возможным, так как все внимание всей страны обратилось к текущим событиям⁵.

По содержанию самого документа, докладываю:

Документ подписан за Министра Иностранных дел его товарищем г-ном Канья, который на самом деле является фактическим руководителем деятельности министерства и в качестве такового переживал уже не один переворот, как, надо полагать, переживет и настоящий, связанный с текущим выступлением Короля Карла IV.

Все приведенные мною соображения в разновременнo поданных мной рапортах, нашли себе подтверждение, так же, как и факт отрицательного отношения к переброске со стороны представителей Большой Антанты⁶. На этом основании я не продолжал добиваться документа об их несогласии, о котором я доносил в № 478 и который Вы требовали в предписании № 9206. Получить его из Министерства возможно, он был мне много раз обещан, но при нормальном беспорядке в делах, на этом и надо настаивать, а я предпочел по ходу моих переговоров перенести центр тяжести в получение, и получение срочное, прилагаемого документа.

Документ содержит также и ссылку на оплату содержания перебрасываемых, что почерпнуто из Вашей телеграммы № 8917 от 5-го сентября с. г.

Что же касается упоминания о необходимости нового взноса через 10 месяцев, то полагаю, что таковое условие я могу подписать смело, так как загадывать так надолго вперед можно только в официальном порядке, и жизнь, безусловно, ко времени нового взноса поставит и Венгрию, и Армию в новое положение, которое даст материал для новых переговоров.

Относительно числа перебрасываемых, я полагаю, что 1000 человек – это законная исходная данная, через которую впоследствии можно будет легко переступить путем последовательного присоединения новых людей, что ясно и из того, что при довольно трудно данном согласии не пропускать в Венгрию людей, получивших гуртом голландские визы в Константинополе, все же в Венгрию проехало уже более 300 из них.

Обработка остальных вопросов, несомненно, несколько задержится, так как страна в данный момент переживает чрезвычайное напряжение и переговорить с Министром Президентом и Министром Социальной политики, от которых зависит техника проведения решения Правительства в жизнь, совершенно невозможно хотя бы потому, что в каждый данный момент нельзя сказать, кто именно занимает министерские посты.

Кроме того, у меня нет уверенности, что согласие Венгерского Правительства, полученное и переданное мною Вам 21-го октября, не опоздало к расселению Армии, так как в случайно попавшем в мои руки номере газеты «Новое время» (она приходит не регулярно в Венгрию) я прочел приказ Главнокомандующего от 6-го октября о том, что расселение уже закончено. Однако отсутствие сведений по этому вопросу в почте от 13-го октября, полученной мною 22-го, заставляет меня надеяться, что результат моих переговоров не опоздал.

Я позволю себя доложить, что, даже если переговоры с Болгарией уже и закончены, мне представляется, что желательно было бы все же использовать согласие венгров, так как это даст новую страну, благожелательную к армии, и впоследствии будет давать значительные выгоды и в стратегическом отношении при действии на Восток, расширяя базу.

Размещение части Армии не на Балканском полуострове, а в самом центре Европы, также даст известные преимущества в бу-

душем, не говоря уже о том, что части эти попадают в страну, однородную с нами по ненависти к коммунизму.

Я позволил себе также в моей телеграмме упомянуть о желательности назначения начальником перебрасываемого эшелона генерала Штейфона.

Я сделал это потому, что полагаю, что между мною и начальником группы, помимо официальных отношений и служебной солидарности, должны быть самые тесные личные отношения, от которых только выиграет дело наших офицеров и солдат. В этом случае, не надеясь, что Главнокомандующий отпустит от себя генерала Кусонского, который замещает Вас в Ваше отсутствие и назначение которого было бы для меня весьма желательно, я и позволил себе упомянуть о генерале Штейфоне, который, ввиду упразднения штаба корпуса, по моим соображениям, свободен.

Я считаю своим долгом напомнить также и мое ходатайство, чтобы при назначении сюда частей (венгры настаивают именно на частях) было принято во внимание и то обстоятельство, что страна настроена, безусловно, монархически, и с минуту на минуту это может быть подтверждено воцарением Короля Карла IV. В этом отношении я также знаю, что настроение генерала Штейфона более чем подходит к настроению страны.

В заключение, представляя упоминаемый мною документ, я прошу:

1. Срочно известить меня, опоздало ли предложение Венгерского Правительства, или оно будет принято?

2. Какая часть будет предназначена в Венгрию?

3. Какова стоимость содержания солдата в Венгрии и Болгарии?

4. В какой валюте и когда я могу получить деньги для депонирования на счет Венгерского Правительства?

5. Когда можно ожидать направления 1000 человек в Венгрию? Будет ли для этого использован водный путь по Дунаю?

6. Кто будет стоять во главе перебрасываемой в Венгрию части?

7. Когда и куда переходит штаб Главнокомандующего?

Все просимые мною сведения, со ссылкой на пункты (для краткости) прошу не отказать сообщить мне по телеграфу, так

как телеграммы из Константинополя в последнее время доходят до меня в сутки.

Детальные переговоры, по мере возможности, в связи с событиями в стране, непрерывно продолжаю⁷.

Приложение: письмо № 5385.

Генерального штаба полковник (подпись)

Примечания

¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 6. Л. 256–258. Машинопись, русский, копия.

² Текст телеграммы приводится в дневниковой записи А. фон Лампе от 18, 19, 20, 21, 22 октября 1921 г.

³ Выражения «*наличия у нас*» и «*не в нашу пользу*» вставлены в текст от руки А. фон Лампе.

⁴ Барона В.Г. Розена.

⁵ О возвращении Карла IV в Венгрию смотри дневниковые записи А. фон Лампе от 23 по 28 октября и комментарии к ним.

⁶ Выражение «*со стороны*» вставлено в текст от руки А. фон Лампе.

⁷ О получении ноты венгерского правительства и о соображениях А. фон Лампе относительно реализации переброски смотри дневниковые записи А. фон Лампе от 18, 19, 20, 21, 22 октября 1921 г. и комментарии к ним!

12. Рапорт А.А. фон Лампе

П.Н. Шатилову¹

5 ноября 1921 г., г. Будапешт.

№ 694/1.

Начальнику штаба Главнокомандующего

В собственные руки

Доношу, что в конце октября, в связи с упразднением военных миссий Антанты в Будапеште и с прибытием в Венгрию Русского Дипломатического Представителя Князя Волконского, возникли осложнения с моим положением в стране.

Дело заключалось в том, что Венгрия, на основании Трианонского мира, имела право на упразднение военных миссий Антанты немедленно после ратификации этого мира, что, конечно,

и использовала, причем единственной военной миссией в Будапеште оставалась моя.

Пока я был при этом также и единственным официальным русским представителем, венгерское правительство, оставляя меня в дипломатическом списке, имело именно эту отговорку и дело, благодаря налаженным отношениям с Министерством иностранных дел, не становилось срочным.

Все несколько изменилось с прибытием Светлейшего князя Волконского, признанного Русским Дипломатическим представителем.

Однако благодаря также и налажившимся отношениям с ним, все дело удалось благополучно ликвидировать.

В дипломатическом списке, в графе «Россия», будет значиться:

«Князь Волконский Петр, Дипломатический Представитель.
фон Лампе, Алексей, Генерального штаба полковник, Военный Представитель».

Указанное относится только к официальной стороне положения.

Что же касается до положения в стране, то самостоятельность, непосредственные сношения с министерствами, звание и бланк Военного Представителя Главнокомандующего Русской Армией при Правительстве Венгрии – остаются без перемен до того времени, когда это почему-либо не будет изменено Главнокомандующим.

Деятельность с дипломатическим представительством со дня вступления в должность князя Волконского разделена так: Консульская часть, все гражданские вопросы, поскольку они не касаются Армии и вопросы лиц гражданских, – у дипломатического Представителя; все вопросы, касающиеся Армии, все вопросы военнослужащих, в том числе и военнопленных – у военного представителя.

Разделение сделано князем Волконским и мною по обоюдному соглашению и протекает вполне нормально, и признается местными властями.

*Генерального штаба полковник
А. фон Лампе*

Примечания

¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 6. Л. 261–161об. Машинопись, копия, русский.

13. Письмо А.А. фон Лампе П.А. Кусонскому¹

Дорогой Павел Алексеевич,

В Твоем последнем письме Ты, с небольшой долей упрека, говоришь о «присущем мне напоре». Откровенно говорю, что, оценивая себя, я вижу в числе крайне ограниченного количества моих достоинств именно этот напор, который может заставить меня переть на рожон.

И вот теперь Ты сам можешь себе представить, с каким чувством я писал мой рапорт № 642 о том, что мой напор со всего разбега наткнулся на стенку, которая, как и всегда в эмиграции полагается, была поставлена мне русскими же руками.

Венгры со мной любезны по-прежнему, мое положение, по видимому, не поколебалось, чего тоже можно было бы ожидать, но делу нанесен сильный, а может быть, и смертельный удар.

Постановка наших частей Штрандтманом с Потоцким на северную границу Югославии, по моему разумению, должна была быть сделана не раньше, чем меня бы запросили о том, как к этому отнесется Венгрия, в которой в моем лице ведь был же человек, которому русские интересы так же близки, как и нашим представителям в Сербии. Казалось бы, что так, но несмотря на то, что я предупреждал Начштаба об этом и даже получил от него официальное заверение, что этого никогда не будет – меня никто об этом не спросил, и не только не спросил, но и даже не потрудился известить хотя бы о совершившемся факте.

Все это я приписываю влиянию Штрандтмана, который давно уже, несмотря на все свои положительные качества, больше серб, чем русский. Положим, это для наших дипломатов, да и то только для лучших, нормальное состояние. Худшие – те прямо нули.

Задержка письма Главнокомандующего к Хорти, предназначенного для передачи мною, теперь выставление наших частей

без предупреждения меня – все это показывает, что во мне Штрандтман, по-видимому, также видел венгра, как он сам серб. Я же никак, несмотря на свою фамилию, не хочу перестать быть русским.

Моральное состояние мое сейчас крайне невеселое. Я был уже у успеха, хотя и не очень блестящего, но все же достигнутого немалым трудом. Как вдруг эта нелепица.

Я упрюсь лбом в стену и еще раз попробую ее своротить, но надежд у меня не так много. Увидим, чем это все кончится. Думаю, что на постановке наших частей успешно сыграли те, кто всегда был против перевода наших и увеличения тем контрреволюционного элемента в стране, и без того достаточно реакционной. Эти господа получили в руки совершенно для них неожиданный и блестящий козырь.

А ведь был уже намечен лагерь, где располагать наших...

С нетерпением ожидаю обещанного тобою сведения об армии и боюсь, что оно попало тоже в почту, везенную мне Ротмистром Николаевским² и задержанную все тем же Штрандтманом, так как «сербь сейчас нервно относятся к почте на Венгрию». Очень надеюсь прочесть, что армия уже устроена и мой неуспех, сыграв роль в широкой стратегии, отразится только персонально на мне как удар для самолюбия и не ударит по живым людям, перед которыми я чувствую себя обязанным за их долготерпение на Галлиполи.

Всю будущую неделю буду давить, даст Бог, чего-нибудь достигну. Унывать, несмотря на серую действительность, не хочу.

19. XI. 1921 г.

Budapest, Királyi Pál u. 9. II. 1.

Примечания

¹ ГА РФ Ф. 5853. Оп. 1. Д. 6. Л. 263–263об. машинопись, копия, русский

² НИКОЛАЕВСКИЙ Георгий, ротмистр. Биографические данные неизвестны.

**14. Рапорт А.А. фон Лампе
П.Н. Шатилову¹**

19 ноября 1921 года, г. Будапешт.

№ 692/7.

Начальнику штаба Главного командующего.

Копия Военному агенту в Югославии.

После представления мною Вам, при рапорте № 601 от 24-го октября с. г., копии письма Венгерского Королевского Министра Иностранных дел от 21-го октября № 5385, гласящего о том, что Венгерское Правительство согласно принять в страну, на известных условиях, 1000 человек офицеров и солдат нашей Армии, я продолжал детальные переговоры с правительством о технике переброски, несколько задержанные в своем темпе событиями, имевшими место в Венгрии в конце октября, в связи с неожиданным появлением в стране Короля Карла IV, о чем я доносил моей сводкой 13/16.

Ход переговоров привел к назначению междуведомственной комиссии в составе представителей от заинтересованных министерств (Военного, Иностранных дел и Социальной политики) и меня.

Однако уже в течение прошлой недели все разговоры сталкивались с тем, что все представители министерств говорили, и говорили в очень нервном освещении, о том, что в составе Сербской армии, угрожавшей Венгрии, как в случае успеха выступления Короля, так и в случае отказа Венгерского Парламента вотировать закон о детроизации дома Габсбургов, находятся наряду с сербскими частями «части армии генерала Врангеля».

Учтя опасность для ведущихся мною переговоров, в таком освещении службы наших солдат в пограничных сербских частях, опасность, о которой я доносил в моих рапортах от 8-го июня с. г. № 167 и от 15-го октября № 567, я принял все меры, для того чтобы через Венгерский штаб, с которым у меня установились наилучшие отношения, доказать, что не может быть речи о «частях» нашей армии и что в рядах сербской пограничной стражи могут находиться только отдельные наши солдаты.

Должен отметить, что, проводя эту мысль, у меня самого, кроме теоретической уверенности в ней, не было никаких оснований так говорить, так как постановка наших солдат на сербо-венгерскую границу была сделана не только без запроса меня, русского военного представителя в стране, которая лежит рядом с Югославией, но и без того, чтобы я получил, несмотря на мои запросы, какое-нибудь сообщение о том, в каких размерах проводится в жизнь эта мера.

Однако и это обстоятельство не имело того решительного успеха, которого я рассчитывал достигнуть: слухи об участии наших солдат в той «угрозе», которую готовила Югославия Венгрии, принимали все более и более угрожающий для дела переброски характер, и наконец сегодня я узнал, что Венгерское Правительство, считаясь с общественным мнением и общим тревожным положением в стране, готовит для меня документ, в котором, учитывая, что Русское Командование совершенно не причем в постановке наших солдат (в составе сербских частей), оно извещает меня, что создавшееся положение не позволяет говорить о переброске в страну части армии, другая часть которой, в силу тех или иных условий, но заняла враждебную Венгрии позицию.

Я не получил еще упоминаемого документа, но доношу об этом, так как мой осведомитель в Министерстве Иностранных дел настолько осведомлен, что сомневаться в этом не приходится, и некоторое промедление надо отнести к нормальной проволочке во всех венгерских учреждениях.

Таким образом, после восьмимесячной упорной работы по переброске частей нашей Армии в Венгрии, получив, наконец, на руки документ официально и без всяких оговорок, устанавливающий согласие Венгерского Правительства на эту переброску, все дело получило решительный удар с той стороны, о которой я имел случай предупреждать в моих рапортах №№ 167 и 567 и которую я считал совершенно вне опасности в связи с тем, что было Вами мне указано в Ваших предписаниях мне №№ 7148 и 7149, при сем в копии прилагаемых.

Однако никогда и нигде не считая никакого дела окончательно проигранным, я вижу исход и хотя бы малую надежду на исправление произошедшего в двух направлениях, откидывая со-

вершено время, которое, конечно, могло бы сгладить многое, но по условиям всего дела, могло привести к решению через несколько месяцев, то есть тогда, когда для армии это было бы уже не нужным.

Я вижу исход в двух направлениях.

1. С моей стороны: я, узнав о всем мною доложенном, немедленно заявил мое требование быть выслушанным в начале будущей недели (сегодня суббота) графом Бетлен, министром-президентом Венгрии. Кроме того, я вновь прибегаю к исключительной мере, уже раз мною испробованной, – непосредственному письму на имя Правителя Венгрии Адмирала Хорти. И тому и другому я попытаюсь доказать неосновательность принятия подобного решения и невыгодность его для будущей русской политики Венгрии.

Не скрою, что усиление оппозиции против кабинета графа Бетлена после королевского выступления уменьшает в моих глазах шансы на успех.

Как к последней мере, в случае неудачи предыдущих, я прибегну к личному свиданию с Правителем Венгрии, всегда выказывающим внимание нашему делу и мне, как его выразителю.

2. Со стороны командования. Этими мерами могло бы явиться официальное заверение командования о том, что появление русских солдат на сербо-венгерской границе произошло против воли командования. Прекрасное впечатление произвело бы приложение к этому заверению копии сношения командования с Правительством Югославии о необходимости снятия русских с венгерской границы.

Полагаю, что это произвело бы на венгров достаточное впечатление даже и в том несомненном для меня случае, если бы Правительство Югославии отказалось бы выполнить желание командования о снятии русских с северной границы страны.

Не будучи совершенно ориентирован в возникновении и проведении в жизнь вопроса о постановке наших частей, или, вернее, отдельных солдат, Югославией на венгерскую границу, вопроса, который нанес такой ужасный удар веденному мною делу, я не могу даже учесть, насколько предлагаемые мною меры проводимы в жизнь.

Я прекрасно понимаю, что оценивая вопрос с арифметической точки зрения, помощь, оказываемая Армии Югославией, не толь-

ко превышает ту помощь, которую выразила готовность оказать нам ослабленная со всех сторон Венгрия, что выбора между этими двумя странами быть не может, но не могу не отметить, что в политическом и стратегическом отношении даже минимальная помощь со стороны Венгрии имеет чрезвычайное значение, так как это включало бы еще одну страну, в той или иной мере, в орбиту влияния Главнокомандующего.

Ввиду отсутствия курьеров, следующих через только что открытую границу Югославии и Венгрии, я направляю это донесение заказной почтой, а потому прошу не отказать подтвердить мне его получение.

Приложение: две копии.

Генерального штаба полковник (подпись)

Примечания

¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 6. Л. 264–267. Машинопись, копия, русский.

15. Письмо Д.Н. Потоцкого

А.А. фон Лампе¹

Российский Военный Агент

В Королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев

6 / 19 ноября 1921 года, г. Белград.

№ 8579.

Его Высокоблагородию А.А. фон Лампе

*Представителю Главнокомандующего Русской Армией
в Венгрии*

Глубокоуважаемый Алексей Александрович,

Из копии Вашего рапорта Начальнику Штаба Главнокомандующего от 23 октября за № 595 о переговорах Ваших с подполковником Пронаи, считаю долгом уведомить Вас, что я и

Начальники Частей, поставленных на границе от Сегедина до Марибора, не могут даже допустить возможность какого-либо участия в политических разговорах по затронутому Вами вопросу².

Части Гвардейских Казачьих полков, занимающих указанный район, выполняют исключительно функции службы Пограничной Стражи, препятствуя переходу через границу контрабандистов и лиц, не имеющих законных документов, задерживая контрабанду и ведя борьбу против коммунистов, как партии, объявленной вне закона в Королевстве С.Х. С.³

Никакие проявления симпатий к тому или иному государственному строю соседнего Государства не должны иметь место.

Как я просил Вам доложить одного из курьеров, вопрос о занятии Венгерской границы Гвардейскими казаками не вызывал никаких сомнений, ибо устройство 1000 честных патриотов и верных сынов России, сохраняя их воинскую организацию, было несравненно выше, чем политическое обсуждение их деятельности в Будапеште⁴.

Эти части не представляют самостоятельной войсковой части, они перемешаны или, вернее, вкраплены в сербские пограничные участки, и, смею Вас заверить, никакими политическими вопросами не обеспокоены⁵.

Положение в Македонии, где эти части несли при исключительно тяжелых условиях работу по собиранию военного материала, показало, до какого состояния возможно довести дух части, когда, за отсутствием средств, офицеры и казаки отказались от курения, питались из общего котла фасолью с хлебом в течение 2 месяцев, работали с утра до позднего вечера при тяжелых климатических условиях.

Вам станет понятным, что из таких условий нужно было освободить эти безропотно несущие свой крест доблестные войсковые части, в свое время избалованные лучшими условиями службы и радостно принявшие известие о постановке их на хорошую, в климатическом и продовольственном отношении, Венгерскую границу, ибо эти части от Европейской политики далеки⁶.

Они горят желанием возвращения на Родину, когда этого потребует Главнокомандующий Русской Армией и когда условия будут более возможными для выполнения этого общего желания, а пока – лишь бы сохранить себя и свои части, свой Дух, свою любовь к России, и к своим хуторам и станицам.

Примите уверения в отличном моем уважении и таковой же преданности.

Д. Потоцкий

Примечания

¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 6. Л. 269–270. Машинопись, оригинал, русский.

² Смотри об этом дневниковую запись А. фон Лампе от 18, 19, 20, 21, 22 октября 1921 г. и комментарии к ней. На полях имеется помета от руки А. фон Лампе: «Написать по поводу последней копии» (?)

³ Помета А. фон Лампе к абзацу: «Венгры рассматривают (?) это иначе».

⁴ Выражение «не вызывал никаких сомнений...» подчеркнуто А. фон Лампе, на полях помета: «У кого?». Вторая часть пометы не читается.

⁵ Помета А. фон Лампе к абзацу: «Меня заверить легко, но венгров!».

⁶ Помета А. фон Лампе к абзацу: «Да ведь этого понять не могут!».

16. Письмо А.А. фон Лампе

П.Н. Кусонскому¹

*Военный Представитель Главнокомандующего
Русской Армией*

При Правительстве Венгрии

28 ноября 1921 года.

№ 710/2 (на №№ 9883 и 9933²).

П.А. Кусонскому

Вр. и. д. Начальника штаба Главнокомандующего

Ваше Превосходительство

Милостивый Государь

Павел Алексеевич,

Прошу принять мою искреннюю благодарность за столь лестную оценку моей работы, которую Вам угодно было сделать. К моему величайшему сожалению, работа эта, накануне своего завершения, по причинам, от меня не зависящим и доложенным мною в моем рапорте от 12 ноября за № 692, закончилась не так, как я предполагал.

Должен, однако, отметить, что положение, в которое меня поставило выдвижение наших солдат с сербской стороны на границу Королевства СХС и Венгрии, имело и хорошую сторону, так как окончание переговоров, в которых неоднократно упоминалось о том, что перебрасываемые чины армии будут оплачены на год, в тот момент, когда эта оплата уже, за неимением денег, не могла бы быть проведена в жизнь, возможно, что создало бы положение еще более сложное, чем сейчас.

В связи с этим положением я считаю своим долгом осветить ту обстановку, в которой мне придется проводить в жизнь последнее приказание Главнокомандующего, переданное Вами в предписании 9933, а также и те причины, которые поставят препятствия на моем пути к выполнению его.

1. Венгры никогда не делали разницы между переброской «частей армии», «рабочих» или «беженцев». Эти градации делались только в угоду Антанты и для нее, но местное правительство всегда смотрело на перебрасываемых, как на противокommунистическую армию. Поэтому, прекращая ведение переговоров о переброске «частей армии» при условии их оплаты, мало оснований рассчитывать на успех переброски «рабочих», без того чтобы платить за них.

2. Ссылаться на то, что это будут техники или рабочие, которые принесут пользу стране, трудно, так как Венгрия не только не нуждается в рабочих, но даже отягощена наличием нескольких сотен тысяч безработных³.

3. Насколько я могу понять, предполагаемый к переброске в качестве рабочих элемент – это беженцы, совершенно однородные с теми, которым в Константинополе выдал около полутора тысяч виз Нидерландский консул.

В силу полученного мною в почто-телеграмме 8394 прямого приказа Главнокомандующего добиться того, чтобы элементы эти не были приняты Венгрией, я принужден был охарактеризовать их с нелестной стороны, что только и убедило Венгерское Министерство Иностранных дел не принимать их, так как оно настолько не было настроено против них, что уже после переговоров все же пропустило в страну около 300 человек.

Таким образом, усложнено принятие беженцев и под видом рабочих.

4. Ввиду отмеченного мною в пункте 1 факта, что венгры не делали разницы между «частями армии» и «рабочими», все то, что мною доложено в рапорте 692, не только не теряет силы, но и становится острее, так, при переброске «частей армии» за плату, можно было всегда указать оппозиции, что страна не несет за них расходов, теперь же, при условии переброски «рабочих», оппозиция всегда сошлется на то, что «грозящая» независимости страны вместе с сербами русская армия, в лице «рабочих», пользуется средствами страны. В данном случае я докладываю точку зрения не свою, а венгерского правительства.

Однако, доложив все вышеуказанные препятствия, я должен также доложить, что я не смотрю совершенно безнадежно на успех проведения в жизнь полученного мною приказа Главнокомандующего, к чему я приложу все свои силы.

Я полагаю, что несколько выждав, чтобы сгладилось впечатление от постановки наших солдат на северную границу Сербии, я смогу добиться от Венгерского правительства известного количества виз на въезде в Венгрию наших беженцев из тех стран, которые Вами мне указаны (число виз в данный момент доложить не смогу, но буду настаивать на большем); причем, дабы парализовать влияние пункта третьего, я буду наставить, что эти беженцы отличаются от опороченных ранее тем, что они рекомендуются командованием.

Однако усматривая в этом решении возможность проведения в жизнь воли Главнокомандующего, в той обстановке, которую создало для меня в Венгрии решение правительства Королевства С.Х.С. избрать именно венгерскую (а не румынскую или австрийскую) границу для охраны ее нашими солдатами, я должен отметить, что благоприятный исход моих переговоров неизбежно вызовет расходы:

1. На перевозку беженцев до Будапешта.

2. На оказание им первой, хотя бы и самой минимальной, помощи в момент их прибытия в Будапешт тем, что они получают приют на моем этапе, который сможет одновременно вместить не более 75 человек, и отпуском им, хотя бы в первые дни, пищи.

Работу они, несмотря на наличие безработных, найти смогут, так как венгерские безработные, как и всякие другие, предпочитают сидеть на государственной помощи и не работать⁴.

Однако все эти расходы, ввиду скверного состояния моего подотчетного аванса, уже третий месяц покрывающего отсутствие денежных присылок из штаба, о чем я доношу отдельно, — мне не по силам.

Прошу Вас принять уверения в совершенном моем уважении и таковой же преданности

Уважающий Вас Л

Примечания

¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 6. Л. 285–286. Машинопись, копия, русский.

² Еще до получения «окончательного» ответа от венгерского правительства о невозможности принятия русских военных в стране П.А. Кусонский по указанию Врангеля информировал А. фон Лампе о том, что расселение армейских частей по Балканским странам практически завершено и на это были израсходованы все денежные средства Главного Командования. «Поэтому вопрос о расселении частей Русской армии за наш счет на территории Венгрии совершенно отпадает». Однако в районе Константинополя, в Бизерте, в Польше остались еще несколько тысяч людей связанных с армией, живущих в очень тяжелых условиях. Кусонский от имени Врангеля просил А. фон Лампе «с присущей Вам энергией добиться возможности приема Правительством Венгрии названных контингентов на работы с тем, чтобы они могли бы своим трудом обеспечить себе существование». В инструкциях говорилось, что сначала желательно было бы добиться принятия 3000 лиц, и их бесплатной (или, в крайнем случае, льготной) перевозки в Венгрию (ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 6. Л. 287–288). Текст телеграммы № 9933 с аналогичным содержанием приводится в дневниковой записи А. фон Лампе от 20–22 ноября 1921 г.

³ В отличие от государств-сукцессаров Венгрия после войны переживала острый кризис безработицы. Это отчасти объяснилось тем, что вследствие территориальных изменений Трианонского договора территории с сырьевыми ресурсами практически полностью попали в новорожденные государства, пока примерно 50 % индустриальной базы осталось в послевоенной Венгрии. Заводы и фабрики в отсутствии достаточного количества сырья были вынуждены свертывать свое производство (*Gulyás László. Az első világháború és trianon következményei a magyar gazdaságra // Széchenyi-től a Széchenyi-tervig. A modern magyar gazdaság története / Gulyás László – ред. – Szeged, 2009. С. 103–111*).

⁴ В Венгрии, как об этом говорилось уже выше, в межвоенный период не существовала система государственной помощи безработным.

**17. Нота А.А. фон Лампе
графу М. Банфи, венгерскому министру
иностранн¹ых дел**

5 декабря 1921 года.

№ 771/4.

Ваше Превосходительство.

30 ноября я имел честь получить Ваше письмо от 24-го ноября за № 6482, в котором Вы меня извещаете, что, пересматривая принятое Венгерским Королевским Правительством решение о приеме в страну 1000 человек солдат Русской Армии, Правительство, отменяя Ваше письмо мне от 20-го октября с. г. № 5385, ставит меня в известность, что, вследствие непредвиденных обстоятельств, оно вынуждено воздержаться от всякого размещения в Венгрии частей Русской Армии².

Я считаю своим служебным долгом остановиться на тех причинах, которые легли в основание последнего решения Венгерского Королевского Правительства.

Среди всех имеющихся в моем распоряжении известий о судьбе офицеров и солдат Русской Армии, находящихся в пределах Королевства С.Х.С., я не имею ни одного, которое подтверждало бы сведение о том, что «части» Русской Армии, в том или ином виде, приняли участие в недавней мобилизации или в стратегическом развертывании Армии Королевства С.Х.С. против Венгрии.

Что касается до службы отдельных русских офицеров (в качестве солдат) и солдат в сербских частях, несущих службу на северной границе Югославии, то таковая служба имеет место, причем русские не составляют отдельных частей, а лишь вкраплены в пограничные сербские части. Участие в несении пограничной службы русских в Югославии объясняется, как Вы и отмечаете, тем тяжелым положением, в которое поставлены русские вне своей Родины, а также и тем обстоятельством, что содержание русских, находящихся в пределах Югославии, не оплачивается Русским Командованием, как то было для русских, которых предположено было переместить в Венгрию. Кроме того, необходимо отметить также и то обстоятельство, что в обязанности пограничной стражи в Югославии входит борьба с коммунизмом, которой, так же, как и венгерский народ, посвятили себя русские,

служившие и боровшиеся с коммунизмом в рядах Русской Армии.

Таким образом, оценивая, причины, вызвавшие пересмотр вопроса о приеме офицеров и солдат Русской Армии в Венгрию, я позволяю себе, на основании данных, имеющихся в моем распоряжении, остаться на точке зрения, несколько отличной от точки зрения Венгерского правительства.

С глубокой грустью констатирую я факт, что среди государств, принявших тех русских, которые столько времени боролись против общего с Венгрией врага – коммунизма, не будет страны, изгнавшей коммунизм из своих пределов, и что среди русских, которых родина рано или поздно призовет к работе над ее восстановлением, не будет тех, кто в тяжелую для Родины минуту нашел приют в Венгрии.

Пользуюсь случаем, чтобы сообщить также Вашему превосходительству о том, что 22 ноября мною была получена телеграмма от Главнокомандующего Русской Армией от 21-го ноября за № 9883 о том, что последние 3000 офицеров и солдат Русской Армии, находившихся в пределах Турции, по извещению Болгарского Народного собрания, приняты болгарским народом в Болгарию, и теперь речь могла бы идти только о русских беженцах, но не о частях Армии, которые распределены все.

Считаю своим приятным долгом принести Вам лично, Ваше Превосходительство, мою искреннюю признательность за то сочувствие национальному русскому делу, которое я всегда встретил с Вашей стороны при многочисленных личных переговорах с Вами.

Прошу принять уверения в совершенном моем уважении и таковой же преданности

Генерального штаба полковник Л

*Его Превосходительству Графу Банфи
Венгерскому Королевскому Министру Иностранных Дел*

Примечания

¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 6. Л. 318–318об. Машинопись, копия, русский. На документе имеются многочисленные стилистические корректировки.

ки от руки А. фон Лампе, часть их не читается, но содержание письма от этого не меняется.

² См. дневниковую запись А. фон Лампе от 29–30 ноября 1921 г. и комментарии к ней.

18. Письмо А.А. фон Лампе

П.А. Кусонскому¹

16 декабря 1921 года.

№ 794/1.

П.А. Кусонскому

Вр. и. д. Начальника штаба Главкомандующего

Ваше Превосходительство

Милостивый Государь

Павел Алексеевич,

До назначения в Будапеште представителем Высшего монархического Совета Князя Голицына-Муравлина и присоединения к Венгрии округа Печ, монархические русские организации в Венгрии заключались лишь в небольшой группе в Будапеште, действовавшей с ведома и одобрения Правителя государства Адмирала Хорти, но серьезного значения не имевшей.

Князь Голицын по своем прибытии в Будапешт немедленно был принят Правителем и высшими властями, а также и обществом, как бы наравне с официальными представителями и, несомненно, будет иметь немалое влияние на русские дела, по всей совокупности настроений, в Будапеште, как монархическом центре Европы.

Вместе с тем группа русских будапештских монархистов соединилась с прибывшими из Печа и образовала «Единение русских монархистов в Венгрии» во главе с советом, выделившим из себя правление, которое возглавил г-н Казем-Бек (Лев Александрович).

По отношению к Армии группа, в особенности ее верхи, благожелательна на словах. Поскольку это соответствует и делу, я пока не доношу, считая необходимым проверить сомнения, которые у меня по этому вопросу имеются.

Учитывая то значение, которое имеют монархисты в Венгрии, и то влияние на русские дела, которое, как я и докладывал выше,

несомненно, будет иметь группа «Монархического объединения», я не считал возможным остаться в стороне от нее и предполагал ввести в совет ее Есаула Иловайского.

Когда же это, по персональным причинам, оказалось невозможным, я, учитывая мой шаг как шаг исключительный, отказавшись от вхождения в правление (орган активный), согласился и вошел в совет (орган совещательный), что, по моему предположению, даст мне возможность не только знать всё, что делается в группе, но и влиять на ее деятельность. Так, в одно из первых заседаний, мне моим вмешательством удалось сорвать бестактный официальный протест против постановки наших солдат на сербо-венгерскую границу, вопрос, который и без всякого муссирования, слишком занимает умы венгров.

Однако, решая вопрос так, как решил его я, не могу не сознавать, что это шаг исключительный и мое положение в партийной группировке, хотя и соответствующей духу того правительства, при котором я состою, и готовящейся поддерживать командование, которое я представляю, нельзя считать нормальным.

Поэтому в дальнейшем я решил все-таки ввести в совет группы, путем кооперации, того же есаула Иловайского, а самому отойти в сторону, имея наблюдение за группой в лице моего помощника.

Уведомляя Вас о вышеизложенном, я прошу по затронутому вопросу указаний Главнокомандующего и доношу, что в случае неодобрения им моего решения я сумею выйти из совета группы, не давая никому понять, почему это мною делается.

Должен также упомянуть, что данной, также повлиявшей на мое решение, был мой разговор с князем Ширинским-Шихматовым, который передал мне (в своем, конечно, преломлении) о свидании и разговоре А.Ф. Трепова² с Главнокомандующим.

Прошу принять уверение в совершенном моем уважении и таковой же преданности

Уважающий Вас Л

Примечания

¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 6. Л. 321–321 об. Машинопись, копия, русский.

² ТРЕПОВ Александр Федорович (1962–1928), русский политический и государственный деятель, с ноября 1916 по январь 1917 г. председатель Совета Министров. В эмиграции один из лидеров монархического движения.

19. Письмо А.А. фон Лампе

П.Н. Врангелю¹

25 декабря 1921 года.

№ 864/2.

П.Н. Врангелю

Главнокомандующему Русской Армией

Ваше Превосходительство

Глубокоуважаемый

Петр Николаевич.

Позвольте мне принести Вам мою искреннюю признательность за ту оценку моей работы, которую Вам угодно было сделать в Вашем письме от 3-го декабря, полученном мною сегодня.

Глубоко сожалея о том, что работа эта была до сего времени, в силу некоторых обстоятельств, безрезультатной, я прошу Вас принять также мои поздравления с той победой нашей Армии за границей, которая одержана благодаря Вашей бесконечной энергии. Был бы глубоко счастлив праздновать эту победу не только как человек, живущий интересами Армии, но и как участник проведения в жизнь этой победы – я был очень близок к этому, и тем досаднее, что сейчас это не так.

О всех моих переговорах и встреченных мною по пути препятствиях со всех сторон я неоднократно и подробно доносил по команде, о последнем же положении особенно подробно донес №№ 692, 710 и 743 от 19-го ноября, 28-го ноября и 1-го декабря, с представлением копии всех документов, подтверждающих мои доклады.

Разрешите теперь доложить мне по содержанию Вашего письма:

1. Вопрос о переброске частей в Венгрию.

Как я и доносил, в результате восьмимесячного напора на венгров и «союзников», мне удалось получить от них письменное

согласие на прием наших частей в Венгрию, и все дело перешло в стадию технического обсуждения подробностей переброски, при моем непосредственном участии, с представителями всех заинтересованных министерств.

Вопрос о нахождении наших офицеров и солдат в составе сербской пограничной стражи, еще раньше доходивший до меня в форме слухов, не очень беспокоил меня, так как я еще 8-го июня донес начальнику штаба о той нервности, с которой венгры встретили даже расположение нашего штаба в Карловицах, и получил в ответ заверение, которое мне было разрешено показать венграм (чего я не сделал) о том, что наши части на венгерской границе не будут.

Однако с прибытием в Венгрию Короля Карла IV и последовавшим затем полу-разрывом между Венгрией и Сербией, с мобилизацией армии последней, совершенно определенно выяснилось, что на сербо-венгерской границе стоят наши и что венгры, как я и ожидал, еще в июне отнеслись к этому чрезмерно серьезно, и это послужило поводом для срыва всей той работы, которую мне удалось довести до успеха в виде письменного согласия на прием наших частей.

Если принять во внимание, что греческий представитель в Софии протестовал против только предполагаемого им же самим направления наших частей болгарским правительством на греческую границу, и отметить тот факт, что наши офицеры и солдаты в самой Сербии стоят на всех границах кроме болгарской, то надо признать, что нашим представителям в Сербии, опасавшимся ставить наших на болгарской границе, следовало бы проявить ту же осторожность, хотя бы в виде совета со мной, и относительно венгерской границы.

К сожалению, это сделано не было, и обстановка сложилась так, что Венгрия не вошла в орбиту Вашего влияния в тот самый момент, когда этот вопрос уже был принципиально решен, чему подтверждением служит документ, представленный мною при № 601 от 24 октября².

Несомненно, что я принял и приму все меры, дабы разъяснить венгерскому правительству всю неправильность его взгляда на роль наших офицеров и солдат в сербской пограничной страже, это я делал уже и лично – разговором, и путем двукратного письменного протеста министрам Военных и Иностранных дел.

Однако, к сожалению, для того чтобы впечатление, произведенное появлением на сербской границе наших офицеров и солдат в момент мобилизации сербской армии, прошло, необходимо время.

Кроме того, как я и доносил в № 710³, венгры никогда не делали разницы между «беженцами», как назывались наши части для представителей Антанты, и «армией», каковую они считались венграми, и поэтому, прекратив переговоры о переброске «армии» на основании уплаты ее содержания, трудно надеяться, что удастся перебросить других в виде «рабочих», но уже бесплатно.

Я считаю своим долгом доложить, что в данный момент переброска в Венгрию чрезвычайно затруднительна в силу тех причин, которые я здесь, не желая утомлять Вашего внимания, изложил лишь вкратце, и о которых полностью доносил в моих рапортах и письмах по команде, а бесплатно, с устройством на работу, при наличии в стране нескольких сотен тысяч безработных, и почти невозможна.

Я лично предполагаю, что от венгерского правительства теперь, в силу всего мною доложенного, можно добиться только разрешения на выдачу виз по рекомендации командования на въезде в Венгрию, с тем, чтобы забота об этом легла потом уже на меня как на представителя командования в Венгрии. Положение лиц, которые могли бы прибыть в Венгрию, в силу такого соглашения, будет нелегким, так как работу здесь можно найти только черную и непостоянную, однако все же это было бы лучше, чем умирать с голоду на мостовых и набережных Константинополя или Бизерты.

Если удалось бы достичь успеха в этом направлении, чего, не скрою, тоже нельзя ожидать, безусловно, вследствие того, что протесты против неправильной характеристики роли наших солдат в сербской пограничной страже пока исходили только от меня – военного агента, так как каждому ясно, что если бы венгры и были правы, то я бы тоже протестовал и защищал бы своих, и все же это не подходило бы для чинов Третьей Армии, находящихся в Польше.

Чины эти, насколько я могу судить по предписанию Генерала Кусонского от 1-го декабря № 10051, имеют постоянное помещение и паек, то есть то, что без затраты средств на доставку и пе-

риодическую помощь в Венгрии со стороны Армии, в Венгрии получить нельзя.

Поэтому, всегда донося и докладывая Вам всю обстановку в ее настоящем освещении, я считаю, что в Венгрию, в силу всего произошедшего, можно направлять только тех, кто более оставаться в Турции или Африке физически не может.

И в этом случае все-таки небольшая сумма для поддержки их здесь в первое время, во время потери места, заболевания и т. п., необходима.

Выждав время и получив указания от Вас, я, оценив вновь обстановку со стороны венгров, уже готов приступить к переговорам относительно виз. Наш дипломатический представитель князь Волконский относится к моему проекту, в смысле возможности достижения успеха, скептически, но я не теряю надежду и прошу указаний.

2. Переброска в Венгрию семей генералов Князя Шаликова-Каткова и Драценко⁴.

Я должен доложить Вам, что весь проект переселения русских семей в Венгрию исходит от графа Телеки, который в то время был у власти, а теперь давно уже должности не занимает. Высказав свой проект о принятии венгерскими магнатами 100 русских семейств венгерскому дипломатическому представителю в Белграде, он обо всем решительно забыл и вспомнил только тогда, когда я в мае, получив список 57 семей, просил его исполнения его же обещания⁵.

Однако и здесь граф Телеки, написав массу, как он мне сам сказал, заключавшуюся в 15 штуках, писем, бросил все дело и почти все время отсутствует в Венгрии, передав хлопоты некой графине Зичи, с которой я, конечно, познакомился и говорил⁶.

Семей в Венгрии, устроенных у магнатов, много, но большинство их с армией имеет мало общего.

Главная масса – это поселенные сербами во время обладания ими округом Печ в имениях венгров. Теперь, с возвращением Печа к Венгрии, семьи эти, большей частью выехавшие из России 6-го января 1920 года (Одесса – Новороссийск), теперь остались на иждивении своих прежних хозяев. Среди них: Голицыны-Муравлины, Казем-Беки, Княжевичи, Вадковские, Линевици, Толстые⁷ и т. д.

Кроме того, есть семьи, которые рискуют приехать в Венгрию «на авось», без всякого приглашения и здесь постепенно устраивающиеся путем частных знакомств, интриг и т. п.

Между ними: генерал Шульгин, Данилов – то есть люди, которые со стороны армии могут быть рекомендованы только плохо (последнего устроил Л.А. Казем-Бек, зная о его роли в Армии и в Константинополе), потом Барон А.К. Врангель, который, когда-то, на Принкипо, говорил мне же, что он не в родстве с Вами, и теперь в Венгрии все время это родство вспоминающий⁸, Шеман и др.

И, наконец, семьи по списку – Оболенские, Шмидты и Голицыны.

В августе графиня Зичи сообщила мне, что князь Эстергази выразил готовность принять к себе в Кисмартон⁹ две семьи. Таковыми Вы назначили Генералов Князя Шаликова-Каткова и Драценко; однако, пока длились переговоры о визах, Кисмартон перешел к австрийцам (вместе с А.К. Врангелем, жившим там), и потребовалось новое приглашение, так как оба генерала не для того уехали из большевистской России, чтобы попасть в большевистскую же Австрию.

Об этом я немедленно переговорил и с графиней Зичи, и с графом Телеки, и оба обещали мне сделать все возможное для изыскания места, куда бы их можно было поместить, но оба в один голос сказали мне, что это трудно, потому что обе семьи насчитывают по 6 человек (Катковы – муж, жена, трое детей и старый слуга; Драценко – муж, его сестра, жена и трое детей).

В данный момент, венгерские праздники, во время которых все мои собеседники находятся в своих имениях, мешают мне доложить Вам более подробно положение дел, но немедленно по минованию праздников я вновь переговорю со всеми и доложу о результатах. Относительно Катковых я пустил в ход и родство Княгини с графиней Аппони, рожденной графиней Бенкендорф¹⁰.

Заканчивая настоящее письмо, я прошу Вас верить, что не за страх, а за совесть готов работать по выполнению Ваших указаний, памятуя и Ваше постоянно внимательное отношение ко мне и то, что служению «белому» делу, Вами руководимому, я посвятил себя добровольно и навсегда.

В письме, даже и таком продолжительном, трудно доложить все, как то можно сделать устно, а потому я и позволю себе просить Вас вызвать меня в Сербию во время Вашего там пребывания для устного и полного доклада всей обстановки и получения исчерпывающих указаний, что совершенно необходимо, так как со времени последнего общения, которое одно только выясняет полный взгляд на дело, прошло уже больше 10 месяцев.

Еще раз заверяя Вас в полной моей готовности на выполнение всего Вами предуказанного, я прошу Вас принять мои самые глубокие пожелания здоровья и сил на счастье нашей истерзанной Родины.

Прошу Вас признать уверения в абсолютном моем уважении и безграничной преданности.

*Уважающий Вас
Алексей фон Лампе*

Примечания

¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 6. Л. 332–337. Машинопись, копия, русский.

² См. документ № 11 в приложении.

³ См. документ № 16 в приложении.

⁴ ДРАЦЕНКО Даниил Павлович, генерал-лейтенант (1876–194?), в годы Первой мировой войны служил на Кавказском фронте. В гражданской войне – в составе Добровольческой Армии. В 1920 г. был назначен начальником штаба десантных отрядов ген. Улагаем, предназначенных для высадки в Кубани. Из-за разногласий с Улагаем просил отставки. После реорганизации Русской Армии был назначен командующим 2-й армией. После эвакуации Крыма жил с семьей в Константинополе, откуда его безрезультатно старались перевести в Венгрию. В эмиграции жил в Югославии, во время Второй мировой войны командовал одним из полков Русского Охранного Корпуса.

⁵ О подробностях этой акции см. еще дневниковые записи А. фон Лампе от 16–20 июня 1921 г. и от 8–11 февраля 1922 г. и комментарии к ним.

⁶ Примерно через месяц, в конце января 1922 г. Телеки сам писал А. фон Лампе, что он уже никакой официальной должности не занимает, следовательно не обладает той инфраструктурой, которая необходима для проведения акции и дело русских семейств уже не находится в его руках. Предлагал А. фон Лампе обратиться графине Зичи и секретарю канцелярии премьер-министра, Иштвану Барци. Со своей стороны Телеки обещал, что как дирек-

тор Венгерского Казино будет вести пропаганду среди его членов (ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 6. Л. 368–368 об.).

⁷ На основе раскрытых документов невозможно установить, о каком именно члене фамилии Толстых идет речь. В протоколе Совета Правления Монархического Объединения в Венгрии от 11 августа 1922 г. даются инициалы Ю.С. /Толстой/ (ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 9. Л. 362). На 1-ом всеобщем съезде Русской Национальной Молодежи среди делегатов из Венгрии фигурирует некий Андрей Спиридонович Толстой, который был избран секретарем президиума съезда (ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 11. Л. 388–391).

⁸ На основании имеющихся данных невозможно установить, о каком именно Врангеле идет речь, является ли упомянутое Алексеем фон Лампе лицо тождественным с бароном ВРАНГЕЛЕМ, Александром Карловичем, кто в начале 20-го века был членом правления Крымского общества по борьбе с туберкулезом.

⁹ Правильно: Кишмартон – ныне Эйзенштадт в Бургенланде (Австрия).

¹⁰ А. фон Лампе хорошо разбирался в старых родственных связях между венгерской и русской аристократией. Речь идет о жене графа Рудолфа АППОНИ (1812–1876). БЕНКЕНДОРФ Анна Александровна, княгиня (1818–1900). Она была дочерью известного государственного деятеля Александра Христофоровича Бенкендорфа. В 1840 г. в Санкт-Петербурге она вышла замуж за графа Аппони. Аппони был дипломатом, во второй половине 19-го века представлял Дунайскую монархию Габсбургов в разных Европейских столицах, том числе в Мюнхене, в Лондоне и в Париже.

Что касается упомянутой родственной связи, то жена князя Шаликова-Каткова, урожд. ДЕМИДОВА Елена Александровна (1874–?), была внучкой Софьи Александровны Бенкендорф, младшей сестры Анны Александровны Бенкендорф-Аппони. В 1920-е годы уже ни графа Аппони, ни сестер Бенкендорф не было в живых, поэтому надо отдать должное энергичности и изобретательности А. фон Лампе, с которой он старался провести в жизнь просьбы Врангеля относительно перевода Катковых в Венгрию. «Думаю, что неустройство будет для меня роковым», – записал фон Лампе в своем дневнике от 26–28 декабря 1921 г. Фон Лампе постоянно опасался, что невыполнение той или иной личной просьбы Врангеля повлечет за собой упразднение его миссии (ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 7. Л. 59). О родственных связях см.: <http://ru.rodovid.org/wk/%D0%97%D0%B0%D0%BF%D0%B8%D1%81%D1%8C:220392> – дата 03 04 2013.

1922

**20. Письмо А.А. фон Лампе
П.А. Кусонскому¹**

25 января 1922 года.

№ 1003/1.

Дорогой Павел Алексеевич.

Вчера я получил твое письмо от 14-го января, в котором Ты пишешь мне о предполагаемом закрытии моей агентуры и делаешь предложение занять должность Твоего помощника в Софии².

Сегодня курьер привез мне письма от Дмитрия Николаевича Потоцкого и Петра Григорьевича Архангельского о том же, но никакой телеграммы или письма от Павла Николаевича Шатилова я так и не получил.

По-видимому, или в Карловцах что-то передумали, или белградские дипломаты с большого ума уложили почту на Прагу, что с ними иногда случается, и тогда надо ожидать обратного проезда курьера.

Зная меня, Ты, конечно, не можешь сомневаться в моем ответе на Твое предложение, его я послал Тебе сегодня утром по телеграфу.

Сердечное и большое спасибо Тебе за постоянную Твою память и заботу обо мне, очень и очень это меня трогает и очень я Тебе за это благодарен.

Помимо того, что я всегда рад служить с Тобой, я твердо и навсегда решил, что буду идти с армией и работать с ней по мере моих сил и умений, вплоть до того момента, пока Главнокомандующий находит, что мое присутствие может принести ту или иную пользу Армии. Я пошел на службу армии добровольно, меня никто не гнал, и я хорошо обдумал этот мой шаг четыре года тому назад. Я не принадлежу к тем, которые легко меняют свое

решение, и поэтому моя личная жизнь вне армии может начаться только в тот момент, когда я перестану приносить хотя бы малейшую пользу тому делу, с которым мы навсегда связали свою жизнь, и только тогда, когда Главнокомандующий, за которым я персонально тоже пошел добровольно, почему-либо не откажется от меня.

Что касается до «класса должности», то Ты совершенно прав в том, что это не играет никакой роли, и я совершенно на это не обращаю внимания, надеюсь, что также сумею нести подчиненную должность, как стараюсь сейчас уметь нести ее самостоятельно. В особенности же если подчиняться приходится Тебе, с нашими старыми добрыми отношениями и Твоим слишком большим вниманием к моей работе.

Верь, что это все не фразы, и я говорю совершенно искренне, думаю, что мне не надо Тебя в этом уверять.

Таким образом, эту часть вопроса я считаю совершенно определенно между нами решенной и еще раз сердечно Тебя благодарю – также искренне пойду к Тебе в подчинение, как Ты хотел идти ко мне, да к тому же мне это сделать проще.

Теперь я хочу сказать Тебе несколько слов по существу дела.

Насколько я могу судить из всех трех писем, полученных мною почти одновременно, вопрос о закрытии агентуры в Венгрии возник из-за денежной скудости, и больше к тому причин никаких нет.

Если это так, то раньше чем принимать окончательное решение, необходимо все серьезно взвесить и обдумать.

Должен Тебе совершенно откровенно сказать, что наступивший момент, в смысле денежного кризиса, я давно ждал и давно к нему готовился, недаром же я так скупно расходовал мой аванс, который Главнокомандующий дал мне еще в июне 1920 года в Джанкое.

Отсутствие ассигнований в сентябре, октябре и ноябре прошлого года, конечно, сильно меня подрезало, но все же от аванса кое-что осталось, и, сократив расходы, на него еще можно существовать несколько времени.

Кроме того, насколько Ты меня знаешь, я был бы не я, если бы я и в получаемых мною отпусках не делал возможной экономии,

которая также даст мне возможность содержать агентуру некоторое время, опять-таки в сокращенном масштабе.

Таким образом, я вполне могу еще продержаться в Будапеште, без помощи от командования, несколько месяцев, то есть дожидаться весны, а если мне немного помогут, то и лета.

Теперь совершенно спокойно взвесим преимущества оставления и закрытия агентуры в Венгрии, раз мною установлено, что денежный вопрос, по крайней мере, в ближайшее время, решающей роли не играет.

Закрывать ее немедленно нельзя. Есть дела, которые надо доделать. К таким делам я отношу указанную мне регистрацию и организацию офицерского союза, которую я, по доложенным мною причинам, намеренно затянул, желая его создать действительно для Главнокомандующего, а не для мимоезжих авантюристов³.

Но это, конечно, пустяки и вопрос второстепенный.

Другое дело – моральная сторона закрытия как раз в тот момент, когда в Европе вообще решается бытие «белых» представительств.

Я думаю, что в такой момент надо всячески избегать ударов по престижу Главнокомандующего, что будет совершенно неизбежно, так как закрытие агентуры в Венгрии неизбежно попадет в европейскую печать и будет трактоваться как первая ласточка нашего морального отступления.

Кроме того, я нахожусь в стране, которая, во-первых, представляет собою европейский контрреволюционный очаг, во-вторых, признает меня в совершенно официальной форме, как едва ли признает кого-либо еще какая-либо держава, в-третьих, за мое существование здесь у меня, а следовательно, и у командования, наладились вполне прочные связи от местной пересыльной тюрьмы, из которой мне выдают наших, арестованных за бесписьменность и переходы границы и т. п., по одному слову, до самого правителя Государства, который принимает меня по первому моему заявлению о том, что я желаю быть принятым.

Конечно, надо признать, что Венгрия не оправдала надежд и не дала нам того, что мы рассчитывали от нее получить. На то есть много причин, о которых я старался доносить подробно – давление Антанты, обобранность страны, боязнь за своих еще не

полученных заложников из Совдепии, теперь искусственно там задерживаемых и т. д.

Однако и при всем этом она пошла нам навстречу, и только пресловутое появление на сербской границе наших немного расстроило отношение ко мне Военного министерства, генерального штаба и Министерства иностранных дел – думаю, что в этом, как это ни странно, сыграли немалую роль и наши русские... монархисты. Но об этом я буду писать отдельно и официально, когда подберу данные.

Теперь в Военном министерстве и генеральном штабе, отчасти старой дружбой, отчасти просто логикой, отчасти вовремя выданным блином и водкой в русском ресторане, «положение восстановлено» совершенно и чуть ли не стало лучше. Дипломаты, как более тупые, еще куксятся, но и с ними дело налаживаю, и скоро все будет по-старому.

Теперь, по европейской конъюнктуре, чрезвычайно рискованно отрываться от таких заведомых антибольшевиков, как венгры – кто знает, не сложится ли в Европе обстановка так, что мы будем им нужны, так как формирование добровольческой армии у них не клеится⁴, а натиск коммунизма извне возможен.

Короче говоря, я считаю, что весна или начало лета дадут много нового для нас, и – или дадут нам настоящую жизнь, или, что тяжело, но надо признать, обрекут нас на долгое небытие.

Поэтому-то я и считаю, что рисковать сейчас, даже мелочью, не стоит, а в особенности, если риск выводится только из опасения будущих ассигнований, от которых моя экономия временно спасает командование.

Не надо забывать, что в Европе сейчас только два человека, которых опасаются коммунисты – это Врангель и Хорти, и мне выпала честь их связывать.

Должны ли мы отказываться от этой связи, которая, если до сего времени дала для Главнокомандующего только престиж его имени перед венграми и нашими русскими, нашедшими приют в Венгрии (что не так уж мало), то во всяком случае существует и может хорошо пригодиться в какой-нибудь последний, почему-либо острый момент, которого, если уже в Генуе хотят говорить с большевиками, тоже надо предвидеть.

Вот, дорогой Павел Алексеевич, мои соображения, которыми я не мог с Тобой не поделиться. Я должен, несмотря на то, что я не сомневаюсь в Твоих отношениях ко мне, все-таки сказать, что я ни в коем случае не говорю всего этого из желания сохранить мою должность – я считаю, что мне можно верить, что я стою выше этого и скажу то же самое, если на мое место предназначат более подходящего. Дело в принципе и правильном учете обстановки, которая здесь мне в некоторых отношениях видна лучше.

Если Ты хочешь знать мое личное мнение, то я бы считал необходимым агентуру сохранить до последней материальной возможности, за месяц до прекращения этой возможности объявить о закрытии ее официально, потом ликвидировать, для чего необходимы письма: Главнокомандующего к Хорти и Начальника штаба к Министрам Государственной обороны (Военному) и Иностранных дел, чтобы и в случае закрытия сохранить добрые отношения. Если будет решено закрытие, то я буду еще просить и несколько орденов для обеспечения будущих отношений.

Если же будет решено сохранить агентуру, то я бы считал, что письмо Главнокомандующего Хорти о том, что нахождение наших на сербской границе имеет только значение заработка для них хлеба и т. д., очень было бы хорошо, в чаянии этого я избегаю разговоров с Хорти (кстати, ему надо писать не Превосходительство, а Светлость – *Altesse*).

Итак, пиши мне, что Вы решите – во всяком случае, – сейчас ли Штаб-офицером, через несколько ли месяцев обер-офицером – я всегда пойду к Тебе с удовольствием.

Письмо мое, к сожалению, благодаря машинке имеет немного официальный вид, но я щажу Твое время и глаза, почему и не пишу пером.

Да, я забыл сказать Тебе еще одну вещь – сохранение агентуры, если это будет признано очень желательным, можно, при отсутствии средств, обеспечить еще одним способом, здесь не невозможным – это субсидией или долгом от хозяев страны.

Я говорю об этом только потому, что считаю долгом сказать все – я не сторонник этого способа, он прост и возможен в стране вроде Сербии или Бельгии, то есть у наших бывших союзников,

тем самым нам обязанных, но едва ли этичен у наших, хотя теперь и бывших и хорошо к нам относящихся, но врагов⁵...

[Без подписи]

Примечания

¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 6. Л. 362–364об. Машинопись, копия, русский.

² В связи с предложением Кусонского и настоящим письмом А. фон Лампе записал в своем дневнике: «Относительно переброски в Болгарию – нас это не очень пугает – там мы немедленно выпишем Мельницкого, приобретем что-либо в роде земельного участка – там еще меньше возможности коммунизма, при наличии нашей армии, чем здесь, может быть судьба нас еще раз хочет спасти – написав прилагаемое письмо – я больше сопротивляться не полагаю» (ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 7. Л. 76).

³ В соответствии с приказом № 311 Врангеля от 5-го декабря 1921 г. в январе 1922 А. фон Лампе приступил к регистрации русских военных на территории Венгрии. Были определены две категории. К первой относились те, которые обязались «по первому моему зову стать в ряды армии и флота». Члены этой категории считались временно состоящими в запасе. Ко второй категории отнесли тех, которые по тем или иным причинам заявили о невозможности или нежелании «стать в ряды армии» по зову Врангеля. Они считались уволенными со службы. В обеих категориях надо было составить регистрационные карточки с данными военнослужащего. Об обстоятельствах и результатах регистрации А. фон Лампе докладывал в своем рапорте № 1405 от 31-го марта 1922 г. По его данным в военном представительстве было зарегистрировано 197 лиц. Большинство из них относилось к первой категории. Одной из самых главных сложностей А. фон Лампе назвал отсутствие документов у военных, поэтому – как он писал – «установить самозванство чрезвычайно затруднительно». В графе «примечание» А. фон Лампе указал свое мнение о надежности того или иного военного, и его годности к службе в рядах армии (ГА РФ. Ф. 5826. Оп. 1. Д. 5. Л. 1, 34–35).

⁴ Трианонским договором Венгрии запрещалось иметь свою армию на основе всеобщей воинской повинности. Разрешенный контингент в 35 тысяч должен был пополняться путем найма. В связи с этим в дневнике и в письмах А. фон Лампе несколько раз проскальзывает мысль, что в этой армии могли бы служить и бездельные русские военные. В феврале–марте 1922 г. А. фон Лампе и избранный атаманом казачей станицы в Венгрии, К.И. Ершов говорили об этом с сотрудниками Министерства обороны, и предложили услуги казаков при создании венгерской кавалерии. Министр обороны Ш. Беличка ответил им, что венгры могут сами пополнить эти части, но поблагодарил их за предложение (ГА РФ. Ф. 5826. Оп. 1. Д. 7. Л. 101, 110).

⁵ В январе–феврале А. фон Лампе осведомлялся о возможностях предоставления кредитов венгерскими банками на содержание представительства

на год вперед в 1,5 миллионов венгерских крон. Банки были готовы к этому только «под давлением» венгерского правительства, то есть в том случае, если в высших эшелонах власти наличие в Будапеште белого русского представительства признается целесообразным (ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 7. Л. 104).

21. Рапорт А.А. фон Лампе о деятельности русских монархистов в Венгрии¹

Экземпляр № 4.

Секретно.

Деятельность русских монархистов в Венгрии

Период гражданской войны на Юге России, в то время когда Венгрия уже скинула с себя пятимесячное иго коммунизма, ознаменовался налетами на Будапешт и на представителей венгерского правительства и общества, русских квази-монархистов или попросту авантюристов, почуявших в пробудившемся в венграх чувстве преданности монархизму возможность пожить в том или ином размере.

Перед венграми-монархистами по существу, в довольно короткий период промелькнули небезызвестные для русской эмиграции имена генералов Комиссарова и Бискупского², из которых первый не остановился перед тем, чтобы именовать себя «представителем генерала Врангеля», имя которого в Венгрии, стране, борющейся, против большевизма и знающей цену общему врагу, всегда было популярно.

Оба генерала взяли известные куши, второй в большем размере, чем первый, и скрылись с будапештского горизонта.

Вслед за ними появлялись авантюристы меньшего масштаба — малоизвестный барон Ган и журналист Лутохин³. Последний подвизался во Владивостоке, в Екатеринодаре, Константинополе и Вене, а потом прибыл в Будапешт и, по примеру своих достойных предшественников, сумел взять с венгров куш и исчезнуть обратно в Вену, где он заявил себя представителем «Всероссийского общества борьбы с большевизмом», но был разоблачен соединенными усилиями военных представителей в Париже, Копен-

гагене и Будапеште, а также и представителями Высшего монархического совета в Берлине.

После Лутохина венгерские монархисты стали осторожнее, и попытки в этом направлении генерала Глазенапа уже успеха не имели, и генерал, не проникнув в толпу венгерских общественных кругов, переместился в Германию.

Отношение всех поименованных лиц в Русской армии в пояснении не нуждается.

В период последних минут пребывания в Будапеште Лутохина, русская колония в Будапеште уже возглавлялась Комитетом Русской колонии во главе с бывшим Екатеринославским предводителем дворянства Владимиром Владимировичем Малама и Военным Представительством Главнокомандующего Русской Армии.

Монархическая деятельность, если так можно назвать описанные выше налеты, прекратилась, а деятельности новой, более порядочной формации, временно не нарождалось.

Только во время подготовки русских монархистов к первому съезду в Рейхенгалле⁴ В.В. Малама, по соглашению с Военным Представителем, принял решение отправиться на съезд, куда он получил приглашение от находившегося временно в Будапеште г-на Тальберга, ныне занимающего должность секретаря Высшего совета, а вернее, руководящего деятельностью этого совета.

В Рейхенгалле В.В. Малама представил собою находившийся в Венгрии русских и, по возвращению оттуда, был принят правителем Венгрии Адмиралом Хорти, который обещал свою поддержку деятельности в Будапеште русских монархистов под главенством их депутата в Рейхенгалле.

В.В. Малама организовал небольшой кружок русских монархистов, всего в 10 человек, и доступ в их среду был затруднен, дабы не вливать несоответствующие элементы.

Отсутствие денег, перегруженность работой самого В.В. Малама не давали развиваться деятельности вновь организовавшегося кружка, он существовал, но и только. Надо, однако, отметить, что и развить деятельность было не так легко, так как вся деятельность русских монархистов могла закончиться в объединении и пропаганде. Первое, по составу русских в Венгрии, было естественно и протекало, несмотря на те трудности, которые ставились вновь принимаемым, а на второе не было денег, так как венгры,

хорошо наученные прошлыми выдачами, несмотря на одобрение правителя, уже туго шли на материальную помощь русским монархистам.

Отношение русских монархистов в этот период всецело было благожелательным по отношению к Русской Армии, что и выразилось в телеграмме русской колонии в Будапеште 30-го августа 1921 года на имя Главнокомандующего⁵.

Новый период деятельности русских монархистов в Венгрии настает с воссоединением со страной округа Печ, где из русских, большей частью эвакуировавшихся вместе с сербами, остались только монархисты, в большей части, крайнего правого толка, во главе с Князем Дмитрием Павловичем Голицыным-Муравлиным.

Этот небольшой, тесно сплоченный кружок, однако, распадался на две неравные и, как то естественно среди русских эмигрантов, сильно враждующие между собою группы.

Причиной розни, при общности монархического вероисповедания, послужило нижеследующее обстоятельство.

Еще задолго до присоединения Печа к Венгрии, часть русских, проживавших на иждивении венгерских помещиков в Пече, при помощи и содействии своих хозяев, предприняла шаги для получения от венгерского правительства ссуды под обеспечение землями находившихся в обладании просителей в русских пределах.

Пока Печ был в Югославии, дело двигалось туго, но вслед за присоединением к Венгрии, ходатайство получило благоприятное разрешение и, хотя само венгерское правительство в ссуде и отказало, но повлияло на банки, которые и выдали группе в 12 семейств (Голицыны-Муравлины, Казем-Беки, Линевици, Толстые и т. д.) ссуду в 8.000.000 венгерских крон⁶.

Это обстоятельство не только разъединило печских монархистов, но и внесло раздор и в будапештские русские круги, чему способствовали и венгры, которые толковали эту ссуду как общую помощь всем русским, чего на самом деле не было.

Вслед за вышеописанными распрями по поводу ссуды, которую русские поделить не сумели, представители печских монархистов, а таковыми были все члены печской колонии, прибыли в Будапешт.

Этому предшествовало назначение Князя Голицына-Муравлина Полномочным представителем Высшего Монархического

Совета для Венгрии, о чем Н.Е. Марков⁷ известил Председателя Русской колонии В.В. Малама, Военного Представителя, а также и открывшего к тому времени свою деятельность в Будапеште дипломатического представителя Светлейшего князя П.П. Волконского, с просьбой оказать Князю Голицыну возможное содействие.

Прибывшие в Будапешт члены печской колонии резко разделились на две части, и во главе «оппозиции» против деятельности князя Голицына, по-видимому, стоял генерал Княжевич, что отмечал в разговорах с Военным Представителем и сам князь.

В Будапеште печские монархисты, не обращая внимание на существование там монархической группы, предполагали выступить самостоятельно, но наткнувшись на не ожидавшееся ими противодействие, переменили тактику и пошли на объединение, которое и вылилось в декабре 1921 года в форму «Русского монархического объединения в Венгрии».

Во главе объединения стал совет его в составе Л.А. Казем-Бека, Л.А. Бобошко, В.В. Малама, Н.Н. Хрипунова, А.Н. Линевича, Г.С. Бара, В.В. Вадковского, А.П. Тучкова, Екименко и А.А. фон Лампе.

Совет выделил из себя правление Казем-Бек, Линевич, Хрипунов, Бобошко, Вадковский, председателем был избран Казем-Бек.

Средства на существование объединения были выделены получившей ссуду группой, примерно в сумме 100.000 крон.

Отношение нового образования к Русской Армии, несмотря на наличие в уставе пункта об обязательной поддержке противобольшевистских армий, оставалось под вопросом, хотя на словах не оставляло желать ничего лучшего.

Деятельность нового объединения русских, к сожалению, потекла не гладко. В декабре председатель со своим секретарем появились на молебне в день коронации Короля⁸, только что детронизированного Национальным Собранием, что было отмечено правительственной венгерской, также монархической группой, как бестактность, а потом наметились выпады и более низкого свойства, прямо напоминавшие деятельность, отмеченную Берлинским разведывательным пунктом Русской армии в документе № 2184 от 13 января с. г.

23-го декабря генерал Княжевич явился к Военному представителю и официально заявил ему, что еще в Пече озлобленная на него группа монархистов подняла в объединении вопрос с обвинением его в шпионаже против венгров в пользу французов, что это обвинение было им опровергнуто рядом письменных документов, тут же им представленных, и что он просит, так как обвинителями его явились два военнослужащих, передать дело на рассмотрение суда чести при Военном представителе, но, однако, при условии передачи ему протокола объединения с признанием возбужденного против него обвинения клеветой, он согласен все дело прекратить.

Сведения о начатом генералом Княжевичем деле частью объединения «печского происхождения» было принято с громадным волнением и озлобленностью и, по-видимому, породило решение резкого противодействия.

15-го января, в вагоне поезда, уходявшего из Будапешта, генерал Княжевич был арестован венгерскими властями и препровожден в казарму для политических арестованных.

Как Военный, так и Дипломатический русские представители немедленно заявили соответствующим министрам свои протесты против задержания генерала, и он, просидев под арестом, вследствие того, что арестован он был в субботу вечером, 27 часов, был Военным Министерством освобожден.

В ответе Военного министра русскому Военному Представителю о причинах ареста генерала Княжевича было указано только то, что вменялось в вину генералу и печскими монархистами, а в генеральном штабе, указывая на выяснившуюся 27-часовым дознанием невиновность генерала в шпионаже, было сказано, что генерал был арестован на основании русского доноса⁹.

Злостное исключение генерала Княжевича из объединения, которое венгерские власти считали совершившимся фактом за трое суток до того, как оно обсуждалось в совете, было резко опротестовано членами совета В.В. Малама и А.А. фон Лампе так же, как в свое время ими же было опротестовано решение правления гласно протестовать против появления частей Русской Армии в составе сербской пограничной стражи на сербо-венгерской границе.

В конце декабря в местной газете «Созат» появилась неизвестно кем инспирированная статья «Венгры и русские»¹⁰, а в середине января в газете «Уй Немздек» – интервью корреспондента газеты с председателем монархического объединения Л.А. Казем-Бекем, которое заканчивалось следующими словами:

«На мой вопрос, – пишет корреспондент, – о том, что представляет собою находящаяся в Будапеште военная миссия, возглавляемая князем Волконским и полковником Лампе, мирза Казем неприятно поморщился. “Военная миссия представляет собою представительство русского комитета в Париже и ничего общего с монархическим вопросом не имеет”».

Как показывает статья, а также и заключение интервью – для монархической массы военная миссия была выставлена в довольно среднем свете.

Начальник бюро прессы при Министре-Президенте, по заявлению Военного представителя, немедленно, в резкой форме, поставил редактору на вид неприличность статьи и принял от него же новую статью, написанную в Военной Миссии для помещения в той же газете¹¹. Кроме того, журналист Горелов написал другую статью, для помещения в другой газете, представлявшую собой полемику со статьей «Мадьяры и русские».

Статьи «Венгры и русские», «Русская Армия» (военного представительства) и «Невежество или интрига» (М.М. Горелова), при сем, в переводе на русский язык, прилагаются¹².

Вопрос об интервью, поднятый в совете монархического объединения членами его В.В. Малама и А.А. фон Лампе, был разъяснен как досадное недоразумение, и было постановлено на ближайшем общем собрании всех членов объединения (в феврале) вынести резолюцию широкой поддержки армии.

Статья «Венгры и русские» написана русским, фамилия которого пока говорит очень мало и сообщена венгерским генеральным штабом Военному Представителю (в неофициальном порядке). Необходимо только отметить, что этот русский являлся к русскому представителю по личному делу, с рекомендацией Председателя монархического объединения¹³.

По частным сведениям, в венгерский генеральный штаб продолжают поступать доносы русских против русских же и теперь.

Остановливаясь на отношении русских монархистов к Русской Армии в данный период, надо отметить, что большинство членов совета объединения, безусловно, стоят на платформе Армии, и необходимо только парирование членов, настроенных иначе, что с успехом и проводится в жизнь¹⁴.

Насколько можно судить, недоброжелательство в Армии исходит непосредственно от самого князя Голицына-Муравлина, что подтверждено в частном разговоре Л.А. Казем-Бекком Военному Представителю. Князь Голицын в Будапеште не живет, несмотря на полученную им субсидию, продолжает жить гостем у приютивших его когда-то венгров и в периоды своих редких наездов в Будапешт видится только с президиумом объединения и его председателем Казем-Бекком, которые в этот момент, по-видимому, и заряжаются точкой зрения своего шефа.

В промежутках, дружными действиями части членов объединения, удастся вести совет по линии морального содействия армии, что, конечно, важно, так как русские в Венгрии почти все монархисты, а венгры тоже признают только таких русских, которые исповедуют монархизм.

Ныне работа части совета, ранее выступавшей против Армии (скрыто), по-видимому, сосредоточена против князя Волконского, направление которого в Венгрии советом послов в Париже тенденциозно разъясняется венграм как «представительство Керенского». Однако лояльность и опытность князя Волконского, всецело поддерживающего Русскую Армию, его крупные родственные связи в высшем венгерском обществе¹⁵, его имя – безусловно, парализуют все враждебные выпады против него.

Да к тому же наиболее дружно в Будапеште из русских действует группа: Русский дипломатический представитель князь Волконский, Уполномоченный Российского общества Красного Креста Малама и Военный Представитель полковник фон Лампе, что должно являться залогом спокойствия для русской колонии и успеха русского дела в Венгрии.

Примечания

¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 6. Л. 383–390. машинопись, копия, русский. Без даты, не позже февраля 1922 г.

² О деятельности М.С. Комиссарова и В.В. Бискупского см. комментарии к дневниковой записи А. фон Лампе от 11 апреля 1921 г.

³ ГАН Эдмунд фон, барон (?), по венгерским архивным данным балтийский немец, лютеран, поручик. Прибыл в Будапешт в начале марта 1920 г. и не предъявив никакого документа или «верительных грамот» открыл свое «ведомство» как представитель генерала А.И. Деникина. По сведениям венгерской контрразведки, занимался главным образом мошенничеством и спекуляцией. Скоро исчез из Венгрии (НЛ 1920 VKF микрофильм В/160 пленка 2963/1987 Л. 578, 633).

ЛУТОХИН Никанор (?), по венгерским архивным данным он выступал как «директор Всероссийского общества борьбы с большевизмом». В начале 1920-х жил в Вене, откуда несколько раз появлялся в Венгрии. Предлагал издания своего «общества» венгерской контрразведке за 4000 венгерских крон в месяц. С венгерской стороны отказались от сотрудничества с ним, считали, что если он не прямой агент большевиков, то, во всяком случае, ненадежный и легко подкупный (НЛ 1921 VKF микрофильм В/168 пленка 3529/1987 Л. 82. № 55.944).

⁴ Речь идет о первом монархическом съезде («Съезд Хозяйственного Восстановления России») в Рейхенгалле в мае-июне 1921 г. В баварском городе собрались больше 150 представителей 10 монархических организаций. На съезде было провозглашено, что возрождение России возможно лишь в монархической форме, под законным Государем из Дома Романовых. Для объединения монархических течений был создан Высший Монархический Совет (*Бочарова З.С.*, 2011. С. 197–198).

⁵ 31-го августа А. фон Лампе в рапорте П.Н. Шатилову дословно передал текст резолюции собрания: «Его Высокопревосходительству Правителью и Главнокомандующему Генерал-лейтенанту Барону П. Врангелю... Русская колония в Венгрии приветствуя Ваше Высокопревосходительство и Доблестную Русскую Армию видит в лице Вашем единственного носителя идеи и человека стоящего на страже общегосударственных интересов России. Помогите Вам Господь на всех путях Ваших, на Вас, на доблестном Русском Воинстве да почиет благодать Духа Святого» (ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 6. Л. 175–175 об.).

⁶ Об этом см. еще дневниковые записи А. фон Лампе от 26 октября, 4–5 ноября 1921 г. и комментарии к ним.

⁷ МАРКОВ Николай Евгеньевич (1866–1945), потомственный дворянин, один из основателей и лидеров Союза русского народа. Член 3-й и 4-й Государственной Думы. Был известен о своих крайних правых взглядах. В эмиграции жил в Германии. В 1921 г. на Рейхенгальском конгрессе был избран председателем Высшего Монархического Совета. Участник собора русской православной церкви в Сремских Карловцах. В 1931 г. председательствовал на Парижском съезде монархистов, но по вопросу престолонаследия разошелся во взглядах с большинством делегатов. Редактировал целый ряд эмигрантских изданий, в том числе журнал «Двуглавый орел».

⁸ Л.А. Казем-Бек и его группа имели хорошие отношения с венгерскими легитимистами, которые, несмотря на все происшедшее, законным государем Венгрии считали по-прежнему Карла IV. 30-го декабря 1921 г. отметили 5-ю годовщину его коронации.

⁹ О деле генерала Княжевича см. еще дневниковые записи А. фон Лампе от 13–14 и 15 января 1922 г. в комментариях к ним.

¹⁰ Именно с этой статьи и началась борьба в венгерской прессе между разными течениями и группами русской колонии в Венгрии. Автор статьи старался дискредитировать Врангеля в глазах венгерских читателей. Писал о нем, что он находится на одной платформе с «клоуном» Керенским и с убийцей Савинковым. Его поддерживают республиканские и социалистические круги из Парижа и Праги. Эти круги представляют собой меньшинство эмиграции, но за ними стоит вся еврейская пресса. Все эти хорошо подобранные моменты были далеко от истины, но могли действовать на венгерских читателей. Из вышесказанного получился логический вывод статьи: Врангель ничего общего с монархизмом не имеет, он не может претендовать на роль руководителя русской эмиграции, следовательно, А. фон Лампе не может быть признан официальным русским представителем в Венгрии (Szózat /Созат/, 28 декабря 1921 г. С. 6.).

¹¹ Щекотливость ситуации заключалась в том, что в статье «Венгры и русские» и в интервью с Казем-Бекем нападению подверглись признанные венгерским правительством военное и косвенно и дипломатическое представительства.

Ответная статья «Русская армия» появившаяся в том же Созате, была написана В.А. Иловайским под псевдонимом В. Вольский. Иловайский подчеркнул, что армия Врангеля после эвакуации из Крыма сохранила свою сплоченность, боевую силу и является средством способным для спасения России. Поэтому армия и ее главнокомандующий являются объектами резких и наглых нападок. Как это ни парадоксально, но среди врагов Врангеля и армии перечислены те же лица, которые в предыдущей статье были представлены, как покровители Врангеля: Керенский, Савинков, еврейская и социалистическая пресса. Всей этой работой – пишется в статье – руководит Троцкий из Москвы. Статья заканчивается со словами: «Откуда бы не напали на Врангеля, за этими вылазками везде видно хитро прищуренное лицо Ленина, кто с сатанической улыбкой восточного сатрапа признательно шепчет нападшим – Благодарю!» (Szózat /Созат/, 31 января 1922 г. С. 6. – перевод с венгерского).

¹² В статье Горелов занял классическую непредрешенческую позицию и оперировал преемственностью власти. Он подчеркнул аполитичность армии и заявил, что государственная форма будущей, освобожденной от большевиков России должна быть определена самим русским народом. Кроме этого, обратил внимание венгерских читателей на то, что Врангель в отличие от разнообразных партийных формаций является законным носителем верховной власти, которую он принял от Деникина (а последний – от Колчака) (ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 6. Л. 400–402).

¹³ Статья была подписана инициалами Т.Ф. За этими буквами, по всей вероятности, скрывается венгерский журналист Ференц Трочани. Однако судья по содержанию, настоящим автором статьи действительно был кто-то из русских, а Трочани лишь адаптировал текст и придал ему вид, что статья была написана с венгерской точки зрения. Имя и фамилию упомянутого в абзаце человека до сих пор не удалось раскрыть в документах А. фон Лампе.

¹⁴ 19-го января А. фон Лампе удалось вырвать постановление от Правления местного Монархического Объединения за подписью Казем-Бека, Бобошко, Вадковского и др. Реагируя на статьи в венгерской прессе, Правление считало необходимым заявить о своей полной солидарности с Русской Армией, и обязалось оказать всемерную поддержку представителю этой армии в Венгрии, Алексею фон Лампе (ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 6. Л. 435).

¹⁵ Волконский имел родственные связи с фамилией Аппони. Его бабушка по отцовской линии, Мария Александровна Бенкендорф, была младшей сестрой Анны Александровны Бенкендорф-Аппони. В первой половине 1920-х годов в Венгрии, к примеру, был еще жив двоюродный брат его отца, граф Шандор Аппони.

22. Приказ А.А. фон Лампе от 18 февраля 1922¹

ПРИКАЗ

Военного Представителя Главнокомандующего

Русской Армией

при Правительстве Венгрии.

№ 23.

г. Будапешт, 18 февраля 1922 года.

1.

Объявляю для сведения, что 5-го сего февраля в Будапеште, по почину находящихся в Венгрии казаков, организовалась «Венгерская казачья станица имени генерала Краснова»².

Атаманом станицы избран Полковник Ершов Ксенофонт Игнатьевич, помощниками его – Есаулы Недождогин Михаил Осипович и Клыппо Сергей Георгиевич, станичным писарем – Сотник Колесов Василий Яковлевич³.

Временный адрес канцелярии станицы: Новый Пешт, Зеес⁴ улица 2–5.

2.

В протоколе № 1 общего собрания проживающих в Венгрии казаков Дона, Кубани, Терека, Сибири, Астраханцев, горцев и иногородних жителей казачьих областей, упомянуто:

«Приветствовать Русскую Армию и вождя ее генерала Врангеля и выразить надежду, что скоро настанет время, когда казаки в тесной связи с Русской Армией будут сражаться под родными знаменами и штандартами с разрушителями и врагами Русского Государства».

3.

Как представитель Главнокомандующего Русской Армией в Венгрии, от всей души приветствую рождение в стране новой русской организации, сильной любовью к родине и ненавистью к полонившей родную страну шайке интернациональных разбойников.

Дай Бог, чтобы скорей сбылось пожелание казаков Венгерской казачьей станицы, и настал бы час, когда все мы, без исключения, снова, как и в былые года, двинемся на освобождение родины.

А пока надо всем готовиться к этой желанной минуте и твердо помнить, что объединение всех русских, находящихся за границей и покинувших родину под напором жестокого врага, с каждым часом приближает то мгновение, когда мы снова будем в России, и ради которого стоит немного перетерпеть и поработать.

Искренне желаю успеха в работе вновь народившейся станицы.
В добрый час...

Справка: Рапорт Атамана Венгерской казачьей имени генерала Краснова станицы от 15-го февраля за № 2.

Подлинный подписал:

*Военный Представитель Генерального штаба
полковник фон Лампе.*

С подлинным верно:

И. д. Штаб-офицера для поручений, есаул Иловайский.

Примечания

¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 6. Л. 427–428. Машинопись, копия, русский.

² В недрах Министерства обороны долго недоумевали в чем дело. Выражение «казачья станица» в письме А. фон Лампе министру Ш. Беличка было переведено, как «*Kosakendorf*». Из этого некоторые чиновники сделали вывод, что казаки хотят создать отдельный населенный пункт в Венгрии, и это вызвало резко отрицательное отношение ко всему проекту. К началу апреля удалось рассеять недоразумения и дали добро на существование казачьей организации (HL 1930 HM Eln. D. I. tétel, № 685. Л. 62).

Станица была создана 61 казаками. По сведениям А. фон Лампе на территории Венгрии к началу 1922 г. находились около 150 казаков. Все они без исключения работали на заводах и фабриках, как чернорабочие (HL 1930 HM Eln. D. I. tétel, № 685. Л. 60–61).

³ Биографические данные упомянутых в абзаце лиц неизвестны.

⁴ Зеес или Эеес, слово плохо читается. На основе русской формы невозможно определить, о какой именно улице идет речь.

23. Проект письма А.А. фон Лампе министрам иностранных дел и обороны, графу М. Банфи и Ш. Беличка¹

Будапешт, 4 марта 1922 года.

№ 1215–1216 / 4.

Ваше Превосходительство.

Письмом моим от 31-го декабря прошлого года № 874 я имел честь уведомить Вас, что сведения о том, что части Русской Армии принимали участие в мобилизации и стратегическом развертывании армии Югославии против Венгрии, как то уведомило меня Венгерской Королевское Министерство Иностранных дел в своем письме от 24-го ноября № 6482 не получило подтверждения.

Имеющиеся в моем распоряжении сведения, как я имел честь писать Вам, говорят лишь о том, что отдельные русские солдаты и офицеры в поисках за заработком себе пропитания нашли его, поступив в пограничную стражу Югославии на всех ее границах.

Однако, к глубочайшему сожалению, указанное недоразумение послужило причиной к отпадению проекта о приеме Венгрией 1000 офицеров и солдат Русской Армии, что еще более скрепило бы добрые отношения, сложившиеся между венграми и русскими, в одинаковой степени узнавшими, что значит зло коммунизма.

В данный момент все части Русской Армии переведены из лагерей в Турции, где они, в чрезвычайно тяжелых условиях, томились свыше года, в большой своей части, в пределы Болгарии.

Однако в Константинополе, месте сосредоточения большого числа русских беженцев, в Польше, месте интернирования офицеров и солдат бывшей III русской Армии, и в Бизерте, месте стоянки русского антикоммунистического флота, осталось немало офицеров и солдат, закаленных в боях с поработителями своей родины, и в данное время не имеющих возможности заработать себе на чужбине даже ежедневного пропитания.

В поисках способов облегчить судьбу этих несчастных, которые повинны лишь в беспредельной преданности своей Родине, Главнокомандующий Русской Армией генерал барон Врангель приказал мне вновь обратиться к Правительству Венгрии и просить его оказать возможной содействие в указанном вопросе.

Во исполнение этого приказания я позволяю себе просить Ваше Превосходительство о нижеследующем:

На основании опыта моего пребывания в Венгрии, где я нахожусь уже в течение года, я знаю, что каждый русский, который, попадая в Венгрию, желает работать (конечно, в качестве черно-рабочего), всегда найдет работу, так как население страны охотно принимает к себе русских.

Поэтому я прошу, в лице Вашего Превосходительства, Венгерское Королевское правительство оказать помощь русским патриотам, выброшенным за пределы своей родины, принципиальным разрешением венгерским представителям в Турции (Константинополь), в Варшаве (лагерь интернированных в Польше) и в Париже (Бизерта) выдать известное количество виз тем русским, которые поименно будут рекомендованы каждому венгерскому представителю русским командованием. Списки эти будут также подтверждены и мною в Будапеште, после чего все, кому это разрешение дано, будут прибывать мелкими партиями в Будапешт непосредственно ко мне, для дальнейшего устройства на работу уже моим попечением.

Я прошу не отказать уведомить меня о том, могу ли я рассчитывать на просимое мною содействие со стороны Правительства Венгрии, после чего я немедленно доставлю в Ваше распоряжение как списки, так и сведения о количестве русских, в каждом из указанных выше мест.

Я позволяю себе выразить надежду, что Вы, Ваше превосходительство, оценивая тяжелое положение русских офицеров и солдат, выступивших против коммунизма, не откажете нам в содействии.

Прошу Вас принять уверения в совершенном моем уважении.

Генерального штаба полковник фон Лампе.

Примечания

¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 6. Л. 432–432об. Машинопись, копия, русский.

24. Письмо А.А. фон Лампе

П.Н. Врангелю¹

2 апреля 1922 года.

№ 1388/1.

П.Н. Барону Врангелю

Главнокомандующему Русской Армией.

Ваше Высокопревосходительство

Глубокоуважаемый Петр Николаевич.

Вчера, заканчивая личные переговоры с Правительством Венгрии о приемлемости для него совместительства в моем лице представительства Вашего в Венгрии и в Германии, я был принят Правителем Венгрии Адмиралом Хорти, которому лично и передал Ваше письмо.

Аудиенция продолжалась 55 минут и носила характер исключительного внимания ко мне, как к Вашему представителю.

Когда я передал Его Светлости Вашу благодарность за то предложение, которое я, от лица Адмирала Хорти, устно доложил Вам², Правитель Венгрии встал и сказал мне с обычной для него краткостью:

«Полковник, я принадлежу к числу людей, которые никогда не говорят фраз. Я глубоко сочувствую несчастьям Вашей Родины и также уважаю борющихся за нее под руководством Вашего

Главкомандующего. Будьте уверены, что, если мне придется выполнять мои слова, я выполню их во что бы то ни стало».

Считаю долгом также доложить, что в течение почти часового разговора Адмирал Хорти, предупредив меня, что он считает меня вправе не отвечать на его вопрос, спросил, какого я мнения о генерале Бискупском и его деятельности, связь которой с баварскими кругами, проповедующими возрождение России при помощи Германии, Адмирал, по-видимому, считает правильной.

Основываясь на Ваших указаниях мне о личности генерала Бискупского, я совершенно определенно доложил Правителю Венгрии, что считаю генерала авантюристом, направляющим свою деятельность не на пользу России, а в своей собственной выгоде. В доказательство правильности моего взгляда я привел примеры из «деятельности» генерала Бискупского.

Вместе с тем я доложил также, что я знаком с кругами, о которых говорит правитель Венгрии, считаю их стремления понятными и возможными для примирения с пользой для России³, но что это не меняет моего взгляда на Бискупского.

По ходу дальнейшего разговора я полагаю, что все это заставило Адмирала Хорти несколько задуматься над личностью Бискупского, который, неизвестно кем, по-видимому, был обрисован с лестной для него стороны⁴.

Что касается приема мною должности от генерала Хольмсена, то в данный момент, в Венгрии, мне осталось только письменно провести все то, что мною уже проведено устно, после чего дальнейшее зависит от Берлина.

Прошу Вас принять уверения в абсолютном моем уважении и безграничной преданности.

*Уважающий Вас
[Без подписи]*

Примечания

¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 6. Л. 441–441об. Машинопись, копия, русский.

² См. об этом дневниковые записи А. фон Лампе от 1–3 марта 1922 г. и комментарии к ним.

³ См. об этом комментарии к дневниковым записям А. фон Лампе от 19–23 сентября 1921 г.

⁴ О деятельности Бискупского см. комментарии к дневниковым записям А. фон Лампе от 9–10 апреля 1920 г. В 1920 г. Хорти два раза встречался с Бискупским в связи с обсуждением возможности сотрудничества баварских и русских монархических кругов с венгерским правительством. Бискупский в свое время в Будапеште охотно ссылался на то, что он пользуется поддержкой Врангеля и Крыма. Контр-адмирал Бубнов, который прибыл в Венгрию в июле 1920 с письмом Врангеля на имя Хорти, сделал все возможное, чтобы «дезаурировать» Бискупского и опровергал его связь с Врангелем (АВПРИ. Ф. 166. Оп. 508/3 Д. 34. Л. 12).

25. Рапорт А.А. фон Лампе начальнику штаба Главнокомандующего¹

9 апреля 1922 года.

№ 1421/2.

Начальнику штаба Главнокомандующего.

Рапорт

В письме моем Главнокомандующему от 25-го декабря минувшего года за № 864 я доносил мои соображения по вопросу о возможности получения виз для въезда в Венгрию для значительного числа беженцев, причем доложил также, почему именно я не могу сделать это немедленно (осадок впечатления от постановки на сербо-венгерской границе наших солдат) и почему я считаю этот въезд неприемлемым для наших чинов, находящихся в лагере Тухола (отсутствие определенного положения для переводимых в Венгрию).

В ответ на мое донесение, Вами, в предписании от 16 января с. г. №0034, было указано, что Главнокомандующий нашел получение виз желательным.

Ввиду этого я прежним темпом продолжал переговоры с венгерским правительством и просил у него принципиального разрешения на въезд в Венгрию 1000 человек, по рекомендации командования, причем указал, что они должны прибывать из Константинополя, Бизерты и Польши, что разыскание для них работы будет производиться моим попечением, что прибывать

они будут группами, причем списки групп будут предъявляться как представителям венгерского правительства на местах, так и в копии мною в самое министерство.

Наибольшую поддержку я встретил в моем ходатайстве со стороны как Военного Министра Венгрии, так и со стороны нового Начальника Генерального штаба.

Восьмого сего апреля, в результате описанных мною выше переговоров, я получил письменное согласие венгерского правительства, пересланное мне в ответ на мое письмо министрам Военных и Иностранных дел от 4 марта, на прием «ограниченного числа беженцев» на указанных мною условиях².

По личной справке в Министерстве это число исчисляется именно в 1000 человек, причем министерство предпочитало бы присылку по 100 человек.

Таким образом, главная часть вопроса, то есть переговоры с местным правительством, приведены к концу, и результат достигнут благоприятный.

Ввиду этого считаю долгом донести о тех трудностях, которые возникают в связи с полученным разрешением, о которых я уже доносил и в преодолении которых я нуждаюсь в поддержке.

Условие переброски беженцев по 100 человек (или примерно около этого) требует обязательного устройства на работу предыдущего списка для проведения последующего, а потому и вызывает необходимость указания правительству, куда именно прибывшие уже устроены.

Устроить, особенно летом, вполне возможно, в этом направлении мною уже предприняты шаги для изыскания лесных и земляных работ (черных), но второе условие, которое требует «по возможности» размещения прибывающих не в Будапеште, где у меня организован этап на 70 человек, требует организации такового где-либо в провинции и только отчасти может быть обойдено.

Устройство же этапа в провинции требует расходов, а содержание будапештского этапа ведется мною без каких-либо особых отпусков на эту цель.

Таким образом, вопрос подходит к наибольшему затруднению, которое преодолеть совершенно необходимо – это затруднение материального характера.

Получить работу в Венгрии возможно, но с момента прибытия в страну до постановки на работу проходит около двух недель, в течение которых надо дать беженцу кров и, отчасти, пищу, что я делаю сейчас при содействии местного Русского красного креста.

Чтобы поддержать беженца при потере им места, ему временно нужен тот же кров. На это надо рассчитывать осенью, по окончании летних работ.

Без этих элементарных забот о прибывающих в Венгрию беженцах их положение мало чем будет различаться от теперешнего положения в Турции, Польше и в Бизерте, и становится вопрос о том, целесообразно ли затрачивать известные суммы на их переброску в Венгрию.

Таким образом, я считаю долгом доложить, что для выполнения переброски, согласие на которую со стороны местного правительства мне удалось получить, мне необходим денежный аванс, тратить который, конечно, я постараюсь возможно медленнее, но без него провести дело в жизнь крайне затруднительно.

Я предпринимаю сейчас же обследование возможности организации этапа где-либо в провинции, так как там он будет несомненно дешевле, но надо отметить и то обстоятельство, что найти работу легче всего именно в Будапеште, а не в провинции.

По получении указаний по всему мною доложенному, представляю мои соображения по выполнению переброски.

Должен, однако, отметить, что переброска желательна именно в течение весны, чтобы к лету все перебрасываемые были уже устроены.

Приложение: Копия и перевод письма Министра Иностранных дел Венгрии от 7 апреля 1922 г. № 1305/Пол³.

Генерального штаба полковник

Примечания

¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 6. Л. 452–453. машинопись, копия, русский. Именно в эти апрельские дни произошла смена во главе штаба и начальником вместо П.Н. Шатилова был назначен Е.К. Миллер. Судья по тексту рапорт А. фон Лампе адресован еще Шатилову.

² См. об этом дневниковые записи А. фон Лампе от 26–27 апреля 1922 г. и комментарии к ним.

³ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 6. Л. 450–451.

26. Письмо А.А. фон Лампе П.Н. Врангелю¹

9 апреля 1922 года.

№ 1422/1.

П.Н. Барону Врангелю

Главнокомандующему Русской Армией.

Ваше Высокопревосходительство

Глубокоуважаемый Петр Николаевич.

Совершенно неожиданно, через офицера вверенной мне миссии л. гв. Преображенского полка барона Розена, ко мне обратился венгерской службы Полковник Пронаи с просьбой передать Вашему Высокопревосходительству прилагаемое письмо.

Конечно, я передал полковнику, что никакого наступления наша Армия в ближайшем будущем не предполагает, но письмо передать не отказался.

Считаю долгом доложить, кто такой указанный венгерский офицер.

В период подавления коммунизма в Венгрии он стоял во главе белых офицерских батальонов, и, насколько я мог узнать, ему принадлежит честь подавления коммунизма и последующей расправы с его авторами.

В этот период майор Пронаи был весьма близок к правителю Венгрии адмиралу Хорти.

При отторжении от Венгрии в пользу Австрии западных комитатов в стране поднялось движение, основанное на патриотическом чувстве и имевшее целью, путем «повстанческих» выступлений, доказать Европе невозможность отторжения этих областей от Венгрии.

Связь «повстанцев» с правительством была несомненна, во главе повстанцев встал Пронаи, формально уволенный в отставку, но произведенный в следующий чин.

В этот период уже Подполковник Пронаи пытался связаться со мною, прося меня приехать в Западную Венгрию, по-видимому, с целью привлечь к нему наших офицеров.

Конечно, я от этого отказался.

В период своего возглавления «вольных стрелков» в Западной Венгрии Пронаи сумел добиться того, что, вопреки постановлениям Трианонского договора, часть подлежащих отторжению областей, а именно Шопронский округ, остался за Венгрией, чем была пробита для Венгрии брешь в непроницаемой, казалось, стене договора.

В момент попытки Короля Карла IV воцариться в Венгрии Пронаи, сам монархист, остался на стороне Правительства и своими «вольными стрелками» тактически решил вопрос в пользу Правительства.

После этих бурных переживаний, недовольный тем, что Венгерское Правительство не пошло дальше в противодействии австрийским вожделям и не рискнуло военными действиями, Пронаи, по-видимому, отошел от работы.

Если позволите доложить мое мнение, то Пронаи – это тип военного кондотьери, всегда будирующего и всегда энергичного. За ним в Венгрии, а, может, и в приграничных с нею странах, пойдут многие².

На меня лично он производит весьма энергичное впечатление и, кто может знать, не пригодится ли когда-либо его желание идти против большевиков и нашей Армии, в тот момент, когда Европа, рано или поздно, но принуждена будет поделиться на лагерь коммунистический и антикоммунистический.

Я позволяю себе, как близко знающий обстановку в Венгрии, доложить, что предложения Пронаи ни в коем случае отталкивать не следует и, уведомив его, так же, как он и узнал от меня, что никакого наступления в ближайшем будущем не предполагается, что его имя, его предложение и его готовность послужить близкому нам делу борьбы против большевиков очень ценятся Вами, и если судьбе будет угодно, то мы пойдем когда-либо рука об руку на общее дело.

Надо отметить, что Пронаи не дипломат и, как солдат, поймет простые слова, как они есть.

Должно ли быть письмо (ответ) подписано Вами, сказать не сумею, это вопрос не только местный, но скорее общий. Во всяком случае, конечно, Ваша подпись была бы чрезвычайно ценной.

Ответ, если таковой будет мною получен, я могу передать Пронаи лично или через капитана барона Розена, который в родстве с Пронаи через свою мать, по происхождению венгерку³.

Думаю, что полковник Пронаи – первая ласточка в ряду тех, кто непременно примкнет к нам в целях борьбы с коммунизмом, и в этом случае он представляет собою величину крупную⁴.

Прошу Вас принять уверение в абсолютном моем уважении и безграничной преданности

Уважающий Вас

Примечания

¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 6. Л. 460–461. Машинопись, копия, русский.

² В своем дневнике к этому фон Лампе прибавил: «вполне можно сформировать иностранный легион» – ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 7. Л. 133.

³ См. об этом комментарии к дневниковой записи А. фон Лампе от 23 марта 1921 г.

Мы пока не располагаем сведениями о точном содержании ответа. В одном из писем А. фон Лампе барону Розену находится косвенный намек на наличие такого: «Получил ли Пронаи мое письмо с ответом Главнокомандующего и доволен ли он им – слова там очень лестные по его адресу» (ГА РФ Ф. 5853. Оп. 1. Д. 8. Л. 281об.).

⁴ О связях А. фон Лампе с Пронаи см. еще дневниковые записи от 13–16 марта, 18–22 октября 1921 г., 7–8 октября 1924 г. и комментарии к ним!

27. Инструкции В.А. Иловайскому по поводу назначения А.А. фон Лампе по совместительству начальником отдела Русской делегации в Германии¹

Справка: Пункт 1 Приказа № 31 Секретно

Инструкция

и. д. штаб-офицера при Военном Представителе Главнокомандующего Русской Армией при Правительстве Венгрии

А. Общие указания

1) Приказом Главнокомандующего от 12-го марта с. г. № 214. я назначен Начальником отдела Русской делегации в Германии с оставлением в прежней должности и местопребыванием в Берлине.

2) На время моего отсутствия из Будапешта ведение дел Военного Представительства возлагается на основаниях лично мною доложенных Начальнику штаба, на и. д. Штаб-офицера при Представительстве есаула Иловайского.

Об изложенном мною поставлены в известность, в личном разговоре, как Правитель Венгрии, так и Министры Военный и Иностранных дел, принципиальное согласие от них мною получено.

3) Работа Военного Представительства должна вестись в самой тесной связи с Российским Дипломатическим Представительством в Будапеште, на что мною получено полное согласие Светлейшего князя П.П. Волконского, и что облегчается перенесением канцелярии его в комнату соседнюю с канцелярией Военного Представительства (прежняя моя квартира).

Б. Сношение с местными властями

4) Сношение с Министерством Иностранных Дел, если они не могут быть отложены до моего возвращения в Будапешт, должны вестись исключительно через Дипломатического Представителя.

5) Сношение с Военным Министерством и Венгерским Генеральным Штабом могут вестись непосредственно, в первом случае с подполковником Оттрубаи, во втором с подполковником Ракоши.

С последним в каждую последнюю субботу в месяц должно продолжать информационные заседания, которые велись до сих пор мною².

6) Сношение с местной полицией должны вестись: по общим вопросам – через Дипломатического Представителя, по вопросам о содействии задержанным полицией военнослужащим – непосредственно.

7) Во всех вопросах, могущих вызвать разногласие между Дипломатическим Представителем и и. д. штаб-офицером при военном представительстве, надлежит поступать согласно с мнением князя Волконского.

В. Внутренняя работа канцелярии

8) На и. д. штаб-офицера возлагается: ведение повседневной переписки; учет военнослужащих и регистрация их, в отношении как проживающих в Венгрии (в том числе и бывших военнопленных), так и проезжающих через страну и оказание им возможного содействия; посылка срочных донесений в штаб Главнокомандующего, согласно присланной штабом таблицы; ведение обзоров венгерской прессы; производство необходимых расходов и ведение отчетности по ним; представительство мое в Союзе Русских Офицеров в Венгрии; руководство деятельностью коменданта этапа и т. п.

Примечания: А. Вся переписка ведется по форме: «По приказанию Военного Представителя...»

Б. В случае неотложной надобности отдать приказ – отдается «Приказание» с очередным номером.

В. Все вопросы, требующие принятия особого решения, если таковое не может быть получено по почте или курьером от меня, решаются по соглашению с Дипломатическим Представителем, применительно к пункту 7.

Г. Кроме срочных донесений указанных в таблице штаба Главнокомандующего, надлежит еженедельно доносить мне о течении дел Представительства.

Д. Сношение со мною и штабом Главнокомандующего вести через курьеров штаба, путем передачи им почты на вокзале в Будапеште. В случае отсутствия, по политическим причинам курьеров, через канцелярию Дипломатического Представителя, для направления через местное министерство иностранных дел в Венгерские миссии в Белграде и Берлине³.

9) В отношении личного состава Представительства руководствоваться нижеследующим: капитаны барон Розен и Мельницкий взяли на себя содействие в работе добровольно и безвозмездно, первый – в периоды моего пребывания в Будапеште для выполнения моих поручений и второй до прислания им какого-либо заработка.

Полковник Виноградский несет работу коменданта этапа за определенное вознаграждение из канцелярских сумм Представительства, комнату на этапе и обеды от Красного Креста.

Г. Материальные средства миссии

10) На содержании миссии фиксируется сумма в шестьсот пятьдесят французских франков в месяц, из коих триста тридцать три – как содержание и. д. штаб-офицера для поручений.

Примечание: Ввиду наличия в суммах миссии фунтов стерлингов, курс фунта фиксируется в пятьдесят франков.

11) К числу обязательных ежемесячных расходов относятся: уплата за помещение канцелярии, уплата за телефон, уплата прислуге, уплата за сейф в гостинице Ритц, уплата содержания коменданту этапа и на содержание самого этапа, уплата обозревателю венгерской прессы, почтовые и телеграфные расходы и расходы на писчебумажные принадлежности.

Примечание: Всякие пособия и ссуды прекращаются. Меры по получению обратно уже выданных ссуд мною указываются отдельно.

12) По всем расходам надлежит продолжать ведение приходно-расходного журнала с оправдательными документами по всем пунктам расхода.

Примечание: Суммы на содержание Представительства, в течение шести месяцев, на каждые два месяца, будут выдаваться мною с 1-го мая. По окончании этого срока – согласно указаниям штаба Главнокомандующего.

Во всех действиях надлежит всеми силами сохранять уже достигнутое Военным Представительством положение, как в венгерских, так и в русских кругах, поддерживая со всеми самые лучшие отношения. Во всех случаях допускающих это – необходимо испрашивать моих указаний, а в случаях, не терпящих отлагательства – принимать то или иное решение в тесной связи с Дипломатическим Представителем и твердо помнить, что всякое решение всегда лучше, чем отсутствие его⁴.

Военный Представитель

Генерального штаба полковник А. фон Лампе

25 апреля 1922 года Будапешт

Отпечатано в 5 экземплярах

Рассылается: 1. В штаб Главнокомандующего 2. Князю П.П. Волконскому 3. Полковнику фон Лампе 4. Есаулу Иловайскому и 5. в дело

Примечания

¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 8. Л. 350–353. Машинопись, копия, русский.

² Данный абзац свидетельствует о том, что через А. фон Лампе и Дьердя Ракоши происходил регулярный обмен информацией о международном коммунистическом движении между штабом Врангеля и венгерской разведкой.

³ Практика передачи почты на вокзале подтверждается и в воспоминаниях Каменского, Владимира Алексеевича, одного из курьеров штаба Врангеля (http://statehistory.ru/books/pod-red-S-Volkova_Russkaya-Armiya-v-izgnanii/3-08.04.2013 г.). В случае отсутствия курьеров А. фон Лампе и В. Иловайский пользовались личными связями в венгерских министерствах. В письме А. фон Лампе В. Иловайскому от 7-го июля 1922 мы читаем: «Это письмо, не знаю, присоединяю ли я и еще к нему какую-либо почту, повезет в Будапешт советник местного венгерского посольства, барон Абеле (скрытый военный агент, генерального штаба полковник), которого, в виду затруднений могущих возникнуть для наших курьеров на германской границе, просил передавать почту через курьеров венгерских. Прошу Вас сообщить, сколько времени было в пути это письмо? Вместе с тем прошу Вас сделать визит Барону Абеле, кажется, он говорит по-французски. Через него можно будет передать почту мне. В дальнейшем, если дело наладится, то я предполагаю всю почту из Германии на юг пересылать Вам, чтобы потом Вы передавали ее на вокзале в Будапеште нашему курьеру. Желательно было бы, чтобы и Вы наладили дело с подполковником Ракоши, для возможности и почту с юга на Германию передавать точно так же – от Будапешта до Берлина с венгерским курьером, который циркулирует еженедельно» (ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 8. Л. 280–280 об.).

⁴ Инструкции были составлены с учетом сложившего уже к этому времени мнения А. фон Лампе об Иловайском. Высоко оценил в нем, что во время гражданской войны в конфликте между Доном и Добровольческой Армии, будучи казаком, Иловайский стал на стороне армии. Он считал его преданным к белому делу человеком, надежным сотрудником и исполнителем, но не способным к самостоятельной работе. Может быть, именно это было и нужно для А. фон Лампе. Он долго учил Иловайского, как правильно составить рапорты, письма и т. д., как их подписать, как вести себя с «монархистами». При этом он всегда подчеркивал, что Иловайский его не заменяет, что он даже временно не передал ему свои полномочия. В отдельных вопросах он дал детальные инструкции своему помощнику. (См., например: ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 5. Л. 309; Д. 8. Л. 284–286, 323–325 и документ № 31 в приложении).

28. Приказ А.А. фон Лампе от 26 апреля 1922¹

Приказ

Военного Представителя

*Главного Командующего Русской Армией
при Правительстве Венгрии*

№ 33.

г. Будапешт, 26 апреля 1922 года.

1.

Г. г. офицеры, оставшиеся в Будапеште, из числа инициативной группы «Союза русских офицеров в Королевстве Венгерском», в постановлении своем от 25-го декабря минувшего года, приняли решение: сложить с себя обязанности как Правления союза, так и инициативной группы его, передать все дела союза Военному Представителю Главного Командующего Русской Армией и просить его о воссоздании союза вновь².

Основываясь на вышеуказанном постановлении, при содействии представителей г. г. офицеров всех рангов из числа находящихся в Будапеште, а также представителей всех русских организованных групп в Венгрии, сего числа мною закончено воссоздание вышеуказанного союза.

В состав Правления избраны: И. д. Председателя союза (впредь до учреждения его в этой должности Главного Командующим) отставной генерал-майор флота Шмидт (Николай Владимирович), вице-председатель – полковник Александр Николаевич Линевиц, и предоставлены места членов правления: представителю Венгерской казачьей имени генерала Краснова станицы, союзу русских инвалидов и члену от Военной миссии.

Представителем от Военного Представительства в состав правления офицерского союза назначаю (приказ мой Пр. 31, п. 5) есаула Иловайского.

Временный адрес Правления – канцелярия Военного Представительства.

2.

Как Военный Представитель Главного Командующего и как русский офицер, всей душой приветствую возрождение «Союза русских офицеров в Королевстве Венгерском» и желаю ему успе-

ха в его нелегкой работе тесного сплочения всех офицеров, находящихся в пределах Королевства, и оказания им как моральной, так, по мере возможности, и материальной поддержки.

Верю твердо, что в день возрождения родной земли союзы офицеров, оставшихся верными Родине, работой всех своих сочленов докажут всем, что русский офицер как был, так и до конца остался самой твердой опорой государственности и порядка, по которым так истрадалась Россия.

Работа нелегкая – дай Бог сил довести ее до конца.

3.

От имени Главного командующего передаю в распоряжение Правления «Союза Русских офицеров в Королевстве Венгерском», на покрытие расходов по возобновлению организации союза, не функционирующего уже свыше года, десять тысяч венгерских крон.

Подлинный подписал:

*Военный Представитель Генерального штаба
полковник фон Лампе.*

С подлинным верно:

И. д. Штаб-офицера для поручений, есаул Иловайский.

Рассылается: 1 – в штаб Главного командующего, 2 – Коменданту этапа, 3 – Председателю союза русских офицеров, 4 – Атаману венгерской станицы, 5 – Председателю союза инвалидов, 6 – в канцелярию Рос. Дипломатического Представителя, 7 – в канцелярию Уполномоченного Рос. Общ. Красного креста, 8 – в канцелярию Русского Монархического Объединения.

Примечания

¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 6. Л. 470–471. Машинопись, копия, русский.

² В рапорте начальнику штаба А. фон Лампе писал, что поскольку организация офицерского союза была начата еще Глазенапом, он сознательно держал его «в зачаточном состоянии, пока настроение умов офицеров преобладающих в Венгрии, не гарантировало мне, что воссозданный союз будет служить Армии и Родине». Как видно из текста приказа, А. фон Лампе удалось добиться того, что союз подчинялся ему, как представителю Главного

мандующего. Венгерское Министерство обороны – по рапорту А. фон Лампе – ставило одно условие перед существованием организации: лояльность союза местным властям (ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 6. Л. 472–472об.).

29. Письмо А.А. фон Лампе

П.А. Кусонскому¹

[без дня] мая 1922

№ 1/Л. Берлин, на №0102

Ваше Превосходительство, Многоуважаемый Павел Алексеевич! Предписание от 19-го апреля за №0102, вследствие того, что оно нашим дипломатическим представителем в Белграде было выслано в Прагу, получено было мною только 29-го, за несколько часов до моего отъезда в Берлин.

К этому времени все переговоры уже мною были закончены, и я вследствие предписания только отдал дополнительные указания есаулу Иловайскому и переговорил с князем Волконским.

По содержанию предписания доношу:

1) Согласно представленному мною в копии ответу Венгерского министерства иностранных дел, венгры настаивают на предварительном предъявлении им списков перевозимых беженцев, которых Венгерское правительство не принимает на себя, а только впускает в пределы страны.

Таким образом, представляется совершенно необходимым срочно получить в Будапеште списки, хотя бы и всей тысячи сразу, и потому и обозначить откуда именно все лица будут перевозиться в Венгрию.

Я полагаю, что проверка списков венграми будет только формой². Попытку вмешательства в это местного монархического объединения, я, как член его совета парализовал.

2) В пределах Венгрии я пытаюсь достичь для перевозимых удешевленной перевозки пароходом или железной дорогой. Вне Венгрии как самая перевозка, так и политическая ее санкция соседями Венгрии недоступна для меня, и по этому вопросу я прошу ориентировки.

Должен доложить, что при проезде через Прагу я по сему вопросу виделся с генералом Леонтьевым и он высказал пессимистический взгляд на возможность в данное время получить от че-

хов разрешение на транзитный проезд через Чехо-Словакию тысячи чинов армии, особенно большими группами.

Генерал Леонтьев обещал мне сообщить результаты своих переговоров по сему вопросу.

3) Полагаю, что венгры едва ли согласятся на перевозку одного эшелона в 1000 человек сразу. Причина тому: отчасти опасение огласки, опасной в связи с течением и выводами конференции в Генуе, отчасти – невозможность сразу поставить всех в условия работы.

Ко времени моего отъезда из Будапешта у меня намечалось до 200 мест, кроме того от разных предпринимателей поступило в Русское монархическое объединение предложение рекомендовать русских, как рабочих, чем и объясняется упомянутая мною попытка монархистов.

Поднять цифру партий выше 100 венгры согласятся, так как они сами просили не меньше ста.

4) Для ориентировки прошу указать, кто именно будет давать характеристику перевозимых, если они пойдут из Польши.

Письмо со всеми вопросами и подробностями на имя военного министра Венгрии и точные указания переданы мною Иловайскому, который о последующих переговорах своих и князя Волконского – донесет для скорости непосредственно Вам.

Прошу принять уверения в совершенном моем уважении и таковой же преданности.

Уважающий Вас: Л

Примечания

¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 8. Л. 249–251. Машинопись, копия, русский.

² Полагая, что проверка будет действительно только формальностью, список первой группы был представлен Иловайским в весьма халатной форме, что сразу было отмечено венгерскими властями. Они возражали, что в нем были указаны только фамилии (во французской транскрипции без имени и отчества), рядом с фамилией офицеров стояла только буква «о» без указания точного чина. Подобная неточность списка привела иногда к интересным реакциям со стороны сотрудников министерства обороны не всегда

разбравшихся в русском вопросе. Относительно Каменева выразили надежду, что он ничего общего не имеет с «пресловутым советским народным комиссаром». А рядом с фамилией некоего Вейса старательный сотрудник записал: «Это тоже русский?». В министерстве обороне пришли к выводу, что список нарушает условия впуска русских беженцев в страну, так как вместо 100 содержит 137 имен, и в списке вопреки пожеланиям венгерского правительства офицеры представляют большинство (87 из 137). В конечном счете, Иловайскому пришлось переработать и уточнять весь список (НЛ 1930 НМ Еln. D. I. tétel, № 685. Л. 67–72. и НЛ 1922 VKF микрофильм В/169. пленка 3637/1987 № 28.425 Л. 603об.).

30. Письмо В.А. Иловайского

П.А. Кусонскому¹

25 мая 1922

№ 1572/2

Ваше Превосходительство, Милостивый Государь Павел Алексеевич!

Доношу, что вчера 24-го мая мною была получена бумага от генерала Потоцкого из Белграда за № 3152 от 21-го мая относительно приема из Галлиполи лиц, предназначенных к перевозке в Венгрию Командованием, с просьбой срочно уведомить, какой сорт работ намечен в Венгрии, где именно, условия оплаты и возможность существования [семьей] на заработную плату их глав.

Генерал Потоцкий просил срочно ему телеграфировать эти сведения, для сообщения их в Константинополь, а потому мною в день получения бумаги немедленно была послана телеграмма в Белград нижеследующего содержания:

«3652 работа исключительно физическая [в] венгерской провинции стоп условия оплаты только прокормление стоп семьи работающих могут быть обеспечены трудом главы семьи только как исключение стоп обеспечен помещением на сто человек стоп устройство партии на работы по приезде займет дней 8–10 стоп после этого возможна присылка следующей группы стоп предварительно прошу выслать списки согласно моего доклада генералу Кусонскому № 1537 стоп обеспечить трудом можно все количество».

25-го мая мною получена телеграмма генерала Черткова с просьбой телеграфировать в Константинополь число размещенных рабочих, их специальность, условия приема, род работы, условия контрактов, способы передвижения и т. п.

Генералу Черткову сегодня же мной послана телеграмма о том, что исчерпывающий ответ направлен мной 24-го мая генералу Потоцкому.

Усматривая из вышеизложенной переписки, что Главнокомандующим предназначены к переселению в Венгрию контингенты, находящиеся в Галлиполи, доношу, что условия их приема в данный момент таковы: как уже мною было доложено в моем письме за 1537 от мая на имя Вашего Превосходительства. Для получения права на въезд в Венгрию, прежде всего, необходимы поименные списки предполагаемых к перевозке лиц, которые нашим дипломатическим представителем, князем Волконским будут представлены на утверждение в венгерское Министерство Иностранных Дел и только после этого может быть получено разрешение.

Что касается помещения, то согласно полученной бумаге из Военного Министерства, копию которой прилагаю, мною получено помещение в Будапеште на 104 человека, куда на днях будет переведен наш этап, не переводится до сих пор [так в тексте], потому что в новом помещении не имеется никакого инвентаря. Мной через министерство испрошены кровати, матрасы, столы и т. п., получен словесно утвердительный ответ, но до сих пор не могу получить наряда, о коем хлопочу ежедневно.

Помещение в провинции мной до сих пор не получено, надежда оставлена, ибо все время в Министерстве отвечают, что у них свободных помещений нет.

Таким образом, в настоящий момент я располагаю помещением на сто человек, и могу принять первую партию в сто человек.

Что касается размещения на работы, на этот вопрос я могу ответить только в общих чертах.

Работа исключительно физическая (фабричная и чернорабочая), но в достаточном количестве.

Как правило, работающий пропитается, но на платье из заработной платы не хватает, при многих из находящихся в Венгрии

имеются семьи, сочлены которых работают тоже, люди не голодают, но члены семьи не могут рассчитывать, что заработная плата главы семьи может прокормить их тоже.

Живущие с семьями, в конце концов, устраиваются тоже, но гарантировать этого нельзя.

Это проходит само собой в процессе жизни и ознакомления со страной, но, как правило, труд работника прокармливает только его самого.

Этап наш рассчитан только на мужской элемент, женское обещание имеется у представителя Красного Креста, согласно переговорам с ним, приют временный до 40 женщин мне обеспечен.

Я останавливаюсь так подробно на вопросе о помещении, потому что квартирный вопрос является самым острым в Венгрии, о чем своевременно докладывалось и полковником фон Лампе.

По бумаге генерала Потоцкого, к перевозке в Венгрию пока предположено 200–300 человек.

Это количество я могу принять в две партии, первую в сто человек, устройство ее на работы займет, полагаю, не более недели и, во всяком случае, не больше десяти дней, после этого я могу принять вторую партию.

Но так как генерал Потоцкий для доклада генералу Миллеру запрашивает меня, можно ли устроить на работы в Венгрию большее количество людей, доношу, что это вполне возможно, и если Командованием предreshено ввести всю тысячу, для того, чтобы поставить на работы в наиболее кратчайший срок и ввозить группами выше ста человек, в случае если в Военном Министерстве мне будет категорически отказано в предоставлении второго помещения в провинции, на предоставлении какого, судья по переговорам, я имею сравнительно мало надежды, ходатайствую о присылке ассигнованных сумм согласно предписанию № 01012 от 19 апреля с. г., главным образом, для найма помещения, что постараюсь сделать путем командирования офицера в г. Сегедин (недалеко от сербской границы), заручившись поддержкой Министерства, как только в этом смысле мной будет получен окончательный ответ².

Что касается переговоров с Венгерскими Властями относительно удешевленного проезда для предназначенных к перевозке

лиц в Венгрии по железным дорогам, я совместно с князем Волконским, не дожидаясь списков (мне удалось его уговорить), были в Министерстве Иностранных дел, где он подал соответствующую ноту (копию прилагаю) с просьбой разрешить въезд партий до 250 человек и предоставить, если не бесплатный, то, по крайней мере, удешевленный проезд. Словесно это было обещано, окончательно вопрос будет разрешен при вручении списков.

Считаю своим долгом добавить, что никаких контрактов с работодателями заключить было нельзя, так как для какого бы то ни было условия необходимо наличие точной даты приезда лиц, которых предположено поставить на работу.

Вообще в этом отношении полковником Лампе и мной, согласно его инструкций, вытекаемых из всей суммы слагаемых венгерской обстановки, предположено вести, и велись переговоры через Русские инстанции, куда обращаются венгерские работодатели, и через тех венгерских предпринимателей, где в настоящее время работают русские.

Главный вопрос, конечно, квартирный и в этом отношении употребляю все зависящие от меня способы, чтобы его урегулировать, но судя по тому, что оборудование даже уже отведенного нам помещения занимает столько времени, видно, что это не легко.

В ожидании Ваших приказаний прошу принять уверения в совершенном почтении и таковой же преданности.

Уважающий Вас

*Копию настоящего моего доклада препровождаю
Генералу Потоцкому*

Примечания

¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 16. Л. 427–429.

² Весь абзац у Иловайского – одно длинное предложение, расчленив его без ущерба содержания не представляется возможным.

**31. Письмо А.А. фон Лампе
Н.В. Шмидту,
председателю Союза Русских Офицеров
в Королевстве Венгерском¹**

31 мая 1922 г.

№ 4/Л Берлин

Многоуважаемый Николай Владимирович!

Я получил сегодня Ваше громадное письмо, с полной информацией всего происходящего в Будапеште в мое отсутствие, сердечно благодарю Вас за внимание и спешу Вам ответить по всем затронутым Вами вопросам, придерживаясь порядка изложения Вашего письма.

Я хорошо помню создавшуюся в Будапеште атмосферу в момент создания «Союза офицеров», и как тогда, так и теперь, отношу густоту ее исключительно к тем взаимоотношениям, которые сложились между Вами – кандидатом в председатели союза и правлением местного монархического объединения, организации, к тому времени уже существовавшей не первый месяц.

В силу этого, придавая большое значение интересам организаций, а в особенности нарождавшегося союза, перед вопросами личными, я и позволил себе и Вам лично, и через В.А. Иловайского, посоветовать наладить Ваши личные отношения с указанной группой, дабы предотвратить выступления против союза, который очевидно, в случае замещения должности председателя полковником Линевичем, натиска подобного Вами [?– слово плохо читается] описанному, не перетерпел бы.

Такого же мнения я держусь и сейчас, и простите меня, но не могу согласиться с постановкой Вами вопроса, что Вы не считаете себя обиженным. Вы позволяете мне Вашим письмом дать Вам совет, и я считаю, что в подобных столкновениях вообще нельзя установить, кто и кем себя считает обиженным. Вместе с тем по самому существу таких столкновений, если примирение нужно для пользы дела, оно очень легко достижимо, особенно при таком посредстве, как В.В. Малама и В.А. Иловайский, которые за это дело берутся искренно.

Именно в том, что этот вопрос до сего времени не урегулирован, я и вижу причину выступлений против союза, как Вы их мне

описываете. Поверьте мне Многоуважаемый Николай Владимирович, что временное удаление мое на несколько сот верст от Будапешта, дает мне правильную перспективу.

Теперь о другом вопросе: о сообщении Министерству о рождении союза и предоставлении Вашем в качестве его утвержденного председателя генералу Беличка.

Вы пишете, что этого вопроса я перед моим отъездом из Будапешта не успел доделать.

Я позволю себе в этом с Вами не согласиться, и вот почему: для уведомления Военного Министра о том, что союз офицеров мною сформирован и о том, что Вы избраны на должность его председателя, мне необходимо было два условия – перевод устава на венгерский язык в сокращенном или полном его виде и утверждение Вас в должности Главнокомандующего.

Что касается перевода, то я был вполне уверен, что за месяц моего отсутствия из Будапешта, Вы успеете его провести, тем более что самые необходимые деньги я Вам передал в день формирования союза. После получения от Вас перевода устава В.А. Иловайский должен был бы представить его в Военное Министерство для утверждения и вместе с тем уведомить о составе правления, о чем я лично сговорился перед моим отъездом с начальником соответствующего отделения Военного Министерства.

Я должен отметить, что о переводе устава была речь при самом возобновлении деятельности союза.

Теперь несколько слов о личном Вашем представлении генералу Беличка.

Я позволю себе высказать мой взгляд на этот вопрос, так горячо Вами затронутый, с полной откровенностью.

Для того чтобы председатель союза мог представиться Венгерскому Военному министру, как таковой, надо два условия: существование союза и предварительное утверждение председателя в этой должности Главнокомандующим Русской Армией.

Первого условия и не по вине моей и моей канцелярии, на лицо, как Вы видите из предыдущего, не имеется, что касается до второго, то его также на лицо нет, так как Вы Главнокомандующим еще не утверждены².

Последнее происходит потому, что доклад о Вашем избрании на должность я решил сделать Главнокомандующему, во избежа-

ние возможных давлений против Вас со стороны, лично, так как при очередном моем проезде в Будапешт я проеду в Карловцы к Главнокомандующему.

Вот причина, почему я был и есть против Вашего преждевременного представления Военному Министру, почему я запретил В.А. Иловайскому брать это представление на себя, и почему я передал через него Вам мою просьбу, не делать этого без меня.

Я также хорошо знаю полковника барона Штипшица и совершенно уверен, что его готовность представить Вас генералу Беличка немедленно есть только результат его бесконечной любезности и не более. Я не могу не отметить, что по вопросу о представлении Вашем Военному Министру, я говорю только мое мнение, и ни в коем случае не имею права делать категорические указания, но я должен отметить, что разногласия наше в этом вопросе поставит меня, помимо прямого огорчения за самую возможность какого либо разногласия между Союзом офицеров и Военным Представителем, в самое трудное положение, так как при моем представлении Военному Министру, что я, конечно, сделаю немедленно по приезде, не зная решение Главнокомандующего, не буду иметь возможности подтвердить ему, что Вы являетесь председателем союза, так как таковой, по уставу, должен быть утвержден Главнокомандующим.

Такое мое откровенное мнение по этому вопросу, я не имею основания отходить от него, так как базируюсь на мои обязанности, и был бы чрезвычайно счастлив узнать, что и Вы согласились с приведенными мною доводами.

Я не могу не отметить также и то обстоятельство, что задержка с простой формальностью, каковой является Ваше представление, отразится на интересах офицерства, для которого я только и возрождал союз.

Все то, что Вы мне написали о Вашей деятельности, доказывает именно, что и в данном положении можно хорошо работать, кроме того, я должен сказать, что в Берлине, где не только министры не примут представителей союзов, но те и сами к министрам-социалистам не пойдут, союзы работают совершенно независимо от этой формальности, всецело в зависимости от личностей их председателей – один хорошо, а другой совсем плохо.

Мне кажется, что при Вашей бесконечной энергии, союз будет процветать и в данном положении, нисколько не уменьшая своей полезности для офицерства и, по истечении некоторого времени я, с полным доказательством о необходимости и своевременности существования союза в Венгрии (а как Вы пишете, даже не все русские с этим согласны) – могу доложить о нем Главнокомандующему и Венгерскому Военному министру.

Теперь разрешите несколько слов о тех сведениях о работе против союза, которая по Вашим словам, происходит в Венгрии.

Положение В.А. Иловайского в Министерстве совершенно правильно отличается от моего, и это его нисколько не обижает, так как это ни в коем случае не вытекает ни из его чина, его личности, знания им того или иного лица, а всецело происходит от того, что он меня не заменяет и моих прав не имеет. Такова воля Главнокомандующего, и поэтому в этом нет решительно ничего обидного и такое положение естественно для тех случаев (как бывало и в мирное время), когда военная агентура для двух стран совмещалась в одном лице.

Поэтому Ваша обеспеченность от каких бы то ни было выступлений против Вас, нисколько не пострадала вследствие моего отъезда – во-первых, и сам лично князь Волконский, по свойству своей деятельности и влиянию у венгров, всегда окажет Вам серьезную помощь, как окажет ее и по докладу ему о необходимости такой помощи со стороны В.А. Иловайского, а во-вторых, мое письмо министру с Кирали Пал утца 9 также действительно, как и телеграмма с Уландштрассе 156³, так как мое совместительство официально признано венгерскими министерствами Военных и Иностранных дел.

Теперь разрешите еще раз остановиться на вопросе о деятельности союза. Я должен отметить, что, по моему разумению, союз должен, имея ввиду только лишь пользу своих сочленов, совершенно отгородиться от местных политических неладов, пренебречь ими и, без всякой политики, отбросив совершенно, кто и в кого из венгров стрелял, и кто и с кем не в ладах – связаться решительно со всеми организациями, которые могут быть союзу полезными.

Конечно, подымутся сплетни, а в особенности со стороны русских, но какое они могут иметь значение? Стоит ли на них обращать внимание?

С этой точки зрения можно использовать все организации, кроме явно анти-правительственных, конечно. Почему бы не использовать и «МОВЕ»?⁴ Мне кажется, что оно могло бы принести пользу!

Как я Вам неоднократно и говорил, я не придаю особенно большой цены венгерским обещаниям, но чем больше их будет, тем лучше, что-нибудь и кто-нибудь да исполнит.

В заключение несколько слов о кампании, как Вы пишете, предпринятой против меня и без меня.

Я никогда не обращал, и не буду обращать на такие вещи внимание – я лично и во всех моих действиях всегда базируюсь на доверие ко мне Главнокомандующего и, пока это доверие существует – я продолжаю службу, прекратится оно – я уйду.

Поэтому-то кампании против меня (а их было немало) несколько меня не беспокоят, судя по тому, что я один во всей Европе представляю Армию в двух пунктах, доверие это существует в полной мере – а это главное.

Хочу только остановиться на одной частности – [на] вопросе о том, что некоторые группы хотят доказать и даже через Венгерское Правительство, что в Венгрии необходим постоянный представитель. Ради Бога, если это действительно делается, не помещайте этому, это меня бесконечно устраивает, так как за мной я просил оставить право, в случае возникновения вопроса о новом разделении должностей, выбрать одну из занимаемых мною – я с большим восторгом и без малейших колебаний выберу Будапешт⁵.

Сейчас еще раз перечитал Ваше письмо – я позабыл отметить мой взгляд на предложенное к основанию общежитие Монархического объединения – об этом мне было сообщено В.В. Вадковским еще в Будапеште, и я очень этому обрадовался, так как считаю, что чем больше общежитий, тем больше лиц обеспеченных кровом. Очень хорошо, если из членов объединения преимущественно будут получать кровь офицеры – слава Богу, меньше будут биться из-за квартир.

А если общежитие будет содержаться на счет объединения, то, конечно, и комендант будет от них – не все ли нам равно. Я очень приветствовал открытие после моего этапа общежития В.В. Малама и также приветствую и всякий почин в этом направлении.

Что касается возможности получения Вами разрешения на ношение в Венгрии военной формы, то, конечно, я не только не имею ничего против этого, но я приветствую, если Военное министерство разрешение даст. Как Вы знаете, в Сербии и в Болгарии, где правительство не делало в этом отношении тормоза, все наши форму носят и в Венгрии, в моем требовании к офицерам исполнить постановление правительства и форму не носить, я исходил только из письменного и официального обращения министерства ко мне, чтобы форму носили только чины миссии и те, кто на это получил разрешение⁶.

Если Министерство даст Вам это разрешение, как, по-видимому, дало уже штабс-ротмистру Тер-Матеузову, то, разумеется, я решительно ничего против этого иметь не буду, напротив, буду очень доволен, что председатель офицерского союза будет отмечен. Я в свое время делал генералу Беличка довольно определенные намеки на то, чтобы он разрешил это атаману станицы, но генерал уклонился. Если разрешат Вам, то я немедленно возобновлю и вопрос об атамане.

Я твердо надеюсь, многоуважаемый Николай Владимирович, что наш союз будет жить и процветать, в полной и естественной связи и солидарности с его родиной – Русской Армией.

Прошу Вас принять уверения в совершенном моем уважении и таковой же преданности.

[Без подписи]

Примечания

¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 8. Л. 262–268. Машинопись, копия, русский.

² Утверждение Врангелем Н.В. Шмидта в должности председателя офицерского союза состоялось в августе 1922 г., о чем А. фон Лампе объявил в своем приказе № 40 от 26-го августа 1922. Одновременно с утверждением П.Н. Врангель согласился удовлетворить просьбу общего собрания СРОВОКВ «принять на себя звания почетного члена союза» (ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 16. Л. 444–445).

³ Почтовые адреса будапештской и берлинской канцелярий А. фон Лампе.

⁴ МОВЕ – Союз Венгерских Фронтовиков. Организация была создана еще осенью 1918 г. для обороны страны, для освобождения оккупированных

территорий и против революционных течений. Его руководителем был Дьюла Гэмбэш. МОВЕ в политической жизни занял крайнюю правую позицию. МОВЕ играл решающую роль в мобилизации правительственных сил против короля в октябре 1921 г. С 1928 г., после выступления Д. Гембеша из союза, организация постепенно потеряла свое влияние и значение.

⁵ А. фон Лампе сначала пошел неохотно на объединение этих двух должностей и на перенесение центра тяжести его деятельности в Берлин. Преимущество Венгрии Германии он видел в более благоприятной политической атмосфере. Политическая обстановка в Германии, особенно после Рапалло, по мнению А. фон Лампе, таила в себе опасность коммунистического переворота. К октябрю месяцу того же года та уверенность, которая чувствуется из письма Н.В. Шмидту в этом вопросе, кажется, уже уступила место колебанию: «Признаться сказать, я совершенно не знаю, что бы я выбрал. С одной стороны, в Венгрии я официально признан и имею полную свободу действий, но зато денег ненадолго, и скучно и узко очень, здесь я бесправный, никто меня не признает, но зато широкое поле деятельности и достаточное обеспечение деньгами» (ГА РФ. Ф. 5853 Оп. 1. Д. 9. Л. 92). А в 1924 г. уже пишет о Венгрии, как безнадежном месте, о провинциальном европейском тупике (Смотри об этом документ № 66 в приложении).

⁶ Приказ № 7 военного представителя от 20 июля 1920 г. (ГА РФ. Ф. 5853 Оп. 1. Д. 6. Л. 145).

32. Письмо В.А. Иловайского венгерскому военному министру, генералу Ш. Беличка¹

№ 1646/4

23 июня 1922 г.

Ваше Превосходительство

По приказанию Военного Представителя в ответ на Ваше письмо от 13-го июня за № 14099/Елн. Д. полученное 21-го июня сего года относительно появления за последнее время на улицах Будапешта солдат в военной форме, имею честь сообщить Вам нижеследующее:

Почти год тому назад бумага о воспрещении носить форму в Королевстве Венгерском офицерам и солдатам иностранных армий была получена полковником фон Лампе от Министерства Иностранных Дел и тогда же распоряжение это Русской Военной Миссией было широко распространено среди русских военных беженцев с приказанием снять таковую немедленно, а тем, кто не

имеет средств купить статское платье, снять отличительные признаки военной формы (погоны, кокарды, галуны и, конечно, оружие).

Все русские воинские чины, находящиеся в Венгрии, немедленно подчинились распоряжению Венгерского Правительства.

В настоящий момент после получения предписания Вашего Превосходительства, мной еще раз приказано всем воинским чинам снять форму.

Исключением из всей массы русских военных беженцев, которые находятся на попечении Русской Военной Миссии, является группа лиц, прибывших с князем Тундутовым², калмыки, не явившиеся в Военную Миссию и получившие право на въезд в Венгрию, минуя Русскую Военную и Дипломатическую Миссию.

Получив предписание Вашего Превосходительства, Русская Военная Миссия сейчас же дала, через полковника Тундутова, знать этой группе лиц о необходимости немедленно же снять форму, согласно требованию Венгерского Правительства. Поэтому в случае появления этих лиц вновь в форме, несмотря на полученное приказание, Русская Военная Миссия ходатайствует о привлечении их к законной ответственности согласно законам Королевства³.

*Помощник Военного Представителя
Есаул*

*Его Превосходительству, генералу Беличка
Венгерскому Королевскому Военному Министру*

Примечания

¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 16. Л. 438. Машинопись, копия, русский. Нота является ответом на сношение Министерства обороны, в котором довели до сведения военного представительства, что в последнее время на улицах Будапешта появились русские солдаты, носившие кавказские и казачьи формы и просили положить конец этому явлению (Там же. Л. 436).

² ТУНДУТОВ Данзан Давыдович, князь, полковник (1888–1923), калмыцкий военный и политический деятель, Астраханский атаман; со времен гражданской войны известен своей прогерманской ориентацией. В 1918 г. в Берлине вел переговоры о создании с помощью немцев антибольшевистской армии из астраханских калмыков и казаков. В январе 1919 г. в связи с конфликтом А.И. Деникина со сторонниками немецкой ориентации в белом движении, Тундутов был отстранен от должности и лишен атаманского звания.

С 1919 г. жил в эмиграции, в мае 1922 г. прибыл в Венгрию и с поддержкой местных русских монархистов, в обход дипломатической и военной миссий начал переговоры о переселении эмигрантов-калмыков в страну. Тундутов был принят и адмиралом Хорти. Осенью 1922 г. он вернулся в Советскую Россию, где после первого короткого ареста пытался устроиться на службу в Красной Армии с помощью своего бывшего начальника А. Брусилова. В апреле 1923 г. его вторично арестовали, в августе он был приговорен к расстрелу и расстрелян.

³ В мае–июне 1922 г. Иловайский при посредничестве В.В. Малама два раза встречался с Д.Д. Тундутовым и с Л.А. Казем-Беком с целью выяснить их планы и намерения. На первой встрече, по словам Иловайского, Тундутов был сдержан и молчалив, однако, от Казем-Бека удалось узнать, что монархисты готовы поддерживать план Тундутова в расчете на то, что из калмыков они смогут создать монархическое военное формирование под лозунгом «За веру, Царя и Отечества!». К этому времени уже было известно о согласии венгерского правительства принять в страну 1000 беженцев из армии Врангеля, что привело бы к значительному перевесу этого крыла в русской колонии в Венгрии. С калмыками «монархисты», видимо, хотели уравновешивать соотношение сил. Не исключено, что в своих стремлениях они надеялись и на то, что калмыков – как неславянского, «туранского» элемента – легче будет провести в Венгрию. На второй встрече Тундутов уже говорил о том, что Хорти якобы дал согласие на въезд в страну 1500 калмыков, потом интересовался у Иловайского об условиях прибытия в Венгрию 1000 лиц и спросил, нельзя ли в этот контингент включать и калмыков. Относительно Тундутова Иловайский просил инструкций и из штаба Врангеля и от А. фон Лампе. Последний решительно воспретил своему помощнику войти в какое бы то ни было соглашение о калмыках, а из штаба приказали дискредитировать Тундутова в глазах венгерских властей. Отмежевание военного представительства от этой группы и просьба привлечь их к ответственности в случае неповиновения, являются уже шагами к их дискредитации (О подробностях этого сюжета см.: ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 8. Л. 323. Д. 16. Л. 421–422, 430–431).

33. Письмо А.А. фон Лампе

Е.К. Миллеру¹

12 июля 1922 г.

Секретно № 10/Л

г. Берлин

Его Пре[восходитель]ству Е.К. Миллеру

Ваше Превосходительство Милостивый Государь Евгений Карлович!

Настоящим письмом, в дополнении к моим прошлым донесениям (из Будапешта) о деятельности Монархического Объединения, я доношу также и мои выводы за последнее время, касаясь деятельности монархистов примыкающих к платформе Рейхенгалля, только в части отношения их к Армии.

Приглядываясь к деятельности монархического Объединения в Венгрии, а потом Высшего Монархического Совета в Берлине, я пришел к следующему:

Сразу после Рейхенгалля, несмотря на провозглашенное сочувствие к Армии, Высший Совет, поняв, что единственная сила в эмиграции, ее спинной хребет есть Армия, всеми силами старался понизить ее значение и повысить значение собственное, порой идя не двусмысленно против представителей Армии.

Чтобы не быть голословным, отмечу, что только в начале текущего года мне, при помощи местного представителя Красного Креста в Будапеште (участника Рейхенгалля)², удалось путем сильного воздействия заставить Местное Монархическое Объединение декларировать свою солидарность с Армией, проведя такое постановление прямо против ясно выраженных взглядов Полномочного представителя Высшего Монархического Совета в Венгрии князя Голицына-Муравлина.

В такой стране как Венгрия, в сильной степени исповедующей монархизм, это было совершенно необходимо.

В дальнейшем, в поведении как Высшего Совета, так и местных Объединений, надо отметить сдвиг.

Поняв, наконец, силу Армии полностью и учтя, что идя против нее Высший Совет может только дискредитировать самого себя, руководящие круги монархических объединений меняют направление своей деятельности и всеми силами, подобно тому, как это произошло в Венгрии до того, начинают подчеркивать свою солидарность с Армией.

Казалось бы, что такое положение вещей надо было для всякой партии в эмиграции считать нормальным, так как задача партий не ведение армии, а содействие ей.

Однако такое положение совершенно не соответствовало взглядам правящих монархических кругов и они, как в лице долго наблюдаемого мною Объединения в Венгрии, во главе с Л.А. Казем-Беком и в лице Высшего Совета, деятельность кото-

рого сейчас проходит на моих глазах, поскольку ее вообще можно здесь наблюдать не ставя этого себе главной задачей, приняли совершенно новое направление, которое, по их взглядам, по-видимому, должно привести их к главенству над Армией.

Оставив деятельность против самой Армии, как не приводящую успеху, руководящие монархические круги начали усиленно отмечать малую монархичность командования и в частности самого Главнокомандующего, якобы ведущего Армию влево!

Первой ласточкой было распоряжение о том, чтобы все правоверные монархисты при регистрации³ у представителей Армии, на вопрос о желании или нежелании откликнуться на первый же призыв Главнокомандующего, отвечали, что они согласны только при условии провозглашения лозунга: За веру, Царя и отечество, то есть, подчеркивая, что хотя лозунг этот сейчас Генералом Врангелем и не провозглашен, но впоследствии кем-то может быть вызван.

Такие листки я, отметив их особо, в свое время представил в штаб причем один, наиболее откровенный, на вопрос о готовности прийти в Армию, ответил: «Смотря по тому, кто будет Главнокомандующим!».

Это уже было совсем характерно, листок этот также находится в штабе.

Затем повсюду было предуказано, и опять-таки с большой горячностью проводимо и самим Высшим Советом, и его филиалом в Будапеште, принятие, что де «Армия-то монархична, но демократичен сам Главнокомандующий» и, как на человека, который может воплотить в себе надежду монархистов и возглавить Армию, стали указывать генерала Кутепова, почему-то предвидя в нем меньшую твердость, чем в генерале Врангеле в сопротивлении честолюбивым вождедениям Высшего Совета!

В данное время, по-видимому, такое распоряжение остается в силе и имеет в виду, главным образом, дискредитирование имени, не отвечающего требованиям монархистов-абсолютистов, превалирующих в Высшем Совете – Главнокомандующего генерала Врангеля.

По крайней мере, филиалы в маленьких государствах, в погоне за выполнением воли Высшего Совета, уже не останавливаются на имени генерала Кутепова, а идут в своем усердии и дальше –

так в Венгрии князь Голицын-Муравлин и Казем-Бек, всячески скрывая свои действия от моего помощника есаула Иловайского (которого они травят⁴) и дипломатического Представителя Светлейшего князя Волконского, всецело поддерживающего нашу Армию, старались поддержать домогательства князя Тундутова на переброску в Венгрию калмыков и, пользуясь уже добытым мною принципиальным согласием на переброску в Венгрию «белых», по-видимому, смогут этого добиться⁵.

В данном случае не важно то обстоятельство, что в Венгрию попадут калмыки, которые не помещают переброске офицеров и солдат по указанию командования, а то, что имени и воле Главнокомандующего противопоставляется именно князь Тундутов, по его приказанию дискредитированный.

Несомненно, что тут идет только стремление ослабить значение имени и обаяния Главнокомандующего, как среди эмиграции, так и среди иностранцев.

Людям, работающим по таким заданиям Высшего Совета, нет нужды в том, что генерал Кутепов не ответит их надеждам, нет нужды в том, что таким качанием верхов раскачивается организм Армии – здесь последовательно две цели – отмести твердую волю Главнокомандующего, а если это будет достигнуто, то и попытка к первой и основной цели – подчинить партии Армию.

Таковы мои выводы о деятельности наиболее рьяных монархистов, составляющих большинство в Высшем Совете и возглавляющих Объединение в Будапеште. Поскольку такие выводы правильны для других стран – сказать не берусь, но мои наблюдения относятся к наиболее деятельным группам и потому являются типичными!

Кроме того, по крайней мере, в том, что касается Венгрии, наблюдения эти мною делались в самой толще действующих лиц.

Я должен, однако, отметить, что в монархическом течении в эмиграции, приобретающем такое значение, что с ним надо считаться Армии, в данный момент выкристаллизовывается группа, направление которой прямо приемлемо для Армии и, с моей точки зрения, надо принять все меры для того, чтобы его поддержать и одобрить.

Я говорю о так называемом «Народно-монархическом союзе», объединившем в себе конституционных и парламентских мо-

нархистов поставивших себе одним из основных тезисов – приемлемость Армии и ее Командования, как оно существует, и всяческая поддержка, как того, так другой, всеми мерами и всеми силами.

Мне кажется, что группа эта, во главе которой стал Евгений Ефимовский, и которая пользуется явным неблаговолением Высшего Совета, по моим заключениям именно за свой пункт об отношении к Армии заслуживает того, чтобы к ней отнестись серьезно и чтобы ее всячески поддержать в той борьбе, которая ей предстоит в недалеком будущем, если состоится второй монархический съезд. Надо думать, что раскол произойдет в вопросе об отношении к Армии или, вернее к ее возглавлению, которое неприятно монархистам-абсолютистам!

На тяжелом пути Армии, в дни Рапалло, Генуи и событий в Болгарии по моим понятиям нам необходимо стараться бить всякого противника и пользоваться всякой помощью.

В данном случае мы имеем дело с монархическим течением, крепнущим в среде эмиграции, а может и в пределах Родины, и перед нами полная возможность взять его в свои руки и не дать руководства тем, кто идет против армии, не брезгуя ничем!

Прошу Вас принять уверения в совершенном моем уважении и в таковой же преданности

Уважающий Вас
[без подписи]

Примечания

¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 8. Л. 289–293. Машинопись, копия, русский.

² Владимир Владимирович Малама.

³ О регистрации см. еще комментарии к документу № 20 в приложении.

⁴ На основе доноса «русских монархистов» в недрах Министерства обороны был составлен «документ» под заглавием «Подозрительные русские в столице». Неизвестный, но старательный чиновник министерства взял за чистую монету все, что ему было сказано. Иловайского он обвинял в том, что наряду с другими русскими эмигрантами поддерживает контакт с враждебными Венгрии государствами, убежденный демократ и ярый сторонник

Большой и Малой Антант. Из вышеизложенных сделал вывод, что присутствие Иловайского, как «заместителя» полковника А. фон Лампе, в Будапеште надо считать нежелательным (HL 1922 VKF микрофильм В/169 пленка 3643/1987 Л. 835–836. № 29.651). По другому русскому «источнику» из Берлина, Иловайский является агентом большевиков и руководит крупной шпионской организацией, завербованной из русских и венгерских офицеров в Венгрии, через своих агентов имеет доступ к конфиденциальным документам венгерского генерального штаба. Небезынтересно отметить, что венгерский собеседник «источника» (он, по всей вероятности, был упомянутый уже барон Абеле, венгерский военный агент в Берлине) относился к этим информациям весьма скептически, считал их неточными, поверхностными и не исключал, что за ними стоят большевистские интриги: «Нам нельзя забывать о том, что большевики там, где не могут прямо действовать часто стараются компрометировать белых обходным путем». К этому прибавил, что Иловайский по своему характеру к такой работе неспособен, так как он слишком ленив. Надо отдать должное и сотруднику министерства, в руки которого попало это «донесение». На полях он сделал заметку, что все эти сведения маловероятны, так как между русским и венгерским офицерством практически никаких контактов нет (HL 1930 HM Eln. D. I. tétel, № 685. Л. 32–34).

⁵ См. документ № 32 в приложении и комментарии к нему. Переговоры Тундутова о принятии в Венгрии калмыков не привели ни к какому результату.

34. Приказ А. фон Лампе¹

ПРИКАЗ

Военного Представителя

*Главного командующего Русской Армией
при Правительстве Венгрии*

№ 42

Г. Будапешт

28 августа 1922 г.

I.

15-го августа с. г. за заседании суда чести при Военном Представительстве подпоручик Зеленев заявил о своем не подчинении приказам Главного командующего (мой приказ № 39 п. 2 и 3)², а вчера, 27-го августа в мою канцелярию явился проживающий в г. Будапеште штабс-ротмистр Казем-Бек и, в присутствии и. д.

штаб-офицера для поручений, есаула Иловайского, заявил мне, что «ввиду точки зрения Главнокомандующего на переживаемый политический момент (приказ мой № 41) он считает себя свободным от подчинения Главнокомандующему»³ и, добавлю я – отходит от армии, так как точка зрения Главнокомандующего совершенно тождественно со взглядами старших начальников Армии.

Я ответил предложением подать об изложенном письменное заявление и конечно немедленно сниму с учета обоих упомянутых обер-офицеров, как только будет закончено о них дело в суде чести при Военном Представительстве и все связанное с этим делом.

Я не предполагаю останавливаться на вышеприведенных случаях отмежевания от Армии двух обер-офицеров, что ни для дела, ни для самой Армии никакого значения не имеет, но считаю своим нравственным долгом вне связи с этим, остеречь русских военнослужащих находящихся в Венгрии и посылить разъяснить им обстановку данного момента.

За весь период тяжелого существования на чужбине, Русская Армия не только не удерживала силой в своем составе слабые духом элементы, но и сама всеми силами отметала их от себя, чтобы тем самым себя же усилить.

И в это же время, а в особенности после напора на Армию болгарских коммунистов, против Армии подняло голову все, что пока базировалось на ней из своих личных расчетов, во имя проклятого принципа «постольку-поскольку».

2.

Однако, несмотря на все происки скрытых и явных врагов Армии, несмотря на усиленное давление через них на Армию московских коммунистических властителей, Русская Армия была, есть и будет единственной реальной силой и опорой русской эмиграции, с которою считается Европа в целом и приютившие нас государства – в частности.

Каждый военнослужащий, как находящийся в рядах Армии, так и числящийся в ее резервы, а таковым Главнокомандующий считает всех, кто не порвал связи с Армией, имеет полное право исповедовать свои личные политические убеждения, но должен всеми мерами, а в особенности в переживаемый нами затрудни-

тельный момент, воздерживаться от втягивания себя в мелкое политиканство, на что его, конечно, будут толкать со всех сторон.

Не военнотружущие, разбросанные по всему миру служат поддержкой Армии, а она сама, несмотря на все невзгоды, крепкая духом и сильная прочной спайкой перенесенных потрясений, сама и через своих представителей, является поддержкой размятанного злой судьбой русского военного элемента.

Поэтому каждому военнотружущему надлежит всеми силами держаться за Армию, как за свою естественную опору, которая будет его поддержкой в тяжелую минуту и в рядах которой он вернется, наконец, на Родину, а не увлекаться игрой в политику, которая принесла нам всем уже немало горя.

*Подлинный подписал: Военный Представитель
Генерального штаба полковник фон Лампе*

*С подлинным верно: И. д. Штаб-офицера
Есаул*

Рассылается: Коменданту этапа, Председателю союза офицеров, Атаману венгерской казачьей станицы и в канцелярии Российского дипломатического представителя, Уполномоченного Российского Общества Красного Креста и Русского монархического Объединения.

Примечания

¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 16. Л. 449–450. Машинопись, копия, русский.

² Смотри об этом дневниковые записи А. фон Лампе от 26 августа 1922 г.

³ Причиной обострения конфликта и разрыва между А. фон Лампе и Л.А. Казем-Бекот послужили выступление великого князя Кирилла Владимировича и занятая Врангелем позиция в связи с этим выступлением. В приказе № 41 А. фон Лампе довел до сведения русских военных в Венгрии точку зрения Врангеля на текущий момент (ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 16. Л. 446–447). См. об этом дневниковые записи А. фон Лампе от 26–30-го августа 1922 г. и комментарии к ним.

35. Письмо А.А. фон Лампе С.Н. Ильину¹

12 сентября 1922 г.

№ 97/2.

Глубокоуважаемый Сергей Николаевич,

По возвращении моем из Белграда в Будапешт я получил сведения, что князь Д.П. Голицын-Муравлин предпринял шаги накануне своего отъезда в Париж по ориентировке венгерских правительственных кругов относительно выступления Великого Князя Кирилла Владимировича.

Ввиду этого, я счел необходимым также предпринять шаги в этом направлении, для чего просил приема у военного министра и начальника Генерального штаба и аудиенции у Правителя Венгрии.

Мною было принято решение, в случае если во время приема разговор сам перейдет на тему о выступлении Великого Князя, передать моему собеседнику меморандум по вопросу о выступлении.

Осведомление министерства иностранных дел было принято на себя князем Волконским, который, однако, до самого последнего времени не был сам осведомлен М.Н. Гирсом в обстановке.

На приеме в Военном министерстве и генеральном штабе, конечно, оба разговора немедленно перешли на вопросы о Великом Князе, но и там, и тут, при полной заинтересованности венгров в происходящем в русских эмигрантских кругах движении, ему, по-видимому, не придавали большого значения и относились к нему хотя и с сочувствием, но скептически².

Несколько иначе обстоял вопрос на приеме у Правителя Венгрии Адмирала Хорти.

Коснувшись нескольких побочных вопросов, Правитель Венгрии немедленно перешел на вопрос дня и с большим интересом выслушал все то, что я, в соответствии с имеющимися в моем распоряжении сведениями, доложил ему о взглядах командования и решении Главногокомандующего.

Выразив мнение, что генерал Врангель, по-видимому, смотрит на положение вещей так же, как и он сам³, адмирал Хорти, одна-

ко, добавил, что считает совершенно необходимым, чтобы во всяком деле, направленном к освобождению родины, кто-либо решился взять инициативу на себя, подтверждая это успехом своего похода из Сегедина в Будапешт, и с этой точки зрения приветствовал почин Великого Князя, которого он считает законным представителем покойного Государя Императора.

Отметив Правителю Венгрии, что само командование несколько не берется доказывать незаконность прав Великого Князя Кирилла Владимировича на императорский престол, я высказал мысль, что таковое выступление, с одной стороны, является настолько же несвоевременным, как выступление Короля Венгрии Карла IV в октябре прошлого года, когда нация, всецело признававшая его права, не смогла принять его в страну, а с другой — права на престол еще не могут обозначить собою прав на руководство национальным движением, для которого требуется не законность прав, а популярность вождя, как то и было в примере, приведенном самим же адмиралом при рассказе об успехах его дела в Сегедине⁴.

Такая точка зрения, по-видимому, живо заинтересовала Адмирала Хорти, и дальнейший разговор он вел все время в этой плоскости, интересуясь ролями в национальном движении как генерала Врангеля, так и, главным образом, Великого Князя Николая Николаевича.

По-видимому, к концу разговора, который длился час с четвертью, время необычное даже для приемов у Адмирала Хорти, всегда внимательно относящегося к русскому военному представителю, у него сложилось некоторое убеждение, что Великий Князь Кирилл Владимирович едва ли представляет собою то лицо, которое может явиться вождем белой России, особенно в той ее части, которая находится под властью Советов.

Однако все то, что говорил по этому поводу Правитель Венгрии, заставляет меня прийти к убеждению, что он хочет писать Великому Князю Кириллу Владимировичу о том, как ему надо считаться с вождями русского национального движения, в частности, с именем и обаянием Великого Князя Николая Николаевича, что, несомненно, наводит на мысль, что уехавший в Париж князь Голицын-Муравлин успел связать Правителя Венгрии с Великим Князем тем или иным способом.

Должен отметить, что прием все время носил все тот же внимательный характер, как и в прошлые разы, и даже на этот раз мне было оказано особое внимание, так как, ввиду того, что аудиенция была мне назначена в месте летнего пребывания Правителя (35 километров от Будапешта) в 10 часов утра, мне была предоставлена для ночлега комната во дворце.

Как вывод из всего сказанного, я считаю, что в Венгрии, при усиленной работе местных русских монархических кругов, немедленно и с первого слова примкнувших к Великому Князю Кириллу Владимировичу, можно ожидать появления официального представителя последнего, без признания его, однако, в официальном порядке и оставления представительства официального по-прежнему в непоколебленном виде за представителями Главнокомандующего и М.Н. Гирса.

Копию переданного мною, во всех случаях, меморандума, при сем прилагаю.

Прошу Вас принять уверения в отличном моем уважении и совершенной преданности

Уважающий Вас

Подлинный подписал А.А. фон Лампе

С подлинным верно Капитан Мельницкий

Примечания

¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 9. Л. 51–54. Машинопись, копия, русский.

ИЛЬИН Сергей Николаевич, генерал, член Русского Совета по назначению генерала Врангеля. Детальные биографические данные не удалось установить. Русский Совет как своего рода эмигрантское правительство был создан Врангелем в Константинополе после эвакуации из Крыма.

² Венгерские архивные документы свидетельствуют о том, что в Министерстве обороны целиком приняли точку зрения А. фон Лампе на выступление Кирилла Владимировича. Меморандум, составленный и переданный А. фон Лампе, детально освещает фон событий, подчеркивает «непредрешенческую» позицию великого князя Николая Николаевича и генерала Врангеля. В итоге сотрудники министерства шаг Кирилла Владимировича квалифицировали как партийный, преждевременный, который имеет очень мало

шансов на успех, но усугубляет раскол в так и раздробленном русском монархическом движении, тем самым дискредитирует идею монархизма (НЛ 1922 VKF микрофильм В/169. пленка 3648/1987 № 30.897 Л. 163–165).

³ Вставлены слова от руки А. фон Лампе: «в смысле стремления к спасению Родины, а не установления порядка правления».

⁴ Аргументы А. фон Лампе и проведение параллели с одной стороны между королем Карлом и великим князем Кириллом Владимировичем, с другой стороны, между Хорти и Врангелем или Николай Николаевичем можно считать действительно удачными с точки зрения переубеждения Хорти о неправильности и несвоевременности выступления Кирилла.

36. Письмо А.А. фон Лампе

Н.А. Княжевичу¹

20 сентября 1922 г.

№ 47 / Л

г. Берлин

На № 224

*Его Превосходительству Н.А. Княжевичу
Представителю Русской колонии в г. Печ*²

Ваше Превосходительство

Глубокоуважаемый Николай Антонович!

По содержанию Вашего письма считаю долгом поставить Ваше Превосходительство в известность о нижеследующем.

Несомненно, что среди дезертиров из рядов русских отделений сербской пограничной стражи немалое число лиц, оставивших службу не по политическим, а только по экономическим причинам; в этом я всецело присоединяюсь к высказанному Вами взгляду.

Но дело в том, что побуждения, заставившие того или иного военнослужащего дезертировать, с одной стороны, определить почти невозможно, так как, узнавая о невозможности из Венгрии попасть в Советскую Россию, каждый из дезертиров будет объяснять свой поступок соображениями экономическими, а с другой – вред, приносимый дезертирам своим оставшимся на службе товарищам, от причин, заставивших его дезертировать, не уменьшается.

Поэтому-то я, оставаясь на точке зрения полного игнорирования дезертиров со стороны русских учреждений, не могу изменить ее и для тех, кто дезертировал только по соображениям экономическим.

Что же касается необходимости учета дезертиров, то я совершенно присоединяюсь к Вашему мнению и считаю чрезвычайно желательным иметь о всех них сведения и за ними наблюдение³.

В заключение позволяю себе свести в одно все то, что я сообщил по поводу точки зрения командования на дезертиров – содействие им, как принесшим вред чинам армии, в то время как они могли покинуть службу совершенно легально – является крайне нежелательным и несправедливым, наблюдение же за ними и учет их – крайне желательным.

Должен добавить, что количество дезертиров в дальнейшем едва ли будет увеличиваться⁴, так как, по имеющимся у меня сведениям, сербское правительство по окончании контракта не предполагает его возобновлять, ставя, таким образом, несколько тысяч русских вновь в тяжелое материальное положение. Надо полагать, что в основу решения сербов отчасти легло и дезертирство русских в сторону Венгрии.

Прошу Вас принять уверения в совершенном моем уважении и таковой же преданности

Уважающий Вас [без подписи]

Примечания

¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 9. Л. 199–200. Машинопись, копия, русский.

² Титул «представителя» присвоен Княжевичу А. фон Лампе самовольно и, скорее всего, свидетельствует о том, что в «Печской колонии» генерал-майор Княжевич был, пожалуй, единственным человеком, на кого он мог опираться (ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 9. Л. 201).

³ А. фон Лампе писал письмо с аналогичным содержанием и генералу Кусонскому в Сремские Карловцы. В нем он тоже подчеркнул необходимость полного отказа дезертиров в помощи, и для облегчения их учета просил Кусонского сообщать в канцелярию военного представительства о каждом известном случае дезертирства.

⁴ Точное количество дезертиров установить невозможно, в документах венгерского Министерства обороны фиксируются отдельные случаи неле-

гального перехода границы русскими военными из состава югославской армии с оружием в руках. Как правило, дезертиры мотивировали свои поступки отчасти плохим снабжением, питанием, отчасти стремлением ехать дальше домой в СССР, где якобы «объявлена амнистия». По этому поводу неоднократно имели место встречи на границе русских и венгерских пограничников. Русские добивались выдачи дезертиров обратно вместе с оружием. Командирам венгерских пограничных постов был отдан приказ ответить, что дезертиры могут быть выданы только с их согласия, а на счет оружия они должны были сообщить, что оно было уничтожено (HL 1930 HM Eln. D. I. tétel, № 12 606. Л. 1–4).

37. Письмо А.А. фон Лампе И.А. Хольмсену¹

Многоуважаемый Иван Алексеевич!

Я получил сегодня частное письмо от Петра Григорьевича А[рхангельского] о том, что сохранение агентуры в Венгрии в ее теперешнем состоянии признано Евгением Карловичем необходимым. Думаю, что в этом руководствовались соображениями, доложенными мною лично Главнокомандующему еще в марте. К сожалению, боюсь их переложить на бумагу².

Из того же письма я знаю, что в поисках денег на содержание моего помощника в Венгрии и его канцелярии, Евгений Карлович обратится к Тебе, а потому и пишу Тебе настоящее письмо, с одной стороны, с целью упредить Тебя, а с другой – просить помощи в этом деле, так как, несмотря на все трудности двойного положения, я считаю действительно необходимым сохранение агентуры в Будапеште по многим соображениям.

Стоимость агентуры 750 франков в месяц (а не 650, как по старому рассчитывает Петр Григорьевич), и начало поддержки требуется с первого октября, так как моя экономия, на которую существовала агентура более 10 месяцев, приходит к естественному концу!

Очень прошу Тебя, во имя общего дела, не отказать в Твоей помощи. Я сократил там расходы насколько возможно, и право же содержать агентуру за эти деньги, плюс расход по моим поездкам раза три в год, а сейчас это стоило меньше 200 франков – не так дорого, и обидно было бы из-за этого сокращения ее лишаться.

Пользуюсь случаем, чтобы поблагодарить Тебя за увеличение отпуска [до] сентября на офицерский союз в Венгрии. Я наладил его во время моей последней поездки в Венгрию, сильно ему мешают монархисты, которые там всецело поддерживают Кирилла, но надо надеяться, что им удастся справиться [так в тексте!]. Твоя помощь, да еще накопившееся за несколько месяцев, сильно помогла им. Расписки в получении денег у меня.

Немного подготовил Тебя к получению письма Евгения Карловича относительно Венгрии, очень надеюсь, что Ты при малейшей к тому возможности поддержишь это решение, в котором я лично заинтересован тоже только с точки зрения общей пользы, так как поездки весьма тяжелы, ибо при таком способе действий работа накапливается и там, и тут, и всегда занимается усиленной подгонкой!

[без подписи]
24 IX 1922 г.

Примечания

¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 9. Л. 215–215об. Машинопись, копия, русский.

² Речь идет об «обещании» Хорти в случае необходимости обеспечить приют Врангелю в Венгрии. См. об этом дневниковые записи А. фон Лампе от 1–3 марта 1922 г. и документ № 24 в приложении.

38. Письмо А.А. фон Лампе

В.А. Иловайскому¹

[28] сентября 1922 г.

№ 53/Л

Берлин

Дорогой Владимир Алексеевич!

Донесение Ваше о прибытии галлиполийцев получил сегодня.

Конечно, жалко, что Вам не удалось их дождаться, но ничего не поделаешь.

Я лично очень Вам благодарен за все достигнутое, обстановку знаю хорошо и понимаю, что трений будет немало, но все это не страшно, смотрите на это спокойно, конечно, к ноябрю успеть

нельзя, по-видимому, Григорий Григорьевич [Чертков], получив от Петра Николаевича нагоняй, старается нагнать пропущенное, но надо понимать, что к зиме труднее устроить людей, чем весной или летом, как мы того просили. Все это я напишу наверх и Вам пришлю копию, но относительно денег для возбуждения ходатайства о добавке, что мне лично обещано Петром Николаевичем, я могу начать давить только по получении от Вас первого отчета, так как тогда все, что я скажу, будет доказательно не только моим личным напором, но и цифрами.

Относительно содержания представительства, то оно генералом М [иллером] признано необходимым (а прибытие партий еще больше докажет это), и мне обещано, что с первого октября я могу ждать новых ассигнований, но только по ошибке считают по 650 франков, и я сейчас ругаюсь за 750. Думаю, что в этом успею.

У меня сейчас помимо обыкновенной массы дела, еще одно – пребывание здесь Кутепова, который, кстати сказать, провел четыре часа и в Будапеште, объезжая с парохода город. Он здесь по частным делам с женой, но все же много дела, по приемам, организации охраны, сопровождении его и т. п.

Очень милый человек, в весьма приятельских отношениях с Мельницким². Очень скромный!

Возвращаясь к вопросу о прибывшей и прибывающих партиях, я очень беспокоюсь по этапному вопросу – уж очень не вовремя смена барачников, надо во что бы то ни стало добиться толку, да, впрочем, и Вы это не хуже меня знаете.

Перед князем я прямо преклоняюсь. Сейчас не пишу ему, так как не выполнил еще его поручений – до сих пор не был еще в центре Берлина, все никак не могу выбраться!

От Антона Ивановича получил письмо – постараюсь сделать что могу, обо всем напишу ему!³

Много мог бы Вам рассказать по монархическому вопросу, но уж очень сейчас перегружен работой, не могу отдохнуть!

Пока кончаю, скоро курьер, времени нет!

[без подписи]

Примечания

¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 9. Л. 223–224. Машинопись, копия, русский.

² С мужем сестры А. фон Лампе.

³ Речь идет о письме А.И. Деникина А. фон Лампе с просьбой помочь ему найти квартиру в Будапеште или в его окрестностях.

39. Письмо А.А. фон Лампе

Е.Д. Лукину¹

28 сентября 1922

№ 54/Л

г. Берлин

Полковнику Лукину

/старшему первой группы галлиполийцев в Венгрии/

Получив донесение моего помощника есаула Иловайского о прибытии первой группы галлиполийцев в Венгрию, в Вашем лице приветствую всех и от души желаю Вам и Вашим спутникам в новой стране найти себе отдых после всего пережитого.

К сожалению, внутреннее положение Венгрии не дает правительству ее возможности оказать нашим частям то содействие, которое было бы ему желательным, а запоздалое прибытие партии, вместо весны – осенью, затрудняет устройство прибывших, подобно тому, как это сделано во всех иных странах, – на работу.

Однако, зная отношение к Армии Российского дипломатического представителя Светлейшего князя Волконского и Представителя Красного Креста В.В. Малама, я надеюсь, что моему помощнику удастся осуществить поставленную ему задачу и оказать Вам полное содействие.

Очень жалею, что возложенная на меня Главнокомандующим работа в Германии не дала мне возможность лично помочь Вам, а опоздание партии не позволило мне повидать всех лично в августе, когда я был в Венгрии и Сербии и добивался ускорения перевозки.

Очень прошу Вас в вопросах политической жизни русской колонии в Будапеште прислушиваться к тому, что Вам расскажет есаул Иловайский и официальные представители, так как за последнее время эта жизнь очень отклонилась от тех лозунгов, которые до сего времени исповедует Главнокомандующий и Армия.

О прибытии партии мною доложено генералу Кутепову, который в данное время находится временно в Берлине, и он приказал мне приветствовать партию от своего имени.

Не могу не отметить Вам также и того обстоятельства, что постановка на работы прибывших партий в Венгрии благодаря осени затруднена, и требуется энергия и быстрота в проведении этого вопроса, так положение следующих за Вами партий может стать затруднительным.

Генерального штаба полковник [без подписи]

Примечания

¹ ГА РФ Ф. 5853. Оп. 1. Д. 9. Л. 225–226. Машинопись, копия, русский.

40. Письмо А.А. фон Лампе Н.Е. Маркову¹

14 октября 1922 г.

№ 56/Л

г. Берлин

Его Превосходительству Н.Е. Маркову

Милостивый Государь Николай Евгеньевич!

Вследствие письма Вашего от 27-IX (10-X) за № 1472 считаю долгом сообщить нижеследующее:

Письмо мое от 9-го июля за № 25 было препровождением копий двух документов и заключало в себе просьбу к Вам высказать Ваше мнение по поводу действий объединения в Венгрии, вытекающих из содержания этих документов.

Документы, мною приложенные и засвидетельствованные официальным учреждением, были: рапорт № 29, подписанный полковником Строгановым², и письмо № 304, подписанное председателем объединения в Венгрии Л.А. Казем-Бекком.

Письмом Вашим о результатах произведенного по распоряжению Высшего Монархического Совета дознания опровергается содержание рапорта полковника Строганова, и сообщается, что

г-н Казем-Бек не только не говорил, но и не мог говорить того, что упомянуто в этом рапорте.

Не входя в критику действий лица, производившего дознание, считаю необходимым ориентировать Вас только по вышеизложенному.

1. В Вашем письме указано, что разговор между полковником Строгановым и г-ном Казем-Бекем передан в рапорте № 29 «совершенно неверно».

Я не присутствовал при этом разговоре, а потому не могу ручаться за правильность его передачи полковником Строгановым, но я должен отметить, что этот разговор, на основании постановления суда чести при Военном Представителе Главнокомандующего Русской Армии при Королевском Правительстве Венгрии, в конце августа с. г. закончился поединком между участниками его, что доказывает достаточную остроту самого разговора³. При этом содержание его, изложенное в рапорте полковника Строганова, не было никем опровергнуто.

2. В Вашем письме указано: «о подаче меморандума на имя адмирала Хорти, в котором, будто бы, указывалось на вредность сохранения белых армий, необходимость их распыления и упразднения командного состава и т. д., Л.А. Казем-Бек /полковнику Строганову/ не говорил и говорить не мог...».

Я вновь отмечаю, что не могу судить, говорил ли об этом Л.А. Казем-Бек, но о том, что существует меморандум (письмо), содержания хотя и не тождественного с передачей полковником Строгановым, но приближающегося к нему, говорит сам г-н Казем-Бек в своем собственном письме № 304 на имя есаула В.А. Иловайского (моего помощника).

Таким образом, факт подачи меморандума Правителю Государства, не только помимо, но и по секрету, от Русского Военного Представителя при правительстве этого государства, при том условии, что объединением была декларирована полная поддержка не только Армии и ее Командования, но и Представителя последнего (работавшего в полном контакте с объединением), несомненен.

Не могу не отметить также и того, что копия меморандума, составителем которого, по словам Л.А. Казем-Бека мне, являлся князь Д.П. Голицын-Муравлин, не была выдана ни мне, ни, если не ошибаюсь, Высшему Монархическому Совету, несмотря на выражение нами желания получить эту копию.

Что же касается указанной Вами обстановки, что «все монархические объединения, возглавляемые Высшим Монархическим Советом, как известно, всегда стояли и стоят на совершенно обратной точке зрения – за полную поддержку Русской Армии и ее Командования», то это мне, как работавшему в составе монархического объединения и представителю Армии и ее Командования, вполне известно, и это только обстоятельство позволяет мне всегда согласовывать мою работу с деятельностью Высшего Совета и объединений, им возглавляемых.

Однако быть уверенным, как то предполагал, по-видимому, производящий дознание, кстати сказать, не опросивший многих лиц, имевших возможность пролить свет на все произошедшее, что Л.А. Казем-Бек не мог говорить иначе, потому что Высший Монархический Совет так думает и предписывает, я не могу, хотя бы и потому, что в случае, имеющем в жизни объединений значение не меньшее, чем отношение к Армии, как председатель монархического объединения в Венгрии Л.А. Казем-Бек, так и его руководитель и составитель меморандума, полномочный представитель Высшего Монархического Совета в Венгрии князь Д.П. Голицын-Муравлин пошли не только не по одному пути с Советом, но и прямо против его указаний, что доказывает, что для руководителей объединения в Венгрии возможность решений и слов, несогласных с решениями Высшего Монархического Совета, не исключена⁴.

На основании же имеющихся в моем распоряжении данных я совершенно уверен, что руководители объединения в Венгрии определенно выступали, действуя вопреки взглядам Командования Армии, что и послужило основанием моего выхода из объединения.

Таким образом, я неизбежно прихожу к выводу, что при производстве дознания достоверность изложенного в рапорте полковника [Строганова]⁵...

Примечания

¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 9. Л. 343–345. Машинопись, копия, русский.

² В упомянутом рапорте Строганов в очень острой форме передал свой конфликт с Л.А. Казем-Бекем и информировал А. фон Лампе о подачи от

имени правления монархического объединения меморандума адмиралу Хорти и дипломатическому корпусу в Венгрии. В меморандуме – со слов Строганова – говорилось о вредности сохранения белых армий, о необходимости распыления и перевода на беженское положение армии Врангеля, о необходимости упразднения командного состава. В качестве объяснения Казем-Бек якобы сказал Строганову, что в августе или в сентябре ожидается наступление большевистской армии «на стыке польско-румынского фронта». Они поддерживают связь «с некоторой частью красной армии» и обещали им, что к моменту наступления белая армия сопротивление оказывать не будет. После обмена резкими фразами, Строганов заявил о своем выходе из монархического объединения и обещал «уплатить» Казем-Беку за его «художества» (ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 9. Л. 335–336).

В венгерских архивах до сих пор не найден текст меморандума, если он действительно существовал. Стороны отказывались показывать друг другу как и меморандум, так и рапорт полковника Строганова. Совет Русского Монархического Объединения в Венгрии на своем заседании исключил из объединения Строганова, подтвердил Казем-Бека на должности председателя и в нескольких общих выражениях – которые были зафиксированы в протоколе – декларировал полную лояльность объединения с Русской Армией в целом и с ее Главнокомандующим в частности (ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 9. Л. 361–361об, 362–362об.). О том, что это было не совсем так, свидетельствуют «борьба» в венгерской прессе, ряд мелких интриг, попытка поддержки Тундутова и не в последнюю очередь создание в рамках монархического объединения военного отдела. В связи с этим П.А. Кусонский известил А. фон Лампе о точке зрения Главнокомандующего. Врангель считал такой отдел абсолютно ненужным и, поскольку он может внести раскол в русскую колонию в Венгрии, даже вредным (ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 9. Л. 357).

³ Смотри об этом дневниковые записи А. фон Лампе от 26, 28 и 30 августа 1922 г. и комментарии к ним.

⁴ Документы свидетельствуют о том, что монархическое объединение в Венгрии, возглавляемое Д.П. Голицыным-Муравлиным, Л.А. Казем-Бек и др. после выступления великого князя Кирилла Владимировича во многих вопросах пошло против официальной линии ВМС. Голицын-Муравлин еще в сентябре, в письме Русскому Монархическому Объединению в Баварии назвал ВМС партийным учреждением, которое к данному моменту «пережил срок своих полномочий», и которое естественно не может себя ставить выше основных законов Российской империи. Не излишне отметить, что Голицын-Муравлин, кто в этом документе титулировал себя «Главным Политическим Представителем Августейшего Блюстителя Государева престола» несколько времени тому назад был еще представителем ВМС в Венгрии и считал ВМС носителем верховной власти. «Можно ли быть таким идиотом?» – комментировал в своем дневнике поворот в его поведении А. фон Лампе, кто не мог переваривать Голицына-Муравлина (ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 9. Л. 104, 220, 221–222).

⁵ Конец письма отсутствует в деле.

В ответе на это письмо Марков признался Алексею фон Лампе, что, может быть, дознание было проведено с недостаточной тщательностью: «Во многом, что Вы пишете, Вы, к сожалению, правы...». Монархическая организация в Венгрии действительно отклонилась от линии ВМС, и шла по отдельному пути. Выяснение обстановки будет задачей следующего особого совещания ВМС в Париже – писал Марков А. фон Лампе (ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 9. Л. 347).

41. Письмо А.А. фон Лампе

Н.Н. Баратову¹

16 октября 1922 г.

№ 57/Л

г. Берлин

Его Высокопревосходительству Н.Н. Баратову

Председателю правления

союза русских инвалидов за границей

Ваше Высокопревосходительство

Глубокоуважаемый Николай Николаевич!

Сего числа курьер доставил мне Ваше письмо моему помощнику по Будапешту от 12 сентября, копию его ответа Вам и копию Вашего ходатайства перед правителем Венгрии.

Решить этого вопроса сам есаул Иловайский не мог, по тому исключительному случаю, что в данный момент идет спешная переброска в Венгрию последних галлиполийцев, разрешение на въезд которых получено мною от венгерского правительства весной текущего года. Все усилия, по приказанию Главнокомандующего, направлены к ускорению этой переброски.

Одновременно с этим я отдаю моему помощнику распоряжение:

1. В случае запроса его по содержанию Вашего обращения к Его Светлости Правителю Венгрии, немедленно, от моего имени, поддержать Ваше ходатайство.

2. После получения визированных списков на всех, кто перебрасывается в Венгрию по приказу Главнокомандующего, немедленно возбудить спешное ходатайство о предоставлении права въезда в Венгрию Вам с 40 человеками. Я полагаю, что это не

встретит препятствий, так как правительство дало мне согласие на принятие одной тысячи человек, а вся переброска галлиполийцев не должна превысить 700 человек.

В этом мы можем вполне рассчитывать также и на содействие Российского дипломатического представителя в Венгрии Светлейшего князя Волконского.

Должен только доложить Вашему Высокопревосходительству по содержанию Вашего обращения к правителю Венгрии, что, на основании моего знакомства с положением в Венгрии, правительство, несмотря на все сочувствие русским, не в силах предоставить для правления союза инвалидов никакого помещения, ни, тем более, питания. Причиной такого положения является наличие в Венгрии своих же собственных беженцев из четырех отторженных от нее по Трианонскому миру областей. Это обстоятельство тормозило еще весной получение мною вышеупомянутого мною разрешения на въезд одной тысячи, при условии содержания и постановки ее на работы нашим попечением.

Военное представительство со своей стороны сделает все возможное для облегчения пребывания Правления в Венгрии, но, к сожалению, эти возможности почти исчерпываются предоставлением временного помещения на этапе при военном представительстве мужчин и оказанием содействия временному размещению в общежитии Красного Креста – женщин.

Квартирный вопрос в Будапеште чрезвычайно острый.

Рад буду приветствовать союз в Венгрии и попытаюсь помочь, чем возможно².

Прошу Вас принять уверения в совершенном моем уважении и таковой же преданности.

[без подписи]

Примечания

¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 9. Л. 230–231. Машинопись, копия, русский.

БАРАТОВ Николай Николаевич, генерал от кавалерии (1865–1932), участник Русско-японской войны, в Первой мировой войне командовал экспедиционным корпусом на Кавказском фронте и в Персии. С 1918 г. в белом движении, представитель ВСЮР на Кавказе. В 1919 г. в Тифлисе, в резуль-

тате покушения на него, потерял одну ногу. В 1920 г. короткое время занимал пост министра иностранных дел, потом находился в резерве Главнокомандующего. С 1920 г. жил в эмиграции, был одним из организаторов и председателем Союза русских инвалидов.

² Мы пока не располагаем архивными документами о принятии членов Правления Союза русских инвалидов в Венгрии, инициированным Алексеем фон Лампе или кем-нибудь другим перед венгерским правительством. В дальнейшем, как мы увидим, со стороны сотрудников военного представительства требовались серьезные усилия добиться хотя бы частичного выполнения уже достигнутого соглашения по принятию 1000 военных из армии Врангеля.

42. Письмо А.А. фон Лампе

В.А. Иловайскому¹

22 октября 1922 г.

№ 60/Л

г. Берлин

И. д. штаб-офицера для поручений есаулу Иловайскому

Ввиду начавшей переброски чинов Армии из Галлиполи в Венгрию, предлагаю Вам принять к исполнению нижеследующее:

1. Согласно приказу Главнокомандующего, все чины Армии, перебрасываемые в пределы какой-либо страны, непосредственно подчиняются находящемуся в данной стране Военному Представителю или Военному Агенту, через которого они и могут только официально сноситься со штабом Главнокомандующего и должностными лицами в Армии.

Права Военного Представителя по отношению к перебрасываемым частям определены приказами Главнокомандующего, как права командира корпуса.

Об изложенном, в случае необходимости, прошу поставить в известность до моего прибытия в Венгрию перебрасываемых чинов.

2. Вопрос о том, распространяется ли приказ Главнокомандующего о помощи инвалидам и семьям чинов Армии, также и перебрасываемых в Венгрию галлиполийцев, возбужден мною в штабе Главнокомандующего. Ответ будет своевременно опубликован.

3. Озабочиваясь материальным положением перебрасываемых в Венгрию галлиполийцев, ныне сравнительно обеспеченных, в будущем предлагаю Вам собрать старших галлиполийцев и предложить им на разрешение следующее: я полагал бы желательным создать особый «фонд галлиполийцев», который составить из: а) сумм, переданных от Красного Креста и впредь от него же могущих поступить; б) сумм, привезенных с собою в Венгрию частями, кроме экономий с довольствия; в) добровольных отчислений от заработка; г) могущих поступить пособий от штаба Главнокомандующего; д) перечислений из сумм, находящихся в моем распоряжении.

Распоряжение этими суммами я предполагал бы необходимым возложить на «комитет галлиполийцев в Венгрии», в состав которого было бы желательно привлечь представителя Красного Креста и обязательно включить представителя Военной миссии (которым, в случае осуществления моего предположения, я назначаю полковника Виноградского).

Расходование сумм должно производиться под контролем моим, на основаниях, которые надлежит выработать и представить мне на утверждение, как и все положение о «фонде галлиполийцев».

О последующем жду Вашего донесения.

Генерального штаба полковник [без подписи]

Примечания

¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 9. Л. 242–243. Машинопись, копия, русский.

43. Письмо А.А. фон Лампе

Н.В. Шмидту¹

31 октября 1922 г.

№ 70/Л

г. Берлин

Глубокоуважаемый Николай Владимирович!

Письмо Ваше получил сегодня, конечно, все разобрал и спешу Вам ответить, как и всегда, на машинке, так как мой-то почерк никто разобрать не сможет!

Во-первых, прошу принять мою благодарность за Ваше извещение по всем вопросам, жизнь союза, или, вернее, его вступление в жизнь, меня очень интересует, и я его, как Вы и говорите, считаю своим детищем и детищем, о котором стараешься всячески заботиться.

Предложение, сделанное Вам в Министерстве Внутренних дел, откровенно говоря, мне совершенно непонятно. Дело в том, что внутренний строй в Венгрии так не похож на социалистические порядки других государств, где боятся открыто помогать офицерству, что объяснять это желанием через нас помочь своим не приходится, рассчитывать же на то, что мы сможем быть помощью венграм в их же стране и в беженском положении – едва ли они могут!

Предложение от Венгерского министерства о формировании русско-венгерского союза представляется мне настолько политической невозможностью, что за этим предложением я готов искать чего угодно, но только не желания помочь нам!²

Поэтому, высказывая по Вашему приглашению мое мнение об этом вопросе, я совершенно откровенно говорю, что я против этого предложения, так как оно ничего нам не даст и только до чрезвычайности затруднит наше положение!

Что касается выхода из положения, то, с одной стороны, можно при наличии старого устава пойти на название «Общество взаимопомощи русских офицеров в Венгрии», хотя не понимаю, почему венграм это нужно, или вовсе обойтись без утвержденного устава, ограничиваясь утверждением его русскими, так как Военное министерство само и говорит об этом, само доказывает возможность существования и без устава, что блестяще подтверждается как и существованием союза с апреля, существованием станицы, существованием монархического объединения, так как, по венгерскому характеру, городской, которого Вам обещает Министр внутренних дел, по моему мнению, так никогда и не соберется к нам в гости.

Нелишне нам отметить, что существование венгеро-русского союза немедленно вырвет из русских рук управление (это я знаю по опыту немецко-русских союзов, и это естественно), что поставит в затруднительное положение и меня в деле ежемесячного субсидирования союза, так как источник, которым я пользуюсь, говорит только о помощи русским, и это тоже понятно!³

Итак, мое мнение сводится к тому, что надо продолжать существовать самостоятельно, опираясь только на помощь военного министерства, которое идет нам навстречу!

Инцидент с Соболевым⁴, конечно, безобразен, хорошо, что он взял свое заявление обратно, по крайней мере, все исчерпано. Участники столкновения с ним, по всей вероятности, в будущем еще не минуют по другим поводам суда чести, и тогда это им должно быть зачтено в качестве их характеристики.

Чрезвычайно заинтересован судьбой квартиры для союза, так как по опыту знаю, что для существования союзов теперь необходимы: энергия, хотя бы небольшие деньги и квартира! Первые два пункта удовлетворены, ну а третьего нет!

Теперь несколько слов по поводу материального вопроса, о котором Вы, многоуважаемый Николай Владимирович, говорите в своем письме.

Относительно лиц, о которых Вы упоминаете, то есть о князе Волконском, В.В. Малама, полковнике Виноградском и полковнике Лукине – то первые два состоят официальными представителями известных и признанных учреждений, имеющих свои штаты, третий официально служит в военной миссии и получает утвержденное содержание, что же касается до последнего, то его содержание весьма гадательно и по этому вопросу я просил указаний свыше.

Что касается до председателей офицерских союзов, совершенно естественно, благодаря беженскому положению, также нуждающихся в пособии, то вопрос об этом был поднят еще в марте текущего года в Белграде.

Долгие дебаты по этому поводу привели к тому, что все согласились с тем, что председатель офицерского союза, получающий содержание от командования, как лицо выборное, всегда будет дискредитирован в глазах офицеров самим содержанием, а кроме того, вокруг его чистой должности, при наличии содержания, начнется свистопляска и постоянная интрига. Поэтому пришли к решению о невозможности предоставления в этих случаях содержания и признали возможность только пособия, но, при наличии более чем ограниченных средств в миссиях, эти пособия выражаются, в случае надобности, в таких «беженских» размерах, что считать их средством к жизни не приходится.

Не кажется ли Вам, многоуважаемый Николай Владимирович, что союз сам мог бы выдавать своему председателю содержание, так как иначе он не может тратить свое время на работу по союзу? Что касается расходов по союзу, то, конечно же, они должны погашаться средствами самого союза – это делается всюду, кто же теперь может требовать с председателя еще и материальных жертв!

Спешу отослать Вам это письмо скорее, почему и не пишу больше, очень надеюсь, что и в дальнейшем Вы не откажете держать меня в курсе жизни союза.

Прошу принять уверения в совершенном моем уважении и таковой же преданности.

[без подписи]

Примечания

¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 9. Л. 266–268об. Машинопись, копия, русский.

² За этим предложением со стороны Министерства внутренних дел по всей вероятности следует искать попытки Монархического объединения взять офицерский союз под свой контроль. Лидеры объединения были в очень хороших связях с некоторыми чиновниками министерства, и, видимо, пытались совместными действиями выбить союз из рук «врангелевского крыла» эмиграции.

³ В письме В. Иловайскому А. фон Лампе отзывается менее сдержанно: «Не понимаю, что он [Шмидт] затеял», «Я не дам денег на ерунду» (ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 9. Л. 269).

⁴ См. об этом дневниковые записи А. фон Лампе от 24 ноября 1922 г. и комментарии к ним.

44. Письмо А.А. фон Лампе

Е.Д. Лукину¹

Военный Представитель

*Главнокомандующего Русской Армией
при Правительстве Венгрии*

Полковнику Лукину.

Копия есаулу Иловайскому.

31 октября 1922 г.

№ 73/Л

г. Берлин

Рапорт Ваш за № 36, по-видимому, разошелся во времени с моим предписанием есаулу Иловайскому за № 60/Л, так как мы с Вами одновременно затронули один и тот же вопрос.

Наличие такого одновременного поднятия вопроса, а также и наличие проекта устава по тому же поводу, представленного мне моим помощником, показывает, что вопрос достаточно назрел и его необходимо теперь же разрешить.

В основу разрешения вопроса об организации галлиполийцев в Венгрии необходимо положить то обстоятельство, что венгерское правительство, не имея права разрешить пребывание в стране (на основании Трианонского договора) иностранных войсковых частей, в то же время не только не делало мне препятствий в организации той или иной русской военной организации, но даже поощряло это при условии, что ответственность за каждую организацию лежит на мне и организация может существовать лишь до того времени, пока я эту ответственность на себя принимаю.

Таким образом, не нарушая местных законов, мы не можем сохранить организацию частей, но мы в полной мере можем поддержать единение среди прибывших в Венгрию галлиполийцев путем создания того, что и назвал в моем предписании «Комитетом галлиполийцев», Вы называете «Обществом галлиполийцев» и т. д.

Однако в определении функций этого комитета или общества мы несколько с Вами расходимся, и я не могу согласиться с некоторыми из Ваших предположений, а именно:

1. Все воинские чины, не порвавшие связь с Армией, приказами Главнокомандующего и его указаниями, делятся на состоящих в рядах Армии и находящихся в ее резерве.

В первой категории состоят все те, которые до сего времени находятся в частях, находящихся в Сербии и Болгарии; во второй — все те, кто находится в Европе на беженском положении. Волею судьбы и политическими условиями галлиполийцы, находящиеся в Венгрии, подходят под вторую категорию.

2. В связи с пунктом первым я не могу согласиться с наличием в среде галлиполийцев особого от Военного Представительства суда чести, так как таковой, согласно неоднократным приказам Главнокомандующего, должен находиться при мне и функционировать моим распоряжением. Само собой разумеется, что я включу в его состав также и представителей от галлиполийцев, назначив их туда персонально.

3. Включение в круг ведения правления общества галлиполийцев регистрации офицеров и солдат, поддержания связи с командованием – считаю вредным, так как это есть прямая обязанность Военного Представительства в Венгрии и им и делается.

Таким образом, с моей точки зрения, предполагаемое «Общество галлиполийцев» должно главным образом направить свою деятельность в сторону экономическую, почему я и склоняюсь к идеям, изложенным в представленном мне уставе. Что же касается вопроса о сохранении, хотя бы и в скрытом виде, организации по частям, что с точки зрения командования является также необходимым, то это должно лежать на обязанностях Военного Представительства и на мне, как представителя Главнокомандующего.

Я понимаю, что мое постоянное пребывание вне Будапешта несколько затруднит все дело, но раз объединение в моем лице представительства в двух странах решено Главнокомандующим, с этим положением необходимо полностью считаться.

Сводя все сказанное мною, я считаю, что «Общество галлиполийцев» в Венгрии образовать необходимо. Функциями его считаю:

1. Улучшение материального положения галлиполийцев в Венгрии, в духе работы, предположенной мною в моем предписании есаулу Иловайскому № 60/Л.

2. Поддержание духа галлиполийцев и их взаимной сплоченности, принесенной из тяжелого галлиполийского периода их жизни.

3. Забота о культурной стороне их жизни.

Что касается порядка организации общества, то полагаю:

1. Вступление в общество должно быть добровольным.

2. Правление желательно сформировать путем компромисса: включением туда моим распоряжением командиров частей по

прежнему положению в Галлиполи, включением равного числа с числом командиров частей – выборных членов, включением члена от Военного Представительства и, наконец, казначея (он же и секретарь) по найму (без права голоса), так как бесплатно нести всю работу все равно никто не будет.

3. Председатель Правления должен утверждаться Главкомандующим по моему представлению.

4. Желательно установить связь с офицерским союзом путем взаимного кооптирования членов правлений, хотя бы и с совещательным голосом.

Само собой разумеется, что все, что мною указано, не исчерпывает устава общества, который необходимо разработать на месте во всех деталях и представить на утверждение Главкомандующего.

В силу всего изложенного я предлагаю моему помощнику по Венгрии, ввиду того, что я сам не смогу прибыть в Будапешт ранее Рождества, собрать при Военном Представительстве инициативную группу, которая и решит: быть или не быть обществу или комитету галлиполийцев и, если быть, то каким уставом руководствоваться.

Я же лично, приветствуя нарождение нового военного общества в Венгрии, призываю всех галлиполийцев к дружной жизни в Венгрии, как с существующими русскими военными организациями, так и с Военным Представительством, которое всегда и всеми мерами их поддержит перед местными властями и будет их естественной связью с Главкомандующим.

Генерального штаба полковник Л

Примечания

¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 9. Л. 274–277. Машинопись, копия, русский.

45. Письмо Е.К. Миллера**А.А. фон Лампе¹**

№02145

*Ср. Карловцы, 6 ноября 1922**Его Высокоблагородию,**А.А. фон Лампе*

Милостивый Государь, Алексей Александрович,

Исключительно тяжелая для нас обстановка в Болгарии заставляет Командование принимать все меры, дабы вывести, возможно скорее оттуда части армии в государства, где наши контингенты смогут своим трудом поддержать свое существование до момента возможного, с честью, возвращения на Родину².

Особенно беспокоит Главкомандующего вопрос о военных училищах, находящихся в Болгарии, где путем громадной работы удалось достигнуть блестящих результатов и поставить крайне важное дело подготовки и воспитания будущих офицеров на должную высоту.

Прекрасное воспитание, твердая дисциплина и налаженные занятия, по программам довоенного времени, дают полную уверенность, что юнкера в будущем будут отличными во всех отношениях офицерами.

Оставлять училища в Болгарии далее невозможно, обстановка там складывается так, что рассчитывать на спокойное, систематическое ведение занятий не приходится, а потому Главкомандующий решил обратиться с письмом к Адмиралу Хорти, прося его дать разрешение на переезд и расселение на территории Королевства Венгрии для 5-и военных училищ, ныне находящихся в Болгарии.

Письмо это направлено есаулу Иловайскому для хранения до Вашего приезда в Будапешт.

Вас же прошу срочно туда прибыть и лично представить Адмиралу Хорти это письмо, доложив ему на словах об исключительно тяжелом положении наших училищ в Болгарии, ведущейся там открытой коммунистической пропаганде и полной невозможности оставить далее там училища.

Копию письма Адмиралу Хорти и сведения о военных училищ при сем прилагаю³.

Уважающий Вас: Е. Миллер

Примечания

¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 16. Л. 470–472. Машинопись, оригинал, русский.

² В 1922 г. в Болгарии в тесной связи с внутривластными событиями разыгралась острая борьба между силами белой эмиграции и советской разведкой. Командования Русской армии смотрела на страну, как на базу, где можно сохранить организацию, кадров, оружие, подготовку, и дожидаться до подходящего момента, когда международные условия позволяют возвращение в Россию с оружием в руках. Советская же разведка и болгарские коммунисты активно работали на разложение врангелевских частей и добились значительных успехов в области репатриации, успели добиться у болгарских властей преследования и высылки русских генералов, офицеров за пределы страны. В мае 1922 года были высланы из страны не только крупные военачальники, как Шатилов и Кутепов, но и, к примеру, начальник и весь преподавательский состав Корниловского военного училища. В начале ноября 1922 г. была проведена совместная операция местных властей и советских спецслужб против организации генерал-лейтенанта В.Л. Покровского. Организация, которая была создана с целью ведения активной борьбы против советской власти, была практически разгромлена, а Покровский был убит во время штурма здания, где он скрылся (См. об этом: *Голдин В.И.* Российская военная эмиграция и советские спецслужбы в 20-е годы XX века. – Санкт-Петербург, 2010. С. 111–129 и 153–180).

³ Согласно приложенному списку, речь шла о 5 военных учебных заведениях – о Константиновско-Корниловском, Александровском, Сергиевском Техническом, Николаевско-Алексеевском Техническом и об Атаманском училищах с общей численностью в 844 человек (237 чинов кадра и 607 юнкеров). (Там же. Л. 471).

46. Письмо А.А. фон Лампе

Е.К. Миллеру¹

14 ноября 1922 г.

№ 77/Л

г. Берлин

На №02145

Е.К. Миллеру
Начальнику штаба Русской Армии

Ваше Превосходительство
Милостивый Государь Евгений Карлович!

Ваше письмо от 6-го ноября получено мною в Берлине 13-го числа.

Как только будет готов мой паспорт, я предполагаю, что это будет к 18-му ноября, я немедленно выеду в Будапешт, откуда донесу подробно всю обстановку по вопросу о переброске военных училищ в Венгрию.

В силу тех длительных переговоров, которые в свое время велись мною в Венгрии перед получением [разрешения] на въезд галлиполийцев, я считаю долгом отметить те препятствия, которые неизбежно встретятся и теперь:

1. Вопрос помещений. Этот вопрос будет наиболее острым, так как в уменьшенной Трианонским договором Венгрии сильно убавилось казенных зданий и прибавилось беженцев из отторженных областей. Квартирный вопрос в Венгрии достигает совершенно невероятной остроты, чем и объясняется то обстоятельство, что Венгерское Правительство не дало своего согласия на ввоз галлиполийцев сразу не только нашему дипломатическому представителю и моему помощнику, но и влиятельному в стране представителю Лиги Наций.

Единственным способом парализовать это затруднение считаю предложение правительству взять на себя ремонт попорченных казарм и барачков, что венграм не под силу и что может их соблазнить. В силу этого я прошу Ваших срочных указаний о том, какими суммами можно располагать на эту цель.

2. Отношение представителей Большой Антанты. Вопрос о переброске галлиполийцев все время тормозился представителями Англии и Италии, о чем мною в свое время были представлены документы. Дружественный нейтралитет держал представитель Франции. Полученное мною разрешение на ввоз галлиполийцев (под видом беженцев) сделано без согласия представителей Антанты, по секрету от них, чего почти невозможно сделать с военными училищами.

Способом парализовать это затруднение считаю давление из Парижа на представителя Франции, дабы вывести его из положения дружественного нейтралитета к содействию, так как влиять на представителей Англии и Италии, по-видимому, способов нет. О давлении из Парижа я также прошу Вашего распоряжения.

3. Противодействие «кирилловцев». Русские монархисты в Венгрии, всецело принявшие «кирилловскую» окраску, уже, как я и доносил в сентябре, всеми силами инспирировали в этом направлении Правителя Венгрии.

Противодействовать этому я буду сам. В этом направлении я уже предпринял шаги при моем последнем разговоре с Адмиралом Хорти в начале сентября.

Я считаю своим долгом донести Вам о вышеизложенных пунктах, но не считаю вопрос безнадежным и всеми мерами буду добиваться разрешения к ввозу в Венгрию военных училищ, так как ясно представляю себе важность этого для Армии².

Имея опыт прежних переговоров, я знаю, что положение Правителя Венгрии таково, что переговоры надо начинать не с ним, и знаю также, что первый же министр, при самом благожелательном отношении к вопросу, немедленно задаст мне вопрос о средствах, какими мы располагаем, как на отмеченный мною вопрос о ремонте казарм, так и на содержание юнкеров. Рассчитывать на материальную помощь Венгерского Правительства совершенно нельзя и поэтому я прошу Ваших срочных указаний по этому вопросу, так как это совершенно необходимая данная для начала переговоров.

Я позволяю себе просить эти указания для ускорения всего дела направить мне безотлагательно по почте в Будапешт, куда я прибуду, по моему предположению, немного ранее или одновременно с ними.

Постараюсь добиться согласия Венгерского Правительства во что бы то ни стало, хотя и ясно вижу трудность этого вопроса.

Уважающий Вас [без подписи]

Примечания

¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 9. Л. 315–317. Машинопись, копия, русский.

² В письме П.А. Кусонскому А. фон Лампе пишет: «Откровенно скажу Тебе, я не питаю больших надежд на успех порученного мне дела...», «... но я отлично понимаю, как важно и для нас, и для будущего переброска и сохранение училищ, почему и сделаю все возможное и даже больше этого...» В письме фон Лампе тоже подчеркнул, что любые переговоры по этому поводу он может начать только в том случае, если он точно будет знать, сколько денег готово тратить русское командование на переброску, на ремонт помещений и на содержание училищ: «При разговорах с венграми раньше всего надо их огладить, что это им стоить ничего не будет» (ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 9. Л. 313).

**47. Нота
Венгерского Королевского Министерства
Национальной Обороны
А.А. фон Лампе¹**

*Венгерский Королевский Министр Национальной Обороны
Входящий № 2434/4*

№ 25.895/Елн. Д. 1922.

Господину Полковнику фон Лампе

Военному Представителю

Главнокомандующего Русской Армии

при Венгерском Королевском Правительстве

Будапешт

Предмет: Ввоз третьего транспорта с русскими

Вследствие Вашего письма за № 1926 от 11-го ноября с. г. имею честь довести до Вашего сведения, что в течение последних дней я получил несколько донесений, согласно которым быстрое наступление зимы чрезвычайно отягчило условия жизни безработных.

В силу этого в некоторых областях наблюдается известное беспокойство, выражающееся в заявлениях о том, что Венгерское Правительство обязано в первую очередь помочь размещению и устройству своих собственных соотечественников.

Я счел своим долгом довести это важное обстоятельство до сведения Министра иностранных дел и просил его в качестве компетентного лица обсудить этот факт, принимая в расчет просьбу господина Полковника.

К этому я добавил, что, с точки зрения чисто военной, я не имею никакого основания отказать в разрешении относительно испрашиваемого ввоза.

Однако в целях улучшить условия жизни безработных и уменьшить жилищный голод Венгерское Королевское Правительство принуждено воспрепятствовать даже въезду наших собственных соотечественников, которые были изгнаны из отторгнутых от Венгрии областей, или тех, которые имеют намерение их покинуть на предмет устройства в Венгрии.

В силу этих обстоятельств, я считаю совершенно необходимым, чтобы успокоить общественное мнение, отсрочить въезд русских транспортов до момента, когда улучшится положение.

Естественно, что я не преминул обратить внимание Господина Министра иностранных дел на тот факт, что 3 русских транспорта, указанных Господином Полковником уже собраны в Константинополе, где они терпят большие лишения.

Я также просил Господина Министра иностранных дел обсудить этот факт для урегулирования этого вопроса в пределах возможного.

Доводя обо всем этом до Вашего сведения, имею честь, Господин Полковник, уведомить Вас, что Министр иностранных дел должен в настоящий момент известить Вас о своем решении относительно этого вопроса.

Примите, Господин Полковник, уверения в совершенном моем к Вам уважении.

Будапешт, 23 ноября 1922 года

*По приказанию Венгерского Королевского Министра
Национальной Обороны
/подпись/*

Примечания

¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 9. Л. 318–319. Машинопись, копия, русский (См. об этом еще дневниковые записи А. фон Лампе от 22–23, 25–26 и 27 ноября 1922 г. и комментарии к ним).

48. Меморандум

А.А. фон Лампе

Венгерскому правительству¹

МЕМОРАНДУМ

*по вопросу о переброске в Венгрию русских беженцев
из состава Русской Армии*

Согласно полученному мною приказанию Главнокомандующего Русской Армией генерала Барона Врангеля, представителем которого при Венгерском королевском правительстве я имею честь состоять, обращаюсь к Правительству Венгрии со следующим:

А. 1-го апреля 1921 года мною было возбуждено ходатайство о приеме Венгрией части Русской Армии, которая находилась в то время в лагерях около Константинополя.

После длительных переговоров, по тем или иным причинам несколько раз прерывавшихся, Венгерское Королевское Правительство в ноте г-на Министра Иностранных Дел от 7-го апреля 1922 года за № 1305 уведомило меня, что в силу симпатий к русскому национальному движению оно согласно на известных условиях принять в страну часть русских беженцев – офицеров и солдат Русской Армии, причем мне лично было сказано, что число их не должно превышать одной тысячи человек. Это же было подтверждено г-ном Товарищем Министром Иностранных Дел Русскому Дипломатическому Представителю и представителю Лиги Наций г-ну Цвернеру² осенью с. г.

После преодоления транзитных затруднений в Греции, Болгарии и Югославии, командованию Русской Армии удалось продвинуть в Венгрию два транспорта, которые прибыли 19-го сентября и 8-го ноября в Будапешт в общем составе в 173 человека (в том числе, 24 – женщин и детей).

В настоящее время в Константинополе уже, на основании указаний Венгерского Королевского министерства Государственной обороны, собран третий транспорт в составе 100 человек, причем солдаты и офицеры, в него входящие, естественно, уже лишились работы и только ожидают очередной отправки³.

Однако при получении очередного разрешения в Министерстве Государственной Обороны, мне было сообщено письмом от 23-го ноября за № 25.895, что таковое на въезд третьего транспорта дано быть не может по той причине, что въезд русских, становящихся на работу, представляется нежелательным для безработных венгров и что дальнейший въезд надо задержать до наступления более благоприятной обстановки.

Ввиду того, что политическое положение в Константинополе меняется для участников русского национального движения с каждым днем к худшему, а с установлением новой власти в Константинополе станет, как то отмечено в венгерской печати, совершенно критическим, такой промежуток в перевозке русских в Венгрию знаменует собой окончание всей переброски, то есть отказ от того согласия, которое было выражено Венгерским Королевским Правительством в ноте г-на министра иностранных дел от 7-го апреля с. г. Положение же третьего транспорта, вполне готового к отправке, катастрофично.

А между тем венгерский народ, с искренним приветом встречая прибывших русских, во всем идет им навстречу, и все прибывшие уже работают на пользу приютившей их страны.

Предложения работы для прибывающих русских продолжают поступать в мою канцелярию непрерывно, во многом превышая число прибывших.

Ввиду всего изложенного, я прошу о срочном пересмотре решения об отмене данного мне Венгерским королевским правительством согласия на перевозку в страну одной тысячи русских и о немедленной помощи разрешением на въезд для тех, кто сейчас в Константинополе в составе третьего транспорта ждет решения своей судьбы и не знает, будет ли он работать в братской Венгрии или попадет на константинопольские панели.

Б. Положение контингентов Русской Армии в Болгарии благодаря все возрастающему влиянию русских коммунистов на болгарское правительство, становится с каждым днем все невыносимее.

Давя на тех, кто пять лет боролся против коммунистов за права поруганной ими родины, болгарское правительство обратило свое главное внимание на надежду белой России, кадры ее будущего восстановления, юнкеров из русских военных училищ, здо-

ровых и патриотически настроенных русских юношей, за которыми стоит не только будущее России, но, может быть, и всей национально мыслящей Европы.

О спасении их и просит Генерал Барон Врангель, все силы свои отдавший на спасение тех, кто шел за ним в борьбе за Родину.

Я прошу Венгерское Королевское Правительство, возглавившее страну, первую боровшуюся в Европе против коммунизма, дать временный приют в государстве лучшим силам и кадрам русского национального движения, дав им возможность в спокойной обстановке закончить свое образование.

Содержание училищ в виде технической школы командование Русской Армией берет на свой счет, что избавит юнкеров от необходимости работой добывать себе пропитание и этим конкурировать с безработными венграми.

Чтобы парализовать грозный квартирный вопрос, я прошу Венгерское Королевское правительство передать в мое распоряжение нуждающиеся в ремонте бараки или здания внутри Венгрии, которые я обязуюсь привести в жилой вид средствами русского командования.

Общий состав русских военных училищ 844 человека, из которых 237 административного персонала, 476 юнкеров, которым осталось пройти курс в течение 10 месяцев, и 131, которым осталось учиться 18 месяцев.

Твердо веря в симпатии национальной Венгрии к русскому национальному движению, сводя все сказанное мною в пп. А и Б настоящего меморандума, прошу, дав срочное разрешение на въезд в страну готового к отправлению третьего транспорта русских беженцев из Галлиполи, сформировать комиссию для решения вопросов, мною возбужденных.

Если мое ходатайство будет приемлемо для Правительства страны, то я позволяю себе ходатайствовать о включении в состав комиссии, помимо представителей заинтересованных министерств, также и русских официальных представителей в Венгрии, Дипломатического, Российского Общества Красного Креста и меня (или моего заместителя).

В заключение моего меморандума я, на основании моего двадцатимесячного пребывания в Венгрии при Королевском правительстве, зная постоянное доброжелательное отношение народа

и правительства к противокommунистической России, позволяю себе рассчитывать на выполнение передаваемой мною просьбы генерала Барона Врангеля.

*Генерального штаба полковник
Военный Представитель Главнокомандующего Русской Армии
при Королевском Правительстве Венгрии.*

*Будапешт, 30 ноября 1922 года
№ 1958*

Примечания

¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 9. Л. 327–330. Машинопись, копия, русский.

² Из текста невозможно установить, о ком именно идет речь.

³ А. фон Лампе считал, что в деле третьего транспорта у него есть больше шансов на успех, чем в вопросе о военных училищах. На основе своих переговоров надеялся, что после некоторого напора ему удастся добиться впуска третьего транспорта в Венгрию. Он ясно осознал, однако, что после этого транспорта в переброске неизбежен значительный перерыв. Поэтому в письме Г.Г. Черткову в Константинополь просил включить в 3-й транспорт не меньше ста наиболее нуждающихся мужчин, для которых длительный перерыв «может стать катастрофическим». Е.К. Миллеру же написал, что женщин и детей старается провести сверх 100 (ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 9. Л. 320–320об., 321).

49. Письмо А.А. фон Лампе П.А. Кусонскому¹ 2–4 декабря (Будапешт).

Дорогой Павел Алексеевич,

Хочу написать Тебе несколько слов как по тому делу, по которому я сюда приехал, так и вообще поделиться местными впечатлениями, так как в официальном порядке пока нет еще никаких результатов.

Переговоры пока идут из рук вон плохо. Я был принят уже начальником генерального штаба, но это часть декоративная, а потом и передал по адресу письмо Петра Николаевича [Вранге-

ля]. Замечательно для местных нравов, что желание быть принятым я заявил для трех министров и самого главы и в первую очередь попал именно к главе, который оказался, как и всегда, доступнее других².

Письмо было прочитано с очень большим вниманием, прием был более чем любезный. Прочитав письмо, он ударил кулаком по столу и сказал: «Я всегда говорил, что Стамболийский грязная и бесчестная свинья», – конечно, я спорить не стал...

Говорили мы минут сорок, и он обещал сделать все, что возможно, так как лично он сам вполне сочувствует нашему положению. Но в разговоре он привел именно те причины, о которых я писал в письме Евгению Карловичу в пунктах 1 и 2 – все то же. Конечно, он сказал, что должен все же переговорить с министром-председателем, и тогда только можно будет говорить окончательно, то есть именно то, что и надо было ожидать.

Сегодня мне уже назначен прием у Министра внутренних дел, от которого идут трудности в приеме галлиполийцев и который будет нам, конечно, тормозить и в вопросе об училищах. Идем вместе с Волконским³. Завтра меня примет военный министр, а в конце недели – министр-президент и иностранных дел. Все тянется невыразимо долго, особенно когда осознаешь, что там далеко живые люди ждут результатов этих бесконечных приемов и разговоров.

Особенных надежд на успех у меня нет, но Ты знаешь, что я не признаю дело потерянным до самого конца, и даже после конца все же буду пытаться что-нибудь поправить...

Все же хочу надеяться на успех, буду напирать сильно.

Типично, что начальник генерального штаба немедленно же спросил меня, на чей счет будут содержаться училища, то есть вопрос неизбежный, и второй вопрос, который я предусматривал, но вам не писал: что мы будем делать с юнкерами после того, как они окончат свое учение...

Вот и все по делу.

Хочется именно с тобою поделиться и одним местным впечатлением.

Я несколько раз виделся с Антоном Ивановичем [Деникиным], которого, как Ты знаешь, я ранее лично не знал. Ты как-то писал мне, что Тебя интересует мое впечатление о нем.

Ты можешь себе представить, что я подходил к нему с повышенным интересом, что само собой понятно в связи со всем пережитым...

Ты знаешь мое впечатление: мне кажется, что если бы во главе дела с самого начала стоял Петр Николаевич, все могло бы быть иначе...

Не удивляйся – меня именно поразило, при всем том прекрасном впечатлении, которое он на меня произвел, при всем том интересе, который представляет разговор с ним, – его узорность и, если можно так судить, не государственный размах. Это очень порядочный и умный человек, но это не диктатор и победить он не мог... Конечно, все это легко говорить сейчас, по разыгранным картам, но это мое искреннее впечатление от того, кого я столько времени всеми силами и мерами поддерживал именно как диктатора... Как Твое мнение по этому.

Он принял меня очень конфузливо. Это именно правильное выражение. Надо полагать, что это оттого, что Пржбяно⁴ в Бельгии вел себя с ним по-хамски грубо... Я не нашел никакого основания подражать моему коллеге.

Страшно интересуется его Армия, и он много получает из толщи ее писем и живет этим. Никогда ни слова не говорит о Петре Николаевиче, не только со мною, но и вообще. Тут один из монархистских офицеров разбежался к нему и начал с выступлений против Петра Николаевича, но был очень сильно обрезан. Антон Иванович в этом отношении ведет себя осторожно и разумно. В субботу галлиполийцы, несколько оперившись, у меня на этапе устроили ужин, в целях сближения с местными русскими учреждениями, присутствовал Антон Иванович, первый тост был, конечно, за Петра Николаевича, и первым встал Антон Иванович... Я считаю, что это умно и правильно. Сам же лично я отношусь к вопросу об их взаимоотношениях с единственно правильной, по моему, точки зрения – это не мое дело и не тема для моих обсуждений. Думаю, что так думать и надо.

Так вот мое первое впечатление. Далек я был от мысли, что ночью по шоссе на Будапешт (этап за городом, и трамваев уже не было) буду идти вдвоем с Антоном Ивановичем. В Екатеринода-ре не познакомились, а так было просто, вызвать, и кончено...

Галлиполийцы стали на работы⁵, ведут себя хорошо и сильно улучшили состав местной колонии, уже погрязшей в сплетнях.

Я организую из них «Общество галллиполийцев» с сохранением всей старой организации по частям, с назначенным мною правлением. Так будет крепче.

Скучаю здесь довольно сильно, все же в Берлине масштаб несравненно больше. Вчера было 9 лет моей Женьке, как время-то бежит.

Пиши, не забывай, от Тебя давно ничего нет, я просижу здесь еще долго. К Вам бы очень хотел приехать, но, с одной стороны, был недавно, а с другой – стоит это дорого, в особенности с точки зрения Германской валюты. А хотелось бы очень...

Машинка пишет отвратительно, надо чинить, по-видимому, разболталась совсем.

Более подробно буду писать, когда что-либо начнет выясняться и не по почте.

Памятную записку, которую я передаю по всем моим собеседникам⁶, я пришлю также не по почте. Я ее пускаю со всех сторон, надеюсь, что результат будет.

[без подписи]

Примечания

¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 10. Л. 8–10об. Машинопись, копия, русский.

² Речь идет о приеме у адмирала Хорти и о передаче ему письма Врангеля.

³ Смотри об этом дневниковую запись А. фон Лампе от 5 декабря 1922 г. и комментарии к ним.

⁴ Он, по всей вероятности, ПРЖЕБЯНО Андрей Константинович, полковник (1885–1963), военно-политический деятель, служил в лейб-гвардии кирасирском полку. Во время Первой мировой войны помощник русского военного агента в Париже, потом русский военный агент в Бельгии. С 1923 г. представитель великого князя Кирилла Владимировича в Брюсселе. Детали упомянутого А. фон Лампе сюжета неизвестны.

⁵ О непростой жизни «Галлиполийцев» в Венгрии мы узнаем из статьи, которая была опубликована в журнале «Новое время» от 24-го декабря 1922 г. Судья по содержанию если не автором, то, по крайней мере, инспириатором статьи был Алексей фон Лампе. В статье пишется, что уже почти все «галлиполийцы» первого и второго транспортов устроились на работе. Работа черная, физическая и мало оплачиваемая. За 8-часовой рабочий день получают 400 венгерских крон, килограмм хлеба стоит 120, комната без отопления 5–7 тысяч крон в месяц. Поэтому большинство Галлиполийцев живет еще на этапе при военном представительстве. Беженцы по количеству

калорий питаются не выше пайка в Галлиполи. Обувь и одежда по цене недоступны им. К этой мрачной картине, которая вытекает из общего экономического кризиса в стране, автор прибавил, что «отношение венгров к русским очень любезное и доброжелательное. Со стороны администрации не чинится никаких препятствий к свободному расселению по всей территории Венгрии, удерживает от этого только незнание венгерского и немецкого языков». Группа Галлиполийцев в Венгрии – продолжается статья – очень сплоченная, крепко хранит свои традиции, связи между собой (ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 10. Л. 524. Вырезка из журнала «Новое время»).

⁶ Смотри документ № 48 в приложении.

50. Письмо А.А. фон Лампе Е.К. Миллеру¹

Генерального штаба полковник

А.А. фон Лампе

21 декабря 1922 г.

№ 81/Л

г. Будапешт

Е.К. Миллеру

Ваше Превосходительство

Милостивый Государь Евгений Карлович

В дополнение к моим донесениям № 77 и 79/Л и донесениям на имя генерала Кусонского в письмах, о дальнейших переговорах моих с Правительством Венгрии доношу нижеследующее:

Из свиданий моих с Правителем Венгрии, Министром Военным и Внутренних дел, Начальником Генерального штаба, Товарищем Министра Иностранных дел (исполнявшим вакантную должность министра) и рядом других лиц, занимающих должности, имеющие отношение к трактуемому мною вопросу, я пришел к выводу, что только товарищ министра иностранных дел против – не только ввоза училищ, но и продолжения ввоза галлиполийцев и даже третьего их транспорта. Вместе с тем ясно было, что обойти подобное положение можно только личным свиданием с министром-президентом графом Бетленом.

В силу этого, 21-го декабря я, вместе с князем Волконским, добились того, что министр-президент нас принял.

Разговор длился очень долго и останавливался на двух вопросах: продолжении ввоза галлиполийцев и приеме училищ.

I. По вопросу о продолжении ввоза галлиполийцев мне пришлось столкнуться не только с теми возражениями, о которых я доносил Вам еще из Берлина, то есть квартирным вопросом и неизвестностью положения, занятого Большой Антантой, но и новыми положениями: тем обстоятельством, что только что Правительство Венгрии отказало Румынии в приеме нескольких тысяч венгров, сосредоточенных для репатриации на румыно-венгерской границе, тем, что в данный момент правительство Венгрии отказывается принять из Югославии чиновников венгров, желающих возвратиться на родину, и тем, что теперь идет, под предлогом тяжелого внутреннего положения, выселение из Венгрии евреев...

Все эти возражения неизменно сводились к тому, что парламент не отнесся спокойно к прибытию русских, в то время как в приеме отказывают венграм.

Кроме того, министр-председатель сделал совершенно определенную ссылку на то, что, по его информации, в Константинополе идет сильная большевистская пропаганда, и он не уверен в стойкости тех элементов, которые придут оттуда. С таким взглядом мне, при моих многочисленных встречах и переговорах, уже приходилось встречаться, об этом я буду доносить дополнительно.

В результате, после категорического опровержения нашего о том, что ввозимые элементы могут быть затронуты большевизмом, и объяснения графу Бетлену того положения, в которое поставлены галлиполийцы тем, что весной дано было разрешение на ввоз 1000 человек, а теперь это разрешение аннулируется, — нами было получено разрешение на ввоз третьего транспорта из Галлиполи. Что касается остальных транспортов, то, по неоднократным мне заявлениям, переговоры о них должны быть оставлены до конца зимы, и все мои замечания, что отложить переговоры, при современных условиях в Константинополе, значит, их прекратить, всеми мерами обходились, и на этом мои собеседники старались не останавливаться.

Технически полученное согласие я смогу реализовать немедленно после первых дней праздников у венгров.

Не могу не отметить, что проект генерала Черткова, изложенный им в письме есаулу Иловайскому, о том, что третьим транспортом он направит не эшелон генерала Фицхелаурова², а соберет отдельных галлиполийцев, рассеянных по Константинополю, может привести к прибытию в Венгрию неустойчивых элементов, что ухудшит положение уже здесь находящихся.

II. По вопросу о ввозе училищ граф Бетлен просил меня дать ему время переговорить с Правителем Венгрии адмиралом Хорти, которого он должен увидеть завтра, и в субботу 23-го декабря назначил мне новый прием для передачи окончательного ответа.

Для справки мною передан графу Бетлену меморандум, в свое время переданный мною правителю Венгрии, министрам внутренних и иностранных дел и военному и начальнику генерального штаба, а также имевшаяся у меня копия письма Главнокомандующего на имя Правителя Венгрии.

Копию меморандума и его перевод при сем представляю.
О последующем донесу немедленно.

Уважающий Вас [без подписи]

Примечания

¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 10. Л. 255–257. Машинопись, копия, русский.

² ФИЦХЕЛАУРОВ Александр Петрович, генерал-лейтенант (1878–1928), участник белого движения, в гражданской войне командовал на Дону бригадой, дивизией, корпусом. В эмиграции жил в Турции, в Болгарии и во Франции.

51. Письмо А.А. фон Лампе

Е.К. Миллеру¹

23 декабря 1922 г.

№ 82/Л

г. Будапешт

Е.К. Миллеру

Ваше Превосходительство

Милостивый Государь Евгений Карлович

В дополнение к моему донесению от 21-го сего декабря № 81/Л, доношу:

Сегодня я, в назначенный мне Министром-Председателем час, был, по его поручению, принят новым Министром Иностранных дел², который мне заявил следующее:

Подтверждая согласие Правительства Венгрии на ввоз третьего транспорта из Галлиполи, он, к своему сожалению, не может передать мне согласия на прием в страну Военных Училищ по целому ряду причин (перечислены были все те причины, о которых я доносил и ранее, но, однако, без упоминания о возможной неблагонадежности по большевизму перебрасываемых).

На мой вопрос относительно остальных транспортов из Галлиполи, новый министр иностранных дел отозвался с недостаточной ориентировкой.

Попытки мои настаивать на получении письменного ответа были встречены очень расплывчато, и, увидев нежелание дать таковой, я перестал настаивать, чтобы не портить отношение с Правительством, тем более что все переговоры со мною, несмотря на отрицательный ответ, велись неизменно внимательно.

Обращаясь к исследованию причин отрицательного ответа, я должен отметить одну – паническую боязнь протеста со стороны левого крыла парламента, что мною отмечалось уже ранее, и вторую, о чем я доносил в моем последнем донесении лишь вскользь, и которая была мною в течение моих переговоров исследована до конца.

Я имею в виду то обстоятельство, что в кругах венгерского правительства обнаружено мною течение, которое указывает на сомнение в благонадежности наших контингентов, расположенных на Балканах.

Источником этого течения, как мне удалось установить через лично мне известных венгров, явился венгерский дипломатический представитель в Болгарии г-н Киш, который незадолго до моего теперешнего приезда в Венгрию был здесь и ориентировал свое правительство в том смысле, что по его заключению, русские военные контингенты на Балканах и, в частности, в Болгарии, настолько разложены большевистской пропагандой, что массами переходят в красные формирования под руководство советских представителей³.

Несомненно, основанием для такого доклада г-на Киша явились переходы Секретева, Гравицкого⁴ и им подобным на сторону большевиков, но что заставило его так сгустить краски, сказать трудно, особенно имея в виду его расположение к русским, которое он обнаруживал ранее.

Мною приняты все меры, начиная с газетной информации и кончая личными переговорами со всеми сколько-нибудь влиятельными лицами из состава Правительства, чтобы разъяснить это неправильное представление о сути происходящих на Балканах событий, но не могу не думать, что доклад г-на Киша, несомненно, сыграл свою скверную роль.

Не считаю невозможным, что вернувшиеся к жизни в Венгрии «представители Блюстителя Престола» Казем-Бек и сегодня прибывающий и получающий аудиенцию у Правителя Венгрии князь Голицын-Муравлин постараются муссировать то, что сделано г-ном Кишем, так как это выгодно для их планов.

Однако это обстоятельство не считаю имеющим важность, и гораздо более имеет значение правильное освещение в Болгарии вопроса для г-на Киша, чтобы он в своих донесениях был бы объективнее, чем в личном докладе⁵.

Таким образом, сводя все мною доложенное, я должен отметить, что мне не удалось успешно выполнить возложенное на меня поручение Главнокомандующего, достигнув в мое пребывание в Венгрии лишь только отмены запрета на ввоз третьего транспорта из Галлиполи и туманного обещания о возможности возобновления переговоров о ввозе галлиполийцев потом. К этому только и привела вся та совокупность переговоров, которая в массе велась мною и князем Волконским за истекший месяц.

Я должен, несмотря на неуспех дела, отметить, что со стороны нашего дипломатического представителя Светлейшего князя Волконского я получил безграничную поддержку во всех отношениях, что позволило вести переговоры с максимальным напряжением. В этом отношении князь Волконский предоставил в мое распоряжение все, до собственной квартиры включительно, чтобы я мог вести переговоры не только в официальном порядке, но и в обстановке частных встреч.

Уважающий Вас [без подписи]

Примечания

¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 10. 258–260.

² Дарувари Геза.

³ Смотри об этом дневниковые записи А. фон Лампе от 20–22 декабря 1922 г. и комментарии к ним.

НЕМЕШКЕРИ-КИШ Шандор (1884-?), венгерский дипломат, с 1921 по 1929 г. поверенный в делах в Софии. С 1929 г. стоял во главе Стокгольмской миссии Венгрии, одновременно был аккредитован в Данию и в Норвегию. В 1933–1937 гг. – представитель Венгрии в Хельсинки. С 1939 г. на пенсии.

⁴ СЕКРЕТЕВ Александр Степанович, генерал-лейтенант (1880/1885? – 1930/1931?), участник белого движения, командовал полком, бригадой, дивизией. Руководил эвакуацией 4-го Донского корпуса из Новороссийска в Крым. В Крыму – в резерве, без должности. В эмиграции жил в Турции и Болгарии. В 1922 г. вернулся в СССР, в 1930 г. был арестован, расстрелян по делу «Казачьего блока».

ГРАВИЦКИЙ Юрий Константинович, генерал-лейтенант (1883–1931), участник белого движения, первопоходник, командовал Марковской дивизией, эвакуирован из Крыма. В 1921 г. из Болгарии вернулся в СССР. В 1930 г. был арестован органами ОГПУ по обвинению в подготовке вооруженного восстания и в шпионаже. В 1931 г. расстрелян.

⁵ С этой целью генералу И.А. Ронжину в Болгарии было поручено установить личный контакт с Кишем и ориентировать его о действительном положении дел (ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 10. Л. 261).

52. Письмо А.А. фон Лампе

П.Н. Врангелю¹

23 декабря 1922 г.

№ 83/Л

г. Будапешт

Барону П.Н. Врангелю

Главнокомандующему Русской Армией

Ваше Высокопревосходительство

Глубокоуважаемый Петр Николаевич

Сегодня, в служебном порядке, я донес о том, что моя месячная упорная работа в Венгрии по выполнению возложенного на меня Вами поручения по приему страной наших Военных Училищ, к сожалению, не увенчалась успехом.

Искренне переживая всю тяжесть положения наших частей в Болгарии, и всеми мерами стремясь к выполнению Вашего приказа, я приложил все усилия, чтобы достигнуть успеха, порой не останавливаясь перед возможностью испортить уже налаженные для Армии в стране отношения, но наткнулся на ряд препятствий, изложенных в моих донесениях, которые и помешали достичь желаемого.

В силу того доверия, которым я всегда пользовался с Вашей стороны, которым я так гордился и которое мне теперь не удалось оправдать, я не могу не написать Вам этого письма, чтобы иметь возможность сказать Вам лично, что я старался приложить все силы, чтобы сделать в чужой стране для родной Армии все возможное, и что, как Ваш представитель и как офицер Армии, я в полной мере чувствую всю тяжесть постигшей меня неудачи.

Как вывод из всех тех переговоров, которые я сейчас вел, я считаю, что Венгрия в ее современном положении может дать нам только: благожелательное к нам отношение, что выявляется в полном признании нашего представительства с предоставлением ему прав наравне со всеми остальными представительствами и, если не дай Бог понадобится, выполнение того обещания, которое от лица Правителя Венгрии Адмирала Хорти было мною Вам доложено в бытность мою в Белграде.

Считаясь с личностью правителя Венгрии, я полагаю, что это свое обещание, как личное обязательство, он выполнит вне расчетов государственного и политического характера.

Во всем этом я и усматриваю смысл существования в Венгрии нашего представительства в лице моего помощника, которому, в силу его положения, предоставляется возможность оказания также и полного содействия всем военнослужащим, временно или постоянно находящимся в Венгрии.

Прошу Вас принять уверения в абсолютном моем уважении и безграничной преданности

Уважающий Вас [без подписи]

Примечания

¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 10. Л. 262–263. Машинопись, копия, русский.

1923

53. Письмо А.А. фон Лампе

Е.Д. Лукину¹

30 апреля 1923 г.

№ 128/Л

г. Будапешт

Е.Д. Лукину

Вр. и. д. Председателя Общества Галлиполийцев

Милостивый Государь

Евгений Дмитриевич

В Русской колонии Будапешта в мае месяце предстоят выборы в правление союза офицеров и в комитет самой Русской колонии.

Ввиду того, что члены общества галлиполийцев могут заинтересоваться в том, какого взгляда на те, и другие выборы держится представительство Армии, считаю своим долгом поставить Вас в известность, что я лично, как член колонии и член союза, буду голосовать:

1. На выборах в союз, в целях проведения в правление лиц, которые смогут организовать жизнь союза, до сего времени оставшегося в бездействии, несмотря на некоторую оказываемую мне помощь материально и в целях наибольшего согласования деятельности правления союза с вверенным мне представительством, – за председателя генерал-лейтенанта Марушевского и вице-председателя полковника Жуковского-Волынского².

2. На выборах в комитет колонии, в видах поддержания прежнего престижа русской колонии в глазах венгров и в целях наибольшего согласования деятельности комитета колонии с наиболее приближающейся к нему деятельности Красного Креста – за уполномоченного Красного Креста – как представителя колонии, г-на Малама.

Настоящее мое письмо не является секретом от членов руководимого Вами Общества Галлиполийцев³.

Прошу принять уверения в совершенном моем уважении и таковой же преданности.

[без подписи]

Примечания

¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 11. Л. 159–159об. Машинопись, копия, русский.

² ЖУКОВСКИЙ-ВОЛЫНСКИЙ Николай Иванович, полковник (1871–?), с 1924 г. председатель Союза Русских Офицеров в Королевстве Венгерском и Общества Галлиполийцев в Венгрии. Детали биографии установить не удалось.

³ Настоящим письмом А. фон Лампе практически призвал Галлиполийцев, к этому времени уже самую многочисленную и наиболее сплоченную часть русской колонии в Венгрии, голосовать за его кандидатов и тем самым решить исход голосования. А. фон Лампе в дневнике не скрывал свое недовольство с председателем офицерского союза в Венгрии, с генерал-майором Н.В. Шмидтом, проведение его избрания председателем считал одним из его немногих ошибок в Венгрии. Между ними был целый ряд мелких разногласий. В итоге Шмидт, в длинном письме, обвинил А. фон Лампе в том, что он сознательно подготовил его забаллотирование на выборах, на что последний ответил, что раз Шмидт за 3 месяца до выборов заявил о своем желании уйти из союза, надо было вовремя заботиться о надежном преемнике (ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 11. Л. 196–198).

54. Краткая памятная записка о материальном положении военной миссии в Венгрии¹

За последний год венгерская крона обнаружила стремление к непрерывному падению, причем каждое новое падение кроны влечет за собой естественное подорожание жизни.

Поскольку раньше падение кроны сравнительно мало отражалось на учреждениях и лицах, живущих в стране на иностранную валюту (фунты, доллары, франки), два ее последних падения

в августе 1922 года и в марте–апреле текущего года, доведшие ее стоимость на Швейцарской бирже до 0,10, настолько удорожили жизнь в Венгрии, что возрастание стоимости валюты не может сейчас угнаться за возрастанием цен.

Объясняется это тем, что обесценение отечественной валюты естественно заставляет венгерского продавца делать расчет в твердой валюте на товары (доллар или фунт), взвинчивает цены и постепенно приближает их к стоимости тех же товаров в странах с высокой валютой.

А потому теперь не редкость уплата за костюм в Венгрии на английские фунты, покупка ботинок на доллары, цены в некоторых ресторанах применительны к франкам и т. д.

Создавшиеся условия дороговизны в Венгрии невольно заставляют ходатайствовать об увеличении для Венгрии с ежемесячного отпуска в 750 франков на 55–60 процентов, то есть об асигновании в месяц 1200 французских франков.

Год тому назад при моем отъезде в Германию отпуск для Миссии был сокращен до 750 франков, причем расходы исчислялись исключительно лишь те, без которых остановилась бы вся работа; расходы эти слагались из 500 франков на содержание персонала и 250 франков на канцелярские и всякого иного рода издержки, тесно связанные с работой Представительства.

Прибытие в Венгрию галлиполийцев неизбежно требует наличия в Миссии командированного офицера, который оплачивается из этих же 750 франков.

Расходы Представительства таковы:

	Май 1922 года	Май 1923 года
Содержание персонала	500	800
Служитель	15	30
Помещение	25	65
Телефон	5	10
Канцелярские расходы	40	65
Отопление и освещение	15	30
Помощь организациям	25	40
Служебные разъезды	15	30

	Май 1922 года	Май 1923 года
Почтовые расходы и телеграф	25	45
Содержание сейфа	8	15
Оказание помощи беженцам в экстренных случаях	20	30
Газеты	10	15
Обозревателю венгерской печати	15	25
Хозяйственные расходы	10	—
Непредвиденные расходы	22	—
	750 франков	1200 франков

Для сравнения возрастания цен с мая 1922 года и апреля 1923 года необходимо указать, что при цене франка около ста крон в мае 1922 г. и при цене франка в 300 крон в апреле 1923 г. ставки на жизнь в Венгрии таковы:

	Май 1922 года	Апрель 1923 года
Комната	3000	18000
Обед	220	1200
Хлеб	64	270
Мясо	200	1800
Масло	420	2600
Сахар	220	1100
Трамвай	15	80
Сапоги	4200	22000–25000
Спички	4	20
Стрижка	60	340

и т. д.

То есть, несмотря на повышение франка в три с небольшим раза, цены на многие продукты поднялись не в три, а в пять и даже в шесть раз.

При этих ставках на жизнь содержание персонала и денег, отпускаемых на Представительство, безусловно, нуждается в увеличении, являясь недостаточным, и требует прибавки на 55–60 процентов.

При сравнении оплаты содержания служащих Миссии со ставками содержания правительственных венгерских чиновников, банковских служащих и даже рабочих приходится считаться с тем, что помимо того, что, как правило, уроженцы страны могут прожить дешевле, чем иностранцы, все перечисленные выше категории венгров, помимо жалования, получают еще и пайки из продуктов питания, отпуск материй по удешевленным ценам, обеды по очень низким тарифам и т. п., что значительно, конечно, облегчает стоимость жизни.

Суммируя все вышеизложенное, я прошу об увеличении отпуска содержания на Венгрию на 55 процентов, то есть о ежемесячном отпуске на Венгерское Представительство 1200 французских франков².

[без подписи]

Примечания

¹ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 11. Л. 96–99. Машинопись, копия, русский. Не ранее конца апреля, начала мая 1923 г.

²В течение всего 1923 года А. фон Лампе безрезультатно хлопотал об увеличении ассигнований на будапештское представительство, его рапорты и письма на этот счет, как правило, остались без ответа. Без увеличения – как он неоднократно подчеркивал – само существование представительства находится под угрозой. В свое время при определении бюджета исходили из относительной дешевизны страны. Но к 1923 г. в связи с экономическим и валютным кризисом, с ростом инфляций ситуация коренным образом изменилась. В сентябре того же года фон Лампе писал генералу Миллеру: «В Венгрии штатов из одного человека сократить нельзя, экономия не имеется, а вследствие долгой задержки ответа на мои представления имеется долг. Единственный выход при неимении денег – закрытие представительства! Насколько это желательно для почти единственного нашего представительства, официально признаваемого и внесенного в дипломатический список – судить легко!» А. фон Лампе не забыл упомянуть и об обещании Хорти в случае необходимости дать приют Врангелю в Венгрии. В конце письма предложил обдумать в целом содержание и финансирование пред-

ставительств «взвесив значение и пользу для Армии каждого из них в отдельности» (ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 12. Л. 226–228). Только к самому концу 1923 г. во время его поездки в Белград и в Сремские Карловцы, А. фон Лампе удалось добиться увеличения сметы на 1150 франков с февраля следующего года (ГА РФ Ф. 5853. Оп. 1. Д. 13. Л. 189).

55. Военные организации в Венгрии¹

В Королевстве Венгерском существуют три организации военного типа, находящиеся в связи с Военным Представительством и имеющие в своей среде представителя от Военной Миссии (первые две).

По порядку возникновения их в Венгрии:

1. Казачья станица имени ген. Краснова, созданная и основанная в середине февраля 1922 года и получившая санкцию приказом Военного Представителя за № 23 от 18 февраля 1922 года.

Станица создана для самопомощи и организации, разбросанных в Венгрии казаков, солдат и офицеров на равных началах и считает себя подчиненной Донскому Войсковому Правительству и Объединенному Совету всех казачьих войск.

В настоящее время станица насчитывает до 100 человек.

Все ее члены без исключения заняты физическим трудом, работая на фабриках, заводах, в имениях венгерских магнатов и на лесных сельских работах правительственного типа и т. п.

Со дня основания станицы атаманом ее избран полковник Ершов, каковым он состоит и ныне, переизбранный дважды.

Полковнику Ершову негласно помогает ежемесячно Военное Представительство.

Средства станицы состоят из пожертвованных частными лицами сумм, помощи со стороны Донского Войскового Правительства, дающего средства на общестаничные и канцелярские нужды, и помощи от Военного Представительства, выражающейся в разновременных взносах в кассу станицы: последние два взноса в 50 и 100 франков.

Что касается общеполитической физиономии станицы, ее необходимо обрисовать как твердо антибольшевистскую при нали-

чий веры в возможность активного возобновления белого движения на территории России.

Тяги в Россию нет, чему способствует, конечно, общее политическое положение в Венгрии и полное отсутствие большевистской пропаганды.

Нужно отдать справедливость, что казаки, несмотря на неблагоприятные вообще для организации условия, сумели связаться друг с другом, что позволяет им чувствовать известную солидарность, облегчает поиск работы, позволяет пережить трудные минуты безработицы (мелкие ссуды, пособия), дает возможность рассылки газет по адресам казачьих хуторов в провинции, совместную встречу больших праздников, получение помощи из Красного Креста согласно действительной нужде своих членов и т. п.

Никаких предприятий общего характера при станции нет.

2. Союз русских офицеров в Венгрии.

Устав союза утвержден приказом Военного Представителя за № 33 от 26-го апреля 1922 года.

Союз насчитывает в своих рядах около 200 офицеров.

Председателем союза состоит генерал-майор флота в отставке Николай Владимирович Шмидт.

Объединяя почти все офицерство, находящееся в Будапеште и в Королевстве, за исключением группы офицеров ярко монархического и главным образом Кирилического толка, союз преследует, прежде всего, задачи взаимопомощи и содействия своим членам.

Главное затруднение союза заключается, несмотря на все хлопоты его представителей в отсутствии постоянного помещения, могущего дать возможность собраться его членам и организовать собрание или клуб.

Политическое направление союза – всемерная поддержка Армии и вера в ее вождей.

Денежные средства союза состоят из ежемесячного пособия, даваемого Военным Представителем в 200 франков с июня месяца 1922 года и из частных пожертвований со стороны венгерских организаций и сочувствующих идеям союза лиц.

3. Общество галлиполийцев в Венгрии.

Общество галлиполийцев объединяет всех галлиполийцев, прибывших в Венгрию в течение 1922 и 1923 года (три эшелона)

в количестве _____² человек. Во главе Общества стоит по назначению Полковник Лукин.

Жизнь общества регулируется уставом, который представляется отдельно, равно как и описание деятельности общества.

Помимо вышеуказанных организаций, в Венгрии существовал «Союз Инвалидов», ныне закрытый ввиду малочисленности его участников в качестве самостоятельной организации и перешедший в качестве подотдела в союз офицеров.

Кроме этого, во главе с ген. Даниловым в Венгрии существует «Союз офицеров русской конницы и конной артиллерии».

Последняя организация ни с какими обращениями в Военную Миссию не входила, деятельность ее является главным образом в стадии подготовительной, союз, по имеющимся сведениям, начитывает несколько десятков офицеров (от 20 до 30 человек).

Организация в лице ее руководителей пытается быть враждебной деятельности Военного Представительства.

Примечания

¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 11. Л. 156–158. Машинопись, копия, русский. Приложение к рапорту А. фон Лампе Е.К. Миллеру от 29 апреля 1923 г.

² Цифра пропущена в тексте.

56. Постановление Военного Отдела Совета Русского Монархического Объединения в Венгерском Королевстве от 15 августа 1923 года¹

Копия.

В настоящее время заклятыми врагами все растущего монархического движения распространяются среди русских людей, как на родине, так и вне ее и даже среди иностранцев, злостные слухи, что будто бы среди русских монархистов имеются два течения, якобы друг другу враждебных – одно, возглавляемое Великим Князем КИРИЛЛОМ ВЛАДИМИРОВИЧЕМ, другое – Великим Князем НИКОЛАЕМ НИКОЛАЕВИЧЕМ.

Сознавая всю преступность и весь вред, приносимый этими слухами русскому делу, Военный Отдел Совета Русского Монархического Объединения в Венгерском Королевстве считает долгом разъяснить г. г. офицерам, исповедующим монархические убеждения, что монархисты-легитимисты, признающие согласно основным законам Российской Империи права Великого Князя КИРИЛЛА ВЛАДИМИРОВИЧА на Российский Престол и подчиняющиеся Ему как Блюстителю Государева Престола, на основании обращения Его от 26 июля / 8 августа 1922 года к Русской Армии, видят в лице Великого Князя НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА своего Верховного Главнокомандующего и с восторгом станут под Его верховное командование на освобождение нашей истерзанной Родины².

/подписали/

Генерал-лейтенант Марушевский

Генерал-майор Хильченко

Генерал-майор Бар

Генерал-майор Шульгин

Генерал-майор Данилов

Полковник князь Оболенский

Полковник Екименко

Кап. 2 ранга Регекампф³

Полковник Немцов

С подлинным верно: и. об. Секретаря Объединения

Член Совета А. Марьянов

Примечание. Разъясняю, что настоящая моя подпись свидетельствует лишь точность заявления «монархистов-легитимистов», к партии которых я лично не принадлежу, полагая их программу слишком узкой и несколько преждевременной. Состою в связи с Высшим Монархическим советом и Объединением Монархистов в Париже. В.В. Марушевский⁴

Примечания

¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 12. Л. 507. Машинопись, копия, русский.

² На самом деле к этому времени уже произошел раскол в русском монархическом движении. Позиции и взгляды упомянутых великих князей были настолько далеко друг от друга, что согласовать их было невозможно. Несмотря на подобные декларации практические шаги обеих «лагерей» свидетельствуют о их непримиримости и об остроте конфликта между ними. (См. об этом документ № 60 в приложении и комментарии к нему!)

³ На основе документов невозможно установить является ли он тождественным с РЕГЕКАМПФОМ, Владимиром Александровичем (1884-?), с бывшим морским агентом Врангеля в Турции.

⁴ Примечание написано от руки В.В. Марушевского.

57. Письмо В.В. Марушевского

Е.К. Миллеру¹

Генерал-Лейтенант Марушевский

31 августа 1923 г.

Котля

Глубокоуважаемый Евгений Карлович

Душевно благодарю Вас за доброе слово в конце письма Вашего от 20 августа. Бог даст, в союзе, все пойдет хорошо, хотя и нелегко руководить людьми изголодавшимися, нервными и глубоко разочарованными во всем².

Копию того же письма, которую я послал Вам, я, конечно, прежде всего, отослал полковнику Лампе и состою с ним в непосредственной переписке, связи лично и через есаула Иловайского (помощника Лампе), который входит в Правление союза и состоит в курсе всего того, что делается.

Я получил уже ответ от Лампе, с которым связан не только официальными сношениями, но и теми отношениями, которые создались еще в академии, где Алексей Александрович был одним из моих любимых учеников.

Как Ваше Превосходительство можете судить из этого, моя работа идет в полном согласии с Военным Представителем, который мне всемерно во всем помогает и идет навстречу всем моим начинаниям.

Вместе с тем, из Вашего письма я узнал, что, согласно указаниям Главнокомандующего, «на военных агентов и представите-

лей возлагается руководство офицерскими союзами». Я не знал этого, когда Полковник Лампе вторично обратился ко мне с просьбой встать во главе союза перед майскими выборами.

Раньше чем разрешить поставить мое имя на выборы, я предложил полковнику Лампе переговорить об этом с Вашим Превосходительством и Главнокомандующим. Лишь по приезде Лампе из Сербии с ответом, что моя работа нужна и Вам, и Главнокомандующему, я решил снова принять участие в работе на Армию. Сейчас для меня ясно, что при существующем положении о руководстве союзом я не должен был брать на себя обязанности председателя.

Генерал с декабря 1915 г. с моей боевой репутацией, установившейся с боя под Демичем, с авторитетом, которым я пользуюсь среди офицеров и сейчас, я не могу быть «руководимым» никем, кто не является старшим меня по чину в старой Императорской Армии³.

Дела в союзе я веду так, как мне подсказывает долг и совесть, и буду всегда признателен за указания от старших, каковыми почитаю Главнокомандующего и Ваше Превосходительство. Я, конечно, не говорю об Августейшем Главнокомандующем, священную волю которого для себя полагаю законом, коему повинуюсь и буду повиноваться слепо.

Я очень прошу Вас, глубокоуважаемый Евгений Карлович, поскорее урегулировать этот вопрос, так как какое-либо подчинение вне указанных рамок я для себя не допускаю. Полагаю, что в корне указаний Главнокомандующего, о которых пишете Ваше Превосходительство, лежит глубокое недоразумение.

Для генералов, которые сделали мне лично честь войти в союз, Полковник Лампе тоже не авторитет, и они будут глубоко изумлены, если я разъясню им существующее положение.

Это письмо мое есть результат отсутствия должного уважения к иерархии и отсутствия стройной организации в Южных Армиях. Как Вы сами знаете этих, так сказать, «революционных» положений у нас на Севере быть не могло⁴.

Если ничего изменить нельзя – то Алексея Александровича надо произвести по меньшей мере в генерал-лейтенанты⁵. Я надеюсь, что Вы не усмотрите иронии в моих словах. Мое к Вам глубокое уважение никогда не вывело бы моего письма из глубоко

серьезных рамок. Если можно создать, скажем, генерала Шкуро⁶, то в смысле производств в Южных Армиях пределов не было бы. Ваше Превосходительство сейчас работаете в непосредственной близости к Великому Князю Николаю Николаевичу, который является Святыней для всех нас. Ваше Превосходительство, помогите восстановить дисциплину и чинопочитание к военной иерархии. Два последних понятия почти исчезают из Армии.

Раз есть непререкаемый авторитет, то все просто и все ясно.

Буду ждать ответа Вашего, и, если увижу малейшую разницу в точках зрения Вашей и моей, я снова уйду в частную жизнь до тех пор, пока моей руки и головы не понадобится Его Императорскому Высочеству, призыва которого буду ждать с готовым решением отдать жизнь и идти туда, куда Он поведет.

С глубоким уважением прошу Вас верить моему искреннему почитанию Вашего Превосходительства и моей душевной преданности.

Ваш В. Марушевский

Примечания

¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 13. Л. 87–87об. Машинопись, копия, русский.

² В мае 1923 г. согласно планам А. фон Лампе генерал-лейтенант В.В. Марушевский был избран председателем Союза Русских Офицеров в Королевстве Венгерской.

³ В. Марушевский 6-го декабря 1915 г. был произведен в генерал-майоры. В генерал-лейтенанты его произвели уже во время гражданской войны, в мае 1919 г.

⁴ Е.К. Миллер и В.В. Марушевский хорошо знали друг друга еще со времен гражданской войны. В январе 1919 г. именно Марушевский передал командование над войсками Северного фронта генералу Миллеру, при этом до августа занимал пост начальника штаба Северной армии. В августе был прикомандирован Миллером в Швецию для переговоров с союзниками о снабжении Северной армии. Из-за поражения армии командировка превратилась в эмиграцию (О биографических данных см. напр. http://www.hrono.ru/biograf/bio_m/marushevsky.php – 15. 04. 2013).

⁵ А. фон Лампе был произведен в генерал-майоры Врангелем 15-го декабря 1923 г.

⁶ ШКУРО Андрей Григорьевич, генерал-лейтенант (1887–1947), из кубанских казаков. В Первой мировой войне командовал особым конным

отрядом, т. н. «волчьей сотней». В гражданской войне действовал на Северном-Кавказе, на Кубани, потом на Украине. Был сторонником партизанщины, командовал партизанскими отрядами, корпусом, совершил рейды в тыл противника. В 1918 г. Деникиным произведен в генералы. В 1920 г. был уволен из армии Врангелем из-за его неудач. В годы Второй мировой войны занимался подготовкой и организацией казачьих отрядов для дивизий СС. После войны выдан англичанами СССР, в 1947 г. приговорен к смертной казни и казнен.

58. Проект письма А.А. фон Лампе

Е.К. Миллеру¹

*Не послано*²

Ваше Превосходительство

Глубокоуважаемый Евгений Карлович!

Мой помощник есаул Иловайский переслал мне копию письма Вам генерала Марушевского от 31-го августа с. г.

Смешную черту генерала, которую он так ярко высказывает в своем письме Вам, я давно знаю, всегда учитывал и не раз отмечал, что она усиливается в нем после пребывания в собственной семье...

Я всегда старался первый огласить то, что я был учеником генерала по Академии, всегда подчеркивал его действительно исключительную лояльность при сдаче мне должности в Будапеште³, лояльность, которой я никогда не встречал.

Таким путем у нас с ним создались прекрасные отношения, которые позволяли при его энергии и порядочности пользоваться его работой для армии, что особенно важно в Венгрии, где вообще контингент генералов тяжелый, да их и немного. Те, на которых ссылается генерал М-ий, это, несомненно, Хильченко и Данилов (кирасир), всегда и всюду будировавшие против командования, и Шмидт, который настроен против командования за то, что голосами галлиполийцев я провел вместо него председателем союза того же генерала М-ского!

Таким образом, весь вопрос представляется мне бурей в стакане воды, но в таком маленьком резервуаре, как Венгрия, и эта буря вызывает волнение!

Если позволите мне высказать мое мнение, то генерал М[арушев]ский нуждается в Вашем твердом ответе, что, конечно, для частного случая менять правила нельзя, но для Вас несомненно, что при его исключительных качествах и тех добрых отношениях со мною, которые он сам свидетельствует своим же письмом, мы с ним всегда найдем во имя пользы дела, которому мы служим, достойный выход...

Мне кажется, что есть шансы на то, что это все успокоит Владимира Владимировича, если только властное давление изнутри не поставило себе какой-либо иной цели. А он, как, надеюсь, заметно и Вам, этому давлению очень подчиняется!⁴

Я позволил себе частным письмом доложить Вам только мое личное мнение об инциденте, который, хотя и разыгрался вне меня, но обо мне. Я не могу не отметить, что когда Павел Алексеевич написал мне, чтобы я обратил внимание генерала Марушевского на некорректность его обращения к Г[лавнокомандую]щему, то я написал, что лучше этого не делать. Я исходил, конечно, из того, что, хотя генералу М[арушев]скому и должно быть понятно, что Представитель Г[лавнокомандую]щего, в силу своего знания, не зависит от чина, он все же этого понять не захочет.

А кроме него, в Венгрии генералов нет⁵. Только это и побудило меня провести его в председатели – каждый другой был бы еще тяжелее.

Прошу Вас принять уверения в совершенном моем уважении и таковой же преданности

Я сам по этому вопросу ни в какую переписку с генералом М[арушев]ским не вступаю и моему помощнику предписал не обращать на содержание письма к Вам никакого внимания.

[без подписи]

Примечания

¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 13. Л. 90–90об.

² Написано от руки А.А. фон Лампе. А. фон Лампе в этом вопросе занял выжидательную позицию. Не стал активно спорить с Марушевским («Ма-

рушевского же обхожу молчанием» – ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 12. Л. 244), а преодоления конфликта ждал от Миллера, Кусонского и Врангеля.

³Документы свидетельствуют о том, что, несмотря на этот конфликт, наличие которого и Марушевский, и А. фон Лампе старались не оглашать перед членами офицерского союза, они хорошо сработались и вместе старались усиливать влияние Врангеля среди членов русской колонии в Венгрии.

⁴Недовольство Марушевского с тем, что он, как генерал-лейтенант, во главе офицерского союза подчиняется полковнику, военному представителю, А. фон Лампе приписал влиянию жены: «серьезная у него барыня и держит его в струне. Истерики о ‘подчинении’ это ее работа, я ее давно знаю! Вся критика командования идет не от него, а от нее! Зато красива она до сих пор! За все и в том числе за брак на красавиц, надо платить. Здесь это делается полным подчинением!» – писал не без иронии П.А. Кусонскому (ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 12. Л. 252).

⁵Точнее остальные генералы (см. документ № 56!) заняли либо открыто враждебную Врангелю и его представителю в Венгрии, А. фон Лампе позицию, либо, как А.И. Деникин, сознательно держались в стороне от повседневных распрей в рядах эмиграции.

59. Письмо А.А. фон Лампе

В.А. Иловайскому¹

20 сентября 1923 года

Срочно

№ 226/Л

Есаулу Иловайскому

Г. Берлин

На № 16

Распоряжение № 82 и дополнение к нему №03738 получено мною сего числа².

Оба приказа должны быть выполнены в полном объеме.

Поэтому предлагаю Вам:

1.) Передать Председателю Союза прилагаемое при сем мое письмо за № 225/Л, присоединить к нему распоряжение № 82 и ознакомив на словах с содержанием № 03738.

В разговоре с генералом Марушевским Вам надлежит стремиться найти возможность безболезненного решения вопроса об удалении из союза тех членов его, которые бы не выполнили приказа Главнокомандующего о выходе из политических органи-

заций. Надо стремиться к тому, чтобы Генерал Марушевский остался во главе союза.

2.) Для предупреждения возможных осложнений Вам надлежит собрать старших офицеров Галлиполийцев и разъяснить им приказ 82 и приложение к нему. Галлиполийцы должны быть готовы к тому, чтобы в случае обсуждения в союзе приказа № 82, их голоса привели бы союз к точному исполнению приказа. Надлежит всеми мерами не допускать раскола в союзе и при неизбежности свести его к отколу той части, которая не пожелает подчиниться приказу. Самый союз должен остаться в руках лояльного большинства, которое и должны состоять Галлиполийцы.

На всякий случай должен быть намечен и новый председатель³.

3.) О принятых Вами мерах и результатах их ожидаю донесения.

4.) Для личного Вашего сведения сообщая Вам, что на основании приказа № 82 мною поданы сегодня заявление о сложении с себя звания члена Центрального Комитета Конституционно-Монархической группы.

Генерального штаба полковник Л

Примечания

¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 15. Л. 407–408. Машинопись, копия, русский.

² Документ № 03738 является разъяснением к приказу № 82 Главнокомандующего. В нем Врангель подчеркнул, что если раньше армию надо было защищать от посягательств слева, то теперь независимости армии угрожает посягательство справа. Заявив о своих монархических убеждениях и о безоговорочном подчинении великому князю Николаю Николаевичу, Врангель дал понять, что воинское начало несовместимо с политикой и политиканством. Поэтому все офицеры и офицерские союзы должны твердо и неуклонно выполнить приказ № 82. и выйти из политических организаций, в противном случае они будут удаляться из состава Русской Армии. Реорганизация – по указанию Врангеля – должна была произойти с особой осторожностью, чтобы не вызвать подозрение местных властей и тем самым поставить под угрозу само существование офицерских союзов (Русская военная эмиграция 1920–1940 годов. Документы и материалы. Том 2. Несбывшиеся надежды / Состав: Басик И.И. и др. – М.: Триада-Х, 2001. С. 122–124).

³ В октябре 1922 г. произошел обмен письмами по этому поводу между фон Лампе и Иловайским. По указанию А. фон Лампе, своему помощнику всеми мерами надо было стараться к тому, чтобы руководство офицерским союзом осталось в руках Главного Командования. Если это не может быть осуществлено с Марушевским во главе союза – писал фон Лампе – то необходимо найти более подходящего председателя. В ответном письме Иловайский рассеял опасения А. фон Лампе, известив его о том, что с активной поддержкой генерала Марушевского в союзе офицеров удалось провести приказ № 82 (ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 15. Л. 411, 431).

60. Письмо В.В. Марушевского

А.Н. Шмеману¹

*Председатель Союза Офицеров в Королевстве Венгрии
27 декабря 1923 года*

Милостивый Государь Андрей Николаевич,

В № 12–13 Вестника Русского Легитимизма² напечатан «Приказ по Военному Отделу Русского Собрания» от 21 октября 1923 года.

Приказ этот является прямым выпадом против Главнокомандующего Русской Армией Генерала Барона Врангеля и критикой его действий в резкой форме³.

Я не сомневаюсь, что напечатание этого Приказа не вызовет никаких особых последствий в отношении офицерской среды, крепко спаянной именем Главнокомандующего и его работой в тесной связи с пожеланиями Великого Князя Николая Николаевича. Тем не менее, я считаю своим долгом совершенно определенно протестовать против подобного рода действий, подрывающих мою работу по объединению офицерской среды и вносящих в нее попытки к расколу и создание вредной для Русского дела «кружковщины».

Не менее резким выпадом против Главнокомандующего является и обращение Русского Патриотического Общества в Великобритании, напечатанное в том же номере «Вестника». В этом обращении намеренно дискредитируется и Священное Имя Великого Князя Николая Николаевича.

Ввиду изложенного, я своим долгом считаю:

1. Всем членам кружка «Русское собрание», если таковых найду в рядах Союза, – предложить выйти из состава Союза офицеров.

2. Принять все возможные меры, по мере сил, к недопущению распространения «Вестника Русского Легитимизма» в военной среде.

Ввиду того, что «Вестник» является органом Легитимно-монархического союза, к которому присоединилось «Монархическое Объединение», Вами руководимое, – я, к глубокому сожалению, вынужден отказаться от сотрудничества в названном объединении.

Мои скромные попытки в течение почти года найти общие цели и общие пути и объединить высоко патриотическую работу монархических кругов Парижа и Берлина с «Объединением» в Венгрии не увенчались успехом.

Усматриваю в этом признаки нетерпимости и косности в действиях Легитимно-монархического союза, усугубленные еще и в высшей степени неуклюжими стараниями руководителей этого союза, идущими, по-моему, вразрез с глубоко продуманными указаниями Его Императорского Высочества Великого Князя Кирилла Владимировича.

Я буду счастлив, если Вы, глубокоуважаемый Андрей Николаевич, сочтете нужным мое письмо довести до сведения Его Императорского Высочества.

Здесь же считаю долгом высказать мнение, что распоряжение Генерала Врангеля за № 82 является и своевременным, и глубоко правильным⁴, так как упомянутый Приказ, подписанный Генералом Даниловым, является лучшей иллюстрацией, так сказать, «революционных» течений в Армии, выбитой из колеи еще в 1917 году и до сего времени еще имеющей в своих рядах элементов, не желающих подчиниться никакому авторитету.

Зная лично Ваши глубоко патриотические чувства и находясь с Вами в товарищеских отношениях, я позволяю себе надеяться, глубокоуважаемый Андрей Николаевич, что Ваша работа в конце концов сгладит эти резкие углы и даст возможность местному Монархическому Объединению стать действительно Объедине-

нием всех патриотов-монархистов, работающих на возрождение России.

Прошу Вас принять мои уверения в глубоком моем уважении и в, конечно, неизменных товарищеских чувствах.

Искренно преданный Вам /п. п. В. Марушевский/

*Его Превосходительству А.Н. Шмеману
Представителю Монархического Объединения
в Королевстве Венгрии*

Примечания

¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 13. Л. 325–326. Машинопись, копия, русский.

² Вестник Русского Легитимизма – монархическая газета, орган сторонников великого князя Кирилла Владимировича, изданный в Мюнхене.

³ «Громкий» приказ Военного Отдела имел свой «венгерский аспект». Текст был составлен и подписан прожившим в то время в Венгрии генерал-майором М.Ф. Даниловым 21-го октября (по старому стилю) 1923 г. в небольшой венгерской деревне, Лекешхаза, на венгерско-румынской границе. Данилов, «бывший кирасир Ея Величества, Императрицы Марии Федоровны» в приказе титуловал себя товарищем Первого Председателя Русского Собрания и начальником Военного Отдела РС. Вся история была связана с попыткой князя Д.П. Голицына-Муравлина воссоздать за рубежом Русское Собрание.

В приказе Данилов резко критиковал Врангеля за приказ № 82, за аполитичность армии (которая – по его мнению – в свое время привела к поражению в Крыму), за отклонение от старого завета «За Веру, Царя и Отечество». Во второй части приказа призвал офицеров объединиться вокруг великого князя Кирилла Владимировича: «Г. г. Офицеры! Долг ваш – вразумить неопытных, колеблющихся. Разъясните им преступность отвлекающих их от долга ради личных соображений! Объедините вокруг себя верных Престолу и Родине. Мы присягали своему Государю и Его Законному Наследнику. Только Августейший Блюститель Государева Престола, Великий Князь Кирилл Владимирович мужественно взяв на себя выполнение священного долга, может привести нас к возрождению России. Мы, Русские воины на чужбине, должны повиноваться Законному Старшему Представителю Дома Романовых, объединившись вокруг Него» (ГА РФ. Ф. 853. Оп. 1. Д. 15. Л. 510).

⁴ О приказе смотри комментарии к дневниковым записям А. фон Лампе от 1–3 января 1924 г.

61. Письмо А.А. фон Лампе**П.Н. Врангелю¹***31 декабря 1923 г.**№ 279/Л**г. Будапешт**Его Высокопревосходительству П.Н. Врангелю*

Ваше Высокопревосходительство

Глубокоуважаемый Петр Николаевич,

Исполняя полученное от Вас приказание, я просил аудиенции у Правителя Венгрии Адмирала Хорти и был принят им сего числа в Королевском дворце в Будапеште.

Аудиенция продолжалась более трех четвертей часа и носила не только внимательный, но, в конце ее, даже и дружественный характер. Я передал Правителю Венгрии от Вас привет и пожелания к новому году, и он, в свою очередь, просил меня доложить Вам его лучшие пожелания.

В разговоре я стремился, докладывая о положении Армии, всеми мерами привести к тому, чтобы Адмирал Хорти сам вспомнил о том обещании, которое в сентябре прошлого года он дал мне, но это мне не удалось. Думаю, по нескольким сорвавшимся у него фразам, что он порой просто отходил от темы нашего разговора и, по-видимому, был сильно озабочен внутренними делами страны, так как сейчас правительство переживает очень острый момент сильных нападков оппозиции на главу Венгерского Правительства графа Бетлена.

Так, у Адмирала сорвалась фраза о том, что страной можно управлять или строго парламентарно, или же просто кулаком (что он и показал рукой, видимо, волнуясь); фраза о том, что он рано или поздно исполнит свое намерение и просто выбросит всех социалистов из страны; несколько фраз о социализме и его вреде вообще, что совершенно не относилось к нашему разговору, и т. п.

Все это показало мне, что Правитель Венгрии едва ли сам вспомнит то, что мне надо, и я, демонстрируя ему альбом со снимками нашей Армии на Балканах, привел к тому, что сам напомнил ему об этом.

Он немедленно ответил мне в положительном смысле, что он помнит и сделает все, но, надо отметить, что, не остановившись на этом, немедленно перевел на вопрос о трудности жизни в стране и т. д. Словом, было видно, что далее останавливаться на заданном мною вопросе он не хочет.

Делая вывод из оказанного мне приема, я думаю, что я не ошибся, когда докладывал Вам, что сам Адмирал Хорти свое обещание, конечно, выполнит, но его правительство постарается сделать все что можно, чтобы реализация этого обещания затянулась и чтобы выполнение его распространилось на минимальное количество лиц, которых и Адмиралу будет сложно отстоять, так как само его обещание их не касалось.

Конечно, мое впечатление от всего разговора положительное.

Третьего января я уезжаю из Венгрии в Берлин, после свидания в этот же день с новым Военным министром Венгрии.

Прошу Вас принять уверения в абсолютном моем уважении и безграничной преданности.

[без подписи]

Примечания

¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 13. Л. 73–74. Машинопись, копия, русский.

1924

**62. Письмо А.А. фон Лампе
А.П. Кутепову¹**

Будапешт, 3 января 1924 г.

Ваше Высокопревосходительство
Глубокоуважаемый Александр Павлович,

Согласно Вашему желанию, мною возбуждено ходатайство об отправке Вам разрешения на въезд в Венгрию, как только что-либо будет достигнуто, я приказал Капитану Барону Розену донести об этом Вам. Думаю, что Ваш приезд в Венгрию очень подбодрит наших Галлиполийцев².

Я очень прошу Вас принять и передать глубокоуважаемой Лидии Давыдовне³ мое искреннее извинение, что я не смог быть у нее и приветствовать ее лично – три с половиной дня в Белграде и труднопроходимость дороги («даже А.П. [Кутепов] приходил в высоких сапогах», как мне говорили) не дали мне возможности это сделать самому, чувствую себя, безусловно, виноватым.

По делу Шульгина, о котором докладывал Вам я и писал он, вчера все закончено, суд постановил необходимость примирения, что и было выполнено. Однако сегодня генерал Шульгин, без всяких видимых причин, подал рапорт об исключении его из числа зарегистрированных при моем управлении чинов Армии⁴. Насколько я знаю, это, несомненно, находится в связи с указаниями, полученными Шульгиным из Парижа. Конечно, это небольшая потеря для Армии и знаменует собой только нарастание небольшой интриги, а, может, и попытки основать «союз комбатантов» и в Венгрии, но меня беспокоит то обстоятельство, что Шульгин, несомненно, попытается воздействовать на моего Розена, кото-

рый, как человек неуверенный, может потеряться, особенно если на него будут действовать Вашим именем. Поэтому я предупредил Розена, чтобы он, в случае сомнений, обратился за указаниями к Вам, и очень Вас прошу ему эти указания преподать, так как его, безусловно, будут стараться убедить, что служба в Военном Представительстве неприемлема и Вами не одобряется. Интриги у нас все такого свойства, и я не думаю, чтобы придумали что-либо новое. А Розен сейчас своими связями в Представительстве очень полезен⁵.

Как ни печально, но вся деятельность нашей эмиграции, а в особенности в такой маленькой стране, как Венгрия, сводится только к такого рода выпадам.

Прошу Вас принять уверения в совершенном моем уважении и искренней преданности

[без подписи]

Примечания

¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 14. Л. 211–212. Машинопись, копия, русский.

² Поездка Кутепова в Венгрию состоялась в марте 1924 г. Все детали ее неизвестны, он по всей вероятности встречался с галлиполийцами, с членами его бывшего 1-го корпуса. В Будапеште Кутепов навестил генерала Деникина. Информировал его о том, что он сейчас находится в непосредственном подчинении великому князю Николаю Николаевичу и имеет задачу создать тайную организацию для активной борьбы с большевиками. Деникин пытался предостеречь своего бывшего подчиненного от подобной авантюры, но успеха не имел (*Инполитов Г.М.* Деникин. – М., 2006. С. 512). О факте поездки в Венгрию и о новом назначении Кутепова ОГПУ было информировано по своим каналам. По агентурной сводке Кутепов провел в Будапеште 3 дня (Русская военная эмиграция 1920–1940-х годов. Документы и материалы. Том 4: У истоков «Русского Общевоинского Союза» / Составл. *Басик И.И.* и др. – М., 2007. С. 83).

³ КУТЕПОВА Лидия Давыдовна (урожд. Кют или Кутг) (1888–1959), жена А.П. Кутепова, в эмиграции жила во Франции и в Югославии.

⁴ Инцидент, суть которого установить на основе имеющихся документов не удалось, произошел между Б.В. Шульгиным и графом Ф.Д. Гейденом (Смотри об этом дневниковую запись А. фон Лампе от 1–3 января 1924 г.). Шульгин приказом № 84 военного представителя от 4-го января 1924 г. был

исключен из списка зарегистрированных членов Армии по своей просьбе. В мае он, как «военный представитель» великого князя Кирилла Владимировича издал приказ, в котором предписал всем офицерам уйти с учета военного представительства барона Врангеля и выйти из Союза Русских Офицеров в Королевстве Венгерском. «Приказу» подчинялся только узкий круг сторонников Кирилла Владимировича в Венгрии: генерал-майоры Данилов, Хильченко, полковники Оболенский, Хрипунов и др. Таким образом, после идейного и политического размежевания, после выхода фон Лампе, Марушевского из Монархического Объединения, в русской колонии в Венгрии раскол был завершен и в организационном смысле (ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 15. Л. 193; Д. 16. Л. 496, 497).

⁵ Хотя В.Г. Розен действительно был одним из ближайших и важнейших сотрудников А. фон Лампе в Венгрии, в их взаимоотношениях в 1922–1923 гг. были и критические моменты. Первый конфликт между ними развязался на материальной почве, Розену не хватало полученных им 100 франков в месяц. В июле 1922 г. А. фон Лампе писал Иловойскому: «Что касается до Розена, то я его отчислю [из состава миссии] вероятно, в официальном и не совсем приятном ему порядке. Меня возмущает уход его потому, что ему денег мало». Фон Лампе постановил своему помощнику порвать все связи с Розеном. В итоге осенью 1922 г. Розен не явился в Будапешт во время очередного пребывания там А. фон Лампе. (Последний подозревал его в готовности, под влиянием некоторых членов русской колонии в Венгрии, перейти на сторону Кирилла Владимировича.) Конфликт между ними был урегулирован обменом письмами весной 1924 г. Розен свое «исчезновение» объяснил трудным материальным положением, выразил готовность и в дальнейшем, без всякой денежной поддержки исполнять поручения, могущие поступать от А. фон Лампе и В. Иловойского, просил дать ему летом двухмесячный отпуск и разрешить подыскать себе «посторонний заработок». А. фон Лампе со своей стороны писал, он рад, что не разочаровался в Розене. Таким образом, доверие между ними было восстановлено, и Розен со своими родственными и общественными связями снова стал главной опорой А. фон Лампе в Венгрии (ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 8. Л. 313–315, 323, 334; Д. 15. Л. 155–156).

Упомянутый А. фон Лампе сюжет свидетельствует о том, что в рядах военной эмиграции, кроме противостояния «кириллистов-николаевцев» и «предрешенцев-непредрешенцев», существовал еще и другой водораздельный камень: полковая принадлежность. Часть офицерских союзов в эмиграции имела перед собой цель сохранить старые полковые связи, традиции. В данном конкретном случае и Кутепов, и Шульгин и Розен были преобразенцами. Шульгин был старшим по чину в Венгрии из преобразенцев. А. фон Лампе опасался, что он может воздействовать на Розена, поэтому обратился за помощью к Кутепову, как к более высокому авторитету. Кутепов

был последним командиром Л. Гв. Преображенского полка в 1917 г. до момента его расформирования.

63. Рапорт А.А. фон Лампе

Е.К. Миллеру¹

18 марта 1924 г.

№ 360/Л

г. Берлин

Генерал-Лейтенанту Миллеру

Рапорт

Доношу, что, согласно только что полученному мною донесению помощника моего есаула Иловайского, Русское Дипломатическое и Военное представительство в Венгрии НЕ включено в список дипломатического корпуса на 1924 год. Одновременно с Русской миссией выключено из списка и Украинское Представительство (Петлюры)².

Сделано это было, по-видимому, в спешном порядке, не только без предупреждения Светлейшего Князя Волконского, но и после того, как ему же были присланы корректуры списка на исправление.

На справку Князя Волконского о создавшемся положении Венгерское Министерство Иностранных дел ответило ему, что в деловом смысле все остается без изменений.

Не имея сообщения Князя Волконского, не могу донести о причинах, побудивших венгров к такому шагу, но полагаю, что их может быть две: всеобщие переговоры с правительством Советов, принявшие сейчас эпидемический характер, и желание венгров на всякий случай иметь руки на 1924 год развязанными, или же необходимость лишить известного козыря венгерских социалистов и эмигрантов, тормозящих проведение в Англии жизненно необходимого для страны займа.

По моим сведениям, Князь Волконский в настоящее время предполагал быть в отпуске в Париже, почему он и сможет осветить Вам вопрос более подробно.

Я полагаю пока не изменять своего предположения быть в Венгрии в мае, моему помощнику я указал продолжать дело без перемен, то есть таким же порядком, как делал я в то время, как не был еще занесен в дипломатический список.

Генерал-майор [без подписи]

Примечания

¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 14. Л. 218–219. Машинопись, копия, русский.

² Украинское представительство возглавил поверенный в делах Владимир Сикевич. В составе миссии были еще два советника, атташе и офицер для специальных поручений. Представительство находилось на набережной Маргит (ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 15. Л. 395). По некоторым сведениям, в это время, с января по май 1924 г. в инкогнито жил в Будапеште и Симон Петлюра. Он был причислен к составу миссии как руководитель отдела прессы (http://arhiv.ukrajinci.hu/arhiv/hromada_82/tortenelem/petlura.html – 05.05.2013).

64. Письмо А.А. фон Лампе В.А. Иловайскому¹

18 марта 1924 г.

№ 361/Л

г. Берлин

Есаулу Иловайскому

Ввиду полученного мною донесения о НЕвключении Русского Представительства в Венгрии в дипломатический список на 1924 год, предлагаю Вам принять к исполнению следующее:

1. В отношении Министерства Иностранных дел не предпринимать ничего, предоставив это нашему дипломатическому представителю по принадлежности.

2. В военном министерстве вопроса о том, какое создано положение, до моего приезда НЕ поднимать и продолжать работу как и прежде, тем более, что весь 1921 год мне самому пришлось работать с Министерством, не рассчитывая на включение меня в дипломатический список.

Желательно по какому-либо ничтожному вопросу вызвать ответную бумагу Военного Министерства, чтобы установить его обращение к Представительству.

3. В случае необходимости ликвидировать Русскую «Миссию», настаивать на включении меня в «Делегацию» как начальника ее отдела при начальнике Делегации Князе Волконском.

4. Копию настоящего предписания я посылаю Князю Волконскому в Париж.

Генерал-майор [без подписи]

Примечания

¹ ГА РФ Ф. 5853. Оп. 1. Д. 14. Л. 220. машинопись, копия, русский

65. Письмо А.А. фон Лампе П.П. Волконскому¹

Дорогой и многоуважаемый Петр Петрович!

На днях вернулся из Парижа и так и не смог ответить на милое письмо Княгини, которая интересовалась моими парижскими впечатлениями, так как узнал от Иловайского, что Вы тоже направились в Париж и сами все увидите.

Мои впечатления коротки: с военной точки зрения все благополучно, так как совершилось тесное объединение: В. Князь – Врангель – Краснов – Кутепов. В общественном и в смысле активной работы совершенно безотрадно... Рад буду, если Вы найдете причины смотреть на дело более оптимистично, чем я!

Посылаю Вам копию моего ответа Иловайскому на его донесение о бестактности венгров. Говорю «бестактности», так как считаю, что их право решать вопросы, но способ должен был бы быть приличным! Уж слишком это мелко для государственной власти – не решаться сказать в лицо тем, которым делаешь неприятность...

Конечно, это результат эпидемической скачки Европы за лакомыми кусками в России до того, как коммунисты отойдут от

власти! Но какова же физиономия Венгрии, идущей к чужим коммунистам после того, как она ликвидировала своих...

Мне кажется, что неизбежен вопрос, теперь модный и в котором мы с Сергеем Дмитриевичем оказались впереди всех – превращения Миссии в Делегацию или... закрытия всего дела!² Это, конечно, Вы ясно увидите в Париже, причем я очень прошу Вас на эту тему поговорить и с Е.К. Миллером, в данное время находящимся в Париже и объединяющим всех военных агентов Западной Европы, в том числе и меня.

Я писал ему о случившемся и прибавил, что детали он может узнать только от Вас. Я высказал предположение, что венгров вынудило к их шагу или общее положение в Европе, или боязнь, что наше наличие затормозит получение займа от Англии.

Очень жалею, что мы немного не встретились в Париже. Лично я предполагаю, если положение не осложнится, быть в Будапеште в мае, а пока буду продолжать делать свое дело через Иловайского, помня, что Венгерское Правительство никаким актом не аннулировало его письменное признание Вас и меня в качестве представителей. Согласны ли Вы со мною, что это точка зрения правильная?

Круг сужается, кажется, грозя дойти, в конце концов, до петли на шее! Но все же угашать духа нельзя – я считаю, что, несмотря на все неприятности, мы ближе к России, чем были раньше! В это я упорно верю, несмотря на мое пессимистичное настроение, вызванное Парижем!

Прошу Вас поцеловать ручку Княгине, крепко жму Вашу руку и от души желаю использовать Париж – все хорошо в нем!

[без подписи]

18 марта 1924 г.

№ 352/Л. Берлин.

Примечания

¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 14. Л. 221–222. Машинопись, копия, русский.

² БОТКИН Сергей Дмитриевич (1869–1945), русский дипломат, до Первой мировой войны работал секретарем в посольствах России, в том числе в Вене, в Константинополе. В 1914 г. он был назначен в Дармштадт, но зани-

мать свой пост уже не мог. Во время войны в МИД занимался делами военнопленных. В 1919–20 гг. в Германии представлял Российское Общество Красного Креста и правительств Колчака и Деникина. В 1920–1934 гг. возглавлял Делегацию по делам русских беженцев в Германии. После прихода к власти нацистов, покинул Германию. Умер в Париже в 1945 г.

Положение «белого представительства» в Германии отличалось от положения таковых в тех странах, где не было советского полпредства. В Германии Делегация воспринималась как организация защиты интересов русских беженцев в Германии, объединяющая всех течений и направлений эмиграции, а не как представительный орган того или иного эмигрантского учреждения (Совета Послов, Главного командования Русской армии и т. д.) или тем более какого-либо отвлеченной российской государственности. А. фон Лампе давно считался с тем, что рано или поздно и в других странах придется перейти на подобную систему представительства в связи с признанием большевиков, однако надеялся, что Венгрия будет одной из последних в этой очереди.

66. Вырезки из письма А.А. фон Лампе П.А. Кусонскому¹

30 марта 1924 г.

№ 365/Л

Берлин

Дорогой Павел Алексеевич!

[...]²

Теперь о самом главном – о возможности, как Ты выражаешься, «экстракции»...

Еще в декабре я лично довольно долго говорил с П.Н. [Врангелем] на эту тему и полностью и откровенно говорил мой взгляд на то, как обстоит дело.

Повторю теперь еще раз. Я имею личное и словесное обещание самого Х[орти] приютить П.Н. (лично) как частное лицо, это обещание было мне дано в торжественном тоне³, Х. встал при этом, а потом, когда я возвращался и передавал Х. благодарность П.Н., то он подтвердил тем же тоном, что он всегда выполнит то, что он раз обещал! Вот основа! Когда я передал П.Н. первое обещание, то я просил закрепить его письменной благодарностью, чтобы несколько связать Х. Но Е.К. [Миллер], под влиянием

Василия Николаевича [Штрандтмана], использовал всегдашний задор П.Н. и настоял, что на словесное обещание надо словесно и благодарить!⁴ Это было неправильно, так как при одинаковом исходном положении П.Н. и Х. – они не равны, так как первый проиграл, а второй выиграл. Но дипломатические тонкости победили мои доказательства!

Невключение нас с В[олконским] в список дело НЕ меняет, так как действительный хозяин страны – премьер – заверил В., что на нашем положении это НЕ отзовется. По-моему, они просто, на всякий случай, если вся Европа пойдет в Каноссу, развязывает себе руки и только. Но думаю, что они все же будут последними!

Как я и говорил П.Н., положение таково: что бы то ни было, но мне кажется, что Х. сдержит свое обещание, но власть в лице премьера, которая такого обещания не давала, будет стараться тормозить выполнение этого и, конечно, будет давить в том направлении, что де, мол, раз обещали, то выполняйте, но Вы обещали только ему... Следовательно, только его и принимайте! Конечно, с этим можно будет бороться, и я не теряю веры, что 4–5 человек пропустить окажется возможным, но борьба будет. Жестокость борьбы всецело зависит от того, получит ли страна ко времени разрешения вопроса займа, который сейчас на мази, или еще не получит. Если не получит, то будет труднее, так как против займа агитируют за границей эмигранты, и прием П.Н. постараются использовать как козырь против правительства Х.!

Что касается поставленных Тобою вопросов, то скажу так: убежище, если оно будет дано, сохранится и после признания, до того времени пока весь курс не уклонится влево, а на это шансов мало; слежка за корреспонденцией возможна только в общем порядке, а не специальная – так, я иногда получаю вскрытые официально письма, а в то же время курьеры М. Ин. Д. возят от меня, не вскрывая, все что мне угодно; свободы передвижения в стране никогда не лишат, но, конечно, будут просить «по квартирным соображениям» жить в провинции (самый лучший район Ан-т[она] Ив[ановича] – там вокруг громадного озера много местечек⁵), надо сказать, что квартирный вопрос позволит в Б.П. [Будапеште] жить только в отеле – мой барон уже второй год ищет себе без успеха квартиру, а он женат на венгерке⁶, и ее отец имеет хорошие связи именно в нужных для того кругах; выезд будет

возможен и возвращение тоже, но только не туда, где вы сейчас – с этим направлением, хотя бы на словах, но надо порвать, так как ненависть очень и очень сильна⁷...

Вот Тебе, дорогой, подробная картина со всеми «за» и «против»!

Однако в заключение я скажу то, что говорил и П.Н. – приезд его в В[енгрию] возможен и желателен, первое время он будет пользоваться знакомствами и некоторым гостеприимством – это можно наладить, будет развлекаться охотой и т. п... Но потом он задохнется в том провинциальном болоте, которое представляет собой эта страна – европейский тупик, в котором все застыло и никто и ничего не знает и не видит! Я только теперь, бывая там наездами, понял, какая там дикая тоска! Это не преувеличение – кроме семьи, ничего! Еще когда мы там жили, было несколько легче, так как было больше народу, а теперь две русских семьи и хозяева, ничем, кроме личных сплетен и пересудов не интересующиеся!

Вот в силу этого-то в разговоре с П.Н. я и приходил к заключению, что Бр [юссель] по своему расположению вблизи всех европейских центров гораздо больше для него подходит и гораздо больше ему даст!

Одно только прошу – если будет решена В[енгрия], то дать мне знать заблаговременно, так как дело должен вести я лично, начиная с личного свидания с Х., а он летом разъезжает по стране. Кроме того, раз переговоры будут начаты и разрешение будет получено, его надо будет обязательно использовать, так как иначе будет такой конфуз, что хоть закрывай лавочку!

Вот, дорогой Павел Алексеевич, все подробности. Крепко жму Твою руку, не забывай, и пиши! Очень скверно, что никаких ин-формаций о пребывании П.Н. в П[ариже] так и не было и мне пришлось с большим опозданием пользоваться «Н[овым] Вр[еме-нем]», а за это время здесь писали и говорили ерунду! Об этом я пишу Н.Н. Ч[ебышеву] – он хотел сделать, но ничего не сделал!

Сейчас перечитал мое послание (письмом его трудно назвать) и увидел, что я не написал о второй «ошибке». Уверенность, что против П.Н. никто серьезно не боролся, только лишний раз доказывает, что союзы не имеют решительно никакого значения и что им это значение с нашей стороны придали, дали только нашим

противникам справа возможность пользоваться ими, как чем-то представляющим что-то серьезное. Как только мы перестанем обращать на них слишком много внимания, они потеряют свое значение – лучшее доказательство, что борьбу союза против П.Н. под руководством Г[улеви]ча тоже нельзя считать серьезной!⁸

У меня кризис в этом отношении – надо мне менять председателя, т. к. мой покидает страну, а это всегда самое трудное, так как людей совершенно нет, а со всех сторон будут подсовывать совершенно непригодные элементы. Посмотрим, что выйдет – есть один кандидат, но надо ожидать его возвращения из Польши...

Еще раз жму Твою руку, не забывай

С⁹

Примечания

¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 15. Л. 117–121. Машинопись, копия, русский

² Пропущенная часть посвящена поездке А. фон Лампе в Париж, детали которой непосредственно не связаны с Венгрией.

³ Смотри об этом дневниковую запись А. фон Лампе от 1–3 марта 1922 г. Данное письмо свидетельствует о том, что, когда в 1924 г. в ближайшем окружении Врангеля начали обсуждать вопрос о переселении Врангеля из КСХС в другое государство, среди возможных вариантов теоретически фигурировала и Венгрия.

⁴ Дневник А. фон Лампе сохранил упомянутый словесный ответ в следующей форме: «Ваша Светлость, я передал генералу Врангелю Ваше великодушное предложение, он искренне и сердечно благодарит Вас, он надеется, что еще судьба позволит ему, рядом с Вами, рука в руку драться против коммунизма, и с благодарностью, если случится неудача, примет предложение помощи именно от Вас...» (ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 7. Л. 129).

⁵ К этому времени А.И. Деникин со своей семьей жил уже в деревне Балатонлелле, на южном берегу озера Балатона.

⁶ Первая жена барона Розена была Мариетта Екелфалуши (1892–1944) (<http://rosgenea.ru/?alf=17&serchcatal=%D0%E0%E7%E5%ED&t=4> – Волков С.В. *Офицеры Росс. гв.* – М., 2002).

⁷ Здесь А. фон Лампе ссылается на напряженные сербско-венгерские отношения. В этом обстоятельстве А. фон Лампе видел такой фактор, с которым в случае переселения Врангеля в Венгрию необходимо считаться. Со стороны Югославии не только мобилизация против Венгрии осенью 1922 г. отяготила эти отношения. Белград занял жесткую позицию и в вопросе предоставления Венгрии займа (т. н. заем Лиги Наций) и в союзе с Чехослова-

кней и Румынией старались по-прежнему держать Венгрию в политическом карантине в Европе. (В 1923 г. в югославских политических кругах нашлись и сторонники применения «Рурской политики» в отношении Венгрии, т. е. оккупации южных районов страны для обеспечения выполнения репарационных обязательств последней). К этому еще и прибавилось преследование венгерского национального меньшинства в КСХС. Белград активно поддерживал венгерскую эмиграцию, представители которой часто собирались в югославской столице и с поддержкой государств Малой Антанты вели активную кампанию с целью дискредитации венгерского правительства и политического строя за рубежом. Со своей стороны, Будапешт искал связи с разными оппозиционными хорватскими политическими деятелями и партиями, которые, как правило, ставили перед собой цель создания самостоятельного хорватского государства. Самым существенным из этих явилась Национальная Республиканская Партия Степана Радича. Эти попытки не привели ни к какому результату, кроме роста недоверия Белграда к Будапешту (Hornýák, 2004. С. 128–153).

⁸ Смотри дневниковую запись А. фон Лампе от 1–3 января 1924 г.

⁹ При подписании частных писем, газетных статей А. фон Лампе часто употреблял псевдонимы или инициалы, ссылаясь на его службу в Лейб-Гвардии Семеновском полку: «Л.Г. Семеновский» «Л.Г.С.» или просто «С».

67. Письмо А.А. фон Лампе

В.А. Иловайскому¹

3 апреля 1924 г.

№ 377/Л

г. Берлин

Дорогой Владимир Алексеевич!

У меня явилась мысль, которой мне хочется с Вами поделиться с надеждой заразить и Вас ею, так как выполнение ее может идти только по линии сочувствия, а не служебного выполнения!

Мне кажется, что тот факт, что в нашем представительстве 66,5 % журналистов², должен быть нами ознаменован, и работа нашего представительства, при ее ликвидации, не должна остаться неизвестной, если не миру, то хотя бы нашему миру...

Я предполагал бы, что ко времени предполагаемого закрытия мы с Вами должны выпустить очерк работы представительства за время его существования, составить его возможно полней и по-

том распространить среди соответствующих инстанций тем способом, который к тому времени будет нам по средствам!

Что Вы по этому поводу думаете?

Мой план вкратце таков: обстоятельства, сопровождавшие открытие (немного о миссии Марушевского), назначение, прибытие в страну 15-го марта 1921 г.; открытие работы (где именно) 23-го марта. Очень кратко политический обзор страны за время существования с отметкой о двух появлениях Короля и попытке Пронаи привлечь нас к борьбе в Бургенланде, наши политические выступления – против французского приказа о прекращении существования Армии и т. п.

Наша работа: с венграми – разговоры о «тысяче» и ее главные этапы (появление наших частей на сербской границе), приложить акт согласия на прием тысячи; отношения с полицией; работа с колонией, дипломатической миссией (образование дипломатического списка), Красным крестом и монархистами – последние со всеми препятствиями, до нелепого приказа Данилова и выступления кириллистов в станице включительно; наш этап, союз, станица, галлиполийцы; наши сводки, суд чести и его работа; наша регистрация – число прошедших через нас; наш состав – с прикомандированными, отсутствие ассигнований на этапе и т. д.

Оценка отношений к нам венгров (немного и о магнатах и этой истории), результат нашей работы для русских, наши друзья и враги...

Приложениями могут быть: акт признания, выписка из дипл [оматического] списка, состав представительства, текст протеста против французов, акт согласия на прием галлиполийцев (в тексте может быть и неудача с Мартыновым³), текст протеста против монархистов и т. п.

Если бы Вы согласились со мною в желательности этой работы и использовали на нее первое время после отъезда Е.Ф. [Иловайской], как наиболее для Вас скучное, то я в следующую поездку прибавил бы все то, что было до Вас, и вставил бы свое в текст, а в зимнюю поездку мы бы все закончили... как Вам все это нравится? По-моему, работы немного, и только немного нужно переписывать на машинке, что было бы хорошо сделать ДО меня – тогда я вставлю все от себя, увезу работу с собой и вновь перепишу ее здесь.

Плана, кроме того примерного, о чем я говорил выше, я не намечаю, т. к. все же у меня нет под рукой наших дел и переписки. Мне кажется, что если Вы сейчас напишете свое, то я, приехав и помня дела, немедленно все дополню. Можно приложить и несколько приказов Главкома.

Жму руку

Л

Примечания

¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 15. Л. 153–154. Машинопись, копия, русский.

² Из состава представительства кроме барона Розена и фон Лампе и В. Иловайский занимались журналистикой, писали статьи в разных эмигрантских изданиях.

³ МАРТЫНОВ Захарий Александрович, генерал-лейтенант (1861–1944), русский военный, в Первой мировой войне командовал пехотным полком, затем бригадой, потом с 1916 г. 118-й пехотной дивизией. В гражданской войне служил в ВСЮР и в Русской Армии. После эвакуации из Крыма в Галлиполи – начальник сводно-технического и казачьего полка. В эмиграции – председатель Общества Галлиполийцев.

Неудача, на которую ссылается А. фон Лампе, заключается в следующем. Сводно-технический и казачий полк Мартынова играл роль своего рода арьергарда в Галлиполи. Он покинул полуостров последним. Попавшие в Венгрию в 1922–1923 гг. в трех транспортах галлиполийцы были из состава сводно-технического полка. По дневниковой записи А. фон Лампе, генерал Мартынов был назначен командиром третьего, последнего транспорта в Венгрию. В мае 1923 г. А. фон Лампе специально ездил в Белград, чтобы устроить его поездку. Прибытие в страну генерал-лейтенанта-галлиполийца во многом помогло бы преодолеть кадровый дефицит, который заключался в том, что среди галлиполийцев высшие чины составляли полковники, но среди них трудно было установить четкую иерархию по старшинству и авторитету. Приехав в страну Мартынов попал бы в среду своих бывших подчиненных, что, несомненно, благоприятствовало бы сохранению военной дисциплины. Но в Белграде А. фон Лампе не встречался с Мартыновым, не мог и достать ему визу в Венгрию. Причины отмена его поездки еще неизвестны.

(ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 11. Л. 41, 43; *Даватц В.Х.* Годы. Очерки пятилетней борьбы // *Русская Армия в изгнании* / под ред. *Волкова С.В.* – М., 2003; http://statehistory.ru/books/pod-red-S-Volkova_Russkaya-Armiya-v-izgnanii/2).

68. Письмо П.А. Кусонского

А.А. фон Лампе¹

10-IV-1924.

Дорогой Алексей Александрович!

Отвечаю на письмо от 30 марта за № 315/Л (или 365/Л?). Выдержку, касающуюся возможности «экстракции» П.Н. [Врангеля] и переезда его в В[енгрию], я прочел с самыми небольшими сокращениями самому П.Н., и вот что он мне ответил: а) как в своих предположениях на случай осложнений он останавливается на В.²; б) сейчас никаких новых разговоров тебе как с Х., так и с кем-либо другим вести не нужно; в) как только обстановка станет складываться неблагоприятно, ты будешь немедленно извещен, и тогда выедешь в Б.-П. [Будапешт] и переговоришь с кем следует; г) кроме П.Н., нужно будет выхлопотать разрешение на въезд и жительство еще 3—4 кавалерам, в уверенности, что наши жены, сыновья и дочери также получают разрешение следовать за нами; д) П.Н. отлично понимает, что, раз разрешение будет получено, его обязательно [надо] использовать (за исключением, конечно, того случая, если мы просто останемся на месте); е) невозможность найти квартиру в Б.-П. его не пугает, так как он не сомневается в гостеприимстве магнатов и считает, что быстро поселится где-либо в окрестностях Б.-П.

Прочел и я 3-й том Антона Ивановича [Деникина], и в восторге от этого капитальнейшего и беспристрастного, правдивого труда, мне еще не бросились в глаза мелочи, вроде выпадов против Лисового³; что же касается описания распрей с П.Н. и литератором, то обойти молчанием он их никак не мог, и я должен признать, что А.И., видно, много поработал над собой в этом отношении за истекшие 4—5 лет, ибо пишет о литераторе спокойно, выдавая ему должное, между тем как в свое время он без раздражения говорить о нем не мог.

Ведь А.И. признает, что были неправы обе стороны; со своей стороны, я всецело на стороне А.И.; характерно, что Ф.Ф. Абр[амов], прежде всего казак, разделяющий всех на русских и казаков, считающий, что казаков все обижают, весьма недолголюбивает литератора и отзывается о его нравственных качествах больше чем прохладно⁴.

А ведь недурен документик – проект образования Юго-вост. союза?! Вон где честолюбие!

Я имею сведения, что А.И. предполагает очень объективно и без всяких комментариев, но все же поместить свою переписку с П.Н., которая ведь уже увидела свет в творении Дрейера⁵, думаю только, что он выпустит последний том не ранее 1925–26 года.

Очень буду тебе признателен, если вновь перешлешь [мне?]⁶ посылку, но теперь через Международную рабочую помощь; не откажи сообщить мне, когда отправишь, и сколько я тебе за это должен.

Крепко жму твою руку, целую ручку Натальи Михайловны.

Твой П.К.

7-IV провожаем Е. К-ча [Миллера], Ф.Ф. [Абрамов] от провод отказался, оба – первый в Париж, а второй в Софию уезжают в [...] ⁷ понедельник.

Примечания

¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 15. Л. 122–122об. Рукопись, оригинал, русский.

² Здесь и далее отдельные слова и выражения подчеркнуты в документе П.А. Кусонским.

³ Тут мнения А. фон Лампе и П.А. Кусонского разошлись в оценке третьего тома «Очерки русской смуты». В предыдущем письме А. фон Лампе упрекал Деникина, что он в своей работе опустил до изображения мелких интриг, конфликтов с отдельными лицами белого движения (как, например, с полковником Я.М. Лисовым, или с П.Н. Красновым), чего не надо было делать. В следующих томах А. фон Лампе ожидал выпадов Деникина против П.Н. Врангеля (ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 15. Л. 117–121).

ЛИСОВОЙ Яков Маркович, полковник (1882–1965), участник белого движения, историк, мемуарист. В 1926–1928 гг. – редактор журнала «Белый архив».

Деникин в своей книге о Лисовом пишет совсем немного, в третьем томе упоминает его всего несколько раз. Его претензии к нему сводились к тому, что, будучи начальником военно-политического отдела, полковник Лисовой собрал вокруг себя молодых честолюбивых людей, и этот отдел в результате деятельности Лисового превратился в своего рода центр против штаба армии (Деникин А.И. Очерки русской смуты. Том 3-й, глава 2-я: Конституция

Добровольческой власти. Внутренний кризис армии: ориентации и лозунги. — http://militera.lib.ru/h/denikin_ai2/3_02.html).

⁴ Кусонский, по всей вероятности, под названием «литератор» подразумевает генерала Краснова, бывшего донского атамана.

АБРАМОВ Федор Федорович, генерал-лейтенант (1870–1963), русский военачальник из донских казаков, в гражданской войне командовал 1-й Донской казачьей дивизией, потом был назначен Врангелем командиром Донского корпуса. Эвакуировался из Крыма. В эмиграции жил в Болгарии, один из лидеров РОВС, сначала возглавлял 3-й отдел, потом с 1930 г. стал заместителем генерала Миллера во главе РОВС. НКВД через его сына, Николая, агента советских спецслужб имел к нему доступ. Во Второй мировой войне принимал участие в работе Комитета Освобождения Народов России, руководимого А.А. Власовым. Умер в США в автомобильной аварии.

⁵ ДРЕЙЕР Владимир Николаевич фон, генерал-лейтенант (1876–1967), участник белого движения. В 1918 г. в Москве — член тайной подпольной антибольшевистской организации. В 1919 г. его отказали принять в Добровольческую армию из-за прогерманских взглядов. В 1920 г. эмигрировал из России.

Речь идет о книге Дрейера «Крестный путь во имя Родины. Двухлетняя война красного севера с белым югом 1918–1920 гг.», вышедшей в Берлине в 1921 г.

⁶ Слово плохо читается

⁷ Слово не читается

69. Письмо А.А. фон Лампе В.А. Иловайскому¹

22 апреля 1924 г.

№0395

г. Берлин

Дорогой Владимир Алексеевич!

Получил от Вас газету с выпадами наших друзей справа! Недурно, даже Соболева нам не простили! Конечно, по этому поводу можно было бы написать много, но не стоит вдаваться в полемику с людьми, которые за правдой не гоняются. Мне кажется, что можно бы написать от коменданта этапа следующее:

«В номере Вашей газеты от 1-го марта с. г. № 83 я прочел сообщение о запрещении Военным Представителем Г[лавного]

мандную]щего Русской Армией при Королевском правительстве Венгрии на вверенном мне этапе газет “Вестник Русского Легитимизма” и “Вера и верность”².

В целях восстановления истины и исправления ошибки, в которую, по-видимому, была введена редакция, прошу Вас не отказать поместить мое настоящее письмо в редактируемой Вами газете.

Никакого распоряжения Военного Представителя о запрещении каких-либо газет на этапе, существующем уже три года, никогда не было, да и быть не могло, так как распоряжением Главнокомандующего Русской Армией, еще со времени пребывания Армии в Галлиполи, в части обязательно допускались все без исключения органы прессы, даже и такие явно враждебные Армии, как “Последние Новости” и т. п. По распоряжению Г-щего русским офицерам должна была доходить вся пресса, так как каждый из них настолько самостоятелен, что может сделать свой вывод и в опеке не нуждается!

До сего времени на вверенном мне этапе получалось лишь две газеты: “Новое Время” и “Руль”. Причиной такого ограниченного количества газет является только отсутствие средств – всякий орган печати, высылаемый на этап бесплатно, конечно, всегда допускался на этап совершенно беспрепятственно.

Также, при условии, конечно, бесплатной доставки, могли бы получаться на этапе названные Вами в корреспонденции газеты “Вестник Русского легитимизма” и “Вера и верность”, а также и редактируемая Вами газета “Правое дело”. До сего времени редакции этих газет своих номеров бесплатно на этап не направляли, платить же за них подписную плату этап не в состоянии.

Прошу...

Комендант этапа при управлении Военного Представителя в Венгрии

Полковник».

Я думаю, что это или что-либо в этом роде было бы совершенно достаточно, и, пожалуй, что и необходимо! Едва ли нужно, вследствие портретной истории, упоминание о наличии монархической библиотеки на этапе!

Впрочем, предоставляю решение этого вопроса всецело Вам!
По поводу производства, конечно, не надо писать ничего!³

Мои и я сердечно поздравляем Вас с праздниками, крепко жму Вашу руку

Примечания

¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 15. Л. 160–161. Машинопись, копия, русский.

² В упомянутом номере газеты «Правое дело», вышедшей в Нью-Йорке, появилась статья анонимного автора под заглавием «Не за страх, а за совесть». В ней сообщалось, что российский военный представитель в Венгрии своим приказом запретил допущение легитимистских журналов на этап для солдат и офицеров Русской армии в Будапеште, пока «масонские и социалистические» издания туда свободно допускаются. Автор к этому еще прибавил, без упоминания имени А. фон Лампе, что за отличие в борьбе против легитимистов-монархистов данный представитель был произведен в генерал-майоры: «способ делать карьеру среди беженцев найден; будем ожидать дальнейших производств» (ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 15. Л. 159).

³ То есть о производстве А. фон Лампе в генерал-майоры. Предложение в абзаце подчеркнуто автором письма.

70. Письмо А.А. фон Лампе

В.А. Иловайскому¹

30 апреля 1924 г.

№0404

г. Берлин

Дорогой Владимир Алексеевич!

Отвечаю на № 20:

2. Все расписки всегда посылайте прямо мне.

6. Конечно, ни в какую переписку ни с ним, ни с Геруа² не вступайте.

7. Сводку надо адресовать как рапорт на мое имя, причем копию пересылать Н.Н. Чебышеву, а два экземпляра, то есть для Миллера и для меня, МНЕ. Я буду пересылать в Париж.

Отвечаю на № 18³:

Всей свистопляске особого значения не придаю – это опять попытка вылить грязь, но опять из этого ничего не выйдет. Прошу Вас отнестись к этому возможно спокойнее, ни с кем из русских об этом не говорить. Желательно было бы прекратить всякое сношение Ваше с генералом Шульгиным.

Я, вероятно, выеду из Берлина через Вену 15-го мая и сам буду говорить с военным министром по всем делам (если до того времени сплетники не успокоятся). А пока прошу Вас сделать следующее:

Официально, по моему приказанию, сообщите Военному министру, что проживающий в Будапеште русский генерал Шульгин моим приказом за № таким-то⁴, исключен из числа чинов, числящихся на учете при Представительстве.

Текст таков: «Ваше Превосходительство. Я получил от Военного Представителя Генерала фон Лампе приказание довести до Вашего сведения, что проживающий в Будапеште русский генерал Шульгин приказом Военного представителя от ... за № ... исключен из числа русских военнослужащих, проживающих в Венгрии и числящихся в Военном Представительстве.

Прошу принять... Ес. Ил., Помощник Военного Представителя».

Это сношение Вы лично передайте полковнику З[иглеру] и на его понятный вопрос, почему это, скажите ему только, что деятельность этого генерала такова, что я считаю долгом поставить Министерство в известность о том, что он у меня более не числится. Кстати, скажите, что если министр или сам З. хотят знать больше, то они узнают это от меня, так как я около 20-го мая буду в Будапеште и, конечно, сочту своим долгом, наконец, лично представиться Военному Министру⁵. Заодно спросите, в каком виде это надо делать, в военном или штатском? Больше никаких разговоров с ним прошу Вас не вести, и только если с его стороны будет поставлен прямой вопрос относительно Д., то скажите ему, что он не русский, а поляк и потому не только у нас не регистрировался, но нас, как официальных лиц, избегал. Можно добавить, что он известен нам с отрицательной стороны, но в Б.П. [Будапеште] поддерживал связь с местным русским монархическим объединением⁶.

Если он Вас спросит о деятельности самого объединения (сами не начинайте), то напомните ему арест Княжевича, ответ мне Военного министра относительно того, что дело было начато по русскому доносу и попросите его посмотреть, кто подписал донос. Тогда ему картина о деятельности объединения будет ясно и без нас.

Очень прошу Вас ограничиться именно только тем, что я пишу. Но пойти надо Вам обязательно.

Относительно З.Н.⁷ думаю, что Вы роль Ш[ульгина] преувеличили, это отголосок того, о чем мы с Вами в свое время много говорили. Тогда у них подозрение, безусловно, было, конечно, оно было ни на чем не основано, а просто вытекало из непонятных для них причин пребывания З.Н. в Венгрии и получения средств на жизнь с Юга.

Прошу Вас, Владимир Алексеевич, во всей это истории сохранять как можно больше спокойствия, так как только реагирование Ваше на грязь может дать нашим друзьям справа кое-какое удовлетворение! Все это, конечно, гнусно, но, к сожалению, не ново! Повторяю, что я не придаю этому большого значения – это очередной блеф.

Читали Вы в «Новом времени» весь Ваш обзор, помещенный там, видимо, Чебышевым?

Почему Вы не прислали моих карточек? У меня израсходована последняя!

Жму Вашу руку.

[без подписи]

Примечания

¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 15. Л. 167–168. Машинопись, копия, русский.

² По всей вероятности, речь идет о ГЕРУЕ Александре Владимировиче (1870–1944), генерал-лейтенанте. Геруа в начале 1920-х был военным представителем Главнокомандующего в Румынии. Смотри вторую часть письма относительно Добжинского.

³ В данном письме Иловайский информировал А. фон Лампе о целом ряде местных интриг мелкого характера, об обвинении отдельных лиц в самозванстве, в шпионаже и т. д. В качестве главного инициатора этих происков, направленных против военного представительства Иловайский назвал генерала Б.В. Шульгина, и просил инструкции от своего начальника, как относиться к его деятельности (ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 15. Л. 162–166).

⁴ Речь идет о приказе № 84 А. фон Лампе от 4-го января 1924 г.

⁵ Смотри об этом дневниковую запись А. фон Лампе от 1–3 января 1924 г.

⁶ Д. – ДОБЖИНСКИЙ В.Б., полковник. Детали биографии выяснить не удалось. Добжинский приехал в Будапешт из Польши, связался с видными членами русской колонии в Венгрии. О нем ходили слухи, что он является офицером-самозванцем Литовского полка. Вскоре после отъезда из Венгрии

он был арестован в Румынии за шпионаж в пользу СССР. Судья по докладу Иловайского Добжинский уже в Будапеште обратил на себя внимание венгерской полиции.

⁷З.Н. – ЛУКОМСКАЯ-ОБОЛЕНСКАЯ Зинаида Николаевна, биографические данные не установлены.

71. Письмо А.А. фон Лампе графу К. Чаки¹

Бланк Воен[ного] П[редставител]я

Берлин, 4 мая 1924 г.

№0417

Ваше Превосходительство!

С марта 1921 года, состоя в должности русского Военного Представителя при Королевском Правительстве Венгрии, я пустил в Будапешт через мои руки около полутора тысяч русских военнослужащих.

Всеми мерами, доступными для нас, русских офицеров, лишенных родины и пользующихся гостеприимством Венгрии, я поддерживал среди этих лиц порядок и в результате добился того, что ликвидировал все недоразумения в их среде своими средствами.

Одним из таких средств, применяемых мною, было осуждение недостойных и бесчестных поступков, которые, к сожалению, неизбежны всюду, собрание офицеров, равных в звании лицу, проступок совершившему, то есть суд чести.

Таким путем за поступки, недостойные порядочного человека, был выкинут из среды остальных бывший русский полковник Исаев, ныне проживающий в Венгрии.

Мстя за свое осуждение, он, будучи в нетрезвом виде, напал в первый день Пасхи на достойного русского офицера, уже 2 года с честью носящего свое звание, полковника Лукина², который несет обязанности по заведыванию устроенным мною, при любезном содействии Министерства Государственной обороны, общегития.

Я не имею возможности обезвредить бывшего полковника Исаева моими средствами и поэтому, к сожалению, в первый раз

за три года, принужден просить содействия Королевского Министерства к изъятию из среды русских офицеров, живущих в Венгрии тяжелым физическим трудом, но не забывших о заветах чести и долга, полковника Исаева, как человека недостойного, который своим поведением является тяжестью для остальных и нарушает правила гостеприимства, оказанного всем нам Вашей родиной.

Прошу Ваше Превосходительство принять уверения в совершенном моем уважении

Генерального штаба Генерал-м[айор]

Его Превосходительству

Генералу графу Чаки

Королевскому Венгерскому Министру

Государственной обороны

Примечания

¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 15. Л. 229. Машинопись, копия, русский.

² Смотри об этом еще документ № 72 в приложении!

72. Запись А.А. фон Лампе о жизни русской колонии в Венгрии¹

Сводка № 1

*О положении офицерских союзов и жизни
остальной массы офицерства
к 15-му мая 1924-го года*

[...]²

II. ВЕНГРИЯ.

Жизнь русского офицерства в Венгрии почти всецело, за малыми исключениями, обнимается двумя союзами: «Союз русских офицеров в Королевстве Венгерском» и «Общество Галлиполийцев». Все офицеры-галлиполийцы входят в офицерский союз, что сильно сплачивает между собою обе организации.

«Союз офицеров» обнимает собою до 947 русского офицерства, находящегося в Венгрии, и только небольшая группа монархически настроенных «кирилловцев», принадлежащих к местному монархическому объединению, стоит в стороне от союза. Но надо признать, что эта группа, возглавляемая несколькими генералами (Данилов – бывший командир бригады в Крыму, до того кирасир Ее Величества, Хильченко – служивший у торгового агента в Константинополе, Шульгин – Преображенец) и полковниками (Хрипунов – Конной гвардии, Князь Оболенский – бывший ставропольский губернатор, Немцов – Ахтырец), в борьбе против союза и Военного Представительства работает очень энергично и совершенно не стесняется в средствах, до ложных доносов местным властям и клеветы в печати включительно!

Правление союза сконструировано мною несколько отлично от того, как это сделано в других союзах, то есть по принципу представительства от Военной миссии, казачьей станицы, галлиполийцев и т. п., что дает ему большую авторитетность.

Общей жизни, из-за отсутствия средств, мало. Средства – субсидия Командования в 250 франков в месяц и небольшие поступления от комитета Баронессы М.В. Розен³. Существует сапожная мастерская и небольшой обмундировальный капитал, созданный из отпусков Командования, общий с галлиполийцами.

Во главе союза стоял до последнего времени генерального штаба Генерал-Лейтенант Марушевский, который работал в полном единении с Военным Представительством и вел союз в духе и исполнении приказа № 82, что очень вооружало против него и союза группу «кириллистов». Ныне генерал Марушевский, также вследствие дороговизны жизни, принужден был уехать во Францию, и вопрос о председательстве очень обострился. Причина тому – сепаратизм немногих генералов, находящихся в Венгрии (кроме перечисленных – генерал Деникин, живущий в провинции, и отставной генерал-майор флота Шмидт, снятый мною в прошлых выборах с должности председателя союза)⁴, и недавнее дискредитирование Старшего Галлиполийца в Венгрии полковника Лукина, которого я предполагал провести в председатели союза.

«Общество Галлиполийцев» не представляет собою того, что понимается под именем союза. Это скрытый Технический и Ка-

зачий полки из Галлиполи, и во главе стоит назначенный Старший Галлиполиец, состоящий в полном подчинении Военному Представителю.

В первый день Пасхи произошел печальный случай, подкладки которого мне пока еще не удалось установить – исключенный по суду чести со службы галлиполиец полковник Исаев, мстя за свое осуждение, в пьяном виде ударил полковника Лукина.

Просьбу последнего о смещении его с должности я решительно отклонил, всемерно поддержал его морально и принял меры для ликвидации Исаева⁵. Но этот случай показывает, что эмигрантское разложение проникает уже и в такую сплоченную орду, какую представляют собой галлиполийцы. Провести полковника Лукина сейчас в председатели союза считаю невозможным, и вопрос решу по приезде моем в Будапешт.

Вне названных союзов жизнь офицерства в Венгрии протекает только в упомянутом выше Монархическом объединении.

Сводя все сказанное о союзах, надо признать, что союзы обнимают собою большинство в офицерской среде (в Венгрии почти всех), жизнь союзов сосредоточивается главным образом в Правлениях, которые в большинстве не только лояльны по отношению к Командованию, но и приняли приказ № 82 к исполнению, с теми или иными отступлениями по местной обстановке. Но все правления (мною перечислены четыре главных) союза страдают тем, что можно характеризовать как председательский кризис, и то обстоятельство, что это распространяется именно на все союзы, показывает неизбежность такого явления в связи с обстановкой – действительно, в современной обстановке найти председателя союза, авторитетного и в то же время так или иначе не втянутого в политическую борьбу, да к тому же хоть несколько материально обеспеченного, что давало бы ему возможность работать над союзом, весьма затруднительно. Видимо, контингент таких старших офицеров и генералов остался на месте пребывания Армии, а не перебрался в Европу.

Прекрасным решением вопроса было бы проведение в жизнь назначения председателей союзов из центра, но это неизбежно ставит на очередь вопрос относительно их материального обеспечения.

Другое же решение – возглавление союзов Военными Представителями – вредно отразилось бы на их положении, так как, выведя их деятельность как бы на арену общественности и ставя их во главе выборного правления, ставило бы их под удары ожесточенной критики противников применения приказа 82 – в большинстве, исповедующих монархические взгляды того или иного оттенка.

Что касается левых (демократических) офицерских организаций, то, кроме отмеченной сменовеховской группы в Берлине, таковых ни в Германии, ни в Венгрии пока не имеется.

Генерал-майор фон Лампе

Примечания

¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 15. Л. 208–210. Машинопись, копия, русский.

² Пропущена I-ая часть, сводка о Германии.

³ РОЗЕН Маргит Васильевна (урожд. графиня Баттьяни) (1868–1945), дочь венгерского аристократа, графа Ласло Баттьяни, в 1892 г. в Луцерне вышла замуж за барона Г.А. Розена (1848–1920), мать В.Г. Розена.

Речь идет о Местном отделе Комитета имени Баронессы Ольги Михайловны Врангель, во главе которого стояла баронесса М.В. Розен-Баттьяни. Ольга Михайловна ВРАНГЕЛЬ (урожд. Иваненко) (1883–1968) была известна в эмигрантской среде своей самоотверженной благотворительной деятельностью. Она добывала средства для помощи русским беженцам, принимала активное участие в учреждении больниц, школ, оказывала духовную и материальную поддержку нуждающимся.

Деятельность небольшого венгерского отделения и лично баронессы Розен сводилась к устройству благотворительных концертов, доход которых был передан в распоряжение военного представительства, обеспечению бесплатных обедов русским студентам венгерских вузов, помощью в размещении больных в венгерских больницах, содержанию амбулатории для жителей этапа и т. д. Существенную помощь оказала баронесса Розен и с тем, что она выхлопотала освобождения русских студентов от платы за обучения (ГА РФ. Ф. 5826. Оп. 1. Д. 10. Л. 119.; Д. 22. Л. 61; Ф. 5853. Оп. 1. Д. 15. Л. 215–220).

⁴ В рапорте от 21-го августа А. фон Лампе повторил Миллеру, что из оставшихся в Венгрии 7 генералов ни одного нельзя назначить председателем союза: «из них 4 непримиримо Кирилловского толка», «два одиозные для местного офицерства» а генерал Деникин уже отказался принять звание почетного члена союза офицеров в силу его подчиненности Врангелю (ГА РФ. Ф. 5826. Оп. 1. Д. 10. Л. 282–283).

⁵ Мотивы исключения Исаева из союза неизвестны. В этом конфликте и фон Лампе, и Иловайский всецело старались восстановить авторитет Лукина во главе общества галлиполийцев. Запретили ему вызвать Исаева на дуэль, считав поединок слишком рискованным. Запрет мотивировали тем, что осужденный судом чести Исаев неспособный к дуэли. Отказали Лукина и в просьбе освободить его от должностей, с тем, что в данный момент это было бы оценено победой Исаева и ему подобных. К этому А. фон Лампе прибавил, что через 3 месяца, когда все уже успокоится, он готов пойти на встречу пожеланию Лукина (ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 15. Л. 222–223, 224–225).

73. Письмо А.А. фон Лампе графу К. Чаки, венгерскому министру обороны¹

Ваше Превосходительство

20-го мая, когда я приехал из Берлина в Будапешт, помощник мой есаул Иловайский сделал мне доклад, который я вкратце имею честь сообщить Вам.

22-го апреля сего года к есаулу Иловайскому явился проживающий в Будапеште русский офицер, поручик Симонов и доложил ему, что, по его сведениям, в русской колонии Будапешта сфабрикован ряд фальшивых документов, имеющих целью дискредитировать в глазах Королевского Правительства вверенное мне русское Военное Представительство.

27-го апреля, вследствие требования моего помощника, поручик Симонов передал ему копии этих документов. Передача была сделана через полковника Лукина, который заведует русским общежитием, где проживает поручик Симонов.

28-го апреля помощник мой лично посетил начальника отделения «Д» Королевского Министерства Государственной Обороны и сообщил ему о всем мною выше изложенном, а через несколько дней передал ему же полученные от поручика Симонова документы. Для облегчения Королевскому Министерству ознакомления с документами был приложен перевод их на немецкий язык.

Я не предполагаю останавливаться на содержании этих документов, так как при прочтении их делается совершенно понятной

грубая и неумелая их подделка. Я отмечу только, что один из документов «квитанция» имеет дату 26 ноября 1923 года, и в этой квитанции я назван генералом. Из полковников в генералы я произведен неожиданно для себя приказом 15 декабря 1923 года².

2-го мая помощника моего просили прибыть в отделение Министерства в Гаддик-Казерне³.

Там, кроме него, были опрошены по всему вопросу о фальшивых документах полковник Лукин и поручик Симонов, причем последний заявил, что ничего о документах не знает и ничего есаулу Иловайскому через полковника Лукина не передавал.

23-го мая я вызвал к себе поручика Симонова и категорически предложил ему дать мне объяснения своего поведения во всех случаях. Офицер этот признался мне в следующем: фальшивые документы, имеющие цель дискредитировать в глазах венгерского правительства русскую военную миссию, вступившую в четвертый год своего существования в Венгрии, сфабрикованы лично им, поручиком Симоновым⁴. Сделал он это по наущению и под непосредственным руководством проживающего в Венгрии русского штабс-ротмистра Тер-Матеузова. Последний офицер подействовал на поручика Симонова уверениями в необходимости ликвидировать русское военное представительство в Венгрии, угрожал ему в случае отказа употребить свое большое влияние у венгерских властей против поручика Симонова. Подробности переговоров этих двух русских офицеров для меня не ясны, и заявления, сделанные мне поручиком Симоновым, я не проверял. Он выражал мне готовность подтвердить свое заявление перед венгерскими властями.

Свое поведение при опросе его в Гаддик-Казерне он объяснил мне боязнью несправного русского беженца иметь неприятности со стороны Королевского Министерства и просил теперь моей защиты.

Я допускаю возможность правильности ссылки поручика Симонова на роль штабс-ротмистра Тер-Матеузова, потому что: 1) я запретил штабс-ротмистру Тер-Матеузову пользование какими бы то ни было привилегиями перед другими русскими офицерами (приказал снять русскую военную форму и т. д.); 2) я категорически отверг неоднократно делаемое им мне предложение секретно освещать внутреннюю жизнь официальных венгерских

учреждений, в которых он якобы служит; 3) ознакомившись с его документами, я выразил определенное сомнение в его праве именовать себя офицером полка гвардейских улан Русской Императрицы, к которым он себя причислял; 4) ему было отлично известно, что я считал его по его поведению и образу жизни нежелательным членом русской колонии в Венгрии.

Целью моего настоящего письма к Вашему Превосходительству является желание дать Вам полное освещение того вопроса, который в мое отсутствие был возбужден моим помощником.

Считаю также долгом добавить, что задачами русского Военного Представительства в Венгрии является: 1) поддержание связи Русского Главного Командования с Королевским правительством Венгрии; 2) всемерное поддержание русских военнослужащих, выброшенных судьбой в Венгрию; 3) попутное ознакомление с деятельностью русских большевиков в Европе.

Я прошу Вас, Ваше Превосходительство, принять мои уверения в совершенном моем уважении

*Генерального штаба
Генерал-майор.*

*Его Превосходительству
Графу Чаки
Венгерскому Королевскому Министру
Государственной обороны*

Примечания

¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 15. Л. 182–184. Машинопись, копия, русский.

² Упомянутые документы действительно носили на себе характер грубой и неграмотной подделки. В ключевом абзаце от имени «курьера» пишется следующее: «Есаулу Иловайскому, Я только что приехал от генерала Лампе. Бумаги о вооружении венгерской армии были переданы в руки генерала. Французы очень довольны, так как такой точности в работе они не ожидали. Военный атташе кроме всего прочего обещал большое вознаграждение. Ему приказали удвоить бдительность, так как Ракоши сообщил о том, что за ним следят, он опасается ареста и поэтому все планы, чертежи и т. д. ему придется уничтожить». На документе стоит дата 26 ноября 1923 г. и расписка

«курьера» о том, что он получил от генерала фон Лампе 200 американских долларов (ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 15. Л. 180, обратный перевод с немецкого).

³ Правильно – Казарма Хадики находится в южной части Буды. Казарма носила имя известного венгерского полководца 18-го века, графа Андраша Хадики. В 1920–1930-е годы казарма служила центром 2-го (разведывательного и контрразведывательного) отделения венгерского генерального штаба.

⁴ Подчеркнуто в тексте от руки А. фон Лампе.

74. Письмо А.А. фон Лампе

Е.К. Миллеру¹

29 мая 1924 года

№ 0432

г. Будапешт

Его Превосходительству

Е.К. Миллеру

Ваше Превосходительство

Милостивый Государь Евгений Карлович,

Для характеристики обстановки, в которой происходит работа наших военных представителей за границей в данный момент, я считаю долгом донести Вам о моих наблюдениях, сделанных за последнее время почти одновременно в Германии и Венгрии.

Еще в апреле мне удалось обнаружить в Берлине некоторую повышенную внимательность к деятельности вверенного мне представительства со стороны местных властей.

Немедленно приняв меры, я выяснил, что рейхс-комиссариадом производится расследование о деятельности нашего военного представительства, причем в основу его положен донос неизвестного мне лица о том, что само представительство, как и все служащие в нем, существуют и работают на французские деньги и, конечно, за это работают против немцев и на французов. Удар наносился по самому больному для немцев месту.

В доходе фигурировали имена – моё, моих помощников по Германии и моего помощника по Венгрии и, наряду с ними, несколько фамилий совершенно фантастических.

Благодаря вовремя принятым мерам В.Г. Чижиковым и мною и полному содействию С.Д. Боткина, удалось объяснить немец-

ким властям всю нелепую тенденциозность доноса и отсутствие какой-либо связи военного представительства с французами².

У меня были данные подозревать в составлении доноса, если не прямо советских представителей, то группу русских офицеров, служащих в Берлине в советской разведке и благодаря мне не сумевших ни проехать во Францию, так как я им отказал в рекомендации нашему дипломатическому представителю, ни проникнуть в офицерский союз в Берлине.

Почти одновременно с этим я начал получать из Будапешта настоятельные просьбы как моего помощника есаула Иловайского, так и князя Волконского ускорить мой приезд в связи с вопросами, которые они оба не считали возможным доверить почте.

Приехав в Будапешт, я убедился, что вопрос идет почти о том же, о чем говорил донос в Германии, но на этот раз инспираторов доноса пришлось искать в совершенно противоположном политическом направлении.

Дело состояло в том, что один из маленьких офицеров, проживающих в Будапеште и состоящих членами местного монархического объединения (кириллистического направления), по-видимому, предавая своих доверителей, передал есаулу Иловайскому несколько копий поддельных документов по своему содержанию, долженствовавших доказать связь военного представительства в Венгрии с французами.

В виду непрестанной травли справа, опасаясь еще более острых выпадов, есаул Иловайский, к сожалению, не дождавшись моего приезда, передал эти копии и их немецкий перевод в Венгерское Военное Министерство.

Доносы в русской монархической среде в Венгрии не представляли собой новости, и даже два года тому назад по такому доносу венграми был арестован генерал Княжевич, освобожденный по моему и князя Волконского настоянию.

Но фабрикация документов прежде не практиковалась. Надо признаться, что документы эти были сделаны довольно грубо и, подобно документам софийским и геноузским, заключали в себе явные ошибки в датах.

При опросе в Военном Министерстве доносчик от всего отрекся, по-видимому, испугавшись ответственности, и тем создал ложное положение.

Приехав в Будапешт, я решил так или иначе положить этому конец.

Офицеру-доносчику, обещав ему защиту и, в крайнем случае, визу в Германию, я категорически предложил или объяснить мне, в чем дело, или считаться с тем, что я свое влияние и положение обращаю против него.

Выяснилось воистину интересное положение: по словам офицера, документы были сфабрикованы им совместно с личным секретарем Полномочного Представителя Августейшего Блюстителя Государева Престола в Венгрии Штабс-Ротмистра Тер-Матеузовым, с целью дискредитировать русское военное представительство в Венгрии, а при случае, добиться его закрытия, по видимому, с целью расчистить дорогу новому «военному представителю» Августейшего Блюстителя, ибо деятельность последнего в среде окружающих его 8-ми офицеров, конечно, мало кого удовлетворяет. Не могу не добавить, что Штабс-Ротмистр Тер-Матеузов в 1921 году служил в венгерской контрразведке и в моем лице всегда встречал отрицательное к нему отношение.

Его попытки предложить себя мне как агента я всегда отклонял, учитывая в нем провокатора.

Для того чтобы ликвидировать вопрос, я 28-го сего мая имел свидание с Военным Министром Венгрии и, лично подняв вопрос о документах, передал ему памятную записку, излагающую мой взгляд на дело. Однако в этой записке я нигде не упомянул о монархистах как таковых, не желая на глазах венгров демонстрировать нашу внутреннюю распрю.

Продумывая все сказанное, невольно напрашивается вывод, что деятельность против Армии с крайнего права и с крайнего лева почти совершенно совпадает, что, пожалуй, лишний раз доказывает правильность пути, по которому идет Армия.

Ввиду моего отъезда из Берлина, мне не удалось осуществить моего желания поставить последнюю точку на том вопросе путем личного свидания с одним из крупных членов местной администрации, что отложено на время моего возвращения обратно.

Не могу не отметить, что в обоих случаях кроме фамилий моих сотрудников упоминалась фамилия офицера, со мной никакой служебной связи не имеющего; наличие этой фамилии, как бы

ким властям всю нелепую тенденциозность доноса и отсутствие какой-либо связи военного представительства с французами².

У меня были данные подозревать в составлении доноса, если не прямо советских представителей, то группу русских офицеров, служащих в Берлине в советской разведке и благодаря мне не сумевших ни проехать во Францию, так как я им отказал в рекомендации нашему дипломатическому представителю, ни проникнуть в офицерский союз в Берлине.

Почти одновременно с этим я начал получать из Будапешта настоятельные просьбы как моего помощника есаула Иловайского, так и князя Волконского ускорить мой приезд в связи с вопросами, которые они оба не считали возможным доверить почте.

Приехав в Будапешт, я убедился, что вопрос идет почти о том же, о чем говорил донос в Германии, но на этот раз инспираторов доноса пришлось искать в совершенно противоположном политическом направлении.

Дело состояло в том, что один из маленьких офицеров, проживающих в Будапеште и состоящих членами местного монархического объединения (кириллистического направления), по-видимому, предавая своих доверителей, передал есаулу Иловайскому несколько копий поддельных документов по своему содержанию, долженствовавших доказать связь военного представительства в Венгрии с французами.

В виду непрестанной травли справа, опасаясь еще более острых выпадов, есаул Иловайский, к сожалению, не дождавшись моего приезда, передал эти копии и их немецкий перевод в Венгерское Военное Министерство.

Доносы в русской монархической среде в Венгрии не представляли собой новости, и даже два года тому назад по такому доносу венграми был арестован генерал Княжевич, освобожденный по моему и князя Волконского настоянию.

Но фабрикация документов прежде не практиковалась. Надо признаться, что документы эти были сделаны довольно грубо и, подобно документам софийским и генуэзским, заключали в себе явные ошибки в датах.

При опросе в Военном Министерстве доносчик от всего отрекся, по-видимому, испугавшись ответственности, и тем создал ложное положение.

Приехав в Будапешт, я решил так или иначе положить этому конец.

Офицеру-доносчику, обещав ему защиту и, в крайнем случае, визу в Германию, я категорически предложил или объяснить мне, в чем дело, или считаться с тем, что я свое влияние и положение обращаю против него.

Выяснилось воистину интересное положение: по словам офицера, документы были сфабрикованы им совместно с личным секретарем Полномочного Представителя Августейшего Блюстителя Государева Престола в Венгрии Штабс-Ротмистра Тер-Матеузовым, с целью дискредитировать русское военное представительство в Венгрии, а при случае, добиться его закрытия, по видимому, с целью расчистить дорогу новому «военному представителю» Августейшего Блюстителя, ибо деятельность последнего в среде окружающих его 8-ми офицеров, конечно, мало кого удовлетворяет. Не могу не добавить, что Штабс-Ротмистр Тер-Матеузов в 1921 году служил в венгерской контрразведке и в моем лице всегда встречал отрицательное к нему отношение.

Его попытки предложить себя мне как агента я всегда отклонял, учитывая в нем провокатора.

Для того чтобы ликвидировать вопрос, я 28-го сего мая имел свидание с Военным Министром Венгрии и, лично подняв вопрос о документах, передал ему памятную записку, излагающую мой взгляд на дело. Однако в этой записке я нигде не упомянул о монархистах как таковых, не желая на глазах венгров демонстрировать нашу внутреннюю распрю.

Продумывая все сказанное, невольно напрашивается вывод, что деятельность против Армии с крайнего права и с крайнего лева почти совершенно совпадает, что, пожалуй, лишний раз доказывает правильность пути, по которому идет Армия.

Ввиду моего отъезда из Берлина, мне не удалось осуществить моего желания поставить последнюю точку на том вопросе путем личного свидания с одним из крупных членов местной администрации, что отложено на время моего возвращения обратно.

Не могу не отметить, что в обоих случаях кроме фамилий моих сотрудников упоминалась фамилия офицера, со мной никакой служебной связи не имеющего; наличие этой фамилии, как бы

связывающей оба выпада против представительств Армии, может навести на совершенно новый вывод, т. е., что в обоих случаях совершенно разными политическими группировками руководила одна и та же воля.

Однако пока это только область моих личных предположений, проверить которую весьма трудно.

Уважающий Вас

Примечания

¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 15. Л. 196–199. Машинопись, копия, русский.

² Смотри об этом дневниковую запись А. фон Лампе от 28 июня 1926 г. и комментарии к ней!

Биографические данные ЧИЖИКОВА В. Г. не установлены.

75. Письмо А.А. фон Лампе графу К. Чаки¹

Будапешт, 31 мая 1924 года

№ 0434

Ваше Превосходительство

В дополнение к письму моему от 27-го сего мая за № 0430, которое я имел честь передать Вам лично, я позволяю себе представить Вам полное письменное показание русского офицера поручика Симонова.

Показание это я представляю в подлиннике без перевода его на немецкий язык, как меня о том и просит поручик Симонов.

Я считаю долгом довести до сведения Вашего Превосходительства, что я не имею никаких возражений на случай, если бы Королевское Правительство предполагало принять какие-либо карательные меры против русских офицеров Тер-Матеузова и Симонова, так как считаю, что они нарушили оказанное им в Венгрии гостеприимство тем, что старались ввести в заблуждение венгерские власти.

Однако, принимая во внимание чистосердечное раскаяние поручика Симонова и его стремление загладить свой поступок, я позволяю себе просить о снисхождении к нему.

Прошу Ваше Превосходительство принять уверения в совершенном моем уважении.

*Генерального Штаба
Генерал-Майор Л*

*Его Сиятельству
Графу Чаки
Венгерскому Королевскому министру
Государственной обороны*

Примечания

¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 15. Л. 185. Машинопись, копия, русский.

76. Показание подпоручика

Г. Симонова¹

Подпоручик Симонов

29 мая 1924 года

Буда-Пешт

Показание

Приблизительно за три недели до Пасхи мне было предписано секретарем Представителя А[вгустейшего] Б[люстителя] Г[осударева] П[рестола] Штабс-Ротмистром Тер-Матеузовым написать ряд документов им продиктованных, которые должны были быть направлены неизвестным мне путем в Венгерский ген[еральный] штаб. Цель такого рода действия было дискредитировать Русскую Военную Миссию и, по словам штабс-ротмистра Тер-Матеузова добиться его закрытия.

На мой вопрос, почему он сам не напишет, штабс-ротмистр Тер-Матеузов ответил, что его почерк слишком хорошо известен

в Военном министерстве, ибо он там служил в прошлом году и что это слишком рискованно, он же мне посоветовал изменить свой почерк, как он выразился, «на всякий случай». Я состоял членом Р[усского] М[онархического] О[бъединения] в Венгрии и в силу партийной дисциплины должен был делать, что он мне говорил.

Означенные документы были мною написаны и переданы [штабс-]ротмистру Тер-Матеузову у него на квартире, без свидетелей. После этого подумав над тем, что я сделал, я пришел к выводу, что если Миссию закроют, то потерпят неприятности только офицеры, которым и без того жить тяжело и что мой поступок безусловно не честен.

Я решил написать об этом помощнику Военного Представителя, дабы как-нибудь поправить совершенный мною некрасивый и бесчестный поступок. Копию документов, которые я запомнил, я послал есаулу Иловайскому. Когда меня вызвали в Военное министерство, я не сказал правды и отказался от участия в этом деле.

Настоящим заявляю, что дело обстояло так, как говорили есаул Иловайский и полковник Лукин, и как изложены мною выше.

В означенных документах, которые я послал есаулу Иловайскому упоминается фамилия Ракоши. Когда [штабс-]ротмистр [Тер-]Матеузов диктовал мне их [так в тексте], я спросил: «кто такой Ракоши?» Он мне ответил, что это серб и сербский шпион и что Венгерское Военное Министерство будет радо предлогу его выслать из Венгрии. Ничего не зная, я поверил.

Когда прибыл генерал Лампе, я был вызван им и в разговоре об этом деле я узнал, что Ракоши это офицер венгерской службы. Я был страшно удивлен, ибо слышал это первый раз и мне совершенно непонятно, почему штабс-ротмистр Тер-Матеузов счел для себя возможным впутывать офицера венгерской службы в русские дела, офицера страны, которая нам оказала приют и вести против него интриги.

Не желая играть роли, которая мне непонятна и быть орудием в руках [штабс-]ротмистра Тер-Матеузова для каких-то целей, я написал все, что знаю об этом деле не считаясь с причинами, заставившими меня молчать и говорить неправду на допросе в венгерском Военном министерстве².

Мои показания подтверждаю, если меня вызовут на допрос, лично.

*Подписал: подпоручик Георгий Симонов
С подлинным верно: есаул*

Примечания

¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 15. Л. 189–190. Машинопись, копия, русский.

² Показание Симонова, хотя оно отражает действительное положение дел, по всей вероятности, было написано под диктовку А. фон Лампе. На это указывают некоторые выражения и выводы в тексте: например, что от закрытия миссии пострадают только офицеры, и ссылка на Ракоши, как на «офицера страны, которая оказала нам приют». Вовлечение в это дело подполковника Дьердя Ракоши, и клевета на него были на руку А. фон Лампе. Он мог надеяться, что Военное министерство и генеральный штаб предпримут решительные меры против Тер-Матеузова. Но у последнего тоже нашлись влиятельные защитники в министерстве внутренних дел (Смотри об этом еще дневниковую запись А. фон Лампе от 30–31 мая 1924 г. и комментарии к ней).

77. Письмо Е.К. Миллера

А.А. фон Лампе¹

Генерал-лейтенант Миллер

27 июня 1924 года

№ 1157/а

Г. Париж

Милостивый Государь

Алексей Александрович,

Мною получен Ваш рапорт № 2880 от 17-го июня сего года². Прежде, чем представлять его Главнокомандующему, я не могу не поделиться с Вами возникшими у меня сомнениями.

1) Принципиальный вопрос – о замене выборного председателя председателем по назначению³.

Несмотря на всю желательность, с военной точки зрения, подобного порядка, я не уверен, что включение в устав Союза пункта о том, что председатель не выбирается, а назначается, будет приемлемо для Венгерского Правительства. Мне кажется, что ни одно правительство вообще не утвердит такого устава, тем

более что лицо, назначающее председателя, находится вне пределов данной страны⁴. Проведение такого решения в жизнь, следовательно, не путем изменения устава, а лишь неофициально, т. е. а) или путем особого постановления общего собрания, не вносимого в самый устав и представляемого на утверждение Главнокомандующего, или б) путем внесения в устав секретного пункта, также утверждаемого Главнокомандующим. Утверждение постановления общего собрания (п. I.) требуется потому, что в ином случае нет гарантий, что следующее общее собрание не отменит этого своего решения, от чего пострадает и Ваш авторитет, как Военного Представителя, и авторитет самого Главнокомандующего.

2) Невыгоды совмещения должности Военного Представителя с должностью председателя союза.

Совмещение должности Военного Представителя с должностью председателя союза представляет вообще некоторые неудобства, вытекающие из характера организации всей работы в союзе, построенном на добровольном начале, обсуждения деятельности председателя, а следовательно и критика его действий, неизбежна всегда. Правда, выборы Председателя Главнокомандующего на должность председателя союза, выявляя тем самым доверие ему со стороны бывших военнослужащих, проживающих в данной стране, компенсирует до некоторой степени тем самым указанную отрицательную сторону этого положения, но если Представитель Главнокомандующего будет назначенным председателем, то эта стороны вопроса выступает особенно резко, так как неизбежная критика его действий затрагивая его престиж как Военного представителя, косвенно затронет также и Главнокомандующего, назначившего его таковым.

3) Вопрос частный – неудобство совмещения этих двух должностей в Будапеште.

Ввиду Вашего отсутствия из Будапешта, фактически исполнять должность председателя союза будет вице-председатель Союза, т. е. лицо выборное. Здесь я тоже не вижу гарантии, что в случае возникновения каких-либо недоразумений между Вами и вице-председателем (фактическим руководителем союза) не пострадает снова авторитет и Ваш и Главнокомандующего.

Допустим, что вице председатель возьмет неправильную, с Вашей точки зрения, линию поведения в каком-либо вопросе.

К кому Вы будете апеллировать? К Главнокомандующему? Но Главнокомандующий не может сменить выборное лицо. У Вас, следовательно, будет два пути – или отказаться от председательствования, дабы не нести ответственности за неправильные действия, или апеллировать к общему собранию. И в том, и в другом случае будет страдать авторитет Главнокомандующего. Вопрос этот приобретает особое значение еще и потому, что Вы бываете в Венгрии лишь наездом, между тем личный состав союза может в ближайшем будущем измениться и сказать заранее, какие настроения будут господствовать в следующем общем собрании – мы не можем.

Избежать всех этих непредвиденных коллизий возможно лишь при одном условии, а именно: вице-председатель, заменяющий Вас, должен не избираться, а назначаться Вами. В этом случае, найдя действия вице-председателя неправильными, Вы его заменяете другим лицом. Я не знаю, насколько последнее мое предложение осуществимо у Вас в данный момент, а между тем только при наличии такого дополнения в протоколе может быть уверенность в отсутствии последующих недоразумений. Нельзя также не учесть и ближайшего будущего Военного Представительства. Если Вы теперь лично и не находитесь в Будапеште, то имеете своего помощника и, таким образом, всегда бываете в курсе всей жизни союза, и можете так или иначе влиять на нее. С 1925 года нужно ожидать, если не полного закрытия, то настолько значительные сокращения, что Ваша дальнейшая работа будет протекать в совершенно иных условиях. Не имея своего глаза в Будапеште, Вы, следовательно, не будете иметь возможности влиять на жизнь союза, Ваше председательствование будет фикцией. Жизнь союза пойдет мимо Вас.

На все эти мои соображения прошу смотреть отнюдь не на отказ в Вашем ходатайстве, а как на откровенное изложение возникших у меня сомнений, по которым я прошу Вас возможно скорее прислать Ваше заключение. Вопрос более чем серьезный и нужна большая осторожность, прежде чем принять окончательное решение.

В дополнение к изложенному не могу не отметить неясности редакции вынесенного постановления. Последнее, говоря об изменении принципа (назначение – вместо выбора), одновременно с этим «выбирает» Вас, и ходатайствует об утверждении в этой

должности, т. е. другими словами само аннулирует свое же постановление. Вполне очевидно, что здесь два совершенно разных вопроса, почему и представлять их, мне кажется, следовало бы отдельно, а не смешивать в одном пункте протокола⁵.

Уважающий Вас Миллер

Примечания

¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 16. Л. 144–147. Машинопись, оригинал, русский. На документе имеются неразборчивые пометки Алексея фон Лампе.

² В упомянутом рапорте А. фон Лампе довел до сведения генерала Миллера решение общего собрания 8-го июня Союза Русских Офицеров в Королевстве Венгрии с просьбой к Врангелю о назначении А. фон Лампе председателем союза (ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 16. Л. 143).

³ Подчеркнуто пишущей машиной в оригинале.

⁴ У этой части имеется помета от руки А. фон Лампе: «Это отпадает». У других абзацев комментарии А. фон Лампе не читаются.

⁵ Раскритикованная Миллером часть в постановлении гласила: «Ввиду того, что выборное начало не соответствует самосознанию офицеров, военной дисциплине и традициям Армии, мы, офицеры, члены Союза Русских Офицеров в Королевстве Венгерском просим Ваше Превосходительство принять на себя звание Председателя Союза Русских Офицеров в Королевстве Венгерском, и возбудить перед Главнокомандующим соответствующее ходатайство об утверждении Вас в этом звании по назначению Главнокомандующего» (ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 16. Л. 143).

78. Письмо А.А. фон Лампе Е.К. Миллеру¹

30 июня 1924 г.

Конфиденциально

№ 0443

Г. Берлин

На № 1157/a

Ваше Превосходительство
Милостивый Государь
Евгений Карлович

Спешу ответить на Ваше письмо.

Вопрос о том, чтобы должность председателя офицерского союза в Венгрии была замещена мною, поднимался там задолго до моей последней поездки и никогда не встречал сочувствия с моей стороны. Во-первых, я считал его фикцией, а во-вторых, я не мог согласиться на замещение должности по выбору, так как тем самым подставлял себя под удар со стороны любого члена союза.

Именно в таком настроении я и приехал в Будапешт и так готовился формулировать мой отказ и решил подготовить в председатели союза Старшего Галлиполийца, полковника Лукина, несмотря на то, что с ним случилось во время моего отсутствия.

Однако в Будапеште я получил частное письмо от П.А. [Ку-сонского], в котором, между прочим стояло следующее: «... нельзя ли было бы... устроить так, чтобы сами офицеры просили Г[лавногокомандую]щего о том, чтобы раз и навсегда расстаться с проклятым выборным началом и перейти к присущему военному принципу назначению, причем просить назначить именно тебя, военного представителя, как совершенно естественного председателя союза»².

Из этого письма я усмотрел, что мне приходится поступиться моим личным взглядом, и провести в жизнь то, что П. Н-ч [Врангель], по-видимому, считает почему-то нужным... перед своим отъездом я все подготовил, что было тем более не трудно, что, как я и писал, эта мысль давно родилась в Будапеште. Выборы состоялись во время моего пребывания в Югославии.

Теперь, после того, как я обрисовал обстановку, разрешите ответить на Ваше письмо по пунктам.

1) Устав союза, представленный мною еще в 1921 году³ на утверждение Венгерского Военного Министерства, при медлительности венгров и их постоянной оглядке на репарационную комиссию (как ни странно, но и это их останавливало), так никогда и не был утвержден венгерскими властями. Бывший военный министр, генерал Беличка (ныне посол в Польше) прямо сказал мне, что пусть союз живет без официальной санкции со стороны венгерских властей, и что он признает все русские военные организации в Венгрии до тех пор, пока я за них беру на себя ответственность.

Таким образом, в уставе препятствий не будет.

Новый военный министр, граф Чаки, с которым я говорил относительно союза Галлиполийцев и станицы в мой последний приезд [так в тексте], реагировал на все очень слабо, так как мы, по-видимому, интересуем его мало, но против существования военных организаций ничего не возражал. Таким образом союз существует явочным порядком по уставу, утвержденному мною от имени Г[лавногокомандую]щего! Конечно, это возможно только в Венгрии!⁴

2) Совершенно согласен. Это наиболее болезненный пункт вопроса. Я его стараюсь парализовать тем, что предложил моему помощнику провести в ныне перерабатываемом уставе пункт о том, что постановления общего собрания входят в силу по утверждении их председателем. Разногласия же вообще поступают на усмотрение Главногокомандующего.

3) Тоже не имею возражений. Этот вопрос я стараюсь парализовать тем, что вице-председатель утверждается мною. Надо полагать, что такое изменение устава тоже пройдет. Назначать его мне трудно, так как все же, несмотря на сделанное постановление об отказе от выборного начала, надо для него хоть что-либо оставить – это противоречие, но жизненно неизбежное.

В данном частном случае вице-председатель в руках потому, что часть содержания его, ранее отчислившегося общим собранием – я передаю ему в конфиденциальном порядке, что делает его независимым от общего собрания, так как официально он отказывается от содержания. В этом случае выдача союзу в Венгрии только на 50 франков больше, чем сейчас, очень бы облегчила мою задачу.

Можно попробовать провести также и назначение вице-председателя мною, на проведение этого, несмотря на все мною высказанного, также есть шансы, так как среди членов союза есть группа этому сочувствующая.

Что касается постановления, то оно отредактировано, конечно, не совсем ясно и с некоторой долей противоречия. Но с ним пришлось, конечно, считаться как с совершившимся фактом, что не трудно, так как в конечном результате оно говорит о назначении.

В случае ликвидации моей канцелярии в Будапеште – конечно, придется ликвидировать и мое фиктивное председательствование в союзе, так как, если это возможно при наличии в Венгрии моего помощника, то это совершенно невозможно, если его там не будет.

В заключение вновь могу только доложить, что мне лично такое решение нравится⁵, но я считался с необходимостью провести его в жизнь, так как мне кажется, что Г[лавногокомандую]щему желательно это для использования в качестве примера для других.

Я же лично неоднократно докладывал Главнокомандующему и Вам, что вообще не могу согласиться с тем значением, которое придается офицерским союзам, так как считаю их всюду только фикцией, а венгерский союз, как состоящий почти исключительно из Галлиполийцев, имеющих там же свое «Общество» (полк), фикцией еще больше, чем остальные.

Уважающий Вас: [без подписи]

Примечания

¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 16. Л. 148–150об. Машинопись, копия, русский.

² ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 16. Л. 94–94об.

³ Правильно в 1922-м. Смотри об этом документ № 28 в приложении.

⁴ История с уставами свидетельствует о медлительности и некоторой халатности венгерской бюрократии в этом вопросе. В марте 1921 г. генерал Глазенап представил свой проект устава на утверждение в Министерство обороны. В октябре 1922 г. генералом Шмидтом был представлен новый текст устава от воссозданного Алексеем фон Лампе офицерского союза. Устав Глазенапа еще в 1921 г. был переслан в Министерство внутренних дел, чтобы узнать мнение последнего. То же самое было сделано позже и с проектом Шмидта. Из Министерства внутренних дел «ответ» пришел 7 февраля 1923 г. (!) В нем спрашивали, идет ли речь о двух вариантах устава одного и того же союза, или эти две разные организации, и в итоге каким из этих двух проектов им следует по сути дела заниматься. Путем длинной переписки к марту 1923 г. в обоих министерствах пришли к выводу, что поскольку русские эмигрантские организации потеряли свой контрреволюционный характер и становились очагами панславизма, существование какого бы то ни было офицерского союза в Венгрии является нежелательным с точки зрения

безопасности страны. Поэтому было решено «просьбу Шмидта» отклонить (HL 1923 VKF микрофильм В/171. пленка 3758/1987 № 12.370 Л. 622–623). Но об этом официально ни Шмидта, ни Алексея фон Лампе не уведомили, на расформировании союза перед ними не настаивали, никаких конкретных шагов к его запрету не делали.

⁵ На основе контекста можно предполагать, что фон Лампе на самом деле хотел писать, что ему данное решение *не нравится*.

79. Письмо А.А. фон Лампе

Е.К. Миллеру¹

10 июля 1924 года

№0454

Г. Берлин

Его Превосходительству Е.К. Миллеру

(Копия ген. П.А. Кусонскому)

Ваше Превосходительство

Милостивый Государ

Евгений Карлович

Во время моей последней служебной поездки в Будапешт я имел длительный разговор с нашим дипломатическим представителем Кн. П.П. Волконским по поводу возможных изменений в Русском Представительстве в Венгрии.

Представительство это было в 1921 году сконструировано нашим добрым с ним соглашением перед лицом Венгерских властей, причем он фигурировал в роли посла, я же – Военного Агента. Такая организация была, по моему донесению, одобрена Главнокомандующим и состояла в списке дипломатического корпуса в Венгрии до 1-го января 1924 года.

Невключение ее в список на текущий год заставляло князя Волконского и меня предусмотреть возможность необходимости пойти на известное изменение, причем предварительно оба мы имели доклады по начальству т. к. весной почти одновременно были в Париже. Со стороны Гирса Кн. Волконский еще в мае не получил никаких угрожающих предупреждений.

Учитывая наше не включение в список как прелюдию возможности появления в Венгрии советских представителей в том

или ином виде, мы совместно с князем Волконским и представителем Красного Креста В.В. Малама выработали проект перехода на «Делегацию» со следующей структурой: глава делегации и отдела Дипломатически-Консульского Кн. Волконский с секретарем, капитаном бароном Розеном, отдел Гуманитарный – В.В. Малама с секретарем и отдел Военный – я с моим помощником. Заявление в министерство иностранных дел было нами заготовлено, подписано и передано Кн. Волконскому для подачи в случае сгущения атмосферы.

Атмосфера сгустилась совершенно неожиданно и не со стороны венгров, как то ожидалось, а, как это и всегда бывает, со стороны русских и не красных, а белых.

Совершенно неожиданно для себя, 5-го июля Кн. Волконский получил от М.Н. Гирса письмо, в котором тот, сохраняя за князем все полномочия, сообщал ему, что с 1-го августа прекращает высылку денег на содержание миссии. По-видимому, в Париже предполагали, что Кн. Волконский настолько прочно пустил корни в Венгрии, что в дальнейшем может работать без содержания, ради положения. Однако это было ошибкой и Князь, вследствие венгерской дороговизны, которая еще увеличится со стабилизацией кроны, принужден ликвидировать свои дела и вероятно осенью покинет Венгрию.

Таким образом, внезапно и остро встал вопрос о дальнейшем.

Мой помощник, донеся мне об обстановке и некоторых предположениях, сообщил мне, что до получения моего ответа все остается без перемен и главными вопросами, на которые меня просят спешно ответить, являются: дальнейшее существование представительства и вопрос о личном возглавлении Делегации, если будет решено к ней перейти.

Тщательно продумав всю обстановку я пришел к заключению, что возглавить Делегацию я мог бы только живя в Будапеште и то с большим трудом по техническим и материальным сторонам вопроса.

Поэтому я сегодня уведомил князя Волконского, что мое решение таково: я прошу его повременить с личной ликвидацией и теперь же дать ход тому проекту об учреждении «Делегации», о котором я упомянул выше, т. е. провести переход к новому положению не уведомляя о своем уходе и только после того, как все

уляжется, вновь войти в сношение с венграми о передаче возглавления Делегации господину Малама, к которому должны перейти и консульские функции. Такое положение, казалось бы, является единственным выходом, мало изменяющим существующую организацию, но в этом деле имеется одно крупное «но», к которому я и перехожу.

В.В. Малама, помимо того, что он является уполномоченным Красного Креста в Венгрии, уже 4 года стоит во главе Комитета русской колонии в Будапеште. До назначения Кн. Волконского комитет работал довольно интенсивно и исполнял консульские функции, работая в полном контакте со мной.

За последние три года комитет замер в своей деятельности, но теперь в так называемых «Кирилловских» кругах появилось стремление использовать эту организацию для себя и на предстоящих в июле выборах провести в председатели комитета едва ли не генерала Шульгина («Военного Представителя Блюстителя Престола»). Для парализования этой авантюры я отдал соответствующее распоряжение Галлиполийцам, голоса которых могут решить вопрос и во главе колонии, возможно, что останется Малама².

В моем письме Кн. Волконскому я настаиваю, чтобы В.В. Малама был проведен в начальники Делегации отнюдь не из председателей колонии, что повело бы в будущем к бесконечным осложнениям, а из начальников отдела Делегации, возглавляемой Кн. Волконским.

Для окончательной характеристики обстановки должен сказать, что прекращение деятельности Кн. Волконского несомненно отзовется отрицательно на нашем деле и до крайности затруднит деятельность моего помощника. Объясняется это тем, что В.В. Малама, если он будет возглавлять Делегацию, представит собою далеко не то для нас, что представлял Кн. Волконский, т. к. по своему характеру он подвержен влиянию, в том числе и «кирилловскому», которому он до сего времени противился, но сможет ли противиться и в будущем, когда они, несомненно, усилятся, не знаю³.

Только наличие в Венгрии Галлиполийцев (которые стремятся во Францию) и известные Вам планы Главнокомандующего заставляют меня не поднимать сейчас вопроса об одновременном

с дипломатическим представительством закрытии и представительства военного.

Настоящим письмом я прошу, в случае несогласия командования в той или иной мере с моими решениями, спешно указать мне, в чем мне надлежит их изменить. Для выигрыша времени в сношениях Ваших со штабом копию с настоящего письма одновременно с сим я направляю генералу П.А. Кусонскому.

Я не могу не упомянуть о том, что я предвижу сейчас в Будапеште довольно интенсивные интриги справа, парализовать которые моему помощнику и уходящему Кн. Волконскому будет трудно. В данном случае мое присутствие в Будапеште принесло бы пользу, но я останавливаюсь перед значительными расходами на поездку, особенно после только что закончившейся моей служебной поездки туда же.

Прошу Вас принять уверение в глубоком моем уважении и таковой же преданности.

ф. Л.

Примечания

¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 16. Л. 151–154. Машинопись, копия, русский.

² В эти дни колония уже готовилась к предстоящим, очередным выборам. На пост председателя против В.В. Малама «кириллицы» выдвинули своего кандидата в лице князя Д.П. Голицына-Муравлина. А. фон Лампе пришлось мобилизовать все силы против этого плана. Через полковника Лукина написал «галлиполийцам», что они все должны присутствовать на выборном заседании и сплотить их голоса в интересах того, чтобы В.В. Малама был вновь переизбран и правление колонии состоялось из надежных лиц (ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 16. Л. 188). Старания А. фон Лампе увенчались полным успехом благодаря перевесу в численности «галлиполийцев». Их голосами удалось добиться не только переизбрания В.В. Малама, но в комитет колонии из 4-х членов вошли без исключения лояльные командованию лица, кроме барона В.Г. Розена еще три офицера-галлиполийца. В конце собрания было решено отправить приветственную телеграмму великому князю Николаю Николаевичу от имени русской колонии в Венгрии. Об итогах выборов Алексеем фон Лампе были размещены статьи в эмигрантских газетах «Новое время» и «Руль» (ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 16. Л. 187).

³ Для предотвращения нежелательного постороннего влияния на Малама, фон Лампе предложил своему помощнику, Иловойскому «взять его под кон-

троль» путем переселения его ведомства в помещение канцелярии военного представительства. Во всех вопросах, особенно в касающихся военных Иловайский должен был поступать хотя и в согласии с Малама, но самостоятельно и без подчинения ему (ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 16. Л. 185–186). Как показали дальнейшие события, опасения А. фон Лампе были излишними. С 1925 г. Малама становится одним из главных объектов нападков кирилловцев, и в этой борьбе он без колебания защищал интересы «николаевской-врангелевской» части эмиграции.

80. Письмо А.А. фон Лампе князю П.П. Волконскому¹

10 июля 1924 года

Срочно

№0455

Г. Берлин

Многоуважаемый и дорогой Петр Петрович!

Сегодня, с получением от В.А. Иловайского его № 3 и полученных вчера проектов, написанных Вашей рукой, обстановка стала для меня значительно ясней и поэтому я, в дополнение к тому, что я Вам писал в № 448 и на замену того, что я писал Иловайскому в № 452, хочу поделиться с Вами, и чтобы не повторяться, в Вашем лице с Владимиром Владимировичем и Влад[имиром] Алексеев[ичем]², моими мыслями по поводу разрешения, создавшегося в Будапеште вопроса, т. к. приехать сейчас лично, несмотря на сознаваемую мною важность вопроса, мне очень трудно.

Не могу еще раз не остановиться на том, что все это меня чрезвычайно огорчает, и я от всей души сочувствую тому положению, в которое поставил Вас Париж. Чрезвычайно грустно сознавать, что налаженное нами вдвоем бытие «Русской Миссии» так внезапно рушится. Решение вопроса я лично вижу только в том «тройственном согласии», которое создавалось в лице Вашем, В.В. Малама и мне (В.А. Иловайский) и которое не могли разрушить Голицын-Муравлин и прочая нечисть.

Относительно Парижа не могу, естественной мне несдержанностью не отметить, что, по-видимому, он просто решил, что Вы настолько прочно обосновались в Будапеште, что будете в даль-

нейшем продолжать работать без ассигнаций. По крайней мере, сделанные Парижем сокращения ассигнования на Берлин смехотворно малы.

В Будапеште обстановка данного момента мне представляется в виде необходимости решения двух вопросов: 1) в виду возможного Вашего отъезда и невозможности замены Вас как дипломатического представителя – безотлагательного перехода на «Делегацию», и 2) После окончательного завершения этого перехода решения вопроса о новом возглавлении Делегации.

Техника перехода на Делегацию Вами уже решена и мне кажется, что ее не следует откладывать, оставив предложенную нами структуру ее в 3 отделах: дипломатически-консульский (Вы), гуманитарный (В.В.) и военный (я). Помощники – все те, кто был до сих пор, плюс Самсонов³. Я очень надеюсь, что Вы лично не так еще скоро покончите с Будапештом и поэтому задержка, которая неизбежно произойдет, не нарушит Ваших интересов. Одновременный же переход на «Делегацию» и на новое возглавление ей, при медленности понимания хозяев и интенсивности интриг справа – может, как мне кажется, испортить так хорошо налаженное всеми нами дело.

Что касается второго вопроса, или вернее второй его части, то его необходимо проводить в жизнь только после того, как уляжется болото после волнений, связанных с частью первой, т. е. перехода на «Делегацию».

В вопросе возглавления я лично стою на моей прежней точке зрения.

Приехав в 1921 году в Будапешт я высказывал М.Н. Приклонскому⁴ и В.В. Малама мое полное нежелание вмешиваться в гражданскую часть жизни колонии и мое искреннее стремление помочь в этом отношении, чем могу. Приклонский мне не поверил, а Влад. Владим. поверил, и это легло в основу наших добрых отношений с ним еще до Вашего приезда.

Тоже я думаю и сейчас. Я не могу возглавить «Делегацию» не только потому, что нахожусь постоянно вне Будапешта, но и потому, что это не мое дело и моя сфера – вопросы о военнослужащих. Поэтому я считаю, что единственным возглавителем Делегации после Вас является, конечно, В.В. Малама. О таком моем взгляде я доношу, конечно, моему начальству и думаю, что возражений оттуда не получу.

Но, мне кажется, что возглавителем Делегации Влад. Влад. должен в собственных интересах и интересах дела стать не из уполномоченных Красного Креста и тем более не из выборного председателя колонии, а непременно из начальника отдела Делегации. Мне кажется, что это тактически правильнее и этим пренебрегать не следует.

Относительно возглавления комитета колонии Влад. Влад. Это, несомненно, желательно и я отдал уже соответственное приказание о поддержке его кандидатуры, но нельзя возглавлять Делегацию, основываясь на том, что В. В. будет выбран председателем колонии. Если это будет так, то будущее ясно, новые выборы при разъехавшихся Галлиполийцах, могут в будущем провести в главу колонии лицо нежелательное, и оно, конечно, будет претендовать также и на возглавление Делегации.

Таким образом представляется мне обстановка и одно только для меня неясно: на какие средства будет работать Делегация в новом составе. Я, конечно, говорю об отделе консульском, т. к. на гуманитарный есть у Влад. Влад., а на военный — у меня.

Технически я считал бы правильным Делегацию оставить в наших теперешних помещениях или в тех, куда нас переведут, и отделы консульский и гуманитарный, но отнюдь не комитет колонии, поместить в Вашей комнате. Тогда, как это и всегда бывает, все пойдет естественно и гладко.

Возглавляемый мною Военный Отдел, сохраняя для общей пользы дела это название, в своей деятельности должен пользоваться прежней самостоятельностью и правом непосредственного сношения с Министерствами. С венграми этого права оговаривать не следует, оно установится явочным порядком. В организации работы моего отдела никаких изменений, кроме новых печатей и бланков, не произойдет, и В.А. Иловайский по-прежнему будет получать указания от меня, работая конечно в полном согласии с В.В. Малама, как он работал с Вами.

Прошу Вас передать мой искренний привет и пожелания успеха Влад. Влад. И очень надеюсь, что моя формула перехода к новому положению встретит Ваше и его сочувствие. С нетерпением буду ждать от Вас известий.

Примечания

¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 16. Л. 189–192. Машинопись, копия, русский.

² В.В. Малама и В.А. Иловайский.

³ САМСОНОВ Михаил Степанович, секретарь Русской Миссии в Будапеште, в межвоенный период был преподавателем русского языка Экономического факультета Будапештского университета, автор статей об урегулировании юридического положения русских беженцев. После отъезда Малама из Венгрии стал представителем Красного Креста. Детальные биографические данные неизвестны.

⁴ Правильно – Михаил Георгиевич Приклонский.

81. Письмо А.А. фон Лампе князю П.П. Волконскому¹

Дорогой и многоуважаемый Петр Петрович!

Я получил Ваше письмо с некоторыми оговорками по поводу моего мнения о необходимости «двухтактности» в переходе к новому положению² и о желательности предоставления моей подписи под тем письмом к Министру Иностранных Дел, проект которого мне прислал Владимир Алексеевич.

Раньше всего я должен Вам сказать, что мою подпись я предоставляю в Ваше распоряжение.

Однако я не могу не остановиться на том, почему я и теперь продолжаю настаивать на желательности именно постепенного перехода и отказываюсь от той быстроты и натиска, которые предлагаете Вы – есть случаи, когда и Суворов отказывался от своих основных принципов быстроты и натиска и переходил для достижения победы к маневру...

Я вижу два главных препятствия:

1) Письмо Ваше Г[осподи]ну Дарувари говорит о создании нового учреждения, которое бы защищало интересы русских в Венгрии, тогда, как в Германии и в Сербии делалось переименование существующего уже до того учреждения, что обуславливалось, конечно, главным образом тем, что глава старого учреждения оставался главой и нового, ведь в этих вопросах все зависит от отсутствия перемены лица.

Если же говорить о сформирования нового учреждения и только оговаривать, что в его состав должны войти члены учреждения старого – то у венгров совершенно естественно явится вопрос о том, что нельзя ли согласовать желания Вашего письма с недавно заявленными желаниями Шмемана и Ко³. Если создавать новое учреждение, то почему останавливаться на одних, а не на других. Мне кажется, что Ваше временное пребывание, которое конечно кое-кто постарается объяснить потом криво – даст гарантию того, что Вы и мы с Вами просим не о создании новой организации, а только о применении старой к современности путем ее переименования!

Все это представляется мне крайне важным и в этом я и вижу тот совершенно необходимый маневр, который нам надо сделать!

2) В.В. Малама только что должен быть переизбран председателем колонии – следовательно, новое русское учреждение – делегация будет возглавлено выборным председателем колонии, так как кому же объяснишь, что он возглавляет делегацию как представитель Красного Креста... отсюда виден уже ряд интриг, по которому с удовольствием пойдут противники – новые выборы, которые всегда могут быть инсценированы особыми заявлениями и попытки заменить В. В. кем-либо новым! Галлиполийцы в Венгрии не вечны и мое стремление их оттуда убрать!!

Вот те два серьезных обстоятельства, которые заставляют меня, дорогой Петр Петрович, просить Вас еще раз пересмотреть Ваше окончательное решение о способах и редакции перехода в Будапеште к новому способу представительства русских интересов! У меня на глазах Берлин с бесконечными попытками «общественности» подставить себя вместо Боткина, что давно передало бы представительство в руки эсеров! У нас на глазах Париж, в котором все время пытаются или сменить Маклакова⁴ «общественностью» или подчинить его ей! Нашу будапештскую «общественность» Вы знаете – неужели передавать колонию в руки Голицына-Муравлина или Шульгина!

Совершенно необходимо принять все предварительные меры – которые я усматриваю в двухтактности перехода и тем выполнить маневр, который заменит натиск тем, что усыпит бдительность противника!

А главное, мне кажется, необходимо настаивать не на создании чего-либо нового – а на переименовании уже существующего!

Я поделился с Вами, дорогой Петр Петрович, как и всегда, совершенно откровенно всеми моими сомнениями – примите их как искреннее желание заменить личный разговор, который, к сожалению, для меня недоступен...

Крепко жму Вашу руку и желаю от всей души успеха

ф. Л.

17 июля 1924 г. Берлин

Примечания

¹ ГА РФ Ф. 5853. Оп. 1. Д. 16. Л. 199–201. машинопись, копия, русский

² В вопросе о тактике перехода на делегацию между князем Волконским и А. фон Лампе возникли разногласия. А. фон Лампе хотел сначала без особого шума перед венгерскими властями перевести миссию на новое положение, потом через некоторое время в связи с отъездом Волконского передать руководство В.В. Малама. Волконский в этом видел возможность ставить свой и делегации авторитет под удар. При такой сценарии – по его мнению – создалась бы видимость, что он просто бросил все дело, взял и уехал. «Мне гораздо легче сложить ответственность в один прием, а не в два» – писал он Алексею фон Лампе. Как дальнейшие события показали, аргументы А. фон Лампе (перечисленные в предыдущем и настоящем письмах) были более обоснованными, однако ему приходилось уступать в этом вопросе. (ГА РФ Ф. 5853. Оп. 1. Д. 16. Л. 198об.)

³ К этому времени группа сторонников великого князя Кирилла Владимировича, во главе с Б.В. Шульгиным и А.Н. Шмеманым подали заявление в Министерство внутренних дел, с просьбой учредить представительство. От венгров просили признания и подходящего помещения для канцелярии.

Одновременно с этим в Венгрии началась новая травля против А. фон Лампе. Кириллисты старались завоевать ту крепость, где позиции А. фон Лампе были наиболее сильными. Б. Шульгин с рекомендацией своего опекуна, Эмила Пьячек, секретаря Министерства внутренних дел, появился в Министерстве обороны и сообщил о том, что немецкие власти удалили из Германии А. фон Лампе, «сторонника Керенского» за шпионаж в пользу Франции. К этому прибавил, что он, Шульгин назначен военным атташе в Венгрию великим князем Кириллом Владимировичем. Он передал свою визитную карточку и «верительную грамоту». В Министерстве обороны считали нужным проверить эти информации. Венгерский военный агент в Берлине,

барон Абеле (по кличке Берлин-1.), о котором фон Лампе неоднократно писал, что стоит в хороших отношениях с ним, вел с ним разговоры на эту тему. В своих донесениях в Будапешт Абеле практически отрицал «сведения» Шульгина, и кампанию против фон Лампе оценил, как часть междуусобной борьбы в рядах монархической эмиграции. К попытке Шульгина в Министерстве обороны отнеслись весьма сдержанно, считали, что ни в каком новом представительстве нет надобности (НЛ 1924 VKF микрофильм В/173. пленка 3891/1987 № 23.418 Л. 739–744. № 23.538 Л. 753–755).

⁴МАКЛАКОВ Василий Алексеевич (1870–1957), русский общественный и политический деятель, юрист, депутат Государственной Думы II–IV созывов от партии кадетов. Посол Временного правительства во Франции, член Русского политического совещания, один из организаторов и лидеров Совещания послов.

82. Письмо А.А. фон Лампе

Е.К. Миллеру¹

20 июля 1924 года

Конфиденциально

№0459

Г. Берлин

На № 1204/а

Его П[ревосходитель]ству Е.К. Миллеру

Ваше Превосходительство

Милостивый Государь

Евгений Карлович

Вследствие запроса Вашего от 16-го сего июля докладываю мои соображения по поводу ликвидации и сокращения штатов вверенных мне представительств².

А) ВЕНГРИЯ

Помимо общего и несомненного ущерба, который принесет всякая ликвидация представительств Армии престижу Командования, в Венгрии возникают два вопроса:

1) В стране имеются 250 Галлиполийцев, которые существуют физической работой и поддержкой представительства, которая ранее всего сказывается в предоставлении им права проживания в этапе при представительстве, барак для которого предоставлен Венгерским Военным Министром в мое распоряжение. Галлипо-

лийцы стремятся выехать в Париж, о чем я докладывал Главнокомандующему и Вам, необходимо дать им эту возможность, так как в противном случае они в силу пункта второго останутся без всякой поддержки.

2) «Представительством» Великого Князя Кирилла Владимировича в лице генералов Шульгина и Данилова уже была сделана попытка учредить свое представительство в Будапеште в официальном порядке, что не удалось только благодаря наличию признанного представительства. С ликвидацией последнего несомненен успех «представительства» генерала Шульгина, а также, несомненно, и ухудшение положения Галлиполийцев. Пропаганда «Кириллизма» пока имеющая успех у 10–15 человек, конечно, сразу же пустит более глубокие корни.

Это соображение еще раз подтверждает необходимость переброски Галлиполийцев во Францию, для чего нужно время³.

3) В настоящее время в Венгрии происходит переход русского представительства на «Делегацию», о чем я доносил подробно. Желательно дать возможность закончить этот переход, и только потом, включив вместо меня в состав делегации лояльного по отношению к Армии человека, ликвидировать военное представительство, если это по материальным соображениям представляется необходимым.

Поэтому я прошу:

1) Срок ликвидации, если он неизбежен, отложить с 1-го сентября на 1-ое октября.

2) Разрешить мне в сентябре поездку в Будапешт для того, чтобы личным присутствием разрешить спорные вопросы (замена меня в делегации, передача новому члену делегации здания этапа и т. п.), а кроме того и для того, чтобы самую ликвидацию провести в полном согласии с местными властями и закрыть Военное представительство, так как это следует сделать в стране, которая относится к нашему делу исключительно благожелательно. Хотя, по-видимому, необходимость в реализации данного мне Правителем Венгрии обещания отпала (иначе не было бы ликвидировано представительство), но все же, не зная, что сулит нам судьба в дальнейшем, я считаю совершенно необходимым перед ликвидацией лично повидаться с адмиралом Хорти, для чего желательно и письмо на его имя от Г[лавнокомандую]щего, в кото-

ром были бы указаны причины ликвидации и желательность дальнейшей связи, вместе с благодарностью за постоянную поддержку меня и т. д.

Ввиду того, что в декабре должна была состояться моя вторая поездка, думаю, что материальных препятствий, если она состоится в сентябре, не встретится.

3) Председателем офицерского союза в Будапеште назначить не меня, а старшего Галлиполийца в Венгрии, полковника Лукина.

4) Ликвидация Военного Представительства в Венгрии совершенно неожиданно ставит в исключительно тяжелое положение моего помощника, есаула Иловайского, которому я был вправе на основании моих поездок в Париж и в Карловцы обещать сохранение его должности до первого января, при том, что нормально, после этого он получил бы двухмесячные ликвидационные деньги.

В связи с таким решением вопроса есаул Иловайский, как мне известно, наладил свою жизнь и отказался от предложенного ему места в Париже...

Поэтому я прошу, в самой убедительной форме, в случае ликвидации Представительства в Венгрии к 1-му октября, обеспечить есаула Иловайского ЧЕТЫРЕХМЕСЯЧНЫМ его окладом при ликвидации, что составит по 750 франков в месяц – три тысячи франков одновременно.

Работа есаула Иловайского в Добровольческой армии со времен Степного и Ледяного походов до сего времени дает мне полное основание рассчитывать на удовлетворение настоящего моего ходатайства, о чем я и прошу поставить меня в известность.

Не могу не добавить, что оставление на мне какой либо задачи по Венгрии после ликвидации там лица исполнявшего мои указания и ввиду наличия там явно враждебного Армии «Представительства» я считал бы только фикцией и для меня очень тяжелой.

[...]⁴

Уважающий Вас ф Л

Примечания

¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 16. Л. 158–161. Машинопись, копия, русский.

² В середине июля А. фон Лампе получил частное письмо из штаба от Кусонского, и официальное от Миллера из Парижа. Первый известил его,

что «значение Пешта, как возможного убежища-приюта отпало». Другими словами, было решено не пользоваться «личным приглашением» адмирала Хорти Врангелю в случае необходимости переселения его в другую страну. К этому Кусонский прибавил, что поскольку галлиполийцы стремятся уезжать во Францию, в Венгрии «заботиться будет не о ком». А генерал Миллер сообщил о том, что по приказу Врангеля по финансовым соображениям надо приступить к упразднению военных правительств в Финляндии, Польше, Турции и Венгрии с 1-го сентября (ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 16. Л. 155–156, 157).

³ По данным А. фон Лампе из 250 находившихся в Венгрии «галлиполийцев» 150 (в другом месте говорил о 200) заявили о своем желании переехать во Францию. Их список он представил генералу Шатилову. Самое главное препятствие А. фон Лампе видел в неимении материальных средств у отдельных лиц на переселение. Для спасения «самых надежных для армии элементов» А. фон Лампе считал необходимым оказание организованной помощи им со стороны Командования, Красного Креста и Лиги Наций, иначе – как он выразился в одном из своих писем П.А. Кусонскому – «их там Кириллисты заклюют» (ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 16. Л. 95, 115, 264).

⁴ Пропущенная часть затрагивает вопросы в связи с положением военного представительства в Германии.

83. Проект письма адмиралу М. Хорти, Правителю Венгрии, составленный А.А. фон Лампе от имени П.Н. Врангеля¹

Проект

Ваша Светлость!

С согласия Вашего и Вашего Правительства ввиду общности противокommунистических настроений Венгерской и водительствоваемой мною Русской Армии я, в марте 1921 года командовал в Венгрию военную миссию во главе с моим представителем генерального штаба полковником (ныне генерал-майором) фон Лампе.

Представитель мой встретил с вашей стороны любезное и внимательное к нему отношение и всегда пользовался в вопросах обеспечения интересов русских военнослужащих нашедших приют в Венгрии, полной поддержкой органов Венгерского Королевского правительства.

В апреле 1922 года, по причинам исключительно материального свойства, я возложил на генерала фон Лампе также и представительство мое в Германии. При этом вследствие того, что в Германии число русских военнослужащих покинувших свою Родину во много раз превышает таковых же в Венгрии, я предписал генералу фон Лампе испросить Ваше и Вашего Правительства согласие на исполнение им его обязанностей в Будапеште из Берлина, через его помощника и канцелярию оставшихся в Венгрии.

Ваша Светлость ответили полным согласием на такое изменение.

Борьба, во имя которой было поднято русское знамя мною и моими предшественниками, против тех насильников, которые захватили власть в России, не кончилась и в тех или иных формах велась до сего времени и будет вестись и впредь. Я твердо верю, что она закончится торжеством права и справедливости, и в России, также как и в Венгрии, вновь воцарится правовой порядок, который свергнет еврейских насильников и даст новую жизнь измученной стране.

Однако в этой борьбе на нашей стороне только сила духа, но, к сожалению, не преимущество материальных средств, которые все захвачены противной стороной!

Поэтому, ведя борьбу, мне все время приходится видоизменять ее формы, и я во второй раз принужден изменить формы моего представительства в Венгрии!

В силу этого я отдал приказ генералу фон Лампе закрыть канцелярию военного представительства в Будапеште и ликвидировать личный персонал, ему подчиненный.

В то же время я по прежнему поручаю ему руководство лучшей частью офицерства, находящегося в Королевстве Венгерском и объединившимся в «Общество Галиполийцев» и в «Союз русских офицеров в Королевстве Венгерском» в составе и во главе которых находятся русские офицеры до сего времени сохранившие верность своей Родине!

Дорожа моей личной связью с Вашей Светлостью, я позволяю себе выразить надежду, что она не прервется и теперь, и Ваша Светлость даст свое согласие на поддержание ее через генерала фон Лампе, как лицо лично Вам известное, которого я по мере надобности, буду командировать из Берлина в Будапешт с моими письмами на Ваше имя².

Пользуюсь случаем, чтобы выразить Вашей Светлости чувства... и т. д.

*Число не ставить, только оставить место для него*³.

Примечания

¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 16. Л. 106–107. Машинопись, копия, русский, не позже 1-го августа 1924 г.

² А. фон Лампе при ликвидации всеми силами старался к тому, чтобы личная связь между Врангелем и Хорти не прерывалась. Он рассчитывал на то, что решительная антикоммунистическая направленность правителя Венгрии еще может пригодиться белой эмиграции в будущем.

³ Письмо Врангеля, которое было датировано 14-м сентября 1924 г., и передано правителю Венгрии 2-го октября, не совсем тождественно проекту А. фон Лампе. Основные установки были сохранены, но пропускались некоторые острые выражения, ссылки на «еврейских насильников», на веру в окончательной победе и на необходимость «видоизменять формы» продолжающейся борьбы (ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 18. Л. 270–271).

84. Приказ № 98

Военного Представителя

Главного Командующего Русской Армией при Королевском Правительстве Венгрии¹

Г. Будапешт

22 сентября 1924 г.

I.

В целях дальнейшей заботы по объединению зарубежного русского офицерства вокруг Армии, Главного Командующий приказом от 1-го сентября с. г. за № 35, приказал образовать Русский Обще-Воинский Союз, включив в его состав все военные части, все союзы, общества и военные группировки, а также и отдельных воинских чинов, которые пожелают числиться в составе Русской Армии.

Жизнь Русского Обще-Воинского Союза регулируется временным положением утвержденным Главным Командующим, при сем, вместе с копией приказа 35, рассылается.

Во главе Русского Обще-Воинского Союза стал сам Главнокомандующий.

Управление делами Союза сосредоточено в штабе Главнокомандующего.

2.

Для удобства управления Русский Обще-Воинский Союз разделен на 5 отделов. Причем Союз Русских Офицеров в Королевстве Венгерском и Отдел Общества Галлиполийцев в Венгрии входят во второй отдел союза, председателем которого, приказом Главнокомандующего от 1-го сентября за № 37, назначен я, сохранением прежних моих обязанностей².

3.

Для поддержания связи между мною и председателями союзов назначаю капитана барона Розена (Будапешт, Гостиница Ритц).

О порядке связи и донесений будет дано особое распоряжение.

4.

Объявляю выписку из сношения генерала Кусонского от 16-го сего сентября за № 7171:

«Генерал Врангель отнесся с полным одобрением к ходатайству Галлиполийцев о том, чтобы правление Общества Галлиполийцев в Венгрии не выбиралось, а назначалось, приказал ходатайство это удовлетворить и поблагодарить Общество Галлиполийцев в Венгрии за правильное понимание основ военного дела.

Равным образом генерал Врангель вполне одобрил принятое решение, чтобы представители Общества Галлиполийцев в союзе Русских Офицеров в Королевстве Венгерском не выбирались, а назначались генерал-майором фон Лампе».

Во исполнение этого распоряжения Главнокомандующего Старшему галлиполийцу в Венгрии представить мне список кандидатов в правление Общества Галлиполийцев.

5.

Объявляю выписку из сношения генерала Кусонского от 16-го сентября № 723:

«Союз Русских Офицеров в Королевстве Венгерском возбудил ходатайство о замещении должности председателя союза не путем выборов, а по назначению генералом Врангелем.

Соответственно сему в устав союза внесены изменения согласованные с предыдущими указаниями Главнокомандующего.

По докладу о сем, генерал Врангель приказал передать членам Союза Русских Офицеров в Королевстве Венгерском его горячую благодарность за правильное понимание основ воинского дела и за работы по проведению в союзе воинского начала».

Подлинный подписал

Военный Представитель Генерал-майор фон Лампе

С подлинным верно: Есаул Иловайский

Рассылается: Председателю союза офицеров, Старшему Галлиполийцу в Венгрии, Атаману казачьей станицы.

Примечания

¹ ГА РФ Ф. 5853. Оп. 1. Д. 16. Л. 279–280. машинопись, копия, русский

² 1-го сентября 1924 г. в связи с реорганизацией армейских структур и созданием РОВС Врангелем и Кусонским был издан целый ряд приказов. Они, как правило, затрагивали следующие вопросы: 1) новые формы и методы сношения; 2) организация 5-и территориальных отделов РОВС; 3) Назначение председателей отделов; 4) условия вступления союзов, обществ и отдельных лиц в РОВС; 5) постепенный переход от «выборного начала» к воинскому (т. е. к назначению руководства и председателей отдельных союзов и организаций сверху).

Приказы № 36 и 37 свидетельствуют о том, что в штабе приняли аргументацию Алексея фон Лампе о желательности сохранения отношений с Венгрией. В приказе № 36 говорилось о том, что с 1-го октября управление военного представителя Главнокомандующего Русской армией при Королевском правительстве Венгрии будет упразднен, а в приказе № 37 А. фон Лампе был назначен русским военным представителем в Венгрии (и в Германии) и председателем 2-го отдела РОВС (Русская военная эмиграция 1920–1940 годов. Документы и материалы. Том 4: У истоков «Русского Общевоинского Союза / Состав: Басик И.И. и др. – М., 2007. С. 611–623).

85. Письмо А.А. фон Лампе П.А. Кусонскому¹

12 октября 1924 г.

секретно

копия

№ 0528

Г. Берлин

Первого октября №0523 я донес о закрытии мною во исполнение приказа Главнокомандующего от 1-го сентября с. г. за № 36 п. 3. канцелярии вверенного мне представительства в Венгрии.

В настоящем письме я привожу как подробности закрытия, так и обстановку в Венгрии по русскому вопросу в настоящее время. Все хозяйственные вопросы, связанные с закрытием канцелярии будут мною освещены в отдельном письме².

Прибыв в Венгрию 21 сентября и войдя в курс местной жизни, я просил аудиенции у Правителя Венгрии только после того, как пришло по почте письмо Г[лавнокомандую]щего. Аудиенция на этот раз несколько затянулась, сначала вследствие отъезда Адмирала Хорти на охоту, а потом переездом его из летней резиденции в Будапешт, и прием состоялся только 2-го октября. Подробности приема будут мною освещены ниже.

После приема, выяснив как отнесся Правитель к содержанию письма Г[лавнокомандую]щего, я совместно с Дипломатическим представителем и Уполномоченным Красного Креста были в Министерстве иностранных дел, а потом я один был в Военном министерстве, что заняло около недели, а потом, выпустив моего помощника, есаула Иловайского на один день вперед себя, чтобы не создавать в Будапеште впечатления полного закрытия Военного Представительства, что стремятся доказать те, кто борется против Армии, я девятого октября выехал обратно в Берлин.

Этими обстоятельствами объясняется то, что мне пришлось задержаться в Будапеште на несколько дней дольше, чем мне было желательно, и чем я предполагал это сделать.

СОЮЗЫ: Оба союза в Венгрии – офицерский и Галлиполийцев, все более и более сливаются один с другим, причем поглощающим является последний, как морально более прочный и устойчивый; к тому же центр жизни военнослужащих, этап при

военном представительстве, давно передан мною Старшему Галлиполийцу, как коменданту этапа. Это обстоятельство также постепенно приводит к тому, что все военнослужащие, проживающие в Венгрии, кроме небольшой кучки «Кириллистов», объединяются вокруг Галлиполийцев.

Вполне одобряя такое положение, особенно ввиду того, что отсутствуя лично из Будапешта и не имея там теперь помощника, я с оговорками могу влиять на каждодневную жизнь военных организаций, я принял ряд мер, чтобы и дальше направить жизнь союзов по тому пути, движение по которому уже наметилось.

В офицерском союзе, на собрании под моим представительством были произведены очередные выборы вице-председателя об уходе которого я упомянул в моей сводке № 3 к 15-му сентября. Выбран был полковник Кариус – один из первых членов союза, участник первого похода (не Галлиполиец), этот выбор был утвержден мною.

Инцидент с поданными офицерами Галлиполийцами рапортами о выходе из союза, о котором я также упоминал в сводке № 3³, был ликвидирован еще до моего приезда, по моему письму, и я лично ограничился отдельным разговором со всеми офицерами Галлиполийцами, высказав им в более чем определенной форме мое неудовольствие по поводу происшедшего. Я считаю, что вопрос в данный момент исчерпан вполне.

Одновременно с моим приездом выяснилось, что Старший Галлиполиец, полковник Лукин, уже давно стремящийся по своим семейным делам покинуть Венгрию, теперь вынужден сделать это безотлагательно.

Это положение я использовал следующим образом: к исполнению должности Старшего Галлиполийца я допустил уже ранее намеченного мною к этой должности Л. Гв. Вольнского полка полковника, Соколова (Анатолия Александровича) и одновременно его же, приказом моим за № 100 от 2 октября я допустил и к исполнению должности председателя союза офицеров, объединив таким образом обе организации в одних руках⁴.

Последнюю меру я пояснил в моем приказе тем обстоятельством, что я назначен Представителем второго отдела Р. О. В. С., в состав которого и входит союз в Венгрии. Лично же я считаю такую меру необходимой в силу того, что, лишившись в Венгрии

есаула Иловайского, я не могу быть в такой полной мере осведомленным в жизни союза, как был ранее, а потому считаю, что мне правильнее будет стать не во главе союза, а над ним. В состав правления вместо есаула Иловайского, членом от Военного Представительства назначил капитана, барона Розена, но на него я не могу возложить тех же функций, которые я возлагал на Иловайского, и поручил ему только наблюдение за кассой союза.

В силу изложенных причин я прошу об утверждении моего распоряжения и назначении полковника Соколова Председателем союза офицеров и Старшим Галлиполийцем в Венгрии⁵.

Установленная мною структура военного представительства такова: все остается в моих руках, моей связью с военным министерством и союзами остается капитан, барон Розен, с единственным конкретным поручением от меня, защищать этап от посягательств с венгерской, а в особенности, с «Кирилловской» стороны.

Все сношения с союзами ведутся мною прямо на полковника Соколова, которому вверено и распоряжение немногочисленными денежными остатками.

Принятыми мною мерами я полагаю, что мною создана полная возможность продолжать руководство жизнью обоих союзов вплоть до того времени, когда они неизбежно прекратят свое существование в силу общего стремления оставить Венгрию и переместиться во Францию, что уже налаживается генералом Шатиловым, о чем мною получено от него известие.

Стремление офицеров уехать из Венгрии я вполне понимаю, так как, несмотря на прекрасное отношение в стране (невзирая на переговоры с большевиками), дороговизна возросла до такой степени, что заработать можно только на пропитание и не больше. В этом отношении особенно тяжело положение семейных, положение это усложняется и присланными генералом Шатиловым условиями, по которым главы семей должны ранее получить себе во Франции работу, и только потом могут перевозить туда же и свои семьи. Невероятно трудным представляется решение вопроса, на что же оставлять семьи в Венгрии ДО получения заработка во Франции!

ПЕРЕХОД НА «ДЕЛЕГАЦИЮ»: Как я своевременно и доносил ввиду возможности сношений венгров с большевиками, летом текущего года нами, русскими официальными представите-

лями в стране, был намечен переход на «Делегацию», подобно тому, как это сделано в Германии, Югославии и т. д.

Заявление и проект подписанный князем Волконским, В.В. Малама и мною, были поданы в начале июля, и вопрос тянется до сих пор.

Помня мои переговоры о разрешении везти в Венгрию Галлиполийцев, я лично не удивляюсь такому сроку – при характере венгров и интенсивности работы их государственных учреждений – это понятно. Кроме того в этот вопрос постепенно влились еще обстоятельства, которые его всячески тормозят: ликвидация персонально князя Волконского, ликвидация моей канцелярии и моего предполагаемого заместителя в делегации Иловайского и наконец, что мешает более всего – работа «Кирилловцев».

Последние, как я также доносил в моей сводке № 2 (к 15 июля), стремятся использовать момент и захватить русское представительство в Венгрии в свои руки. Создавшаяся группа состоит из Г[осподи]на Шмемана (представитель В.К.К.В. [великий князь Кирилл Владимирович]), генералов Данилова (!) и Шульгина (военный представитель В. К. К. В.) и полковника князя Оболенского (бывший губернатор Ставрополя).

Наиболее крупные связи имеет Шмеман, давно с семьей, проживающий на содержании у графа Куна, имеющего большое влияние в Министерстве Иностранных Дел. Предположения о причинах влияния на одинокого графа Куна существуют самые «беженские», но, во всяком случае, влияние это есть!

Насколько мне удалось выяснить, особенно при посещении Министерства иностранных дел князем Волконским и В.В. Малама со мною – положение такого: по нашему проекту во главе делегации должен стать Г[осподи]н Малама, я членом ее номинально, моим номинальным же заместителем должен быть капитан барон Розен, то есть все дело должно быть сосредоточено в руках В.В. Малама, что вполне соответствует и обстановке и интересам наших военных организаций, силами которых Г[осподи]н Малама мною удерживается в роли председателя русской колонии в Венгрии.

План «Кириллистов» совершенно отмежевать Малама, дискредитировать меня (связь с французами?), ввести венгерского чиновника, Г[осподи]на Пьячека, связанного с ним [в делегацию] и взять все в свои руки.

За мое пребывание в Венгрии удалось сделать следующее: выяснить роль «Кириллистов» в верхах Министерства иностранных дел и добиться такого решения Министерства: русский вопрос идет под покровительство Лиги Наций (представитель на Венгрию в Вене), поручается в Министерстве внутренних дел лояльному чиновнику (не Пьячеку) и в состав делегации входят все те, кто был намечен НАМИ, но с условием включения одного «Кириллиста» или «Голицянина», как иронически называют их в местном министерстве, но по нашему выбору... такая обстановка приемлема, но всякое отклонение от этой программы повлечет за собой мой резкий протест, о котором я предупредил князя Волконского и Г[осподи]на Малама, и поручил им предупредить и Министерство иностранных дел. В последнем случае я предполагаю базироваться на согласие Правителя Венгрии с письмом к нему Главнокомандующего и оставив за собой функции Военного Представителя, и предписав военным служащим игнорировать делегацию, обращаться непосредственно к Г[осподи]ну Малама и ко мне.

Естественно также, что я, хотя и номинально, но войду только в ту делегацию, состав которой будет для меня приемлем, то есть в которую будет включен справа лично приличный член (НЕ Шмеман, Шульгин или Данилов...). Думаю, что почва для протеста на случай неудачи у меня вполне подготовлена.

Что касается до князя Волконского, то несмотря на то, что он упразднен с первого августа, он продолжает с редкой добросовестностью нести свои обязанности и теперь, вплоть до того времени, когда создастся новый орган. Он вполне поддерживает, хотя и в более «дипломатической» форме мою точку зрения, всецело защищая интересы наших военным служащих.

Положение конечно еще более запутывается переговорами с большевиками, о чем я буду говорить ниже и работой «справа»; по этой работе Волконский и я «бежим», вся колония на их стороне (в объединении из 900 человек состоит около 60 и т. д.), сочиняются доносы, о которых я сообщал. Надо, однако, отметить, что вся эта гнусность особенного успеха даже у легковерных венгров не имеет и привел только к тому, что Министерство требует включения одного члена справа в делегацию, чтобы «объединить все русские течения». Имея опыт в Германии, где прихо-

дится объединяться даже и с социалистами, нельзя считать это требование несправедливым.

ПЕРЕГОВОРЫ ВЕНГРОВ С БОЛЬШЕВИКАМИ: Переговоры вылились постепенно из тех переговоров, о которых я давно доносил и которые имели целью обмен осужденных коммунистов на задержанных большевиками офицеров бывших военнопленных. Одно время наличие этих переговоров тормозило выдачу разрешения на въезд в страну Галлиполийцев. Переговоры вел Г[осподи]н Юнгерт в Риге⁶.

Политика правительства графа Бетлена направленная всецело на разрешения экономического и финансового кризиса в Венгрии, в естественной погоне за получением займа от Европы, все более и более подпадала под влияние финансистов, а, следовательно, и еврейских кругов. Такой исход становился неизбежным, и постепенно эти круги привели к тому, что венгерские промышленные фирмы (крупнейшие из них Ганз Данубия, Манфред Вейс и др.) начали настаивать на том, чтобы Венгрия не потеряла и своего куска у советского пирога, которым большевики довольно искусно приманивают не только такие обедневшие государства, как Венгрия, но и даже могущественную Англию...

Результатом явились секретные переговоры в Берлине, в которых с венгерской стороны приняли участие все тот же Юнгерт, и санкционировал их бессменный товарищ министра иностранных дел Венгрии Г[осподи]н Канья. Со стороны большевиков был Крестинский, советский посол в Германии.

Согласно с этими переговорами Венгрия признавала Советы и устанавливались советские дипломатическая и торговая миссии в Будапеште...

Впечатление от такого решения произвело в Венгрии, не говоря уже о беженских кругах, на самых венгров ошеломляющее действие. Общественное мнение заработало очень интенсивно, поднялись большие дебаты в печати, защитники соглашения доказывали, что Венгрия слишком много теряет материально, противники говорили о моральной невозможности для изгнавшей коммунистов Венгрии впустить их представителей в страну...

Любопытно отметить, что наиболее ярким защитником соглашения явился доктор Грац⁷. Бывший министр иностранных дел Венгрии. Он дважды побывал в Советской России, причем в пер-

вый раз высказался очень отрицательно, а во второй раз явился наиболее ярким защитником соглашения – что произошло в промежуток между его первым и вторым мнением, сказать трудно, но догадываться можно.

Этот самый Грац, в качестве министра иностранных дел приветствовал установление в Венгрии представительства нашей Армии, за его подписью у меня признание меня венгерским правительством в моей должности... он же был наиболее определенным сторонником Короля Карла IV при его попытке утвердиться на престоле Венгрии...

При моем приезде в Венгрию русская колония была полна ожиданиями прибытия большевиков, молва указывала на дом, намеченный для посольства (в самой лучшей части города), упоминались 400 виз, которые потребовали большевики, представителем называли профессора Богомолова... надо отдать справедливость, что источникам этих слухов были не русские, а венгерские круги⁸. Венгерское общество, печать, а в особенности противокommуннистическая полиция бурили во всю!

Рабочие на фабриках, поклонники задавленного коммунизма, радовались, наши Галлиполийцы были тому неоднократно свидетелями.

Казалось, что вопрос прибытия большевиков предрешен и состоится в самом непродолжительном будущем...

Протест против них пришел, однако, с очень авторитетной стороны – протестовал Адмирал Хорти, санкции которого, кроме санкции Национального Собрания, подлежал новый договор!

ПРИЕМ У ПРАВИТЕЛЯ ВЕНГРИИ: Второго октября меня принял Адмирал Хорти, которому я передал письмо Главкомандующего⁹.

Предварительно получения аудиенции я, учитывая положение, просил дать мне указания, быть ли мне в форме или на этот раз надеть штатское платье... я получил ответ, что все зависит от меня самого, и я могу поступать, как мне «приятнее». Я был на приеме в форме¹⁰.

Правитель прибыл в три часа в Будапешт из своей летней резиденции, и в пять минут четвертого принял меня ранее всех ожидавших его в приемной. Прием продолжался сорок минут, обращение было очень внимательное. Даже без чина, началось

с выражения сожаления, что я, по-видимому, совсем покидаю Венгрию... переданное мною письмо ликвидировало это недоразумение.

Адмирал Хорти долго и горячо говорил мне о том, представителями каких низких инстинктов и сил являются русские большевики и коммунисты вообще. Все то, что он мне говорил, не было конечно новостью для меня, как не было ново и в его устах, но я никак не мог согласовать его слов с теми сведениями, которые были в моем распоряжении относительно почти законченного признания Венгрией советов!!

Однако это скоро выяснилось – сам Адмирал перешел на то, что я наверное уже из газет знаю, что они велись, что они привели к соглашению, но... я этого не хочу, я никогда не подам руки коммунисту, по-видимому, волнуясь и очень резко добавил, вообще не особенно сдержанный правитель Венгрии... картина стала ясной. К ней он добавил, что именно сегодня он будет иметь «большую борьбу» по этому вопросу...

Я совершенно определенно почувствовал, что либо судьбе угодно было дать мне, белому представителю, возможность хоть и в очень небольшой степени повлиять на ликвидацию торжества коммунистов в центре Европы, либо сам Адмирал Хорти, чтобы проверить свои личные выводы, назначил мне прием у себя именно в тот день, когда он должен иметь «большую борьбу» за свою идею, ни в коем случае не соглашаться на признание большевиков страной!

В течение 20 минут остальной части аудиенции, не обращая внимание на флигель-адъютанта, дважды докладывавшего, что-то по-венгерски Правителю, я позволил себе в самых горячих, по мере сил искренних и резких выражениях характеризовать Адмиралу, как большевиков вообще, так и их губительный для тех стран, где они находятся, метод действий. Все, что я говорил, по-видимому, падало на более чем подготовленную почву, и поэтому, когда я упомянул о треволнениях моих военнослужащих проживающих в Венгрии, и сказал, что именно говорю им на тот случай, что в страну «придут большевики...», Правитель прервал меня и резко сказал: «Они не придут...».

Потом разговор пошел спокойнее. Отпуская меня Адмирал, пожимая мне руку двумя руками, высказал удовольствие, что я не

совсем покидаю страну, сказал, что рад будет меня видеть при приездах, и в очень теплых выражениях просил в письме Главнокомандующему передать его самый сердечный привет и теплые пожелания!

Прием, не первый для меня, оставил на мне очень сильное впечатление, мне кажется, что не только я, но и сам Адмирал был взволнован!

Словесно он согласился со всеми положениями письма Главнокомандующего!

Я не делаю себе лишних иллюзий, Адмирал Хорти не всё в Венгрии, и его мнение не есть, несмотря на его диктаторские права, мнение решительное, но... через день венгерская пресса имела заголовки о том, что договор с большевиками проваливается из-за сопротивления «в самых высших кругах», в парламенте выступил глава организации «возрождающихся венгров» Экхардт Тибор, прежних друг Адмирала Хорти, перешедший в оппозицию против него справа за политику Бетлена, и (не случайности ли?) произнес ту же фразу, что сказал мне на приеме Адмирал: «Первый человек Венгрии, герой Отранто¹¹, никогда не подаст руки коммунистам...». На торжественном приеме 7-го октября у Эрцгерцога Иосифа, на который из русских были приглашены только кн. Волконский, Г-н Малама и я с капитаном бароном Розеном, русских поздравил сам Эрцгерцог с провалом большевиков, а на другой день оставил свой пост и министр иностранных дел, Г[осподи]н Дарувари, дав в последнем интервью своем в печати полное основание считать, что он был сторонником соглашения! В Парламенте произошел скандал, редкий даже в Венгрии, парламент требовал призвания к порядку министра внутренних дел и даже министра-президента!

Отмечу, что полного удовлетворения на свете нет – заместителем Г-на Дарувари называют... графа Куна, друга Шмемана!!

Вопрос о ратификации договора с советами затянулся и, повторяю, что я не делаю себе иллюзий, мне кажется, что парламент все же его примет под влиянием графа Бетлена и финансово-промышленных кругов, и кто знает, нет ли в договоре каких-либо соблазнительных положений о Трансильвании, которые своим соблазном могли бы в конечном результате именно в патриотическом смысле повлиять на честного правителя страны...

установить что-либо в этом отношении мне не удалось, но большевики мастера на такие провокации!

Одно, что ясно – соглашение с большевиками многим не по нутру в Венгрии, доброжелательного отношения они ни в коем случае не встретят, вместо 400 виз теперь идет разговор о 14, причем тот же граф Бетлен в Парламенте заявил, что все 14 «будут под строгим надзором полиции» – это может охладить и самих большевиков от попытки проникнуть в такую мало гостеприимную страну!

Со своей стороны, допуская в конечном результате победу живота над моралью, я имел разговор с известным полковником Пронай, так называемым «отцом белого террора», об его взглядах на пребывание советских представителей в Венгрии¹²... наши Галлиполийцы тоже волнуются!..

*Уважающий Вас
ЛгС*

Примечания

¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 18. Л. 250–262. Машинопись, копия, русский.

² О материальной стороне ликвидации трудно создать точную картину, так как в своем донесении А. фон Лампе отдельные суммы денег дает в разных валютах, в долларах США, английских фунтах, французских франках, венгерских кронах, отпуск для инвалидов даже в югославских динарах. Ясно только одно, ситуация была далеко не отрадной. В распоряжении военного представительства остались 6 долларов, в кассе офицерского союза 23. Союз и Общество Галлиполийцев практически жили изо дня в день (ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 18. Л. 264–265).

³ Инцидент был связан с конфликтом между прежним вице-председателем офицерского союза, полковником Калининым (из казачьей станицы) и некоторыми членами Общества Галлиполийцев на основе личной неприязни. В результате этого несколько «Галлиполийцев» подали рапорт о выходе из союза офицеров. Полковник Калинин был снят с должности Алексеем фон Лампе, на его место был избран упомянутый выше полковник Э.И. Кариус. «Бунтовщиков» А. фон Лампе заставил взять обратно их заявления о выходе из союза, угрожал им тем, что они будут исключены из списков, предназначенных к перевозке во Францию. Их главного рупора капитана М.М. Кологривова удалил из правления офицерского союза, но оставил в составе правления Общества Галлиполийцев (ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 16. Л. 204–208, 269–270).

⁴ У этой части имеется пометка скорее всего от руки П.А. Кусонского после согласования с Врангелем: *Правильно*.

⁵ Пометка П.А. Кусонского: *Да*.

⁶ ЮНГЕРТ-АРНОТИ Михай (1883–1957), венгерский дипломат, в межвоенный период считался экспертом по СССР. Участник переговоров по обмену военнопленных и коммунистов в 1920–1922 гг., по установлению дипломатических отношений с СССР в 1924 и в 1934 гг. С 1934 по 1939 посланник Венгрии в Москве. С апреля 1944 г., после немецкой оккупации страны заместитель министра иностранных дел, решительно протестовал против депортации евреев, в ноябре был арестован Гестапо. После 1945 г. был уволен из состава Министерства иностранных дел

⁷ Летом 1924 г. Густав Грац в Вене неоднократно встречался с советским полпредом Владимиром Ауссемом и с другими сотрудниками полпредства и торгпредства. На этих переговорах Грац пытался провести свою старую идею создания смешанного советско-венгерского торгового общества, проект учредительного документа он передал своим партнерам. С советской стороны ему дали понять, что без дипломатического признания Венгрия не может рассчитывать на развитие экономических отношений. Судя по архивным документам, Грац действовал в обход правительства, на свой страх и риск, а дома, в Будапеште постоянно подчеркивал, что он является для советских приемлемым для ведения официальных переговоров лицом, и его хотят видеть посланником Венгрии в Москве. (Смотри об этом: *Seres Attila. Magyar-szovjet gazdasági kapcsolatok 1920–1941*. – Budapest: MTA Történettudományi Intézet, 2010. С. 52–55 и *Kolontári*, 2010. С. 70–71).

⁸ БОГОМОЛОВ Дмитрий Васильевич (1890–1937), украинский, советский дипломат. С 1924 по 1937 г. секретарь полпредства и полпред в ряде стран, в том числе в Австрии, Германии, Польше и Китае. В 1937 г. стал жертвой сталинских репрессий.

На самом деле в Москве еще до ратификации венгерской стороной договоров назначили советского полпреда в лице известного советского разведчика, бывшего начальника Иностранного отдела ВЧК ДАВТЯНА Якова Христофоровича. Но поскольку заключенные договора весной 1925 г. были расторгнуты, он не мог занимать свой пост в Будапеште.

⁹ Смотри еще об этом дневниковые записи А. фон Лампе от 2–5 октября 1924 г. и комментарии к ним.

¹⁰ Последнее предложение подчеркнуто и на краю бумаги имеется пометка: *Правильно* (по всей вероятности, от руки П.А. Кусонского).

¹¹ Битва в проливе Отранто 15 мая 1917-го года считается самым крупным столкновением между флотами Австро-Венгрии и Антанты на Адриатике. Силами австро-венгерского флота командовал капитан первого ранга, Миклош Хорти. В ходе сражения ему удалось прорвать блокаду и отбить атаку прибывших к месту сражения подкрепления антантовского флота. Потопил 2 миноносца и 12 сторожевых кораблей противника, не потеряв ни одной единицы своего соединения. В ходе сражения он сам был ранен,

но остался на борту крейсера «Новара» и руководил боем. Победа, которая сильно увеличила репутацию Хорти на флоте и в военном руководстве монархии, не повлекла за собой сколько-нибудь серьезных стратегических последствий, так как противник благодаря своему значительному материальному перевесу успел восполнить потери и восстановить блокаду.

¹²Смотри об этом дневниковые записи А. фон Лампе от 7–8 октября 1924 г. и комментарии к ним.

86. Письмо П.П. Волконского

А.А. фон Лампе¹

Воскресенье, 16 ноября 1924.

Дорогой и многоуважаемый генерал Алексей Александрович, Благодарю за письма от 14 и 23 окт.; расписуюсь в № 3029 и материал от 30. X.

Виноват я перед Тобою очень, но Ты меня не осудишь, попросту скажу, так на душе тяжело, что валилось (и валится) перо из рук. Вкратце все-таки собираюсь с духом сообщить о здешних делах.

В вопросе о моей ликвидации получилась такая канитель, что я почувствовал, что дальше поддаваться этой волоките нельзя, и отправил письмо № 346, в копии прилагаемое. (Замечу в скобках, что с сего числа М[инис]тр Председатель больше не Министр Ин[остранных] Д[ел]: назначен Ситовски из банка, брат председателя парламента².) Дело было так: Канья написал мне 21 окт., очень учтиво, а смысл был тот, что все предоставляется Реймонду. Реймонд приехал, вполне определенно заявил, что желал бы видеть здесь Влад-ра Владимировича [В.В. Малама] своим, так сказать, «представителем», правда говорил и о совещательном комитете из разных групп, который он бы созывал при своих поездках сюда. Оговоркою он поставил необходимость предварительного сношения с Женевую. А Вл. Вл.-ч. со своей стороны заявил, что он должен снестись с Гл. Упр. Кр. Кр. [Главное Управление Красного Креста]. Он-то получил согласие. А Реймонд, вместо предназначенного скорого возвращения сюда с утвердительным Женевским ордером, написал, наконец, из Вены, что

в Женеве будет еще обсуждаться вопрос сохранении собственной его делегации!

Тем временем, здесь продолжается знакомая Тебе картина. Сегодня пришел ко мне молодой Хрипунов с письмом от Шульгина. Я спросил, нужен ли ответ. Говорит, что ничего не знает. Я открываю, читаю письмо совершенно ненужное³ (от иной характеристики воздерживаюсь) с приложением копий №№ 385-ого и 386-ого князя Андроникова. Я спросил, просили ли расписки моей в получении письма. Нет, ничего не знает. Тогда я сказал Хрипунову, что он может сообщить, что передал мне письмо из рук в руки. Позднее сегодня я показал послание Шульгина Бубу⁴, который взялся препроводить его Тебе. Все это очень конечно неприятно, отвечать Шульгину не намереваюсь.

А для всей почти колонии удар, что не дана виза новому священнику. Как мы с В.В. [Малама] ни хлопотали, ничего не вышло. Даже с венгерской стороны высказано было, что можно предполагать интригу. Несомненно, что с венг[ерской] точки зрения бывшая служба кандидата не могла представлять плюса⁵. Я писал по мере сил красноречиво (уже после срочной вербальной ноты) и графу Амбрози, и графу Бетлену, и Барци⁶. Последние двое просто не ответили. Меня «заигнорировали», т. е. перестали знать. Думаю, что при отъезде оставлю очень мало кому «р. р. с.»⁷.

Насчет сношения с советами стало как-то тише. Слышно, что может повлиять пример Англии, т. е. если провалится там, то и здесь⁸.

Обидно тяжело заканчивать здесь деятельность в такой обстановке. Но и сделать ничего больше не могу, и оставаться вообще нет больше ни средства, ни сил.

А твою готовую подпись я думаю перед своим отъездом уничтожить. Самое верное! И что ж другого остается делать?! Что будет со мною по приезде во Францию, сказать, понятно, не берусь. А каковы плоды поездки туда Петра Николаевича [Врангель]? Очень меня обяжешь, если черкнешь слово и скажешь, что не осуждаешь всегда Тебе искренно преданного, желающего от души всего доброго Тебе с семейством и глубоко Тебя уважаемого

Примечания

¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 18. Л. 293–293об. Рукопись, оригинал, русский; почерк Волконского местами плохо читается.

² СИТОВСКИ Тибор (1875–1959), венгерский чиновник и политический деятель. В 1919–1920 гг. советник Министерства иностранных дел, потом государственный секретарь Министерства торговли. С ноября 1924 по март 1925 г. министр иностранных дел.

³ Слово плохо читается.

⁴ В.Г. Розену.

АНДРОННИКОВ Владимир Михайлович, князь (1878–1942), полковник Лейб-Гвардии Уланского Ея Величества полка, в эмиграции был одним из руководителей Собрания Старших Офицеров этого же полка.

⁵ Речь идет о священнике Иоане Филимоновиче ЦЕРЕТЕЛИ (1875–1961), по происхождению из грузинской княжеской семьи Церетели. Был назначен в Венгрию митрополитом Евлогием в сентябре 1924 г. Однако венгерское правительство по неизвестным до сих пор причинам отказало ему в визе, вследствие чего он не мог занять свое место (*Kim Nyikolaj. Az orosz egyházi emigráció Magyarországon az 1920-as, 1930-as években // Halász Iván* (отв. ред.). *Az orosz «féhérgárdista» emigráció Magyarországon (1918–1945)*. – Budapest–Esztergom: BCE, 2011. С. 88). По предположению Волконского, за отказом в визе стояли внутренние интриги в рядах самой русской эмиграции в Венгрии. Под выражением «бывшая служба» следует понимать военное прошлое отца Церетели. (Он был полковником Императорской и Добровольческой армий, участвовал в Русско-японской, Первой мировой и гражданской войнах).

⁶ БАРЦИХАЗИ БАРЦИ Иштван (1882–1952), один из ведущих сотрудников кабинета премьер-министра практически при всех венгерских правительствах межвоенного периода. С 1917 г. – начальник кабинета, с 1928 г. – государственный секретарь по административным делам кабинета премьер-министра. Он вел протоколы заседаний Совета Министров.

⁷ Расшифровать аббревиатуру не представлялось возможным.

⁸ 25 октября, в разгар предвыборной кампании в британской газете «Дэйли Мейл» было опубликовано так называемое «письмо Зиновьева», в котором председатель Исполкома Коминтерна призвал британских коммунистов к созданию коммунистических ячеек и к проведению агитации в рядах армии. Хотя письмо в дальнейшем оказалось подделкой, оно, с одной стороны, играло немалую роль в победе консерваторов над лейбористами, с другой, привело к ухудшению англо-советских отношений. Волны этого дело дошли и до Венгрии, и «письмо Зиновьева» стало важным аргументом в руках оппонентов соглашения с СССР (*Magyar Hírlap, 1924. november 1. С. 1*).

87. Письмо А.А. фон Лампе князю П.П. Волконскому¹

№0549

Берлин, «21» ноября [1]924 г.

Дорогой и многоуважаемый Петр Петрович!

Должен Тебе совершенно откровенно сказать, что не только «для протокола», но и искренне согласен со всем тем, что Ты написал в Министерство иностранных дел в Твоем номере 346!² Завершительный аккорд нашего дуэта в Венгрии идет в таком же полном согласии, как и все до него!

Действительно больше ждать совершенно невозможно и надо только сознаться, что хорошо изучив наших милых хозяев, мы все же их переоценили или вернее недооценили их бесконечную халатность, и не поставили их просто перед совершившимся фактом до переименования Владимира Владимировича включительно! Это было бы конечно неслыханно, но что же с ним делать! Мне очень интересно, что говорит граф А[мбрози], который так уговаривал нас согласиться на включение лица с «той стороны» и так радовался нашему решению принять кое-кого!!

Я только позволяю себе просить Тебя, при возможности, в том случае, если Ты будешь писать им что-либо, а если не предполагаешь, то я был бы очень благодарен Тебе, если бы Ты использовал какую-либо возможность, чтобы поставить их в известность обо мне, как члене возглавляемого Тобою русского представительства, так как при Твоем уходе я должен что-то сделать, чтобы показать, что я не ушел (как бы мне этого не хотелось сделать одновременно с Тобою).

Моя формула о себе такова: «На основании переданного 2-го октября с. г. Правителю В[енгрии] письма генерала барона Вр[ангеля] от 14-го сентября и полного согласия с этим письмом Его Светлости Правителя, ген. ф. Л[ампе] остается в прежней своей должности при чем вместо прежней его канцелярии, в Будапеште остается кап. барон Р[озен], на которого возложено поддержание связи ген. ф. Л. с венгерскими установлениями и русскими военнослужащими, находящимися в стране. Об этом ген. ф. Л. сообщил Военному Министру письмом от 7-го октября №0530»³.

Мне почему-то кажется, что для парирования выпадов справа надо зафиксировать мое положение и в Министерстве иностранных дел, хотя бы этой формальностью, о которой я Тебя и прошу!⁴ На очень худой конец, если Ты после Твоего номера 346 решил больше с ними не сноситься, то я не возражал бы против использования для этого моего бланка, находящегося в Твоем распоряжении, если только это не неудобно, так как со времени с Тобою добровольного слияния я избегал непосредственно сноситься с Министерством иностранных дел!

Как Ты относишься ко всему этому,

От Р[озена] еще не получил письма Ш[ульгина], но, конечно, предполагаю очередную гадость, в которую он почему-то нашел нужным впутывать и Тебя. Да и чего от них больше ждать! Гадостей будет еще сколько угодно. Скверно, если князь Андронников искривил свою линию поведения⁵, которая видна из его письма мне, вывешенного мною на этапе и так раздражившего Ш[ульгина]! Ну да Бог с ними, не скоро еще они чему-либо научатся!

Мне кажется, что их дела плохи, так как на деньги мало надежд! А все было именно в них!

Точных сведений о результате поездки в Париж П.Н. [Врангеля] я еще не имею, но вот что мне пишут в частном порядке: «16-го ноября (П.Н. приехал в Париж 13-го) подписан приказ (или заявление) В.К. Н. Н-ча [великого князя Николая Николаевича], что для полного объединения в Его лице всех военных, он принимает на себя руководство через Г[лавнокомандую]щего, как Армией, так и всеми военными организациями» и «решение В.К. Н.Н. вплотную подойти к вопросу руководства не только армией и военными, но и всеми национальными делами...», как видишь, проявлена активность, которой все так давно ждут и наличие которой раньше может быть привело бы к тому, что В.К. К.В. [великий князь Кирилл Владимирович] не выпустил бы на свет акта 31-го августа!⁶ Ну да, что говорить, слава Богу, что сдвинулось с мертвой точки! В Венгрии решение о союзах не так остро, как повсеместно, так В.М.С. [Высший Монархический Союз] союзам, подчиняющимся командованию, старательно противопоставлял союзы, непосредственно подчиняющиеся В.К. Н. Н-чу. Теперь это отпадает. Как и во что все выльется дальше

в полном объеме национального движения – пока я и сам не могу себе представить! Одно, по-видимому – примирения в Династии не предвидится, и это может похоронить ее и не по первому разряду!

Как Твои личные предположения? Когда предполагаешь покинуть Будапешт? Как вопрос с квартирой и имуществом?

Что огорчительно, так это заключительный отказ в визе священнику! Я даже и не могу понять сути интриги! Что же это поход вообще против духовенства за не сочувственное постановление собора иерархов? Ведь это было бы уже просто бессмыслицей! Положим, что и все остальные интриги большого смысла не имеют... но это уже такой предел, что не верится в то, что это предположение правильно!

Но как понять венгров – за это время остальные державы стали свободнее давать визы, чем они! Как бы им дать понять, что при современной дороговизне в Венгрии, русских туда никакими калачами не заманить, и нужда в визах, пожалуй, выражается в паре в месяц, если не реже! Стоит ли об этом говорить!?

Иловайский пишет мне из Парижа, ему, по-видимому, удалось устроиться в «Вечернем времени», но вопрос, поскольку оно само-то жизненно! Он не оставляет своего негодования против генерала Ш[ульгина] и задевает его в своих заметках, но только не сочувствие редактора сдерживает этот вопрос!⁷ Иловайский очень озлоблен.

Недавно написал длинный «доклад» Софье Алексеевне⁸, от которой получил хорошее письмо! По-видимому, княгиня ждет Тебя для принятия жизненных решений! Как, где и когда Вы устроите свою жизнь – очень мне хочется не терять с Тобой связь – много хорошего было нами пережито в Будапеште!

Жена моя просит передать Тебе сердечный привет.

Л

Примечания

¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 18. Л. 277–280. Машинопись, копия, русский.

² В упомянутой А. фон Лампе ноте от 14-го ноября 1924 г. князь Волконский известил временно исполнявшего должность министра иностранных

дел графа Бетлена о том, что с 1 декабря русское представительство прекратит свое существование (ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 18. Л. 276–277).

³ «Генерал Врангель просил согласия Правительства Венгрии – писал А. А. фон Лампе графу Карою Чаки, министру обороны – дабы я, ликвидировав мою канцелярию в Будапеште продолжал по прежнему, оставаясь в Берлине, нести мои обязанности Русского Военного Представителя в Венгрии... непосредственно из Берлина почтой, а в случаях важных – личным приездом в Будапешт». А. фон Лампе известил Чаки и о том, что получив согласия Хорти, он назначил капитана Розена своим офицером связи в Венгрии для сношения с Министерством обороны. После этого в письме дал краткий обзор русской военной эмиграции и ее организаций, и выразил надежду, что они и в дальнейшем могут рассчитывать на поддержку со стороны министерства (ГА РФ Ф. 5853. Оп. 1. Д. 18. Л. 275).

⁴ А. фон Лампе неоднократно подчеркивал в своих письмах и донесениях, что закрытие канцелярии не означает упразднение самой должности, и он по-прежнему остается военным представителем Врангеля в Венгрии (при этом он постоянно ссылался на согласие Хорти). А. фон Лампе, таким образом, хотел держать под своим контролем события в рядах русской эмиграции в Венгрии, но в дальнейшем его план оказался неосуществимым, предпринятые им шаги в это направление не привели ни к какому результату.

⁵ Речь идет об истории с Николаем Ивановичем Тер-Матеузовым. Его считали главным интриганом в рядах русской эмиграции в Венгрии, и он, несомненно, внес серьезный вклад в обострение внутренних распрей. В Венгрии он выдал себя за штабс-ротмистра Л-Гв. Уланского Ея Величества полка. В качестве контрмеры А. фон Лампе обратился к В.М. Андронникову за информацией. Он получил от него ответ, что Тер-Матеузов никогда не был офицером данного полка, в 1917 г. отбыл воинскую службу в полку нижним чином, но называть себя офицером Уланского полка он никакого права не имеет. К этому он прибавил, что Тер-Матеузов числится в списке самозванцев полка с 1921 г., что в офицерской среде считалось довольно серьезным обвинением. А фон Лампе широко распространял эти сведения в эмигрантской среде в Венгрии, чтобы «дискредитировать армянскую морду, которая давно в этом нуждается». Однако через некоторое время Андронников под давлением Б. Шульгина, Н. Шмемана, Л. Казем-Бека и самого Тер-Матеузова, снял обвинение с последнего в самозванстве (ГА РФ Ф. 5853. Оп. 1. Д. 18. Л. 292, 299, 301, 306).

⁶ Имеется в виду прокламация великого князя, в которой он провозгласил себя Императором под именем Кирилл I.

⁷ Редактором газеты «Вечернее время» был известный русский журналист Борис Алексеевич Суворин. А. фон Лампе не конкретизировал, в чем состояло его «прохладное отношение» к армии. В своих воспоминаниях Суворин писал, что «до конца мы оставались верными армии». Тоже небезынтересно отметить, что брат Бориса Алексеевича, Михаил в Белграде играл

активную роль в издании газеты «Новое время», на которую А. фон Лампе часто опирался в борьбе с монархическим объединением в Венгрии. Ило-вайский из Парижа обещал свою помощь действовать на Суворина (*Суворин* Б.А. За Родиной. Париж, 1922. Глава XX. Эпilog. С чердака до подвала // <http://white-force.ru/publ/2-12.05.2013>; ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 18. Л. 177).

⁸ Софья Алексеевна – жена П.П. Волконского.

88. Письмо П.П. Волконского

А.А. фон Лампе¹

Будапешт, Király utca 100.

Воскресенье 30 ноября 1924

Глубокоуважаемый и дорогой Алексей Александрович,

1) Возвращаю подписанную мною расписку в исправном² получении № 0549.

Расписуюсь сим и в получении письма Твоего от 24 сего ноября с приложениями.

2) Во исполнение Твоего №0549 я написал нот-вербал от 28 ноября за № 364. – О прекращении своей деятельности написал нот-вербал от 29 ноября № 370. Обе в копиях прилагаются. Обе снесены зараз, в субботу, 29 ноября в двух отдельных конвертах в Министерство иностр[анных] дел секретарю графа Амбрози нашим милым Розеном.

Для последнего я составил текст просьбы в Военное министерство насчет освобождения его от податей следующего содержания:

Я имею честь возбудить перед Вами ходатайство об освобождении меня от обязанности платежа податей на время моего официального пребывания в Будапеште.

Для обоснования моей просьбы я позволяю себе привести мою службу в должности офицера связи между находящимся в Берлине генерал-майором фон Лампе и министерством, как об этом уже было сообщено в официальном письме № 0530 от 7-го октября с. г. моим начальником Его Превосходительству, господину министру обороны, и также в ноте-вербале № 364 от с. ч. здешнего русского дипломатического представителя в Венгерское Королевское Управление по делам иностранцев³. (от 28-ого)

Картон с «1000-ми вопросами» отдал Бубу⁴.

Папку «Militaria» хочу сжечь и подпись Твою тоже, как ни жаль и как это ни трудно технически.

О том, как тяжелы все последние дни, не буду распространяться. Текущие дела свёз 28-го на Дугонич-уцу. Помещение на Чиллаг-уце⁵ с инвентарем сдал под расписку в субботу, 29-го. Не хватало одной вешалки, осталась на Салаи-уце, о чем учинена отметка, но никакой платы не взяли. Очень любезно Министерство нар[одного] просвещения!

В Министерстве иностранных дел собираюсь оставить «...»⁶ графу Амбрози и начальнику канцелярии г[осподи]ну фон Ветштейну⁷. Графу Амбрози хочу оставить на квартире и старую свою легитимационную карточку.

Добавлю вот что существенное, недавно милейший граф Амбрози говорил, что с Реймондовским проектом получился «contre-temps», что Лига наций так скудно отпускает свои средства, что проект этот мог бы причинить расходы здешним, а им не под силу. Что обойдется и так, путем сотрудничества Малама и Есенского⁸, пусть и без покрывала Лиги. Что, по его мнению, я могу уехать с чувством, что русские не окажутся беззащитными. Я благодарил.

Несомненно, положительное впечатление получилось для меня, субъективно от вчерашнего милостивого приема наверху у августейшей четы.

В парламенте здесь дым коромыслом. Сильнейшая атака против кабинета. Бесконечные политические процессы. – О советах мало слышно. Пештер Ллойд последнее время их поругивает. А «Мадьяршаг» на днях пустил статью о нас, что разбиты, мол, на партии, что действовать будет Реймонд, что я женат на Боргезе⁹, вообще сумбур, и о В.В. [Малама] ни слова! А все было ведь в нем, да в Бубе. Пока Самсонов здесь, он представляет крупную полезность.

Собираюсь в четверг, 6 дек. В Ниццу к жене (King Georgés Hotel, 15 rue frimalá, Nice /Nizza/ Квартира за мною, живет Маркиз ди-Суни, должна приехать и маркиза¹⁰. Это окупает расходы, но сопряжено с возможностью осложнений. Моя собственная комната остается в таком виде, что могу в любую минуту в нее снова поселиться.

Представь, никто мне доныне не мог сообщить текст приказа от 16 ноября!¹¹

Когда-то увидимся и что еще переживем? Пора, наконец, в гору!

С сердечною благодарностью за все, с душевными лучшими пожеланиями, Тебе и Твоим крепко жму руку и остаюсь

Глубоко уважающий и искренно преданный

П.П. Волконский

P.S. Памятную папку и подпись Твою сжег. Надеюсь, скоро обрадуешь весточкою в Ниццу. Рад был снова видеть Твою подпись. Всего доброго! ППВ

Примечания

¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 18. Л. 281–281об.

² Слово плохо читается.

³ Текст, набранный курсивом, переведен на русский язык с немецкого.

⁴ В.Г. Розену.

⁵ Уца – не совсем удачная транскрипция венгерского слова «utca» (улица).

⁶ Слово в кавычках не читается.

⁷ ВЕТШТЕЙН Янош (1887–1972), венгерский дипломат, в 1921–1923 гг. поверенный в делах венгерского дипломатического представительства в Гааге, с 1923 по 1925 г. член кабинета министра, с 1933 г. венгерский посланник в Праге, с 1943 г. на пенсии.

⁸ ЕСЕНСКИ Андор (?–1943), советник Министерства внутренних дел. С 1940 по 1943 г. капитан Венгерской Королевской Жандармерии. (В документах А. фон Лампе и В.В. Малама его фамилия встречается не совсем точной форме: Ясенский).

⁹ У князя Волконского через свое родство с фамилией Аппони были троюродные братья и сестры в итальянской герцогской фамилии Боргезе.

¹⁰ Личность упомянутых в абзаце лиц не установлена.

¹¹ Речь идет о распоряжении великого князя Николая Николаевича о том, что он возьмет на себя руководство над военными организациями через генерала Врангеля, как Главнокомандующего Русской Армией (См. об этом: *Голдин В.И.* Русское военное зарубежье в XX веке. – Архангельск, 2007. С. 50–51).

89. Сводка № 4**о жизни союзов во Втором отделе
Русского Общевоинского Союза
к первому декабрю 1924 г.¹***Раз в 4 месяца*

[...]

II. Венгрия**A. СОЮЗ РУССКИХ ОФИЦЕРОВ В КОРОЛЕВСТВЕ ВЕН-
ГЕРСКОМ**

За подотчетный период, ввиду ухода из состава правления союза некоторых его членов, в том числе и вице-председателя союза, полковника Калинина, вокруг имени которого разыгралась борьба отдельных групп членов союза (сводка № 3)², состоялись выборы, прошедшие 28-го октября под председательством нового назначенного председателя союза.

На этом собрании, прошедшем без малейших недоразумений, на место ушедшего вице-председателя был избран один из первых по времени вступления в союз членов его Полковник Кариус (участник первого похода).

В результате выборов состав правления стал следующий:

Вице-председатель: полковник КАРИУС

От Общества Галлиполийцев: Полковник ЖУКОВСКИЙ-ВО-
ЛЫНСКИЙ

Войсковой старшина ГОЛИЦЫН

Войсковой старшина ЕЛИСЕЕВ³

(все трое по назначению военного представителя)

От Военного Представительства: капитан барон РОЗЕН

От казачьей станицы: вакансия

От офицеров не входящих в организации: не замещено

Структура правления офицерского союза в Венгрии несколько разнится от таковых же в других странах. Что касается до должности члена правления «от офицеров не входящих в организации», то под этим подразумевались те офицеры, которые не могли принадлежать ни к Станице, ни к Обществу Галлиполийцев.

Ныне вероятно это замещено не будет, так как среди таких офицеров увеличивается число уезжающих из Венгрии в страны

более дешевые по жизни и отдельного представительства в правлении они иметь не будут.

В целях экономии союз отказался от отдельного помещения и правление перенесено с 1-го октября на этап при военном представительстве, совместно с правлением Общества Галлиполийцев.

Б. ОБЩЕСТВО ГАЛЛИПОЛИЙЦЕВ В ВЕНГРИИ

В состав правления общества назначены за отчетный период военным представителем:

Председатель: Полковник ЖУКОВСКИЙ-ВОЛЫНСКИЙ

Члены правления: Войсковой старшина ЕЛИСЕЕВ

Капитан КОЛОГРИВОВ

Капитан ШАРГО⁴

Оба союза, и «Союз Офицеров» и «Общество Галлиполийцев» живут стремлением перебраться из Венгрии в более дешевую и дающую возможность получения более легкого, чем в Венгрии заработка, Францию. В этом случае большую роль играют письма, получаемые от находящихся во Франции Галлиполийцев из числа ранее туда уехавших.

Задержка переброски на два месяца, как о том уведомен генерал Шатилов, очень тяжело отражается на моральном настроении русских офицеров находящихся в Венгрии. Положение это ухудшается тем, что члены как союза, так и общества за последнее время подвергаются давлению со стороны представительства в. к. Кирилла Владимировича, которое с ликвидацией управления военного и дипломатического представительства в Венгрии получило большую свободу действий, в которых оно средствами не стесняется.

В начале октября, в связи с ликвидацией управления военного представителя и отъездом из Венгрии помощника его, есаула Иловайского, произошло объединение на товарищеском ужине всех членов обеих организаций, несколько скрасившее ставшую довольно грустной, жизнь русских офицеров в Венгрии.

В виду все того же вопроса о ликвидации управления военного представительства и учреждения приказом № 35 второго отдела Русского Обще-Воинского Союза, а также в виду ухода со своей должности Старшего Галлиполийца в Венгрии полковника Лукина, на должность председателя союза был допущен впредь до утверждения Главнокомандующим полковник Соколов. На него

же было возложены и обязанности Старшего Галлиполийца в Венгрии, что конечно способствует объединению всех офицеров проживающих в Венгрии около Общества Галлиполийцев!

За подотчетный период полковник Соколов в обеих должностях утвержден Главкомандующим.

Материальное положение как союза, так и общества, в связи с полным сокращением ассигнований на Венгрию с одной стороны и с приостановкой впуска во Францию – с другой, с первого января будет весьма затруднительно, так как запасов ни у того, ни у другого образоваться не могло!

[...⁵]

*Генерального штаба генерал-майор
фон Лампе*

«30» ноября 1924 г.

№ 3527

Г. Берлин

Рассылается: Генерал-Лейтенанту КУСОНСКОМУ (два экземпляра), Генерал-Лейтенанту МИЛЛЕРУ и Генералу-от-Кавалерии ШАТИЛОВУ

Примечания

¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 18. Л. 343–346.

² Смотри об этом документ № 85 в приложении и комментарии к нему.

³ Инициалы и биографические данные Голицына и Елисеева неизвестны.

⁴ Инициалы и биографические данные капитана Шарго неизвестны. КОЛОГРИВОВ Митрофан Митрофанович, капитан (?). В архивных документах 1920-х годов он упоминается, как председатель Союза Русских Студентов в Венгрии. Хотя его отношения с А. фон Лампе не были безоблачными, с 1932 до 1940-х гг. он был председателем Союза Русских Офицеров в Королевстве Венгерском. Последний факт свидетельствует об отъезде или об отходе к этому времени от Союза высших чинов.

⁵ Пропущенная часть повторно затрагивает несколько общих вопросов в связи с положением русских эмигрантов-военных в Венгрии и в Германии и поляризации сил в монархическом движении после выступлений великих князей Кирилла Владимировича и Николая Николаевича.

1925

90. Письмо А.А. фон Лампе

В.В. Малама¹

«20» февраля 1925 г.

№ 0604

Г. Берлин

Его П[ревосходитель]ству В. В. МАЛАМА

Многоуважаемый Владимир Владимирович!

Мною получено из Будапешта донесение, в котором указано, что Г[осподи]ном Реймондом организован Русский комитет несколько иначе, чем это предполагалось при соглашении принятом Вами, Князем Волконским и мною².

По этому донесению в состав комитета вошли: Вы, Полковник Кариус, Полковник Соколов, Генерал Иванов (по-видимому, от станции?), Г[осподи]н Ясенский³, будущий православный священник, Г[оспод]ин Шмеман и Г[оспод]ин Шульгин.

Таким образом, в списке я не вижу, хотя бы номинально моего участия, что совершенно противоречит нашему с Вами соглашению.

Поэтому я позволю себе просить Вас не отказать сообщить мне Ваш взгляд на дело и, если Вы знаете, то и причину игнорирования Г[осподи]ном Реймонд моего имени и должности, которая сохранена за мною за личным согласием данным мне 2-го октября прошлого года Адмиралом ХОРТИ.

Если это произошло случайно, вследствие моего отсутствия из Венгрии, то я надеюсь, что Вы не откажете поддержать мою точку зрения о необходимости моего вхождения в комитет, причем я сам считал бы желательной такую формулировку: «Я вхожу в комитет полноправным членом, но участвую в работе его (и несу за нее ответственность) только во время моего пребывания в Венгрии. В остальное время я могу иметь в комитете лицо по мо-

ему назначению без права голоса, только для информации меня о работе комитета».

Мне кажется, что такое положение было бы нормальным и принимается оно мною потому, что, как Вы знаете. Я не могу считать себя ответственным за работу части членов комитета.

Я полагаю, что такое положение будет нормальным и для Г[осподи]на Реймонда, так как в противном случае я должен буду поставить на усмотрение Главнокомандующего вопрос об участии в Русском комитете представителей Военных организаций.

Я очень прошу не отказать в срочном ответе по этому моему письму, а также и сообщить мне адрес Г[осподи]на Реймонда и транскрипцию его фамилии и должности.

Прошу принять уверения в совершенном моем уважении и искренней преданности.

Крепко жму руку Ваш фЛ

Примечания

¹ ГА РФ Ф. 5853. Оп. 1. Д. 19. Л. 349–350. Машинопись, копия, русский.

² Донесение было составлено отсутствовавшим на заседании полковником А.А. Соколовым со слов полковника Э.И. Карнуса (ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 19. Л. 346–347 об.).

³ Правильно Есенски.

91. Письмо В.В. Малама

А.А. фон Лампе¹

Уполномоченный

Российского Общества Красного Креста

В Венгрии

25-го февраля 1925.

№ 4231

Г. Будапешт

Многоуважаемый Алексей Александрович,

В ответ на письмо от 20-го февраля с. г. за № 0604 спешу сообщить Вам следующее:

1. Письмо Ваше я застал у себя дома по возвращении от барона Розена, с которым как раз беседовал относительно состава Комитета и предполагаемых с моей стороны по сему поводу шагов. Как Вы видите, мною обращено внимание на этот вопрос независимо от Вашего письма.

2) Из того, что Вы пишете я вижу, что донесение, полученное Вами из Будапешта не совсем ясно рисует картину существующего в Будапеште положения. По сему считаю необходимым несколько вернуться назад и вкратце описать ход событий к моменту отъезда Князя Волконского и в дальнейшем. Вопрос об организации Представительства для защиты интересов русских беженцев в сущности прошел через три стадии, в результате перейдя в четвертую. Сначала был вопрос о делегации, который не прошел, затем о комитете в известном Вам составе, который также не прошел. После этого Венгерское Правительство решило передать все дело в руки Лиги Наций.

По сему поводу велись переговоры между г. Реймондом, Представителем Венгерского Министерства Внутренних Дел Ясенским, Князем Волконским и мною. Решено было, что юридически возглавлять все будет Реймонд, я же фактически буду вести дело, как Представитель Венской Делегации. В заключение же он добавил, что предполагает создать Комитет, чисто совещательного характера, как и частного, без исполнительных функций, который он намерен собирать в дни своих приездов в Будапешт для обсуждения могущих встретиться вопросов, касающихся беженской жизни, и отчасти, для удовлетворения разных течений здешней колонии. Состав Комитета он не предопределял, сказав лишь, что таковой может видоизменяться и дополняться в зависимости от обстоятельств. Откровенно говоря, ни Князь Волконский, ни я особенно и не заинтересовались составом Комитета в виду намеренного самим Реймондом его неофициального характера. Я лишь поставил два условия для принятия на себя представительства по делам беженцев в Венгрии под флагом Лиги Наций: полная самостоятельность и независимость, невмешательство в дела репатриации².

На этом кончились переговоры и Реймонд уехал, обещал по утверждению его проекта Лигой Наций нас о сем уведомить.

Вместо этого получилось от него письмо, в котором он сообщал, что вопрос откладывается, так как он должен ехать в Женеву на заседании Лиги Наций, где, между прочим, должен обсуждаться вопрос о самом его и Венской Делегации существовании. Ждали мы от него известий, но так как таковых не последовало, а в это время настал момент отъезда Кн. Волконского, то мы решили поступить иначе, т. е. явочным порядком Князь передал мне свои функции, дела и архив и уведомил все подлежащие инстанции, что с 1-го декабря он передает мне исполнение своих обязанностей. На это возражений со стороны властей не последовало и, таким образом, я со дня отъезда Князя Волконского, продолжая свои прямые обязанности, принял на себя его функции, оставаясь без всяких изменений Уполномоченным Красного Креста.

3) Затем в половине февраля прибыл сюда г. Реймонд и сообщил мне, что хочет собрать заседание того совещательного комитета, о котором он высказывался в последнем заседании [так в тексте], прося меня присутствовать на нем. Заседание состоялось 14-го числа в сообщенном Вам составе за исключением полковника Соколова, который не присутствовал. Характер оно носило скорее беседы или обмена мнений, чем заседания; секретаря выбрано не было, журнала не вели. Должен сказать, что никакого реального значения я ему не придавал (да, положим, и впредь придавать не собираюсь) и, уйдя из заседания, даже больше не вспоминал о нем. Когда же накануне Вашего письма я получил от Реймонда протокол заседания, т. е. увидел его зафиксированным на бумаге³, то я решил на это реагировать и сейчас же (поставив об этом в известность Барона Розена) написал г. Реймонду письмо, где уведомил его о получении протокола и высказал мнение о необходимости привлечения Вас, как Военного Представителя, признаваемого Правителем страны (или Вашего заместителя) в состав комитета, а также и Председателя Общества Галлиполийцев.

4) Как видите, должные меры я принял по собственной инициативе. Из изложенного Вы также увидите, что донесение, полученное Вами, несколько ввело Вас в заблуждение относительно комитета, который в действительности ничего общего с предполагавшимся нами комитетом не имеет; создан не Венгерским

Правительством и не нами, а принадлежит личной инициативе г. Реймонда.

Таким образом, тот упрек, который как будто сквозит в Вашем письме, не вполне справедлив. Я продолжаю свою деятельность по старому, воззрений не меняю, тактики придерживаюсь прежней, переданные мне Кн. Волконским функции продолжаю по его же образцам и в том же направлении. Военных дел, правда, (Этапа, за исключением Амбулатории Кр[асного] Кр[еста] и т. д.) я не касаюсь вовсе, согласно Вашему же приказу от 22-го ноября 1924 года № 4, и в курсе таковых я не нахожусь, да никто, впрочем, по ним ко мне и не обращается, я же привык (кроме исключительных случаев, каким я считаю данный) держаться в рамках своей компетенции, выходя из них лишь в случае обращения ко мне заинтересованных лиц. Откровенно говоря, как я и раньше Вам лично высказывал, я нахожу, что в наших обстоятельствах, тем более в сравнительно малом масштабе Венгрии, раздвоение едва ли полезно для дела, — но это, конечно, мое личное убеждение и я могу ошибаться.

5) Адрес г. Реймонда

Monsieur Henri Reymond

Délégué du Haut Commissariat de la Société des Nations

Hohenmarkt, 5 Vienne, Autriche

[...⁴]

Сообщая об изложенном, прошу принять уверения в искреннем моем уважении и таковой же преданности.

В. Малама

Примечания

¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 19. Л. 356–357об. Машинопись, русский, оригинал.

² В вопросе о статусе Малама мнения последнего и Реймонда немного разошлись. Реймонд подчеркнул, что Малама ни в коем случае не может рассматриваться как самостоятельный представитель русской колонии в Венгрии, а он является всего лишь его заместителем, в то время, как Малама по-прежнему продолжал себя считать главой колонии русских беженцев (*Халас Иван*. Русская белая эмиграция и Венгрия в начале 1920-х годов //

Российская белая эмиграция в Венгрии (1920–1940-е годы) / Отв. редакторы *Варга Ева Мария, Стыкалин А.С.* – М., 2000, 2012. С. 29).

³ А. фон Лампе получил из Будапешта копию протокола на французском языке упомянутого заседания. На этом заседании были обсуждены следующие вопросы: состав комитета, возможность эмиграции в Бразилию, переброска во Францию (ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 19. Л. 363–364).

⁴ Пропущенный абзац касается попытки получения информации в Министерстве обороны о некоем Стрижаке, личность которого и причина фигурирования его в письме Малама к А. фон Лампе неизвестны.

92. Письмо графа Кароя Чаки, министра обороны

А.А. фон Лампе¹

Венгерский Королевский Министр Обороны

Глубокоуважаемый Господин Генерал!

Подтверждая получения Вашего письма от 7-го октября, пользуюсь случаем выразить свое удовлетворение по поводу того, что, несмотря на наше тяжелое положение, мы могли обеспечить относительно хороший приют тем русским офицерам, которые нашли убежище в Венгрии.

Учитывая ту глубокую симпатию, которую венгерское правительство питает к несчастным русским беженцам, Вы, Господин Генерал можете не сомневаться в том, что на их судьбу мы и в будущем обращаем тщательное внимание.

Я принимаю к сведению ликвидацию Вашей канцелярии, и надеюсь, что с помощью комитета, созданного назначенным Лигой Наций комиссаром, господином Реймондом, интересы упомянутых офицеров еще в большей степени будут защищены, чем это имело место до сего времени.

Благодаря созданной под эгидой упомянутой Лиги Наций организации создано такое положение, которое позволяет Вам полностью отказаться от содержания военного представительства в Будапеште, и освобожденные таким образом суммы можно использовать на поддержку неимущих офицеров.

Одновременно с этим роль гвардейского капитана барона Розена, как офицера связи лишается своей основы.

Разрешите Господин Генерал выразить Вам мое высокое почтение.

Чаки

Будапешт, 23 февраля 1925.

Примечания

¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 19. Л. 98–99. Машинопись, оригинал, немецкий (перевод на русский. – А.К.).

93. Письмо М. Хорти

П.Н. Врангелю¹

Правитель Венгрии

Копия

Господин Генерал,

Имею честь подтвердить получения Вашего письма от 14-го сентября, которое мне передал Ваш представитель, генерал фон Лампе 2-го октября². Вам хорошо известна та симпатия, которую я питаю не только к Вашей личности, но к вверенной Вам Армии, и к той благородной цели, которую Вы представили перед собой, поэтому Вы не будете сомневаться в моем глубоком удовлетворении по поводу того, что часть ваших соотечественников нашла приют в Венгрии, и, несмотря на те трудности, с которыми им приходится сталкиваться, относительно довольны своей судьбой.

Сильно надеюсь, что в будущем эти офицеры будут еще лучше обеспечены, так как Лига Наций шла на помощь Венгерскому Королевскому Правительству, и поручил своему специальному представителю защиту интересов русских беженцев в Венгрии. Та организация, которая сейчас создается в Будапеште для защиты Ваших антибольшевистских соотечественников, освобождает Вас от содержания отдельного представительства при Венгерском Королевском Правительстве, и дает Вам возможность более эффективно реализовать полученные таким образом экономии в пользу Ваших соотечественников.

В таких обстоятельствах я осмеливаюсь советовать Вам, Господин Генерал, предлагать генералу фон Лампе вступить в контакт со специальным делегатом Лиги Наций, с господином Реймондом, с той целью, чтобы путем непосредственных переговоров обеспечить поддержку Лиги Наций для нашедших в Венгрии приют русских офицеров³.

Заранее уверяю Вас, господин Генерал, что судьба этих офицеров не перестает быть предметом моего самого тщательного и постоянного внимания.

Примите, господин Генерал, уверенность в моем глубоком уважении⁴.

Будапешт, 4 марта 1925 г.

Подпись: Хорти

Примечания

¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 19. Л. 100–101. Машинопись, копия, французский (перевод на русский. – А.К.)

Поскольку письмо было адресовано генералу Врангелю, А. фон Лампе отправил его дальше по назначению без вскрытия конверта. Однако у Кусонского он сделал шаги для получения обратно оригинала для своей коллекции, на память: «... прошу Тебя не отказать срочно прислать мне копию письма от Х[орти] к В[рангелю]... а если можно, то и вернуть самое письмо. Последнее я хотел бы в порядке просто моей страсти к собиранию документов – оно знаменательно для меня, так как оно будет носить и подпись Х. и резолюцию В., а я был столько лет связью между ними. Если его захочет сохранить П.Н., то конечно моя просьба отпадает. Но, кажется, у него не имеется той исторической сентиментальности, которая есть у меня» (ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 19. Л. 391).

² Смотри об этом дневниковую запись А. фон Лампе от 2–5 октября 1924 г. и документы № 83, 85 в приложении, и комментарии к ним.

³ Данную часть А. фон Лампе в письме к В.В. Малама комментирует следующим образом: «Злая ирония!! Обеспечение постановлениями комитета, это не так много, при полном отсутствии интереса к этому вопросу представителя Лиги Наций и отсутствии у него необходимых средств!» (ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 19. Л. 379).

⁴ Таким образом, были разорваны последние нити, которые официально связывали А. фон Лампе с Адмиралом Хорти и венгерским правительством.

А фон Лампе долго негодовал по поводу содержания этих двух писем, которое – по его соображению – противоречило обещанию Хорти, данное ему на встрече 2-го октября прошлого года. Он был возмущен и тем, что венгры удосужились ответить на письма его и Врангеля от 14 сентября и 7 октября в конце февраля, в начале марта. Однако он ясно осознал, что стоит перед свершившимся фактом. Такой поворот в позиции венгерского правительства в письме П.А. Кусонскому он объяснил отчасти желанием венгров освободиться от заботы о русских беженцах и свалить все на Лигу Наций. С другой стороны он допускал, что вопрос признания большевиков еще не окончательно снят с повестки дня, и наличие небольшевистского представительства в Будапеште может быть мешающим фактором на пути установления дипломатических сношений с Москвой. Наконец он не исключал возможности, что происки «кириллистов» тоже сделали свое. В этой ситуации А. фон Лампе успокаивал себя тем, что после отъезда его и Иловайского из Венгрии представительство по сути дело имело фиктивный характер, а для русских военных он по-прежнему остается начальником 2-го отдела РОВС. Дела эмиграции на практике были сосредоточены в руках лояльного к Командованию и Врангелю В.В. Малама, который голосами Галлиполийцев регулярно избирался главой местной эмигрантской колонии. То есть в этом отношении больших изменений нет (ГА РФ Ф. 5853. Оп. 1. Д. 19. Л. 384–389). На худой конец А. фон Лампе был готов дать приказ членам Офицерского Союза и Общества Галлиполийцев просто игнорировать комитет Реймонда, а Карису и Соколову приказать выступление из комитета (ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 19. Л. 371–372, 374).

94. Письмо А.А. фон Лампе

В.В. Малама¹

«6» марта 1925 г.

№ 0618

Г. Берлин

На № 4231

Его П[ревосходитель]ству В. В. МАЛАМА

Многоуважаемый Владимир Владимирович!

Разрешите раньше всего искренно поблагодарить Вас за Ваше письмо полностью и без всяких недоразумений разъясняющее всю обстановку с образованием русского комитета в Будапеште.

Разрешите столь же искренне заверить Вас, что у меня нет, и не было желания или намерения – явно или скрыто упрекать Вас

в чем-либо. Во-первых, у меня к тому не было решительно никаких причин, так как наша совместная работа с 1921 года всегда протекала без малейшего недоразумения, во-вторых, я, в силу именно таких хороших отношений между нами, в случае какого-либо недоразумения, считал бы для себя обязательным, а для Вас приемлемым – прямо и открыто поставить Вам тот или иной вопрос.

Мне очень жаль, если мое письмо № 0604 могло быть понято иначе – возможно, что это по-видимому, потому, что конечно образ действий Реймонда (и только его одного) меня несколько задел². Во всяком случае, прошу Вас многоуважаемый Владимир Владимирович, верить, что впечатление произведенное моим письмом на Вас – ни в какой мере не соответствовало моим намерениям и надеяться, что инцидент можно считать исчерпанным! Как Вы знаете еще по нашим разговорам с князем Волконским, я всегда поддерживал мысль о том, что вся деятельность должна перейти к Вам и никому другому, и только специально военную часть я не считал возможным взваливать вдобавок ко всему остальному на Ваши же плечи, оставив ее за собою. Таким образом, я вполне с Вами согласен, что не следует допускать раздвоения – в этом смысле и давались мною всем военным служащим указания по всем вопросам, не требуемым разрешения специально военного начальства – обращаться к Вам, тем более, что я никогда не сомневался в том, что каждый получит от Вас все то, что ему необходимо.

Я очень Вам также признателен за Ваше письмо Реймонду – при сем прилагаю также и копию моего письма ему же (также буду делать и впредь). Как видите, я пишу ему очень мягко, рассчитывая, что он отзовется уже на Ваше письмо и не придется на него давить в дальнейшем. Если же он не реагирует как должно, то разрешите надеяться, что Вы, вместе с военными, возьмете его «в оборот» устно, а я сделаю это письменно, а когда поеду в Венгрию, то заеду к нему в Вену для устного разговора.

Как я Вам уже писал, моя схема такова – представитель от Галлиполийцев в комитете полковник Соколов, от офицерского союза, если Соколов (председатель его) согласен – Кариус, от меня – барон Розен. Если последнему дадут решающий голос, то тем лучше.

Таким образом, получится плотное соединение: Вы, Соколов, Кариус, Розен, быть может, и генерал Иванов. Если Реймонд и Ясенский пойдут с Шмеманом и Шульгиным – то и тогда перевес на Вашей стороне! Кстати – как Ваше мнение относительно самого Ясенского, который мне кажется более интересным, чем Реймонд, постоянно отсутствующий, не поддался ли он, как раньше Пячек – влиянию монархистов? Это было бы жалко!

Положение военного представительства в Венгрии таково же, как и положение вопроса о передаче князем своих функций Вам – ни военный министр, ни министр иностранных дел, не ответили мне или князю на наше извещение о том, что вследствие письма генерала Врангеля Правителю, последний признал возможным продолжение исполнения мною должности военного представителя и впредь!³ Это, по-видимому, нормальная система для венгров – самих себя ставить перед совершившимся фактом! Оригинально, но для нас удобно! Мне все больше и больше кажется, что нам надо было в прошлом августе просто самим составлять комитет и потом поставить об этом в известность самих венгров прося дать своего представителя. В этом роде я делал предложение князю, но он не мог на это согласиться. Было бы, пожалуй, намного проще!..⁴

Примечания

¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 19. Л. 366–368. Машинопись, копия, русский.

² А. фон Лампе был явно недоволен с Реймондом. В письме к Кусонскому характеризовал его, как молодого, лет 25–28 человека «несомненно, еврейского происхождения», который весьма слабо разбирается в русском эмигрантском вопросе. От него – добавил – никакой реальной помощи ждать нельзя, так как его и его ведомства материальное положение весьма неопределенное. Да и он сам не спешил с приездом в Венгрию, после того, как договорился с венгерским правительством о взятии на себя обязанности по делам русских беженцев в стране (ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 19. Л. 385–386).

³ Данное замечание свидетельствует о том, что А. фон Лампе к моменту отправки ответа для В.В. Малама, еще не получил письма от Хорти и Чаки.

⁴ Конец документа отсутствует в деле.

95. Отрывки из письма**А.А. фон Лампе****В.Г. Розену¹**

№ 0643

Берлин, «27» марта 1925 г.

Дорогой Владимир Григорьевич!

Получив Ваше письмо от 20-го марта должен признаться Вам, что я получил полное удовлетворение за все время моей работы в Венгрии. Я считаю, что Вы действовали абсолютно правильно и, говоря откровенно, мне хотелось бы, чтобы и я сам или Владимир Алексеевич [Иловайский], в подобном случае пошли бы также с таким упорством и энергией по правильному пути, как пошли Вы².

Вы правильно приняли исходное положение – действительно нет никакого резона рисковать своим престижем из-за С[имонова], ведь как ни говоря, он начал с предательства нас же. Он, правда, потом испугался своего поступка, но испугавшись, опять сделал вторичную попытку предать Владимира Алексеевича и поставил его в трудное положение, виной которого только отчасти был сам В.А., который несколько погорячился в свое время.

Совершенно правильной считаю постановку вопроса, что как минимум оба должны страдать одинаково, я лично предпочитал бы, чтобы они оба не остались, а оба были высланы. Для русского воздуха в маленьком Будапеште то было бы лучше!

Приветствую также Ваше упорство в достижении поставленной цели – мое удовлетворение Вашим образом действий, конечно, исходит из того, что в первые дни нашего с Вами пребывания в Венгрии на меня легло руководство нашей деятельностью – с большим удовольствием узнаю наш старый способ – не выпускать медлительных венгров ни на минуту из рук, чтобы не дать им уснуть... Самым показательным считаю Ваше решение дожидаться вместо полковника С[тоякови]ча его помощника. Судьба дала за это немедленное вознаграждение в лице капитана «Г», которого и я отлично знаю, и который полностью понимает положение³.

Солидарность с нами военного министерства происходит, конечно, не от любви к нам и не от обиды за нас – это предлог. Суть

не в этом, суть в том, что Т[ер]-М[атеузов] прислал им подложные бумаги и в той фразе моего письма военному министру, в которой, как Вы помните, я, как бы вскользь упоминал о его (Т-М.) предложениях информировать меня в том, что делается у венгров. Этого они ему, конечно, простить не могли!

Я понимаю Шмемана, высылка его личного секретаря, да еще за которого он усиленно хлопотал – для него большой удар! Не знаю, понимает ли он, с кем имеет дело, или просто завяз...⁴ в сетях расставленных ему же тем же Т-М?

Ваша приписка к письму, в которой Вы сообщаете о том, что высылка решена окончательно, меня очень обрадовала, соседней я немедленно извещу! У меня все же где-то под сознанием есть сомнение, вышлют ли они их – я сомневаюсь не в том, что венгры решат выслать С. и оставлять Т-М. – этого после Ваших правильных действий я не жду, я только боюсь, что они отмахнутся от всей истории и оставят обоих – это с нашей точки зрения уже неблагоприятное решение. Надо добиваться именно высылки и того и другого! Будапештской действительности это принесет облегчение, а в душе и сам Шмеман, раз это будет факт совершившийся – быть может, и вздохнет свободно! Зависеть от такого типа нелегко!!

[...]⁵

Сердечно Вас благодарю дорогой Барон за правильно и решительно проявленную инициативу в серьезный и ответственный момент! Спрашивать было действительно не время, и Вы вышли из положения с честью!

Одновременно с Вашим письмом я получил письмо и С[имонова], в котором он просит [у] меня денег. Я обещал ему, когда он первый раз пришел ко мне, доставить ему возможность выехать в Германию и немедленно выполнил свое обещание, при этом я не остановился перед тем, что получение разрешения стоило мне почти столько же, сколько он просит теперь! Он не захотел воспользоваться визой и не потому, что немцы не ставили ее на Нансеновский паспорт, как он мне пишет – они то именно стали первыми сторонниками этого рода паспортов, а по каким-то иным причинам, которые я так и не знал! Я и теперь готов ему пойти на помощь, так как ценю его раскаяние и помощь нам в последний момент, но у меня просто нет денег! В этом-то

и драма – не будь такого положения, я бы сам немедленно приехал к Вам, что давно хочу сделать, и что мне кажется нужным в связи с письмами Правителя и военного министра и с колдованием Реймонда.

Если можете, то помогите ему в благотворительном порядке. Я совершенно не в курсе дела, есть ли деньги или нет. Что касается до Германии, то несмотря на все трудности, я конечно сдержу свое обещание, несмотря на мою юридическую свободу от этого, так как я его раз уже исполнил, и достану ему, если он захочет идти на нелегкую работу здесь, разрешение на въезд сюда!

Книги 37/42 и 38/43 получил⁶, осталась только одна не переплетенная, но ее уже присылать сейчас не буду. Очень Вам признателен за исполнение этой личной моей просьбы, знаю, что с нею Вам пришлось возиться. Деньги с благодарностью перешлю с очередным курьером. Сегодня не успею этого сделать, есть только марки, а это не годится.

Прошу Вас также передать мою признательность Вашему тестю⁷, который поверил нам и не отказался нам помочь, вмешавшись в это, безусловно, неприятное дело! Я его к сожалению слишком мало знаю, чтобы благодарить лично.

Ваше перемещение («в распоряжение») будет сделано одновременно со всеми приказами Г[лавногокомандую]щего, о чем я Вас извещу⁸. Я рад, что наши взаимоотношения остались без изменений!

Пишите, что делает Реймонд. Я боюсь, что мое послание о том, что Правитель сам направляет меня к нему, не застало его в Вене, так как я отослал его 15-го, а заседание было в Будапеште уже 19-го⁹. Копия письма была мною послана на имя В.В. Малама.

Л

Примечания

¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 19. Л. 396–400. Машинопись, копия, русский.

² В своем письме от 26-го марта Розен информировал А. фон Лампе о принятом венгерскими властями решении по делу Смирнова–Тер-Матеевца, которое было начато еще весной 1924-го года (Смотри об этом доку-

менты № 73, 75, 76. в приложении и комментарии к ним). Розен был возмущен тем, что Смирнова было решено выслать из Венгрии, а настоящего виновника, инициатора фальсификации документов, Тер-Матеузова не трогали. Он узнал, что за последнего заступились влиятельные защитники из кабинета Правительства и из канцелярии премьер-министра. Розен немедленно, без запроса А. фон Лампе активизировал все свои связи, включая и родственные (его тесть – по его словам – был хорошим другом начальника полиции) и сделал энергичные шаги в министерствах обороны и внутренних дел. Он настаивал на том, что оба должны нести одинаковую кару. Одному из чиновников министерства внутренних дел Розен заявил, что в противном случае он готов дойти до Правительства и лично докладывать ему по этому делу. Наконец в генеральном штабе ему сообщили, что по постановлению отделения «Д» (контр-разведки) Тер-Матеузов должен покинуть пределы страны (ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 19. Л. 392–395).

³ Речь идет о капитане Корнеле ГАИДА, референта по русским делам в Венгерском генеральном штабе.

⁴ Вероятно, завяз – конец слова не читается. – *А.К.*

⁵ В пропущенной части А. фон Лампе дает обзор историю своей переписки с Министерством обороны по делу Н. Тер-Матеузова.

⁶ Речь идет о дневнике А. фон Лампе. Пока существовала канцелярия военного представительства в Будапеште, А. фон Лампе хранил отдельные тетради дневника в сейфе представительства. Он считал венгерскую столицу более безопасным местом, чем Берлин, и в экстерриториальности помещения канцелярии видел гарантию того, что дневник не попадет в чужие руки. После ликвидации своего «хозяйства» он взял с собой тетради за исключением 10 штук. В Берлине А. фон Лампе перепечатал их на пишущей машине и прислал Розену в Будапешт на переплет. Двойная нумерация книг объясняется потерей первых четырех тетрадей в Харькове во время гражданской войны.

⁷ Тестем барона Розена по его первому браку был ЕКЕЛФАЛУШИ Золтан (1862–1945), до Первой мировой войны секретарь потом советник министерства внутренних дел, в 1917–1918 гг. был последним губернатором города Фиуме и Приморского края. С 1939 г. – член Верхней палаты парламента.

⁸ В связи с упомянутыми изменениями в статусе и защите интересов русских беженцев барона Розена из офицера связи военного представителя в Венгрии перевели в распоряжение того же А. фон Лампе, как начальника 2-го отдела РОВС.

⁹ Надо отдать должное дипломатичности А. фон Лампе. При всей его неприязни к личности Реймонда, он отправил ему очень вежливое письмо, в котором акцент ставил на то, что их предыдущий обмен письмами в интересах улучшения положения русских беженцев в Венгрии полностью совпада-

ет с желанием Хорти и с указанием Врангеля (ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 19. Л. 381).

96. Письмо А.А. фон Лампе

**Адмиралу М. Хорти,
Правителю Венгрии¹**

Берлин, 10 апреля 1925 г.

Ваша Светлость!

Только полная материальная невозможность лично прибыть в Будапешт, дает мне исключительную смелость обратиться с письмом непосредственно к Вашей Светлости.

На основании Письма Вашей Светлости от 4 марта с. г. на имя Главнокомандующего Русской Армии я получил от генерала Барона Врангеля приказ приступить к передаче охраны интересов русских военнослужащих представителю Лиги Наций, Г[осподи]ну Реймонду, что мною и проводится в исполнение.

Оставляя, таким образом, должность русского военного представителя при Королевском Правительстве возглавляемой Вашей Светлостью Венгрии, должность, которую я нес по мере сил и возможностей четыре года, я почитаю для себя долгом принести Вашей Светлости мою почтительную признательность за то исключительно милостивое ко мне отношение, которое я всегда встречал от Вас и разрешить принести мои пожелания Вашей Светлости сил и здоровья на благо прекрасной страны, которую Вам удалось освободить от ига коммунизма, к чему, по отношению нашей родины, стремится генерал Барон Врангель и мы, его подчиненные и сотрудники!

За четыре года, что я имел исключительную честь служить связью между двумя великими патриотами, Вашей Светлостью и генералом Бароном Врангелем, я научился знать, любить и уважать Венгрию. Мне стало понятно все то общее, не только в политических интересах, но и в каждодневном обиходе, что роднит ее с моей Великой Родиной, и моей мечтой стал будущий союз между этими странами, когда Россия, подобно Венгрии сбросит иго III интернационала, во что мы, русские офицеры верим и к чему стремимся... всеми силами!

За эти четыре года я нашел в Венгрии не только гостеприимство, но и искренних друзей и моей родины и моих лично, и я позволяю себе смелость надеяться, что если судьба приведет меня, как всякого русского антикоммуниста к необходимости искать в Европе приют для себя и моей семьи, Ваша Светлость, Правительство страны и сама страна не откажет мне в последнем убежище!

Русские офицеры не признающие власти III интернационала и находящиеся в Европе в удалении от Армии генерала Барона Врангеля образовали Русский Общевоинский Союз, возглавляемый генералом Врангелем. Я назначен Председателем второго отдела этого союза. В состав этого отдела входят офицерские организации, находящиеся на территории Венгрии и Германии. Поэтому я позволяю себе выразить надежду, что в случае, если Представителю Лиги Наций почему-либо не удастся обеспечить интересов русских военнослужащих, находящихся в Венгрии, мне будет дозволено сказать слово в их пользу в надежде на прежнее сочувственное к ним и ко мне отношение Вашей Светлости и Королевского Правительства Венгрии.

Заканчивая настоящее письмо, я еще раз прошу Вашу Светлость простить мне мою смелость, которая объясняется только тем, что я, как солдат, обращаюсь к Вашей Светлости с искренним чувством, в то же время невольно нарушая нормальный порядок дипломатических обращений².

Да сохранит Бог Вас на славу Вашей Родины!

Генерал-майор генерального штаба

*Его Светлости, Адмиралу Н. Хорти,
Правителю Королевства Венгрии*

Примечания

¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 20. Л. 486–486об. Машинопись, копия, русский. А фон Лампе решил непосредственно обращаться к Хорти после того, как он получил сообщение Кусонского, что на письмо Хорти от Врангеля никакого ответа не последует. Фон Лампе видимо не хотел полностью разорвать отношений с Венгрией и на всякий случай хотел сохранить возможность восстановления связей. Он также старался заботиться о том, чтобы Хорти наверняка получил его письмо. Поэтому он инструктировал находя-

шегося в Венгрии барона Розена передать письмо адмиралу не по нормальному служебному пути, а через близкое к Правителю лицо. Одновременно с этим он поручил Розену загнуть его карточку практически всем, с кем он только имел дело в Венгрии: премьер-министру графу Бетлену, руководителям министерства иностранных дел Канья, Амбрози, Гэмэри-Лайму, и сотрудникам министерства обороны и генштаба Зиглеру, Стояковичу, Ракоши и Покорни (ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 20. Л. 479, 483).

² В предложении слова «обращаюсь» и «с» зачеркнуты и заменены другими словами, написанными от руки А. ф. Лампе. Последние, к сожалению, не читаются, но, наверняка, не меняют суть предложения, поэтому я считал возможным оставить машинописный вариант текста.

Одновременно с этим А. фон Лампе направил письмо благодарности и графу Карою Чаки, министру обороны, не нарушая уже дипломатический протокол. Он информировал Чаки о передаче представления интересов русских беженцев Реймонду, о создании РОВС, поблагодарил за внимательное к нему отношение за время своего пребывания в должности военного представителя и вернул министру выданное ему в 1921 г. удостоверение. Кроме этого он просил министра оставить обеспеченное ему помещение (барак бывшей военной больницы на улице Уллои, где был расположен этап) в распоряжении союза русских офицеров (ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 20. Л. 489–489 об.).

97. Письмо А.А. фон Лампе

В.Г. Розену¹

№ 0658

Берлин, «14» апреля 1925 г.

Дорогой Владимир Григорьевич!

Из прилагаемого письма к А.А. Соколову Вы увидите мою точку зрения на все происходящее². Прошу Вас пригласить его к себе и передать письмо, предварительно ЗАКЛЕИВ его, т. к. неудобно, чтобы Вы его письмо знали, а он Ваше не знал!

Он сделал ошибки, но сейчас нет времени об этом говорить и надо действовать. Непременно пойдите к полковнику Ст[оляковичу] и расскажите ему относительно удостоверения выданного Ясенским Т[ер]-М[атеузо]ву³, при чем выясните ему что несомненно Т-М. торопится использовать связи своих «Двух Ш»⁴, чтобы запастись всевозможными документами, которыми он потом и будет оперировать во всю. Надо военному министерству

принять окончательное решение – он провокатор, служа у них, бегал ко мне, говорил о том, что у них служит и всячески старался служить и мне... только мое нежелание иметь у них агента не сделало из него двойного разведчика. Я об этом в свое время писал в письме к Военному Министру, которое Ст. и читал!!

Подделка документов была названа и Ст. детской, конечно это верно, но все же подделка была и признание, написанное Сим[ононым] собственноручно, лежит в делах военного министерства.

Ст. надо побудить к решительному действию, так как иначе все утонет во временных отсрочках⁵. Поговорите о Т-М. и с капитаном Мануйловичем в военном министерстве, он его также знает.

Теперь для Вас вопрос важный добиться результатов, так как хотя Т-М. ни в какой суд, конечно, не пойдет, но провокации, сплетни, интриги поползут, конечно, во все стороны. Я не согласен с Вами, что Вы с Вашими данными можете защищаться – с ними надо нападать! А то и в самом деле Историк⁶ окажется прав, что Т-М. в Венгрии неуязвим!

С Соколовым установите полную связь и общность действий – он остался без поддержки и отсюда и неправильное решение – ему же поддержка необходима. На старое не пинайте – что сделано, то сделано, и надо поправлять, а не стоять на том, что надо было делать, и что не надо было!!

Ст. я напишу, как только что-нибудь выяснится с Т-М., а если из разговора с ним выяснится, что надо раньше – то пишите мне, я напишу ему, только подробно ориентируйте меня в разговоре с ним.

Прошу Вас тоже прислать мне два экземпляра венгерской газеты с тем, что писал о Г[лавнокомандую]щем Ш[ульги]н. Буду очень благодарен, если приложите и точный перевод заметки. Газета, названия не знаю, от 7-го марта. Соколов должен знать ее!

Жаль, что Ясенский оказался в том лагере, это потеря! Нельзя ли Вам найти к нему хорошие ходы? Это было бы весьма полезно.

Жду от Вас известий. Получили ли Вы мои письма к Х[орти] и к военному министру?

Прошу Вас передать мой привет и поздравления Вашей жене, Вашей матушке. Жена благодарит за внимание.

фЛ

PS: Не переманили бы они к себе Симонова!

Примечания

¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 20. Л. 500–501об. Машинопись, копия, русский.

² Речь идет о новом повороте в деле Тер-Матеузова. Полковник Соколов, чтобы уравновесить разлагающее влияние Тер-Матеузова в рядах русского офицерства, вывесил на этапе объявление о том, что все слухи распространенные Тер-Матеузовым лишены каких бы то не было оснований, а сам он выселяется из Венгрии «за свою темную деятельность». Фон Лампе в своем письме слегка поругал Соколова, назвал ошибкой вывески на этапе объявления, и то, что Соколов в качестве своего источника назвал барона Розена (ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 20. Л. 491–492, 495).

³ Внизу к этой части А. фон Лампе от руки добавил фразу: «но не об объявлении на этапе!».

В ответ на объявление Тер-Матеузов показал Соколову «справку», полученную от упомянутого Есенски (Ясенски), о том, что венгерские власти ничего против него не имеют и о его высылке нет речи. С этого и начался длинный судебный процесс о клевете, возбужденный Тер-Матеузовым против Розена и Соколова. Процесс на разных инстанциях длился около 3-х лет, получил большой, не всегда объективный резонанс в венгерской прессе.

⁴ Б.В. Шульгин и А.Н. Шмеман.

⁵ В своем письме от 10 мая 1925 г. Стояковичу А. фон Лампе пытался навести начальника венгерской контрразведки на мысль, что параллельность между действиями против него берлинских большевиков и «монархиста» Тер-Матеузова в Венгрии не является случайностью (ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 20. Л. 614–617). В венгерских архивных документах первые данные о том, что Тер-Матеузов подозревается в службе на большевиков, появились уже в середине 1924 г. (HL 1930 HM Eln. D. I. tétel, № 685. Л. 102–103).

⁶ В.А. Иловайский.

98. Письмо А.А. фон Лампе министру обороны Венгрии, графу К. Чаки¹

Русского генерального штаба генерал-майор

Берлин, «25» сентября 1925 г.

Фон Лампе

№0804

Ваше Превосходительство!

Несколько лет я нес обязанности русского военного представителя при Королевском правительстве, в качестве такого я был

признан официально, защищал интересы русских военнопленных, находящихся в Венгрии до того момента, как по письму Вашего Превосходительства передал их, в апреле текущего года представителю Лиги Наций.

За это время и имел честь пользоваться доверием Его Светлости Правителя Венгрии и представителей правительства – министров Военного и Иностранных дел, в связи с министерствами которых протекала моя деятельность.

В силу этого я позволяю себе обратиться к Вашему Превосходительству с нижеследующим.

Против деятелей русской эмиграции существует понятная постоянная борьба со стороны представителей наших естественных противников – русских большевиков. К сожалению должен признать, что и в среде самой русской эмиграции нет полного единения и генерал Барон Врангель и мы, его представители, вызываем против себя выпады и членов эмиграции несогласных с политикой генерала Врангеля. К стыду моему должен сказать, что как первые, так и вторые выступления очень мало разнятся между собою и почти всегда состоят в доносах местным властям на то, что мы ведем шпионскую работу против государств, давшим нам убежище. Доносы разнятся между собою только по указаниям в чью пользу мы якобы работаем. Я лично имел неприятность испытать на себя самые противоположные обвинения – так в бытность мою помощником военного представителя при союзном командовании в Константинополе, меня обвиняли в работе в пользу Германии, во время моего пребывания в Венгрии и в Германии – на меня доносят, что я состою на службе Франции. Повидимому такие доносы печальное, но неизбежное явление эмиграции...

Защищая не самого себя, а часть русского национального дела мне порученного, я, к сожалению, не могу просто игнорировать эти грязные выпады.

Поэтому в Германии я сначала привлек автора доносов в прессе к третейскому суду, а когда он от него предпочел уклониться, то к суду коронному, от которого противник, по-видимому, собирается прикрыться своим депутатским иммунитетом. Чтобы пресечь ему и эту возможность, я подал заявление государственному прокурору Республики, прося его установить, что в выставлен-

ных против меня инсинуациях может хоть сколько-нибудь соответствовать правде.

Так мог я поступить в стране, официально признавшей большевиков за дружественную державу.

Одновременно с этим до меня доходят сведения, что за последние месяцы и в венгерской прессе против меня выдвинуты аналогичные и, несомненно, имеющие общий источник обвинения опять-таки в «шпионаже в пользу Антанты» и т. п., причем доносчики доходят до того, что говорят о моем «бегстве в Париж», о том, что я должен был внезапно покинуть Будапешт, о том, что мой помощник, Есаул Иловайский был выслан венгерскими властями и т. п. и т. п.

Еще в самом начале провокационных выступлений против меня в Германии, я направил начальнику отделения Венгерского королевского генерального штаба, полковнику Стояковичу полное описание того, что происходит в Берлине. Сделал я это в силу того, что дорожа моим добрым именем в Венгрии, и постоянно доброжелательным ко мне отношением военных властей в Венгрии я хотел, в случае переноса борьбы против меня в Будапешт — чтобы доверяющие мне венгерские органы имели сведения о том, что именно во всем вопросе соответствует истине. Поэтому я не буду в письме моем к Вашему Превосходительству повторять всего того, о чем мною уже поставлен в известность полковник Стоякович.

Я только позволяю себе обратиться к Вашему Превосходительству со следующей просьбой — Венгерскому правительству, конечно, хорошо известно, что ни мой помощник, ни я никогда не были заинтересованы работой для бросившей нашу родную армию на произвол судьбы Францию, о чем я в свое время, в 1921 году, официальным протестом уведомил Королевское правительство; Венгерскому правительству, конечно, известно, что я никогда не оставлял Будапешта «внезапно», а объединил руководство русскими военными в Венгрии и в Германии с данного мне лично Его Светлостью, Правителем Венгрии согласия и с ведома Министерств военного и иностранных дел, о чем в апреле 1922 года были письменные сношения. Венгерскому правительству, конечно, также и известно, что никогда мне не был запрещен въезд

в Венгрию... лично я могу только искренно сожалеть, что материальное положение, в котором находятся русские национальные военные круги, не дают мне возможности лично прибыть сейчас в Будапешт для устного доклада Вам всего того, о чем сейчас принужден писать.

Положение вещей в Германии, с выступлениями против меня также конечно известно хорошо и генералу Барону Абеле, который в данное время вернулся в Венгрию.

Поэтому я позволяю себе просить Вас, Ваше Превосходительство, не отказать прийти мне на помощь в форме, которую Вы найдете наиболее подходящей к данному случаю, с целью парализовать те гнусные обвинения, которые проводятся будапештской прессой, и которые, к глубокому огорчению для меня, неизбежно, в случае, если они останутся без протеста, оставят след. Я же лично, за время моей работы в Венгрии научился ценить ее, не только, как доблестного противника на поле сражения, но и как стражу близко подходящую к моей родине и ее достойную в будущем единомышленницу! Я дорожу тем вниманием, которым я пользовался от Правителя страны, от министерств, с которыми я соприкасался, от венгерских офицеров генерального штаба и, наконец, от венгерского общества, которое так тепло отнеслось к нам – покинувшему свою родину под влиянием врага, которого знает и Венгрия...

Я позволю себе надеяться, что Вы, Ваше превосходительство, осведомившись о тех подробностях, которые я не помещаю в данном моем письме, не найдете возможным отказать мне в моем ходатайстве!²

Прошу...

Генерального штаба Генерал-майор

Его Превосходительству

Графу Чаки

*Венгерскому Государственному Министру
государственной обороны*

Примечания

¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 21. Л. 595–596. Машинопись, копия, русский.

²Смотри об этом комментарии к дневниковой записи А. фон Лампе от 28 июня 1926 г.

99. Письмо А.А. фон Лампе В.Г. Розену¹

№ 0871

Берлин, «16» декабря 1925 г.

Дорогой Владимир Григорьевич!

Несмотря на полную мою уверенность в том, что буффонада Г[осподи]на Матеузова должна провалиться и в силу того, что он просто врал, и в силу той поддержки, которую нам оказали военные венгерские власти и в силу тех документов, которые Вы получили отсюда – я все же очень обрадован Вашим письмом от 6-го декабря, в котором отмечен уже фактический провал этого типа! И не так за Вас, потому что не сомневаюсь, что и Вы были уверены в успехе, как за Ваших дам, потому что не сомневаюсь, что они пережили немало неприятных минут. Прошу Вас передать от меня им искреннее поздравление!

Думаю, что апелляция, конечно, ни к чему не приведет² и потому в моем приказе № 23 (разошлите его, пожалуйста, по адресам) упоминаю о всех гнусностях, как видите, пока в очень спокойных тонах! Резкий тон впереди!

Пока держитесь Вы спокойно! Конечно, гоните прохвостов и скандалистов из общежития³, но не напирайте сразу, чтобы не было впечатления мести – до этого нам не следует опускаться – это дело Матеузовых – мы все время не теряем достоинства и это не может быть не оценено!

Очень жду «сенсаций» – пишите!!⁴

Александр Павловичу⁵, как я Вам и писал – буду писать, когда все закончится, но прошу Вас дать мне для этого письма материал по самому суду! То есть: в чем именно Вас обвиняли, что привели в доказательство своей правоты, какое впечатление произвели упоминания о Симонове и о том, что у нас решительно ничего не нашли, а следовательно и обвинить в подбрасывании было некого. Как приняли участие в деле военные венгры и что относительно Матеузова говорили они... словом мне нужен ход суда 4-го декабря для того, чтобы в письме к А.П. исчерпать все.

Теперь относительно моего приезда – я понимаю, что он хорош и теперь, (лучше было бы к 4-му), но сейчас мне ехать невозможно. Причины те, что не забываете, что здесь мне власти ничем не помогают, приходится вести дело гораздо труднее, чем у Вас – сейчас производится следствие, идет экспертиза пишущих машин и положение выступивших против нас складывается настолько тяжело, что они будут вынуждены рисковать – уехать в такой момент значило бы дать материал опять инсинуировать, что я «бежал» – так это уже было и конечно «в Париж» – а кроме того и вызвать попытку не впустить обратно, что было бы уже нашим поражением! Не упускайте из виду, с кем приходится бороться здесь – ведь тут замешан депутат и в Берлине существует дружественное советское посольство, которое напирает очень! У Вас бы воздействие большевиков было ясным плюсом для Вас же – у нас же наоборот!

Поэтому я поставил себе задачей довести сначала здесь дело до конца и доведу его... недаром я сам возбудил против себя дело! Это был единственный, хотя и очень неприятный способ вывести многое на свежую воду!

А к Вам мне хочется... хотя бы для того, чтобы увидеть, как от этого ошалеют провокаторы!!

А пока... жду от Вас «сенсаций».

Послали ли Вы книгу и письмо Стояковичу?⁶

фЛ

Примечания

¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 22. Л. 457–458. Машинопись, копия, русский. В письме от 6-го декабря барон Розен известил А. фон Лампе о том, что по решению венгерского королевского суда Тер-Матеузов потерял процесс по клевете, он и полковник Соколов оправданы.

² Как дальнейшие события показали, в этом и А. фон Лампе и барон Розен ошиблись. См. об этом заключительную главу.

³ После ликвидации военной миссии этап при военном представителе стал предметом острых нападок со стороны «кириллистов», которые старались переманить на свою сторону отдельных членов Общества Галлиполийцев. Их действия были сопровождаемы с заметным разложением офицеров-галлиполийцев, проживающих на этапе, что иногда выливалось в пьянки, драки, неподчинение начальству и т. д. (В одном из своих отчаянных рапор-

тов А. Соколов писал, что «есть типы, которые мочатся в общем помещении».) А. фон Лампе неоднократно требовал от Соколова и капитана Раевского, коменданта этапа удалить скандалистов, пьяниц и нарушителей правил с этапа. Но из Берлина трудно было все держать в своих руках, поэтому А. фон Лампе решил переименовать этап в мужское общежитие и передать его в ведение В.В. Малама, представителя Российского Общества Красного Креста в Венгрии, чтобы авторитетом этой организации защищал помещение от происков «кириллистов». Для того чтобы обеспечить его влияние над общежитием, А. фон Лампе был избран членом Управления Красного Креста и во время его отсутствия из Будапешта наблюдение за общежитием было поручено барону Розену (ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 22. Л. 225, 231, 235, 255–256, 274).

⁴ В письме от 6-го декабря Алексею фон Лампе Розен задержку в ответе объяснил желанием сообщить первому сенсационную новость, но с этим – как он писал – надо ждать до конца недели. Сенсация – по всей вероятности – заключалась в том, что не в последнюю очередь благодаря связям тестя Розена в Министерстве внутренних дел удалось добиться «окончательного» решения о выдворении из страны Тер-Матеузова и Симонова. Причем в постановлении об этом 30-дневный срок был заменен на 8 дней. Однако Тер-Матеузову удалось добиться отсрочки исполнения постановления. Начальник венгерской королевской полиции, Имре Надоши сначала отложил высылки до конца февраля 1926 г., потом этот срок удалось время от времени отодвигать вплоть до 1932 г. (MOL K-492 VM КЕОКН 10. cs. Ma. Л. 213, 226–227).

⁵ А.П. Кутепову. Смотри еще документ № 62 в приложении и комментарии к нему.

⁶ Речь идет о книге князя Георгия Николаевича Лейхтенбергского (*Как начиналась «Южная армия»*), изданной в Берлине в 1923 г. Из этой книги А. фон Лампе несколько экземпляров посылал в Венгрию для своих знакомых.

1926

**100. Письмо полковника
Н.И. Жуковского-Волынского
П.Н. Врангелю¹**

*Председатель Правления
Почетному Председателю
Отделения О[бщест]ва Галлиполийцев
Общества Галлиполийцев
При Правительстве Королевства Венгрии
Генералу Врангелю
22 апреля 1926
№ 56
Г. Будапешт
Рапорт*

Как возглавителя Нашего О[бщест]ва, прошу Ваше Высокопревосходительства защищать нас от попыток членов партии местного Монархического Объединения, пытающихся очернить нас, как организацию перед правительством. Для ясности обрисую картину нашей жизни последнего времени. По разрешению Мадьярских властей Галлиполийцы прибыли в Венгрию тремя эшелонами: I. – 18 сент. 1922, II. – 8 ноября 1922 и III. – 22 февр. 1923 г. всего в количестве 250 человек. Мадьярские власти и население относились к нам хорошо (местная особенность: 149000 чел[овек] было в России, $\frac{3}{5}$ если не говорят, то понимают по-русски, мечтают вернуться в Россию, когда будет порядок.) нас зовут «Врангелевцы» и это имя давало репутацию порядочного и благонадежного человека в Венгрии. Такой ореол имени нами поддерживался и не был запятнан. Этим именем стали пользоваться

пленные и лица сомнительного происхождения, приехавшие прежде нас, а местные власти разбираются плохо, но, в общем, наша репутация была высока. Пока в Венгрии было Военное Представительство, наша жизнь была спокойна, хотя материально и тяжела, но 1924 года Представительство закрылось и мы остались одни. С 1924 года и даже раньше началась травля нашей идеи и наших представителей в глазах венгерского общества. Особенно много грязи было вылито на генерал-майора фон Лампе, как Вашего представителя. О нем писали в газетах, что он французский шпион, и их ориентации и пр. и пр. Для русских говорилось о том, что его, генерал-майора фон Лампе, мадьяры выслали, и въезд ему в Венгрию запрещен. Затем начали травить капитана барона Розена, который явился после отъезда миссии связью. На капитана барона Розена была подана жалоба в суд, обвиняя его в клевете на секретаря Объединения (самозванец Л. Улан Ея Величества Ш[табс]-р[отмистр] Тер-Матеузов). Одновременно с этим представитель Его Императорского Величества «Гвардии» Генерал-майор Шульгин (Борис Викторович, оф[ицер] Л. Гв. Преображенского полка), который заявил, что для него «все средства хороши» и что цель его развалить венгерские организации, пытался всеми способами завладеть этапом и создать в русской массе ореол своего могущества. Эти попытки велись давно, и, в конце концов, благодаря знакомству, энергии и главное, некоторым обстоятельствам, увенчались успехом. Обстоятельства эти таковы: Генерал-майор Лампе для удобства защиты интересов барачков, передал их в распоряжение Р[усского] Кр[асного] Креста. Видимость военного этапа уничтожилась, и он был переименован в Общежитие. Это дало возможность путем подкупа и обещаний начать вначале травлю, а затем уже подать петицию, которую подписали вместе солдаты, казаки и офицеры (без чинов), как граждане (объяснение полковника Л. Гв. Преображенского полка Зубова Юрия) на коменданта капитана Раевского². Одновременно с этим подано было и другая петиция о том, чтобы Генерал-майор Шульгин возглавил этап, как старший из офицеров в Будапеште, но сразу этого сделать не удалось, ибо для входа в полицию необходимо дебош, показать несостоятель[ность] коменданта, и уже тогда требовать, что и было проделано. Совершено было ночное нападение на самого коменданта. Оно окончилось не совсем бла-

гополучно для нападающего, но бараки были переданы в ведение Генерал-майора Шульгина. С этого момента престиж Г-м Шульгина поднялся, и заколебалось сердце и совесть у некоторых членов О-ва, а тут подачки, посулы и 16 человек (5 оф. и 11 солд. и казак) перешли в Объединение. Этот неожиданный успех окрылил Г[енерал]-м[айора] Шульгина и он решил овладеть всеми русскими организациями и стать во главе русской колонии, но для этого нужно разрушить эти организации, с этой целью было пущено все: клеветы, доносы, посул (для поощрения солдат все должности на этапе выборные, а для солдат суд чести и подачки, был оклеветан начальник группы гв. Полковник Соколов, представитель Красного Креста, В.В. Малама, станичный атаман и все лица, близко стоящие к правлению этих организаций и даже священник. Были пущены прокламации (Генерал-майор фон Лампе образец имеет) и газетные статьи. В конце февраля были выборы в колонию, и не смотря на организационную агитацию Монархическое Объединение провалилось не получив ни одного из 10 мест. Это их не успокоило, и они вновь подали жалобу, где просили властей, не признать выборов, так как новое правление красное, да еще и французской ориентации, что может принести вред Венгрии. Результат последней жалобы еще не выяснен. Кроме этого я с председателем Союза Офицеров на основании устава пытались улучшить материальное положение, упробив разрешить нам лотерею, которое было и дано, но Г-н Шульгин, узнав об этом, явился в Министерстве и заявил, что эти организации фиктивные, а подносявшие прошения спекулянты, и нам отказали.

По просьбе членов возглавляемого Вашим Высокопревосходительством Общества, обращаюсь к Вам, как единственной надежде, помочь нам своим авторитетом. Ваше имя настолько пользуется обаянием, что Ваше обращение к Правителю с просьбой легализовать организации Союза Офицеров и отделения О-ва Галлиполийцев, надеюсь, не встретит затруднений³. Это нам необходимо, ибо даст возможность самостоятельно проводить в жизнь свои скромные желания и оградить наше имя от попытки, которая не брезгует никакими средствами ради личных выгод (пример полковника генерального штаба, бывшего командующего Советской армией Всеволодова⁴, не принятого в союз офице-

ров, именуется Врангелевцем и деятельный агитатор, и помощник Г-на Шульгина).

Полковник (подпись)

С подлинным верно

Председатель Правления Отделения О-ва Галлиполийцев

Полковник Жуковский-Волынский

Примечания

¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 25. 182–183об. Рукопись, копия, русский.

² РАЕВСКИЙ Николай В., капитан (1891–?), комендант этапа, биографические данные неизвестны.

³ В своем заключении к письму полковника Жуковского-Волынского к генералу Кусонскому А. фон Лампе прибавил следующее: «Письмо к Правителю страны, как мне кажется, может иметь успех только в том случае, если передача его будет поручена мне и я смогу лично доложить Адмиралу Хорти все обстоятельства дела – иначе оно пойдет по раз навсегда проторенному пути, в министерства «по принадлежности» и опять потонет в море переписки без всяких результатов!» (ГА РФ. Ф. 5826. Оп. 1. Д. 22. Л. 210). Единственным средством спасения положения А. фон Лампе считал свою командировку в Венгрию, но в штабе ему все время отказывали в этом из-за нехватки денег. В таких обстоятельствах фон Лампе был вынужден ограничиться письмом министру обороны Венгрии, графу Чаки, в котором просил его покровительства над теми организациями, которые входят во II-й отдел РОВС. Кроме этого, он неоднократно обращал внимание своих подчиненных на то, что вместо ожидания помощи извне, они сами должны отстаивать свои интересы опираясь на превосходство в численности, на спаянность и единство «галлиполийцев» (ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 25. Л. 193–194, 254, 257).

⁴ ВСЕВОЛОДОВ Николай Дмитриевич, полковник (1879–?), начальник штаба IX-ой советской армии, с 6-го по 16 июня 1919 г. командовал этой же армией, потом перешел на сторону белых. В 1920-е годы в эмиграции жил в Венгрии, работал шофером. Хотя он был реабилитирован Деникиным сразу после перехода, в местной русской колонии относились к нему настороженно, и часто припомнили его службу в Красной Армии. В общегиттии Красного Креста ему отводили одну комнату, которая послужила одновременно и убежищем для его семьи и гаражем-мастерской для его машины (Ганин А. В. Измена командарма Н. Д. Всеволодова // Вопросы истории. 2011. № 4. С. 81–89; ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 10. Л. 233).

**101. Письмо А.А. фон Лампе
Н.И. Жуковскому-Волынскому¹**

РОВС II-й отдел

«29» апреля 1926 г.

Председателю местного отделения

Общества Галлиполийцев в Будапеште

№ 330

Г. Берлин

Сего числа мною получена от Вас копия Вашего рапорта от 22-го сего апреля за № 56, адресованная на имя Почетного Председателя Общества Галлиполийцев, Генерала Врангеля.

Генерал Врангель, помимо Общества Галлиполийцев, стоит во главе Русской Армии и Русского Общевоинского Союза, а, следовательно, порядок подчиненности не может быть нарушаем и подаваемый Вами рапорт, как председателем Общества, входящего в состав вверенного мне отдела РОВС, должен поступать «по команде», то есть ко мне и от меня к Главнокомандующему, которому я непосредственно подчинен. Только в том случае, если бы Почетный председатель Общества Галлиполийцев был лицом в состав Армии и РОВС не входящим, рапорт Ваш мог бы быть направлен непосредственно, а копия представлена мне при рапорте.

На изложенное обращаю Ваше внимание для руководства в дальнейшем.

На содержании Вашего рапорта не останавливаюсь. Отмечу только, что для большего осведомления Почетного Председателя Общества Галлиполийцев о нуждах отделения Общества в Будапеште, Вам следовало несколько уточнить описание обстановки и упомянуть о добытых от Гв. Полковника Соколова провокационным путем – во-первых, письма, которое послужило основанием для начатия процесса против Гв. Капитана Барона Розена, а во-вторых, «Доверенности» от 8-го января 1925 года, подписанной Гв. Полковником Соколовым и другими лицами и послужившей для Г[енерала] Шульгина, по крайней мере, перед местными властями, кажушимся удостоверением на представительство всех воинских организаций в Венгрии².

Вновь напоминаю о необходимости представления мне мотивированного ходатайства об исключении из Армии и Союза членов возглавляемого Вами отделения Общества, примыкнувших к организации Г. Шульгина.

Начальник II-го отдела РОВС

Генерального штаба Генерал-майор фЛ

Примечания

¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 25. Л. 184–185. Машинопись, копия, русский.

² «Доверенность» была одной из наиболее удачных маневров генерал-майора Шульгина с целью захватить власть над всеми русскими военными организациями в Венгрии. Документ был оформлен в январе 1925 года на имя отставного генерал-майора Иванова. Подписавшие его, в том числе и полковник Соколов, как председатель Союза Русских Офицеров в Королевстве Венгерском, доверяли Иванову составить меморандум для Шульгина, о возможностях улучшения материального положения русских. И в «доверенности» и в составленном Ивановым меморандуме Шульгин титулуется «Военным Представителем Императорской Армии в Королевстве Венгерском». В обоих документах говорилось о том, что русские военные организации пришли к выводу, что только полное объединение может облегчить их тяжелое положение. В меморандуме среди множества причин безвыходного положения прямо называлось отсутствие «высокого представительства», могущего взять на себя защиту интересов русских военных. Поэтому ввиду отъезда из страны генерала фон Лампе, представители трех организаций через генерала Иванова обращаются к Шульгину «для достижения материальной помощи со стороны венгерского правительства и венгерской общности» (ГА РФ. Ф. 5826. Оп. 1. Д. 22. Л. 204–205, 206).

Вся эта акция была очередным блефом Шульгина, который утверждал, что венгерское правительство охотно готово идти на помощь русским беженцам в случае их объединения. Ни о чем подобном, конечно, не было и речи, но Шульгин успешно использовал текст доверенности и меморандума, чтобы в глазах венгерских властей показаться признанным представителем интересов русских. Все это привело к тому, что с помощью поддержки Министрства внутренних дел Шульгину в феврале-марте 1926 г. удалось захватить этап-общезитие в свои руки. Большинство, не желавших оставаться «под покровительством» Шульгина, В. Малама пришлось разместить на частных квартирах, остальные – по письму Малама Алексею фон Лампе – подвергались гонениям, им угрожали высылкой и арестом (ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 30. 112 об.). Таким образом, после военного представительства пал еще один из главнейших оплотов русской военной эмиграции в Венгрии.

Подписание доверенности полковник Соколов держал втайне от А. фон Лампе, о существовании такого документа он узнал только через год. Соколов потом в своем рапорте объяснил свой поступок с соблазном быстрой и реальной помощи, вследствие чего он должен был рискнуть и пренебрегать этической стороной дела. А. фон Лампе Соколова считал скорее жертвой провокации, а не сознательным предателем, но все-таки, после происшедшего, его пришлось освободить от занимаемых должностей во главе офицерского союза и Общества Галлиполийцев (ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 25. Л. 182, 190–191).

102. Письмо В.В. Малама

А.А. фон Лампе¹

18-го июня 1926

Многоуважаемый Алексей Александрович,

До сих пор не писал Вам, ожидая окончания всей той каши, которая у нас заварилась в начале этого года, но, к сожалению, дело затяжное и когда настанет перемена трудно даже сказать. Мы просто сидим на вулкане, ежеминутно ожидая очередной гадости.

Ныне пишу Вам эти несколько строк по следующему поводу: положение настолько острое, здешние круги настолько плохо ориентированы в создавшемся положении, что необходимо принять весьма и весьма серьезные меры для поддержания, скажу даже для сохранения, русских организаций в Венгрии.

Главные нападки на Кр[асный] Кр[ест], который, конечно, больше всего стоит на их пути. Самые мерзкие способы применяются для дискредитирования моего имени и этим самым и Кр. Кр. Нападают и на Союз Офицеров, и на Галлиполийцев, пропаганду ведут среди казаков, достается и церкви в лице Батюшки. Одним словом просто «сорвались с цепи»².

Принимаем некоторые меры и мы, приобрели кое-какие знакомства, имеющие вес в Министерстве Внутренних Дел, и вот все считают, что приезд Барона П.Н. Врангеля быстро переменит бы картину и разрешил все эти печальные обстоятельства. Его имя очень здесь популярно, и встреча ему была бы здесь устроена очень торжественная. Парламент, напр., хотел бы устроить в его

честь большой банкет, все это, конечно, при условии согласия на такую встречу со стороны самого Барона Врангеля, при желании он, наоборот, мог бы пробыть здесь и инкогнито, во всяком случае, повторяю, встречен он был бы как подобает, а значение приезда было бы огромное. Мне кажется, что следовало бы всеми путями убедить Барона Врангеля заехать сюда хотя бы на несколько часов, все бы быстро наладилось.

В случае если бы приезд оказался невозможным (что было бы весьма печально), то, во всяком случае, желательно было бы, чтобы в таком случае Барон Врангель написал бы Адмиралу Хорти письмо, прося его защитить русские организации: Кр[асный] Кр[ест], С[оюз] Оф[ицеров], Гал[липолийцев] и т. д. от покушений на них. Такое письмо имело бы большое значение для Министра В[нутренних] Д[ел], в М-ве которого ведают всеми нашими делами.

Здесь такая грязь кругом, что я охотно ушел бы от всего этого и бросил бы Кр. Кр., но совесть не пускает, невозможно в такое время уходить, необходимо довести до конца³.

Пока до свидания, буду ждать от Вас ответа.

Искренно уважающий Вас В. Малама

P.S. Не мог ли Гн. Вр[ангель] дать мне весьма конфиденциально некоторые сведения о Ш[ульгине], какого он производства, царского или после, какое отношение к Добровольческой Армии и т. д.

Для верности пишете на адрес: Général Mouillard, Attila körút 51.

Примечания

¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 27. Л. 145–15 об.

² «Кириллисты» в Венгрии подавали донос на Малама по злоупотреблению средствами Красного Креста, за кулисами распространяли о нем нелепые слухи, что он является агентом большевиков. Они хотели добиться у венгерских властей полного закрытия организации. Одна из таких клевет исходила от князя Сергея Дмитриевича Оболенского, но когда Малама привлек его к судебной ответственности, он принес извинения и сообщил, что его статья, в которой он не хотел оскорблять или обвинять в чем-то Малама, была переведена на венгерский не правильно. Все это привело к обыску в помещении Красного Креста. Обыск, конечно, не дал и не мог дать никакого результата, но совершенно расстроил Малама. «Кириллисты» в Венгрии не

брезгали средствами, не остановились и перед тем, чтобы в воззваниях к русскому офицерству деятельность А. фон Лампе и В. Малама оценивать как жидо-масонский стговор (ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 24. Л. 85, и Д. 38. Л. 314).

Почти одновременно с этим письмом В.В. Малама обратился за помощью и князю Николаю Леонидовичу Оболенскому, личному секретарю в. кн. Николая Николаевича. В этом письме он дал тонкое объяснение, почему «кириллисты» действуют так успешно в Венгрии, пока в других странах их движение не представляет особой конкуренции другим течениям монархического движения. Кроме легковерия и легкомыслия некоторых венгерских кругов, их неразборчивости в русском вопросе, в этом играло немалую роль и то обстоятельство, что в правой и глубоко консервативной атмосфере страны «кириллисты» успешно позиционировали себя на правой стороне политической карты. Их постоянные эпитеты, «легитимисты», «верноподданные», «законопослушные» звучали громко и впечатляюще в венгерском обществе. Неоднократные намеки на то, что они в Венгрии представляют Императора Кирилла I-ого, тоже были им в пользу и обеспечили хорошие связи с венгерскими легитимистами и с правой оппозицией правительства (Архив Фонда Библиотеки Русского Зарубежья. Ф. 2. Оп. 1. К. 3. Ед. хр. 6. Л. 14).

³ По имеющимся данным, В.В. Малама покинул Венгрию в октябре 1927-го года. Формально он поехал во Францию на 6-и месячный отпуск, но оттуда уже не возвращался в страну (ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 38. Л. 320, 321).

103. Письмо А.А. фон Лампе

В.В. Малама¹

Конфиденциально

№ 954

Берлин, «5» июля 1926 г.

Многоуважаемый Владимир Владимирович,

С 29-го июня по 3-е июля я провел на юге Германии с генералом П.Н. Врангелем. Я ему доложил о всех мерзостях, творимых «кириллистами» в Венгрии, и высказал пожелание, чтобы он своим присутствием поддержал морально как Вас, так и наши союзы. Я лично в данном вопросе всецело стою на Вашей точке зрения и ее разделяю полностью!

В результате вопрос закончился так, что выяснилось, что посещение невозможно по целому ряду условий сейчас, возможно в конце сентября, когда Генерал Врангель опять проедет через Будапешт в Бельгию. Одно, что совершенно основательно отмечает Генерал Врангель, это то обстоятельство, что посетив страну он

не может не побывать у Правителя ее, с которым он состоял в переписке, и что для остановки в стране совершенно необходимо приглашение к тому не русских, а местных кругов, хотя бы и при совершенном инкогнито пребывании в Будапеште!

Мне кажется это возможно достичь – Г[осподи]н Х[уса]р был в переписке с генералом², и мог бы ему написать о всех условиях посещения Будапешта, конечно без банкетов и без особой огласки. Таким же путем, то есть без всякой огласки можно узнать и взгляд Правителя.

Так как о том же, о чем писали Вы, писал мне и полковник Жуковский, то я поставил его в известность об этом моем письме к Вам и необходимости подготавливать все без всякой огласки.

Очень прошу Вас высказаться, как Вы смотрите на весь вопрос, и что можно сделать в тех направлениях, о которых я пишу.

Хотелось мне проехать к Вам сейчас, но... денег нет! В кассе пусто, а поездка сейчас не укладывается и в 50 долларов! Приходится опять отложить! Но какая грязь в Будапеште с легкой руки Льва Александровича!..³

Относительно генерала Ш[ульгина] у меня точных сведений нет, мне кажется, что он произведен в генералы в Добровольческий период. В Одессе у него были какие-то неувязки в хозяйственном отношении. Об этом в свое время совершенно открыто писал мне мой товарищ по корпусу – преобразенец, предупреждая меня по случаю приезда Ш. в Венгрию. Но потом преобразенцы решили покрыть его и дело замялось. Из армии он исключен моим приказом на основании его просьбы – если Вам нужно что-либо более подробное, напишите – я попробую справиться у генерала Кутепова, хотя, как преобразенец, он едва ли будет в полной мере откровенным.

Надеюсь, что полковник Жуковский-Волынский держит с Вами твердую связь, о чем я ему настоятельно пишу – очень прошу вас, если в этом отношении будут неувязки, написать мне совершенно откровенно, чтобы я мог принять меры, так как тесную связь с Вами я считаю для военных союзов обязательной!

Буду ждать от Вас ответа по главному вопросу

Примечания

¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 27. 149–150. Машинопись, копия, русский.

² ХУСАР Карой (1882–1941), учитель, журналист, политический деятель, с ноября 1919 по март 1920 г. премьер-министр Венгрии, вице-президент Национального Собрания разных созывов, с 1928 член Верхней палаты. Один из лидеров Христианской Партии Национального Единства.

В 1926 г. он издал объемную книгу под заглавием «Пылающая Россия», в котором пытался осмыслить (с историческим обзором) русский катаклизм. Подзаголовок книги гласит, что она была составлена при содействии барона генерала Врангеля, генерала Деникина и бывшего министра иностранных дел Павла Милюкова. Хотя источниковая база автора была значительно шире, но упомянутые лица, несомненно, внесли серьезный вклад в эту книгу, разделив с Хусаром путем переписки свои информации, сведения, соображения. Хусар особенно интересовался событиями в России, считал, что там решается судьба цивилизации. В этом аспекте большевизм ему показался злейшим врагом христианской культуры, ценностей, источником хаоса, террора и т. д. (*Huszár Károly. Égő Oroszország. – Budapest: Dante kiadó, 1926*).

Хусар был одним из инициаторов и организаторов поездки Врангеля в Венгрию. Врангель большинство своего времени в Будапеште провел именно с ним. В местной венгерской прессе их отношения назывались прямо дружескими (*Pesti Napló, 17 мая 1927 г. С. 10*).

³ Л.А. Казем-Бек.

1927

**104. Письмо А.А. фон Лампе
П.Н. Врангелю¹**

№ 322

Берлин, 24 марта 1927 г.

Глубокоуважаемый Петр Николаевич,

Пользуюсь задержкой с Вашим отъездом из Брюсселя, о чем мне написал М.Н. Котляревский², доношу о только что полученном мною от уполномоченного Красного Креста в Венгрии В.В. Малама письме.

Письмо написано 17-го марта, то есть в тот же день, в который я посылал соответствующее распоряжение в Будапешт о визах, следовательно, с моим письмом разошлось. По своему содержанию это буквально стон человека, которого происки, доносы и клевета господ кириллистов, во главе с генералом Шульгиным, доводят буквально до отчаяния³.

Как я в свое время и доносил, упразднение сначала военного, а потом дипломатического русского представительства в Венгрии очистило горизонт для господ легитимистов и дало им полную возможность развить свою деятельность, в которой они совершенно не стеснялись. Воспользовавшись «Кенкелиадой», а может и в заранее обдуманной связи с нею – они открыли клеветническую кампанию сначала против меня, а потом, когда это не удалось, против капитана барона Розена, В.В. Малама и т. д. В последней им удалось достичь успеха, так как министерство не утвердило выборов в правление русской колонии, на которых провалились кириллисты и опять был[и] выбран[ы] В.В. Малама, настоятель и галлиполийцы. Этап, превращенный в общежитие Кр. Креста был захвачен генералом Шульгиным и т. п. – все это в разное время доносил.

В.В. Малама пишет, что теперь нападение идет на него и по должности, и лично – стараются добиться упразднения Красного Креста, что лишит наших галлиполийцев какой-либо поддержки и все передаст в руки кириллистов. А, кроме того, доносы и клевета просто стараются выжить самого Малама из Венгрии – его сын, бывший официально секретарем князя Волконского как дипломатического представителя, поехавший с американцами по службе во Францию – не был допущен в Венгрию, как человек опасный по большевистскому шпионажу...

В письме В.В. Малама, прочитавший в газетах о том, что Вы предполагаете при поездке в Белград, посетить ряд и других стран просто умоляет о том, чтобы Вы побывали и в Венгрии, и своим влиянием восстановили положение красного креста и сняли бы с него нелепые подозрения в большевизме (!!). Он считает, что одно Ваше появление поможет многому.

Главным деятелем по интригам и доносам видимо является генерал Шульгин, который сумел войти в доверие к ряду лиц, от которых теперь зависят русские в Венгрии, именуется себя бывшим командиром 1-го гв. полка русской гвардии, человеком близким с детства к двору и прочие сказки, но по свойствам венгров ему верят и это дает ему возможность обделывать свои дела.

В последнее время его, наконец, изъяли из Союза Преображенцев. Типично, что генерал Гулевич сообщает это не мне или, по крайней мере, председателю союза в Венгрии, а уполномоченному Красного Креста (я послал запрос генералу Гулевичу), причем сообщает весьма дипломатически, то есть, что Шульгин «не состоит» в союзе, не указывая, почему не состоит, то есть ушел сам или исключен, что, конечно, имеет не малое значение в обстановке в Будапеште.

В моем письме 316 я докладывал Вам о возможности интриг с той же стороны, если не против Вас, то против меня, так как мой возможный приезд в Будапешт всегда был бельмом на глазу кириллистов – так как, появившись неожиданно в октябре 1924 года, мне удалось сильно смешать их карты. Не знаю, в каком шпионаже будут стараться обвинить меня, надеюсь, не в большевистском. Хотя возможно конечно и это, а в особенности при невероятной шпиономании маленьких людей венгерских министерств, где за три года переменялось немало народу.

Поэтому я направил моего ходатая о визах к Х[уса]ру, с которым Вы переписывались. Быть может, и Вы напишете ему пару слов о высылке им трех виз – двух в Белград и одной в Берлин.

Цель моего письма, однако, не вопрос о визах – я думаю, что Вам отказать не решатся – я только хочу доложить, что если бы отказали мне, что я допускаю после случая с секретарем Волконского, которого знали во всех министерствах именно как секретаря дипломатического белого представителя и особенно благоволили к нему, так как он один из всех русских умудрился изучить венгерский язык, то для пользы дела и наших союзов, находящихся в Венгрии, Ваш приезд туда совершенно необходим, а случай со мною, если он будет иметь место – даст возможность ярко и громко возбудить и перед самим Правителем и перед министром-президентом (последнее серьезнее [так в тексте!]) – вопрос о русских и интригах среди них в полном объеме. Материал для этого будет доложен мною лично или письменно.

Прошу Вас принять уверения в абсолютном моем уважении и безграничной преданности

[без подписи]

Примечания

¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 30. Л. 115–117. Машинопись, копия, русский.

² КОТЛЯРЕВСКИЙ Михаил Николаевич (1890–1966), дворянин, общественный деятель, адъютант и личный секретарь генерала Врангеля. В эмиграции жил в КСХС, в Бельгии потом в Германии. Один из инициаторов возведения Храма-Памятника в память императора Николая II в Брюсселе.

³ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 30. Л. 112–112об. В своем письме Малама подробно пишет об отказе в обратной визе в Венгрию своему сыну, Федору, который таким образом остался в Париже, оторванный от семьи. Отказали ему после того, как «кирилисты» в Венгрии начали распространять про него и его отца совершенно необоснованную клевету, будто они агенты большевиков. Венгерские чиновники в Министерстве внутренних дел попались на эту удочку и только благодаря усилиям матери барона Розена, графини Маргит Баттьяни удалось, наконец, добиться въезда обратно Федора Малама в страну. Все это сопровождалось доносами, происками, которые сделали совершенно невозможным дальнейшее существование Малама в Венгрии как представителя Российского Общества Красного Креста. Как он об этом

писал в одном из писем Алексею фон Лампе, если Врангель не приедет в Венгрию, он закроет представительство Красного Креста, так как единственной его надеждой на улучшение положения является прибытие Главнокомандующего в страну (ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 30. Л. 121).

105. Письмо А.А. фон Лампе

П.Н. Врангелю¹

№ 376

Берлин, 19-го апреля 1927 г.

Глубокоуважаемый Петр Николаевич,

Прошу Вас принять мои искренние поздравления к наступающему празднику и пожелания встретить его в близкой сердцу среде чинов армии. Дай Бог Вам сил и здоровья!

Н.М. Котляревский писал мне и просил ориентировать его во всех подробностях поездки в В[енгрию] и Г[ерманию]. Я делаю это и все подробности сообщаю ему, чтобы весь материал сосредоточился в его руках и прошу его обо всем, что будет мною написано, доложить Вам.

Но есть один вопрос, который я хотел бы осветить лично Вам.

Н.М.К. пишет мне о том, что Ваша поездка в В. может вызвать отрицательное отношение в стране, в которой Вы находитесь² и даже иметь нежелательные последствия.

Будучи знаком с международной обстановкой я до известной степени допускаю, что это так. Однако я бы не преувеличивал эту данную и думаю, что особенной остроты она иметь не будет. Во всяком случае, это обстоятельство было в такой же степени несомненным и до факта принятия решения о поездке в В.

Поэтому я не имел бы возражений против отмены этой поездки ранее. Но теперь, когда в связи с Вашим намерением посетить В. мною предприняты шаги (и каша заварено, конечно, густо) – мне кажется, что отказаться от поездки в В. невозможно без того, чтобы при сомнительных еще нежелательных последствиях от того, что она состоится – в С[ербии] – не было совершенно несомненных отрицательных результатов от того, что она не состоится – в В.

И в этих отрицательных результатах я не сомневаюсь.

Дело налажено. В стране на самых ее верхах знают о том, что поездка предполагена. Со стороны верхов проявлен большой интерес, а положение единомышленных нам русских таково, что представитель Красного Креста прямо ставит вопрос, что если поездка не состоится, – он закроет представительство, потому что все надежды наших кругов на спасение от преследований, клеветы и доносов со стороны «легитимистов» – возлагаются именно на этот приезд.

Но это, конечно, не главное. Главное то, что какова будет будущая обстановка в Европе – неизвестно. Известно же лишь одно, что единственным человеком в этой Европе, который, несомненно, сочувствует нам и готов идти с нами – это Правитель В. Поэтому упущение случая лично познакомиться и встретиться с ним, а в особенности после того, что он об этом знает – действительно смерти невозвратной подобно. А если еще к этому прибавить, что отказ от поездки будет истолкован совершенно правильно, то есть воздействием противников В. – то эту большую возможность в Европе надо оставить навсегда!

Поэтому-то этот вопрос я непосредственно и докладываю Вам.

Разрешите добавить и еще, уже в предвидении, что поездка состоится:

Ваш знакомый, г[осподи]н Х[уса]р просит, чтобы Вы известили его письмом о Вашем намерении приехать и в письме упомянули о трех приемах, которые Вы желали бы иметь. Имена трех лиц я напишу в письме к Н.М.К.

Х-ру это нужно для официальной просьбы о приеме. Знаю, что это необходимо сделать заранее.

Кроме того, Х-р надеется на Ваш доклад³ (или речь) и в этом направлении его интерес можно свести к пяти пунктам: что сделали в России большевики; как велика их опасность для человечества; роль цивилизации и христианства в освобождении мира от большевизма; современное положение на востоке в России и в Китае; каково будет Россия после освобождения от большевизма.

Х-ра, как политического деятеля, это все, конечно, интересует для политической его деятельности. Я бы добавил, что есть один пункт, который совершенно обходить нельзя и который является

единственным укором нашей России со стороны В. – это историческое вмешательство в их дела, имевшее место давно, но острое и по сей день!⁴

В заключение же разрешите еще раз остановиться на главной цели моего настоящего письма и протестовать против возможной отмены намеченной поездки в В. Если она и может вызвать какие-либо последствия в С. – то нельзя ли их обойти как-либо иначе, и только отнюдь не отменяя намеченного, ибо повторяю, что меня побуждает к протесту даже и не современная острая обстановка, а будущее...

Прошу Вас принять уверения в абсолютном моем уважении и безграничной преданности

[без подписи]

Примечания

¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 30. Л. 120–122. Машинопись, копия, русский.

² В это время Врангель находился в Королевстве СХС.

³ В этом месте текста вставлено выражение от руки А. фон Лампе. Оно очень плохо читается, но его, по всей вероятности, следует читать – «в Национальном собрании».

⁴ Имеется в виду военная интервенция царской России в Венгрии в 1849 г. По известным ныне документам, данный вопрос не затрагивался на встречах Врангеля с венгерскими политическими деятелями. Не состоялся и предложенный К. Хусаром доклад о большевизме, о положении в России. Вместо доклада в венгерских газетах появились большие статьи в виде интервью с Врангелем. В этих статьях Врангель практически ответил на все вопросы, поставленные Хусаром. Дал обширный обзор о событиях в России после большевистского переворота, затрагивал причины поражения белого движения. Он не забыл упомянуть о предательстве, о близорукой политике Франции и Великобритании, которые в самые острые моменты бросили белые армии на произвол судьбы. Врангель подробно остановился и на тяжелых условиях эмигрантской жизни. Созданный им РОВС, в одной из статей называется «новым русским рыцарским орденом», в рядах которого состоит 40 тысяч военных и который объявляет беспощадную войну против большевиков (Pesti Napló, 17 мая 1927 г. С. 10., Pesti Hírlap 17 мая 1927 г. С. 3–4).

**106. Письмо А.А. фон Лампе
П.Н. Врангелю¹**

№ 497

Берлин, 30-го апреля 1927 г.

Глубокоуважаемый Петр Николаевич,

В развитие моих донесений Вам 370 и 376 и через Н.М. [Котляревский] – 377 докладываю:

Полковник Ж-В. [Жуковский-Волынский] доносит, что примерно около 20-го апреля, после настоятельных шагов Х[уса]ра, визы для Вас и Н. М. посланы в Белград и, таким образом, главная данная для будущего Вашего свидания с Х[ор]ти, сделана. Необходимо только Н.М. навести справку, действительно ли визы получены на месте.

Несколько иначе обстоит вопрос с моей визой.

Как я доносил Вам, виза должна была быть посланной еще 12-го апреля в силу того, что Правитель Венгрии высказал свое желание видеть меня в стране. То же самое высказал военный министр, а потому к этому присоединилось и министерство иностранных дел.

16-го апреля мне пишет В.В. Малама на основании своего разговора в министерстве внутренних дел (последняя инстанция): «... а сегодня отправлена и Ваша (виза) в Берлин. Попытки были конечно помещать Вашей визе, но Х-р этому быстро положил конец».

21-го мне пишет фельдмаршал-лейтенант Муяр, что лично говорил с Правителем и последний высказал много приятного по моему адресу. К этому он добавляет: «Ваша виза ушла» и убеждает меня для пользы русских приехать даже и в том случае, если бы Ваша поездка не состоялась...

Сегодня я получил очередное донесение полковника Ж-В., из которого вижу, что с моей визой продолжается игра, которая показывает, что даже и воля диктатора не закон. Я только могу теперь на себе самом привести доказательства того, что говоря в свое время в моих донесениях, что полное согласие Правителя впустить в страну Галлиполийцев, не значит еще, что они уже получают право в нее въехать – я не преувеличивал.

Судя по донесению, и сам Хусар начинает уже отчаиваться и в разговоре с Ж-В. говорит о том, что может быть лучше, чтобы Вы

не обижались на возможный отказ мне – мне «заболеть», что в министерстве внутренних дел недавно было принято постановление никого из русских не впускать, и что это не касается именно меня, что после Вашего приезда и Вашей встречи с Правителем я, конечно, буду немедленно вызван и т. д. и т. д.

Однако все это, конечно, не так. Несомненно, идет очень упорная интрига, и вот почему (как мне кажется) – из Вашего приезда, не будучи в силах ему помешать, стараются делать только парад – мое же появление может означать, что придется строиться к расчету, так как будучи около Вас я смогу все время Вас полностью информировать и это приведет к неприятностям не одних только русских, но и связанных с ними венгров... Поэтому делается решительно все, чтобы волю Правителя растворить в канцелярских недоразумениях и «неожиданных» проволочках, которые могут привести к тому, что виза для меня придет в Берлин после Вашего отъезда из Будапешта – это на венгров похоже!

Я приказал полковнику Ж-В. ответить Хусару, что «заболеть» не буду, и что донесу весь вопрос в подробностях, но буду просить Вас не делать из этой интриги причин для Вашего отказа от поездки, а напротив, использовать весь вопрос моей визы для того, чтобы показать верхам, то есть Правителю и, что главное – министру-президенту, до чего доходят интриги и доносы «легитимистов».

Конечно, Вам ответят, что решительно ничего против меня не имеют и т. д., что все результат недоразумений. Но все же верхи призадумываются и, быть может, это поможет нашим.

Но разрешите повторить еще раз то соображение, которое я, конечно, не пишу в Венгрию – главное в поездке это Ваша личная встреча с Правителем, которая всегда составляла предмет моих горячих желаний и цель моих стремлений, так как при всем том кажущемся безвластии, которое не может преодолеть какого-либо вопроса о визах – Правитель Венгрии в нужную минуту пойдет с Вами... а быть может, эта минута не так уже и невероятна!

Относительно своей визы я сделал следующее – я приказал полковнику Ж-В., передав Хусару изложенное выше, добиваться всеми мерами посылки мне визы своевременно, а генералу Муяру телеграфировал просьбу надавить и от себя. Поэтому я позволю себе повторить мою просьбу, все время держать меня в курсе сроков о Ваших переездах, так как я не теряю надежды лично

встретить Вас в Венгрии и подготовить все на месте к Вашему там пребыванию. Мой паспорт во всем готов, и если вопрос виз будет разрешен, то я смогу в течение одного дня выехать.

Подробный доклад, в случае моего отсутствия, сделает полковник Ж-В. и представитель Красного Креста. В предоставленной мне программе Вашего пребывания в Будапеште я сделал изменения: вместо встречи и чая на вокзале, предложил встретить Вас на маленьком вокзале (наш тип «Киев II-й») на автомобиле, чтобы тем самым у Вас осталось время на то, чтобы привести себя в порядок в дороге. А кроме того я отметил, что донесу Вам о нежелательности устройства обеда на счет офицерства, так как расход будет непосильным, о чем я Вам уже доносил в моем № 377.

На всякий случай прилагаю при сем справку относительно генерала Шульгина, которая прислана мне генералом Гулевичем, правда, в очень лаконичной редакции.

Теперь разрешите доложить несколько слов о том, как отнеслась немецкая пресса к Вашей поездке. В ней появились сведения, помещенные и некоторыми русскими газетами о том, что якобы Вас не выпустили с вокзала в Будапеште, и пришлось на нем переночевать.

Кроме того, в прессе были статьи, в которых говорилось, что цель Вашей поездки выражается в трех пунктах: 1) инспекция наших войск, 2) подготовка отрядов на территории Польши и 3) подготовка отрядов для... Чжан-зо-Лина².

Все это, конечно, фантастично, но показывает интерес к тому, что делаете Вы.

Прошу Вас принять уверения в абсолютном моем уважении и безграничной преданности

[без подписи]

Примечания

¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 30. Л. 125–128. Машинопись, копия, русский.

² Правильно – Чжан-Цзо-Лин (1875–1928), один из китайских военачальников, действовавших в Манчжурии.

107. Письмо П.Н. Врангеля**А.А. фон Лампе¹***Белград, «30» апреля 1927 г.*

Дорогой Алексей Александрович,

На следующий день после отправления мною Вам последнего письма, меня посетил Секретарь местного Венгерского посольства, сообщивший, что возвращающийся на следующий день из Будапешта местный Венгерский посланник просит назначить время, когда я могу его принять. Я принял его в день его приезда. Посланник передал мне привет Адмирала, сожаление, что я проездом через Будапешт не повидал его и приглашение на обратном пути в Бельгию его посетить. Я благодарил и позволил себе высказать откровенно мои сомнения в своевременности подобного посещения, изложив те соображения, о которых упоминал в последнем письме Вам.

Мой собеседник, учитывая все мною сказанное, все же настаивал на чрезвычайной желательности и неотложности моей поездки.

Поставленный в эту плоскость вопрос, почти исключал возможность дальнейшего отказа. Тем не менее, я уклонился от положительного ответа сразу. Мне удалось на следующий день иметь продолжительную беседу с местным военным министром, и затронул в этой беседе вопрос. Последний к моему удовлетворению оказался не столь болезненным, как то можно было ожидать, и я получил заверение, что поездка моя не будет истолкована превратно. Со спокойным сердцем я мог дать положительный ответ на полученное приглашение. При этом посланник выразил готовность принять на себя все заботы по подготовке деталей моей поездки, заказа помещений и пр. На ответ мой, что все эти заботы примет на себя представитель Армии, генерал фон Лампе, который заблаговременно должен прибыть из Берлина в Будапешт, посланник, к моему удивлению, высказал определенное пожелание, чтобы приезд Ваш в Будапешт был отложен до разрешения на месте всех тех острых раздоров, которые возникли в русской среде. По его словам, Правительство этими раздорами весьма раздосадовано, тем более, что известная часть оппозици-

онной Правительству местной прессы их нарочно использует. В ближайшее время не исключена возможность вмешательства в русские дела судебных органов по жалобам некоторых русских лиц. Насколько я мог понять из его намеков, здесь имеет место какая-то глубокая интрига, объектом которой являетесь Вы. На возражение мое, что, не зная местную обстановку, мне трудно будет без Вас в русских делах разобраться, мой собеседник, решительно настаивая на невозможности в настоящее время Вашего приезда, предложил мне несколько отсрочить мою поездку, дабы предварительно свидеться с Вами по моему возвращению в Брюссель, и лишь после этого проехать в Венгрию. Возможность этого, конечно, исключена, и я вынужден был примириться с невозможностью Вашего приезда в дни пребывания моего в Будапеште. На вопрос мой, что от меня ожидается в отношении большого русского вопроса, мой собеседник ответил, что при невозможности для Правительства разобраться в сложном клубке русских взаимоотношений, Правительство обратится ко мне, надеясь, что, с одной стороны, мой авторитет может оказать влияние на самих русских людей, с другой, что моя аттестация даст возможность Правительству отделить козлиц от овец. Я возражил, что при всей готовности моей сделать все возможное для внесения мира и спокойствия, мой авторитет может иметь значения лишь для тех, кто вообще сохранил какую-либо совесть, для мерзавцев, вроде Шульгиных, Даниловых и К-о, ничей авторитет, и мой, в том числе, значения иметь не может. К тому же, с подобными господами я считал бы ниже своего достоинства говорить. Я получил заверение, что те лица, кои будут мною указаны, как прохвосты, будут самим Правительством устранены. А в случае необходимости, в качестве нежелательных, и высланы.

Прошу Вас в самом срочном порядке:

1. Выслать в адрес Малама все те документы, которые могли бы мне помочь разобраться в местных дрязгах.

2. Указать на тех лиц, кои могли бы на месте дать мне нужные сведения.

3. Поручить кому-либо, по Вашему выбору, заменить Вас в отношении подготовки на месте моего приезда, разработки подробностей, распределения времени, подыскания помещения и т. д.

4. По получении настоящего письма телеграфируйте, с кем в Будапеште в дальнейшем надлежит сноситься.

Крепко жму Вашу руку

Ваш П. Врангель

Примечания

¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 30. Л. 138–139. Машинопись, оригинал, русский.

108. Письмо А.А. фон Лампе П.Н. Врангелю¹

№ 505

Берлин, 3-го мая 1927.

Глубокоуважаемый Петр Николаевич

Во исполнение Вашей телеграммы я послал вчера в Будапешт заказным экспрессом на имя фельдмаршала-лейтенанта Муяр, для представления через В.В. Малама мой доклад, памятную к нему записку и те документы, которые относятся ко времени зарождения интриги «легитимистов» против инакомыслящих, к тому периоду, когда объектом интриги был и на самом деле я, как Ваш представитель. Как Вы увидите из представленных документов, наша победа была полная и главного виновника, Тер-Матеузова решено было выслать, но... «легитимистам» слишком трудно было его не защищать, он знал все про них и многое про венгров и потому наше отсутствие из Будапешта привело к тому, что интрига продолжается и по сие время. Начата она была еще Казем-Бекком и Голицыным-Муравлиным, успеха не имела, потому что присутствие в стране князя Волконского и мое парализовало всю грязь, но потом, как я в свое время и доносил, венгерские власти, ввиду нашего постоянного отсутствия из страны, как зрелый плод попали в руки интриганов. В.В. Малама, по характеру очень пассивен, и только теперь, увидев, что дело идет о жизни и смерти, начал сопротивляться, полковник Жуковский, служа рабочим – далек от властей, его предшественник – Соколов, как

я и упоминаю в представленных сведениях, сделал много ошибок, облегчивших положение того же Шульгина, и проведение последним в жизнь бесконечно грязи, которая, несомненно, окончательно ликвидировало то доброе отношение к русским, которое в Венгрии было, и которое нам удавалось поддерживать. Эти господа всегда начинают с поношения русских же, не понимая, что сами они интригуют только временно – хотя быть может это им и нужно: когда-то в Венгрии зарабатывал Комиссаров, потом Бискупский – это еще до меня. Когда последний попробовал приехать при мне – Хорти спросил меня, мое мнение о нем, и я прямо, помня Ваши указания, сказал, что это авантюрист. Потом, уже при мне – сначала интриговал Казем-Бек, который имел хоть-то преимущество, что лично был не стяжатель [так в тексте!], потом сорвал деньги Голицын-Муравлин. Потом попали в Венгрию, при помощи В.В. Малама и против моего согласия, в чем сейчас В.В. Малама мне горько и в письменном виде сознается – Шмеман и Шульгин. Первый, устроенный хлопотами В.В. Малама в семью холостого графа Куна-Хедервари, не поступился тем, что на год закрепился в качестве гостя снисходительного к хозяину и своей жене, второй готов всякими мерзостями и грязью держаться в Венгрии².

Из писем ко мне полковника Жуковского (говорящего со слов Хусара), фельдмаршала Муяра и В.В. Малама – я видел, что принято решение разобраться в русском вопросе. Все они, Муяр говорил, что даже со слов Хорти и военного министра, графа Чаки, твердили, что «задержка» моей визы вызвана не личным против меня выступлением, а общим распоряжением о всех русских. Однако я доносил Вам в моем № 497 (послано в тот же день, когда Вы послали Ваше письмо из Белграда) – что это не так и доклад Вам венгерского посланника это подтверждает.

Я не считаю, что интрига направлена против меня, вернее, что я являюсь ее объектом – это было бы слишком самоуверенно с моей стороны – объектом интриг и грязи являются все русские, не принадлежавшие к лагерю «легитимистов», – теперь интриги были направлены против наших старших офицеров, потому что на них опиралась остальная верная командованию молодежь (не мало ушло – доложит полковник Жуковский, исключались моими приказами), против В.В. Малама, главным образом, потому, что

он занимает официальное положение. Против него шли грязные доносы до упреков в хищениях, что привело к правительственной ревизии, конечно, ничего отрицательного не установившей. Теперь его нажимают, вернее, выжимают из страны другим путем – его сыну, бывшему официальным секретарем Волконского отказали в визе по подозрению в... большевизме. В.В. Малама подал в суд (это то, о чем намекал Вам посланник). Все эти подробности доложит Вам В.В. Малама. Интрига шла и против барона Розена, так как он по своим связям мог много вредить Шульгину и Ко. Тот долго сопротивлялся, но потом, под влиянием жены и матери смалодушничал и ушел в венгерское подданство – он должен Вам доложить о периоде работы против него и через его голову против представительства. От него остался плюс – исключение Шульгина из полка, которого он именовал себя чуть ли не командиром!

Для полной ориентировки (на это могут быть сделаны Вам намеки) должен упомянуть, что слабым местом В.В. Малама является его жена и... генерал Муяр, чем венгерское общество всегда возмущалось. Однако теперь Муяр очень полезен, так как он лично знает Хорти.

Таким образом, объектом интриги являются все «наши» и, как я уверен, в первую очередь Вы – но имя Ваше настолько высоко котируется высшими властями, что против Вас поход, который несомненно был, не удался и тогда решено было, что для меня тоже несомненно – оставить Вас без точных сведений во всякое время, и тем самым ослабить свой проигрыш в том месте, которое будет пробито Вами – то есть, во что бы то ни стало, преградить путь мне. И надо отдать справедливость, что энергия была проявлена большая – это доказывает, что в этом заинтересованы и сами венгры... Хорти и Чаки говорят о своих симпатиях ко мне, о желании меня видеть, министерство иностранных дел (где господствует граф Кун-Хедервари – друг Шмемана) присоединяется к этому (его представитель в Сербии говорит другое) – министерство внутренних дел, ссылаясь на свою автономию и на постановление для всех русских, говорит, что визу посылает, и... задерживает ее! Ведь если бы постановление было для всех русских, то как было пускать Николая Михайловича [Котляревского], который тоже ведь въезжает только как человек нужный Вам...

Словом, как я и доносил Вам в письме № 497, посланном в Сербию, в докладе 503 и памятной записке 500 посланных в Венгрию – я суммирую все и могу доложить кратко – поход идет и шел против всех не кириллистов, успех его обеспечивался отсутствием в стране наших представительств и постоянных там пребыванием «легитимистов», а также их готовностью пачкать имя русских как угодно, до обвинений в большевизме, социализме и хищениях – Малама, наших представителей союзов и быть может и меня. Говорю, быть может – потому что пока против себя видел только обвинения во франкофильстве, которое распространяется кириллистами и большевиками, которым я, к моей гордости, мешаю в германских странах!

Залогом успеха было и легкоеверие венгров к тем, кто им скажет последним (Комиссаров, Бискупский, барон Ган, полковник Карташев и т. д.)

Корнем зла является Тер-Матеузов, который в 1921 году прибыл в Венгрию, в тот же день связался с местной контрразведкой и тогда же предложил мне свои услуги, сославшись на генерала Климовича, который своих отношений с Т-М. не подтвердил³. Его поддержали как улана Ее Величества (Т-М. – вольноопределяющийся этого полка) – Казем-Бек и Бобошко, и категорически отказались поддерживать в военной миссии.

У меня, конечно, нет документов, так как их в подобного рода делах никогда не бывает, но общность приемов – фальсификация документов, клевета в печати, провокационные слухи, доносы и обвинения за спиной, а также осведомление местных властей о русских – в связи со всеми деталями деятельности Матеузова – часто приводили меня к заключению в его несомненной связи с большевиками. Это типичный агент-provocateur – втирается всюду, всюду получает средство для жизни и всюду доносит. При наличии военной миссии, несмотря на поддержку Казем-Бека и Бобошко и службу в местной разведке, ему не удалось закрепиться – от офицерского союза я потребовал его устранения от дел правления, его (несомненно) донос на генерала Княжевича (французский шпион!) окончился освобождением последнего от ареста через 24 часа и реабилитацией в письме ко мне тогдашнего военного министра, генерала Беличка, который, однако, в письме своем подтвердил, что донос был русский.

Таким образом, Тер-Матеузов прозябал пока не ушли наши миссии и не появились кириллисты... это дало ему свободу действий, он признал в них своих и сделался ближайшим человеком к представителям «Императора» – дипломатическому, слабому и не умному – Шмеману. И не глупому и гнусному – Шульгину.

Остальные, даже кириллисты относились к Матеузову с омерзением, два брата, кирасиры Максимовы ушли из-за него из монархического объединения. Генерал Данилов, который, в общем, ведет себя прилично, тоже относится отрицательно.

Теперь оба, Шмеман и Шульгин – всецело в руках ловкого агента. Причем Шульгин, конечно, как Вы знаете, очень с этим агентом однороден.

Вокруг них сколько-нибудь значительного никого – Данилов индифферентен (когда-то выступал с Голицыным), поддерживают полковник князь Оболенский, сын тульского Оболенского, бывший губернатор Ставрополя (фигурирует как губернатор Северного Кавказа), проведенный в Венгрию по спискам штаба мною генерал Хильченко, почему-то очень ненавидящий Вас (служил у Пиленко в Константинополе⁴), и полковник Хрипунов, которого Вы знаете лучше, чем я!

Разрешите доложить следующее – я лично считаю, что для дела и всего того, что нужно знать каждую минуту, мне необходимо быть у Вас под рукою, и лучше было бы, если бы, как говорят Хусар и Муяр – если бы после первой встречи Вашей с Хорти (или с графом Бетленом), меня телеграфом вызвали – у меня германская виза и паспорт и чешская виза готовы – тогда при всех дальнейших переговорах, если бы допустили мое присутствие, я всегда смогу ответить на все возражения, которые не предусмотрены в письме. Но это означает удлинение Вашего пребывания в Будапеште...

И еще, как всегда и во всех донесениях из Венгрии и о Венгрии – я повторяю, что то, что обещано, даже и самим Правителем и министром-президентом (последнее крепче) – еще не сделано и путем небольших нажимов в низах может быть легко потоплено во времени...

Но самый доклад о том, что правительство хочет знать Ваше авторитетное мнение о «козлищах и овцах» – говорит многое и дает надежду на успех. И, как я всегда докладываю – этот успех

я вижу даже не в спасении современной колонии, а в личном соприкосновении Вашем с адмиралом Хорти, что может и должно быть чревато большими последствиями, когда к этому встретится возможность в обстановке.

Докладывая все, я должен доложить и то, что доносил неоднократно – в успехе провокаторов и доносчиков не мало и нашей вины – неурядицы в среде, которая должна быть монолитной, оскорбления действием последовательно двух возглавителей галлиполийцев своими же – полковника Лукина и полковника Соколова, переход к кириллистам из-за «благ земных» ряда галлиполийцев, постоянная затаенная (из боязни моих репрессий) неприязнь полковника Жуковского к слабому, но порядочному и армии всегда доброжелательному В.В. Малама, все это не способствовало тому, чтобы провокаторы проваливались в своих предприятиях.

Наконец двукратная ошибка, вызванная удалением полковника Соколова – это болтливость в отношении Тер-Матеузова, давшая ему возможность начать процесс против Розена и доверенность Шульгину (давно уничтоженная), которой он оперирует, тоже была водой на мельницу провокаторов. Об этом я доношу в бумагах, посланных в Венгрию.

Разрешите еще мелкие добавления, которые можно предвидеть в повседневной жизни: могут просить прием венгры – генерал барон Абеле – он был у Вас в 1924 г. в Берлине, как тогдашний военный агент венгров, генерал Покорни (он был в Крыму под именем Циммермана), полковники Оттрубаи, Ракоши и капитан Мануйлович, а также и лейтенант Косич (все они кавалеры Вами пожалованных орденов). Последний состоял при военной миссии и хорошо выступал в печати против легитимистов во время «Кенкелиады». Всех их желательно принять и обласкать – это все наши друзья, а Мануйлович и Ракоши одного со мною мнения о Тер-Матеузове.

Еще одна венгерка – графиня Бетлен (родня министра-президента)⁵ – она всецело наша, очень много помогала и помогает русским военным и сильно ненавидит Тер-Матеузова. С ней Вы, несомненно, увидите, я очень бы просил благодарить ее на основании моего доклада.

Из русских я просил бы не принимать – атамана казачьей станицы, не вошедшей в свое время в РОВС, и избегавшей прямого

ответа на этот вопрос, и могущих просить о приеме русских старших офицеров – первопоходника полковника Кариуса – ушедшего из РОВС без объяснения причин и преобразенца полковника Зубова – также ушедшего из РОВС и игравшего сомнительную роль в деле Розен-Шульгин (все преобразенцы).

Говоря о казачьей станице, я должен отметить, что другая казачья организация «Сводно-Донской казачий полк» всецело в Вашем подчинении и заслуживает всякого одобрения.

И еще разрешите напомнить, что войсковому старшине Елисееву было назначено пособие в 100 франков – они еще мною не получены – быть может, Вы ему их (или больше?) дадите сами и тем его поддержите морально.

Всего доложить и предвидеть в письмах не могу – в этом кириллисты правильнее учитывают мои возможности, чем наши и Хусар.

Очень прошу указать время Вашего предполагаемого приезда в Берлин, окончательное решение о местожительстве (я думал бы, что «Феттер») и Ваш взгляд о характере Вашего пребывания, то есть с оглаской или без нее.

Я лично, не соглашаясь с Боткиным, считаю, что здесь возможно и то, и другое и все зависит от Ваших планов.

Очень надеюсь, что комплект моих писем и донесений хотя бы в некоторой степени заменит мой личный доклад.

Прошу Вас принять уверения в совершенном моем абсолютном уважении и безграничной преданности.

[без подписи]

Примечания

¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 30. Л. 140–147. Машинопись, копия, русский.

² Так в тексте. Шмеман на самом деле устроился у семьи брата «холостого графа» Шандора Куна-Хедервари, начальника Политического отдела Министерства иностранных дел, у Кароя Куна-Хедервари в его замке Хедервар.

³ КЛИМОВИЧ Евгений Константинович, генерал-лейтенант (1871–1930/1932?), жандармский офицер, московский градоначальник, в 1916 г. директор департамента полиции Министерства внутренних дел, после ухода с этого поста назначен сенатором. В гражданской войне с марта 1920 г. на-

чальник Особого отдела (контрразведки) Штаба Главнокомандующего, с августа стоял во главе всей государственной стражи. После поражения эвакуировался из Крыма, в эмиграции жил в КСХС.

В Венгерском Архиве Военной Истории сохранился венгерский перевод письма Тер-Матеузова от 5-го августа 1921 г. своему другу Георгию Николаевскому. В этом, после того, как известил его о службе в венгерской контрразведке, писал следующее: «Если я чем-то могу быть полезным нашей дорогой армии и штабу, то я предлагаю свои услуги – конечно, бесплатно. Может быть, генералу Климовичу здесь что-то нужно. Сообщи об этом ему и штабу!» (обратный перевод с венгерского. – А.К.) Тоже небезынтересно обратить внимание на комментарий переводчика, офицера-чиновника Министерства обороны к этой части письма. По его мнению, предложение Тер-Матеузова не может быть оценено как враждебный Венгрии поступок, так как «Армия Врангеля была бы единственной союзницей Венгрии, если бы она существовала» (HL VKF 1925. 2. oszt/titk. № 19.893 Л. 595).

⁴ ПИЛЕНКО Александр Александрович (1873–1956), профессор Санкт-Петербургского университета, юрист, экономист. По данным А. фон Лампе, он был торговым агентом Деникина в Константинополе. В эмиграции жил в Париже, преподавал в Институте русского права при юридическом факультете в Сорбонне. Член Российского финансово-промышленного и торгового союза. Публиковался в разных эмигрантских изданиях, в том числе «Дни», «Последние новости», «Сегодня». Выступал на Российском Зарубежном съезде в 1926 г. После Второй мировой войны активный сторонник возвращения в СССР.

⁵ БЕТЛЕН Марта, графиня (1877–1954), двоюродная сестра Иштвана Бетлена, премьер-министра Венгрии. Она была известна своей благотворительной деятельностью и помощью русским беженцам. Она очень много делала и для брошенных бывшими венгерскими военнопленными русских жен. Около 50-ти из них жили в общежитии Красного Креста на улице Ясберени. Статья газеты Эшти Курир прямо называет графиню ангелом-хранителем несчастных русских женщин. Она регулярно посещала их, доставала для них кровати, белье и т. д. (Esti Kurir, 7 июля 1925 г. С. 3).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Визит Врангеля в Будапешт и его переговоры с Хорти и Бетленом А. фон Лампе считал вершиной своей деятельности в качестве военного представителя Врангеля в Венгрии и начальника, объединившего в своих рядах русские военные организации в Венгрии II-го отдела РОВС. Но скоро выяснилось, что поездка не оправдала надежды А. фон Лампе.

Встреча «двух выдающихся лидеров белого движения» – как А. фон Лампе часто выражался – не привела к углублению сотрудничества между ними, не был открыт «общий антибольшевистский фронт». Справедливости ради, необходимо отметить, что международная обстановка тоже не благоприятствовала этому, несмотря на то, что именно в дни пребывания Врангеля в КСХС и Венгрии в связи с «делом Аркоса» обострились советско-британские отношения, а 27-го мая британское правительство объявило о разрыве дипломатических отношений с Москвой. Некоторые круги белой эмиграции вновь начали лелеять надежду на свержение извне советского строя¹. В этой ситуации встреча Хорти и Врангеля несомненно могла бы иметь значение. Венгерское правительство по всей вероятности при формировании своего отношения к Врангелю руководствовалось соображениями донесений Пала Форстера, венгерского посланника в Белграде. Форстер несколько раз встречался с Врангелем, об этих встречах посылал детальные рапорты в венгерский МИД. К информации, полученным от Врангеля о РОВС, и о положении русской военной эмиграции он прибавил и содержание своих бесед с американским посланником Джоном Дайнели Принсом (John Duneley Prince). Принс считал Врангеля хорошим организатором и авторитетным лицом, но одновременно и трагическим героем, за кем никто не стоит, и кто в будущем не может играть активной роли в борьбе против большевизма. По его мнению, гораздо большее практическое значение имеет деятельность баронессы Врангель, направленная на помощь нуждающимся беженцам². Венгерское

правительство и после визита барона Врангеля продолжало относиться к русскому вопросу исключительно как к беженскому без каких-либо политических расчетов. Поэтому не был создан и пост «официозного» представителя Врангеля рядом с Хорти, о чем говорили на встрече.

Не оправдались и надежды на то, что появление Врангеля в Венгрии спасет «добрую часть» эмиграции от происков «кириллистов». После того, как от Врангеля ожидалась помощь разобраться в русских делах, аттестация отдельных лиц и группировок русской колонии в Венгрии, вполне логично было рассчитывать на немедленное удаление из страны главнейших интриганов или хотя бы на упразднение их деятельности. Не только ничего такого не произошло, но события вскоре взяли неблагоприятный оборот. В то время как процесс в Германии для А. фон Лампе был закрыт благополучно, о чем он известил всех своих знакомых в Венгрии, дело Розена после апелляции было возвращено на первую инстанцию. Здесь процесс превратился в борьбу между Министерством обороны и внутренних дел. Первое поддерживало Розена, второе – Тер-Матеузова. В июле 1927 г. Розен и Соколов проиграли процесс, их обязали выплатить 1000 пенгэ Тер-Матеузову и 400 на судебные расходы (в этом немалую роль играл Симонов, кто отказался от своих прежних показаний). Через несколько недель 2-я инстанция аннулировала приговор и отклонила иск Тер-Матеузова против Розена и Соколова. Несение всех судебных издержек возлагалось на Тер-Матеузова, он лишился права на апелляцию.

После этого, вопреки «окончательному решению» второй инстанции и здравому смыслу, Тер-Матеузову все-таки удалось добиться возобновления дела, и на третьей инстанции он одержал окончательную победу. В приговоре Розена обязали выплатить Тер-Матеузову 1000 пенгэ, что для него было значительная сумма, хотя он мог быть довольным, так как Тер-Матеузов требовал от него 20.000 (Вся это трехлетняя процедура – по словам Розена – ему стоила 3 тысячи). Но еще более печальным оказался текст приговора, который «установил», что военное представительство (во главе с А. фон Лампе) занималось шпионажем против Венгрии в пользу Франции, а Министерство обороны старалось это дело затушевать. Розен не без грусти и досады признал, что, не-

смотря на его прочные связи в Венгрии и поддержку военных, шайка международных мошенников оказалась сильнее его³.

В этой ситуации А. фон Лампе сделал еще одну попытку, чтобы защитить свою честь. Он вполне справедливо возмутился тем, что на суде его имя многократно упоминалось. Из уст участников и свидетелей процесса были выдвинуты всевозможные обвинения по его адресу, но суд не считал нужным вызвать его в качестве свидетеля, несмотря на то, что он неоднократно выражал желание дать показания либо в венгерском консульстве, либо на месте. Фон Лампе считал весьма любопытным и то обстоятельство, что за несколько лет дело по клевете против барона Розена постепенно превращалось в дело по шпионажу, и он стал негласным обвиняемым, его имя неоднократно поносилось в прессе⁴.

Во-первых, А. фон Лампе в согласии с Малама, Хусаром и генералом Муяром хотел начать широкую кампанию в прессе с вовлечением «сочувствующей нам газеты», чтобы заставить противников открыто предъявить свои обвинения и все «доказательства». Судя по документам, А. фон Лампе в Венгрии хотел повторить то, что ему один раз уже удалось в Германии. Для этого он считал необходимым найти надежную газету и надежного адвоката, которые были готовы довести дело до конца⁵. Но через некоторое время он отказался от своего плана. В этом, несомненно, играло решающую роль то обстоятельство, что в сентябре 1927 г. на второй инстанции процесс показался оконченным победой Розена и Соколова. В письме полковнику Жуковскому-Волынскому фон Лампе свое решение объяснил нехваткой времени и денег и нежеланием публично «позорить больше русское имя перед иностранцами»⁶.

Во-вторых, в сентябре 1927 г. А. фон Лампе составил три проекта писем. Два от имени Врангеля к Хорти и Бетлену, одно от своего имени Врангелю. В этом последнем он опять детально излагал историю с военным представительством, и после вынесения приговора второй инстанцией протестовал против клеветы, лживых доносов, недопущения его в Венгрию во время поездки Врангеля. Фон Лампе подчеркнул, что поскольку он в своей деятельности в Венгрии всецело исходил из указаний Главнокомандующего, нападки и обвинения, несомненно, бросали тень и на Врангеля. Главными виновниками с венгерской стороны назвал

упомянутых уже сотрудников министерства внутренних дел Андора Есенски и Эмила Пьячека. В конце письма просил поддержки Врангеля для восстановления доброго имени и для реабилитации его деятельности в Венгрии⁷. По плану А. фон Лампе Врангель должен был переслать это письмо в переводе адмиралу Хорти и главе правительства, графу Бетлену в сопровождении своего обращения к ним. В редакции А. фон Лампе Врангель предоставил бы Хорти и Бетлену, в какой конкретной форме они считают нужным и возможным реабилитировать его бывшего представителя в Венгрии: «Я позволяю себе выразить надежду, что во имя справедливости и общих взглядов, установленных между нами при личной нашей встрече, Вы пойдете навстречу просьбе генерала ф. Лампе, которого я решительно и горячо поддерживаю»⁸. Но этот план также не был реализован, как и кампания в прессе. В конце сентября во время очередной служебной поездки в Бельгию и во Францию, А. фон Лампе встретился с Врангелем. «... Генерал Врангель не согласился с моим мнением о необходимости внесудебного выступления в Венгрии с протестом против злонамеренных слухов, распускаемых про меня лицами, служащими на венгерской государственной службе, и указал мне, что считает, по обстановке данного момента вообще излишним какие-либо мои выступления по данному вопросу» – писал полковнику Жуковскому-Волынскому в Будапешт⁹.

Через несколько месяцев, 25-го апреля 1928 г. Врангель внезапно умер в Брюсселе. Его смерть А. фон Лампе считал роковым ударом по белому делу и концом своей карьеры. Он настолько тесно связал свою деятельность с личностью Врангеля, что не очень рассчитывал на то, что великому князю Николаю Николаевичу или преемнику Главнокомандующего во главе РОВС (в качестве возможных кандидатов назвал Кутепова, Миллера и Лукомского), он будет нужным¹⁰. Хотя фон Лампе, судя по дневниковой записи, готовился к уходу с должности, этого не произошло, и он по-прежнему остался начальником II-го отдела РОВС. Дела немногочисленной русской колонии в Венгрии представили ему мало радости, но и для особой тревоги не было оснований. Волны «шумного процесса» Тер-Матеузов–Розен со временем утихли, внутренние распри теряли свою остроту. Розен ушел в частную жизнь, принял венгерское гражданство и отошел от русских, ог-

раничился редкими, нерегулярными обмeнами письмами с Алексеем фон Лампе. Тер-Матеузова в 1929 г. в дисциплинарном порядке указом «Императора Кирилла» удалили из Корпуса Императорской Армии и Флота. Та же участь постигла и другого «крупного кириллиста», генерала Шульгина. В следующем году настала долгожданная минута, детектив венгерской полиции сам появился в Берлине, чтобы получить сведения от А. фон Лампе о Тер-Матеузове: «Я сказал все, что знал и все, что мог, и предупредил, что рано или поздно, но венгерской полиции придется разбирать дело советского агента Тер-Матеузова»¹¹. После расследования следовала его высылка из Венгрии. В сентябре 1930 г. А. фон Лампе уже писал генералу Миллеру, что в Венгрии «давление [кириллистов] почти совершенно прекратилось»¹².

А. фон Лампе продолжал руководить союзами в Венгрии из Берлина. Больше в стране, за исключением одного случая, он не появился. В 1942 г. фон Лампе, как начальник Объединения Русских Воинских Союзов, посетил части Русского Охранного Корпуса в оккупированной Югославии. На обратном пути он остановился в Будапеште, и на вокзале принял рапорт председателя Союза Русских Офицеров в Королевстве Венгерском, капитана Митрофана Кологривова, вел разговор с Михаилом Самсоновым, представителем Российского Общества Красного Креста в Венгрии¹³. А через несколько лет приближение фронта и появление в Венгрии Красной Армии (и отрядов СМЕРШ) положили конец организационной жизни колонии русских эмигрантов. Часть их бежала в более безопасные места земного шара, некоторые остались и уцелели, но были и такие, которым не удалось избежать репрессий. Но их небольшой мир в Венгрии, одной из ключевых фигур которого был А. фон Лампе, военный агент барона Врангеля в Будапеште, исчез невосвратимо и навсегда.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Хотя разрыв и ряд других событий в речах Сталина и других советских лидеров были истолкованы как рост военной угрозы против СССР, на самом деле никакая военная интервенция, ни с участием остатков армии генерала Врангеля, ни без него не планировалась. Ни великие державы, ни «лимитро-

фы» к таковой не готовились. Попытка Великобритании создать антисоветских блок государств тоже не увенчались успехом (Смотри об этом: Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б) и Европа. Решения «Особой папки» / Под ред.: Адибеков Г.М. и др. – М., 2001. С. 98–100 и 148–151; Нежинский Л.Н. В интересах народа или вопреки им? Советская международная политика в 1917–1933 годах. – М., 2004. С. 243–259).

² HL 1927 VKF 16.449/biz Л. 669.

³ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 38. Л. 262, 292, 345, 351.

⁴ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 38. Л. 324, 337, 347. Выражение «таинственный» стало постоянным эпитетом А. фон Лампе на страницах газет, а его «внезапное исчезновение из Будапешта» объяснялось провалом деятельности (Pesti Napló, 11 февраля 1928. С. 17).

⁵ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 38. Л. 264, 281–284.

⁶ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 38. Л. 294–295.

⁷ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 38. Л. 301–314.

⁸ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 38. Л. 299, 300.

⁹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 38. Л. 318.

¹⁰ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 34. Л. 14, 22–23. «Большой период в белом движении отошел и возникает вопрос, не кончилось ли оно? Силою вещей оно заключалось в личности одного человека, и его судьба отняла, подарив совершенно задаром большевикам, чрезвычайно приятный подарок...». «Когда-нибудь надо было кончать – почти десять лет тому назад (10!) в одном вагоне с ПН Врангелем я приехал (не зная его лично и зная только фамилию и внешний вид) 25 августа ст. ст. [по старому стилю] в Екатеринодар, и до сего времени, уже непрерывно с мая 1919 года моя судьба была связана с ним... Теперь он ушел, значит конец, и этому просто надо покориться, ибо я всегда думал про себя, что почему я должен быть “представителем” в то время, когда люди и лучше, и умнее становятся к фабричному станку... но записки издать я должен.!!» (Там же).

¹¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 34. 93об.

¹² ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 44. Л. 4.

¹³ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 70. Л. 109.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

А

Абеле-Лилиенберг Ф. – 127, 186, 188, 190, 283, 305, 424, 478, 509
Абрамов Н.Ф. – 388
Абрамов Ф.Ф. – 386–388
Августа Виттельсбах, эрцгерцогиня – 52, 54, 118
Авдеев В.А. – 200
Агапеев В.П. – 160, 161
Адибсков Г.М. – 517
Александр I – 117
Александр II – 32, 38, 119, 128, 147
Александр III – 118
Александра Павловна, великая княгиня – 120, 121
Александров Е.А. – 58
Алексеев М.В. – 15, 418
Алексей Николаевич, цесаревич – 128
Альбрехт, эрцгерцог Габсбург – 110
Альдья – 117
Альтфатер В.М. – 42, 45, 135
Амбрози Л. – 175–177, 179, 444, 450, 451, 473
Амлен (Хомелен, Хамелен), Ж.-К. – 43, 46
Ана Моника Пия Саксонская – 180
Андерсен – 124, 126, 165
Андраши Д. (младший) – 91, 92
Андраши Д. (старший) – 92
Андронников В.М. – 444, 445, 447, 449
Аплачеев – 129
Аппони – 37
Аппони А. – 56, 57, 89, 95
Аппони Р. – 252
Аппони Ш. – 268
Аракелов, капитан – 165
Архангельский А.П. – 16
Архангельский П.Г. – 76, 77, 87, 217, 224, 253, 313
Ауссем В. – 442
Ахьянский – 214

Б

Багговут В.Н. – 127, 129
Базаревич В.И. – 147, 148, 153
Банфи М. – 49, 51, 65, 70, 72, 74, 75, 78, 80, 83, 85, 86, 103, 104, 188, 209, 214, 218, 220, 221, 242, 243, 270
Бар Г.С. – 107, 109, 127, 143, 262, 359
Баратов Н.Н. – 321, 322
Барци И. (Барцихази) – 251, 444, 445
Басик И.И. – 155, 366, 373, 431
Баттьяни – 37
Баттьяни Л. – 397
Баттьяни М. – 32, 495
Баттьяни П. – 26, 60
Безобразов В.М. – 143
Беличка Ш. – 56, 58, 110, 127, 129, 131, 145, 197, 207, 213, 218, 258, 270, 293, 294, 297–299, 411, 507
Бенкендорф А.Х. – 252
Бенкендорф М.А. – 268
Бенкендорф С.А. – 252
Бенкендорф-Аппони А.А. – 250, 252, 268
Бермонт-Авалов П.Р. – 217, 218
Бетлен И. – 33, 49, 51, 56, 57, 61, 75–77, 86, 89, 90, 99–101, 122, 144, 145, 148, 149, 151, 154, 156, 175–177, 181, 192, 193, 209, 235, 344–346, 370, 437, 440, 441, 444, 449, 473, 508, 511, 512, 514, 515
Бетлен М. – 509, 511
Бидерман И. – 62
Бискупский В.В. – 41, 66, 184, 259, 266, 273, 274, 505, 507
Биценко А.А. – 42, 45
Бобошко Л.А. – 43, 46, 93, 112, 215, 216, 218, 262, 268, 507
Бобринский В.А. – 38, 39
Богаевский А.П. – 200
Богомоллов Д.В. – 438, 442

- Богославский – 118
 Бордюгов Г.А. – 15
 Боровицни А. – 84
 Борх, корнет, граф – 43, 216
 Боткин С.Д. – 187, 378, 401, 422, 510
 Бочарова З.С. – 130, 266
 Бояи Я. – 15
 Бредов Н.Э. – 86
 Брешко-Брешковская Е.К. – 143, 144
 Бриан А. – 37
 Брилев, поручик – 71
 Брусилов А.А. – 45, 112, 113, 122, 300
 Бубнов А.Д. – 32, 274
 Буденный С.М. – 75, 161
 Бурцев В.Л. – 148, 150
- ## В
- Вагнер – 111
 Вадковский В.В. – 109, 111, 124, 125, 132, 158, 262, 268, 296
 Варга Е.М. – 461
 Васильев А.А. – 169
 Василько Н.Н. – 202–204
 Вейган М. – 211
 Вейс – 288, 437
 Верисоцкий Ф.И. – 40, 43, 47, 49, 77
 Ветштейн Я. фон – 451, 452
 Вильгельм, принц Габсбург (Василий Вышиваный) – 77
 Вильд Й. – 49, 51, 56
 Вильчек – 132, 134
 Виноградский Н.Н. – 124–126, 281, 324, 326
 Винчи Л.О. – 117
 Вискупский Ф.И. – 40
 Владимир Александрович, великий князь – 32
 Владимиров (Новогребельский) А.В. – 43, 46
 Власов А.А. – 388
 Волков С.В. – 168, 382, 385
 Волконская М.Н. – 64
 Волконская С.А. – 64, 448, 450
 Волконский П.П. – 63, 64, 78, 82, 87, 102, 108, 109, 124, 125, 139, 145–149, 157, 162, 165, 166, 168, 169, 171, 174, 176, 177, 179, 180, 182, 189, 229, 230, 249, 262, 264, 265, 268, 280, 282, 286, 287, 289, 291, 295, 303, 308, 316, 322, 326, 341, 344, 348, 375, 377, 380, 402, 414–418, 421, 423, 435, 436, 440, 443–446, 448, 450, 452, 456, 458–460, 465, 494, 495, 504, 506
 Воронцов-Вельяминов, прапорщик – 215, 218
 Врангель А.К. – 250, 252
 Врангель О.М. – 170, 397
 Врангель П.Н. – 5, 6, 8–19, 24, 26–34, 37, 41, 43, 44, 47, 50, 52–56, 59, 62, 63, 65, 67, 68, 70, 75, 77, 81, 85, 86, 93, 94, 101, 103, 110, 111, 113–116, 122–124, 126, 128, 130–134, 138, 140, 142, 148, 150, 152, 154, 155, 157, 160–162, 166, 168–170, 172, 174, 180, 182, 185, 188, 189, 191–194, 198–201, 204, 205, 207, 208, 211, 212, 217, 218, 233, 241, 246, 252, 256, 258, 259, 266, 267, 269, 271, 272, 274, 277, 283, 297, 300, 302, 307–311, 314, 315, 320, 323, 337, 339–343, 349, 355, 360, 362, 363, 365–370, 374, 377, 379–382, 386–388, 397, 410, 411, 427, 429–431, 442, 444, 446, 447, 449, 452, 462–464, 466, 471, 472, 476, 482, 486, 488–490, 492, 493, 495, 496, 498, 499, 502, 504, 511–517
 Всеволодов Н.Д. – 484, 485
- ## Г
- Гайда К. – 467, 470
 Ган Э. фон – 259, 266, 507
 Ганин А.В. – 485
 Гассон – 153, 155
 Гейден Ф.Д. – 152, 154, 165, 183, 373
 Гергеи Д. – 67
 Геровский А.Ю. – 38, 39, 42
 Гера А.В. – 390, 392
 Гирс М.Н. – 61, 64, 126, 211, 310, 414, 415
 Глазенап П.В. – 24, 26, 40, 43, 44, 46–50, 53, 93, 157, 202, 203, 214–218, 260, 285, 413
 Голдин В.И. – 332, 452
 Голиков С.И. – 111–113
 Голицын, войсковой старшина – 453
 Голицын-Муравлин Д.П. – 60, 62, 78–80, 93, 94, 96, 99, 100, 106, 107, 111, 124, 128, 132, 136, 146, 147, 153, 155, 164, 174, 179, 244, 261, 262, 265, 301,

303, 308, 309, 318–320, 348, 369, 417,
418, 422, 455, 504, 505, 508

Головинский М. – 33

Горелов (Гакебуш) М.М. – 50, 52, 76,
77, 91, 105, 125, 141, 264, 267

Гортон (Гордон) Р. – 39, 40

Горький М. – 64

Гофман М. – 42, 45, 185

Гофман Ш. – 185, 187

Гравицкий Ю.К. – 348, 349

Грац Г. – 51, 89, 91, 166, 437, 438, 442

Грашшалкович А. – 69

Гулевич А.А. – 152–154, 382, 494, 501

Гулеско Ж. – 38

Гучков А.И. – 24, 26

Гэмбэш Д. – 77, 200, 298

Гэмэри-Лайм (Гемери) Л. – 142, 144,
473

Гэргей Д. – 69

Д

Даватц В.Х. – 385

Давтян Я.Х. – 442

Данилов М.Ф. – 96, 100, 127, 143, 153,
165, 179, 190, 250, 358, 359, 363, 368,
369, 374, 384, 395, 425, 435, 436, 508

Дарайн Р. – 108

Дарувари Г. – 149, 151, 171, 174, 178,
181, 349, 421, 440

Деникин А.И. – 17, 31, 68, 80, 101, 130,
137, 138, 143, 144, 148, 150, 168–170,
200, 218, 266, 267, 299, 315, 316, 341,
342, 363, 365, 373, 379, 380, 382, 386,
387, 395, 397, 485, 492, 511

Деникина (урожд. Киж) К.В. – 138

Деникина М.А. – 138

Джолы М. – 33

Дзержинский Ф.Э. – 64

Добжинский В.Б. – 391–393

Достоевский Ф.М. – 105

Драгомиров А.М. – 15

Драценко Д.П. – 249–251

Дрейер В.Н. – 387, 388

Дэвис Н. – 29

Е

Евлогий, митрополит – 134, 445

Егоров, казак – 159

Екелфалуши З. – 470

Екелфалуши М. – 382

Екименко К.И. – 127, 129, 143, 262, 359
Елисеев, войсковой старшина – 453–
455, 510

Ершов К.И. – 114, 115, 132, 133, 258,
268, 356

Есенски (Ясенский) А. – 451, 452, 456,
457, 466, 473–475, 515

Ефимовский Е.А. – 73, 304

Ж

Железнов – 40, 41

Жуковский-Волынский Н. И. – 185, 351,
352, 453, 454, 482, 485, 486, 491, 499–
501, 504, 505, 509, 514, 515

З

Заборовский – 120

Завальд – 134

Зайончковский А. – 112

Звездин Е.П. – 165

Зеленев, подпоручик – 127, 128, 305

Землячка Р.С. – 105

Зиглер Г. – 142, 153, 391, 473

Зиновьев Г.Е. – 445

Зита, королева-императрица, Бурбон-
Пармская – 87, 88, 91

Зичи Р. (урожд. Паллавичини) – 61, 62,
115, 249–251

Зубов Ю.В. – 153, 156, 483, 510

И

Иванов А. – 24, 25, 456, 466, 487

Иванов, полковник – 139, 140

Ивашенко – 136

Илич, подполковник – 109

Иловайская Е.Ф. – 157, 384

Иловайский В.А. (псевдоним В. Воль-
ский) – 75, 76, 85, 93, 99, 101, 112,
124, 126, 129, 132, 134, 135, 137, 138,
141, 148, 153, 156–159, 162, 171, 175,
178, 179, 183, 245, 267, 269, 279, 280,
282–288, 291–295, 298, 300, 303–306,
314, 316, 318, 321, 323, 327–329, 331,
346, 360, 363, 365, 367, 374–378, 383,
385, 388, 390, 392, 393, 398–400, 402,
406, 417, 418, 420, 421, 426, 431, 432,
434, 435, 448, 450, 454, 464, 467, 474,
475, 477

Ильин И.А. – 160, 161

- Ильин С.Н. – 308, 310
 Ипполитов Г.М. – 373
 Иосиф Август, эрцгерцог, Габсбург – 18, 47, 48, 52–54, 56, 57, 105, 116, 117, 120, 177, 180, 440
 Иосиф Карл, эрцгерцог, Габсбург – 168
 Иосиф Франц, эрцгерцог, Габсбург – 56, 57, 180
 Иосиф, эрцгерцог, Габсбург, палатин Венгрии – 119, 120
 Иоффе А.А. – 42, 45
 Исаев, полковник – 163, 164, 396, 398
- ## Й
- Йованович М. – 47, 98
- ## К
- Казем-Бек А.Л. – 80, 109
 Казем-Бек Л.А. – 79, 80, 93, 96, 100, 105–109, 111–114, 124, 125, 127–132, 134, 136, 143, 144, 244, 250, 262, 264, 265, 267, 268, 300, 301, 303, 305, 307, 317–320, 348, 449, 491, 492, 504, 505, 507
 Калинин И.М. – 200
 Калинин М.И. – 64
 Калинин, полковник – 441, 453
 Каменев – 288
 Каменев Л.Б. – 42, 45, 64, 135, 288
 Канья (де-Канья) К. – 65, 66, 83, 89, 103, 115, 116, 123, 129, 145, 151, 166, 174–176, 185, 186, 188, 226, 437, 443, 473
 Капп В. – 41
 Каракулин, подъясаул – 165
 Карахан Л.М. – 42, 45
 Кариус Э.И. – 56–58, 77, 87, 112, 216, 218, 433, 441, 453, 456, 457, 464–466, 510
 Кариус Э.Ф. – 57, 58
 Карл I (IV) Габсбург – 31, 34–38, 51, 56, 59, 81, 82, 84, 85, 87–90, 96, 99, 104, 136, 137, 166, 226, 228, 229, 233, 247, 267, 278, 309, 311, 438
 Карнатовский Л. – 112, 113
 Каройи М. – 32, 33, 42, 45
 Карпенко С.В. – 200
 Карташев (Карташов) И.П. – 199–203, 205, 507
 Кастаньето Г. – 43, 46, 63, 65, 66, 68, 70
 Кенкель Э. – 185, 187
 Керенский А.Ф. – 45, 49, 215, 217, 265, 267, 423
 Кирилл Владимирович, великий князь – 62, 109, 127–133, 136, 146, 154, 155, 157, 159, 160, 164, 165, 167, 178, 179, 307–311, 314, 320, 343, 358, 359, 368, 369, 374, 423, 425, 435, 447, 449, 454, 455, 490, 516
 Кирхнер Ш. – 81, 85
 Киселев А.Ф. – 187
 Клебелсберг К. – 15
 Клемансо Ж.Б. – 31, 34, 45
 Климович Е.К. – 110, 507, 510, 511
 Клотильда, эрцгерцогиня Саксон-Кобург-Готская – 168
 Клыппо С.Г. – 268
 Княжевич А.А. – 81
 Княжевич Н.А. – 79, 81, 96, 97, 107–111, 115, 141, 262, 263, 267, 311, 312, 391, 402, 507
 Ковач – 38
 Колесов В.Я. – 268
 Кологривов М.М. – 441, 454, 455, 516
 Колумбов С.Я. – 120, 121
 Колчак А.В. – 19, 267, 379
 Комиссаров М.С. – 40, 41, 77, 184, 259, 266, 505, 507
 Коптев – 153, 155
 Копыткин – 75
 Корнилов Л.Г. – 17, 31, 48, 49
 Косич К. – 34, 36, 50, 52, 75, 187, 509
 Котляревский М.Н. – 493, 495–497, 499, 506
 Кравченко В. – 94
 Красин Л.Б. – 222, 223
 Краснов В.Г. – 200
 Краснов П.Н. – 24, 133, 198, 200–202, 205, 268, 269, 284, 356, 377, 387, 388
 Краус, полковник – 87
 Крестинский Н.Н. – 166, 167, 174, 175, 437
 Крижановский В.В. – 150
 Кун Б. – 73, 104, 105, 151, 179, 186, 505
 Кун-Хедервари К. – 110, 176, 192, 435, 505, 506, 510
 Кун-Хедервари Ш. – 100, 101, 151, 175, 176, 186, 440, 510
 Кусонский П.А. – 52, 83, 86, 99, 102, 113–116, 127, 140, 145, 153, 170, 184, 191, 211, 228, 231, 238, 241, 244, 248,

253, 258, 286, 288, 312, 320, 335, 340, 344, 365, 379, 386–388, 411, 414, 417, 426, 427, 430–432, 442, 455, 463, 464, 466, 472, 485

Кутепов А.П. – 67, 68, 150, 153, 302, 303, 315, 317, 332, 372–374, 377, 479, 481, 491, 515

Кутепова (урожд. Кют) Л.Д. – 372, 373

Кюлман Р. фон – 41, 45

Л

Лампе А.А. фон (псевдоним Семеновский Л.Г.) – 5, 6, 8–19, 22, 24–26, 32–34, 36, 37, 39, 44–46, 48, 50–52, 54–56, 60–66, 68, 69, 72, 73, 76–81, 83, 85, 86, 92, 93, 96, 97, 100, 104, 106, 109, 110, 112, 114, 116, 120, 121, 123, 126–130, 133–135, 139–142, 144, 145, 150, 152, 154–157, 160, 161, 163, 164, 166, 170, 172, 175, 176, 180, 181, 184, 187, 188, 190, 192–194, 197, 198, 200, 201, 205–208, 211–214, 217, 218, 220, 222, 223, 225, 229–231, 233, 236, 238, 241, 242, 244, 246, 251–253, 258, 259, 262–270, 272–274, 276, 277, 279, 282–286, 290–292, 297, 298, 300, 305, 307, 308, 310–314, 316, 317, 319–321, 323, 324, 327, 331, 332, 335–337, 340, 343, 344, 346, 349, 351, 352, 355, 356, 358, 360–365, 367, 369, 370, 372–377, 379, 382, 383, 385–388, 390–394, 397, 398, 400, 401, 404, 406, 407, 410, 413, 414, 417, 418, 421, 423, 424, 426–432, 441–443, 446, 448–450, 452, 455–457, 461–464, 466, 467, 469–473, 475, 479–481, 483–488, 490, 493, 496, 498, 499, 502, 504, 511–517

Лампе Е.А. (Женя) – 104, 105, 135, 190

Лампе Н.М. (Тата) – 8, 18, 36, 57, 84, 93, 99, 102, 104, 107, 109, 135, 147, 150, 151, 176, 178, 387

Лейхтенбергский Г.Н. – 481

Ленин В.И. – 267

Леонтьев М.Н. – 101, 286, 287

Леополд Витгельсбах, принц Баварский – 42, 45

Лерхе М.Г. – 24, 25, 75

Лехар А. – 36, 92

Лехар Ф. – 36

Ливен А.П. – 193, 194, 217

Линевич А.Н. – 79, 80, 109, 123, 262, 284, 292

Липский В.В. – 42, 45, 135

Лисицкий – 118–120

Лисовой Я.М. – 387

Лопухов – 104

Лоркс В. – 115

Лукин Е.Д. – 139, 140, 178, 179, 316, 326, 327, 351, 358, 393, 395, 396, 398, 399, 406, 411, 417, 426, 433, 454, 509

Лукомская-Оболенская З.Н. – 392, 393

Лукомский А.С. – 6, 17, 515

Луначарский А.В. – 64

Лутохин Н. – 259, 260, 266

Львов Г.Е. – 42, 45

Людендорф Э. – 41

М

Мадатов, подполковник – 43, 216

Мадьяри А. – 10, 19, 60

Маклаков В.А. – 422, 424

Максимов, подполковник – 165

Максимов, поручик – 152–154, 165

Малама В.В. – 49, 52, 77, 78, 93, 99, 110, 124, 125, 148, 161, 165, 168, 174, 175, 177, 180, 185, 189, 190, 192, 260, 262–265, 292, 296, 300, 304, 316, 326, 351, 415–423, 435, 436, 440, 443, 444, 451, 452, 456, 457, 460, 461, 463, 464, 466, 469, 481, 484, 487–490, 493–495, 499, 503–507, 509, 514

Малама Ф.В. – 189, 191, 494, 495

Малиновский Р.И. – 44

Мануйлович – 132, 134, 474, 509

Мария Терезия, Габсбург – 135

Мария Федоровна, императрица – 96, 147, 148

Марков Н.Е. – 262, 266, 317, 321

Мартынов З.А. – 384, 385

Марушевский В.В. – 8, 9, 11, 18, 19, 23, 24, 26, 35, 38, 40, 43, 47, 50, 75, 148, 153, 202, 216, 217, 351, 359, 360, 362–367, 369, 374, 384, 395

Марьянов – 180, 181, 359

Мельницкая (Вера, урожд. фон Лампе) В.А. – 76, 78

Мельницкий Н.М. (Николай) – 76, 78, 258, 281, 310, 315

Метгерних К.Л. – 38, 39, 66

Миллер Е.К. – 18, 24, 26, 147, 157, 187, 193, 194, 209–211, 215, 217, 276, 290, 300, 331–333, 340, 344, 346, 355, 358, 360, 362, 363, 365, 375, 378, 379, 387, 388, 390, 397, 401, 407, 410, 414, 424, 426, 427, 455, 515, 516

Милоевич М. – 44, 47

Милюков П.Н. – 53, 54, 492

Минаков С.Т. – 17

Миронова Е.М. – 19, 47

Михаил Александрович, великий князь – 128, 148

Мозер (де-Мозер) Э. – 49, 50, 60

Моллер М.Н. – 49, 51

Момбели Э. – 38, 39

Монзи А. де – 173, 175

Муяр В. фон – 189–192, 499, 500, 504–506, 508, 514

Н

Набоков В.Д. – 54

Надоши И. – 481

Нагожди – 145, 147

Назаренко, поручик – 165

Наполеон I – 35, 95, 160

Наполеон III – 33

Недожогин М.О. – 268

Нежинский Л.Н. – 517

Некрасов Н.А. – 64

Немешкери-Киш (Киш) Ш. – 150, 347–349

Немцов Б.Н. – 111, 112, 114, 129, 133, 153, 178, 359, 395

Нератов А.А. – 211

Николаевский Г. – 232, 511

Николай I – 133

Николай II – 26, 54, 81, 128, 147, 148, 495

Николай Николаевич (младший), великий князь, Романов – 17, 62, 68, 132, 133, 160, 194, 272, 277, 309–311, 358, 359, 362, 366, 367, 373, 417, 447, 452, 455, 490, 493, 515

Нилус С.А. – 29, 33

Ньютон Л.Т. – 221, 222

О

Оболенская (урожд. Теренина) А.С. – 94
 Оболенский С.Д. – 93, 94, 127, 153, 165, 180, 359, 374, 395, 435, 489, 490, 508

Обручев Н.А. – 159, 160, 162

Омельянович-Павленко М.В. – 202, 204, 205

Орлов В.Г. – 24, 25, 76, 77

Остенбург-Моравек Д. – 87, 88, 91, 92

Отто, эрцгерцог, Габсбург – 136, 137

Оттрубаи К. – 58, 59, 86, 94, 98, 280, 509

П

Павел I – 120

Пален А.П. фон – 201, 202, 204, 216, 217

Паллавичини Д. – 110

Пелле М. – 211

Пермикин Б.С. – 9, 19, 46, 204

Петлюра С.В. – 55, 202, 375, 376

Петри П. – 34, 36, 125

Петрушева Л.И. – 15

Пий XI – 116

Пиленко А.А. – 508, 511

Покорни Х. – 41, 42, 44, 77, 132, 134, 135, 473, 509

Покровский В.Л. – 332

Потоцкий Д.Н. – 10, 19, 60, 79, 80, 85, 98, 103, 147, 148, 218, 223, 231, 236, 238, 253, 288, 291

Потоцкий С.П. – 217, 218

Пржебыно (Пржбыно), А. К. – 142, 144

Приклонский М.Г. – 23, 25, 30, 36, 421

Приклонский М.П. – 419

Принс Дж. Дж. – 512

Пронин М. – 32

Пронин П. – 23, 25, 32, 35, 81, 82, 84, 85, 87, 88, 91, 154, 179, 181, 236, 277, 279, 384, 441

Пьячек Ч. – 139, 140, 174, 175, 179, 423, 435, 436, 466, 515

Пятаков Г.Л. – 105

Пятницкий О.А. – 41

Р

Радич С. – 383

Раевский Н.В. – 481, 483, 485

Раковски Иван – 142, 144

Раковски Иштван – 81, 85, 87, 89, 91

Ракоши Д. – 117, 132, 134, 135, 163, 280, 283, 400, 406, 407, 473, 509

Ракоши М. – 73

Рачковский П.И. – 33

Регекампф (В.А.)? – 359, 360

Реймонд Г. – 182, 183, 193, 443, 451, 456–461, 463–466, 469–471, 473
 Родзянко М.В. – 78, 79
 Розен (урожд. Баттьяни) М.В. – 395, 397
 Розен В.Г. – 27, 32, 34, 37, 47, 49, 56, 60, 81–84, 94, 98, 99, 101, 111, 118, 124, 125, 148, 153, 171, 174, 177–179, 185, 188, 190, 229, 277, 279, 281, 372–374, 382, 385, 397, 415, 417, 430, 434, 435, 440, 445–447, 449, 450, 452, 453, 458, 459, 461, 465–467, 469, 470, 473, 475, 479–481, 483, 486, 493, 495, 506, 509, 510, 513–515
 Розен Г.А. – 32, 397
 Романовский И.П. – 137
 Ронжин И.А. – 349

С

Савинков Б.В. – 267
 Самсонов М.С. – 419, 421, 451, 516
 Сапунов – 24, 26
 Свистунов А.В. – 79, 80, 100, 135
 Секретев А.С. – 348, 349
 Сергий, архимандрит (Дабыч) – 132, 134
 Сечени Б. – 170, 172
 Сикевич В. – 57, 58, 376
 Симонов Г. – 158, 163, 164, 398, 399, 404, 405, 407, 467–470, 474, 479, 481, 513
 Ситовски Т. – 443, 445
 Скалон В.Е. – 42, 45
 Скаржинский П.В. – 190
 Скоропадский П.П. – 41
 Скрылов А.И. – 48
 Смирн И. – 156
 Соболев – 141, 142, 326, 388
 Соболевский М.Я. – 215, 217
 Соколов А.А. – 168, 171, 178, 179, 433, 434, 454–457, 459, 464–466, 473–475, 480, 481, 484, 486–488, 504, 509, 513, 514
 Сорокин, капитан – 159
 Софья Клементина, эрцгерцогиня, Габсбург – 56, 57
 Сталин И.В. – 516
 Стамболийский А.С. – 147, 148, 341
 Степанов В.В. – 50, 52
 Стоякович (Стояи) Д. – 41, 42, 44, 45, 163, 178, 179, 185, 188, 467, 473–475, 477, 480

Стрижак – 461
 Строганов Н.Н. – 127, 128, 131, 132, 143, 317–320
 Стыкалин А.С. – 461
 Суворин Б.А. – 449, 450
 Суворин М.А. – 449
 Суворов А.В. – 421
 Сулима-Самойло, корнет – 165
 Ди-Суни, маркиз – 451

Т

Тальберг Н.Д. – 153, 155, 260
 Таубе М.А. – 43, 46, 47
 Телеки – 37
 Телеки П. – 35, 37, 51, 60–62, 76, 180, 249–251
 Теренина А.С. – 94
 Тер-Матеузов Н.И. – 109, 110, 140, 154, 158, 163–165, 185, 189, 297, 399, 403–407, 449, 468–470, 473–475, 479–481, 483, 504, 507–509, 511, 513, 515, 516
 Толстой А.С. – 252
 Толстой Ю.С. – 252
 Томчани К. – 145, 147
 Трепов А.Ф. – 245, 246
 Троцкий Л.Д. – 30, 41, 42, 45, 135, 267
 Трочани Ф. – 268
 Трусов В.А. – 215, 217
 Гундутов Д.Д. – 299, 300, 303, 305, 320
 Тухачевский Н.М. – 16, 17, 161
 Тучков А.П. – 262

У

Улагай С.Г. – 251
 Урусов Л.П. – 47, 48, 215

Ф

Фахерс – 214
 Федоров, корнет – 216
 Филиппов – 148
 Фицхелауров А.П. – 346
 Фоке Дж. Г. – 42, 45
 Форстер П. – 191, 512
 Франц Иосиф I Габсбург – 18, 29, 33, 69, 168
 Франц Лотринген, император – 135
 Франше д'Эспере Л.Ф. – 28, 32
 Фредерикс (урожд. Борх) – 24, 26, 53, 216

Фридрих И. – 81, 84
 Фуше М. – 43, 46, 54, 66–68, 70, 211

Х

Хадик А. – 401
 Халас И. – 460
 Харитон А. – 24, 26, 40
 Хегедыш Л. – 75, 76
 Хедешхалми Л. – 86
 Хетени И. – 170, 172
 Хильченко Г.Г. – 127, 129, 143, 165, 359, 363, 374, 395, 508
 Холер Т.Б. – 43, 46, 66–68, 70, 74, 75, 221–223

Хольмсен И.А. – 215, 217, 273, 313
 Хоменко, вольноопределяющийся – 71
 Хор С. – 113, 114
 Хорти М. – 8, 9, 12–14, 18, 23, 25, 27, 30–37, 42, 43, 47–49, 51–54, 56, 57, 62, 67, 69, 71, 78, 80–82, 87–90, 95, 96, 101, 105, 113, 116, 121–123, 128, 129, 134, 136, 139, 141, 145, 149, 153, 155, 165–168, 170, 172–178, 180, 182–184, 189–193, 200, 201, 203, 205, 208, 209, 213, 215, 223, 231, 235, 244, 256, 257, 260, 272–274, 277, 300, 308, 309, 311, 314, 318, 320, 331, 332, 334, 343, 346, 350, 355, 370, 371, 379–381, 386, 425, 427, 429, 432, 438–440, 442, 443, 449, 456, 462–464, 466, 471, 472, 474, 485, 489, 499, 505, 506, 508, 509, 512–515
 Хрипунов Н.Н. – 40, 41, 50, 127, 165, 262, 374, 395, 444, 508
 Хусар К. – 84, 491, 492, 497–500, 505, 508, 510, 514

Ц

Цанков А. – 148
 Цеплит И.Я. – 42, 45
 Церетели И.Ф. – 445
 Цираки Й. – 84

Ч

Чайковский Н.В. – 143, 144
 Чаки К. – 154, 156, 161–163, 185–187, 189, 190, 393, 394, 398, 400, 404, 405, 412, 449, 461, 462, 466, 473, 475, 478, 485, 505, 506
 Чальдс – 114

Чебышев Н.Н. – 148, 150, 151, 153, 381, 390, 392
 Чемберлен Н. – 114
 Чертков Г.Г. – 193, 194, 289, 315, 340, 346
 Чжан-Цзо-Лин – 501
 Чижинов В.Г. – 401, 404
 Чичерин Г.В. – 51, 188

Ш

Шаликова-Каткова (урожд. Демидова) Е.А. – 252
 Шаликов-Катков П.М. – 115, 116, 148, 249, 250, 252
 Шарго, капитан – 454, 455
 Шатилов П.Н. – 8–10, 17, 34, 47, 60, 63, 65, 66, 70, 79, 113, 116, 121, 134, 201, 208, 211, 214, 220, 225, 229, 233, 253, 266, 276, 332, 427, 434, 454, 455
 Шеубнер-Рихтер М. фон – 77, 88
 Шиоппа Л. – 49, 51
 Ширинский-Шихматов А.А. – 106, 245
 Широкова Е.А. – 16, 19
 Шиссл (Шиссел) Х. – 118–121
 Шкуро А.Г. – 362
 Шлиппе Ф.В. – 187, 189, 190
 Шмеман А.Н. – 153, 155, 156, 158, 161, 164, 174–176, 179, 186, 190, 250, 367, 369, 422, 435, 436, 440, 449, 456, 466, 468, 475, 505, 506, 508, 510
 Шмидт Н.В. – 60–62, 123–125, 129, 142, 143, 146, 284, 292, 297, 298, 324, 327, 352, 357, 363, 395, 413, 414
 Штейфон Б.А. – 83, 86, 161, 170, 228
 Штипиши К. – 107, 108, 294
 Штрандтман В.Н. – 10, 19, 53, 54, 79, 103, 208, 231, 232, 380
 Штромфельд А. – 45
 Шульгин Б.В. – 152–154, 156–158, 161, 164, 165, 175, 176, 178, 179, 189, 250, 359, 372–374, 390–392, 395, 416, 422–425, 435, 436, 444, 447–449, 456, 466, 474, 475, 483–487, 489, 491, 493, 494, 501, 505, 506, 508–510, 516
 Шульгин В.В. – 170
 Шухай И. – 135

Э

Экхардт Т. – 77, 177, 180, 181, 440
 Эммануил Витторио III – 39

Эррио Э. – 162, 163
Эстергази, граф – 37
Эстергази, князь – 250

Ю

Юденич Н.Н. – 26, 46, 64, 155, 194, 200
Юнгерт-Арноти М. – 437, 442
Юст – 95
Юштг – 37

Я

Яковлев – 50, 215, 217
Янки К. – 145

В

Bebesi G. – 33
Boroviczény A. – 92

G-H

Gulyás L. – 241
Halász I. – 445

Hornyák Á. – 71, 383
Hory A. – 181
Huszár K. – 492

J-K

Juhász G. – 97
Kim N. – 445
Kolontári A. – 73, 166, 184, 188, 442

O-P

Ormos M. – 84, 92
Pokorny H. – 44
Pritz P. – 92

R-S

Romsics I. – 46, 71, 100
Seres A. – 442
Shakmyster T. – 36, 37, 90
Soldos L. – 92
Szávai F. – 156

СОДЕРЖАНИЕ

Алексей фон Лампе: военный агент барона Врангеля в Венгрии	5
---	---

ДНЕВНИКОВЫЕ ЗАПИСИ АЛЕКСЕЯ ФОН ЛАМПЕ

1921 год

13, 14, 15, 16 марта (Белград–Будапешт)	23
23 марта (Будапешт)	27
27, 28, 29, 30 марта (Будапешт)	34
8 апреля (Будапешт)	37
9, 10 апреля (Будапешт)	39
11 апреля (Будапешт)	41
12, 13 апреля (Будапешт)	47
21 апреля (Будапешт)	49
7 мая (Будапешт)	52
8, 9, 10 мая (Будапешт)	55
28 мая (Будапешт)	56
29, 30, 31 мая (Будапешт)	58
15 июня (Будапешт)	59
16, 17, 18, 19, 20 июня (Будапешт)	60
29 июля (Будапешт)	62
15 августа (Будапешт)	63
25 августа (Будапешт)	65
25, 26, 27, 28, 29, 30, 31 августа, 1, 2, 3 сентября (Будапешт)	66
4, 5, 6, 7, 8, 9, 10 сентября (Будапешт)	69
11 сентября (Будапешт)	71
13 сентября (Будапешт)	72
16 сентября (Будапешт)	73
17, 18 сентября (Будапешт)	74
19, 20, 21, 22, 23 сентября (Будапешт)	75
28, 29 сентября (Будапешт)	78
30 сентября (Будапешт), 1, 2, 3, 4, 5 октября (Будапешт)	79
18, 19, 20, 21, 22 октября (Будапешт)	81

23 октября (Будапешт).....	87
24 октября (Будапешт).....	88
25 октября (Будапешт).....	90
26 октября (Будапешт).....	92
27 октября (Будапешт).....	94
28 октября (Будапешт).....	95
4 и 5 ноября (Будапешт).....	95
6, 7, 8 ноября (Будапешт).....	97
9, 10, 11 ноября (Будапешт).....	97
12, 13, 14, 15, 16 ноября (Будапешт).....	99
18 и 19 ноября (Будапешт).....	100
20, 21 и 22 ноября (Будапешт).....	102
29 и 30 ноября (Будапешт).....	103
1 и 2 декабря (Будапешт).....	104
3, 4 декабря (Будапешт).....	105
5, 6, 7 и 8 декабря (Будапешт).....	105
1922 год	
13 и 14 января (Будапешт).....	107
15 января (Будапешт).....	109
5 и 6 февраля (Будапешт).....	111
7 февраля (Будапешт).....	113
8, 9, 10 и 11 февраля (Будапешт).....	114
12 февраля (Будапешт).....	116
13 февраля (Будапешт).....	117
1, 2 и 3 марта (Будапешт).....	121
26 и 27 апреля (Будапешт).....	123
26 августа (Будапешт).....	127
27 августа (Будапешт).....	129
28 августа (Будапешт).....	130
30 августа (Будапешт).....	131
31 августа, 1 сентября (Будапешт).....	134
2, 3 сентября (Будапешт).....	136
19, 20 и 21 ноября (Берлин–Будапешт).....	137
22 и 23 ноября (Будапешт).....	138
24 ноября (Будапешт).....	140
25 и 26 ноября (Будапешт).....	142
27 ноября (Будапешт).....	142
28 ноября (Будапешт).....	144
29 и 30 ноября (Будапешт).....	145

5 декабря (Будапешт)	145
20, 21 и 22 декабря (Будапешт)	148
23 декабря (Будапешт)	151
1924 год	
1, 2, 3 января (Будапешт), 4 января (Дрезден), 5 и 6 января (Берлин).....	152
19 мая (Вена), 20 и 21 мая (Будапешт).....	156
22 и 23 мая (Будапешт).....	158
24 и 25 мая (Будапешт).....	159
26, 27, 28 и 29 мая (Будапешт).....	161
30 и 31 мая (Будапешт).....	163
23, 24 июля (Берлин)	164
21 сентября (Будапешт).....	165
23 сентября (Будапешт).....	167
24, 25 сентября (Будапешт).....	167
26, 27 сентября (Будапешт).....	169
1 октября (Будапешт)	170
2, 3, 4, 5 октября (Будапешт)	172
6 октября (Будапешт)	176
7, 8 октября (Будапешт)	177
1925 год	
12, 13, 14 марта (Берлин)	182
29, 30 марта (Берлин)	183
15, 16 апреля (Берлин).....	184
1926 год	
28 июня (Берлин)	185
1927 год	
21, 22, 23, 24, 25 марта 1927 (Берлин).....	189
29, 30, 31 марта, 1, 2, 3 апреля (Берлин)	189
18, 19, 20, 21, 22, 23 апреля (Берлин).....	191
1, 2, 3, 4 мая (Берлин)	191
16, 17, 18 мая (Берлин)	192
19 июня (Брюссель)	192
ПРИЛОЖЕНИЯ К ДНЕВНИКУ	
1921 год	
1. Проект письма А.А. фон Лампе министру обороны, генералу Ш. Беличка, апрель	197
2. Письмо П.Н. Краснова А.А. фон Лампе, 31 мая	198

3. Отрывок из письма А.А. фон Лампе П.Н. Врангелю, 26 июня	201
4. Письмо П.Н. Врангеля адмиралу М. Хорти, 22 июля.....	205
5. Рапорт А.А. фон Лампе П.Н. Шатилову, 15 августа.....	208
6. Проект письма А.А. фон Лампе министрам обороны и иностранных дел Венгрии, 5 августа.....	212
7. Разъяснение к документу: «Отчет о событиях в Венгрии, приложенный к письму Ахьянского к Фахерсу», 9 сентября	214
8. Письмо А.А. фон Лампе графу Банфи, министру иностранных дел, 14 сентября	218
9. Рапорт А.А. фон Лампе П.Н. Шатилову, 20 сентября	220
10. Письмо А.А. фон Лампе Д.Н. Потоцкому, 15 октября	223
11. Рапорт А.А. фон Лампе П.Н. Шатилову, 24 октября.....	225
12. Рапорт А.А. фон Лампе П.Н. Шатилову, 5 ноября.....	229
13. Письмо А.А. фон Лампе П.А. Кусонскому, 19 ноября	231
14. Рапорт А.А. фон Лампе П.Н. Шатилову, 19 ноября.....	233
15. Письмо Д.Н. Потоцкого А.А. фон Лампе, 19 ноября.....	236
16. Письмо А.А. фон Лампе П.Н. Кусонскому, 28 ноября	238
17. Нота А.А. фон Лампе графу М. Банфи, венгерскому министру иностранных дел, 5 декабря	242
18. Письмо А.А. фон Лампе П.А. Кусонскому, 16 декабря.....	244
19. Письмо А.А. фон Лампе П.Н. Врангелю, 25 декабря	246
1922 год	
20. Письмо А.А. фон Лампе П.А. Кусонскому, 25 января	253
21. Рапорт А.А. фон Лампе о деятельности русских монархистов в Венгрии.....	259
22. Приказ А.А. фон Лампе, 18 февраля	268
23. Проект письма А.А. фон Лампе министрам иностраннных дел и обороны, графу М. Банфи и Ш. Беличка, 4 марта	270
24. Письмо А.А. фон Лампе П.Н. Врангелю, 2 апреля	272
25. Рапорт А.А. фон Лампе начальнику штаба Главкомандующего, 9 апреля.....	274
26. Письмо А.А. фон Лампе П.Н. Врангелю, 9 апреля	277
27. Инструкции В.А. Иловайскому по поводу назначения А.А. фон Лампе по совместительству начальником отдела Русской делегации в Германии, 25 апреля.....	279
28. Приказ А.А. фон Лампе, 26 апреля.....	284

29. Письмо А.А. фон Лампе П.А. Кусонскому, май.....	286
30. Письмо В.А. Иловайского П.А. Кусонскому, 25 мая.....	288
31. Письмо А.А. фон Лампе Н.В. Шмидту, председателю Союза Русских Офицеров в Королевстве Венгерском, 31 мая.....	292
32. Письмо В.А. Иловайского венгерскому военному министру, генералу Ш. Беличка, 23 июня.....	298
33. Письмо А.А. фон Лампе Е.К. Миллеру, 12 июля.....	300
34. Приказ А. фон Лампе, 28 августа.....	305
35. Письмо А.А. фон Лампе С.Н. Ильину, 12 сентября.....	308
36. Письмо А.А. фон Лампе Н.А. Княжевичу, 20 сентября.....	311
37. Письмо А.А. фон Лампе И.А. Хольмсену, 24 сентября.....	313
38. Письмо А.А. фон Лампе В.А. Иловайскому, 28 сентября.....	314
39. Письмо А.А. фон Лампе Е.Д. Лукину, 28 сентября.....	316
40. Письмо А.А. фон Лампе Н.Е. Маркову, 14 октября.....	317
41. Письмо А.А. фон Лампе Н.Н. Баратову, 16 октября.....	321
42. Письмо А.А. фон Лампе В.А. Иловайскому, 22 октября.....	323
43. Письмо А.А. фон Лампе Н.В. Шмидту, 31 октября.....	324
44. Письмо А.А. фон Лампе Е.Д. Лукину, 31 октября.....	327
45. Письмо Е.К. Миллера А.А. фон Лампе, 6 ноября.....	331
46. Письмо А.А. фон Лампе Е.К. Миллеру, 14 ноября.....	332
47. Нота Венгерского Королевского Министерства Национальной Обороны А.А. фон Лампе, 23 ноября.....	335
48. Меморандум А.А. фон Лампе Венгерскому правительству, 30 ноября.....	337
49. Письмо А.А. фон Лампе П.А. Кусонскому, 2–4 декабря.....	340
50. Письмо А.А. фон Лампе Е.К. Миллеру, 21 декабря.....	344
51. Письмо А.А. фон Лампе Е.К. Миллеру, 23 декабря.....	346
52. Письмо А.А. фон Лампе П.Н. Врангелю, 23 декабря.....	349
1923 год	
53. Письмо А.А. фон Лампе Е.Д. Лукину, 30 апреля.....	351
54. Краткая памятная записка о материальном положении военной миссии в Венгрии, конец апреля – начало мая.....	352
55. Военные организации в Венгрии, 29 апреля.....	356
56. Постановление Военного Отдела Совета Русского Монархического Объединения в Венгерском Королевстве, 15 августа.....	358
57. Письмо В.В. Марушевского Е.К. Миллеру, 31 августа.....	360

58. Проект письма А.А. фон Лампе Е.К. Миллеру	363
59. Письмо А.А. фон Лампе В.А. Иловайскому, 20 сентября.....	365
60. Письмо В.В. Марушевского А.Н. Шмеману, 27 декабря	367
61. Письмо А.А. фон Лампе П.Н. Врангелю, 31 декабря	370
1924 год	
62. Письмо А.А. фон Лампе А.П. Кутепову, 3 января.....	372
63. Рапорт А.А. фон Лампе Е.К. Миллеру, 18 марта	375
64. Письмо А.А. фон Лампе В.А. Иловайскому, 18 марта	376
65. Письмо А.А. фон Лампе П.П. Волконскому, 18 марта.....	377
66. Вырезки из письма А.А. фон Лампе П.А. Кусонскому, 30 марта	379
67. Письмо А.А. фон Лампе В.А. Иловайскому, 3 апреля.....	383
68. Письмо П.А. Кусонского А.А. фон Лампе, 10 апреля	386
69. Письмо А.А. фон Лампе В.А. Иловайскому, 22 апреля.....	388
70. Письмо А.А. фон Лампе В.А. Иловайскому, 30 апреля.....	390
71. Письмо А.А. фон Лампе графу К. Чаки, 4 мая	393
72. Запись А.А. фон Лампе о жизни русской колонии в Венгрии, 15 мая	394
73. Письмо А.А. фон Лампе графу К. Чаки, венгерскому министру обороны, май	398
74. Письмо А.А. фон Лампе Е.К. Миллеру, 29 мая.....	401
75. Письмо А.А. фон Лампе графу К. Чаки, 31 мая	404
76. Показание подпоручика Г. Симонова, 29 мая	405
77. Письмо Е.К. Миллера А.А. фон Лампе, 27 июня.....	407
78. Письмо А.А. фон Лампе Е.К. Миллеру, 30 июня.....	410
79. Письмо А.А. фон Лампе Е.К. Миллеру, 10 июля.....	414
80. Письмо А.А. фон Лампе князю П.П. Волконскому, 10 июля.....	418
81. Письмо А.А. фон Лампе князю П.П. Волконскому, 17 июля.....	421
82. Письмо А.А. фон Лампе Е.К. Миллеру, 20 июля.....	424
83. Проект письма адмиралу М. Хорти, Правителю Венгрии, составленный А.А. фон Лампе от имени П.Н. Врангеля, не позже 1 августа	427
84. Приказ № 98 Военного Представителя Главнокомандующего Русской Армией при Королевском Правительстве Венгрии, 22 сентября	429
85. Письмо А.А. фон Лампе П.А. Кусонскому, 12 октября.....	432

86. Письмо П.П. Волконского А.А. фон Лампе, 16 ноября	443
87. Письмо А.А. фон Лампе князю П.П. Волконскому, 21 ноября	446
88. Письмо П.П. Волконского А.А. фон Лампе, 30 ноября	450
89. Сводка № 4 о жизни союзов во Втором отделе Русского Общевоинского Союза к первому декабря 1924 г., 30 ноября.....	453
1925 год	
90. Письмо А.А. фон Лампе В.В. Малама, 20 февраля.....	456
91. Письмо В.В. Малама А.А. фон Лампе, 25 февраля	457
92. Письмо графа Кароя Чаки, министра обороны А.А. фон Лампе, 23 февраля	461
93. Письмо М. Хорти П.Н. Врангелю, 4 марта.....	462
94. Письмо А.А. фон Лампе В.В. Малама, 6 марта	464
95. Отрывки из письма А.А. фон Лампе В.Г. Розену, 27 марта	467
96. Письмо А.А. фон Лампе Адмиралу М. Хорти, Правителю Венгрии, 10 апреля.....	471
97. Письмо А.А. фон Лампе В.Г. Розену, 14 апреля.....	473
98. Письмо А.А. фон Лампе министру обороны Венгрии, графу К. Чаки, 25 сентября	475
99. Письмо А.А. фон Лампе В.Г. Розену, 16 декабря.....	479
1926 год	
100. Письмо полковника Н.И. Жуковского-Волынского П.Н. Врангелю, 22 апреля.....	482
101. Письмо А.А. фон Лампе Н.И. Жуковскому-Волынскому, 29 апреля	486
102. Письмо В.В. Малама А.А. фон Лампе, 18 июня	488
103. Письмо А.А. фон Лампе В.В. Малама, 5 июля	490
1927 год	
104. Письмо А.А. фон Лампе П.Н. Врангелю, 24 марта.....	493
105. Письмо А.А. фон Лампе П.Н. Врангелю, 19 апреля.....	496
106. Письмо А.А. фон Лампе П.Н. Врангелю, 30 апреля.....	499
107. Письмо П.Н. Врангеля А.А. фон Лампе, 30 апреля	502
108. Письмо А.А. фон Лампе П.Н. Врангелю, 3 мая	504
Берлин, 1927.....	504
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	512
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН	518

Издания АИРО-XXI в 2012–2013 гг.

2012

- Чермен Касаев.* Мой край, мои земляки / Предисловие и составление А.Ч. Касаева. – М.: АИРО-XXI, 2012. – 184 с.
- Норман Неймарк.* Геноциды Сталина. – М.: АИРО-XXI, 2011. – 176 с.; (Серия «АИРО – Первая публикация в России»).
- Юрий Штридтер.* Мгновения. Из сталинской Советской России в «Великогерманский рейх» Гитлера. Воспоминания о детстве и юности (1926–1945). С послесловием Карла Аймермахера / Перевод В.А. Брун-Цехового. – (Серия «АИРО – первая публикация в России») – М.: АИРО-XXI, 2012. – 480 с.
- В.В. Агеносов.* Избранные труды и воспоминания. – М.: АИРО-XXI, 2012. – 704 с. + 72 с. илл.
- Г.А. Бордюгов.* Ожидаемая революция не придет никогда. Массовые протесты конца 2011 – начала 2012 года на фоне гражданского противостояния XX века. – М.: АИРО-XXI, 2012. – 176 с.; (Серия «Историческая политика и политика памяти в СССР, РФ и СНГ»).
- В.Э. Молодяков.* Россия и Япония в поисках согласия (1905–1945). Геополитика. Дипломатия. Люди и идеи. – М.: АИРО-XXI, 2012. – 656 с. + 16 с. илл. (Серия «АИРО – Монография»).
- Власть и общество в истории России. Сб. ст. – М. АИРО-XXI. 2012. – 208 с.
- А.Г. Ложкин.* Интервенция, аннексия и советизация во внешней политике СССР: историко-правовые аспекты новейших исследований / А.Г. Ложкин. – М.: АИРО-XXI, 2012. – 416 с. – (АИРО – Монография).
- Синто: память культуры и живая вера. – М.: АИРО-XXI. 2012. – 236 с.
- Г.М. Семенцев.* Донцы. Из истории донского казачества. – М.: АИРО-XXI, 2012 г. – 180 с.
- Н.В. Кравчук.* Загадка Чернобыльской катастрофы. (Опыт независимого исследования). – М.: АИРО-XXI, 2011. – 104 с.
- А.Д. Цыганок.* Военные под Российским флагом: русский взгляд. 1991–1993 / Предисловие С.А. Филатова. – М.: АИРО-XXI, 2012. – 432 с.
- А.А. Куреньшев.* Сельскохозяйственная столица России. Очерки истории Московского общества сельского хозяйства (1818–1929 гг.). – М.: АИРО-XXI, 2012. – 404 с.
- Т.А. Филиппова.* «Враг с востока». Образы и риторика вражды в русской сатирической журналистике начала XX века / Предисловие В.И. Шеремета. – М.: АИРО-XXI, 2012. – 384 с. – (АИРО – Монография).
- А.Н. Соломатин.* Основы подготовки журналистов для работы в районах военных действий и экстремальных ситуациях. Программа курса лекций. Курс апробирован на Отделении журналистики Филологического факультета РУДН в 2011–2012 гг. – М.: АИРО-XXI, 2012. – 32 с.
- А.Д. Цыганок.* Интервенция США и НАТО в Ливии и ее последствия для Сирии, Ирана, Кавказа: русский взгляд / Предисловие М.А. Гареева. – М.: АИРО-XXI, 2012. – 448 с.
- Япония: события 11 марта 2011 года. Итоги и уроки / Рук. проекта Э.В. Молодякова. – М., АИРО-XXI. 2012–224 с.

- А.В. Макутчев.* «Приговор окончательный, обжалованию не подлежит...»: революционные трибуналы в Советской России в годы Гражданской войны / под ред. Г.А. Бордюгова. – М.: АИРО-XXI, 2012. – 256 с. – (Серия «АИРО – Первая монография»).
- Япония 2012. Ежегодник. – М.: «АИРО–XXI», 2012. – 450 с.
- Эльгена Васильевна Молодыхова. К 75-летию со дня рождения. Биобиблиографический указатель. Под ред. Г.А. Бордюгова и И.Л. Тимохиной. – М.: АИРО-XXI, 2012. – 120 с. + 8 с. илл.
- С.С. Михайлов.* Погост Николо-Шатур: История мешёрского прихода. М.: Рус. деревня; АИРО-XXI (Б. тип.), 2012. – 104 с.: ил. Б. тир. (Б-ка альм. «Мещёра-край»).
- Мещёра-край: альм. по истории и культуре Мещерского края / Ред.-сост. С.С. Михайлов; Независимая ассоц. исследователей Зап. Мещёры «Гуслиц. перекрёсток». – М.: Рус. деревня; АИРО-XXI (Б. тип.), 2012. Вып. 2. – 214 с.
- В.Г. Шаповал.* История сел Дунилово и Горицы. От неолита до современности. – М.: АИРО-XXI, 2012. – 208 с. ил. – (Серия «АИРО – Российская провинция»).
- 90 лет СССР. Сб. ст. – М. АИРО-XXI. 2012. – 268 с.
- Федор Крюков.* Православный мир старой России. – М.: АИРО–XXI. 2012. – 200 с.
- Федор Крюков.* Картинки школьной жизни старой России. – М.: АИРО–XXI. 2012. – 328 с.
- Светлана Лурье.* Imperium (Империя – ценностный и этнопсихологический подход). – М.: АИРО-XXI, 2012. – 272 с. – (АИРО – Монография»).
- Федор Крюков.* Эпоха Столыпина. Революция 1905 года в России и на Дону / Предисловие и составление А.Г. Макарова. – М.: АИРО-XXI, 2012. – 362 с.
- Алексей фон Лампе* – военный агент барона Врангеля в Венгрии. Сборник документов. – М.: АИРО-XXI, 2012. – 320 с. – («АИРО – первая публикация»).

2013

- Между канунами. Исторические исследования в России за последние 25 лет / Под ред. Г.А. Бордюгова. – М.: АИРО-XXI, 2013. – 1520 с.
- Фридрих Фирсов.* 34 года в Институте марксизма-ленинизма. Воспоминания историка. – (Серия «АИРО – первая публикация») – М.: АИРО-XXI, 2013. – 480 с. + 32 с. илл.
- А.Ю. Каратеев.* Авиационные инженеры в России и СССР. Подготовка кадров в 1909–1945 гг. / под ред. Г.А. Бордюгова. – М.: АИРО-XXI, 2013. – 368 с. – (Серия «АИРО – Первая монография»).
- Л.А. Посадская.* Советская повседневность в художественных текстах (1920-е – 1990-е годы). (Серия «АИРО – монография»). – М.: АИРО–XXI, 2013. – 184 с.
- Евреи. История по Брокгаузу и Бухарину. – М.: АИРО-XXI, 2013. – 384 с.
- Д.В. Стрельцов.* Япония: политическая модернизация эпохи Хэйсэй. – М.: АИРО-XXI, 2013. – 280 с.
- В.Я. Гросул.* Общественное мнение в России XIX века. – М.: АИРО–XXI, 2013. – 560 с.
- Идущий впереди. К 90-летию Гейдара Алиева. – М.: Вестник Кавказа; АИРО-XXI, 2013. – 368 с.
- Современное медиaprостранство Азербайджана. Под ред. Г. Бордюгова. Предисл. А. Рагимова. – М.: АИРО–XXI, 2013. – 416 с. + 36 с. илл.
- Мещёра-край: Альм. по истории и культуре Мещерского края / Гл. ред. С.С. Михайлов. М.: Рус. деревня; АИРО-XXI (Б. тип.), 2013. Вып. 3. 320 с. – (АИРО – Рос. провинция, вып. 5).

Алексей фон Лампе – военный агент
барона Врангеля в Венгрии.
Сборник документов

Налоговая льгота –
Общероссийский классификатор продукции ОК-005-93, том 2;
953000 – книги, брошюры

ISBN 591022206-6

Научно-исследовательский центр АИРО-XXI
E-mail: andmak@airo-xxi.ru
www.airo-xxi.ru

Подписано в печать с оригинал-макета 21.11.2012
Формат 60×84/16. Усл. изд. л. 20,0
Тираж 1000 экз. Зак. 220т

NO: 2.....

LÉGITIMATION.

Nom: M.Alexis de

L a m p é

Fonction: représentant
militaire russe

est exempté par l'ordonnance du Ministère Royal
Hongrois des Finances No. 158.440/1921. de
l'obligation du paiement de la taxe de luxe perçue,
par voie de quittance de vente sous condition
qu'il munit personnellement de sa signature la
quittance de présentée par le commerçant.

Budapest, le 20 janvier 1922

A. de Lampé

de Section

A. de Lampé

Az igazolvány tulajdonosának sajátkezű aláírása:

Signature du propriétaire:

No: 3.....

LÉGITIMATION.

Nom: Madame Alexis

de L a m p é

Fonction: épouse du repré-
santant militaire russe
Alexis de Lampé

est exempté par l'ordonnance du Ministère Royal
Hongrois des Finances No. 158.440/1921. de

A. de Lampé